россия в мемуарах

"ОХРАНКА"

Воспоминания руководителей политического сыска

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В воспоминаниях начальников Московского охранного отделения П.П. Заварзина и А.П. Мартынова, начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова и директора Департамента полиции А.Т. Васильева подробно описана «кухня» российского политического сыска конца XIX — начала XX веков, даны характеристики его ключевых фигур (С.В. Зубатов, Е.П. Медников, М.И. Трусевич, С.П. Белецкий и др.), рассказано об убийствах Плеве, Сипягина, Столыпина, Распутина, о нашумевших делах Гапона, Азефа и др.

Все представленные в сборнике мемуары (за исключением книги Герасимова) впервые публикуются в России, а книга Васильева вообще впервые выходит на русском языке.

В аннотированном именном указателе справки о жандармах подготовлены на основе служебной документации жандармского корпуса.

- «ОХРАНКА»
  -
  - П.П. Заварзин
    -
    - ПРЕДИСЛОВИЕ
    - Глава 1. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
    - Глава 2. ПЕРВЫЕ ШАГИ
    - Глава 3. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ
    - Глава 4. ОБРЕЧЕННЫЙ МИНИСТР
    - Глава 5. «ОХРАНКА»
    - Глава 6. ЕВРЕЙ
    - Глава 8. ИЗ ДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА
    - Глава 9. АРМЯНКА
    - Глава 10. КРАСАВЕЦ
    - Глава 11. НЕМОВА И БОМБЫ
    - Глава 12. КРОШКА
    - Глава 13. ПИСЬМО
    - Глава 14. КОММУНАРЫ
    - Глава 16. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ
    - Глава 17. НАЧАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (Очерк)
  - А.В. Герасимов
    -
    - Глава 1. ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

- Глава 2. ТЕРРОРИСТЫ
- Глава 3. РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ
- Глава 4. ГЕРОЙ «КРАСНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ»
- Глава 5. РЕВОЛЮЦИЯ НАРАСТАЕТ
- Глава 6. РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ
- Глава 7. КАК ВЛАСТЬ ВЕРНУЛАСЬ
- Глава 8. НАШ ВРАГ
- Глава 9. ГАПОН - АГЕНТ ПОЛИЦИИ
- Глава 10. ЗНАКОМСТВО С ЛУЧШИМ ИЗ МОИХ СОТРУДНИКОВ
- Глава 11. В ДНИ 1-Й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
- Глава 12. НОВЫЕ ВСПЫШКИ ТЕРРОРА
- Глава 13. УБИЙСТВО ФОН ДЕР ЛАУНИЦА
- Глава 14. ВРАГ В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ
- Глава 15. ЗАГОВОР СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
- Глава 16. ЗАГОВОР ПОД МОИМ НАБЛЮДЕНИЕМ
- Глава 17. СЕМЬ ПОВЕШЕННЫХ
- Глава 18. СВИДАНИЕ МОНАРХОВ В РЕВЕЛЕ
- Глава 19. РАЗОБЛАЧЕНИЕ АЗЕФА
- Глава 20. АЗЕФ - КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ
- Глава 21. УСПОКОЕНИЕСТРАНЫ
- Глава 22. ТЕРРОРИСТЫ СПРАВА
- Глава 23. ТЕМНЫЕ СИЛЫ
- Глава 24. ЗАГОВОР ПРОТИВ МЕНЯ
- Глава 25. НА ПОКОЕ
- Глава 26. В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

○ А.Т. Васильев

-
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII

- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII

- ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[6]
- Комментарии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

«ОХРАНКА»
Воспоминания руководителей политического сыска
Том 2

Перевод с английского книги А.Т. Васильева «Охрана: русская секретная полиция» *Н.А. Никифоровой*

П.П. Заварзин
Жандармы и революционеры

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд посвящается моей жене Екатерине Прокофьевне Заварзиной

Париж 20 декабря 1929 г.

В России, до революции 1917 года, заметную роль в истории русской государственности играла борьба правительственной власти с различными революционными партиями и группами. Сущность этой борьбы мало известна беспартийной публике, а враждебное к ней отношение революционеров освещало ее тенденциозно и неправильно в широких слоях русского общества.

Вопрос о необходимости такой борьбы разрешается, казалось бы, тем фактом, что невероятное крушение огромной страны, со всеми ее духовными и материальными ценностями, совершено именно теми людьми, против которых в свое время были направлены усилия охранительных учреждений России. Быть может, многие законы в России и были несовершенны, но обязанность розыскных отделений сводилась к охранению существующего государственного строя, а изменение законов лежало на обязанности иных учреждений.

Борьба с различными революционными партиями и группами велась на основании законов, а потому говорить о произволе как основе деятельности исполнительных органов не приходится. Но не в защите или критике моя задача. Я хотел бы, по опыту и воспоминаниям, изложить сущность того, что еще так недавно вызывало пристрастную критику революционных и левых общественных кругов как в России, так и вне ее.

Весь революционный мир, которому приходилось скрывать большую часть своей деятельности в подполье от преследования власти, зная технику политического розыска, был организован для борьбы с ней и для работы к достижению своих целей. Широкие же круги общества были совершенно в стороне от политической жизни, ею не интересовались или легко поддавались впечатлению, что революционеры не столько опасны для существующего государственного строя, сколько являются жертвами произвола и отсталости. Мало кто вдумывался в то, что розыскной государственный аппарат боролся с очень сильным, организованным и опытным противником, который притом имел то преимущество, что, не стесняясь никакими законоположениями, поставил своего врага вне закона, тогда как

охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках, предусмотренных законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидеть всех особенностей такой борьбы.

При Временном правительстве, в 1917 году, двери секретных учреждений были для всех настежь открыты, но и тогда имевшиеся в них данные были использованы преимущественно революционерами, и в особенности коммунистами. Последние поэтому в совершенстве ознакомлены со всеми розыскными приемами, и «секреты», изложенные в моих очерках, явятся таковыми главным образом для беспартийной массы читателей. Меж тем при современном росте коммунизма, каждому некоммунисту полезно некоторое знакомство с розыскной работой, ибо часть интеллигенции и буржуазии всего мира уже вошла в сферу наблюдения коммунистов, раскинувших сети розыска и осведомления от центра в Москве до коммунистических ячеек по всем странам земного шара.

Ко дню революции я имел уже почти двадцать лет службы в Отдельном корпусе жандармов и в должностях начальника розыскных отделений в Кишиневе, Гомеле, Одессе, Ростове-на-Дону, Варшаве, Москве и других местах, что дает мне возможность ознакомить читателя с теорией и техникой розыска.

Относиться к розыску можно различно, но отрицать его необходимость приходится ныне менее, чем когда-либо, почему он и существует во всех государствах Старого и Нового Света без исключения. Смешение понятия о розыскных органах, бывших в России до революции, с большевистской Чека и нелепость выводов о тождественности этих учреждений заставляет меня остановиться и на этом вопросе.

Под понятием «политический розыск» подразумеваются действия, направленные лишь к выяснению существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся различных выступлений как то: убийств, грабежей, называемых революционерами «экспроприациями», пропаганды, шпионажа в пользу иностранных государств и организации всевозможных выступлений, нарушающих порядок и экономическую жизнь страны. Розыск по политическим преступлениям одно, а возмездие по ним совершенно другое, почему никаких карательных функций у политического розыска не было, а осуществлялись они судебными или административными инстанциями. Чека же является универсальным учреждением розыска, дознания, вынесения приговоров и приведения их в исполнение. Фактически Чека даже не учреждение для осуществления означенных функций, а просто партийное постановление, имеющее целью террор как средство

уничтожения буржуазии, кадрового офицерства и, в частности, офицеров Отдельного корпуса жандармов, из коих в живых осталось менее десяти процентов. Что же касается смертных приговоров до революции, то они выносились судом всегда за преступления, связанные с убийствами, причем приведение их в исполнение производилось тоже без участия и даже ведома розыскных органов.

Вообще, роль чинов Корпуса жандармов была значительно менее той, которую им приписывали, и деятельность розыскных органов заканчивалась гораздо ранее самого решения дела.

Во всяком случае, злой воли и злоупотреблений со стороны руководителей розыскных учреждений не констатировано даже следственной комиссией Временного правительства. Продолжавшееся несколько месяцев изучение этой комиссией агентурного и другого материала, находившегося в Департаменте полиции и в подчиненных ему органах, не дало никаких улик, которые могли бы послужить основанием для привлечения к судебной или иной ответственности хотя бы одного жандармского офицера. Это обстоятельство настолько веско, что обвинение розыскных органов в злостной провокации и прочих преступлениях лишается даже тени обоснованности.

В заключение можно провести полную аналогию между беспомощностью русской государственной власти в борьбе с революционерами и слабостью власти культурных государств почти всего мира в борьбе с коммунистами. Коммунисты бьют по головам, выворачивая все препятствующее им, как ураган вырывает деревья с корнями, тогда как правительства, нанося удары периферия, оставляют и даже охраняют очаг коммунизма в лице коммунистического правительства СССР, являющегося исполнительным органом III Интернационала[1].

П. Заварзин
Париж
1929

Глава 1. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Как и все офицеры Отдельного корпуса жандармов, я начал свою службу в строевой части, где скоро обстоятельства столкнули меня с тем особым миром, в котором мне было суждено провести впоследствии почти 20 лет, сделавшим меня близким свидетелем событий крупного значения.

Государева рота 16-го стрелкового Его Величества полка в августе 1894 года получила приказ отправиться в Ливадию, Крымскую резиденцию Государя. Полк этот входил в состав 4-й стрелковой бригады, покрывшей себя славой в Русско-турецкую войну{1}, заслужив название Железной Бригады. Квартировала бригада в Одессе, а во время пребывания царской семьи в Ливадии наша рота, которой Государь состоял шефом и числился в ее списках, несла внешнюю охранную службу дворца. Ротой в то время командовал капитан Сперанский, а пишущий эти строки был в ней командиром полуроты.

Нам было известно, что у Императора Александра III болезнь почек и что по предписанию врачей он должен провести некоторое время на юге.

Пошли приготовления к предстоящей ответственной службе: усилились строевые занятия, производилась проверка знаний солдат и умения их давать правильные ответы на предлагаемые по воинским уставам вопросы, осматривалось оружие, прилаживалось снаряжение, парадные мундиры и проч.

Наконец настал день выступления. После молебна на полковом дворе предшествуемая знаменем рота, с хором полковой музыки, двинулась к гавани для посадки на пароход. Молодцевато проходили стройные ряды стрелков; их молодые цветущие лица невольно привлекали внимание прохожих, вызывая похвальные отзывы. Рядом, зная свое место, бодро бежала ротная собачка Жучка, неизменный спутник роты и любимица солдат. Наконец посадка на пароход, последние приветы толпы провожающих, и под звуки народного гимна пароход ушел в спокойное море, отражавшее молочным цветом раннее прохладное утро.

На рассвете следующего дня мы пристали к молу Ялтинской бухты. Как красив вид на Ялту, приютившуюся на берегу дугообразного залива, с ее белыми зданиями и полутропическими садами, над которыми стройно высились пирамидальные темные кипарисы! Сквозь зелень садов видны дворцы Ливадии. Несмотря

на ранний час, на набережной было много народа, пришедшего нас встретить. Своеобразна ялтинская толпа. Смесь типов и одежд, от петербургских и московских модниц в парижских туалетах до смуглых татар в их пестрых нарядах и круглых каракулевых или шелковых шапочках, а также татарок, прикрытых чадрой, из-за которой блестят плутовато любопытные черные глазки.

Под звуки полкового марша мы бодро двинулись по дороге к Ливадии; настроение наше было приподнятое. Увы, мы не предполагали, что в это ясное радостное утро мы вступим в дворцовые казармы, чтобы быть свидетелями тяжелой драмы, значение которой было так велико не только для России, но и для всей Европы.

Государя еще не было, но все было полно его ожидания. В Ливадию уже прибыли некоторые лица, на которых лежала забота о безопасности и покое Царя. Мне, как строевому офицеру, была известна в точности лишь схема войскового охранения; однако, будучи назначен для связи с администрацией, я мог составить себе впервые представление и о другом роде специальной охраны, осуществляемой жандармами и полицией. Войсковая охрана была распределена так: дежурная полурота окружала цепью всю усадьбу и парк ливадийского дворца. Роты нашего полка было недостаточно для несения этой службы, а потому мы были усилены ротой, несшей постоянный караул в Ливадии, и эскадроном Крымского конного дивизиона, рассылавшего разъезды в более отдаленные районы и на шоссе. Непосредственно вокруг дворца стояли чины сводно-гвардейского полка, а в покоях — Собственный Его Величества конвой, комплектуемый из терских и кубанских казаков. Кроме того, дворцовая полиция охраняла наружный порядок на территории резиденции и была в связи с местной уездной полицией.

Кроме охраны непосредственно самого дворца обеспечивалась и безопасность вдоль пути следования Императора. В городе осматривались все постройки, подвалы и другие сооружения. Эта мера была вызвана памятью о подкопе революционеров Кобозева и других с целью покушения на жизнь Императора Александра II в Петербурге. Кроме того, особенное внимание естественно было обращено на приезжих, жителей Ялты и ее окрестностей.

Все вновь прибывшие были обязаны тотчас по приезде заявлять о том в полицию; паспорта их проверялись, и о личности их наводились справки в Департаменте полиции, располагавшем сведениями о всех заподозренных в политическом отношении во всей империи. По выяснении политически неблагонадежных

элементов их высылали или же учреждали за ними наблюдение в зависимости от серьезности имеющихся о них сведений.

Настал ожидаемый день приезда Императора; он пришелся в прохладную, сырую погоду. Стрелки в парадных мундирах, щеголяя своим любимым малиновым прибором, построились у нового дворца в ожидании Государя. Как теперь, вижу перед собою образцовый порядок строя, бодрые лица, горящие от волнения, что было свойственно военному тех времен при лицезрении своего Царственного Вождя.

Вдали, со стороны города, послышался приближающийся, как перекаты грома, гул многотысячной толпы. Население приветствовало Государя несмолкаемым «ура». Еще несколько минут, и ко дворцу ровной рысью подъехала открытая парная коляска с Императором и Императрицей. «Смирно! Слушай на караул!» — раздалась команда командира роты. Быстрой тенью промелькнул прием ружей, взятых на караул, и сосредоточенные лица обратились к правому флангу, у которого остановился царский экипаж. Государь был в генеральском пальто. Первый взгляд на это открытое, с ярко выраженной твердой волей лицо обнаруживал тем не менее, что внутренний недуг подрывает могучий организм. Необычайна для Государя была его бледность и синева губ.

При виде войск первым движением Царя было снять пальто, как этого требовал устав, если парад представляется в мундирах без шинелей. Мы видели, как в тревоге за состояние здоровья своего супруга Императрица хотела его остановить, но послышался твердый ответ: «Неловко!» — и Государь в одном сюртуке подошел к роте На левом фланге представился поручик Бибер, назначенный ординарцем к Императору. Тот самый Бибер, который впоследствии командовал своим родным полком и пал смертью храбрых в бою с австрийцами в Великую войну.

— Здорово, стрелки! — прозвучал громкий, низкий голос, за которым последовал дружный ответ солдат. Медленным шагом Государь обошел фронт, оглядывая его тем взглядом, под которым каждому казалось, что Царь только на него и смотрит. Когда рота прошла под звуки музыки церемониальным маршем, мы услышали похвалу: «Спасибо, стрелки! Славно!» .. Ни у кого из нас, конечно, не зарождалось мысли, что это был последний привет Царя строевой части...

Началось самое несение охранной службы. Офицерам приходилось руководить расстановкой постов, давать указания и совершать непрерывную проверку постов ночью и особенно перед рассветом, когда легкий ветерок, предвестник близкого утра, так неудержимо влечет ко сну. Но бывали и свободные часы, когда

офицеры ходили в город или навещали друг друга и своих знакомых.

Всей охраной ведал генерал-адъютант Черевин, но так как он питал полное доверие к начальнику дворцовой полиции жандармскому полковнику Ширинкину, то последний являлся фактическим руководителем этой службы. Он был первым жандармским офицером, с которым мне пришлось в моей жизни познакомиться. Ему было лет 50. Общительный, энергичный и проницательный, он был предан своему делу и служил идейно, так как располагал независимыми материальными средствами и получаемым содержанием не интересовался. Министр Двора, граф Воронцов-Дашков, настолько ценил Ширинкина, что впоследствии пригласил его к себе помощником на Кавказ, в бытность свою там наместником. К нам, офицерам, Ширинкин относился с тою несколько покровительственною любезностью, которая свойственна лицам, твердо стоящим на высоком посту. Он часто приглашал нас к себе на обед или поиграть в карты и был хлебосольным и радушным хозяином. Мир, собиравшийся у Ширинкина, был для меня совершенно новым и поражал особенностью взаимоотношений, необычных для строевого офицера. Здесь бывали помощник Ширинкина князь Туманов и некие Романов и Александров, в отношении Ширинкина державшие себя как младшие, но называли его по имени и отчеству, конечно, на «вы». Ширинкин же говорил им «ты», обращаясь фамильярно. За столом они сидели наравне со всеми, но были молчаливы. Странность отношений и другие наблюдения в течение нескольких моих посещений Ширинкина раскрыли причастность Романова и Александрова к секретной агентской службе. Это были преданные долгу и способные люди, вышедшие из среды нижних чинов гвардии, что, впрочем, не было исключением в России. Они служили в дворцовой полиции как старшие по наблюдению. Из них более выделялся Александров, которого можно было часто видеть изящно одетым на прогулке верхом или беспечно сидящим в лучших ресторанах за газетой, с сигарой в зубах; обращение его с нами, офицерами, было чрезвычайно предупредительно, и он всегда первый приветствовал нас. Однако вскоре мы усмотрели в нем «наблюдателя», с которым надо быть начеку. Притом и многие обыватели стали догадываться, что Александров собирал секретно различные сведения.

У меня особенно запечатлелось в память мое последнее посещение Ширинкина. Однажды, когда мы после обеда у него целой группой переходили в гостиную, я неожиданно оказался вдвоем с хозяином, который после нескольких фраз стал вдруг

расспрашивать меня о нашем новом командире полка полковнике Фоке; его выражения ясно указывали на то, что ему нужны о нем сведения. Дело в том, что сменивший прежнего командира полковника Саблина полковник Фок, впоследствии защитник Порт-Артура, прошел сложную карьеру. Он был жандармским офицером, но в Турецкую войну возвратился в полк, получил Георгиевский крест и уже более не покидал строя. Его горячее увлечение нарождающимся тогда взглядом на необходимость развития инициативы и самостоятельности солдата создало ему репутацию «вольнодумного чудака». Я насторожился и официально ответил Ширинкину, что полковник Фок, прославленный шипкинский герой, георгиевский кавалер, успел уже приобрести полное уважение подчиненных. Расстались мы в этот раз с полковником сухо, а при ближайшей встрече с Фоком я доложил ему о своем разговоре с Ширинкиным; Фок рассмеялся и сказал: «Неумело Ширинкин хотел использовать вас, юного офицера, как осведомителя обо мне».

Очевидно, однако, что все эти незначительные впечатления поглощались главным образом фактом близости Государя и нарастающей тревогой о состоянии его здоровья. В начале своего пребывания больной чувствовал себя бодрее и от поры до времени с Государыней выезжал в экипаже в ливадийский парк. Проезжая мимо дома управляющего Ливадией, генерала Евреинова, они останавливались побеседовать с ним и его семьей Государь любил домашнюю кухню, и иногда Евреиновы готовили его любимые русские кушанья. Однажды во время такой прогулки Царь выпил квасу; встретивший его при возвращении домой профессор Захарьин, в обычной ему резкой форме, спросил: «Кто вам разрешил пить квас?» Александр III, несмотря на свою обычную простоту в обращении, не выносил, когда беседовавшие с ним забывали, что говорят с Императором. Так и в этом случае его покоробило, и он сухо ответил: «Не волнуйтесь, профессор, квас выпит с Высочайшего разрешения».

Отличительной чертой Александра III была прямота и ясная определенность в выражениях, за которыми чувствовалась твердая воля. Кроме умения избирать себе сотрудников он умел и дорожить ими, почему они и работали с ним многие годы Александр III не легко давал, но и не легко отымал свое доверие. Из его ближайших сотрудников мне пришлось видеть министров Победоносцева{2}, Витте, Ванновского, Делянова и других, а по дворцовому ведомству — генерал-адъютантов: графа Воронцова-Дашкова, Рихтера и Черевина. Все приехавшие или находившиеся в Ливадии лица носили видимую печать озабоченности, заметную даже для нас, зрителей со стороны.

Надо отметить, что в характере и обращении Государя было так много обаятельного, что пережившие его сотрудники постоянно хранили о нем благоговейную память. Достаточно ознакомиться с записками некоторых из них, как, например, с воспоминаниями графа Витте в той части, где он говорит о своей службе при Александре III, чтобы убедиться в этом.

Александр III, как известно, был отличный семьянин, однако несколько деспотичный. Дома образ жизни его был более чем скромный; он любил музыку, литературу и театр До своей болезни он также любил физический труд и считал для себя полезным заниматься, например, рубкой и распилкой дров. Государь был расчетлив и всем старался подавать пример бережливости и экономии, которых требовал и в государственной жизни.

Александр III сам участвовал в Турецкой кампании, командуя корпусом особого назначения, и в сознании его неизгладимо запечатлелись все ужасы и бедствия войны для воюющих сторон Со свойственной ему твердостью вследствие этого вся его внешняя политика свелась к обеспечению мира, как для своего, так и для чужих народов. Убедить его в необходимости войны было невозможно. Известен его ответ Бисмарку, старавшемуся склонить его к вмешательству в балканские осложнения: «Даже за все Балканы я не дам ни одного солдата». Историки уже отметили, что Россия при Александре III достигла исключительного значения в европейской политике и что как-то сказанная Императором в шутливой форме фраза «Когда русский Император удит рыбу, Европа может и подождать» была определением действительного положения России. На самом деле, при Александре III дела никогда не задерживались; редко можно было встретить человека более трудолюбивого и вникающего лично во все, что касалось управления огромной империей, чем он. Многие считают Александра III ретроградом, вернее было бы сказать, что этот чисто русской души человек, свидетель трагической смерти своего отца, считал, что России нужна прежде всего твердая рука и еще многие годы постепенного развития, прежде чем либеральные учреждения могли бы быть введены в нее без опасности крупных осложнений.

В описываемый мною период в Ливадию приезжали не одни сановники, вызывались и мировые медицинские знаменитости, как Захарьин и Лейден.

Вокруг дворца начинало чувствоваться что-то угнетающее и зловещее, так как состояние здоровья Государя ухудшалось. Мы больше не видели Царя на прогулках; недуг окончательно приковал его к постели Только раз, перед самою смертью,

Александр III показался на балконе. Это было во время пребывания в Ливадии о. Иоанна Кронштадтского. Глубокое сочувствие вызывала к себе Императрица Мария Феодоровна, отдавшая себя всецело уходу за Государем; ни сестрам милосердия, никому другому она не доверяла больного, и при нем постоянно была только она и камердинер. Тогда же стал живо интересовать всех приезд принцессы Гессенской, невесты Наследника Цесаревича и будущей Императрицы Александры Феодоровны. Мы знали, что приезд этот был особенно желателен Государю, понимавшему безнадежность своего состояния. Когда наша рота, готовясь к встрече гостьи, шла во дворец за знаменем, было отдано распоряжение музыке не играть «под знамя», чтобы не нарушать покоя больного. Узнавши об этом, Государь отменил приказание и повелел музыке играть.

Из этого, как и из вышеописанного случая с пальто, видно, насколько строго Государь относился к исполнению воинских уставов. Почти до последнего дня он принимал доклады министров и, пересиливая себя, вникал в докладываемые ему дела.

Наследник Цесаревич Николай Александрович выехал на встречу принцессы Гессенской в Симферополь и вернулся вместе с нею в экипаже под эскортом Крымского конного дивизиона. Наследника нам, офицерам, приходилось видеть часто — всегда грустного, но внимательного и приветливого. Мы знали, что он образован, знаток русской истории и старины, любит военное искусство, обладает исключительною памятью и знает в совершенстве несколько иностранных языков. В каждом из нас запечатлелся его образ, преисполненный доброты и ясности души, которые сказывались в его взгляде. Только один раз мы видели в нем радостное оживление; это был тот день, когда он подъезжал с невестой к Л ивадийскому дворцу. Молодая принцесса произвела на всех нас большое впечатление: высокая застенчивая красавица, светлая шатенка с большими голубыми глазами и прелестной улыбкой, которая удивительно преображала ее строгие черты лица. Но невольно тут же мысли и переносились к скорбному облику Императрицы Марии Феодоровны, умевшей своим обычным коротким кивком головы выразить необычайную приветливость и с которой мы, издали и вблизи, в то время как бы переживали столь тяжелые для нее дни. Да, не в радостный день входила молодая невеста во дворец, и ей пришлось предстать перед русским народом как бы окутанной траурным флером.

Грустен был съезд всех членов Императорского Дома, среди которых обращал на себя особое внимание Великий князь Михаил

Николаевич, герой и наместник Кавказа.

Хорошо памятен для меня и приезд греческой королевы, русской Великой княгини Ольги Константиновны с матерью Великой княгиней Александрой Иосифовной, этой некогда столь замечательной красавицы даже в среде русского Императорского Дома николаевских времен, славившегося красотой своих членов. Остатки этой красоты были еще заметны и в Великой княгине, но высокомерное, холодное выражение ее лица составляло контраст с выражением приветливой доброты греческой королевы.

На одном пароходе с ними приехал и протоиерей Кронштадтского собора о. Иоанн Сергиев, в чудодейственную силу молитвы которого верили многие, почему и царская семья пожелала .его выписать к одру больного Монарха, учтя, что Александр III, как глубоко верующий человек, найдет утешение в молитвах этого исключительной жизни пастыря. В описываемый мною момент на личности приезжающего в Ливадию о. Иоанна и было сосредоточено внимание многочисленной публики, вышедшей на встречу парохода. Здесь были представители всего высшего общества в изящных нарядах, более скромные обыватели Ялты и простолюдины. Наследник Цесаревич и Великие княжны, встречавшие высоких гостей, отбыли с ними в открытых экипажах в Ливадию; через некоторое время после их отъезда по пароходному трапу сошел на пристань священник в обычной скромной рясе, среднего роста, с изможденным лицом, окаймленным редкой, с проседью бородой. По внешнему виду он ничем не отличался от обыкновенного сельского священника, но поражал в нем покойный, необыкновенно проникновенный взгляд больших серых глаз. «Вот он! Это отец Иоанн Кронштадтский!» — послышалось со всех сторон. Мгновенно вся толпа устремилась к остановившемуся перед людской толпой священнику. Творилась настоящая свалка; все хотели получить благословение, и создался тот обычный психоз толпы, которому одинаково поддаются люди независимо от их среды и воспитания. Полицейский наряд был смят в один миг и самого священника без малого не свалили с ног. Стараясь неторопливо осенить каждого крестным знамением, о. Иоанн с величайшим трудом дошел до экипажа, доставившего его в церковный дом протоиерея ливадийской церкви. Мне не раз пришлось потом видеть отца Иоанна, как в обыденной обстановке, так и во время совершения им богослужения. Его особый взгляд, несколько резкий, твердый голос, спокойная уверенность в суждениях и в то же время редкая доброжелательность в обращении не только располагали к нему, но как-то покоряли, и чувствовалось, что перед вами человек, проникнутый непоколебимой верой. Сила его духовного

воздействия была настолько велика, что, когда отцу Иоанну приходилось молиться у изголовья больных, обычно наблюдалось улучшение. В Ливадии мне впервые пришлось быть на его службе. На ней же присутствовало большинство членов императорской семьи во главе с Наследником. Он внимательно следил за службой о. Иоанна, производившей на него, по-видимому, сильное впечатление. О. Иоанн действительно служил своеобразно: он произносил ясно каждое слово, то понижая, то повышая голос, доходя иногда до выкрика отдельных слов, оттеняя смысл произносимого, так что присутствующие невольно проникались его молитвенным порывом. Следует отметить, что о. Иоанн в Кронштадте ввел общую исповедь, и настроение, которое он создавал у молящихся, было таково, что присутствующие начинали громко каяться и, рыдая, выкрикивали свои преступления, забывая об окружающих; но такой исповеди в Ливадии не было.

Тотчас по приезде командир полка полковник Фок предложил мне пойти с ним к о. Иоанну, просить его отслужить и в нашей роте молебен о здравии Государя. Войдя в гостиную настоятеля ливадийской церкви, мы застали в ней отца Иоанна в мирной беседе с хозяином. Он выслушал просьбу Фока и охотно согласился помолиться со стрелками о Царе, но начал рассчитывать время, так как был уже приглашен многими раньше. Наш разговор был прерван вошедшим без доклада господином. Ему было лет за 60. Высокого роста, худой, с вытянутой вперед шеей, бритый, в больших круглых очках; по непринужденно уверенной манере держать себя в посетителе нетрудно было узнать обер-прокурора святейшего Синода, всесильного тогда Победоносцева. Пожав руку священнику и затем расцеловавшись с о. Иоанном, он, смерив Фока и меня пристальным взглядом, сел в кресло, пригласив сесть и священников. После небольшой паузы, с расстановкой, он сказал, обращаясь к о. Иоанну: «Великая княгиня Александра Иосифовна пригласила вас приехать, чтобы помолиться у одра больного Государя. Скажите, батюшка, выздоровеет ли Государь?» На что о. Иоанн просто и спокойно ответил: «Неисповедимы пути Господни, и не мне, скромному иерею, знать Его святую волю».

После еще нескольких коротких фраз обер-прокурор ушел. Ушли и мы, делясь между собою недоумением, вызванным в нас обоих вопросом Победоносцева.

Лев Толстой, как известно, изобразил Победоносцева в образе Каренина, но при этом следует иметь в виду, что Толстой, не разделяя взглядов Победоносцева, вряд ли мог быть к нему вполне беспристрастным; тем не менее и он в Каренине признает

искреннюю, хотя и узкую, веру...

На следующий день после описанной встречи о. Иоанн служил молебен у постели больного Императора. Около полудня мы, офицеры, собравшиеся вместе, были крайне удивлены, когда прибывший из дворца ординарец передал приказание, чтобы хор трубачей вышел играть на площадку ко дворцу. Кстати сказать, капельмейстер нашего оркестра был некрещеный еврей, получивший за это пребывание в Ливадии Высочайший подарок. Был довольно теплый, солнечный день. Выйдя ко дворцу, мы увидели Государя в тужурке, без фуражки, на балконе. Оказалось, что после молебна больной сразу почувствовал себя настолько бодро, что встал и вышел к столу позавтракать, и еще в течение нескольких часов ему было легче. Прослушав музыку, Государь вошел обратно в дом, и это был последний раз, что мы его видели. Он снова слег, и 20 октября 1894 года Императора Александра III не стало. Я был в этот день в Ялте и оттуда видел, как водруженный на ливадийском дворце императорский штандарт медленно стал опускаться, и одновременно раздался траурный салют пушек стоявшего на рейде крейсера.

Как ни казались все подготовленными к этой печальной развязке, она произвела на всех более удручающее впечатление, чем можно было ожидать. Не только в пределах дворца, но и в городе чувствовалась подавленность. Может быть, богатырский вид Александра III был отчасти причиной, что никому не верилось, чтобы его организм не справился с постигшим его недугом.

«Почил Император — да здравствует Император!»

Такие два исключительной важности события, как смерть одного Императора и восшествие на престол другого, обычно останавливают внимание на втором, отодвигая на второй план скорбное впечатление, вызванное уходом почившего. Но в данном случае траурное настроение и приготовления к похоронам продолжали доминировать, тем более что долгая траурная процессия, проследовавшая по всей России, как бы продлила сознание утраты Царя и затуманила факт восшествия на престол нового Императора и его бракосочетание.

На следующий день после кончины Александра III наша рота с траурным крепом на знамени и блестящих частях обмундирования была выстроена перед дворцом, шла панихида, а за нею молебен о здравии и многолетии вступившего на престол Императора Николая Александровича. Вышел новый Царь, раздались звуки гимна, и Его Величество, поздоровавшись, услышал первый привет как Император от тех же стрелков, на долю которых выпало быть последней воинской частью,

представившейся почившему Императору.

Во дворец прибыли врачи-специалисты для бальзамирования тела, но до нашего сведения дошло, что не удалось произвести этой операции с должным успехом, так как необходимые препараты опоздали и вены были уже тронуты разложением.

Из воспоминаний этих дней передо мною ясно восстает картина перенесения праха из дворца в церковь. В темный осенний вечер два ряда факелов обозначили траурный путь, придавая всему окружающему жуткий колорит Медленно двигался гроб на дубовых носилках, а за ним в полном трауре шла удрученная горем семья. Особенное чувство вызывала Императрица Мария Феодоровна. Даже при свете мерцающих факелов можно было заметить страшную усталость ее и как бы застывшее в горе лицо. Из свиты особенно удрученным казался Черевин.

Я был назначен в первую очередь из числа четырех офицеров, которые должны были, согласно церемониалу, непрерывно стоять у гроба, я видел, как в течение этого времени народ приходил поклоняться праху Императора. Здесь так же, как и во все последующие дни, можно было видеть представителей всех слоев населения, и я не мог не заметить, что в большинстве это была не праздная толпа, а искренно огорченные люди. Многие плакали, у многих было сосредоточенно потрясенное выражение.

Здесь же мне пришлось наблюдать и другое. Естественно, задача охранения нового Императора осложнилась вследствие необходимости допускать во дворец всех обывателей и по возможности меньше их стеснять проверкой и наблюдением. Ширинкин мастерски наладил наблюдение, которое начиналось от ближайших к городу ворот и далее шло до самого гроба. Словом, всюду существовало бдительное око «штатских».

Наш полк прибыл в полном составе из Одессы. Ливадия и Ялта наполнились приезжими русскими и представителями иностранных держав. Прибыл и будущий король английский Эдуард VII.

В сырой и сумрачный день под звуки траурных маршей погребальное шествие через всю Ялту проследовало к пристани, где гроб с останками Царя был установлен на крейсер, и осиротелая Ливадия опустела. Стрелки, в свою очередь, отправились в Одессу, по домам.

В офицерской среде того времени не принято было в собрании говорить о политике, но на этот раз под влиянием пережитых впечатлений офицеры начали говорить о молодом Императоре, которому мы только что присягали, и о его ближайших шагах. Помнится, в одну из таких бесед молодой

офицер, поручик Сомов, сказал: «Так или иначе, но сила власти начнет слабеть, и мы дойдем до конституции, а что она даст России, то ведает Бог. Одни ее жаждут, другие боятся».

Сомов оказался более проницательным, чем, вероятно, и сам это предполагал: сила власти стала слабеть, а желавшие конституции, не справившись с властью, были стерты, а Россия, залитая кровью, оказалась на многие годы обреченной на страдание, позор и полное разорение…

И не прошло 25 лет со дня кончины Императора Александра III, когда узнали о расстреле большевиками в Екатеринбурге Императора Николая II с его супругой и пятью детьми, в том числе и малолетним Наследником. Так закончился период царствования дома Романовых. Историк даст беспристрастный анализ того, чем была Россия раньше и чем стала в руках преступных негодяев и агентов III Интернационала.

Глава 2. ПЕРВЫЕ ШАГИ

14 марта 1898 года, возвращаясь со строевых занятий, я застал у себя телеграмму из Петербурга с вызовом на жандармские курсы. Я удовлетворял всем требованиям, предъявлявшимся к строевым офицерам, для перехода в Корпус жандармов, а именно: по происхождению потомственный дворянин, окончил училище по первому разряду, получил отличную аттестацию из полка и выдержал предварительное испытание при штабе Корпуса жандармов, т.е. написал сочинение на историческую тему и сдал словесный экзамен, который должен был убедить высшее начальство, что офицер обладает необходимым развитием для службы в жандармерии.

Несмотря на то что я сам хлопотал о переводе, полученная телеграмма, ставившая ребром вопрос о перемене полковой службы на службу неизвестную, полную таинственности и ответственности, смутила меня, тем более что общественное мнение в части своей, до дворцов включительно, оценивало службу жандармов не только весьма своеобразно, но даже относилось к ней отрицательно. С нею связывались многие нелепые легендарные представления, как, например, что офицер, поступивший в Корпус жандармов, дает особую присягу, обязывающую его предавать всех, вплоть до своих родителей включительно. Конечно, никакой присяги с переходом в Корпус не давалось, обязательство же бороться с врагами внутренними, так же как и внешними, заключалось в присяге каждого офицера при производстве его в первый офицерский чин. Тем не менее я бесповоротно решил перейти в Корпус жандармов, учитывая, что и там я остаюсь в Военном министерстве, хотя и буду нести службу по Министерству внутренних дел.

Так как я одновременно состоял в стрелковом полку и был офицером в юнкерском училище, то чествовали меня порознь товарищи как по полку, так и по училищу. Проводы были торжественны и тронули меня искренностью и теплыми товарищескими речами. Полковые марши, игранные нашими трубачами, песенники, дружеская обстановка, все это ярко подчеркивало грань с тем миром, куда я уходил, оставляя рыцарскую среду строевой части, с которой я сроднился за 13 лет своей службы в ней Но вместе с тем я не мог не ощущать происшедшего во мне отрыва от офицеров левого направления, отрыва, запечатлевшегося и на последующие годы.

Сырой, холодный Петербург после южного солнца Одессы произвел на меня неприятное впечатление, но суета столичной

жизни, явка по начальству, приобретение учебников и т.д. не оставляли времени для хандры. Был назначен день начала курсов, и мы собрались, в числе 54 человек, в помещении штаба Корпуса жандармов у Цепного моста Слушателями оказались офицеры различных лет, чинов, войсковых частей и образования Были молодые люди и заслуженные сорокалетние офицеры, были окончившие только военное училище, а также и получившие, кроме того, образование в высших учебных заведениях; были офицеры гвардии и армейские. Все занимались одинаково добросовестно, просиживая над книгами до поздней ночи. Судебные уставы, уголовное право, положение о различных службах по Корпусу жандармов отнимали все время, и усвоение их требовало немало труда в течение шести месяцев. Наконец назначены экзамены. Усиливается зубрежка и волнение среди курсантов; экзамен имел большое значение, так как только выдержавшие это испытание переводились в Корпус жандармов и, кроме того, от старшинства баллов зависела очередь для получения лучших вакансий. Я был приглашен выбирать вакансию первым, что означало право на большие политические центры, но, по личным соображениям, я отказался от назначения в Московское охранное отделение и предпочел отправиться в Кишинев, т.е. в захолустье политической жизни империи.

Новому офицеру, только что переведенному в Корпус жандармов, давали обыкновенно место адъютанта управления, где он работал под руководством начальника своего управления в течение двух лет. Оказалось же, что мой начальник, прослуживший двадцать лет на железной дороге, политической работы не знал и интересовался только хозяйственной частью, так что я был предоставлен самому себе, и мне приходилось с самого начала службы самостоятельно разрешать все вопросы. Для начала я решил привести в порядок архив управления, чтобы ознакомиться с революционными течениями на Юге России. Только с 1898 года Кишинев имел постоянную связь с социалистическими организациями Одессы и были там заложены ячейки классовой борьбы, чем занимался Басовский, видный впоследствии социал-демократ, но рабочие тогда еще слабо реагировали на пропаганду и деятельность их ни в чем ярко не проявлялась.

Служба моя в Кишиневе не была продолжительной, так как я был вскоре назначен сначала в Симферополь, а затем на пограничный пункт Волочиск для проверки паспортов пассажиров, проезжающих за границу и обратно.

Жизнь на пограничной станции своеобразна: все интересы и служба приспособлены к приходу поездов. Вот подходит поезд из-

за границы, мелькают австрийские вагоны и чиновники, а публика, передавая паспорта русским жандармам, попадает в огромный ревизионный зал, где тотчас сосредоточивается багаж и все подвергается таможенному досмотру. Любопытна была эта толпа самых разнообразных типов, сословий и одежды. На лицах пассажиров можно было заметить плохо скрываемое волнение за исход осмотра их багажа. Как известно, по-обывательски обман таможни не входил в разряд аморальных действий, а потому даже люди с хорошими средствами и большим положением не стеснялись иногда прибегать ко всевозможным ухищрениям, чтобы провезти без пошлины какие-нибудь пустяки. Особенно отличались дамы и часто можно было с уверенностью сказать, что те наряды, в которых они появлялись в таможенный зал, не могли быть их дорожным туалетом, а были надеты специально за станцию или за две до пограничного пункта, чтобы придать новинкам вид ношеного платья. Вспоминаю случай, когда горничная влиятельного лица, желая провезти беспошлинно будильник, спрятала его под платье в модный тогда турнюр, и каково же было ее положение, когда этот будильник стал неистово звонить на весь ревизионный зал.

Однако жандармам не приходилось осматривать публику и входить в ее счастливые и неудачные таможенные похождения. Пока контролировался багаж пассажиров, мы проверяли паспорта Последние заносились в реестры; фамилии их владельцев проверялись по алфавитной регистрации, куда были занесены все лица, разыскиваемые и отмеченные в циркулярах Департамента полиции. Когда таковые оказывались, они брались тотчас же в незаметное наблюдение филеров, бывших на пункте. О них давались телеграммы в Департамент полиции и по месту следования. Некоторые же арестовывались и препровождались под конвоем в указанные Департаментом города. Наконец, у иных обнаруживались фальшивые паспорта, и такие «нелегальные» направлялись в полицию для выяснения их личности Работа была сосредоточенная и срочная, так как в течение сорока минут нужно было все закончить и дать разрешение для отправки поезда. Вся паспортная и таможенная процедура на русской границе производила неприятное впечатление на иностранцев, но за годы войны они и сами перешли к этой системе

Следует отметить, что в паспортном деле у нас был большой пробел, а именно — на паспорте не требовалась фотография его владельца, что, конечно, весьма облегчало пользование чужими документами

Содействие военной разведке, дипломатическим курьерам, депутациям и т.д. вводило жандармского офицера в общение с

людьми, занимающими большое служебное или общественное положение. Этим я был обязан знакомству со многими интересными лицами. Так я познакомился с известными впоследствии генералом Рузским, бывшим тогда генерал-квартирмейстером Киевского военного округа, ведающим военной разведкой в Австрии. В этом деле я оказывал ему содействие, приобретая секретных агентов, при посредстве которых удавалось получать данные, касающиеся работ на орудийных заводах Шкода, военных узкоколеек, мостов и т.п. По этим делам мне приходилось ездить в Киев и там являться к начальнику штаба генералу Сухомлинову, впоследствии командовавшему округом и бывшему затем военным министром. Он был исключительно привлекательным и доброжелательным начальником и весьма интересовался делом разведки. Впоследствии я бывал у него на дому, где собиралось по воскресеньям большое общество. Эти собрания у Сухомлинова носили непринужденный характер и посещались самыми разнообразными элементами, без различия чинов, званий и вероисповеданий. Было просто и уютно, и все были очарованы гостеприимством генерала и первой его жены, Елизаветы Николаевны. Угощение было более чем скромное и заключалось в сандвичах и чае. Бывал там и Рузский, которому Сухомлинов не особенно симпатизировал. Он производил впечатление человека угрюмого и молчаливого. Сослуживцы считали его человеком честолюбивым и себе на уме. Вскоре он получил повышение и был переведен в Виленский округ.

Странно и печально закончилась карьера и жизнь этих людей. Сухомлинов по должности военного министра был привлечен к следствию и заключен под стражу{3}. Полное бесславие было уделом его последних лет после столь блестящей карьеры. Рузский же, впоследствии главнокомандующий Северным фронтом, прославился удачными операциями в начале Великой войны и получил генерал-адъютантские аксельбанты, а в конце концов был принужден бежать на Кавказ, где был схвачен большевиками и зарублен в числе многих заложников.

Из более ярких проездов через Волочиск припоминается проследование в отдельном поезде персидского шаха{4}. Его встречали по высочайшему повелению свитские генералы и гвардейские офицеры во главе с генерал-адъютантом Арсеньевым. Дан был парадный обед, но шах не выходил из поезда, простоявшего всю ночь на запасном пути на станции, так как шах не мог спать во время движения. Нас поразил тогда окружавший шаха восточный этикет, по которому его министры чуть ли не ползком приближались к своему повелителю и тем же способом

удалялись от него. Этого властелина постигла также незавидная участь: немного времени прошло, и он появился в Одессе после отречения от престола частным человеком.

Вне времени прохода поездов Волочиск замирал и все жандармские и таможенные чины занимались в канцеляриях или отдыхали в ожидании следующих пассажиров.

Пробыв в Волочиске один год, я был переведен в Киевское железнодорожное полицейское управление, на строившуюся железную дорогу. Работы там было мало, почему меня прикомандировали к политическому Киевскому губернскому жандармскому управлению. Там мне пришлось служить под начальством генерала Новицкого, бывшего в свое время выдающейся личностью, но тогда толстым, громоздким и старым, говорившим лишь о прошлом и со злобою о настоящем.

В Киеве впервые пришлось мне участвовать в обыске у политических. Эта обязанность являлась самой неприятной стороной жандармской службы, оставляя тяжелый осадок у руководителя обыска и озлобление или горе позади его в окружающей обыскиваемых среде; горе подчас незаслуженное, вследствие отсутствия в этой среде сочувствия к деятельности какого-нибудь своего родственника или жильца, даже и не подозреваемого ими в революционной деятельности, но подводящего ее на такую крупную неприятность. Бывали случаи, когда обыск открывал глаза родителям и близким на причастность сына или родственника к революционным организациям, приводя их в искреннее отчаяние. Мой первый обыск не принадлежал к числу таковых; косвенно пострадавшим лицом была лишь чужая обыскиваемому женщина, содержательница меблированных комнат. Тем не менее припоминаю ясно все свои переживания этого моего первого обыска.

Как-то осенью приехал в Киев чиновник Департамента Леонид Петрович Меньшиков и, не знакомясь с офицерами, имел продолжительную секретную беседу с генералом Новицким, продолжая затем, от поры до времени, навещать его в конспиративной обстановке. Оказалось, что этот чиновник, присланный Зубатовым, имел в своем распоряжении двенадцать филеров, тоже приехавших с ним из Москвы, состав которых был еще усилен восемью филерами местного управления. В Киеве охранного отделения тогда еще не было. Такие «летучие отряды», составленные из опытных, испытанных филеров, под руководством специалиста по розыску, были созданы Зубатовым, который придавал им большое значение, так как благодаря им мог направлять розыск в разных частях империи и, кстати,

выводить из инертности подлежащие власти на местах. Так было и с генералом Новиц-ким. Чиновник Департамента имел обширные сведения о работе в Киеве образовавшегося там Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, данные о чем поступили к Зубатову из центра, от приехавшего из-за границы секретного сотрудника. Дело было серьезное, но требовало еще выяснения на месте лиц, входящих в организацию, их связей и адресов. Надо принять во внимание, что зачастую в партийной среде работники знают друг друга под псевдонимами, а сведениями об адресах обмениваются редко, причем любопытство в этой области считается не только неделикатным, но даже подозрительным. Вследствие этого секретные сотрудники чаще всего дают лишь приметы, так сказать, «словесный портрет» революционного деятеля, его партийную кличку и иногда место его службы или частых посещений. Затем уже эти агентурные сведения развиваются выяснениями и наблюдениями филеров. Летучий отряд Зубатова также знал, что в Киеве имеется тайная типография, комитет партии, с разветвлениями по губернии и партийное областное бюро — словом, обширная организация. Было очевидно, что наш генерал состарился и не справляется с делом, так как местные сведения были весьма поверхностны и не вполне отвечали действительности. Следовательно, для новоприбывших работы было немало.

По окончании ими этих работ нам было приказано явиться в помещение управления в 11 часов вечера; жандармское управление помещалось в большом казенном здании, в первом этаже; грязная каменная лестница, грязные двери и такие же комнаты, высокие, без обоев, — специфический вид провинциальных казенных учреждений. На лестнице, на ступеньках, сидели городовые, в большинстве дремавшие или тупо смотревшие перед собой. Некоторые курили крепкий скверный табак. Коридор оказался также наполненным городовыми, сбившимися по группам. Их было более ста человек. Воздух душный, смесь человеческого пота, табаку и старой пыли. Я прохожу быстро в канцелярию. Тут спешная работа писарей, пишущих ордера на производство обысков «с безусловным арестом» или «по результатам». Фразы эти обозначают: первая — что виновность обыскиваемого достаточно выяснена как активного революционера, почему он подлежит аресту, даже если бы обыск не дал результатов, вторая — что обыскиваемый подвергается аресту лишь при обнаружении компрометирующего его материала. В канцелярии были собраны все жандармские унтер-офицеры управления, и тут же находилось человек десять

филеров, переодетых городовыми. В кабинетах я застал жандармских офицеров, сидевших в ожидании дальнейших распоряжений. Словом, было собрано все жандармское управление и часть киевской полиции. Освещение слабое... Разговор не клеился, некоторые офицеры уткнулись в газеты, а два молодых штаб-ротмистра сосредоточенно штудировали инструкцию производства обыска и перелистывали устав уголовного судопроизводства.

В отдельном кабинете сидели генерал и упомянутый Меньшиков; последний, как всегда, одетый с иголочки, в форменный фрак, с золотыми пуговицами, в дымчатых очках, непринужденный и выхоленный. Был он когда-то секретным сотрудником, а теперь что называется, «делал карьеру», а в данный момент считал себя центральной фигурой. Впоследствии, когда его карьера не пошла так, как он на то рассчитывал, он счел себя обиженным, выехал за границу и стал писать против Департамента, преступно опубликовывая тайны, которые ему вверялись по службе, и вошел в связь с революционерами{5}.

Наконец принесли ордера и начали их раздавать жандармским офицерам и полицейским чиновникам, с кратким указанием об особенностях предстоящего обыска Затем генерал упомянул, что требуется тщательный осмотр не только квартир, но и чердаков и подвалов, так как место нахождения тайной типографии не выяснено. Тут на губах его мелькнула злорадная улыбка, очевидно по адресу чиновника Меньшикова; причем типография тогда так и не была обнаружена.

Затем генерал сказал, что ликвидация революционных групп производится перед намеченной революционерами уличной демонстрацией, грозящей крупными беспорядками, причем в ней должны участвовать коллективы Российской социал-демократической партии, социалисты-революционеры, рабочие и студенты. От поры до времени Меньшиков наклонялся к уху генерала и, видимо, суфлировал ему, раздражая этим Новицкого, что выражалось в нетерпеливых жестах и движении губ генерала. В заключение было сказано, что весь материал обыска должен быть самим офицером перевязан, надписан ярлык и сдан Л. П. Меньшикову, который и будет находиться до утра в управлении и в случае надобности давать по телефону указания или разрешать сомнения.

Мы начали расходиться, принимая каждый в свое распоряжение назначенных жандармов и городовых. Производилось сто тридцать семь обысков, почему наряды были небольшие — в 3—4 человека каждый. Ко мне подошел городовой и сказал, что он московский филер, назначенный, чтобы указать

мне студента, указанного в ордере без фамилии, за которым он вел наблюдение, дав ему кличку «Хмурый» Фамилию этого студента не удалось выяснить, так как он занимает комнату в квартире, где кроме него проживало еще четыре студента.

Было два часа ночи После душного помещения приятно было вздохнуть свежим ночным воздухом, но тотчас, вспомнив о цели этой ночной прогулки, я вернулся к настроению человека, исполняющего неприятные служебные обязанности. Улицы были пусты, кой-где стояли дремавшие извозчики, впрочем, пришлось идти недалеко. Звоним, звоним несколько раз, прежде чем раздались шаги дворника. С громким ворчанием он приотворяет калитку поздним посетителям, но при виде полиции тотчас подтягивается. Он оказался расторопным, хорошо знающим всех жильцов человеком. Я объяснил ему, зачем мы пришли, на минуту он задумался и сказал: «Стало быть, вам Лебедев нужен, к нему постоянно всякая шушера ходит, блондин косоглазый он». Филер подтвердил эти приметы. Вслед за дворником мы поднялись по крутой темной лестнице на четвертый этаж где он позвонил у одной из дверей. На вопрос женского голоса дворник ответил: «Отворите, дело к вам есть!» Дверь распахнулась, и на пороге показалась полураздетая женщина лет 50 со свечой в руке. Увидев жандарма и полицию, она точно замерла, свеча задрожала в ее руке, и она со страхом впилась в меня глазами. Момент был неприятный. Кажется, свободнее всех чувствовал себя дворник, шепнувший ей имя Лебедева. Она, видимо, несколько пришла в себя и молча указала на вторую дверь направо, к которой быстро направились филер и жандарм с потайным фонарем в руке. Филер быстрым движением приподнял тюфяк у ног спящего на постели человека и вынул оттуда револьвер; жандарм же, так же быстро проведя рукой под изголовьем, посадил Лебедева на кровать. Многие революционеры на случай обыска, собираясь оказать сопротивление, держат заряженный револьвер под матрацем у ног своих, в том расчете, что при внезапном пробуждении человек приподымается и ему удобнее протянуть руку к ногам, нежели к изголовью. Лебедев быстро освоился с происходящим и начал одеваться, не отвечая ни на один вопрос, но рассматривая нас своими действительно раскосыми глазами, пренебрежительно улыбался. Около него сел городовой, которому полагалось следить за всеми движениями Лебедева, так как бывали случаи, когда арестованные вдруг вскакивали и стремительно выбрасывались через окно на улицу или внезапно, вооружившись не обнаруженным еще револьвером, стреляли в полицию или в самих себя. Я следил за производимым обыском и, оглянувшись, заметил, что городовой мирно задремал около

сидевшего все с тем же насмешливо-пренебрежительным видом Лебедева. С утомленными за день службы жандармами и городовыми это случается, почему за ними надо присматривать. Беглый осмотр переписки установил, что Лебедев принадлежал к Партии социалистов-революционеров и являлся членом президиума по организации забастовки и выступления на предполагавшейся демонстрации. Здесь был и набросок трех сборных пунктов.

Составлен протокол, сданы хозяйке на хранение вещи Лебедева, а он отправлен в тюрьму. Дальнейшая его судьба принадлежала уже судебной власти. Непрошеные гости покинули в свою очередь квартиру.

Много лет спустя, после революции и, следовательно, упразднения Корпуса жандармов, мне пришлось на Кавказе встретиться мельком с Лебедевым в продовольственной комиссии. Он был одним из комиссаров Временного правительства, важен, властен и речист, я же — скромный опальный офицер. Я встретился со взглядом его раскосых глаз и прочел в них, что он меня узнает, хотя мы оба и не подали вида. Что он подумал, я не знаю, но мне, признаться, он показался жалок, так как в простейших вопросах выказывал полное невежество и вместо указаний по существу дела разражался трескучими фразами, вроде: «Мы дали свободу народу», «мы уничтожили гнилое самодержавие», «мы будем продолжать углублять революцию», «мы доведем войну до победного конца» и т.д. Победный конец оказался большевиками, которые быстро сократили все свободы, беспощадно истребляя тех, кто не соглашался с их диктаторской властью; особому же их преследованию подверглись социалисты-революционеры, только что столь дружелюбно работавшие с ними как товарищи по созданию революции, а затем и ее углублению. Социалистов-революционеров, так же как «буржуев», стали арестовывать, расстреливать или отправлять в ссылку. Последней участи подвергся и набравшийся было такой важности комиссар Лебедев, вскоре умерший от чахотки в ужасных условиях большевистской ссылки...

Вскоре находившийся в Петербурге нечиновный Зубатов прислал в Киеве заведовать розыском молодого талантливого офицера — штаб-ротмистра Спиридовича, впоследствии генерала, начальника охраны Государя Императора при его выездах.

Спиридович рекомендовал меня Зубатову, который и предложил мне принять Кишиневское охранное отделение. Я согласился и выехал представляться в Петербург.

Глава 3. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ

Опять зима; убранный снегом Петербург. По улицам бегут одноконные санки или несутся просторные сани, запряженные дородными рысаками, под разноцветными сетками. Вот уже четыре года, как я жандармский офицер и приехал теперь явиться по начальству перед принятием Кишиневского охранного отделения. Моим начальником в качестве руководителя розыскной политической работой фактически является не офицер, а чиновник — известный Зубатов. Предварительно я все же должен явиться к своему официальному начальству, военному и гражданскому. В жандармском штабе обычная военная дисциплина, — переполненная приемная, краткие вопросы и такие же ответы, пожатие руки, и аудиенция окончена. Служебных вопросов, по компетенции Департамента полиции, не касались. У штабного начальства к офицерам розыска и к Департаменту полиции было отношение принципиально холодное и отчужденное. Особенно замечалось это, когда командир Корпуса жандармов не являлся вместе с тем и товарищем министра, ведавшим и штабом, и Департаментом одновременно

После посещения штаба еду в Департамент. Здесь обстановка бюрократическая, чинопочитание выражается в поклонах, у некоторых даже с каким-то особым изгибом спины, выразительности для профанов не досягаемой; улыбка — столь же тонкой градации — к старшим, сухое и как-то подчеркнутое надменное или снисходительное отношение — к младшим, особенно к провинциалам. Но, узнав, что я приехал по вызову, чиновник-докладчик стал любезнее и более на равную ногу сослуживца, так как «охранники» считались департаментскими. Департаменту был подчинен весь розыскной аппарат империи, и он являлся ответственен за правильное руководство, подбор служащих для розыскных учреждений и за результаты работы.

В большой полутемной приемной сидело несколько человек в ожидании очереди у директора Департамента полиции. Вспоминается мне совсем юный губернатор, стройный и выхоленный, все время нервно поправлявший ran-стук: «верно, ждет разноса», — подумал я, и действительно, министр Плеве был им недоволен, и губернатору предстоял перевод. Другой же, толстяк, в седых баках, сидел как мешок, как-то несуразно одетый в полицейский мундир; он все время дремал, временами спохватывался, покрякивал и вновь предавался одолевавшей его дремоте. В ожидании очереди я вышел покурить в коридор, где

находился старик курьер, носитель департаментских традиций. Таких курьеров можно было найти во всех казенных учреждениях Петербурга, и они сживались с ними до того, что становились как бы неотъемлемой их принадлежностью и сами считали себя воплощением их. И в самом деле, сменялись министры, сменялись поколения чиновников, беспрерывной чередой проходили перед их глазами посетители и просители, а они, седые и важные, с какой-то им одним присущей фамильярностью, были бессменны, все зная и помня С этой самой почтительной фамильярностью и «мой» курьер взял предложенную ему папиросу, но спрятал ее в портсигар; затем осведомился, откуда я и для чего приехал. Я сказал, что после разговора с директором мне нужно пройти к Зубатову, и просил объяснить, как его найти. На это курьер ответил: «Подымитесь на третий этаж, войдите в комнату, что направо от лестницы, и там сидит такой невзрачный человек в черных очках. Вот эти “черные очки” и будут сам Зубатов». Черные очки! — повторил он и усмехнулся. — А на четвертом этаже тоже черные очки”: это сам Гурович, тоже персона!» Было ясно, что Зубатов не подходил по понятию курьера к типу «персоны» Департамента.

Но вот очередь дошла до меня, и я был принят директором Лопухиным. Лет сорока, высокий, в пенсне, он производил впечатление совершенно молодого человека, несколько сухого Задав мне ряд вопросов, он сказал, что я получу указания от Зубатова, и быстро со мною распрощался.

Как мне было объяснено курьером, я поднялся на третий этаж и, постучавшись в правую дверь, вошел в небольшой кабинет, в котором стояло два письменных стола. За одним сидел полный, румяный блондин с бородкой, а за другим худой, тщедушный, невзрачного вида брюнет, лет 36, в форменном поношенном сюртуке и в черных очках. Я подошел к нему и представился. Это и был Зубатов, а за другим столом восседал Медников, тоже личность, не лишенная интереса. Зубатов просто и приветливо со мною поздоровался, усадил и предложил курить.

— Итак, Павел Павлович, — сказал он, — вы едете в Кишинев. В добрый час. Но сначала вы проведете у нас несколько дней, и мы будем с вами беседовать. Поговорите и с Евстратием Павловичем Медниковым по вопросам наружного наблюдения.

После этого мне пришлось встречаться ежедневно с Зубатовым и беседовать с ним по несколько часов. Тогда же я говорил и с Медниковым, совершенно неинтеллигентным человеком, малограмотным, бывшим филером из унтер-офицеров, употреблявшим простонародные выражения, вынесенные из родной деревни. С первых же слов и объяснений о

технике филерского наблюдения мне стало ясно, что это чрезвычайно тонкий и наблюдательный человек, мастер своего дела, воспитавший целые поколения филеров, отборных и втянутых в работу. Наружное наблюдение неразрывно связано со сведениями, поступающими из революционной среды, почему Зубатов, ведя внутреннюю агентуру в Москве, сошелся с Медниковым и не расстался с ним, получив назначение в Петербург. Они были на «ты», и только характер розыскной работы мог так сблизить двух столь противоположных по культуре и складу ума людей.

Положение Зубатова и вся его личность заинтересовали меня, и я в первые же дни обратился к одному из чиновников Департамента с вопросом, откуда и кто такой Зубатов, на что он ответил, что Зубатов с гимназической скамьи поступил в Московское охранное отделение, сначала в качестве секретного сотрудника, а затем мелкого чиновника, но вскоре обратил на себя внимание своей начитанностью, знанием революционного движения, умением подходить к людям и склонять членов революционных организаций к сотрудничеству в охранном отделении. Он обладал редкой настойчивостью, памятью и трудоспособностью. Высшее начальство Департамента, посещая Московское охранное отделение, усмотрело в этом маленьком чиновнике талантливого, с инициативой человека, который в своей незаметной роли являлся в действительности рычагом охранного отделения, начальником которого он и был вскоре назначен. Через три года он уже стал во главе всего политического розыска в России для осуществления своего проекта коренного изменения всей существовавшей ранее системы политического розыска. Из бесед с Зубатовым мне впервые стала понятна психология розыскной работы и ее государственное значение, способы ее осуществления и цели, как в конкретных случаях, так и в общем ее смысле. Зубатов был фанатиком своего дела, и было видно, что он многое продумал и глубоко изучил вопрос. Мысли свои он выражал так законченно и ясно, что хотя прошло с тех пор более 25 лет, но я и теперь могу воспроизвести их, так они были красочны, интересны и живы. Касаясь задач розыскной работы, он ее разделял на дне части: осведомительную и конкретно-розыскную

«Правительству, — говорил он, — необходимо иметь постоянное полное освещение настроения населения и его общественных кругов, особенно прогрессивных и оппозиционных. Оно должно быть осведомлено о всех организациях и о всех примыкающих к ним лицах. Государственная мудрость должна подсказать тогда центральной власти те мероприятия, которые

уже назрели и которым, следовательно, необходимо войти в жизнь. Жизнь эволюционирует, — говорил Сергей Васильевич, — при Иоанне Грозном четвертовали, а при Николае II мы на пороге парламентаризма». При этом он определенно держался того мнения, что самодержавие олицетворяет суверенитет национальной власти и исторически призвано для благоденствия России и, следовательно, для ее прогресса. Центр идет от общего к частному, дедуктивно, говорил он, что же касается технической работы розыска, то она должна идти от частного к общему — индуктивно. Поэтому все детали по систематизации розыскного материала и его разработке должны быть особенно точны, как в начальной фазе, так и в последующих этапах. Оппозиционное отношение к власти не может быть убито, как равно и революционные стремления, но мы должны делать так, чтобы русло движения не было от нас сокрыто. Надо наносить удары по центрам, избегая массовых арестов. Отнять у тайных организаций типографии, задержать весь их технический и административный аппарат, арестовать местную центральную коллегию — это значит разбить и всю периферию... Он считал, что массовые аресты или аресты по периферии означают неправильную постановку розыскного дела и указывают или на неосведомленность розыскного органа, или на нерешительность власти, которая по тем или иным соображениям не трогает центральных фигур. Зубатов придавал исключительное значение развивавшемуся движению марксизма, доктрины которого затрагивали самые насущные вопросы рабочего класса, в особенности в России. К тому же это движение только в конечном своем итоге намечало захват власти насильственным путем, этапы же: агитация и пропаганда подчас так бледно выражали признаки преступления, необходимые для преследования по суду, что остались без возмездия. Зубатов мечтал бороться с этим движением рационально, созданием здоровой русской национальной организации, которая другим путем подошла бы к разрешению тех вопросов, на которых могла бы иметь шансы революция. Исходя из этого, он остановился на мысли легализации в намеченной им национальной рабочей организации известного минимума политической и экономической доктрины, проводимой социалистами в их программах, но при сохранении основ самодержавия, православия и русской национальности. Министр Плеве сначала весьма заинтересовался этой идеей, и в этом направлении были сделаны серьезные шаги, с привлечением к работе весьма интересных людей. Однако это начинание совершенно провалилось, вызвав нарекания и противодействия во всех

лагерях, начиная от бюрократии и промышленников и кончая, очевидно, левыми и социалистами Первые отрицали жизненность влияния марксизма на русскую рабочую массу, а вторые, естественно, усматривали в этом укрепление существующего строя и считали такое движение для себя нежелательным. Кроме того, организация легализированных ячеек и рабочих сходок вызывала протесты со стороны фабрикантов, особенно иностранцев, усматривавших вмешательство власти во взаимоотношения их с рабочими на экономической почве. На самом деле, такая организация не могла не вызвать необходимости улучшения положения и оплаты труда рабочих. Таким образом, идеи Зубатова остались непонятыми, что и явилось одной из главных причин его выхода в отставку по приказанию того же Плеве.

В своих указаниях о розыскной работе Зубатов особенно подчеркивал, что в общении с арестованными и причастными к политической работе лицами тон раздражения и запугивания совершенно недопустим. Люди, которые идут в ссылку и даже на смертную казнь, на угрозу и грубость реагируют не страхом, а раздражением. Человек не должен выходить из охранного отделения с уязвленным самолюбием. В особенности же он считал, что должны быть продуманы отношения к секретным сотрудникам; эти люди находятся в постоянной опасности, и недопустима со стороны розыскных органов неосторожность, которая могла бы «провалить» их.

Еврейский вопрос он учитывал как временное историческое явление, которое должно разрешиться по примеру западноевропейских государств, т.е. все ограничительные для евреев законы должны отойти в историю.

Выйдя с хорошей пенсией в отставку, Зубатов поселился сначала во Владимире, затем в Москве, ничем не проявляя себя в сфере нашей деятельности. В Москве я встретился с ним шесть лет спустя, состоя в должности начальника Московского охранного отделения. Бывали мы друг у друга как добрые знакомые. Он несколько опустился, и чувствовалось, что он относится к своей отставке как к несправедливой обиде. На грядущее он смотрел мрачно, предвидя, что революция явится гибелью России В этом он был твердо убежден.

Прошло пять лет, и предчувствие Зубатова оправдалось. Сидя за столом, в кругу своей семьи, Зубатов узнал о начавшейся в Петербурге революции лишь на третий день, когда она уже докатилась до Москвы. Задумавшись на один момент, он встал и прошел в свой кабинет, откуда тотчас же раздался выстрел, и Зубатова не стало.

Воспоминания о Зубатове были бы неполны, если бы не упомянуть о близком его сотруднике Гуровиче, которого, как упомянуто выше, департаментский курьер называл «тоже персоной в черных очках».

В одно из посещений мною Зубатова я застал в его кабинете господина, который, жестикулируя, говорил ему о чем-то и громко смеялся. «Познакомьтесь, господа», — сказал Зубатов, назвав господина Гуровичем. Встал огромного роста мужчина, неопределенных лет, темный брюнет; длинные волосы, зачесанные назад, большие усы и бородка, прекрасно сшитая визитка и статная фигура делали его представительным. Однако черное пенсне, крупный нос и в особенности большой рот с мясистыми губами делали его лицо не только неприятным, но даже отталкивающим. Обменявшись несколькими фразами, он пригласил меня зайти к нему в кабинет.

— Михаил Иванович интересный человек, и у него вы можете многому научиться, — сказал мне Зубатов.

Гурович, при разъездах по России именовавшийся Тимофеевым, был когда-то секретным сотрудником, но затем, когда революционеры заподозрили его в предательстве, он перешел на официальную службу в Департамент, постоянно опасаясь мести со стороны партии. Рыжий цвет его волос превратился в черный, что вместе с черным пенсне сильно изменило его наружность. Ему было всегда неприятно, что его принимали за еврея, и он, улыбаясь, говорил: «Никак не выходит у меня румынская наружность». Это было его чувствительным местом. Все вместе взятое выработало в этом человеке подход к людям с заведомой подозрительностью и мнительностью, которые он прикрывал резкостью и холодностью. Тонкий психолог, проницательный розыскной работник, категоричный в своих требованиях и логично подходящий к сложным вопросам, он выдвинулся в ряды заметных чиновников того времени. К жандармским офицерам он сумел подойти с большим тактом, и как техник розыскной политической работы он был популярен. Закончил он свою карьеру в должности управляющего канцелярией политического розыска на Кавказе, причем все доклады его по краю в Петербурге обращали на себя особое внимание. В особенности же проницательно он высказался в обширном докладе, в котором предусматривал возможность того, что Россия из Японской войны может не выйти победительницей, что неминуемо приведет к массовым революционным выступлениям. Он, за год до революции 1905 года, нарисовал в особом докладе такую картину грядущего, так логично к ней подошел, что этот доклад явился для министра Дурново базой

сначала подготовительной работы, а затем и всех его распоряжений при подавлении первой революции. В интимной среде Гурович был приятным собеседником и хлебосольным хозяином. Имел он пристрастие к тонким винам и, обладая средствами, любил посещать хорошие погреба. Никаких угощений он без реванша не принимал и ценил сослуживцев, которые вводили его в свои дома. К этому следует добавить, что в 1905 году он проявил себя до безрассудства отважным человеком, расхаживая по улицам Ростова-на-Дону, где шла перестрелка между засевшими за баррикадами революционерами и казаками.

Познакомившись с Зубатовым, Медниковым, Гуровичем и некоторыми другими лицами из их круга, я с горечью переживал сознание, что эти лица, так далеко стоящие от офицерского и бюрократического мира, призваны организовать и направлять дело государственной безопасности. Действительно, поверхностность, донкихотство и традиции, основанные на различных отвлеченных понятиях, не отвечавшие более действительной обстановке государственной жизни, не дали института работников в этой сфере. Жандармы и те уподоблялись просто слепым, с глаз которых деятели новой формации как бы снимали катаракты. Что же касается армии, флота и аппарата государственного управления, то, вплоть до министров, генералов и адмиралов включительно, были [они], по большей части, людьми политически невежественными, совершенно неспособными составить себе представление о значении революционно-оппозиционного движения в России и о необходимости с ним энергично и целесообразно бороться попутно с разумной эволюцией сверху.

Кончилось мое пребывание в столице. И вот я на вокзале, чтобы отправиться скорым поездом Петербург—Бильна—Одесса в Кишинев. Меня провожают мои друзья — жандармские офицеры, служба которых заключалась в охранении порядка на железной дороге и была далека от политического розыска и всей его сложной ответственности. Среда эта напоминала более строевую часть с присущими ей тенденциями. В ней было много людей со средствами и гвардейских офицеров. Общими симпатиями пользовался полковник Андрей, высокий бритый брюнет лет сорока, педант на службе, остряк среди товарищей и людей дамского общества. Как водится, сначала мы посидели за столом большого вокзального ресторана, и я спрашивал себя, — какую остроту отпустит Андрей по поводу моего перехода на службу по «охранному департаменту», как называл он розыскную службу. Однако все прошло гладко и сердечно. Минут за 15 до отхода поезда Андрей произнес несколько теплых слов и сказал, что

пойдет устраивать мне купе. На перроне его не оказалось, но помощник заявил мне, что веши мои уже в купе № 4 международного вагона. Я вошел в это купе и был удивлен, застав там лежащего под одеялом господина в громадных черных очках. Не обращая на меня внимания, он продолжал читать запрещенный журнал «Освобождение»{6}, издававшийся в Штуттгарте, в Германии. Я был озадачен и начал было говорить, что, очевидно, вышло недоразумение в кассе, но незнакомец плохо закрылся одеялом, так как из-под него торчала нога в сапоге со шпорой. Это оказался Андрей, заявивший, что он пожелал «сделаться Зубатовым, чтобы проверить, как к нему отнесется охранник». Мы рассмеялись, но эта буффонада указывает, как нерозыскные офицеры Корпуса жандармов относились к Зубатову, а «черные очки» являлись как бы символом провокации.

Поезд тронулся, увозя меня в новую жизнь и работу.

По воцарении большевиков жандармы были объявлены вне закона и подлежащими поголовному уничтожению. Андрей оказался в Москве, где он проживал уже в отставке. Несмотря на это, он подлежал аресту и убийству вместе с другими жандармами. Банда матросов во главе с каторжником ворвалась в его квартиру; на грубость матроса Андрей дал ему пощечину и с презрением сказал: «Предатели, подлецы!» Не прошло и мгновения, как приклад каторжника размозжил ему с размаха череп, и он как сноп свалился к ногам стоявшей тут же его жены.

Глава 4. ОБРЕЧЕННЫЙ МИНИСТР

Перед отъездом в Кишинев мне было приказано явиться к министру внутренних дел Вячеславу Константиновичу Плеве. Это было вскоре после кишиневского погрома{7}. Плеве был возмущен, что власти, проявляя бездействие, допустили беспорядки, почему тотчас же были уволены кишиневский губернатор фон Раабе, полицеймейстер Ханженков и начальник охранного отделения барон Левендаль. Вместо них были назначены князь Урусов, впоследствии товарищ министра внутренних дел, а далее член 2-й Государственной думы и опять товарищ министра во Временном правительстве, полицеймейстером — полковник Рейхарт, а начальником охранного отделения — я.

Плеве в кратких, но ясных выражениях дал мне ряд указаний и в заключение сказал:

— Антиеврейские беспорядки в Кишиневе дискредитировали местную власть и осложнили положение в центре. Такие явления совершенно недопустимы. Губернатор и вы должны работать согласованно и всячески ограждать население от всяких насилий...

Несколько сухой, но ясный в своих выражениях и мыслях Плеве производил впечатление человека волевого, твердого в своих убеждениях и фанатика-службиста. Производила впечатление и его представительная наружность высокого пожилого мужчины, с седыми волосами и усами, бритым подбородком, с энергичными чертами лица и проницательными, устремленными на собеседника глазами.

Многие недолюбливали Плеве. Не говоря уже о левых кругах, преувеличенно считавших его олицетворением реакции; не любили его и придворные и высокочиновный Петербург за то, что он не принадлежал к их среде и был неумолимым врагом какой бы то ни было протекции. Кроме того, он представлял собой полный контраст своему предшественнику Сипяги-ну, человеку с большими родственными связями в петербургском свете, которого называли «русским барином». Плеве для большого света был только бюрократом, не считающимся с его обычаями и ревниво оберегавшим свое министерство от посторонних вмешательств и влияний.

Плеве твердо стоял на том, что с революционерами надо бороться, беспощадно нанося удары верхам партий, но вместе с тем считал необходимым вводить в жизнь назревшие изменения законодательным порядком.

Личная охрана министра находилась в руках полковника Скандракова, бывшего начальника Петербургского охранного отделения, и казалось, что была правильно поставлена, хотя Плеве и не придавал ей особого значения, но не изменял раз установленного порядка.

В это же время в Петербургское охранное отделение продолжали поступать сведения, что социалисты-революционеры решили во что бы то ни стало убить Плеве, и действительно, эти данные подтверждались наблюдением, и удалось даже несколько покушений предотвратить арестами. После таких неудач, сопровождавшихся ощутительными потерями в рядах террористов, последние стали изыскивать пути, как бы подойти к намеченной задаче так, чтобы охранить свои замысел от возможного предательства, т.е. действовать скрытно и вдумчиво, не допустив в свою среду неверного человека. По этим соображениям было решено поручать террористические акты лицам, снабжаемым всеми необходимыми средствами, но которые должны были действовать единолично, за свои риск и страх.

На основании этого в Петербург был командирован террорист, фамилию которого знало лишь два члена центрального комитета. Как об этом мне говорил известный в свое время заведовавший за границей политическим розыском Рачковский, заграничная агентура была осведомлена об этом поручении, но не могла выяснить ни личности террориста, ни куда и когда он направлен Не выяснили этого и в Петербурге. Вдруг против петербургского Николаевского вокзала, из номеров «Северной гостиницы» раздался страшный взрыв, которым были повреждены капитальные балки здания и совершенно разрушена комната, в которой среди обломков был найден совершенно обугленный труп человека с обезображенным лицом и оскаленными зубами, сжимающими монету-копейку, очевидно предназначенную для грузика, разбивающего детонатор при метании бомбы

Сейчас же было дознано, что лицо это нелегальное, но кто он в действительности, никому известно не было, в кармане же террориста был найден рецепт лекарства, заказанного им в одной из женевских аптек. По сношению с швейцарскими властями было установлено, что заказавший это лекарство был Покотилов, зарегистрированный с 1908 года как социалист-революционер впервые в Киеве, где я его допрашивал в бытность его еще студентом По наружности он произвел на меня тогда впечатление бесцветного человека, лицо которого было сплошь покрыто хронической экземой.

Дело об этом взрыве дознанием представлено в следующем виде.

В Александре-Невской лавре была назначена панихида по убитому террористом Балмашевым министре внутренних дел Сипягине. Плеве, предполагая присутствовать на этой церковной службе, должен был туда проехать по обычному маршруту, мимо «Северной гостиницы», что и было учтено Покотиловым. Накануне предполагаемого проезда министра Покотилов приводил бомбу в боевую готовность, предполагая бросить ее в экипаж Плеве, но снаряд непредвиденно взорвался.

В 1904 году Плеве был все-таки убит членом Боевой организации социалистов-революционеров Сазоновым. Бомба была брошена в карету министра. ехавшего с докладом к Царю в Петергоф. Произошло это по дороге на вокзал. Революционер хотя и был замечен филерами, но, не будучи сразу заподозренным, успел бросить снаряд. Карета была совершенно разнесена, а тело Плеве превращено в бесформенную массу: мозги, куски мяса, кровь, обломки кареты и листы доклада, все представляло собою картину ужасной смерти. Тут же лежал тяжело раненный революционер с обезображенным лицом и обугленными конечностями. В это время другой соучастник, Сикорский, пройдя городом, направлялся к Неве с целью сбросить в воду бомбу, имевшуюся у него на случай, если бы покушение Сазонова оказалось неудачным. Сикорский нанял лодку под предлогом переправы через реку, но его волнение и выбрасывание по пути какого-то предмета внушили лодочнику подозрение, и он передал Сикорского полиции.

Личность Сазонова оставалась несколько дней невыясненной, пока в больницу не был командирован чиновник Гурович, который, находясь при бывшем в полусознательном состоянии больном в числе больничного персонала. вскоре выяснил личность террориста по отрывочным бредовым фразам.

За бытность мою в Корпусе жандармов погибли от руки террористов три министра внутренних дел: Сипягин, Плеве и впоследствии Столыпин. Что же касается преемника Плеве, Дурново, то он хотя и умер естественною смертью, но по «ошибке», за границей, социалисты-революционеры вместо него убили некоего Миллера.

Возвращаясь ныне мыслью к прошлому, я еще более, чем тогда, поражаюсь, как слабо русская власть реагировала на постоянные, в течение многих лет убийства, совершаемые сначала народовольцами, а затем социалистами-революционерами. Были убиты Император Александр II и ряд сановников. Обычным последствием подобных убийств являлся

уход директора Департамента полиции и начальника Петербургского охранного отделения, причем зачастую преемники их оказывались слабее ушедших. Достаточно было министру или сановнику проявить себя деятельным человеком, чтобы его тотчас убили. Напротив того, либерализм, бездействие власти и отсутствие ясного понимания действительности делали носителей власти неприкосновенными для партий.

Глава 5. «ОХРАНКА»

Так называлось в революционной среде охранное отделение, т.е. учреждение, ведающее политическим розыском.

Приехал я вновь в Кишинев в июле месяце 1903 года За четыре года город разросся, стал чище и наряднее, благодаря массе новых домов, высоких, красивых и удобных. С вокзала я поехал прямо в охранное отделение, которое начал тотчас же принимать от ротмистра барона Левендаля; он не покинул еще Кишинева и нервничал, так как губернатор обещал ему место уездного исправника только в том случае, если в результате ожидаемого процесса об антиеврейском погроме он не окажется виновным в попустительстве. Молодой, цветущий и добродушный, Левендаль увлекался розыском и большую часть времени проводил на службе. Канцелярия его оказалась в образцовом порядке, и в ней было налицо все, что требовалось для розыскной работы: личные дела на каждого подозреваемого в революционной работе в Кишиневе, американский шкаф с карточками всех лиц, проходивших по местным делам и департаментским циркулярам; регистрация фотографических карточек; регистрация дактилоскопическая, с оттисками пальцев политических, по которым удавалось после задержания устанавливать, что арестованный не то лицо, за которое он выдает себя по имеющемуся у него паспорту; сводки сведений филерского наблюдения и отдельно «агентурных сведений», т.е. полученных от секретных сотрудников, и т.д. Кроме того, при отделении была библиотека революционных изданий, каковая пополнялась Департаментом полиции, конфискациями на почте и изданиями, отбираемыми при обысках и на вокзалах.

Я принял также отчетность и совершенно секретные дела, находившиеся лично на руках начальника охранного отделения. Здесь же был и перлюстрационный материал, состоящий из копий интересных писем, тайно вскрывавшихся на больших почтамтах.

Затем мне предстояло принять персонал, который составляет основу розыскной работы, т.е. секретных сотрудников. Поздно вечером, переодевшись в штатское платье, мы пошли на конспиративную квартиру. Было пасмурно и дождливо. Керосиновые фонари тускло освещали улицу, в особенности же было темно, приближаясь к окраине города, где находилась квартира в доме постоянно отсутствующего холостяка помещика. Еще не доходя до дома, я обратил внимание на медленно шедшего впереди нас человека, который, перейдя улицу, останавливался, как бы ища номер какого-то дома.

— Это Яковлев, заведующий филерами, — объяснил мне Левендаль и прибавил, что в последние дни мимо дома, куда мы шли, проходили по несколько раз социал-демократки Любич и Ривкина Ввиду этого он опасается, не выяснена ли наша квартира. Последнее могло угрожать наблюдением за нами, а в особенности за нашими сотрудниками, не говоря уже об опасности оказаться им в западне.

— Кроме того, надо было предупредить недопустимую встречу сотрудников, так как они не должны друг друга знать

Левендаль тихо постучал два раза в окно небольшого провинциального дома, и нам тотчас отворила дверь женщина лет сорока, с приветливым лицом, освещенным тут же стоящей на столе в прихожеи керосиновой лампой. Осведомившись, не я ли новый «хозяин», она поклонилась мне в пояс с тем достоинством, которое умеют вкладывать в этот поклон русские женщины, и сказала: «Добро пожаловать». Подавая ей руку, я спросил, что делает ее муж, и получил ответ, что Головин у черного входа наблюдает, чтобы не произошло встречи сотрудников. Каково же было мое удивление, когда после всего этого в комнате, в которую мы вошли, оказалось два человека, оживленно о чем-то беседующих. Левендаль понял мое недоумение и объяснил, что это двоюродные братья, которые вместе явились в охранное отделение с предложением своих услуг. Сначала они полагали, что будут открыто доносить о том, что узнают о противоправительственной работе.

— Я беседовал с ними несколько раз, — сказал Левендаль, — и убедил, что секретная работа гораздо интереснее и может дать большие результаты, благодаря их связям в рабочей среде. Один из них, под псевдонимом «Тотик», близок к местной социал-демократической группе, а его двоюродный брат «Белый» освещает социалистов-революционеров.

Эти сотрудники были весьма различны и по виду, и по характеру: «Тотик», развитый и вдумчивый, светлый блондин, давал точные и сухие сведения; «Белый» же, смуглый и порывистый брюнет, любил много говорить и фантазировать. Знал мало, но ясно, что наблюдателен и хитер. Розыскной работой они увлекались, и она составляла как бы романтическую часть их жизни мелких ремесленников, со стремлением обнаружить серьезную организацию. «Белый» — по профессии маляр — был унтер-офицером и потому имел право поступить на службу в жандармы, чего он и желал. «Тотик» — печник, решил работать «на пользу правому делу», а затем начал заниматься подрядами.

Оба они интересные сотрудники, подумал я, но их развитие

недостаточно, чтобы пойти далеко в розыскном деле. Расставаясь с ними, я предрешил их разлучить и прибавить им содержание, так как всегда считал несправедливым положение, когда идейные сотрудники получают менее тех, кого приходилось покупать как людей, поступивших в розыск исключительно из-за материальных побуждений.

Видно было, что Левендаль учил их добросовестно. Они не торопясь надели пальто и шапки, внимательно осмотрелись, чтобы ничего своего не забыть, и начали прощаться. Левендаль прошел вперед, отворил дверь и, не показываясь на улицу, осмотрелся по сторонам; видя, что вблизи никого нет, выпустил сотрудников порознь Они тотчас же перешли на другую сторону улицы и скрылись в темноте.

Нам оставалось ждать еще час до прихода следующего сотрудника, когда можно было познакомиться с заведующим квартирой. Левендаль позвал Ивана Онуфриевича Головина и сказал, что Головин писец нашей канцелярии, ранее служил филером в Петербургском охранном отделении. Там, заболев, назначен к нам на юг для поправления здоровья, с указанием его беречь. Вошел человек лет сорока, среднего роста, шатен, с большой шевелюрой, небольшими усами, без бороды. Мы уселись и начали беседовать. Оказалось, что он много видел на своем веку, наблюдая в свое время за видными революционерами: Савинковым, Гершуни, Засулич, Лениным и другими. Теперь он ходит на «работу в город», как он выражался, редко, преимущественно для выяснения лиц и «разговоров» с дворниками и обывателями.

— Головин любит переодеваться и изображать Лекока{8}, — сказал Левендаль, — и хотя это у нас, в политическом розыске, рекомендуется только в исключительных случаях, тем не менее такая работа иногда полезна.

Головин проводил нас в смежную комнату, где в открытом шкафу висела различная одежда: обмундирование жандарма, полицейского, почтальона, железнодорожника, местного крестьянина, рабочего, торговца и лохмотья нищего. В сундуке имелись костыли и маленькая платформа на колесиках, на которую усаживался Головин, изображая безногого бедняка. Наконец, в коробке было несколько тщательно разглаженных париков и бород.

— Жена моя, Марья Капитоновна, — сказал Головин, — подчас одевается торговкой и с корзиной овощей или каких-либо пустяков ходите черного хода на квартиры и заводит знакомства с прислугой интересующих нас лиц.

Впоследствии мне пришлось убедиться, что Головин был

сыщиком-фа-натиком, предприимчивым и опытным знатоком своей профессии. Он принадлежал к разряду тех людей, которые делают все хорошо, обдуманно и законченно, но которых утомляет однообразная, будничная работа. Я настолько ценил его, что позднее перевел его вслед за собою в Варшаву, а затем и в Москву, где его и его жены деятельность была шире и где они работали уже с помощниками.

К слову сказать, что социалисты-революционеры, выслеживая лиц, которых они собирались убивать, пользовались широко переодеванием: извозчиками, торговцами папирос и газет, железнодорожными служащими, офицерами и т.д., словом, так, чтобы меньше обращать на себя внимание наблюдения с нашей стороны. Так они выслеживали министров Плеве, Дурново и Столыпина, адмирала Дубасова, Великого князя Сергея Александровича и других, причем такой слежке особое значение придавал террорист Савинков — писатель-революционер и видная персона в рядах Временного правительства. Перейдя в лагерь большевиков, он вынужден был лишить себя жизни, как отверженный старой средой и не принятый новой.

Пока мы беседовали с Головиным, вошел третий сотрудник, по псевдониму «Солдат». Он пришел с опозданием. Маленького роста, брюнет лет 25, одет с претензией на элегантность, в золотом пенсне. Манерно раскланявшись, он уселся развалившись и заявил, что он был социал демократом и имеет большие связи в еврейской социалистической среде и связал розыскную работу Кишинева с Одессой. С первых же фраз чувствовалось, что не Левендаль руководит им, а наоборот, что недопустимо и влечет обыкновенно за собою крупные осложнения, до провокации включительно. Притом оказалось, что «Солдат» легального заработка не имеет и черпает средства к жизни исключительно из охранного отделения, не маскируя получение денег каким-либо показным занятием.

— Нагл, ленив, скрытен и самонадеян, — сказал я Левендалю после ухода «Солдата», но должен был добавить, что безусловно полезен, хотя может «провалиться», если его заподозрят в источнике его средств к существованию.

— Да, деньги он любит, — ответил Левендаль.

Оказалось, что он был в тюрьме, когда заявил, что желает работать в охранном отделении, но тут же потребовал указать, сколько ему будут платить.

— Он знает себе цену и меня эксплуатирует, — заметил Левендаль, подтверждая вполне этим правильность моего первого впечатления о ненормальности отношений между ним и «Солдатом».

Наконец пришел и четвертый сотрудник, работавший под псевдонимом «Малый». Грязный, молчаливый ремесленник-слесарь, уже с проседью Многосемейный, нуждающийся еврей, не стесняемый никакой моралью. Он случайно вошел в связь с анархистами, но, взвесив, что, с одной стороны, это может повлечь за собою ответственность, с другой же, что на этом деле можно подработать, он пошел в полицейский участок, откуда пристав направил его в охранное отделение. Неразговорчивый, растягивающий сведения на несколько свиданий, он был малополезным и трудным человеком. Этот тип часто встречается в рядах сотрудников «низов».

Для свиданий квартира была удобной, с двумя выходами, но несколько отдалена от отделения, что затрудняло быстрое с ней общение в случае поступления экстренных сведений. Час ночи. Мы вышли, и нас охватила сырая, темная ночь, а Яковлев продолжал находиться на улице, оберегая нас.

На другой день мы пошли в «сборную», где в десять часов вечера собирались филеры. Их оказалось двенадцать человек, уже втянутых в работу слежки, все люди развитые, здоровые и бодрые, как то требовалось инструкцией.

Крупные охранные отделения, как Петербургское, Московское и Варшавское, представляли собою учреждения с гораздо большим составом служащих в канцелярии, в филерской команде и пр. В них было, естественно, и большее число секретных сотрудников, так называемых «агентов внутреннего наблюдения», причем некоторые из них освещали верхи партий, как революционных, так и оппозиционных. Было также по несколько конспиративных квартир, но в основании те же отделы, о которых говорилось выше. Кроме того, при этих отделениях были и собственные конные дворы, которые наряжали для наблюдения извозчиков, причем кучер, очевидно, был филером Затем там же были команды так называемых надзирателей, которые занимались исключительно выяснением наблюдаемых путем бесед с дворниками, обывателями, осмотром домовых книг и пр.

Итак, отделение было принято, и мне с первых же шагов пришлось озаботиться приобретением более интеллигентной агентуры для освещения надлежащим образом местного общества, в смысле уяснения существовавших в нем оппозиционных, революционных и юдофобских течений. Только эта мера могла оградить меня от повторения судьбы моего предшественника, который, слишком сосредоточившись на освещении низов революционных партий, оказался неосведомленным в подготовлявшемся кишиневском погроме.

Через несколько дней по моем окончательном вступлении в

заведование отделением ко мне явился сотрудник «Белый» и сообщил, что у «эсеров» (социалистов-революционеров) состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос о создании партийных ячеек в промыслах и на заводах Тогда же некий «Михаил» поставил вопрос, «скоро ли у нас будет литература и прокламации?». «Михаил» высокого роста, брюнет, лет 30, прихрамывающий на левую ногу. Ответил ему «Николай», маленького роста, лет 25, блондин, в очках: «Все своевременно будет! — И тут же добавил: — Кстати, Михаил, мне надо с вами встретиться, заходите туда». Фамилий этих лиц «Белый» не знал, но слышал, что «Михаил» служит приказчиком в галантерейной лавке на Александровской улице, против собора. В тот же вечер филеры взяли в наблюдение приказчика галантерейной лавки, похожего по приметам, данным сотрудником «Белым», и, давши ему свою кличку «Хромой», проследили его до дома № 17 по Немецкой улице. Утром «Хромой» пошел в упомянутую лавку, и таким образом отделение установило, что в наблюдении под филерской кличкой «Хромой» находится революционер «Михаил».

Наблюдение продолжалось, и через два дня «Хромого» «проводили» из магазина на Буюканскую улицу, по которой он стал терпеливо прохаживаться, пока, наконец, к нему не подошел маленький блондин в очках. Последнему филеры дали кличку «Карлик»; оба пошли вместе, соблюдая все свойственные революционерам предосторожности чтобы убедиться, что за ними не следят «шпики», как на революционном жаргоне назывались филеры. Не заметив ничего подозрительного, «Хромой» и «Карлик» вошли в дом № 30 по той же улице. Там, очевидно, была квартира «Карлика», так как он более из этого дома не выходил, тогда как «Хромой» вышел приблизительно через час и отправился к себе домой. Таким образом, квартиры обоих революционеров были выяснены, и дальнейшее наблюдение позволило установить ряд лиц, находившихся в сношениях как с «Хромым», оказавшимся Левиным, так и с «Карликом», который оказался Николаем Петровичем Шащеком. Тогда же были выяснены фамилии и других наблюдаемых лиц. Сотрудник «Белый» заболел, и потому, что делалось в группе, мы не знали, но через несколько дней филеры «проводили» «Карлика» на Соборную площадь и издали наблюдали за его встречей с неизвестным лицом, беседа с которым продлилась около трех часов Наконец они отправились по конке (трамваю) на вокзал и взяли там, очевидно, ранее сданные на хранение два чемодана, один легкий, другой же тяжелый. Взяв извозчика, они поехали на Буюканскую улицу № 30, куда Шащек внес тяжелый чемодан, в то время как его спутник, прозванный филерами «Приезжий», ждал

его на извозчике. Шащек скоро вышел и поехал вместе с «Приезжим» в гостиницу по Михайловской улице.

Этот тяжелый чемодан оказался предательским для его обладателя. Через несколько дней он был взят из квартиры Шащека его сожительницей «Смелой» и отвезен в г. Бендеры, где впоследствии был произведен обыск, обнаруживший складочную квартиру революционного материала, оружия и литературы Партии социалистов-революционеров и типографского шрифта. Одновременно была арестована и вся группа.

Ликвидацией более всех был доволен «Белый», так как благодаря его болезни он остался вне подозрений. После этого дела ликвидации были бледные и сводились к задержанию сходок и отдельных лиц. Но весь Кишинев находился в приподнятом настроении, так как начался наделавший столько шума процесс.

С формальной стороны обвинялось в грабеже и насилии несколько типичных уличных хулиганов, в действительности же процесс выявлял столкновение двух политических крайних течений, которые взаимно обвиняли друг друга; острие речей гражданских истцов было направлено на русское правительство и его агентов. Защитником обвиняемых выступил известный юдофоб, присяжный поверенный Шмаков, гражданские же истцы были представлены целым созвездием тогдашней адвокатуры и политического левого мира. Во главе их красовалась львиная голова Карабчевского, а за ним такие крупные величины, как Винавер, Грузенберг, Зарудный (впоследствии министр юстиции Временного правительства), наконец, Соколов, автор Приказа № 1, которым солдатам с первых же дней революции приказывалось не отдавать чести офицерам, Переверзев и др. В их речах было много сильного и искреннего, было немало и театрального

Конечно, никому не был интересен тот или другой приговор сидящим на скамье подсудимых, но страсти разгорались настолько, что председателю, сенатору Давыдову, приходилось постоянно останавливать то одну, то другую сторону. Карабчевский счел долгом сделать «красивый жест» в сторону левых, заявив, что не считает возможным присутствие на суде начальника охранного отделения. По этому поводу начались особые дебаты, ничем не кончившиеся. Характерно и то, что в тот же самый день, когда либеральная адвокатура требовала моего удаления из зала суда, мне были доставлены ею анонимные угрожающие письма, почему они просили об охране их личности. Такова невязка политических жестов с реальностью. Слова защитников разносились по городу, подымая вихрь противоречивых впечатлений. Люди спорили в домах, негодовали на улицах, дамы впадали в истерику, сжимались кулаки

культурных людей и простолюдинов Затем процесс вдруг круто оборвался, так как адвокаты, не имея возможности закончить свои речи, бросая обвинение правительству, ушли, передав дело частному поверенному. Разбушевавшееся море людских страстей стало мало-помалу возвращаться к обычной обывательской глади.

Небезынтересно здесь отметить, что Карабчевский с первых же дней революции 17-го года выявил себя не только правым и убежденным монархистом, но вынес в своих литературных трудах суровый приговор тем самым кругам, которым оказывал поддержку выступлениями на Кишиневском и других процессах. В одной из последних речей, уже в изгнании, Карабчевский заявил, что выступает как защитник того принципа, который считал основным устоем России и которому был всегда верен, а именно монархизму.

Глава 6. ЕВРЕЙ

Закончился процесс о кишиневском погроме, но резонансом он прошел по всему миру. Вскоре я вывихнул ногу и слег. Меня пользовал по-приятельски доктор Лившиц. Большого роста брюнет с проседью, лет сорока пяти, навыкате большие черные глаза, часто смеющиеся, черные усы и бритая борода, голова круглая, крупная. Речь чистая, но в общем все-таки ярко выражалось семитическое его происхождение. «Я интересуюсь сердечными болезнями, — говаривал он иногда, — так как мои родители передали мне по наследству плохое сердце».

В Кишиневе Лившиц был популярным врачом, окончившим Венский университет, выдающимся; он был даже оставлен при этом университете, работая в качестве ближайшего ассистента известного профессора Нотнаге-ля. Его все-таки тянуло к родным пенатам, почему он держал экзамен на русский диплом и поселился в своем родном Кишиневе, считая его самым приятным городом в мире. Над ним даже посмеивались его приятели, говоря, что тогу профессора он променял на мамалыгу (каша из кукурузной муки — национальное кушанье в Бессарабии). Совершенно беспартийный и благожелательный, он был милым знакомым, с которым приятно было коротать время за картами или в беседе Придя ко мне как врач, он остался обедать. К вечеру пришли навестить меня губернатор князь Сергей Дмитриевич Урусов и прокурор местного суда Владимир Николаевич Горемыкин; с первым Лившиц поздоровался официально, со вторым же с той милой фамильярностью, которая характерна со стороны врачей в отношении своих пациентов. У Горемыкина была та же болезнь, что и у доктора.

Урусов выше среднего роста, лет сорока пяти, пепельный блондин, плотный, с привлекательным открытым лицом, небольшие усы, мягкий, приятный голос; при первоначальном знакомстве сух и сдержан; усидчивый и добросовестный работник. Слушал он внимательно только то, что его интересовало, но без пытливости. На еврейский вопрос у него был законченный взгляд, что необходимы немедленные реформы, а в первую очередь — уничтожение черты оседлости. У меня были с ним близкие отношения, и впоследствии у нас долго поддерживалась частная переписка, вплоть до ухода его в левое крыло Государственной думы. Хороши ли или плохи были его взгляды, но он был безусловно честным, благородным человеком. Он погиб при большевиках в крайней нужде, лишившись и семьи и имущества

Прокурор, маленький, подвижной блондин, бесцветный, юркий, в пенсне, был человеком с либеральным уклоном, но добросовестно выполнял свой долг, проявляя на своем месте законность и беспристрастность. Дом был открытым для местного общества, где встречались люди различных профессий, положения и взглядов. Умер он от болезни сердца в Петербурге

Сначала мы говорили о мелочах и смеялись остротам и сравнениям Лившица, но чувствовалось, что все избегают говорить о том, что больше всего интересует и власть и обывателя, а именно о прошедшем процессе. Первым заговорил по этому вопросу Урусов, обращаясь ко мне:

— По требованию Департамента присяжного поверенного Соколова мы сегодня отправили под конвоем в Петербург Ваши сведения были верны, что левые предполагают устроить ему демонстративные проводы и явятся к пассажирскому поезду. Действительно, на вокзале была масса публики, мужчин и дам, последние с цветами, во главе с Екатериной Кристи, причем присутствовали преимущественно христиане, но Соколова мы отправили с товарным поездом за два часа раньше...

— Значит, — сказал Лившиц, — все обстоит благополучно и все довольны: демонстранты осуществили демонстрацию, власти придумали трюк, Департамент получит своего арестованного, а я перед вашим приходом сыграл большой шлем, но не успел его записать

Было очевидно, что Лившиц желает переменить тему. Урусов же желал продолжать разговор и потому сказал:

— А интересно было бы, доктор, услышать мнение о процессе именно от вас как исключительно лояльного человека и еврея, вращающегося в нашей среде. Уверяю вас, что мною руководит не праздное любопытство, и я вполне учитываю вместе с тем, как тяжело вам возвращаться к этой теме, — прибавил губернатор.

— Если это полезно для меня и для кишиневских евреев, то я готов вам рассказать по-обывательски, что я пережил во время погрома и как ужились во мне эти события Какого числа — не помню, я послал нашу горничную Марфу к своим родственникам спросить, идут ли они вечером в театр; Марфа запоздниласъ возвращением, а придя в повышенном настроении, сказала, что в городе погром. Сначала я не разобрал, в чем дело, и даже переспросил: «Какой погром?» На это она ответила: «Еврейских жидов бьют». Очевидно, служа у еврея, ей неудобно было сказать «бьют жидов», и она прибавила «еврейских». Я чувствовал то же, что чувствовал в этот момент каждый еврей в Кишиневе, а именно: «Скоро ли и до меня дойдет очередь быть битым?» Состояние весьма незавидное, и полагаю, что вы все здесь

присутствующие на моем месте испытывали бы то же самое. Какая-то подавленность и чувство беззащитности. Я был недалек от сильного сердечного припадка. Затем я спросил Марфу, благополучно ли у моих родственников, и попросил ее рассказать все обстоятельно. «Испуганы, так как по соседству их шалят ребята. Я пошла в дворницкую к Кириллу...» Кирилл — брат Марфы, которого я определил дворником к этим родственникам, по просьбе пристава. «Кирилл, — продолжала Марфа, — сидел как растяпа и ничего не понимал. Тогда я на него начала кричать, чтобы он запер на замок ворота и никого не пускал и чтобы тут все было в порядке, пригрозив, что я буду жаловаться своему барину. На это Кирилл сказал, чтобы вы не сомневались, так как он будет у ворот на страже с ломом. А жена Кирилла, стерва, посмотрела на меня и сказала: “Ты, Марфа, жидовская наймычка!” Мне стало обидно, и я опять пошла к господам, сказав, чтобы они не беспокоились, и ушла домой. На Александровской улице ребята выпустили перья из перин — прямо потеха: все кругом как в снегу! На улице я нашла выбивалку и принесла домой, она нам, барин, пригодится, а то намедни, как я выбивала ковер, наша сломалась». Начали обсуждать положение, и я решил со всеми своими отправиться на квартиру к местному приставу Дунскому, но подумал: «А что, если этот мой приятель сам окажется погромщиком?» Предложил я Марфе идти с нами, но она ответила, что понесет туда барышнину ночную кофту и мою пижаму, а потом возвратится домой, чтобы было все в порядке. Мы отправились крадучись уже по полутемным улицам и пришли к Дунскому. В его кабинет дверь была закрыта, и оттуда слышался голос пристава: «Канальи! оставили свои посты. Сейчас же соединить в команды по пять человек, с надзирателями, и задерживайте погромщиков!» Через несколько минут из кабинета вышло несколько полицейских чиновников и человек двадцать городовых. Дунс-кий был бледен и измучен. Завидя нас, он подошел к нам и крикнул: «Вот что делают из нашего Кишинева! Пожалуйте, доктор, ко мне наверх». Нас приняли радушно и сочувственно, уступив свою спальню. Не буду останавливаться на деталях происшествия — они безобразны и ужасны, они отвратительны. Кто организатор погрома? — спросите вы меня, на это я вам отвечу: в этом деле нет технической подготовки со стороны власти, но мораль, укрепившаяся в Петербурге, такова, что крайне правый шовинист, всегда ярый юдофоб, находит самое благосклонное отношение к себе от министра до городового включительно, почему эти элементы работают безнаказанно и смущают всякие дегенеративные отбросы интеллигенции и черни. Полное

попустительство в этих преступлениях ярко выявляется. Ведь не может быть в культурном государстве такого положения, когда на подданного этой страны нападают с целью убийства, а агенты власти не имеют права убить преступника на месте, а должны ожидать шесть часов, пока не выйдут войска из своих казарм. Ведь это ужас! — убито свыше пятидесяти человек, мирных жителей. Еврейство — мировая сила. Сила, которая вливается в культурные государства земного шара, хотя и с запозданием, но неудержимо и последовательно. Запоздалость явилась вследствие давления руководителей христианской доктрины, с одной стороны, а с другой — и отсталые идеологи-талмудисты предостерегают евреев от влияния на них европеизма; им необходимо сохранение еврейства в библейской психологии и обычаях. Я верю, что не пройдет и одного столетия, когда еврейство совершенно ассимилируется в тех странах, которые сделались его второй родиной. Ведь на наших же глазах у евреев исчезают курьезные одежды, прически, нелепые обычаи и т.д. Ничего не поделают ни патеры, ни цадики (духовное лицо у евреев)! Народ, который в 100% грамотен, силен в борьбе, и никакие хулиганы его роста не остановят ни в России, ни вне ее.

Простите, господа! Вы просили высказаться еврея, он и рассказал вам, что думает он и все ему подобные. Демонстрантам, которые, провожая выступавшего на погромном процессе Соколова, пожелали выразить сочувствие евреям и протест за совершившееся в Кишиневе, мой низкий поклон, — заключил Лившиц.

Наступила пауза. Лившиц сел и в изнеможении опустил голову.

— Да, — сказал прокурор, — говорили вы нутром и потому во многом убедительно, но не скрою, хотя я и на вашей стороне по вопросу о погромах, но в каждой фразе вашей чувствовалось, что вы одно, а мы другое и что для понимания нами друг друга чего-то недостает.

Вскоре губернатор и прокурор ушли, а мы продолжали игру, которая не клеилась, так как Лившиц о чем-то сосредоточенно думал и был рассеян.

— О чем вы думаете? — спросил я, на что Лившиц ответил:

— Подобные разговоры мне очень тяжелы, и вы, вероятно, заметили, что я упорно всегда переводил нашу беседу на другую тему, когда затрагивался еврейский вопрос. До чего мы можем с вами договориться? Только до споров, которые могут отразиться на наших добрых отношениях.

Стук в дверь. Вошел полицеймейстер, полковник Рейхарт, бывший жандармский офицер, и рижский полицеймейстер,

маленький, подтянутый старик, бритый, с большими кавалерийскими усами, которые он постоянно разглаживал; как очень маленького роста человек, он пыжился и казался очень суровым. В действительности же, хотя и строгий педант на службе, он был добрейшим существом. С Лившицем он был на «ты», и они, быстро сойдясь, были очень дружны.

— Что вы надулись, как мыши на крупу, и оба молчите?

— Да так, — ответил Лившиц, — сейчас туг были Урусов и Горемыкин, затронули тему об евреях; я говорил, волновался и увидел, что многого они понять не могут, хотя как носители власти исключительно хорошие люди.

— А ты, когда находишься в обществе губернатора и прокурора, больше слушай и держи язык за зубами. Мы чиновники, а ты обыватель и еврей; у нас психология различная и очень сложная. Поужинаем, поиграем в винт, и я тебя завезу домой{9}.

Глава 8. ИЗ ДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Закончив в Одессе дознание о группе социалистов-революционеров, я был назначен в Ростов-на-Дону начальником охранного отделения, которое принял в июне месяце 1905 года.

Мой предшественник, подполковник Аплечеев, был утомлен, нравственно издерган и очень опечален убийством его друга, жандармского подполковника Иванова, старика, прослужившего 25 лет на железной дороге, не понимавшего и не любившего «политики». Он со дня на день ждал приказа об увольнении в отставку, мечтая поселиться в деревне, но его выследили и у самой двери его квартиры расстреляли. Убийцами были два брата, 17- и 18 летние сыновья рабочего, которых удалось тотчас же арестовать. Наслышавшись на митингах, что жандармы враги народа, они по собственной инициативе решили убить Иванова.

Градоначальник, престарелый генерал Пилар, имел свои суждения, сводившиеся к тому, что все обстоит благополучно и что никогда и ни с кем не следует обострять отношения «Нас не трогают, и мы не должны никого трогать» и т. п.

Не прошло и нескольких месяцев, как революционерами была организована колоссальная уличная демонстрация. Пилар своевременно был об этом осведомлен, и я ему представил списки главарей, подлежащих аресту, в предупреждение этого и других выступлений, но он от этой меры воздержался, как слишком крайней.

Бушующая толпа, в которой виднелись красные флаги, запрудила главную улицу Ростова и направилась к тюрьме. Полиция заняла наблюдательную позицию невмешательства. У тюрьмы произошло побоище между портовой чернью и демонстрантами. Среди последних несколько человек были избиты и двое убито. Еврейка, несшая знамя, лежала на земле с воткнутым через горло древком красного флага{10}. Тогда Пилар послал к тюрьме казаков, которые там уже никого не застали, все разбежались и скрылись по своим жилищам.

Наутро мне доложили, что на дороге из Нахичевани (почти слившийся с Ростовом город) в Ростов формируется патриотическая демонстрация. Появился портрет Царя, начали сосредоточиваться массы портовых рабочих и оборванцев. Я телефонировал Пилару, докладывая о недопустимости этой демонстрации и необходимости немедленно ее разогнать в предупреждение дебоша и еврейского погрома. На это Пилар ответил: «Мне все известно, не беспокойтесь!» Видя, что начинается неразбериха, не исключающая эксцессов и с левой

стороны, я собрал весь состав охранного отделения, вооружил его и приказал не расходиться, а в случае нападения на отделение, не стесняясь, стрелять.

Во время этих распоряжений приходит молодцеватый солдат, еврей, с Георгиевским крестом «за храбрость», и докладывает, что он в отпуску после ранений, полученных на японском фронте, и просит его и его семью укрыть в усадьбе охранного отделения. «В городе паника, и все евреи опасаются погрома», — сказал он.

Мимо моих окон проходит серая масса черни, впереди несут два образа и портрет Государя. Проходит час, другой, и мне докладывают, что толпа громит на базаре лавки и что ее разгоняет полиция.

По Большой Садовой идут непрерывно со стороны базара люди, неся в руках различные предметы обихода. Какой-то пьяный тащит связанные трубы граммофона, тащат зеркала, подушки, ночные столики и т.п. Один тип тянет по тротуару перевязанный веревкой комод, останавливается, вытирает пот и тащит дальше. Опять звоню градоначальнику, говоря, что необходимо выслать засады, чтобы отбирать награбленное имущество и арестовывать грабителей, опять получаю ответ: «Не беспокойтесь!», что надо понимать: «Не ваше дело!» Но засады были все-таки организованы и, работая усердно, отобрали целые горы награбленных вещей.

В то время по площади перебегал молодой еврей. Завидя его, хулиганы останавливают его, обыскивают, находят револьвер, схватывают, с силою подбрасывают вверх, и он падает на мостовую. Претерпев это бросание несколько раз, человек обратился в мешок с костями.

К вечеру приезжает ко мне полицеймейстер Прокопович; его сопровождают несколько конных стражников. Высокий толстяк, в дымчатых очках, он показывает мне свою простреленную шинель.

— Стреляла по мне еврейская самооборона, — говорит он и приглашает меня ехать с ним к градоначальнику, который нас ждет.

На улицах темно и пусто. Город словно вымер.

Приезжаем. Пилар сидит у телефона, тут же его чиновники для поручений.

— Опять начался грабеж, — говорит он и продолжает что-то писать, садясь за стол.

Вновь телефон. Пилар просит меня подойти. Говорит пристав, докладывая, что в центре города разбивают обувной магазин. Пилар просит меня передать, чтобы пристав принял решительные меры к прекращению безобразий. Я передаю: «Градоначальник приказал принять решительные меры». А на

вопрос пристава: «Какие именно меры?» — отвечаю: «Немедленно расстреливать хулиганов на месте!» Но Пилар буквально вырывает трубку из моих рук, отменяет мой приказ о расстреле и говорит о задержании и предании суду. По репликам Пилара ясно, что пристав докладывает о том, что при приближении полиции хулиганы, завидя ее издали, разбегаются, так что никого не удается арестовать, но лишь только полиция удаляется, они вновь продолжают свое дело.

Возвращаюсь домой, а Пилар едет в местный клуб «ориентироваться в общественном настроении».

На другой день узнаю, что, разговаривая с собравшимися в клубе, градоначальник просил быть с ним откровенным, тогда ему и наговорили много неприятных для его самолюбия и положения слов, с обвинением в попустительстве и бездействии власти.

Между тем события развернулись в дальнейшем весьма быстро: готовится общая железнодорожная забастовка, социал-демократы ведут усиленную пропаганду, всюду выступают ораторы, которые пользуются всяким удобным случаем, чтобы проникнуть в казармы и на заводы, собирают там рабочих и солдат, произносят захватывающие речи и скрываются. Выступает также Конституционно-демократическая партия, впоследствии Партия народной свободы, сокращенно называемая «Каде», объявляя себя солидарной с выступлениями революционных партий; инженеры, адвокаты, учителя, публицисты и лица других профессий, входившие в названную партию, оказывают, чем могут, содействие революционным проявлениям. Пресса свободно излагает революционные стремления и поощряет выступления. У градоначальника появляются лица с требованием освобождения политических арестованных, того же требуют от жандармского офицера. В партии выявляется левое крыло, с открытым стремлением к республиканскому образу правления, правое же остается на платформе конституционной монархии.

Я пишу в Петербург с подробным изложением всего происшедшего, с просьбой приказать градоначальнику произвести требуемые аресты. Получается от министра внутренних дел Дурново телеграмма, но уже поздно: на квартирах, намеченных к аресту, лиц не оказывается — они все на баррикадах, за полотном железной дороги, в предместье Темернике. Революция в полном разгаре. Ходят только поезда с революционерами, товарное и пассажирское движение замерло. Пилар отрешен от должности и сказался больным. Власть переходит к казачьему подполковнику Макееву, человеку решительному, уравновешенному и со здравым смыслом.

Распропагандированный пехотный полк выводится из Ростова походным порядком по направлению к Новочеркасску. Остается казачья сотня и два артиллерийских орудия. В здании театра митинг, с баррикад стреляют, среди обывателей есть убитые и раненые. При взятии казаками вокзала ранен офицер. Митинг разогнан артиллерийскими снарядами, но баррикады держатся.

Под утро неизвестный подкрался к казачьему патрулю у ворот казарм и бросил бомбу. От взрыва у одного казака оказалась размозженной нога, а другой тяжело ранен в живот. Казаки озверели. Макеев это учел, говоря: надо быть с казаками осмотрительным и не выпускать их из рук: мало-мальски недосмотреть, и могут пострадать обыватели.

Вечером мимо тех же казарм полицейские вели в участок задержанного студента Когана, у которого было удостоверение революционного Красного Креста. Казак у ворот, завидев арестованного интеллигента, подал тревогу, и как вихрь на улицу выбежало человек двадцать казаков, отбили арестованного от полиции, и через несколько минут на снегу лежал растерзанный труп Когана.

Ночью секретный сотрудник «Саша» дал мне знать по телефону, что решено оставить баррикады и уйти вооруженными за Дон. Телефонирую Макееву, что отступающих можно оцепить и задержать, но оказалось, что казаки и лошади так переутомились за двое суток непрерывной работы, что этого сделать было нельзя.

Полиция сбилась с ног. В течение дня были случаи, что по полиции стреляли из окон и с балконов. Полиция также стреляла и убила на балконе одного человека. На своей квартире убит помощник пристава Снесарев. Убийцы в числе пяти человек ворвались в столовую и расстреляли полицейского на глазах его жены и детей.

Макеев просит выяснить, где засядут отступающие, чтобы на заре их оцепить, обезоружить и арестовать. На соборную колокольню, откуда далеко видны все окрестности, послано мною три филера, которые должны наблюдать в бинокль, если можно что-нибудь увидеть: ночь хотя и лунная, но небо облачное. Через час прибегает один из наблюдающих и говорит, что с баррикад сначала доносились крики и громкий разговор, а затем группа людей направляется к Дону. Сколько их, невозможно выяснить, так как тогда только и видно, когда луна выглянет из-за туч.

Маленький серенький человечек филер Марков теперь неузнаваем: наблюдение его захватило, глаза горят, речь твердая, определенная, и он просит разрешения пойти выследить революционеров, назначив ему в помощь другого филера, Иванова. Оба уходят... Вновь сведения с колокольни: перешли по

мосту Дон, их всего человек 20—30, вначале было больше, но постепенно многие ушли.

Светает... Макеев спрашивает, как дела, и говорит, что сотня казаков и два орудия ждут распоряжения о выступлении. Прибегает Марков и докладывает, что отступившие с баррикад, частью вооруженные винтовками, еле дотащились, устало волоча ноги, до помещения Аксайского земледельческого завода. Некоторые в руках имели бомбы, судя по осторожности, с какой они несли свертки.

— Без малого не выдала меня собака, господин начальник, — сказал Марков. — Подойдя близко к идущим, я спрятался за забором, как вдруг она подбежала ко мне с громким ворчанием и начала скалить зубы. Я смело подошел к ней и ее обласкал. Она замолкла и стала лизать руки.

Вдруг вдалеке раздался взрыв. Затем Иванов докладывает по телефону, что на заводе Аксай произошли взрывы: сначала один, затем другой. Оттуда раздались крики и стоны, которые теперь почти затихли.

С нарядом полиции и доктором я отправился туда. В сарае на полу распростерты изуродованные трупы. Один из них, ребенок лет 10—12, в какой-то ватной кофте, с вывалившимися внутренностями.

— Вот и ростовский Гаврош![2] {11} — сказал доктор, беря маленькую безжизненную руку дитяти.

Слышны стоны тяжелораненых. Один из них объяснил, что кто-то из них по неосторожности уронил бомбу, она взорвалась, а по детонации взорвались другие и бывший с ними динамит. Вскоре умерли и раненые.

Так закончилась в Ростове-на-Дону революция 1905 года.

Всего в сарае умерло шестнадцать человек, но их единомышленники притаились и на похоронах не появились.

Вот маленькая картина нескольких дней революции 1905 года в провинциальном городе. Но что же было во всей России?

Было то же, что в Ростове-на-Дону и во всех южных городах России, но на Севере не было еврейских погромов. Чем население города было больше, тем крупнее были выступления и шире проявлялась деятельность войск и администрации в подавлении эксцессов.

Начались репрессии, вплоть до посылки карательных отрядов. Революционные партии все-таки не сдались, организовывая подполье и проводя террор. С конца 1905 года и до 1906-го был совершен ряд покушений и убийств на всей территории России. Убивали жандармских офицеров, полицейских, губернаторов, министров.

Масса арестованных. Большинство на допросах молчало, но некоторые словоохотливые старались бросить суду или следователю свои мысли и убеждения, которые можно резюмировать так:

Революция не проиграна, так как вырвала у правительства Манифест 17 октября 1905 года, который хотя и не дал конституции, но создал трибуну для вождей освободительного движения; революция указала, что восставший пролетариат находился в руках вожаков, действуя ярко и единодушно; что скоро будет вновь революция, которая сотрет слабое ненавистное правительство; что всякое выступление, даже частное, закаляет рабочие и крестьянские массы и указывает им, как трусливо реагируют на них уступками и хозяева предприятия, и власти. Пролетариат убедился, что власть не так страшна, как он это себе представлял, и наоборот, что революционные партии представляют собой мощную силу, которую пролетариат до того времени не сознавал.

— Революция окрылила нас, и мы верим в ее победу! — заключил свою речь впоследствии в Одессе один из обвиняемых.

Правительство в 1905 году сразу растерялось от неожиданности, а вернее, от молниеносной быстроты, с которой созревали события с массовыми революционными выступлениями по всей империи. Оно допустило даже сформирование в Петербурге «Совета рабочих депутатов», но вскоре оправилось и, проявляя планомерную полноту власти, восстановило свой престиж.

В 1906 году министр внутренних дел Дурново составил всеподданнейшую записку, в которой, наметив ряд реформ, весьма мрачно взглянул на будущее, заключая, что если впредь будут допущены выступления, подобные 1905 году, то правительство с ними не справится, и в предвидении нарисовал полную картину грядущей революции, отмечая также, что радикальная интеллигенция у нас так слаба, что не способна будет удержать в своих руках власть, которая перейдет тотчас же в руки крайних революционных элементов.

Глава 9. АРМЯНКА

Высокий, стройный, бритый шатен, лет28, Иван Петрович Степанов приехал в Ростов-на-Дону в сентябре 1906 года из города Керчи{12}. Там он работал в качестве секретного сотрудника под псевдонимом «Сальто», каковой и остался за ним при работе со мною. Раньше Сальто много лет был клоуном и акробатом в бродячих цирках, но сломал ногу, и его артистическая карьера закончилась.

За свою жизнь в цирке Сальто привык бродить, его тянуло странствовать, но свои путешествия он не мог теперь, как в цирке, связывать с заработком. Он был умен и ловок, сохранил из прежней профессии уменье располагать к себе, рассказывая смешные истории. Перед каждым своим переездом он брал рекомендации от местной революционной организации, благодаря которым на новых местах тотчас же заводил связи в революционных кругах. Иногда же ему удавалось добыть местную партийную печать, и тогда он сам составлял себе мандаты, открывавшие ему доступ к конспиративным, даже боевым, группам. Особенно он увлекался раскрытием складов оружия и бомб, изучая еще не разработанные адреса, которые были отмечены в охранном отделении.

Для начала Сальто решил обратить свое внимание на некоего армянина, проживающего в городе Нахичевани, соседнем с Ростовом-на-Дону. Сальто знал немного токарное ремесло и пришел к Аванесову под предлогом поиска работы, прося нанять его подмастерьем, хотя бы только за стол и угол для жилья. Токарь, однако, не согласился воспользоваться таким дешевым трудом, из чего Сальто понял, что он боится пустить к себе постороннего человека, хотя работы в мастерской было и много. Он переменил тогда тактику, — он политический деятель, власти его разыскивают, он живет по фальшивому паспорту и умоляет его укрыть. Тут же он показывает Аванесову мандат от организации социалистов-революционеров. Как изменилось тотчас же настроение токаря. Сальто принят и радует хозяина своей усердной работой. Но ведь Сальто не только подмастерье, он политический деятель и по матери армянин; по вечерам токарь уводил его в пивную, заводя длинные политические разговоры. Сальто умеет говорить и рассмешить. Мало-помалу развязывается язык и у хозяина, задето его самолюбие: он тоже не никто, а член боевой армянской партии Дашнакцутюн.

Днем Сальто работает. Входит неизвестный молодой человек, по-видимому клиент, так как с хозяином не здоровается, а просит

образцы изделий. «Но что-то эти образцы его не интересуют», — думает Сальто, усердно предлагая их посетителю. Вдруг молодой человек переходит на армянский язык, который Сальто немного понимает. «Выйдем», — говорит посетитель хозяину. Аванесов решил иначе, и, сообразуясь со словами заказчика, он велит подмастерью немедленно бежать в город за материалом. «Так, они желают говорить без свидетеля», — решает Сальто, но, как ни досадно, отказаться от поездки в город он не мог. «Авось проболтается вечером», — утешает себя Сальто, катя обратно с покупками в трамвае. Вдруг на Садовой улице он замечает того же оставленного в мастерской молодого человека, идущего с пакетом в руках и с карманом, оттопыренным каким-то предметом. Не выдержал Сальто, на всем ходу с былою резвостью соскакивает он с трамвая и бросается за незнакомцем, нарушая тем грубо технику розыска, не допускающую, чтобы секретный сотрудник брал бы на себя функции филера, подвергая себя тем опасности быть «проваленным». Ведь стоило незнакомцу обернуться, и кончена новая профессия Сальто, кончена, может быть, и сама его жизнь, но молодой человек, очевидно, торопился и задумался. Он шел быстро, перекладывая из руки в руку тяжелый сверток, и наконец скрылся в подъезде меблированных комнат «Ялта», где, как потом выяснилось, он и жил.

Только тогда Сальто понял свою ошибку и сообразил, что его ждет хозяин. Почти бегом возвращается Сальто и влетает в мастерскую, где хозяин при его внезапном появлении быстро отскакивает от шкафа с инструментами у стены. Решительно сегодня Сальто не может выдержать своей роли. Он пристально смотрит на пол возле шкафа, убеждаясь по следам пыли на полу, что его отставляли в сторону. Хозяин в нервном состоянии. Он забывает, что перед ним не только подмастерье, но и товарищ-революционер, и грубо на-- брасывается на Сальто, спрашивая его, почему он как идиот уставился на пол, после того как пропадал целый час. Но «политический деятель» не обижен, наоборот, в нем начинает подыматься то чувство восторга, которое он испытывал когда-то перед своим сальто-мортале, предвкушая аплодисменты публики. Но это чувство теперь не радостное, а злорадное. Пусть злится хозяин, верно, ему досталось от того молодого человека за допуск постороннего лица в мастерскую, но дело сделано, «не уйдешь теперь!», и Сальто жалко одного, что он не может крикнуть этому армянину: «Все знаю!» — и посмотреть, как этот член боевой партии, этот резко говорящий с ним хозяин, перетрусит. Времени терять нечего, он знает уже довольно, чтобы ответить грубо на грубость и уйти обиженным.

В тот же день на конспиративной квартире Сальто описывает свои похождения начальнику охранного отделения, который находит, что Сальто преждевременно оставил Аванесова. Так как дело касалось оружия, то, опасаясь его передачи в дальнейшие, неизвестные руки, решено было после непродолжительного наблюдения за постояльцем номеров «Ялта» ликвидировать группу.

При обыске в мастерской токаря был обнаружен тайный, спрятанный в стене ящик, скрытый шкафом с инструментами, в котором оказалось много револьверов и патронов. В гостинице при обыске у молодого человека обнаружено десять револьверов с патронами. Очевидно, подготовлялся террористический акт. Но какой? Если бы Сальто выдержал долее свою роль, может быть, он бы и узнал об этом. Кроме того, его положение становилось опасным, так как его легко могли заподозрить. На его счастье, в памятной книжке молодого человека оказалось несколько адресов, в том числе и адрес токаря, которому эта запись была предъявлена после ареста с объяснением, что она и была причиной такового. Так и революционеры бывали иногда неосторожны.

Что же касается прочих адресов, указанных в книжечке молодого человека, то все проживавшие по ним лица были обысканы, но оставлены на свободе за отсутствием против них какого-либо компрометирующего материала; тем не менее за ними было установлено наблюдение. Через несколько дней утром внимание филеров было привлечено поведением двух из этих наблюдаемых. Один из них в течение двух часов гулял около государственного банка, другой же в это самое время отправился на станцию Батайск, но не по железной, а по грунтовой дороге и посетил там железнодорожного сторожа. К полудню эти наблюдаемые как бы исчезли, почему филеры сообщили по телефону в охранное отделение: «Товар утерян».

В два часа дня несший службу у здания банка филер спешно телефонировал, что при выносе мешков с деньгами внезапно появилась группа вооруженных людей, в числе коих были и упомянутые выше лица, открыла стрельбу по конвою, из коих двух человек ранила, и скрылась с денежными мешками на извозчичьих пролетках, направляясь к Батайску.

Мобилизованными силами пешей и конной полиции и засадами в отмеченных наблюдением квартирах все грабители были задержаны и деньги возвращены банку. Тем не менее эта экспроприация стоила двух жертв.

Все задержанные оказались приехавшими из Баку членами шайки, именовавшейся «Черный ворон». Это были бандиты, ранее

связанные с бакинской группой Дашнакцутюн, почему и знали Аванесова. Оказалось, что после ареста Аванесова и молодого человека с оружием, оставшиеся на свободе купили оружие у железнодорожного служащего на станции Батайск.

Все это время Сальто все-таки находился в крайне возбужденном состоянии, опасаясь, что его заподозрят в предательстве. Не выдерживая неизвестности, он отправился в тюрьму на свидание со своим прежним хозяином. Последний довольно дружески его принял, заявив, что вначале он было его заподозрил, но теперь знает, что обязан своим арестом записной книжке неосторожного молодого человека. Сальто продолжал навещать его, принося гостинцы и городские сплетни.

Однажды, во время такого свидания, он столкнулся со старухой армянкой, которой Аванесов ловко передал, незаметно для стражи, записку. Сальто не мог узнать, что в записке, и не хотел показать виду, что заметил передачу, но со следующего дня за старухой уже было установлено филерское наблюдение. Эта женщина и без того обращала на себя внимание своей наружностью, одеждой и связями с партийными работниками. Высокая, худая, той особой костлявой худобой, которая свойственна многим восточным женщинам под старость. Лоб ее обрамлялся чрезвычайно блестящими седыми волосами, выбивавшимися из-под вышитой черной шелковой косынки, завязанной узлом на шее. Лицо изможденное, какого-то темно-желтого, почти коричневого оттенка, в глубоких морщинах, с крупным носом и беззубым ртом, освещенное огромными, сохранившими живость и блеск молодости черными глазами. Ум и проницательность светились в этих глазах. Увидев эту женщину, нельзя было не оглянуться, тем более что и наряд ее был необычен. Вся в черном, с длинной палкой-посохом в руке, таким посохом, какой носят обыкновенно монахи или священники, она носила тяжелую грубую обувь, которая, однако, не мешала ее чрезвычайно быстрой, энергичной походке.

Возвращаясь с Сальто из тюрьмы и узнав, что он по матери армянин, старуха разговорилась, рассказала, что она вдова армянского священника, что ей уже под восемьдесят лет, но что она до последней своей минуты будет работать на пользу своей родины. К Аванесову она проявила мало сочувствия, считая, что Бог его наказал за его непатриотический поступок, выразившийся в продаже бандитам партийного оружия. Из сказанного Сальто естественно понял, что она близко знакома с делом водворения и хранения оружия. К себе Сальто она не пригласила, но однажды, встретив его на улице, подозвала его к себе и в твердых, убедительных словах сказала, что он должен бросить все другие

революционные организации, которые просто разбойничьи, и служить только армянскому народу в партии Дашнакцутюн.

— Как ты, — сказала она, — молодой и здоровый, не поступил еше в нашу партию? Посмотри на меня!

Однако Сальто искренно был других взглядов и считал себя русским. Передавая мне свои впечатления, он высказал, что от старухи следует держаться подальше, так как она очень хитра, подозрительна и проницательна при беспредельной преданности партии.

Действительно, в конспиративной работе она должна была быть для своей партии незаменимым работником. Энергия, хитрость и осторожность этой женщины, которую называли «Мать», равнялась ее фанатичной вере в правоту не только национальной армянской идеи, но и всех способов борьбы и добывания средств для партии, даже террором. К ней мало кто заходил, и то ненадолго. На себя она почти ничего не тратила, хотя партия, очевидно, не жалея денег, поддержала эту ценную работницу; «партийные деньги священны», говаривала она в своей среде и жила картофелем, луком и хлебом.

Ежедневно по партийным делам она посещала, по крайней мере, три дома, никогда не пользуясь ни извозчиками, ни трамваем. Выходя из своего дома, она всегда внимательно осматривалась, проверяя, нет ли за ней наблюдения, и, чуть заметив что-нибудь подозрительное, возвращалась обратно и больше не показывалась. Она ходила быстро, внезапно оборачиваясь, затрудняя за собою наблюдение.

Вдруг, несмотря на то что за ней наблюдали лучшие филеры, ее перестали видеть. Это могло означать или то, что она незаметно выехала из Ростова, или что она не выходит из дому по болезни. Во втором случае возникал вопрос, чем же она тогда питается, так как никто к ней не приходил и продуктов не приносил. Отъезд же старухи в неизвестном направлении, не замеченный филерами, должен был бы быть признанным крупным промахом для чинов розыска, так как, очевидно, она могла выехать, только чтобы продолжать свою партийную деятельность в другом месте, где, незаподозренная, могла многое натворить для террористической организации.

Я решил поручить выяснение дела филеру Л анидзе, кстати похожему на армянина, который, служа не более года в охранном отделении, обратил на себя внимание своей сметливостью, настойчивостью и добросовестным отношением к делу. Я предоставил ему полную свободу действий, лишь бы он не «провалился», т.е. не навлек на себя подозрений. Ланидзе был польщен ответственным поручением, узнавши, что старуха,

прозванная филерами «Галка», была «серьезным товаром», как опытная работница в сфере транспортирования для партии оружия. Притом я предупредил Ланидзе, чтобы он не дал завести себя за город, так как революционеры это практиковали, отправляясь в пустынные места, где и убивали неопытных филеров. Ланидзе должен был приходить к старшему филеру на квартиру, хотя бы ночью, а в управление вовсе не являться. Вблизи домика, который занимала армянка, находился грязный маленький духан (кабачок). Ланидзе, недолго думая, нанялся туда кельнером за еду, чердачное помещение и благодарность клиентов. Днем он непрерывно посматривал на домик и на второй день вдруг заметил подъехавшего извозчика, по наружности армянина, без седока, но с большой корзиной, которую он с видимым трудом пронес к воротам. Затем, позвонив, армянин несколько раз ударил кнутовищем по калитке, которая отворилась, и Ланидзе увидел с радостью, с которой охотник видит следы зверя, старуху «Галку». Извозчику Ланидзе дал кличку «Кучер» и запечатлел в своей памяти его наружность и пятнадцатый номер пролетки. Сказавшись внезапно больным, Ланидзе поднялся на свой чердак «работать», т е. наблюдать, так как окно его помещения находилось против ворот «Галки». Подвязав голову и зубы, придавая себе страждущий вид, чтобы убедить хозяина духана в своей болезни, Ланидзе решил ждать у окна дальнейших событий. Он соображал так: извозчик знал условный знак, раз он стучал в ворота после того, как позвонил; армянка поздоровалась с ним как со знакомым; если в привезенной им большой корзине есть что-нибудь интересное для партии, то старуха должна будет дать об этом знать кому-нибудь или кто-нибудь к ней придет. Было около пяти часов дня, когда он начал свое наблюдение, но часы проходили, и Ланидзе наконец задремал в ночной тишине. Скрип калитки сразу разбудил его, как самый легкий звук будит людей, заснувших с напряженным чувством ожидания. В темноте он различил «Галку», которая, выйдя, оглянулась по сторонам и быстро пошла по улице. В один миг филер был уже на улице, успев сбросить свои повязки и надеть калоши, чтобы идти бесшумно. По пустынным улицам Нахичевани раздавались быстрые шаги «Галки», которая уверенно шла по направлению набережной Дона и вошла в парадный подъезд дома, двери которого не были заперты. Дом принадлежал богатому торговцу фруктами, армянину Карапету. Затем старуха все тем же бодрым шагом посетила еще двух лиц, оказавшихся впоследствии железнодорожным служащим и учительницей, и возвратилась домой, а Ла-нидзе помчался к старшему филеру. Они решили, что

«Галка» стала «ночной птицей» и что поэтому Л анидзе надо, оставаясь в своем духане, продолжать ночное наблюдение.

Трудное время настало для Ланидзе и двух филеров, назначенных ему в помощь. Ночное наблюдение всегда сложно по техническим соображениям и небезопасно, так как в темноте филер может оказаться сам под наблюдением и в засаде. В данном случае оно еще затруднялось неутомимостью «Галки», которая посещала разные места до рассвета или принимала посетителей. Наблюдая за старухой, удалось таким образом раскрыть целую группу лиц, причастных к транспорту на Кавказ и в Турцию оружия, а при обыске ее квартиры была обнаружена упомянутая выше большая корзина, наполненная патронами для винтовок военного образца. Ввиду ее преклонного возраста она арестована не была, что ее, по-видимому, опечалило: ей хотелось, сказала она мне, разделить участь своих единомышленников, пострадавших в борьбе за свое право. Националисткой она была убежденной; по ее мнению, каждый армянин был обязан с детства и всю жизнь, вплоть до глубокой старости, как она, содействовать всем, чем можно, дашнакцаканам, если не имел счастья быть в этой партии. Надо было видеть, как разгорелись ее все еще прекрасные глаза, когда она заявила: «Когда человек любит свой народ, он жертвует всем, всем, и смерть за свободу его — высшее счастье! А кто так любить не может, пусть лучше не живет!»{13}

Партия, о которой с таким энтузиазмом говорила преданная ей армянка, была основана в городе Тифлисе в 1890 году группою армянской интеллигенции, преимущественно московскими и петербургскими студентами. Эта партия, объединив ряды существовавших ранее партий, приняла название «Дашнакцутюн», что означает союз, члены же партии назывались дашнакца-канами, т.е. союзниками. Цель этого союза заключалась в борьбе с турецкою властью за правое положение находившихся в Турции армян. Действительно, произвол властей в отношении этих людей был невероятный и доходил до того, что турки безнаказанно вырезали население целых деревень, до детей и стариков включительно. С 1905 года, оставаясь верна своей основной задаче, партия приближается к русским революционным партиям, главнейшим образом ксоциалистам-революционерам, и создает сильные организации в Ростове, Нахичевани и других городах, которые, ведя широкую агитацию, изыскивали денежные средства и оружие для снабжения ими целых боевых отрядов, оперировавших в пределах Турции. Набеги этих отрядов имеют обширную историю, и о них сложились даже народные песни с восхвалением храбрости и отваги главарей. Ярко среди них отмечены некие Андраник, «Кери», «Хе-чо», «Дро» и другие.

Особенно памятно в народе, как отряд (чета), сражаясь с полудиким курдским племенем Мазрик, наносившим постоянный вред армянам, совершенно его уничтожил; затем как дашнакцаканы среди белого дня завладели в Константинополе турецким государственным банком (Оттоманский банк) и оттуда начали диктовать турецкому правительству свои условия, причем дело уладилось только благодаря вмешательству русского посла... но это было давно, до 1906 года...

Такие налеты на турок армянскими четами, находившими приют и базу на территории России и Персии, осложнили международные отношения, и партия стала преследоваться русскою властью с конфискациею церковного имущества, так как выяснилось, что духовенство снабжает партию оружием и деньгами, укрывает разыскиваемых и всячески содействует эксцессам.

Репрессии против духовенства вызвали такое неудовольствие, что партия в ответ на эти мероприятия перешла к террору, убив массу должностных лиц русской кавказской администрации, от высших до низших чинов.

Наместник Кавказа, граф Воронцов-Дашков, понял создавшееся положение и заключил, что власть не может существовать, поддерживая такие обостренные отношения с целым народом, усмотревшим в репрессиях против духовенства религиозное гонение, урегулировал этот вопрос. Церковные имущества были возвращены по принадлежности, а преступная деятельность виновных стала подвергаться обычному преследованию по закону.

Война с Турцией показала лояльность армянского народа, который отважно сражался и проливал свою кровь бок о бок с русскими солдатами. В особенности же прославился своими подвигами во главе отрядов партии Дашнакцутюн упомянутый «Дро», который, заходя в глубокий тыл турок, наносил им жесточайшие удары.

Нельзя также обойти молчанием, что с провозглашением независимости Армении тамошнее правительство, состоявшее в большинстве из дашнакцаканов, широко открыло двери беженцам русской беспартийной интеллигенции и офицерству, которое было принято на службу даже на ответственные посты.

Глава 10. КРАСАВЕЦ

Вечером летом 1906 года я сижу в клубном садике в Ростове-на-Дону и беседую с моими друзьями в ожидании ужина. Приятно отдохнуть и отвлечься от непрерывной розыскной работы. Здесь — градоначальник генерал Драчевский, впоследствии петербургский градоначальник, умерший при большевиках; командир порта, бывший флотский офицер Давыдов, потрясенный революцией 1917 года настолько, что сошел с ума. Все — люди интеллигентные и пользовавшиеся не только уважением, но и любовью своих подчиненных и лиц, соприкасавшихся с ними по службе и в частной жизни. Но вот приходит мальчик и докладывает, что меня вызывают к телефону. Говорит со мною заведующий наружным наблюдением Семенов, вызывая меня в отделение по спешному делу, так как пришел заявитель и говорит, что у него имеются серьезные сведения для сообщения только начальнику лично. При этом Семенов добавил, что заявитель скандалит и находится в весьма возбужденном состоянии. Еду к себе, вхожу в приемную и вижу шагающего из угла в угол человека выше среднего роста, лет 25, жгучего брюнета, с густыми вьющимися волосами, правильным, с горбинкой носом, красивым овалом лица и пушистыми усами; цвет кожи светло-бронзовый с румянцем; глаза налиты кровью, и взгляд их определенно жестокий и возбужденный. Завидя меня, незнакомец остановился и на ломаном русском языке сказал;

— Ты начальник? (Простолюдины-кавказцы часто употребляют место-имение «ты» вместо «вы».) Я имею к тебе важное, очень важное дело. Я смирный человек, но меня здесь обидели, отняв нож и браунинг.

На это Семенов ответил:

— Хорош смирный! Угрожал нас всех перестрелять, если начальник сейчас не придет. Его с трудом четыре человека обезоружили; лишь пять минут, как он стал успокаиваться.

Пришедший несколько сконфузился и произнес:

— Это ничего не значит, я спокойный человек!

Я повел его к себе в кабинет, куда вошел и Семенов.

— Не хочу разговаривать с этим мужиком, — сказал молодой человек, — он хотел мне пальцы переломать, когда я ему не давал браунинг.

Семенов вышел.

— Меня зовут Захар, я армянин, на скотобойне баранов режу; пришел к тебе с важным делом, господин начальник.

— Ну и рассказывай свое дело, — ответил я.

— Партия Дашнакцутюн стала через Ростов оружие и патроны возить, но так умно, что полиция не знает, а знает Карагиянц, магазинер. Везут в бочках сахар и ружья. Везут ящики с мылом, а там и мыло и патроны... А кто их получает и как их найти теперь, не знаю, но все скажу потом, если хорошо будешь давать деньги!

Сговорились. Я дал ему сто рублей, которые он у меня попросил, и должен был платить по одному рублю за каждые обнаруженные по его сведениям револьвер или винтовку, а за патроны по 50 копеек с фунта. Кроме того, охранное отделение должно было уплачивать ему по сто рублей (50 долларов) в месяц, если его работа окажется добросовестной.

— Будь спокоен, сведения первый сорт! — уверенно сказал Захар.

В охранном отделении принимать его было нельзя, так как его могли выследить члены означенной армянской революционной партии, а адрес конспиративной квартиры давать такому неуравновешенному и пока неизвестному человеку я опасался. Решено было встречаться с ним на улицах, в укромных местах, и было назначено первое свидание через три дня на дороге между городами Нахичевань и Ростов.

Таким образом, Захар предложил свои услуги в качестве секретного сотрудника, каковым и был принят мною под псевдонимом «Блондин». Я уговорил Захара помириться с Семеновым. Он встал, простился со мною, сказавши: «Я очень тобою доволен!» И, улыбнувшись буквально детской улыбкой вошедшему Семенову, подал ему обе руки и сказал, что он больше на него не сердится. Несмотря на одежду простолюдина-ремесленника, вся его фигура, постановка головы и лицо буквально поражали своей грацией, мужеством и красотою. Невольно напрашивался вопрос: неужели только мелкие корыстные побуждения заставляли этого красавца предавать своих земляков? При первом знакомстве задавать такие вопросы небезопасно, так как может произойти такая реакция, что заявитель под влиянием угрызения совести или другого чувства сразу перестанет говорить. Я же преследовал исключительно розыскные цели, следовательно, и не занимался пробужде-нием в заявителе этических побуждений, отвращающих его от первоначальных намерений. Политическая борьба сложна и основана, конечно, не на сентиментальности противных лагерей: врагов власти — революционеров, с одной, и их противников — с другой.

Семенов вывел Захара из охранного отделения, по пятам которого пошли два филера, осторожно наблюдая за ним. Было

около двух часов ночи, когда эти филеры возвратились с докладом. Захар, которому филеры дали кличку «Красавец», простившись у ворот нашего дома с Семеновым, не поворачиваясь, быстро зашагал по Большой Садовой улице и, свернув на Таганрогский проспект, спустился к реке; на берегу, на бревнах, очевидно в ожидании Захара, сидел человек. Наружность этого человека нельзя было определить, так как ночь была темная и издали был виден только его силуэт — высокий, худой, сутулый. Захар подошел к нему и поздоровался. Ожидавший его с места же начал громко выговаривать Захару, что он запоздал. Неизвестный и Захар говорили по-армянски, но первый все переходил на русскую речь. Голос его был сиплый, говорил он, как человек без зубов, и задыхался. «Вероятно, старый человек», — заключил филер Макаров. Затем они стали говорить тихо и расстались. При прощании Захар вынул что-то из кармана и, по-видимому, дал неизвестному, после чего последний похлопал Захара по плечу и быстро скрылся в темноте за бревнами, почему его не удалось взять в наблюдение; Захар, задумавшись, просидел на берегу около часа, затем что-то про себя пробормотал и, махнув рукою, направился к скотобойне, где и остался.

Утром по телефону мне сообщил полицеймейстер, что магазинер, ведающий на вокзале приемкой грузов, Карагиянц убит неизвестным скрывшимся преступником, который настиг свою жертву недалеко от вокзала в безлюдном переулке и, вонзив ей сзади в шею финский нож, скрылся. Подозрение пало сначала на Захара Макариянца, любовника жены покойного, но его алиби было установлено тем, что до восьми часов утра он бил на скотобойне баранов, а затем находился с резниками в чайной до девяти часов утра, убийство же совершено было в 7 часов 30 минут. Тотчас же командированы были мои люди для тщательного обыска в бюро Карагиянца на железной дороге, на его квартире и в больницу для осмотра вещей, находившихся при покойном. В бумажнике, в кармане пиджака Карагиянца, был найден клочок бумаги с цифрами и текстом на армянском языке. Я тоже был в это время в больнице, где лежал еще одетый труп Карагиянца. Он был высокого роста, лет 40, брюнет, с бородкой, весьма худ, лицо изможденно, с ввалившимися шеками, типично туберкулезное, губы сжаты. Полуоткрытый левый глаз давал лицу выражение удивления. Обнаруженная у него записка была переведена на русский язык и разобрана. В ней заключалась конспиративная запись, относящаяся к оружию, находившемуся в складе товаров на железной дороге. И был записан ряд номеров с надписью слов: «мыло», а в другом месте «сахар». Следовательно, упоминался груз, о котором говорил Захар. Действительно, по

номерам записки найдены были две бочки с сахаром и четыре ящика с мылом, в которых кроме этих товаров оказались револьверы, в разобранном виде винтовки Тульского завода и патроны. Последовали телеграммы в Тулу, Баку и другие города, и там тоже было изъято немало оружия и патронов. Я отправился на обыск в квартиру Карагиянца лично, с полицейскими чинами. Меня там встретила крупная, лет 30, брюнетка, красивая, румяная, с большими черными глазами, несколько вульгарная армянка. Она производила впечатление более растерявшейся и испуганной женщины, нежели убитого горем человека, и чувствовала себя как-то неловко. На квартире результатов добыто не было, но расспросом русских соседей установлено, что ее часто, в отсутствие мужа, посещал Захар, которого вчера под вечер покойный Карагиянц выгнал из квартиры, а жену тяжко избил. Теперь нам надо было выяснить человека, с которым Захар беседовал на берегу вчера ночью, так как у меня зародилось подозрение, не он ли убил Карагиянца, будучи подосланным Захаром, который, может быть, заплатил ему ста рублями, полученными от меня. Стали следить за Захаром и днем и ночью, но установленные встречи с разными лицами оказались неинтересными, за исключением старика лодочника, с которым Захар провел полчаса в ресторане.

На третий день, как было условлено, я пошел на свидание с Захаром. Лил непрерывно дождь, я и Семенов направились к дороге в город Нахичевань, где промокший Захар нас уже ждал. Зашли мы в русскую чайную на Базарной площади, в которой имелся отдельный кабинет. Мы уселись втроем за стол: я, Захар и Семенов. Заметно было, что Захару не по себе: волнуется, прислушивается к каждому подходу к двери нашего кабинета и отвечает невпопад. Когда заговорили об убийстве Карагиянца, у него забегали глаза и он начал смотреть на меня исподлобья. Разговор не клеился, и я назначил ему свидание через неделю Похоронили Карагиянца. Вдова тотчас же переменила квартиру и начала пьянствовать вместе с Захаром, который приходил к ней с бутылками вина и водки, забросивши свою работу. На четвертый день после свидания со мною Захар позвонил по телефону, прося меня на свидание, упомянув, что ему следует получить деньги за винтовки, найденные в мыле. Я послал Семенова, приказавши выдать Захару 400 рублей (200 долларов), так как по его сведениям было обнаружено 400 револьверов и винтовок. Но эта получка была для Захара роковой. Взяв от Семенова деньги, он тотчас же отправился в винный магазин, накупил напитков и пошел к вдове Карагиянц. Здесь они оба напились, и он, очевидно в порыве откровенности, признался в своей связи с охранным

отделением. На это она, воспользовавшись тем, что он заснул, заперла своего любовника и, выбежав на улицу растрепанная и пьяная, начала кричать, что Захар провокатор, убил ее мужа и теперь заснул у нее на квартире. Не прошло и часа, как появился какой-то армянин, вошел в квартиру вдовы и всадил в сердце спящего Захара по рукоятку кавказский кинжал

Найти лодочника трудности не представляло; оказалось, что не он, а его сын убил Карагиянца и что Захар заплатил за это «дело» сто рублей, которые поровну поделили между собою отец с сыном. Суд надел на них арестантские халаты и отправил их в далекую Сибирь, отца — на поселение, а сына — в каторгу.

Глава 11. НЕМОВА И БОМБЫ

Осенью 1906 года в Ростове-на-Дону, в один из холодных вечеров, я сидел в кабинете и заканчивал свой рабочий день, когда услышал стук в дверь, и в кабинет вошел заведующий наружным наблюдением Семенов.

— К вам пришла дама, господин начальник, и желает говорить с вами с глазу на глаз.

— Кто она? и откуда? — спросил я, на что Семенов ответил:

— Полчаса тому назад, когда я выходил из конторы (так называли филеры помещение охранного отделения), я увидел стоящую против нашего дома женщину, всю в черном, под густой черной вуалью. Я отошел в сторону и стал за нею наблюдать. Она нервничала, несколько раз подходила к нашим воротам, как бы желая войти, но, не решаясь, вновь отходила. Когда я убедился, что она определенно интересуется нами, я подошел к ней и спросил: «Что вам угодно? Вы, видимо, желаете войти в охранное отделение?» На что она, волнуясь, ответила шепотом: «Хочу видеть начальника и говорить с ним с глазу на глаз». Я ввел ее в нашу приемную и попросил ее поднять вуаль. В ней я узнал наблюдаемую под кличкою «Мышка» фельдшерицу Немову, которая «работает» по группе Копытева.

Я пригласил посетительницу в мой кабинет.

Вошла миловидная брюнетка лет 30, с большими воспаленными и блестящими глазами, с лицом, на котором выступили типичные при волнении красные пятна, а из-под небольшой траурной шляпки выглядывали беспорядочно черные волосы. Худенькая, нервная, скромно, но аккуратно одетая в черное платье, с откинутою назад вуалью, она села в кресло, оглянулась на закрытую за нею дверь и вдруг горько заплакала. Семенов принес ей воды, но она, отказавшись, сказала:

— Это горе, а не истерика. Я хотя и сильный человек, но бабья слабость сказалась.

Встряхнув головою и сделав над собою внутреннее усиление, Немова произнесла, по-видимому, уже заготовленную тираду:

— Я пришла дать вам сведения, которые несомненно могут быть интересны для охранного отделения. Что меня к этому побуждает, я говорить не желаю и думаю, что это для вас несущественно.

— Вероятно, вы будете говорить о Масловой, Копытеве, Райзмане и других? — ответил я.

— Совершенно верно, — сказала она, — но вы откуда знаете, что я с ними знакома?

— За вами велось наблюдение, — вставил Семенов, — разве вы его не заметили?

— Нет, — смутившись, сказала она, — но действительно, до отъезда в Киев я как будто бы почувствовала, что за мною кто-то следит, и даже обернулась, но я чем-то отвлеклась и об этом больше не думала. Ведь часто в жизни бывает, когда как бы по чутью поворачиваешь голову и встречаешься со взглядом человека, который смотрит на тебя сзади. Я тоже заставляла неоднократно поворачивать голову взглядом, смотря на знакомых, которые шли впереди меня. Да дело не в этом. Маслова имеет связь с фабрикацией бомб, о чем я узнала в Киеве, откуда я возвратилась сегодня утром.

Очевидно, что сделать этот донос стоило Немовой больших усилий: она сразу осунулась и, ослабев, остановилась взором на одной точке. Реакция наступила быстрее, чем можно было ожидать.

Я понял, что дальнейших сведений она не даст и что бесполезно прибегать к шаблонным приемам убеждения и уговоров. Все будет зависеть от уже раньше создавшегося в ней решения.

Я молчал и ждал, чтобы она высказалась.

— Вот и все, что я хотела вам сказать, господин ротмистр, — сказала она, делая движение подняться с места.

На это я ответил:

— Да, но ваши сведения слишком бездоказательны и голословны. Затем надо выяснить, делаете ли вы заявление официально или по секрету, а также не угрожали ли вы Масловой и Копытеву, что вы на них донесете.

Немова, очевидно, была поставлена в тупик и, взглянув мельком на Семенова, посмотрела на меня.

Семенов вышел.

— А при чем тут Копытев? и какое он имеет отношение к тому, что я вам заявила о Масловой? — спросила она меня, на что я ответил:

— Очень просто, вы сделали донос на Маслову из ревности, так как в .ваше отсутствие близкий вам человек, Копытев, сошелся с ней и об этом вы узнали сегодня.

— Заключение ваше правильно, но неточно, узнала я об этом горестном для меня событии от моей сослуживицы по больнице, так же, как и я, фельдшерицы, но никого из партийных, даже Копытева и Маслову, я не видела и из больницы, после вечернего врачебного обхода, пришла непосредственно к вам. Я запоздала, так как узнавала адрес охранного отделения у городовых; три из них направили меня справиться в полицейский участок, и лишь

четвертый указал мне на ваш особняк. Мною руководит не только ревность, но и то отвращение, которое я питаю к насилию и в особенности к террору. У вас есть целый аппарат, и если вы захотите, то доберетесь до более существенного. В Киеве при мне проговорилось, что «Соня», старый партийный псевдоним Масловой, приедет в Киев и затем направится в Москву, так как в Ростове-на-Дону она уже заподозрена и, заметив за собой филерское наблюдение, опасается ареста. Затем, из сопоставления обрывков фраз, я поняла, что в Ростов приедет лицо, которое местных связей поддерживать не будет. Могу еще добавить, что в Киеве, по-видимому, к этому делу имеет отношение фельдшерица Мариинской больницы, которая два года тому назад была уволена из университета за участие в студенческих беспорядках; зовут ее, кажется, но не уверена, Розалией. Она маленькая, некрасивая, толстая блондинка. Хотя при мне, как при партийном работнике, мало стеснялись, но говорили, конечно, не обо всем. Больше я вам ничего не скажу, служить у вас в охранном отделении не буду, и впредь меня не беспокойте, так как я вам все равно полезна не буду.

Мы простились. Она, уходя, посмотрела прямо мне в глаза, как будто желая что-то сказать, но, махнув рукою, вышла решительной походкой и скрылась.

Семенов вывел ее на улицу со всеми предосторожностями, чтобы она случайно при выходе на кого-нибудь не натолкнулась. Возвратившись, Семенов доложил, что она носит траур по недавно умершей матери и что он предлагал ей на всякий случай номер нашего телефона, но она ответила, что никаких дел она к охране больше иметь не будет и ее телефон ей не нужен, ротмистра же благодарит за ласковый прием.

— Пропал ваш сон, Павел Павлович, — сказал Семенов и принес из канцелярии дело по группе Копытева и других. Надо было послать подробную телеграмму в Киев и копию с нее в Москву, куда предполагали послать Маслову и организовать за ней осторожное наблюдение опытными филерами. Все эти меры принимались в сознании, что Маслова, как прикосновенная к террору, являлась особенно опасной партийной работницей

Под утро, когда мы кончали нашу работу, раздался телефонный звонок. Пристав сообщал что в больнице отравилась морфием фельдшерица Немова и врачи не могли ее спасти. В вещах ее был произведен обыск и обнаружено несколько зашифрованных адресов. Они были мною расшифрованы и оказались относящимися к местной групповой работе.

В дождливый серый день Немову похоронили на местном кладбище. Тело сопровождали ее сослуживцы из больницы и

осунувшийся Копытев, роман которого с Масловой оказался мимолетным друг к другу влечением.

Работа Киевского, Московского и Ростовского охранных отделений шла своим чередом.

Вскоре Маслова, которая наблюдалась филерами под кличкою «Строгая», выехала в Киев, а затем и в Москву, а в Ростов-на-Дону под наблюдением двух филеров вскоре приехал из Киева заметный деятель Российской социал-демократической партии, под филерской кличкой «Молоток».

Высокий, сухощавый брюнет, лет 25, бритый, на вид флегматичный, одетый в темный костюм и техническую фуражку с бархатным околышком, снабженный арматурой, молотом и топором, он остановился в хорошей гостинице и прописался под фамилией Яблокова, по профессии техника.

Ростовские филеры тотчас же приняли его в свое наблюдение, и я отпустил киевских, которые отметили, что «Молоток» хитер, осторожен и весьма чуток к наблюдению.

В первый же день по прибытии «Молоток» отправился в контору по найму квартир и начал подыскивать помещение под техническое бюро. Свой выбор он остановил на квартире, находившейся в переулке, выходящем на главную улицу Ростова — Большую Садовую. Через несколько дней из Харькова к «Молотку» приехали мужчина и женщина, под видом супругов — Марии и Петра Усовых — и поселились с ним. «Молотка» они называли хозяином, как служащие в конторе, Мария счетоводом, а Петр — техником.

Запрошенный начальник Харьковского жандармского управления ответил мне, что Усов с женой ему неизвестны, и просил выслать их фотографии. Чтобы исполнить это требование, пришлось нарядить филера-женщину Хомутову, которая снабжалась для этой цели специальным фотографическим аппаратом в виде обыкновенного небольшого свертка-покупки и производила снимки с наблюдаемых на довольно значительном расстоянии и совершенно незаметно для них. Снимки были произведены увеличены и отправлены в Харьков, где в женщине была опознана бывшая курсистка Ракова, а в мужчине — Любович, приехавший нелегально из-за границы. Наблюдение было трудное, требовавшее тонкой работы со стороны филеров и большого с их стороны внимания, так как наблюдаемые были чутки и все время проверяли, не наблюдают ли за ними, хотя и ни с кем не встречались.

Тем не менее было отмечено, что «Молоток» ежедневно по нескольку раз выходил в находившийся неподалеку городской сад, даже в плохую погоду, и оставался там не менее двух, а

иногда и до четыре часов, прогуливаясь или читая газету.

Это обстоятельство не могло не обратить на себя особого внимания, так как практика розыскного дела показала, что подобные прогулки обыкновенно совершают лица, изготовляющие динамитные разрывные снаряды.

Дело в том, что испарения динамита действуют разрушительно на слизистую оболочку и легкие, вследствие чего такому работнику необходимо чаще пользоваться свежим воздухом.

Наблюдаемые вели себя крайне осторожно, и для отвлечения подозрения они при встрече на улице с местным околоточным надзирателем приветливо с ним раскланивались, познакомились с ним и, наконец, дважды пригласив на чай, показывали ему помещение квартиры и бюро. Оказалось, что работа по изготовлению бомб ими производилась ночью, а днем квартира и бюро принимали вид, не возбуждающий подозрений.

Через десять дней местный секретный сотрудник сообщил, что в Ростов из Таганрога прибыл по какому-то важному делу некий Фурунджи и остановился в гостинице «Ливадия». За ним также было учреждено наблюдение, которое на следующий день, в 6 часов утра установило, что Фурунджи с особою осторожностью вошел в упомянутую контору и вскоре оттуда вышел с каким-то тяжелым пакетом.

Не заходя домой, Фурунджи направился на пристань и взял палубный билет до Таганрога на отходящий утром пароход. Филеры последовали за ним с приказанием сопровождать Фурунджи до Таганрога и, не оставляя наблюдения, сообщить в жандармское управление, чтобы оно не производило арестов до телеграммы из Ростова.

По дороге филеры обратили внимание, что Фурунджи не выпускал из рук упомянутого пакета и старался все время держаться подальше от теплой дымовой трубы, возле которой пришлось его палубное место.

После отъезда Фурунджи наружное наблюдение в Ростове отметило, что «Молоток» и его товарищи начали нервничать, озираться, часто останавливаться с целью проверить, нет ли за ними слежки, и пошли на вокзал.

Все, вместе взятое, с очевидностью доказывало, что утреннее наблюдение было ими замечено вследствие какой-либо оплошности филера и вместе с тем вызвало предположение, что лица этой группы, опасаясь ареста, могут скрыться и заблаговременно уничтожить следы преступления.

Поэтому решено было слежку в городе за ними прекратить, а усилить ее на вокзале и пароходных пристанях, чтобы в случае

попытки к отъезду кого-либо из этой группы таковую тотчас же ликвидировать; в противном же случае отложить эту ликвидацию до ночи, когда будет выяснена работа в Таганроге.

Предположение о тревоге технического бюро оказалось правильным Когда ночью к этой квартире приближался наряд полиции, то он уже был замечен на значительном расстоянии, и из окон квартиры «Молотка» начали метать бомбы, которые были такой разрушительной силы, что камни мостовой превращались в песок. Взрывы были слышны во всем городе, а в ближайших домах квартала все стекла в окнах оказались разбитыми. Обыском было изъято 200 годовых разрывных снарядов и около двух пудов динамита.

Такого же образца снаряды были отобраны и в Таганроге в квартирах, бывших там под наблюдением. Бомбы были обнаружены и в помойных ведрах, и в кастрюлях, и в других местах. По агентурным сведениям, эти бомбы были сконструированы по проекту Красина, партийная кличка «Никитич», игравшего впоследствии при большевиках крупную роль в качестве «полпреда» в Лондоне.

В той же квартире были найдены бумажные ленты с зашифрованными адресами, относящимися к разным городам империи. Таким образом, неосторожность Фурунджи при появлении его в серьезной партийной квартире в Таганроге непосредственно с пароходной пристани и без проверки за собою наблюдения «провалила» все адреса организации, по которым повсеместно в России была произведена ликвидация.

Техническая группа РСДРП была совершенно разбита, чем охранное отделение предупредило гибель многих сотен людей.

С другой стороны, был момент, когда вся успешная работа розыска могла кончиться ничем вследствие неосторожности филера, замеченного наблюдаемыми в Ростове. Усовы успели бежать, но вскоре в Киеве были задержаны одновременно с местными наблюдаемыми по этому же делу. Маслова была задержана в Москве на Остоженке с весьма серьезным поличным и списком фамилий и адресов должностных лиц и учреждений, которые, очевидно, предназначались быть объектами разрывных снарядов. Она в числе других по суду была приговорена к ссылке, но до отправки умерла в тюрьме от тифа.

Так погибли две молодые жизни, Немовой и Масловой.

Что же касается Копытева и других, то они были своевременно арестованы в Ростове, где вели местную, довольно бледную революционную работу и с технической группой никакой связи не имели. В связи с драмой, разыгравшейся с Немовой, прибавлю несколько слов о Копытеве. Это был бывший

студент, с одной стороны, идейный социал-демократ, считавшийся, впрочем, в партийной среде бледной посредственностью, а с другой — беспринципный человек, в своей личной жизни не брезгавший деньгами своих сожительниц, ведущих трудовую жизнь. При этом он был ленив и циничен. Немова, явившаяся для него одной из многих прошедших мимо него женщин, тем не менее своим трагическим концом и глубиною своего чувства оставила в его сознании глубокий моральный след.

Глава 12. КРОШКА

С 1906 года я состоял в должности начальника Варшавского районного охранного отделения, при котором в городской ратуше была и моя личная квартира. В Варшаве молоко нам доставлялось в дом. Утром приходила девочка лет 11. Светлые кудри, голубые глаза и хорошенькое личико маленькой молочницы привлекали внимание клиентов, которые сочувственно относились к этому ребенку, разносившему свой товар в большом жестяном жбане. Молоко это доставлялось давно из дома, где было несколько коров, а девочка с матерью там служили. Все обитатели ратуши прозвали девочку «Крошкой», баловали ее и подкармливали. Она перезнакомилась с детьми и по праздникам часто бывала во дворе ратуши, играя с ними. Особенно она была в дружбе с детьми моего кучера Яна, служившего десять лет в охранном отделении.

Однажды филеры, наблюдавшие за террористкою Роте, заметили, что с нею из дому вышла девочка, которая несла кувшин, по-видимому, молока. Роте вошла в дом на Праге, куда прошла и девочка. Через 5 минут она вышла на улицу, но уже без кувшина. «Девочка строгая, — заключил филер, — маленькая, а хитрая, как муха Мы ее взяли в наблюдение, но было трудно работать, она часто останавливалась, заходила в переулки, возвращалась назад, и так мы с ней промучились часа два. Наконец она, вероятно, устала и вошла в дом № 10 по Сенаторской улице, оттуда больше не выходила».

— Да это наша «Крошка», — сказал старший филер, — в этом доме она живет у молочницы.

В то же время секретный сотрудник «Ласий» сказал, что боевики, когда идут на работу, т.е на убийство или грабеж, при себе оружие и бомб не имеют, а их носят дети, от которых они берут оружие лишь в момент действий. Действительно, вскоре это и подтвердилось при некоторых террористических актах. Тот же сотрудник отметил, что у боевиков ведется наблюдение за охранным отделением, и притом так ловко, что о нем будто бы никогда и не догадаются; они знают номера извозчиков, служащих в охране, которые наблюдают за ними и даже получают иногда из «охранки» секретные бумаги. Сопоставив результаты наблюдения за Роте и эти сведения, невольно напрашивался вывод о «работе» «Крошки», которая может являться опасным орудием в руках революционеров и натворит больших бед. Тотчас же вплыли и мелкие эпизоды, которые хотя своевременно и останавливали на себе внимание, но не сопоставлялись с

заподозренною ныне «Крошкой». Так, однажды, приехав из служебной командировки рано утром в охранное отделение, я застал там за уборкой помещений жену кучера Яна и ее дочь. Тут же оказалась и «Крошка». Я спросил ее, что она тут делает; на это она смело, на чисто русском языке ответила: «Я уже разнесла молоко и пришла проведать Гандзю (так звали дочь кучера)». Я поинтересовался, где она выучилась так хорошо говорить по-русски, и узнал, что хотя ее отец и был австрийским поляком, но всегда дома говорил по-русски, так как долго служил на пивоваренном заводе в Москве. Три года тому назад он умер, после чего ее мать и поселилась в Варшаве.

Затем припомнилось, что недавно у делопроизводителя отделения пропала департаментская бумага, оставленная им накануне по забывчивости на столе. Тогда мы, не найдя ее, только ломали себе головы, куда она могла затеряться. Наконец, «Крошку» часто видели в нашем сарае, где стояли дрожки, с которых наши филеры в некоторых случаях наблюдали за революционерами. Словом, все подтверждало подозрение, что «Крошка» опасна. Однако высказать ей это подозрение значило спугнуть всю организацию. Было решено, не спугивая «Крошку», установить за нею и ее матерью наблюдение. Вскоре выяснилось, что ее мать живет с видным членом Польской социалистической партии, известным в партии под именем «Михаса», причем от поры до времени этот «Михас» ходил с «Крошкой» по улицам. После этого было установлено наблюдение и за «Михасом» и решено мать «Крошки» выслать из Варшавы в Австрию, подданной которой она состояла; конечно, она обязывалась взять с собою и дочь. Меня заинтересовало, что скажут в свое оправдание мать и ребенок, и я их вызвал к себе в отделение на опрос. Мать «Крошки», поблекшая, лет 35 женщина, еще красивая, объяснила, что в конце концов она даже довольна переселению из Варшавы во Львов, куда она выедет в указанный ей трехдневный срок. Сначала она отвечала на все вопросы нехотя и осмотрительно, но затем разговорилась. Узнав, что мы располагаем всеми данными о ее ребенке, за которого она могла бы отвечать перед законом, мадам Кусицкая — так ее звали, — заплакав, сказала, что она ничего не могла сделать, чтобы предотвратить моральную порчу ее ребенка, которая происходила на ее глазах, но теперь этого более не будет, так как в здоровой обстановке ее «Крошка» будет учиться и работать.

— Ведь ей уже 13 лет, — сказала мать, — она лишь выглядит десятилетней. Сначала она наблюдала за охранным отделением, но когда поняла, как к ней там хорошо относятся, то ей стало стыдно. Правду я говорю, моя дочка?

«Крошка» стояла вся красная, с опущенными глазами и, ничего не ответив, крепко схватила мать за руку и потянула ее из моего кабинета.

Обе ушли, и эпизод с «Крошкой» совсем изгладился из моей памяти.

С тех пор прошло девять лет. Я состоял начальником Одесского жандармского управления. Война была в полном разгаре. Как-то вечером, когда я находился уже у себя дома, меня вызвал по телефону женский голос:

— Алло! Начальник управления, полковник Заварзин?

Получив утвердительный ответ, говорящая сказала:

— Мне необходимо вас немедленно видеть, но не в помещении управления; я говорю с вокзала. Пока что посоветуйте хорошую гостиницу.

— Кто вы? — спросил я.

— Если припомните, то я «Крошка» из Варшавы.

Я предложил ей приехать ко мне на квартиру, удобную для таких поздних свиданий, и назвал «Лондонскую гостиницу», посоветовав ей там остановиться.

Тотчас же был вызван заведующий филерами Будаков, который должен был впустить «Крошку» в мою квартиру, и два филера, кои должны были взять в наблюдение «Крошку» по выходе ее из моего дома после свидания. В ожидании их я ясно представил себе «Крошку», ее работу по наблюдению за нами и свидание с ее матерью перед отъездом.

Пришел Будаков, и я ему рассказал все о «Крошке», на что он ответил: «Такая шельма может принести с собою если не револьвер, то бомбу. Надо нам смотреть в оба», — и вышел на улицу встречать гостью.

Стук в дверь, и в комнату вошла небольшого роста, стройная, худенькая женщина и, улыбаясь, подала мне руку:

— Вы меня узнали? ну и прекрасно! но я уже не прежняя «Крошка», а ваш союзник. В прихожей я попросила этого господина, — и она указала на Будакова, — осмотреть мою сумку, чтобы не было подозрений, что я могу быть опасной. Ведь от прошлой «Крошки» всего можно было ожидать.

Я познакомил ее с Будаковым, после чего она сказала:

— Вы, вероятно, уже распорядились учредить за мной наблюдение; это очень важно, так как сегодня в I час ночи я буду иметь свидание в театре «Варьете» в «Северной гостинице» с неизвестным мне человеком. С ним должна меня познакомить выступающая в этом театре женщина-стрелок. Его надо будет взять в наблюдение. Он имеет связь с австрийским генеральным штабом. Человек очень серьезный, и надо, чтобы он не заметил

слежки. Завтра я еду в Петербург к директору Департамента полиции Белецкому, у которого должен быть адрес моего мужа и который меня свяжет с генеральным штабом; но по дороге возможно, что на вокзалах я буду встречаться с интересными для вас лицами, поэтому прошу наблюдать за мною и до Петербурга.

Тон и категоричность указаний свидетельствовали, что дама хорошо знакома с техникой розыска. Будаков простился, чтобы переодеться и поехать в «Варьете» для наблюдения в зале, а «Крошка», снявши шляпу, уселась, как сильно утомленный человек.

— Я устала, проголодалась и совсем издергана за дорогу из Вены в Одессу.

Подали холодный ужин и чай. Она ела, как действительно проголодавшаяся, лишь от поры до времени бросая отрывочные фразы:

— Да, господин начальник, вы такую роль сыграли в моей жизни, что даже представить себе не можете, а ваше спокойное обращение при последнем нашем разговоре в Варшаве, когда мы ждали криков и тюрьмы, во мне и в моей бедной покойной матери запечатлелось как проявление гуманности. Вы поняли дело по существу. Мать моя оказалась слабой женщиной. Увлекшись социалистом «Михасом», она сделалась буквально его рабою, не разделяя вместе с тем его взглядов и с отвращением относясь к террору. «Михас» так завладел мною, несмотря на протесты матери, что не только его приказание, но даже желание было для меня законом. Вы ведь, вероятно, знаете, что я таскала для Роте динамит и даже готовые бомбы; присутствовала при убийстве офицеров и городовых, пряча оружие, из которого «Михас» убивал этих людей, и, наконец, наблюдала за охранным отделением. Оно, по проекту «Михаса», должно было быть взорвано, а вы и ваш помощник — убиты Ужасный кошмар! Но странно: ребенком я не считала все сказанное плохим и страшным Напротив, меня эта «работа» увлекала, а «Михас» был тогда в моих глазах героем, окруженным ореолом Лишь впоследствии я очнулась. Ведь пройди еще года три, и я, как уже ответственная по закону, была бы на каторге. Я узнала, что вы ликвидировали группу террористов, которые были повешены, во главе с «Михасом»...

Она замолкла и, посмотрев мне в глаза прямым, твердым взглядом, прибавила:

— Говорю вам честно и прошу подать мне руку в знак того, что вы мне верите.

Я исполнил ее просьбу, хотя верил только в ее искренность в данный момент, думая, что особа, пережившая такие

метаморфозы, сама не знает, как сложится ее жизненный путь.

— Скажите, «Крошка», неужели ваши волосы почернели от времени? Ведь вы были светлой блондинкой, — сказал я.

— А это я выкрасила волосы, чтобы казаться старше. Как я вам сказала, я еду прямо в Петербург, но, узнав, что вы здесь, хотела с вами кое о чем посоветоваться и поговорить. Сначала, если у вас есть время, я расскажу вам о себе В 1906 году, как вам известно, я выехала из Варшавы во Львов. Здесь мама меня отдала в монастырь для приобретения общего образования и получения профессиональных знаний по кройке и шитью. Тяжелая и строгая школа пройдена там мною. Непрерывный труд, молитвы, одиночество и постоянная покорность требовались неуклонно. Нрав у меня был своевольный, и я за это подвергалась жесточайшим наказаниям по нескольку часов простаивала на коленях в холодной церкви на каменном полу; оставалась без еды, дежурила по целым ночам у дверей кельи настоятельницы и т.д. И думалось мне тогда: где же милосердие и христианская любовь, когда все, как мне казалось, было вокруг сухо и даже зло. Мама моя умерла, и я, оставшись совершенно одинокой на белом свете, решила терпеть, пока не буду иметь в руках ремесла. За меня некому было платить монастырю, и я не знала, как быть, находя выход только в слезах. Однажды в комнату ко мне вошла настоятельница, старая худая старуха, всегда неприступная и суровая. Подойдя ко мне, она положила на мою голову руки и заговорила мягким, душевным голосом, которого я у нее и представить себе не могла: «Серафима! не плачь Люби беспредельно Христа. Страдающий человек близок к Нему, и Он его утешит. Отныне я буду твоей матерью и в мирской жизни. Оставайся с нами, а там перст Божий укажет тебе твой путь».

Я тогда поняла, что Христос для человека, как Его любят монахини этого монастыря, как велико их отречение от жизни и как они смотрят на свое и людское страдание В этот момент мне многое стало понятно, и, точно теплотою, согрела меня вера, которая до того момента так далека была от меня... Прошло шесть лет монастырской жизни, я прошла положенный стаж. Захлопнулись за мною ворота обители, в которой осталась частичка меня и которая живет и вечно жить будет во мне... Однако я оказалась буквально на улице, но все же не свихнулась, получив место бонны при детях небогатой семьи галичан. С племянником хозяйки у меня начался роман сильный, но чистый, и мы вскоре повенчались. Муж признался мне, что работает в русском розыскном деле, говоря, что только Россия может помочь объединиться всему славянству. Беспредельно любя мужа, я пошла ему навстречу и начала помогать, чем могла, в его работе.

Но вот началась война Муж был призван на действительную службу, послан на фронт и оказался в плену у русских. Опять я одна, в горе, с маленькими средствами и с ребенком на руках. Тоска по мужу была так велика что я начала стремиться пробраться во что бы то ни стало в Россию. Лелея надежду получить в Россию командировку от Генерального штаба, я решила поступить в австрийскую разведку, сдав ребенка своей свекрови. Я все средства использовала, чтобы проникнуть в среду офицеров Генерального штаба; ходила с разными прошениями по штабам; наводила справки о муже; посещала лекции; предлагала услуги по шитью семьям военных и т.д. Наконец, в одной из этих семей я встретила офицера Генерального штаба и, начав с ним кокетничать, по-видимому, заинтересовала его собою. Мы встречались и беседовали. Я прикинулась беспредельно преданной Австрии, упомянула, что знаю Россию, русский язык и Варшаву и т.д., словом, представилась ловкой женщиной. Вы знаете, господин полковник, что я умею лицемерить, а монастырь был моей высшей школой. Словом, клюнуло, и офицер однажды сказал мне, не пожелаю ли я служить в разведке. Сначала я отнекивалась, ссылаясь на свою неподготовленность, но он настаивал только на принципиальном согласии, которое я и дала. Я поступила в разведку. Меня испытывали внезапными вопросами; подбрасывали секретные бумаги; оставляли меня одну в комнате в которой на столе были разложены секретные планы, и в это время наблюдали в скважину замка, не излишне ли я любопытна. Наблюдали за мною на улице; проверяли знание передаваемых мне для изучения инструкций и насколько я их усвоила, — тут были и психология, и тактика, и идея родины и т.д. Так продолжалось более двух месяцев, когда меня вызвал офицер германской службы, один из главных руководителей, являвшийся и связью с Берлином. Он долго говорил со мною по-немецки и по-русски и в заключение сказал, что по-русски я говорю лучше чем по-немецки, и спросил, знакома ли я с уходом за больными. Я ответила, что в монастыре я это дело изучила вполне. Он подумал и сказал: «Я вас назначаю старшей сестрой милосердия в госпиталь, где находятся тяжелораненые русские пленные. Меня только смущает, что вы с белокурыми волосами слишком моложавы, и потому выкрасите их в черный цвет». Мне было жаль: ведь муж так любил мои светлые кудри, но я не возражала и исполнила его указание. Я должна была разбираться в бредовых разговорах больных пленных. Тут были указания на расположение их полков, фамилии начальников, отрывки приказов и т.п., но я чутко взвешивала, чтобы сообщать только то, что не повредило бы русским. Так я проработала три месяца,

когда меня вызвал капитан и сказал, что на меня возлагают большие надежды по исполнению важных поручений: «Вы будете теперь русской из сибирского города Тюмени, Анной Яковлевной Лобовой. Вот вам и ее паспорт Документ хороший, так как Лобова здесь вышла замуж и теперь в Россию возвращаться не полагает. Заменив ее, вы будете в числе других русских переданы в обмен на наших задержанных в России. Необходимо проявлять в работе наблюдательность и сосредоточенность, а патриотизм вам многое еще подскажет. Посмотрите, как мы любим нашу родину и как работаем для нее», — заключил капитан. Действительно, немцы любят сильно и возвышенно свою родину, и эта их любовь делает их работниками без устали Сон и отдых зачастую не превышает у них двух часов в сутки. Только подъемом моральных сил можно объяснить, что они так неутомимы и трудоспособны. По заданию я должна доехать до Владивостока, давая сведения секретным корреспондентам, для направления их по принадлежности. Сеть этих осведомителей я и помогу выяснить русским. Затем по тому же заданию я должна буду тайно перейти границу в Харбине и пробраться в Шанхай к немецкому консулу... Но я больше не возвращусь в Австрию и при первой возможности проберусь с мужем в Северную Америку, куда доставит мать нашего сына. В Одессе из властей, кроме вас, я никого видеть не буду, здесь много германских разведчиков, почему я опасаюсь наблюдения за собою и вызвать у них подозрение... Кстати, на днях германские броненосцы «Гебен» и «Бреслау» будут бомбардировать порты Черного моря.. [3]

«Крошка» ушла и на прощанье, пожелав мне всего доброго, прибавила: — Как случайно мы с вами встретились! Если кому-нибудь это рассказать, то это показалось бы невероятным!

Ночью ко мне пришел Будаков для доклада. Он был несколько навеселе от выпитой бутылки вина во время наблюдения в «Северной» за «Крошкой». По его словам, она появилась в зале после полуночи, разодетая, красивая и веселая, подошла к актрисе «Альпийскому стрелку» и села за ее столик. Вскоре к ним подошел толстяк и тоже уселся [4]. Посмеялись и ушли в отдельный кабинет. Через час они вышли из кафешантана, филеры пошли наблюдать за толстяком, а Будаков — за «Крошкой».

На другой день «Крошка» уехала из Одессы, и больше я ее никогда не видел. Слышал, что в Петрограде она была у директора Департамента полиции, но как протекла ее дальнейшая разведывательная работа и жизнь, я не знаю.

Теперь, в беженстве, как-то вечером после тяжелой работы на заводе Ситроена, я встретился со своими земляками в бистро.

Вспоминая прошлое, я рассказал своим собеседникам о «Крошке». На это один из присутствующих, проигравший недавно все, что имел, в рулетку, сказал:

— Не будет ли ваша «Крошка» дамой, которую в Монте-Карло называли «Австриячкою»? Она тоже хорошо говорила по-русски и обращала на себя внимание своей ангельской красотою и недоступностью. Тратила она и проигрывала громадные деньги богатого американца, с которым и уехала в Бразилию...

— Быть может, и она — с разбогатевшим мужем или влюбленным в нее другом!

Глава 13. ПИСЬМО

При Императоре Александре III Министерству внутренних дел в интересах охранения порядка и безопасности в империи было разрешено пользоваться без огласки перлюстрацией, т.е. секретным просмотром писем и почтовых пакетов, внушающих подозрение в их противозаконности, в смысле военного шпионажа или революционной деятельности.

В крупных городах империи были учреждены с этой целью при управлении почтово-телеграфных округов особые отделы «иностранной цензуры», которым и было вменено ведать перлюстрацией. В каждом таком учреждении состояло на службе несколько человек, знающих до восьми языков. По большей части эти чиновники-лингвисты были иностранцами по происхождению, но русскими подданными; среди них выделялись немцы, зачастую говорившие по-русски с акцентом, но отличные чиновники и специалисты этого дела.

Главная работа производилась по адресам и спискам Департамента полиции, но многолетняя практика выработала у цензоров такой опыт, чтобы не сказать чутье, что, основываясь на каких-то никому другому не уловимых признаках письма или пакета, они обнаруживали массу переписок, в которой оказывался шифр, химический текст или условные знаки и выражения. Черта под именем, какой-нибудь бледный знак на конверте, особая форма букв на адресе или адрес «для», точка или крестик и т.п. были достаточны, чтобы остановить их внимание, причем ошибались они чрезвычайно редко. Работа эта была срочная, непрерывная и трудная, так как требовала сосредоточенного внимания, причем проходили иногда целые недели, не дававшие ценного материала.

Когда какое-нибудь письмо было заподозрено, оно вскрывалось специальной машинкой или на пару, затем с него снималась копия, и оно вновь заклеивалось, так что адресат, получая его, и не подозревал, что содержимое письма уже известно власти. Письма, в которых обнаруживались признаки невидимого простым глазом текста, рассматривались особо тщательно; в некоторых случаях с них снимались фотографии, которые при помощи особого аппарата увеличивались, и таким образом удавалось прочесть написанное химическим способом и отправлять затем письмо по назначению. При этом бывали случаи, когда тайна оказывалась просто интимного характера перепиской. Большинство же переписок с химическим текстом приходилось подвергать реактиву, и поэтому по назначению они

не отправлялись.

Простейший способ невидимого текста — это написать его простым лимонным соком, молоком и даже слюной, а для того чтобы его проявить, надо нагреть бумагу до начала ее обугливания или смазать полуторапроцентным раствором хлористой жидкости.

В позднейшее время как шпионы, так и революционеры стали применять сложные химические составы, и текст приходилось подвергать проявлению при помощи особых реактивов.

Тайная перлюстрация существует, вероятно, и в некоторых других государствах, а во время Великой войны она производилась официально и на конвертах ставился особый штемпель, удостоверяющий, что письмо просмотрено в военной цензуре.

Сведения, получаемые перлюстрацией, в отличие от так называемых «агентурных», т.е. получаемых от секретных сотрудников, носили название «секретных сведений», и ими пользовались с особою осмотрительностью и без ссылки на источник. Переписка лица, уже привлеченного к судебной ответственности, задерживалась официально по сношению судебной власти с почтово-телеграфными конторами.

Ныне в Советской России просматривается вся частная корреспонденция повсеместно, во всех почтовых конторах и отделениях. Зачастую одно и то же письмо вскрывается и заклеивается по нескольку раз, а часто и вовсе не доходит по назначению.

Из более интересных писем, присланных мне в охранное отделение из «бюро иностранной цензуры», припоминается письмо с датой «Июнь месяц 1911 года», адресованное из Финляндии в Москву, в кооператив, на имя В. В письме оказался химический текст, зашифрованный дробью и настолько сложный, что пришлось телефонировать в Департамент полиции, прося прислать из Петербурга в Москву чиновника-специалиста Зыбина.

Зыбин прибыл на другой же день. Высокий худощавый брюнет лет сорока с длинными, разделенными проборо волосами, совершенно желтым цветом лица и живым пристальным взглядом. Он был фанатиком, чтобы не сказать маньяком, своего дела. Простые шифры он разбирал с первого взгляда, зато более сложные приводили его в состояние, подобное аффекту, которое длилось, пока ему не удавалось расшифровать документ.

Зыбин, явившись ко мне и едва поздоровавшись, тотчас спросил о письме. Ему подали копию, но она его не удовлетворила. На ответ, что подлинник уже отправлен обратно

на почтовую контору, он, не внимая ничьим словам, бросился без шапки, как был, на улицу с явным намерением отправиться на почту. Выход его был так стремителен, что, только когда он уже садился на извозчика, удалось запыхавшемуся курьеру остановить его, буквально схватив за рукав, и объяснить, что письмо уже вытребовано с почты по телефону и находится на пути в отделение. Зыбин вернулся и, схватив копию, начал сосредоточенно рассматривать тот ряд дробей, под которыми для меня скрывалась, по всей вероятности, серьезная работа революционеров, а для этого оригинала хитроумная загадка, возбуждающая его пытливость. Задав Зыбину несколько вопросов, на которые он почти что не ответил, я оставил его в своем кабинете и отправился с докладом к градоначальнику. Возвращаюсь через часа полтора и застаю Зыбина сидящим за моим столом, в моем кресле, теперь уже с подлинником письма в одной руке и карандашом — в другой, которым он беспощадно расписывал какими-то знаками и фигурами обложки разложенных на столе моих дел. Он не заметил моего прихода, и мне пришлось дважды окликнуть его, прежде чем он поднял на меня блуждающий взор...

— Идемте обедать! — сказал я. Он что-то пробормотал и хотел опять углубиться в созерцание листка, но я настойчиво повел его к себе. С письмом и карандашом он не расстался, сел за стол и, быстро проглотив поставленную перед ним тарелку супа, оттолкнул ее, перевернул одну, другую тарелку из бывших на столе и стал писать на их скользком дне. Это не удавалось; тогда он нетерпеливым жестом вытянул свой манжет и продолжал работу на нем. На хозяев он не обращал никакого внимания. Я пробовал вовлечь его в разговор, но тщетно. Вдруг он вскочил и буквально заревел: «Тише едешь, дальше будешь, да, да!»

Ошеломленные, жена и я воззрились на него. Он продолжал стоять и уже более тихо повторял: «Тише едешь, дальше будешь. Ведь “ш” вторая буква с конца и повторяется четыре раза. Это навело меня на разгадку. Вот дурак! “На воздушном океане без руля и без ветрил” было куда труднее». Тут он очнулся, опять сел и продолжал обед уже как вполне уравновешенный человек, вышедший из какого-то транса, сказавши добродушно: «Теперь можно и отдохнуть». Оставалось одно лишь радостное возбуждение еще раз одержанной победы. Он заявил, что за всю свою жизнь не расшифровал только одного письма по делу австрийского шпионажа, но что это было давно. «Теперь я и с ним не провалился бы!» — заключил он.

Зная ключ, прочесть зашифрованное письмо было легко. Надо было выписать последовательно одну букву под другою в

вертикальном столбце из всей пословицы, затем от каждой буквы продолжить горизонтально алфавит. Таким образом создается ряд алфавитов по числу букв, расположенных вертикально в столбце. Для дешифранта берут последовательно дроби из письма и заменяют их буквами так: 1/5 — числитель обозначает ряд первый, а знаменатель, что искомая буква в этом ряду будет пятая и т.д. Иногда шифровка производится лишь по одному слову, тогда число рядов должно соответствовать числу букв в данном слове.

Расшифрованное таким образом письмо содержало в себе указание на адрес: «Мустамяки, санаторий Линден» и на отправку «картонных коробок» в Киев, а также на необходимость приезда в Финляндию «товарища». По-видимому, тождественного содержания письмо было получено в Москве и по другому неизвестному мне адресу, так как именно в этот день местная агентура заявила, что известный социал-демократ Семенцов, прошедший школу пропагандистов на острове Капри, едет по важному делу в Финляндию, обставляя свой отъезд особыми предосторожностями, чтобы не попасть в слежку охранного отделения. За Семенцовым было тотчас установлено наблюдение, и филерам было приказано сопровождать его в Петербург, где и сдать для дальнейшего наблюдения Петербургскому охранному отделению. Указание в шифре на «картонки» давало основание предполагать, что дело может относиться к подпольной литературе, бомбам или оружию и даже к подготовлению террористического акта. К тому же в это время предполагался приезд в Киев Государя и министра Столыпина.

На это дело было обращено особое внимание, выразившееся в ряде действий Департамента полиции и Петербургского, Московского и Киевского охранных отделений. Надо было, во-первых, «не потерять» Семенцова и довести его под наблюдением до Мустомяк, а там выяснить его связи. Затем надлежало заняться выяснением автора письма и его замыслов, установить связи группы, к которой он принадлежал, с Киевом и, наконец, разработать наблюдением уфимскую (северо-восточную) группу, так как, сопоставляя все имевшиеся данные, Московское охранное отделение установило связь Семенцова и других с означенной организацией и высказало предположение, что автором письма мог быть некий Мячин, возглавлявший уфимскую группу. Этот последний был организатором ограбления Миусского казначейства и на взятые там деньги вооружил своих товарищей, сохраняя в группе боевые тенденции даже и после того, когда Российская социал-демократическая рабочая партия, вследствие неуцавшейся революции 1905 года, перешла к дореволюционной

тактике и распустила свои боевые организации.

Днем и ночью лучшие филеры непрерывно наблюдали за Семенцовым; наблюдение было сложное, с различными ухищрениями, чтобы таковое не было им замечено. Назначалось по два извозчика, работали женщины, была нанята комната, из окон которой видны ворота дома, где проживал Семен-цов, и т.д. На вокзале, откуда отходили поезда в Петербург, дежурили филеры, знавшие в лицо Семенцова, причем один, переодетый жандармом, был поставлен у билетной кассы.

На третий день рано утром к дому, где проживал Семенцов, подъехал извозчик с седоком, оказавшимся известным филерам под кличкой «Толстый». Сойдя с извозчика, он осмотрелся по всем направлениям, очевидно, «проверяя», нет ли за домом слежки, и вошел в ворота. Через четверть часа он вышел и, сев на своего же извозчика, поехал на Николаевский (Петербургский) вокзал. Филер Рыбкин решил ехать за ним на одном из наших извозчиков, а двое оставшихся филеров продолжали ждать выхода Семенцова. Действительно, через полчаса последний вышел, осмотрелся и, подойдя к другому нашему извозчику, начал с ним торговаться за проезд на станцию Лосиный Остров вблизи Москвы. Сторговавшись, извозчик стал возиться с упряжью, чтобы дать «нашим» время найти другого и следовать за ним.

Тем временем «Толстый», выехавший ранее Семенцова из его дома, доехал до вокзала, взял билет третьего класса и сел в товаро-пассажирский поезд, отходящий в Петербург. Филер Рыбкин решил последовать за ним, предполагая, что по каким-либо соображениям этот человек назначен вместо Семенцова для поездки в Финляндию. В таком случае терять его из вида не приходилось. Не доезжая до станции Лосиный Остров, в то время как поезд начал замедлять ход для остановки, «Толстый» высунулся из окна вагона и, сняв шляпу, начал ею махать перед собою. Филеру Рыбкину стало ясно, что надо быть настороже и наблюдать зорко. Действительно, как только поезд остановился, в вагон вошел Семенцов. «Толстый» глазами указал Семенцову свое место и, бросив проездной билет, как бы его теряя, еле успел выскочить из вагона. Поехавшие же за Семенцовым на извозчике московские филеры не успели его нагнать и поэтому не видели его посадки в поезд. В Петербурге Рыбкин сдал Семенцова в наблюдение петербургским филерам, которые, проводив Семенцова на Финляндский вокзал, сели с ним в поезд до Мустомяк.

Надо было координировать дальнейшую работу по этому делу, для чего генерал Курлов, состоявший тогда товарищем

министра, заведующим полицией, созвал совещание в составе вице-директора Департамента полиции Виссарионова, начальника Петербургского охранного отделения полковника Котена и меня. Сопоставляя все данные, нам стало ясно, что автором письма из Мустомяк явился именно упомянутый Мячин, почему дело представлялось серьезным.

Петербургское охранное отделение уже успело подослать «своих» под видом больного господина с женой в санаторий Линден-Мустомяки. За табльдотом они познакомились с Мячиным, и в надежде, что он, быть может, раскроет им свои замыслы, его оставили на свободе после произведенного все же у него обыска. Однако работа «супругов» оказалась вскоре ненужной. Семенцов, вернувшись в Москву, сделал особый доклад Московской группе, ведавшей получением и распространением литературы в Московском районе. Он сообщил, что ездил в Финляндию получить указания по перевозке подпольной агитационной литературы, идущей из-за границы через Финляндию в Петербург и Москву. По мнению Семенцова, этот способ был очень сложен, и высказал предположение, что он может быть терпим лишь как временный, пока не будет вновь налажено дело на западной границе. Все же один-другой транспорт вскоре прибудет в Москву, как только удастся благополучно его переправить при посредстве испытанных контрабандистов через границу. Часть транспорта предназначена для отправки в Киев и распространения там.

Таким образом, выяснилось, что переписка относилась к подпольной литературе. Задача теперь заключалась в том, чтобы перехватить эту литературу, прежде чем она разошлась по рукам и тайным организациям. Сведений, на какую именно станцию Москвы или под Москвою направится транспорт, не было. Сотрудник «Вяткин», стоявший близко к группам, занимавшимся водворением запрещенной литературы в Россию, узнал, что груз поступит в ведение «Григория», члена Московского комитета, и что он желал бы поручить получение транспорта на вокзале какому-либо верному лицу, хотя и не входящему в партию, но незаподозренному, т.е. «чистому» от полицейского наблюдения. У «Григория» была сестра Маня, посещавшая высшие курсы в Москве и состоявшая тоже членом партии. Маня предложила переговорить об этом «деле» со своей подругой-курсисткой Нюрой, на чем они и порешили. «Вяткин» не знал, где живут эти курсистки и как их фамилии; тем не менее он выяснил, что Маня на одном курсе с Нюрой и что в эти дни они, курсистки медицинского факультета, будут посещать Голицынскую больницу, чтобы присутствовать при интересных вскрытиях. Он

описал наружность обеих студенток: Маня, светлая блондинка, среднего роста. Нюра же смуглая брюнетка, маленькая и изящная. На следующий день филеры заметили среди слушательниц медицинских курсов, посетивших Голицынскую мертвецкую, двух девушек, державшихся вместе и соответствующих описанию «Вяткина». Оказалось, что Нюра проживает на Зубовском бульваре, в доме № 16 у своего отца-доктора Данина и что имя ее Анна, но называют ее Нюра. Филеры же ей дали кличку «Быстрая». На следующий день «Быстрая» встретилась с Маней на Страстном бульваре. Там же был и студент, оказавшийся впоследствии Петровым, по партийной кличке «Григорий». Девушки и студент начали оживленно беседовать, гуляя по бульвару, а когда начали прощаться, то Петров передал Анне Даниной какую-то бумагу. «Вероятно, коносамент[14]», — подумал наблюдающий издали филер Перцов и сосредоточил свое внимание на действиях девушки. На следующий день в 9 часов утра «Быстрая» вышла из дому, поехала на извозчике на станцию Лосиноостровскую и пошла в багажное отделение. Через некоторое время она вышла с носильщиком, который нес большой ящик, который и установил на извозчика «Быстрой». Филеру удалось узнать, что ящик был помечен в железнодорожном коносаменте как «домашние вещи». Данина поехала прямо на Никитский бульвар, к меблированным комнатам, где ее встретил «Григорий», очевидно поджидавший ее у входа на улице. Он быстро схватил ящик и внес его внутрь дома, а Данина, расплатившись с извозчиком, отправилась в Голицынскую больницу. Полиция тотчас явилась на обыск и обнаружила привезенный ящик в комнате Петрова, где он, сестра его Маня и студент Петухов были заняты распределением по пачкам прокламаций. Их арестовали; была арестована и Данина; маленькая и хрупкая, она сидела передо мною, отказываясь отвечать на вопросы; судорожное дыхание и постоянно наполнявшиеся слезами глаза выдавали ее большое горе.

Вскоре после опроса Даниной мне доложили, что меня хочет видеть ее отец. Вошел огромного роста элегантный мужчина, гладко выбритый, с зачесанными назад седеющими волосами. Отрекомендовавшись мне доктором Даниным, он сказал:

— Я хочу поговорить с вами, полковник, о моей дочери... — Тут его голос дрогнул и оборвался. Я попросил его сесть, и он как-то неловко и тяжело опустился в кресло.

— Я только шесть месяцев как овдовел, — начал он, — моя старшая дочь, теперь арестованная, заменила мать для моих маленьких детей, и весь дом лежит на ней... да и мне без Нюры... — Затем, искренно и правдиво, он стал говорить о дочери,

подтверждая уже создавшееся у меня впечатление.

Анна Данина любила семью, хорошо училась и была вне всяких политических партий, вполне разделяя взгляды своего отца, конституционалиста-эволюциониста.

— Я человек науки, — говорил он, — природа все создает эволюцией, а не ураганами, Нюра тоже понимает это. Петрова, ее подруга по факультету, сыграла на ее товарищеском чувстве, прося ее съездить за багажом, которого будто не могла получить лично, не объясняя, что в нем находится. Несомненно, что дочь подозревала или знала о принадлежности Петровой к революционной партии и что находилось в ящике. Отказаться исполнить такую просьбу было бы, по мнению Нюры, не только не по-товарищески, но могло быть истолковано трусостью, чего дочери не хотелось. Тяжела была ей мысль заслужить презрительный взгляд или едкую насмешку решительной и авторитетной в студенческих кругах Петровой; словом, она не отдавала себя отчета в последствиях своего поступка для себя и семьи...

В заключение он сказал: «Не разбивайте нашей семьи, не губите молодой жизни. Из нее выйдет полезный для родины человек, хороший врач и нежная мать...»

Прокуратура вошла в положение Даниной, и она была освобождена от следствия.

Была опрошена мною и Петрова. Типичная социал-демократка, «эсдечка», как они себя называли, энергичная, развязная, с большой дозой хитрецы, словоохотливая и бывалая, она явно была довольна, что в отношении ее нет достаточных улик для постановки дела на суд, но и была обеспокоена тем, как бы переписка о ней не была выделена в особое административное производство, с немедленной ее высылкой из Москвы, почему стала просить, чтобы ей дали возможность окончить университетские экзамены. Я ей ответил, что охранное отделение препятствовать этому не будет, но что это не от него зависит, о чем ей было, конечно, известно самой. Вскользь я спросил ее, зачем она подвела Данину, возложив на нее — беспартийную — партийную работу.

— А это не ваше дело! — отрезала она Потом добавила, что партийные соображения все равно охранке непонятны

— Соображения соображениями, — возразил я, — но тут дело в том, что за Данину спрятались, чтобы взвалить ответственность с больной головы да на здоровую.

Петрова не согласилась с этим, заявив в заключение, что партии нужны дела, а чьи головы при этом болят, ей не важно. Я и не ожидал от нее другого взгляда, благодаря той особенной

революционной психологии, при которой цель оправдывала любое средство и не раз позволяла партийным деятелям обращаться к тем самым товарищеским или дружеским отношениям, которые они со своей стороны так грубо с точки зрения обычной этики нарушали, подводя сторонних лиц под тяжкие взыскания. Это положение может быть подтверждено следующим ярким примером.

В бытность свою еще в России маститый социал-демократ Плеханов и его жена Роза Марковна, женщина-врач, были в приятельских отношениях с одним молодым следователем. Он видел в них только идейных, культурных и интересных знакомых. Супруги Плехановы уезжали за границу, но следователь не знал, что это было бегством, чтобы избежать последствий ускользнувшей от него их революционной деятельности. Роза Марковна просила его, как доброго знакомого, разрешения поставить временно у него сундук с какими-то ее вещами. Он охотно согласился, но через несколько дней у неосторожного следователя был произведен обыск, обнаруживший в сундуке, принадлежащем Плехановым, партийную переписку и литературу. Следователь был уволен в отставку и от потрясения сошел с ума, причем постоянно кричал, при всяком приближении женских шагов: «Не пускайте, не пускайте ко мне Розу с ее сундуком!»

Что же касается до брата Мани, студента Петрова, то он оказался уже бывшим в высылке и дважды арестованным в прошлом по политическим делам и успел выработать манеру держать себя как в охранном отделении, так и на следствии. Записав в протоколе данные о своей личности, он в графе «на предложенные вопросы отвечаю» отметил: «На предложенные вопросы отвечать отказываюсь» — и, поднявшись со стула, спросил не без язвительной интонации

— Могу уходить?

Манера держать себя и ответы Петрова типичны для большинства «политических».

Суд приговорил его к заключению на два года в тюрьме, а сестру его и Петухова оправдал.

Арест этой маленькой группы не приостановил дальнейшей работы охранного отделения в выяснении всей системы водворения нелегальной литературы РСДРП в Москву и другие города империи. Секретными сотрудниками «Вяткиным» и другими было выяснено, что «литература» печатается в Германии, в г. Лейпциге, откуда направляется к русской границе, где принимается контрабандистами и отправляется в Москву, Петербург и Харьков для дальнейшего распространения по

другим городам империи. Были тогда же выяснены фамилии и адреса причастных к этому делу лиц, до контрабандистов включительно; задержано несколько транспортов этой литературы, а виновные арестованы и привлечены к надлежащей ответственности.

Таким образом, надолго был расстроен лейпцигский транспорт. При этом следует отметить, что «технические группы», занимающиеся изготовлением и распространением литературы или фабрикацией разрывных снарядов, ликвидировались тотчас же по выяснении; с одной стороны, для пресечения преступной их деятельности, с другой же — отбираемый материал давал неопровержимые данные для предания виновных суду с поличным.

Иначе обстояло дело с комитетами, пропагандистами и различной градации партийными работниками.

Их надо было выслеживать довольно продолжительное время, производя аресты в соответственный момент; обыкновенно, когда организация собиралась в закрытом помещении для решения того или другого партийного вопроса или вынесения резолюций о забастовке, уличной демонстрации и т. д. Тогда обыкновенно удавалось добыть материал или для административного наказания, в виде высыпки, или предания суду.

Семенцов и лица, входившие в московский и районные комитеты, были арестованы позже в числе 54 человек, из которых 18 человек были представлены к административной высылке, а 36 предстали перед судом Московской палаты, которая 11 человек оправдала, а двадцати пяти вынесла обвинительный приговор.

Что же касается Мячина, то он успел скрыться. Беглые из Сибири и оправданные вновь сорганизовались, а охранные отделения вновь продолжали свою розыскную работу, и так непрерывно.

Мало-помалу кропотливо и фанатично крепли кадры революционеров: постепенно накапливался материал в Департаменте полиции, и американские шкафы наполнялись карточками зарегистрированных наблюдаемых, но это только скользило по умам власти и конституционной общественности, которые ясно не сознавали, что такое собою представляет масса разного наименования социалистов, с их ясными программами, уставами и тактикой.

В итоге у Департамента полиции были сосредоточены сведения о всех 100% революционеров, ставших после революции во главе власти над русским государством. Для спасения России не нашлось ни одного человека, который совмещал [бы] в себе идею крайнего национализма и дерзание ярого революционера.

Глава 14. КОММУНАРЫ

Одна из наиболее крупных и деятельных анархических групп была ликвидирована мною в Москве в 1911 году при следующих обстоятельствах.

Секретный сотрудник, работавший под псевдонимом «Фельдшер», однажды отметил, что от бывшей фабричной работницы Елены Шистовой, по убеждению анархистки, он узнал о скором приезде в Москву анархиста Гуляка. По словам сотрудника, Елена близка к некоему Савельеву и, очевидно, замышляет с ним какое-то преступление, так как во время появления в ее квартире Савельева она всегда выходит в коридор и там ведет с ним таинственно разговоры. Как-то случилось, что после такого посещения Савельева Елена просила «Фельдшера» оказать ей услугу и добыть фунта три пороха, но, получив отказ, ответила: «Тогда достанет “Таня”».

Изложенные данные секретной агентуры послужили основанием для учреждения наружного наблюдения за Савельевым, которому филеры дали кличку «Техник», а через несколько дней выяснили конспиративную встречу последнего на Страстном бульваре с неизвестным, метко названным наблюдательными агентами «Войлочным», по внешнему виду его шляпы и пальто. Вскоре дальнейшая слежка выявила группу в несколько лиц, таинственно встречавшихся с первыми двумя наблюдаемыми. Оказалось, что большинство из них проживало в громадном доме дешевых квартир Соло-довникова, вмещавшем в себе до четырех тысяч постояльцев. Там рабочие и бедные жители за 7—8 рублей в месяц имели комнату с электрическим освещением, горячею водою и другими удобствами. Дом имел несколько выходов, вследствие чего наблюдение за группою было технически крайне затруднительно и вызывало ежедневно назначение усиленного наряда филеров, человек до четырнадцати.

Недели через две встречи членов группы стали учащаться, но вместе с тем наблюдаемые проявляли и более осторожности и предусмотрительности.

В то же время «Фельдшер» сообщил, что он вновь посетил Елену и застал у нее в комнате Савельева, который, однако, оставался недолго и, прощаясь, шепнул хозяйке: «Ярославский, 11 часов». Отсюда сотрудник сделал вывод, что Елена и Савельев куда-то уедут, хотя по этому поводу она с ним, «Фельдшером», никакого разговора не имела.

Действительно, в тот же день наблюдение на Ярославском

вокзале отметило отъезд Елены и Савельева по направлению к Костроме, куда тотчас же и была послана соответствующая телеграмма. На следующий день филеры ни одного из наблюдаемых ими лиц в Москве не видели, а начальник Костромского губернского жандармского управления уведомил по телеграфу, что его филеры установили разновременный выход из московского поезда женщины и шести мужчин, которые прошли порознь на Соборную площадь и там, под покровом темной ночи, сошлись. Наряд полиции окружил группу с целью ареста, но приезжие, оказав вооруженное сопротивление, открыли стрельбу из револьверов и ранили одного городового. Оказалось, что Елене и Савельеву удалось избежать задержания и скрыться, остальные же были арестованы на площади.

Московское охранное отделение распорядилось устроить на упомянутой квартире секретную полицейскую засаду, причем удалось задержать и этих лиц, когда они из Костромы возвратились домой. При задержанных найдены были заряженные револьверы.

Все арестованные в Костроме были препровождены в Москву и после непродолжительного административного расследования переданы в распоряжение следственной власти.

В своем показании Савельев между прочим высказал, что его группу не следует смешивать с шайками работников и грабителей, так как он и его товарищи являются идейными «анархистами-коммунарами», проводящими в жизнь «безмотивный террор». Им безразлична как жертва та или другая личность. Они стремятся лишь воздействовать на «сытых буржуа», чтобы заставить их отдавать свои излишки голодным и неимущим людям, словом, работать на пользу пролетариев. По этим же соображениям «анархисты-коммунары» бросили бомбу в Барселоне, в Испании, в городском театре во время спектакля, в Одессе в фешенебельную кондитерскую Либмана, посещаемую богатыми людьми, в Варшаве — в ресторан «Бристоль», когда там находилось много разодетых и беспечных «эксплуататоров бедноты».

Через короткое время Савельев покончил жизнь самоубийством. Он повесился и в предсмертной записке объяснил свой поступок невозможностью пережить разочарование в близких людях.

Дело заключалось в том, что арестованный в числе других из группы Савельева его друг Филиппов, беглый матрос с броненосца «Потемкин», вызвался дать откровенное показание и предупредил, что его необходимо допросить скорее, иначе может «уйти важное дело». Это заявление было особенно интересно, так

как продолжавшееся агентурное расследование, выяснения, просмотр корреспонденции и филерское наблюдение развернули полную картину деятельности группы Савельева, заключавшейся в убийствах, грабежах, пропаганде и пр., а также установили связи группы с подобными организациями в Брянске, Калуге, Екатеринославе и даже Австрии. Тотчас же перевезенный из тюрьмы в охранное отделение Филиппов был введен в мой кабинет.

Высокого роста мужчина лет 35, худощавый брюнет, с прямыми длинными волосами, спускавшимися на лоб и виски, с приподнятыми плечами и вытянутой вперед головою на мускулистой шее. Глядящие исподлобья маленькие, карие раскосые, бегающие глаза, улыбка затравленного зверя и сложенные на груди руки с узловатыми жилами и толстыми на концах короткими пальцами; вот внешность Филиппова, которая производила отталкивающее и жуткое впечатление.

Когда конвоиры вышли из кабинета, Филиппов объяснил, что ему необходимо находиться скорее на свободе, чтобы узнать местопребывание скрывшихся членов шайки. Такое заявление имело для него основание, так как по сведениям секретной агентуры, за две недели до ареста Филиппова он, его сожительница «Курносая Таня» и еще двое неизвестных совершили нападение в окрестностях Калуги на усадьбу одинокой богатой вдовы. Задушив ее и служивших у нее садовника и горничную, шайка похитила большую сумму денег и массу ценных вещей, причем Филиппов значительную долю награбленного передал «Курносой Тане», которая должна была эти ценности закопать и ждать дальнейших указаний от Филиппова, спешно выехавшего в Москву. Там он был задержан и опасается, что оставшиеся на свободе члены шайки могут отобрать закопанные его сожительницей деньги и вещи, а ее самое убить.

Я ответил Филиппову, что его желание быть освобожденным из-под стражи по многим основаниям невыполнимо. Филиппов с большим трудом сдержал свое волнение и негодование после такого ответа и только сильно хрустнул пальцами. Наступило продолжительное молчание. Филиппов долго размышлял и наконец упавшим голосом заявил, что расскажет «всю правду, как перед Богом», причем начал истово креститься на висевшии в углу комнаты образ.

Однако своего торжественного обещания Филиппов сразу же не выполнил и стал давать показание с очевидной целью запутать дело и направить розыск по ложному пути, что вынудило меня прервать его рассказ и уличить во лжи. Филиппов смутился,

забегал глазами и, махнув рукой, начал излагать правдиво свои объяснения, сущность которых сводилась к следующему.

В 1905 году во время революционного бунта на броненосце «Потемкин» Филиппов лично убил трех морских офицеров, а затем бежал вместе с другими матросами в Румынию, откуда пробрался во Владивосток, где организовал шайку, безнаказанно совершившую несколько убийств и разбойничьих нападений. Впоследствии, когда двое из его товарищей были арестованы, он счел благоразумным вместе с несколькими членами шайки покинуть Сибирь и, запасшись нелегальными паспортами, переехать в Брянск Орловской губернии. Там он, встретившись с Савельевым, близко сошелся с ним и вошел в его группу. По его словам, Савельев относился к анархической деятельности группы с большим увлечением и неоднократно многоречиво высказывал свои отвлеченные суждения о революционной работе вообще, причем старался внушить членам шайки убеждение, что их предприятия осуществляются соответственно программным задачам анархическою учения. На Филиппова, по его признанию, слова Савельева производили слабое впечатление: ему нужно было «дело» и его материальные результаты, а не отвлеченные программы, смысла которых он так и не усвоил.

Члены группы очень ценили смелость и ловкость Филиппова, и все его уважали, так как до последнего времени из многочисленных преступных предприятий он выходил «сухим», т.е. всегда благополучно ускользал от полиции. По поводу разбойного нападения под Калугою Филиппов с гордостью пояснил, что старуху землевладелицу он придушил лично: «Аж кости хрустнули на шее, так я ее прижал».

На совести Филиппова было одиннадцать им убитых человек.

Сопоставляя показания Филиппова и других с данными, добытыми по обыскам, была установлена главная квартира группы, находившаяся в Брянске у приятеля Филиппова, живущего в маленьком собственном доме на окраине города, где он имел бондарную мастерскую, а жена его занималась огородом, находившимся тут же при доме.

Я тотчас же послал в Брянск четырех опытных филеров, которые должны были, приспособляясь к местным условиям, найти там работу на одном из заводов и постараться поселиться вблизи бондаря, наблюдая за ним после работы и по праздничным дням, посещая также трактир, где бывает бондарь и где, следовательно, могут иметь место интересные для нас встречи. При этом самая ответственная задача была возложена на старшего филера Теленова. Он должен был, изображая беглого из полка солдата, поступить куда-нибудь на поденную работу и,

посещая трактир, постараться познакомиться с бондарем Я поставил Теленова в курс всего дела и ознакомил его со связями Филиппова и Савельева, которыми он мог бы заинтересовать бондаря. Затем я указал на то, что «Курносая Таня» до сих пор нами не разыскана, хотя она проживает в Брянске, о чем дал сведения сотрудник «Фельдшер», находящийся теперь в тюрьме в качестве арестованного и имеющий непрерывную связь с содержащимися там анархистами. Кроме того, «Фельдшер» поведал, что анархисты обеспокоены, чтобы «охранка» не обнаружила у бондаря лаборатории и нелегальщины. Вследствие этого Савельев передал освобожденному из тюрьмы вору письмо на имя бондаря. В этом письме условными выражениями рекомендуется «произвести чистку» квартиры и сор выбросить или оставить для удобрения. «Фельдшер» это письмо понимает так: вынести из квартиры нелегальщину, которую или закопать в огороде, или уничтожить.

Теленов вскоре донес мне, что он уже познакомился с бондарем в трактире. Бондарь пьяница и во хмелю разговорчив. Узнав, что Теленов беглый солдат и что он знаком с Филипповым, бондарь, оказавшийся Иваном Ма-ливым, таинственно улыбнулся, но себя не выдал, переведя разговор на другую тему. В тот день, когда Теленов писал полученное мною письмо, Малив забегал в трактир, где встретился с молодой женщиной, передавшей ему синий платок, в который были положены какие-то вещи. Они пошептались и тотчас же разошлись, причем Малив, уходя, на ходу поздоровался с Теленовым, которому все-таки удалось передать женщину в наблюдение нашему филеру. По мнению Теленова, женщина, судя по приметам и вздернутому носу, может быть «Курносой Таней». В заключение Теленов доносил: «Хотя бондарь Малив уверяет, что он постоянный житель Брянска, откуда уже много лет не выезжал, но я этому не верю, так как полагаю, что Малив нелегальный матрос, приехавший с Дальнего Востока. Я полагаю так потому, что однажды, сидя в трактире, Малив случайно обнажил правую руку, на которой я заметил татуировку-дракона, которую обыкновенно себе делают матросы, плавающие в китайских водах. Затем походка бондаря морская, и он сутулится, шляпу носит как моряки — назад и, наконец, когда бондарь курит, то выбрасывает слюну далеко от себя, что привыкают делать куряшие моряки, чтобы не плевать на палубу, а за борт».

После всего изложенного я решил арестовать «Курносую Таню» и Малива с тем, чтобы у последнего оставить засаду в надежде, что к нему может приехать Гуляк. Для ликвидации я командировал в Брянск ротмистра Курдюкова, двух надзирателей

и чиновника Дмитриева, ведавшего, как специалист-дрессировщик, находившейся при охранном отделении известной в то время в России полицейской собакой Треф.

Эта собака прославилась рядом дел, по которым она отыскивала по следам запрятанные грабителями в различных скрытых местах похищенные вещи, а иногда и самих преступников. Однако работа с собакой была полезна только на окраинах городов и в сельских местностях, где следы человеческих ног могли довольно долго сохраняться. В городе же ее работа была почти безрезультатна. Треф по внешнему виду представлял собою исключительной чистоты тип доберман-пинчера. Он был очень красив, со своими темно-коричневыми подпалинами на черной шерсти и на ушах, всегда торчащих, причем острая морда с большими круглыми глазами была привлекательна и останавливала на себе общее внимание. С первых же дней дрессировки он обнаружил исключительную понятливость, серьезность и настойчивость в работе при феноменальном чутье. Все эти данные способствовали тому, что на собачьих выставках и на состязаниях Треф получал всегда первые призы, а легенды о его делах облетали без малого всю Россию. Признавал Треф единственно только Дмитриева, из рук которого он только и принимал пищу, или им оставленную, что обыкновенно вырабатывается, чтобы собака не была отравлена. Треф в обхождении был сух и никогда не ласкался. От поры до времени Дмитриев являлся ко мне в кабинет с Трефом, который безмолвно садился, имея передние ноги прямыми, около Дмитриева и только поворотом головы и взглядом показывал, что он интересуется шумом вентилятора или хлопнувшей дверью.

Словом, Треф тоже отправился в Брянск на помощь в розыске спрятанных бондарем предметов, если таковые не будут найдены в доме.

Через три дня отряд возвратился в Москву, куда были доставлены и арестованные в Брянске Малив, оказавшийся, как и предполагал Теленов, военным матросом Куличенко, беглым из Владивостокской тюрьмы, где содержался как привлеченный по делу убийства священника и ограбления церкви, его сожительница (а не жена) — из тех же мест — известная воровка Шесто-ва и «Таня Курносая» — сожительница Филиппова, зарегистрированная в Брянске как проститутка.

Оказалось, что Треф превзошел все ожидания. По прибытии в Брянск наш отряд при содействии местной полиции произвел обыски у Малива и «Тани Курносой». Их арестовали, хотя абсолютно ничего компрометирующего их обнаружено не было. Арестованных препроводили в полицейский участок, где они и

содержались порознь. На следующий день утром ротмистр Курдюков вызвал Дмитриева, объяснил, что, вероятно, в огороде закопаны вещи, принадлежащие группе. В огород привели Маливу. Треф обнюхал ее и пошел в огород, ища ее следов. За Трефом шел Дмитриев, который, между прочим, ограждал огород во время обыска, чтобы туда не проник со своими следами посторонний человек. Треф начал внимательно обнюхивать землю и ходил по дорожкам и между растениями около двух часов и затем, подойдя к дверям дома, спокойно сел. Все это было дважды повторено, и столь же безрезультатно. Тогда Дмитриев объяснил, что Малива всегда работала в огороде и Треф обошел весь огород, где, естественно, мог найти только ее следы. Пришел Теленов, на которого с нескрываемою яростью посмотрела Малива и разразилась руганью и проклятиями. Теленов вспомнил, что в последнее посещение Маливым трактира у него на руках были заметны следы земли, следовательно, именно он, Малив, мог закопать вещи. Привезли бондаря. Треф обнюхал его и уверенно пошел вдоль забора огорода, остановился и возвратился тем же путем назад. Дмитриев все-таки не удовлетворился этим и повел Трефа обнюхивать в квартире бондаря и в его мастерской вещи и тряпье. Затем Треф вновь обнюхал Малива и направился, как в первый раз, вдоль забора, но на том месте, где он тогда остановился, начал сильно скрести землю и лаять. Когда же к нему пытался подойти ротмистр Курдюков, то он так яростно на него бросился, что Дмитриев, вздрогнув, крикнул: «Господин ротмистр, осторожно!» — и подошел к Трефу, который начал махать обрезанным своим хвостом и «подавать голос», т.е. лаять. На этом месте, под кустом крыжовника, начали копать и там обнаружили закопанный бочонок, накрытый куском старого одеяла, другая часть которого находилась среди тряпок в квартире. В бочке оказались: пробирки для серной кислоты, серная кислота, цинковые листы, один цилиндр, порох, крупная дробь, т.е. все необходимое для приготовления примитивных, но смертоносных бомб, затем письма и заметки, принадлежащие Гуляку, которые были завернуты в синий платок, переданный перед тем Таней Маливу, и 200 экземпляров журнала «Буревестник»[{15}]. На дне бочки оказалась папка с документами Малива и его фотографиями. На одной из них были изображены матрос и женщина, причем на карточке было напечатано: «Владивосток Фотография Экспресс». Присмотревшись внимательно, без труда можно было распознать в снятых на карточке Малива и его сожительницу; там же находились и паспорта на имя Шестовой и Куличенко.

Не запираясь, Маливы сознались, кто они такие. Дмитриев,

узнав, что «Курносая» имела полученные от Филиппова деньги и вещи, принадлежавшие убитой помещице, начал разыскивать их в усадьбе, где жила «Таня», которую несколько раз обнюхивал Треф. Сопровождаемый Дмитриевым, Треф несколько раз обошел чердаки, сараи и погреб, когда в последнем «подал голос», и действительно, под лоханкой с бельем были закопаны вещи, завернутые в бумагу и платок, принадлежащий «Курносой». Денег не оказалось, но ограбленные вещи были все налицо.

Дмитриева впоследствии расстреляли большевики.

Наряду с такими типами, как Филиппов, «Курносая Таня» и другие, в той же группе находились и иного характера участники, как, например, Гуляк, который был арестован впоследствии, по возвращении его из Австрии, из города Черновиц, откуда он приехал с транспортом подпольного журнала «Буревестник», предназначенного для распространения в Москве и других городах.

Молодой человек, 22 лет, с изможденным и бледным лицом, Гуляк был убежденным анархистом-фанатиком и аскетом. Одет всегда плохо, почти оборванный, тратил на пищу минимально, лишь бы не умереть с голода, не допускал лично для себя никаких трат на развлечения, удовольствия или что-либо другое, связанное с излишеством и роскошью. Преследовавший убежденно чисто идейные цели анархической программы, Гуляк, однако, никогда не отказывался от личного участия во всех осуществлявшихся группами преступлениях, но всегда предпочитал так или иначе содействовать террористическим актам.

В конце концов в разных местах империи было подвергнуто задержанию 35 человек, и у них было отобрано много бомб, оружия и нелегальной литературы. В числе арестованных были разного рода лица Были типы такие, как Филиппов, и такие, как Гуляк, встречались и вовсе бесхарактерные люди, просто вовлеченные в грабительскую деятельность, попадались развращенные недоучки, женщины и испорченные до мозга костей незрелые юноши. Конечно, в состав групп входили и подонки разных революционных партий, которые в своей агитационной работе проводили всегда популярную и легко воспринимаемую идеологию: отчуждения богатств, отрицания собственности, грабежа награбленного и т.д.

Идея и кровь, деньги и любовь — все это переплелось в пестрый клубок, который и был разрублен приговором Московской судебной палаты, осудившей всю группу на разные сроки каторжных работ.

После захвата в России власти большевиками Филиппов был

назначен председателем Чека в Брянске[16].

Глава 16. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

В сентябре 1916 года я выехал по приглашению министерства из Одессы в Петербург, чтобы поступить в распоряжение Департамента полиции для командировок от министерства по делам розыскной части. В Одессе я был начальником жандармского управления в течение пяти лет и не без сожаления покидал оживленный богатый южный город.

Обычные в таких случаях проводы с подарками, речами и обедами. О революции нет и речи, однако в общей атмосфере заметен сдвиг влево, выражающийся в более открытой критике правительства. Затяжная война, с ее многочисленными жертвами и редкими и неполными победами, вызывает всеобщее утомление и раздражение. Общественное мнение, руководимое левыми влияниями, обращается против центральной власти, причем непроверенные злонамеренные слухи разрастаются до инсинуаций против самого Двора. Все спорят, но в сущности никто точно не знает, что он отрицает и с чем соглашается, причем несогласие фатально разъединяет интеллигентную среду в момент острого напряжения войны, когда так необходимы единение и солидарность.

На горизонте революционной работы начало проявляться влияние подпольных ячеек на заводах. Дело в том, что изготовление снарядов производилось военным ведомством на частных заводах, владельцы которых входили в состав Военно-промышленных комитетов (местных) во главе с общественными деятелями; комитеты эти возглавлялись центром, который находился в Петербурге, имея своим председателем А.И. Гучкова, а товарищем [председателя] — прогрессиста Коновалова, шедших на поводу у социалистов, соглашательством с которыми в Военно-промышленные комитеты были допущены представители от рабочих, которые тотчас же начали вносить в деловую работу чисто социалистические тенденции. Во главе этого дела в Петербурге стал Гвоздев, вошедший в Центральный комитет от рабочих и занявший в нем доминирующее положение. В то же время, естественно, он сделался главой и подпольного центра. Впоследствии Г воздев был министром труда во Временном правительстве, а большевики, его избив, арестовали. Гвоздев и все рабочие представители были известны розыскным органам не как техники, а как социалисты, представляющие собою величины в революционном мире. Нисколько не способствуя практическим целям комитетов, они тотчас же создали на заводах революционные ячейки и постепенно приобрели значение

руководителей массами. Между прочим, Петербургом был делегирован в Одессу нелегальный партиец, что было отмечено и в других городах. Это положение стало отражаться вскоре на количестве и качестве работы на заводах. Таким образом промышленный комитет становился как бы прикрытием подпольных организаций, члены коих, под видом осведомления масс о ходе работ, разъезжали по местам, организовывали и настраивали рабочих, связывая ячейки с подпольными центрами по восходящей линии, откуда они далее и получали указания. В итоге вся Россия оказалась окутанной сетью нелегальных организаций-ячеек, сплоченных и дисциплинированных, вне правительства и против него.

Немедленно вслед за этим были организованы повсюду и железнодорожные комитеты, также рабочие и подпольные. Во всех них оказались рабочие, тоже принадлежащие к той или другой революционной партии, в большинстве случаев опытные агитаторы Вместе с тем нельзя сказать, чтобы и эти левые организации не проявляли бы стремления к благополучному исходу войны. Тем не менее Департамент полиции вскоре отметил пораженческую пропаганду, проникающую и в эти рабочие организации из большевистского центра в Швейцарии, после Циммервальдского съезда{17}, возглавленного Лениным. Как известно, при посредстве Троцкого, принужденного покинуть Францию, где он участвовал в пораженческих изданиях, некий Парвус свел Ленина с германским Генеральным штабом, чего не скрывает и генерал Людендорф в своих воспоминаниях{18}. Ленин получает от Германии колоссальные деньги, вражеская работа кипит; распространяется всюду пора женческая литература, в России разъезжают пропагандисты и агитаторы, развивается шпионаж, и как результат ленинской работы выявляется ярко деморализация в войсках и в обществе. Правительство на это должным образом не реагировало, а революционные и общественные организации, желавшие победного конца, не поняли, что своей оппозицией к власти они льют масло на немецкий костер.

Затем следует отметить и работу общественной организации Земгор, что означало: объединение земских и городских общественных деятелей{19}. Замысел работы Земгора и выполнение ее в сфере устройства госпиталей, санитарных отрядов, питательных пунктов были в высшей степени патриотичны и целесообразны; но вскоре Земгор, перейдя к политической работе, придал ей общий оппозиционный характер, создавая впечатление, что и люди и учреждения существующего режима должны быть заменены из их среды более деятельными и

соответствующими требованиям времени.

Не лишено при этом интереса и то, что Земгор в своей организации приютил немало здоровых молодых людей, не желавших подставлять свои головы под пули.

Вот в общих чертах положение вещей, при которых состоялся мой приезд в Петербург. Тотчас после явки по начальству я был командирован для проверки агентуры в Полтаву. Приехав туда, я явился к губернатору Молло-ву, бывшему прокурору Одесской судебной палаты, с которым я работал в Одессе почти пять лет. Я положительно не узнал его, так изменились его взгляды и подход к различным вопросам по борьбе с революционным и оппозиционным движением. Ранее ясный и категоричный в своих мнениях, он стал как-то неопределенен и ближе к психологии левой общественности, чем к государственной точке зрения. Чувствовалась какая-то апатия. Оказалось, что в полтавских мастерских существует железнодорожный подпольный комитет, известный местной жандармерии, но явно безнаказанно проявляющий свою деятельность в возбуждении рабочих, который, подняв на забастовку, предъявил ряд требований хотя и экономического характера, но совершенно невыполнимых по условиям военного времени. Той откровенности, которая была раньше между мною и Молловым, не осталось и следа. Из всего сказанного им можно было заключить, что Петербург не дает определенных указаний и что последние сводились к расплывчатым фразам с предоставлением действовать «на общих основаниях». Между тем возникавшие вопросы являлись общими для всей империи, и только одновременные энергичные мероприятия во всем государстве могли бы вернуть страну к сознанию ответственности переживаемого момента и к укреплению государственной власти. Таким образом, условия работы губернатора были крайне тяжелыми; неопределенность подрывала его авторитет, а нерешительность центральной власти отражалась на его положении.

Посещение Полтавы впервые ярко выявило в моем сознании угрозу, нависшую над государством.

Ко времени моего возвращения в столицу многое переменилось. Во главе Министерства внутренних дел стал Протопопов, странная, неопределенная, неуравновешенная личность, как бы олицетворяющая собою слабость и непопулярность государственной власти

В начале октября 1916 года, т.е. за четыре месяца до революции, я вновь был командирован для проверки и постановки розыскного дела по всей Сибири. До Иркутска предстояло ехать пять суток в сибирском экспрессе, но

оборудование этого поезда с ванной, вагоном-рестораном, читальней и прочими удобствами было настолько превосходно, что обещало хотя и долгую, но приятную дорогу в пять тысяч километров.

Выезжаю из Петербурга в мокрую осеннюю погоду. Через десять часов проезжаем мимо Вологды. Сквозь громадные окна вагона прекрасно виден этот старинный, широко разбросанный город, с низкими, большею частью деревянными и изредка каменными домами и массой церквей своеобразной старинной архитектуры, с высокими колокольнями и сферическими куполами, увенчанными большими золочеными крестами. Тут тоже осень, но заметно холоднее Проехав еще сутки, мы очутились в снежном мокром урагане Крупные хлопья снега, падая и тая, образовывали лужи воды и непролазную грязь на дорогах. Здесь шоссе не существует; дороги проложены по вязкому грунту, и в это время года, до морозов, сообщение на лошадях почти прекращается; только кое-где появляется одноконная крестьянская телега или тяжело шагающий по грязи пешеход.

В поезде все скоро перезнакомились. Постепенно стали образовываться, как во всякой долгой поездке, группы, которые располагались вместе в ресторане, посещали друг друга в купе или играли в коммерческие игры в карты. В дороге как-то все делаются проще и симпатичнее. Ехал прокурор Иркутской судебной палаты Нимандер, и мы быстро сговорились о том, как следует реагировать на инцидент, происшедший в Иркутске между жандармами, следователем и прокуратурой. По существу все сводилось к пустякам, на почве провинциального местничества

В поезде ехал также мрачного вида старичок, маленький, сухонький, лет 70. Он все время читал и ни с кем не разговаривал. Я как-то запоздал в вагон-ресторан, где сидел и он, уже собираясь уходить. В ожидании лакея я развернул местную газету, когда старик подошел ко мне, прося разрешения присесть к столу, чтобы просмотреть телеграммы. Таким образом мы познакомились и разговорились. Оказалось, что он ездил на Кавказ навестить свою дочь. Теперь же возвращается к себе во Владивосток, где имел коммерческое предприятие Он многое знал и многое видел на своем веку, обладал прекрасною памятью и был зло остроумен.

— Еду я седьмые сутки, — сказал он, — и не могу отделаться от впечатления обширности нашей родины. Подумать только, что теперь в Батуме до 20 градусов в тени, пальмы растут под открытым небом, апельсины и лимоны зреют, как в Италии, а тут

мы переваливаем холодный Урал, с его рудными богатствами, неисчислимой мировой ценности, но что они в сравнении со всеми богатствами, еще вовсе не початыми, в Сибири и Туркестане... Величие России поразительно, и нельзя отказать в мудрости народу и его вождям, которые ее создали, но необходимы еще многие годы устроения и развития, а тут в короткое время вторая война, и можно ли удивляться, что чувствуется ослабление духа. Конечно, оно временное, но им могут воспользоваться, чтобы злоупотребить и натворить много бед. Все-таки следует верить в жизненную силу народа, создавшего такое государство. Посмотрите хотя бы на этот колоссальный Сибирский железнодорожный путь, — сколько различных мест он проходит и как грандиозен план его выполнения! К северу от нас за беспредельными лесами, полными редкого зверя, начинают тянуться земли, где население одевается в оленьи шкуры и где водятся тюлени и белые медведи, а к югу — в нашей же России — плодороднейшие земли Верного и Семиречья, где тигры кроются в тростниках, а еще далее к югу зреет хлопок, и флора и фауна приближается к тропической. Здесь десять градусов ниже нуля, а потом станет снова теплее, и во Владивостоке мы застанем теплую осень. Да, государь мой, приходится ехать пятнадцать дней в скорых поездах, чтобы доехать от Батума до Владивостока. Но плохие времена мы переживаем. Всюду неурядица, неудовольствие, слезы и критика. Ужасное явление война! Лучшие гибнут, все беспощадно разрушается, а самое главное, что народ точно теряет свое единство и все озлоблены. Да что много говорить. В Батуме, в клубе, почти открыто порицали Царя и Царицу, а один тип даже сказал: «Не стоит о них и говорить! Они скоро уйдут. Царь отречется, а на его место будет Алексей с регентом Михаилом Александровичем». На это один из членов клуба, вполне солидный и приличный человек, добавил, что, по-видимому, сведения о предстоящем отречении правильны, так как в Батум приезжали Гучков, а затем — член Думы Бубликов, которые по секрету говорили некоторым то же самое, но регентом называли Великого князя Николая Николаевича. Они же склоняли на свою сторону военных начальников, из которых некоторые соглашались, считая, что так будет лучше...

Старик смолк и задумался. Затем быстро встал и, подавая мне руку, твердо сказал:

— Дело дрянь! Не во время войны такие штуки затевать и умы мутить. Ничего хорошего не будет!

То, что сказал этот человек, соответствовало действительности: работа многих общественных деятелей и

членов Государственной думы была именно такова, каковой изображал ее старичок. Все доподлинно было известно министру Протопопову, который, однако, не только не принимал никаких мер, но и не докладывал всех сведений полностью Государю. Говорю «полностью», так как министр внутренних дел, составляя всеподданнейшие доклады из сведений, поступавших со всей империи, весьма смягчал положение, почему в высших сферах и царил изумительный оптимизм.

От жандармского офицера станции Красноярск, которую мы только что проехали, я узнал, что в городе были беспорядки на почве дороговизны продуктов; чернь грабила магазины и избивала торговцев. Убито и ранено несколько полицейских. К. этому ротмистр добавил, что в толпе были агитаторы и руководители беспорядками, кои пришлось подавить действиями войск.

Поезд мчит нас дальше. Уже зима. Необозримые снежные поля и убранные в белые саваны деревья. Природа замерла на многие месяцы. Кое-где виднеются деревни и хутора, но людей почти не заметно. Оживление только на станциях, где идет обычная жизнь и служба и куда стекается к проходу поездов местное население. Сибирь страна крестьянская, в ней не было никогда помещиков, а заселялась и культивировалась она выходцами из Европейской России, образовавшими сибирское, забайкальское и амурское казачества. Земли было много. Поэтому сибиряки жили чрезвычайно зажиточно, в просторных избах с массами построек, широкими дворами. Иногда селились деревнями, иногда же отдельными хуторами. Сибиряк энергичен, себе на уме, привык бороться не только с природой, но и защищать свое имущество самолично. Он самостоятелен, но не замкнут, радушный хозяин; при случае умеет и с оружием в руках постоять за себя. Сибирские условия выработали особый быт. На ночь сибиряк крепко запирается, но не забывает при этом выставить на подоконник или на скамью у ворот горшок с едой и хлеб или крынку молока для прохожего бродяги. Это вызвано тем, что издавна беглые каторжане скрываются днем, подходят к жилью ночью. Отказать им в пище не в характере русского человека, но в то же время впустить в дом такого гостя было бы не безопасно. Таким образом, установился этот обычай, свято хранимый всей Сибирью. Даже война мало отозвалась внешне на Сибири.

На пятые сутки мы приехали на станцию Иркутск. Нам подали сани, и мы тотчас же въехали на плавучий мост через реку Ангару, которая, несмотря на установившуюся зиму при 15-градусном морозе, продолжала катить свои быстрые и

прозрачные воды. Глубокая и широкая, около километра река эта отличается такой чистотой воды, что все дно ее видно до мельчайших подробностей. Она начинает замерзать до дна в декабре месяце, после двухмесячных морозов. Лед быстро подымается на поверхность с шумом, похожим на выстрел из пушки. Сообщение по ней прерывается на одни сутки, когда разводят мост и подготовляют конный путь по льду.

Иркутск обширный город, как все в Сибири, где местом не стесняются; весь в снегу; люди кутаются и кажутся толстыми и неповоротливыми. Дома по большей части деревянные, в один или два этажа; такие же гостиницы. Прекрасные магазины снабжены в изобилии товарами и мехами. Поражают огромные универсальные дома, принадлежащие двум конкурирующим фирмам, раскинувшим свои отделения по всем городам Сибири. В Западной Сибири Ламеер и Второв, в Восточной — Кунст-Альбертс и Чурин. По размерам они немногим меньше парижских, но в них имеются также и отделы продовольствия. Все в них есть, как говорят, от дегтя до бриллиантовых серег и собольих муфт включительно. Окна щеголяют всевозможными товарами, от местных до парижских и лондонских. Эти же дома организовывали целые экспедиции на Крайний Север для скупки мехов, где их агентам приходилось ездить даже на собаках. Привезенное сырье направлялось до войны в Лейпциг для выделки, а затем те же меха возвращались в Россию и в сибирские лавки. Во время войны выделка производилась в Москве, но была качеством хуже. Подобные же экспедиции отправлялись и к югу для привоза чая, хлопка и т.п.

В Иркутске высшее начальство края — генерал-губернатор и командующий войсками. Жандармское управление ведало там и розыском.

Вечером по темным окраинам улиц приходилось посещать конспиративные квартиры. Иду с офицером в штатском платье. Слышен скрип полозьев приближающихся саней — «корзинки», т.е. сделанного из прутьев большого кузова, положенного на полозья. К. моему удивлению, мой спутник быстро поднял руки вверх, говоря и мне сделать то же самое. Оказывается, что эти «корзинки» поздно вечером иногда появляются в окраинах на «промысел». Возница набрасывает с необычайной ловкостью на прохожего лассо и затягивает петлю, что не удается сделать, если у человека руки свободны. Задушенная жертва раздевается донага, а тело бросается в Ангару или закапывается в снег. Весною, когда растает снег, обнаруживают трупы этих людей. которых на местном наречии называют «подснежниками».

Агентура при жандармском управлении была осведомлена,

что железнодорожные мастерские в руках социалистов и что подпольные комитеты в непрерывной связи с Петербургом, а в городах работают под прикрытием кооперативов и профессиональных организаций ссыльные, усиленно ведущие пропаганду с призывом к революции. Везде распространены гектографированные листки с думскими речами Милюкова и Керенского, которые понимаются читающими как призыв к перевороту и низвержению существующей царской власти. Распространяется также и речь Гучкова, в свое время произнесенная им с думской трибуны с критикой действий членов Дома Романовых. Губернатор завален разрешением дел по распределению высылаемых из Европейской России и жалуется на слишком широкое использование местными властями права высылки, что является переливанием вредных элементов из России в Сибирь, где они, явно продолжая свою деятельность, заражают ею здоровые слои населения. Вместе с политически вредными элементами высылают и мелких уголовных преступников и даже проституток, больных неизлечимыми болезнями. Железнодорожные жандармы обременены преследованием контрабандистов по перевозке золота, опиума и спирта. На днях наблюдательный жандарм обратил внимание, что, по-видимому, беременная в последней степени женщина сильно ударилась животом об угол дома. Он был готов идти ей на помощь, но, к удивлению своему, увидел, что такой удар нисколько на ней не отразился; тогда он пригласил ее в канцелярию, где и обнаружилось, что ее беременность заключалась в огромном цинковом сосуде, наполненном контрабандным спиртом. За один только день было обнаружено в поездах восемь таких контрабандистов.

Вообще контрабандный промысел широко разросся за время войны, так как на пограничную стражу, жандармов, полицию и другие власти помимо их прямой службы были возложены сложные обязанности по мобилизации, выборам, транспортировке раненых, перевозке и размещению военнопленных и т.д. Число последних достигло двух миллионов человек.

Из Иркутска опять переезд в четверо суток в скором поезде до Владивостока. Проехали мимо моря — Байкал, Маньчжурию с русским Харбином и опустелого военного города Никольск-Уссурийска. Всюду поезда военного снабжения, идущие преимущественно с предметами, присылаемыми из Америки через Владивосток, а затем по Сибирскому пути — на фронт. Всех поездов пропустить не успевали, а потому станции и разъезды были забиты вагонами. Во Владивостоке царило громадное оживление в связи с снабжением фронта. Власти были поглощены

этим ответственным делом, и революционная деятельность проявлялась слабо, но зато работал противник, направляя извне свою деятельность на затруднение снабжения путем взрывов и поджогов складов, расположенных скученно к порту и вдоль железнодорожных путей. Здесь, так же как и во всей России, работали подпольные железнодорожные комитеты, состав которых хотя и был известен, но об их аресте категорических приказаний не поступало.

Вышеупомянутые речи Милюкова, Керенского и Гучкова ходили по рукам и здесь. Ясно было, что Дума играла роль революционной трибуны.

Владивосток изобилует пестрым населением, что, конечно, и могло способствовать иностранному шпионажу. С непривычки особенно привлекали на себя внимание китайцы своими странными одеждами и длинными косами. Японский элемент благодаря своей национальной дисциплине был вполне благонадежен, раз Япония находилась на стороне союзников, китайцы же должны были находиться под непрерывным наблюдением, тем более что Германия последние годы имела большое влияние в Китае

Мне надлежало по делам проехать в Японию. Видимо, война там отражения не имела, хотя все японцы очень живо интересовались ею, высказывая убеждение, что державы Согласия не могут выиграть войны, так как на стороне союзников находится Япония. Страна восходящего солнца слишком часто описывалась, чтобы я подробно на ней останавливался Скажу только, что Япония, сохранившая свои бытовые традиции и одежду, произвела на меня огромное впечатление свой культурой, флотом, заводами, железными дорогами и образцовой обработкой земли. Я был, между прочим, удивлен тем, какой тяжелый труд, вплоть до грузовых работ в портах, несут японские женщины. С непривычки останавливает также на себе внимание перевозка людей людьми же, в маленьких двухколесных колясочках — «рикшах».

Возвратившись во Владивосток, я тотчас выехал в Хабаровск, находящийся у устья Амура, севернее Владивостока и с климатом очень суровым. Там я представился генерал-губернатору Гондатги, личности исключительно яркой. Говорили, что он был намечен на пост министра внутренних дел, но не получил этого назначения благодаря интригам в петербургском свете.

Жандармский офицер в Хабаровске — ротмистр Бабыч, лет 30, обращал на себя внимание своей красивой внешностью статного блондина, способный, живой, был хорошо осведомлен и производил прекрасное впечатление дельной и активной работой;

жизнь и энергия точно били ключом в этом человеке. Такие типы нередко встречаются в казачьей среде, из которой вы шел и Бабыч. Когда наступила революция и большевики пришли к власти, Бабыч организовал вооруженную группу и стал истреблять представителей советской власти, но эта работа продолжалась недолго случайно взорвавшаяся бомба оторвала ему обе руки и, вырвав глаз, обезобразила его. Сотрудники Бабыча перевезли его в Харбин, где, впрочем, он мог только влачить жизнь несчастного калеки.

Хабаровск гордился своим Китайским музеем, созданным генералом Гродековым. бывшим начальником этого края и ушедшим с этой должности по разногласию с военным министром Куропаткиным, так как Гродеков, предвидя войну с Японией, требовал немедленного усиления военной силы на Дальнем Востоке, меж тем как Куропаткин и Витте считали эти требования лишенными основания.

Гродеков и его сотрудники положили много труда к созданию этого музея. Тут было полное собрание всевозможных идолов, среди которых боги-целители, покровители путешественников, страшные боги заразных болезней, войны и пр Особенно же разнообразна была коллекция злых духов, леших, домовых, мстителей и т.д. Затем следовал отдел казней и наказаний из воска, отрубленные головы в клетках, в том виде, как они выставлялись в Китае на площадях; мешочки с комплектом ножей для постепенного отрубания всех частей тела у пытаемых и казнимых; каменные мешки для зато чения, где осужденный проводит время стоя; особые сосуды, из которых медленно капает горячее масло или расплавленный свинец на голову осужденного, огромные плоские палки, которыми бьют по пяткам до их размоз жения. Изощренная жестокость, доходящая до садизма, поражала в этом отделе. Не представлялось тогда, что так скоро овладевшая Россией шайка пригласит китайских специалистов по пыткам показывать свое искусство на русских людях. Музей также был богат одеждами, предметами искусства, картами и таблицами.

Противоправительственная деятельность местного революционного элемента ни в чем ярко не проявлялась — то же распространение речей думских деятелей, пропаганда в союзах и на железной дороге и т.д.

Из Хабаровска я проехал в Благовещенск. Богатый хлебородный край, в большей части населенный переселенцами с Украины, внесшими в него особенность своей национальности и языка, настойчивость и любовь к земле. Из этих переселенцев были образованы те сибирские полки, которые покрыли себя

славой на полях сражения, в особенности под Варшавой. Громадный город Благовещенск производит впечатление своей оригинальностью: всюду одноэтажные дома, среди которых несколько церквей и два огромных универсальных магазина, один против другого Вблизи них устроены коновязи, к которым привязывают своих лошадей приезжающие иногда за тысячу верст покупатели. В политическом отношении застаю то же, что и в других местах. Власти живут сплоченно и своеобразно по-провинциальному, ежедневно, по очереди, посещая друг друга, причем некоторые выпивают лишнее. В день моего приезда было совершено днем открытое нападение шайки на золотопромышленника, привезшего накануне с известных Ленских промыслов десять фунтов золота. Его убили, золото забрали, а сами разбойники скрылись в глушь сибирских лесов. Такое преступление характерно в этих краях, где золотоискатели выслеживаются, ограбляются и убиваются Опытные сибиряки умеют сами расправляться с такими шайками; они их заманивают и уничтожают. Война взяла у Сибири большинство молодого, сильного населения, как и во всей империи. Разбойники же, большею частью беглые каторжане, остались; их деятельность и смелость возросли, их стало много повсюду, в особенности на больших дорогах, причем к ним присоединялись теперь еще китайцы, и борьба с ними стала для власти трудной задачей, даже невыполнимой.

Из Благовещенска я выехал в Читу Дорога проходит по сибирской тайге, т.е. многовековым девственным лесом. Тайга мало исследована; местами леса обнимают площадь во много тысяч километров и воспеваются преступной Сибирью как пристанище беглых каторжан, исчезающих в их недоступной глуши. Там же образуются шайки смелых разбойников, подчас легендарных.

Для поездки мне был предоставлен прекрасный вагон, из стеклянной галереи которого видна была необозримая дикая Сибирь. Во всей Сибири, а в особенности в этой местности жизнь еще первобытная: человек один с природой, которая разнообразна и богата и особенно поражает повсюду своей необъятной ширью пространств. Все равно, степь ли, лесли, они тянутся на тысячи верст. Сибиряки не считаются с расстоянием, и поездка за несколько сот верст на лошадях не представляется для них ничем необычайным. Самая Сибирь, от Уральских гор до Владивостока и от северных тундр до Монголии и Туркестана, заселена в преобладающей части русскими. Многие сибиряки, в особенности с окраин, по торговым делам побывали в Монголии или ходили за пушным зверем на Крайней Север. Из соприкосновений с

инородцами Сибирь восприняла предрассудки, буддийские и самоедские колдовства и поверья, поэтому в Сибири многие верят в колдунов, заговоры и пр. Кроме того, там много сектантов; они живут богатыми силами, в недосягаемой глуши, собственной жизнью, создав свои обычаи и законы. Много также скитов, т.е. монастырских общин, о существовании которых зачастую почти никому не известно.

В Чите я продолжал жить в вагоне, выезжая по делам в колесном экипаже. Не знающему Сибирь эта особенность бросается в глаза: всюду снег, а здесь пыльные улицы при сорока градусах мороза; в Чите иногда целую зиму не бывает снегопада. Здесь работа социал-демократов развилась так широко, под прикрытием союзов и библиотек, что в одном из донесений Департаменту полиции мне пришлось отметить, что в случае революции в Чите областной революционный комитет вполне уже сформирован, о чем я и доложил местному начальнику. На это он только пожал плечами и, разведя руками, ответил: «Ничего не поделаешь, нет доказательств». В таком же духе были и заключения по вопросам о революционной пропаганде на железной дороге и на городских лекциях. В обществе совершенно открыто говорили о надвигающемся перевороте, ответственном министерстве и непопулярности Царя и правительства.

Выехал я из Читы морально подавленным, с сознанием, что власть атрофирована и мы находимся на краю бездны.

Чита была сосредоточием военнопленных, которые посещали город в сопровождении солдат для разных покупок; некоторые при помощи извне организовывали побеги, стараясь пробраться на юго-восток к китайской границе. Предприятие это было крайне легкомысленным, указывая на полное незнание беглецами условий той местности, которая граничит с Китаем и в которой большинству из бежавших суждено было погибнуть от рук убийц, в особенности же в районе Кара. Там проходит дорога, по обе стороны которой на многие версты стоят непрерывно кресты. По местному обычаю, если на дороге или вблизи ее обнаруживается труп, то он тут же зарывается на обочине и ставится деревянный крест. Это один из самых жутких краев Сибири с его страшным населением беглых каторжан. Если военнопленному удалось бы пройти благополучно этот ужасный район, то вблизи Китая его поджидали не менее опасные шайки хунхузов. После революции население Кары по общей амнистии влилось в среду русской армии и народа с придачей всех каторжан из рудников и тюрем. Элемент этот широко был использован большевиками для избиения русской интеллигенции, разрушения и ограбления хозяйств и имущества, тем более что большевистский лозунг

«убивай и грабь награбленное» вполне отвечал психологии и натуре преступников. Эта же преступная орда, хлынувшая из мест ссылки Сибири, стала оружием против населения, заставляя его выполнять налоговые требования большевиков, кощунствуя в церквах и зверски убивая священников, служащих и офицеров, чтобы перейти затем к такому же террору в деревнях и селах. В итоге — тюрьма и каторга дали сотни тысяч преступников для «углубления» революции Деморализация населения под влиянием этих подонков человечества сказывается и теперь, тем более что многие из них занимают должности, при которых участь целого района всецело в их руках. Население ночлежек, воровских притонов, тюрьмы и каторги — вот резервы армии для проведения революции по рецепту Москвы и в других странах. Организованные рабочие и взбунтовавшиеся солдаты — это только авангард, который в свою очередь должен будет уступить место и подчиниться тем профессионалам преступления, на которых большевики могут рассчитывать вполне, так как ни при каком другое строе им места в государстве, кроме пребывания под стражей, быть не может.

Вновь Иркутск, где я пробыл один день. Ангара стала. Мороз доходил до сорока градусов, необычайная ясность неба, полная тишина прозрачного воздуха, но дышать с непривычки трудно.

Был царский день, я отправился в кафедральный собор Молящиеся переполняли громадный храм. Все сосредоточенно слушали талантливого проповедника священника. Он в сильных выражениях предсказал смуту, отмечал отрицательную работу левых в такое серьезное время, когда все должно быть объединено на интересах фронта, где течет русская кровь. «Преступно, — заключил он, — смущать души в такое время!» Церковь в Сибири сделала все от нее зависящее и за это поплатилась: масса священнослужителей не только была перебита, но предварительно подверглась невероятным пыткам, как то ослеплению, полосованию ножами, ломанию костей, отрубливанию частей тела и т.д. Такой же участи подверглись многие служители других вероисповеданий, до раввинов включительно. Не мешает заметить, что евреев в Сибири было мало, и сибирская жизнь наложила на них тот особый отпечаток, который их слил с остальным населением.

Мне предстояло еще посетить Красноярск, который уже в 1905 году стал известен провозглашением себя в отдельную республику, что показывает, насколько население города представляло собою легко воспламеняемый для агитаторов материал. Объясняется это тем, что город находится непосредственно под влиянием политических высланных. Союзы,

кооперативы, комитеты и особенно подпольная деятельность здесь были ярко выражены, и аресты являлись лишь паллиативом. Вообще не надо смешивать коренного населения Сибири с жителями городов, где сосредоточивались политические, высланные и железнодорожные рабочие.

В Красноярске пересаживаюсь в экспресс для возвращения в Петербург с остановкой в Вологде и Москве

Поездка моя по Сибири закончилась. Масса лиц промелькнула передо мною. Принадлежали они к различным категориям службы, положения и образования. Были умные и опытные, сосредоточенные, преданные долгу люди, были глупые, легкомысленные и поверхностные, впавшие в обывательщину, но почти на всех отражался отпечаток уныния, нерешительности, что можно было бы назвать психозом апатии, охватившим российского обывателя и чиновника.

В настоящем очерке я лишь бегло коснулся важнейшего фактора не только в создании русской Сибири, но и присоединении ее к империи, я говорю о казачествах. О них следует еще сказать, что этот вид военного населения, природных воинов и хлебопашцев дал из своей среды России выдающихся полководцев и государственных деятелей. Казаки были оплотом Сибири, так как, очищая мало-помалу ее от монгольских и хунхузских банд, обеспечивали мирное проживание там обитателей. Казаки раскинули в необозримых пространствах Сибири свои богатые села и хутора, создали бойкую торговлю, сохраняя традиционные качества доблести и честности. Надо надеяться, что советскому режиму не удастся сломить твердый дух сибирских казаков. Тем более что в начале большевизма они, объединившись, выступали и сражались с ненавистным им коммунизмом, но не хватило боевых средств, чтобы использовать этот подъем. Несомненно, что новое выступление этих богатырей недалеко.

Итак, Сибирь осталась далеко от нас. Подходим к станции Вологда. На перроне все читают с интересом газеты. Надеемся узнать о какой-нибудь победе, но узнаем что убит Распутин. В поезде почти все пассажиры были за утренним завтраком в вагоне-ресторане. Все накидываются на газеты, где все описано по первоначальным еще сведениям. Труп исчез, участники убийства — Великий князь Дмитрий Павлович и князь Юсупов, в особняке которого и совершилось убийство. Молчание продолжалось всего несколько минут, когда один из пассажиров громко сказал «Слава Богу, что покончили с этой сволочью» Говорил средних лет человек, по внешнему виду сибирский купец Достаточно было этой фразы, чтобы присутствующие начали шумно говорить и

обмениваться впечатлениями. Говорили не об убийстве человека, а об уничтоженном каком-то гаде. Неизвестный отставной генерал, в форме, с академическим значком сказал: «А я, милостивые государи, считаю, что теперь такими вещами заниматься не время. Но тем не менее полагаю, что этими людьми совершен подвиг и ими руководили благородные чувства русских патриотов!» Каждый пассажир считал совершившееся как бы своим делом, о котором у него была потребность высказать и свое мнение. Проводили и крайне левые взгляды, не стесняясь моим, жандармского офицера, присутствием. Слышались и выражения «Собаке — собачья смерть» или «Он сиволапый мужик, просто жертва интриг дворцовой камарильи», «Не дворянское дело заманивать в свой дом, чтобы предательски убить!», «Юсупов, придя в дом Распутина, должен был проявить себя настоящим офицером и убить его там же, предав себя на общественный суд», «Рухнула семья Романовых, если члены Дома дают пример выступления против воли Государя», «Не Юсупову было браться за это дело, — сказал какой-то серьезного вида пожилой москвич, — к нему особо хорошо относились Государь и Государыня, а ведь это им удар в спину».

«Признак развала и неминуемой революции», — сказал какой-то сибиряк в очках, с бороденкой и, резко встав, ушел к себе в купе.

В Вологде я пересел на московский поезд и проехал в Первопрестольную, где мне нужно было выполнить и закончить несколько дел

Зима была суровая, воздух прозрачный, всюду снег, ослепительно блестящий под скользящими солнечными лучами. Высокие дома, громадные колокольни и купола церквей с золочеными крестами, библиотеки, музеи, галереи, университет, оптовые и розничные магазины, электрические трамваи, оживленное конное и автомобильное движение во всех направлениях, бегущие по разные стороны по делам тысячи пешеходов, подростки, женщины и старики, так как все, способные носить оружие, или на фронте, или на кладбищах, или в лазаретах. Все мелькает мимо меня, когда я сорок минут еду с вокзала в гостиницу на санях, запряженных парою резвых коней. Приятное ощущение испытываешь, находясь в прекрасном, богатейшем, европейском городе после Сибири.

Останавливаюсь в гостинице «Джалита», беру номер из двух прекрасно и уютно меблированных комнат и располагаюсь как человек утомленный и нервно издерганный, стремящийся отдохнуть и побыть одному Но не тут-то было, раздается звонок:

— Алло! алло! С приездом. Узнал, что вы у нас в Москве, и

хочу с вами поболтать.

— Заходите, буду рад вас видеть, — сказал я.

— Так я приду сейчас, и вместе позавтракаем.

— Вот и прекрасно. Жду, — заключил я и повесил трубку.

Через несколько минут стук в дверь, и входит мой добрый знакомый, довольно известный публицист. Спрашиваем друг друга о здоровье, вскользь говорим о наших семьях и былом, когда я служил в Москве, но разговор быстро переходит на войну, на общее уныние, неудовольствие и утомление...

— Плохо, плохо... — говорит он, — а тут еще и нелепое убийство Распутина.

— Почему вы находите это убийство нелепым? — спросил я.

— А потому, — ответил он, — прежде всего, что сам Распутин ноль, но публика его создала — нечто, т.е. единица, а, прикрываясь этим нолем, превратила Распутина в величину — в десятку, и он стал персоной. Действительно, — продолжал мой собеседник, — на вопрос, кто такой Распутин сам по себе, каждый, не задумываясь, отвечает: сибирский мужик, пользующийся силой, не исследованной наукой, благодаря которой приостанавливается кровоизлияние у Наследника, страдающего так называемой гессенской болезнью (гемофилия). Все средства, рекомендованные мировыми светилами медицины, оказались бессильными, а этот мужик сосредоточенно посмотрит на больного — и тот выздоравливает. Напряжение внутренних сил Распутина при этом так велико, что он отходит от больного совершенно обессиленным. Отсутствует Распутин — и ребенок оказывается в беспомощном положении на руках эскулапов. Распутин скажет несколько слов, погладит человека по голове, и он успокаивается, каково бы ни было его нервное возбуждение. Вне этой сферы он неграмотный и пьяница, развращенный петербургскими салонами, окружавшими его почитанием, доходящим до преклонения. Это его сначала интересовало, а затем стало надоедать, и в нем стала выявляться уже нескрываемая грубость и даже наглость, так ярко проявляющиеся у неинтеллигентных людей и создавшие ряд поговорок: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол», «Из хама не будет пана» и т.д. Светские салоны, стремясь играть роль и проводить дела, постепенно стали пользоваться Распутиным. В конце концов им многое удавалось, и возвышалось положение Распутина, что естественно вызывало протест со стороны не только левых и революционеров, создавших в заграничной прессе атмосферу гнусных сплетен и инсинуаций, но дворянства и других слоев населения, учитывающих влияние этих салонов как пагубное для России явление. Насколько крепко держался при Дворе Распутин,

я убедился после его здесь, в Москве, пребывания. Дело в том, что Распутин, желая провести время у «Яра», заказал себе большой кабинет в этом ресторане. Мой коллега, я и несколько наших общих знакомых в это время были в общем зале и следили за программой. Подошел к нашему столу метрдотель и сказал моему коллеге: «Григорий Ефимович (Распутин) сегодня к нам пожалует откушать и заказали уже кабинет». Заметив, что уже усилен наряд полиции и приехали филеры, охранявшие Распутина, коллега сказал мне, что пойдет встретить «старца», чтобы с ним поздороваться, и пригласил меня следовать за ним. В обширном вестибюле уже находились владелец «Яра», метрдотель и несколько человек прислуги, а в дверях из зала столпилась публика, которая предпочла бросить еду и программу, лишь бы посмотреть на человека, о котором говорит вся Россия. Раньше я никогда не видел Распутина, и мне тоже было интересно повидать его. Вот наружная дверь распахнулась, обдало нас холодным воздухом, и появился среднего роста мужик, в шапке, в высоких сапогах и в длинном пальто, которое было запахнуто. Сделав несколько шагов, он поздоровался на ходу с хозяином и, завидя моего приятеля, подошел к нему и, познакомившись со мною, пригласил нас в свой кабинет, направляясь нервной походкой наверх. Мы пошли за ним. Он приветливо пригласил нас присесть и начал разговаривать с приехавшими с ним лицами о выпивке, закуске и кушаньях. Я пристально вглядывался в Распутина, ища в чертах его лица и наружности то особенное, что дало ему возможность так выделиться, но его облик мне ничего не сказал: мужчина лет сорока, брюнет, с длинными волосами, спускающимися ниже шеи, разделенными пробором посередине, причем волосы закрывали виски и часть лица, бледного, со впалыми щеками, обрамленного всклокоченною бородою, — не то аскет, не то монах, а скорее тип странника. На нем были черные шаровары, а поверх подпоясанная шнуром, вышитая шелковая рубаха; но вот Распутин словно встрепенулся и безмолвно посмотрел на меня, и взоры наши встретились; взгляд его маленьких, казавшихся черными глаз словно впился и меня пронизывал. Этот взгляд мне и теперь ясно представляется. Затем Распутин жестом радушного хозяина как бы пригласил меня угощаться и, проявляя хлебосольство русского крестьянина, обратился к метрдотелю со словами: «Давай все, чтобы все были довольны!» Оказывается, что Распутина всегда беспокоил упорный взгляд присутствующих, и он старался понять, что этот взгляд выражает — враждебность ли, презрение или доброжелательство. Чем дальше, тем большее оживление чувствовалось в кабинете. Приходили разные люди, которые

подходили к хозяину, почтительно раскланивались и, еле им замечаемые, отходили в сторону, чтобы выпить и закусить на дармовщину; некоторые пытались заговорить с Распутиным в надежде устроить при его проекции то или иное дело, но «старец» тотчас же обрывал эти поползновения, приглашая обратиться к нему в другое время. Распутин буквально поражал тем количеством спиртных напитков, которые он поглощал, мало хмелея. Появились женщины, начался пьяный разгул, беспорядочное пение. На непрерывно задаваемые вопросы, относящиеся к обиходу царской семьи и роли его, Распутин, удовлетворяя любопытство, отделывался короткими фразами, но подчеркивал свое значение, упомянув, например, что сорочку, которую он носит поверх, вышила ему «Мама» (так он называл Императрицу). На лицах многих присутствующих можно было заметить двусмысленные улыбки. Вообще, слишком много говорилось о Царе и Царице, что производило тяжелое и отвратительное впечатление. Через некоторое время Распутин как бы задумался, умолк и, не отвечая на вопросы, сам ни к кому не обращался. Затем он встал и начал танцевать под мотив русского танца. Это собственно был не танец, а тяжелые, неловкие движения простолюдина. Руки Распутина были в каком-то нелепом движении, и он с неуловимой энергией не менее двух часов топтался на месте, не обращая ни на кого внимания; впрочем, и гости тоже перестали интересоваться хозяином. Пьяного Распутина отвезли на его квартиру. Прихлебатели быстро разнесли по городу сплетни о распутинской оргии, а затем началось расследование местными властями о кутеже у «Яра», с опросом свидетелей — участников. Доклад был направлен к товарищу министра внутренних дел Государевой Свиты, генералу Джунковскому, с заключением о недопустимости повторения подобного, как отражающегося на престиже Высокой Семьи. Джунковский не ограничился этим докладом и для проверки его командировал в Москву генерала Попова, бывшего ранее начальником Петербургского охранного отделения (тогда занимавшего должность генерала для поручений).

Затем, — продолжал мой собеседник, — Попов вновь опросил тех же лиц, которые беседовали с местными властями, и мы полностью подтвердили ранее нами сказанное. Генерал Джунковский присоединился к мнению московских властей, подкрепленному дознанием Попова, составил подробную всеподданнейшую записку, которую лично и вручил Государю.

На Государыню доклад произвел нехорошее впечатление, так как Распутин, покаявшись, что кутнул, чтобы отвести душу, сказал, что ничего плохого не было, но что его оговаривают,

чтобы лишить царской милости. Началось новое дознание, которое было поручено одному из видных флигель-адъютантов. Вновь были передопрошены те же лица (в том числе и мой собеседник), которые придали совершенно другой характер происшедшему. Выходило так, что побывали у «Яра», поужинали, выпили и чинно разошлись, причем никаких разговоров о царской семье даже и в помине не было.

— Зачем же вы раньше говорили одно, а затем изменили свое показание? — спросил я публициста, на что он довольно сконфуженно ответил:

— Да, знаете, с одной стороны, мы поняли, что Распутин действительно в силе, почему ссориться с ним не имеет никакого смысла, а с другой — выходило как-то некрасиво — пользоваться его гостеприимством и на него же доносить.

Посетило меня еще несколько москвичей, подтвердивших рассказанное мне публицистом. То же поведал мне впоследствии и генерал Попов.

В результате генерал Джунковский ушел от должности товарища министра и, пожелав принять пехотную бригаду, т.е. самую младшую генеральскую должность, выехал на фронт.

В дворцовых кругах считали, что Джунковскому, как свитскому генералу, следовало лично произвести дознание, а не поручать это щекотливое дело постороннему лицу.

Государь считал свои отношения к Распутину личным делом, никого не касающимся.

Когда распропагандированные обыватели с расширенными зрачками говорили об уже ушедшем Распутине, в Москве шли тайные заседания земских и городских деятелей прогрессивного направления. На них был разработан план переворота и избраны лица, которые должны были войти в состав ответственного министерства, но вместо этого составившие Временное правительство.

За царствование Императора Николая II Россия достигла невероятных результатов в своем расцвете, что даже незаметно для самих врагов бывшей центральной власти ярко выявляется теперь в их речах и повествованиях.

Глава 17. НАЧАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (Очерк)

Я возвратился из Архангельска в Петроград за несколько дней до революции. В Архангельске я был в командировке. Ярких признаков надвигающихся событий там не ощущалось, хотя два эпизода были симптоматичны, и они оставили у меня неприятный осадок. После одного из наших заседаний мы, члены комиссии, в числе пятнадцати человек, еще не разошлись; один из членов комиссии, генерал, скорее с правым уклоном по своим политическим убеждениям, выразился неуважительно о Государыне, резко порицая ее за то, что она развила у престола мерзкую «распутиновщину», причем, когда генерал об этом говорил, двери в комнату, где находились нижние чины, были открыты настежь. Никто по этому поводу не только не протестовал, а, наоборот, как будто бы все были с ним согласны. Тогда же я подумал, что раньше такое публичное суждение было бы просто немыслимо и потому является показательным в том отношении, что и в командном составе не все благополучно.

Второй же эпизод, выявивший во время производимого нами дознания, хотя с первым никакой связи не имел, являлся показателем разложения уже в низах армии, в тылу. Было установлено, что ночные часовые, солдаты и матросы, воровали разные предметы, которые были поручены их охране, и продавали их скупщикам краденого в городе. Затем часовой-матрос во время происшедшего колоссального взрыва снарядов, получив от своего начальника уцелевшие бинокли с приказанием передать их караульному начальнику, не только не исполнил приказания, но бинокли продал, о чем знали караульные, до начальника включительно.

— Это развал, — сказал один из офицеров, — что никто в достаточной мере на такое серьезное преступление не реагировал.

Вечером, когда я говорил об этом с моим приятелем, то он только пожал плечами и прибавил:

— Начальство побаивается мести со стороны своих подчиненных, а главное, опасается огласки, что у него так неблагополучно. Теперь это обыкновенная картина в тыловых частях.

В Петрограде с внешней стороны казалось, что столица живет обычно: магазины открыты, товаров много, движение по улицам бойкое, и рядовой обыватель замечает только, что хлеб выдают по

карточкам и в уменьшенном количестве, но зато макарон и круп можно достать сколько угодно. Что же касается десятка тысяч чиновников различных министерств и учреждений, то они спокойно посещают свои канцелярии, не выходя из повседневной рутины. Даже в учреждениях Департамента полиции наблюдалось то же.

После командировки я принялся за составление отчета по поездке и просидел двое суток, не выходя из дома. Изредка говорю по телефону с директором Департамента полиции Васильевым, градоначальником генералом Балком и начальником охранного отделения генералом Глобачевым, не по службе, а по-приятельски, как со старыми своими сослуживцами. Первые два обычно приветливые, но кратки в ответах; можно понять, что в городе не все благополучно, так как непрерывно происходят уличные демонстрации. В тоне генерала Глобачева слышна нотка опасения, будут ли стрелять войска по демонстрантам, чтобы восстановить порядок оружием.

Стало быть, ясно, что если солдаты не будут подчиняться начальству, то правительство окажется бессильным сохранить свои позиции.

Имея из предполагавшихся компетентными источников сведения, что демонстрации носят характер экономического протеста, а не политического, власть была уверена, что подвоз продуктов восстановит порядок без кровопролития. Поэтому решили не прибегать к оружию в течение двух дней. Этим экспериментом участь России была поставлена на карту.

Вышло иначе. Демонстрации, руководимые агитаторами, разрастались в ужасающей прогрессии, превращаясь в стихийное выступление сотни тысяч рабочих, студентов, бездомных, посетителей ночлежек, безработных, обнищалых и озлобленных, подонков улицы и т.д. Все это начало захлестывать слабые морально силы запасных воинских частей и деморализировать исполнительную полицейскую власть.

Всюду необъятное море голов. Сплошные массы заполняют площади и улицы, сначала на окраинах, проникая затем и в городской центральный район.

Охранное отделение сделало все от него зависящее, произведя ликвидацию всех подпольных организаций, правильно учитывая надвигавшуюся на столицу грозу. Градоначальник тоже непрерывно доносил министру о ходе событий и видел, как действия полиции парализуются, решая необъятную задачу по восстановлению уличного порядка. Он считал, что необходимы экстренные, чрезвычайные меры, но министр внутренних дел Протопопов медлил. К тому же полнота власти принадлежала не

ему, а Совету министров.

События продолжали разворачиваться, и 1 марта Государь прибыл в Ставку главнокомандующего Рузского, который уже настойчиво советовал Государю отречься от престола и провел к Царю двух своих ближайших сотрудников, генерала Саввича и Данилова, чтобы они подтвердили основательность его совета. Они «со слезами на глазах», как впоследствии повествовалось, подтвердили необходимость отречения.

Понятно, что роль, взятая на себя Рузским, не создается мгновенно, а подготовляется заблаговременно.. Беспорядки в столице только приблизили к цели Центральный комитет Партии народной свободы, избравший своим орудием Рузского и ему подобных... О них можно только сказать: не ведали, что творили... Рузский, впоследствии зарубленный большевиками на Кавказе, пробовал обратиться со словами к палачам, но они не вняли его заслугам перед революцией...

Уличные беспорядки в столице начали подавляться войсками лишь 25 февраля, при полной инертности командующего войсками генерала Хабапова, подчиненного Совету министров. Но было уже поздно, и всякие распоряжения об арестах и других мероприятиях являлись лишь предсмертными судорогами власти, которая была быстро стерта и как бы растаяла.

Происшедшее и ожидаемое меня так выбили из колеи, что я решил сам посмотреть, что происходит. Надев старенькое штатское платье, я направился на Выборгскую сторону. Прошел Литейный мост и держу направление к Финляндскому вокзалу, но не тут-то было. Улицы и тротуары сплошь запружены народом, все рабочие мужчины, кое-где работницы, студенты и курсистки; видны и серые шинели солдат, но последних мало. Стоят группами, разговаривают друг с другом, серьезно и озлобленно; слышатся голоса протеста, что мало хлеба, что приходится ждать очереди, простаивая часами в хвостах; бранят правительство; некоторые сильно жестикулируют и кричат Иду дальше, или, вернее, протискиваюсь. Необозримое море людей. Толпа внимательно слушает какого-то оратора, от поры до времени выкрикивая: «Правильно! Правильно, товарищ!» Прислушиваюсь, и до меня доходят сначала отдельные слова оратора, а затем и течение мысли говорящего. Он стоит на каком-то возвышении, ему лет 30, он в темной куртке, блондин, по внешнему виду рабочий, но может быть переодетый в рабочее платье интеллигент Манера себя держать, жестикулировать и владеть голосовыми средствами указывали на то, что человек этот не впервые выступает и умеет не только завладеть вниманием массы, но и подчинить ее себе Говорил он долго о правительстве,

фабрикантах, жандармах и полиции, с озлоблением заключив. «Долой их! Довольно нас эксплуатировать!» И, потрясая кулаками в воздухе, закричал: «Власть народу! Мы должны быть кузнецами своего счастья. Довольно лили нашу кровь! Война для нас гибель, а для буржуазии выгода. Да здравствует мир!»

Очевидно, что этот субъект был одним из предтечей большевизма, подошедший умело к пропаганде о прекращении войны.

Этого оратора сменила нервная еврейка, пискливый голос которой сначала вызвал смех и нелестные эпитеты по ее адресу, но чем дальше, тем внимательнее толпа стала ее слушать, так как она затронула вопросы о нужде и страданиях рабочего класса, жестокости правительства, эксплуатации и т.д. Опять послышались возгласы: «Правильно!» Словом, масса умело подготовлялась к революционным выступлениям.

Вдруг издали зашумел грохот пулемета, пули которого ударили в стену ближайшего к нам дома. Толпа на момент замерла, а затем неудержимо ринулась, давя друг друга и бросаясь из стороны в сторону. Опять грохот. Вокруг меня лица, искаженные озлоблением и ужасом. Я чувствую, что меня давят со всех сторон, и только думаю, чтобы не потерять самообладания и не обратить на себя внимания. Опять выстрелы. По-видимому, среди нас есть раненые и сбитые с ног. Слышны мольбы, ругань и призыв к помощи. Но стрельба прекратилась, и часть толпы опять приблизилась к новому появившемуся оратору. Это был хилый, изможденный, очевидно чахоточный, молодой человек, который, задыхаясь, кричал хриплым голосом: «Товарищи, надо защищаться на баррикадах! Наша возьмет!», но кровь хлынула из его горла, и он как сноп свалился.

Многочисленные толпы сосредоточивались и в других частях города, и в них уже заметны были в значительном числе арестантские куртки освобожденных толпою арестантов. Чернь неудержимо бушует и начинает грабить оружейные магазины и винные лавки. Затем грабили арсеналы. Подожжен окружной суд. Разгромлен Департамент полиции. Словом, грабеж, ненависть, идеи, авантюра и праздность, все смешалось в одном котле революции. Начались насилия над офицерами и случаи убийств. Вытаскивают полицейских и их убивают, а наутро, 27 февраля, прибегает на заседание собравшихся в Круглом зале Государственной думы какой-то прапорщик и требует, чтобы Дума приняла в свои руки власть. Член Думы Милюков протестует, считая, что нет для этого данных, но заседание продолжается, и член Думы Бубликов поддерживает точку зрения прапорщика, и формируется временная власть, а наутро, 28

февраля, уже сформировался «Совет рабочих депутатов» во главе с присяжным поверенным Соколовым, тотчас же замененным социал-демократом Чхеидзе, в товарищи которого избирается социалист-революционер Керенский, ранее мало известный, как средней величины революционер и адвокат. Теперь же он выдвинут, чтобы сыграть крупную, оказавшуюся фатальной для России роль слепого исполнителя директив Центрального комитета Партии социалистов-революционеров, с одной, и указаний президиума «Совета рабочих депутатов» — с другой стороны. Волевой индивидуальности в нем не проявилось, но, идеализируя революцию, ему удалось добиться упразднения смертной казни и охранить жандармерию и полицию от поголовного истребления.

Возвращаюсь к продолжению моего рассказа.

28 февраля просыпаюсь от стука в дверь и крика кухарки Юзефы:

— У нас революция! Скорее выходите, барин! Вас спрашивают.

Встаю и вижу: перед моими окнами на Кирочной улице расположилась в строю военная инженерная школа прапорщиков Офицеров не видно. Юнкера стоят небрежно, курят, громко разговаривают, винтовки держат не так, как положено, а один даже ковыряет штыком снег на мостовой.

В кухне какой-то унтер-офицер с папиросой в зубах громко выражает неудовольствие Юзефе, что ему приходится так долго ждать. Увидев меня, унтер-офицер, по въевшейся в него привычке, сразу подтянулся, но тотчас же опомнился, что теперь власть он, расставил ноги и сказал:

— Господин офицер, распорядитесь, чтобы все окна на улицу были заперты наглухо, и смотрите, чтобы из них не стреляли, а то мы вас арестуем сейчас же. Я помощник комиссара и буду зорко следить.

Заметив мой взгляд, он как бы сконфузился, быстро повернулся и ушел. Тут же находился и мой вестовой Дмитрий, которому я сказал: «Затопи печку». На что он ответил:

— Нам приказано больше вам не служить, а за вами наблюдать, чтобы было все в порядке.

— Да что ты, белены объелся, что ли? — возразил я, на что он логично ответил:

— Когда вы были моим начальником, я вас слушал, а теперь я ваше начальство и вы слушайте меня. Теперь «ты» нет и «вы», дело серьезное, у нас на дворе революция, а вы все свое и эксплуатируете рабочий класс.

На что Юзефа, повернувшись к Дмитрию, закатила ему

громкую оплеуху и крикнула: «Принеси дров, мерзавец!»

К моему удивлению, Дмитрий покорно вышел из кухни и сказал, что принесет дрова, но в последний раз и что Юзефе стыдно так обращаться со своим товарищем, которого эксплуатируют так же, как и ее.

— А где же Маша? — спросил я, на что Юзефа ответила, что горничная только что взяла расчет у барыни и сказала, что уходит, так как ее брат, обойщик, сказал, что теперь стыдно служить у жандармов, она благодарит, очень довольна барином и барыней, которых она больше не увидит, и им кланяется.

Вернувшись на кухню, Дмитрий бросил дрова и сказал, что он арестует Юзефу, если она будет его оскорблять. «Я казенный человек!» — заключил он, по-видимому, уже побывавши в солдатском комитете жандармского дивизиона, и там слышал речи, которые его окончательно захватили.

Газеты в этот день не вышли, и я, довольно слабо разбираясь в событиях, улегся на диван и стал читать трилогию Мережковского, удивляясь охватившей меня апатии и безразличию.

Звонок. Пришел ко мне бывший директор Департамента полиции, сенатор, генерал Климович, бывший в свое время начальником Московского охранного отделения. Спокойный, ничего не знающий о текущем моменте и находящийся в недоумении. Почему-то, когда мы разговорились, я сравнил нас с врачами, у которых преждевременно умер их пациент.

Поболтали, перескакивая бессистемно с одних предметов на другие. Однако пришли к заключению, что наш арест неизбежен и вопрос только в том, когда придут к нам с обыском, теперь же или через несколько часов; решили мы также, что нас, вероятно, расстреляют, но это высказывалось так просто и спокойно, как будто бы это нас совершенно не касалось.

— Пойду навестить Зуева! — сказал уходящий Климович, который к вечеру уже был водворен в помещение Государственной думы в качестве арестованного. Вскоре был арестован и упомянутый сенатор Зуев, впоследствии расстрелянный большевиками. Той же участи подверглись бывшие директоры того же Департамента Белецкий и впоследствии Трусевич.

Начал я приготовляться к ожидаемому обыску, как вчера еще революционеры приготовлялись к приходу жандармов. Как говорили они, производилась «чистка». Сжег бумаги, отчеты, письма и прочее, чтобы не передавать их новой власти и не подвести людей, имевших с нами переписку. Словом, мысль пошла уже систематично по определенному руслу.

Юзефа настаивала, чтобы мы своевременно обедали для того чтобы она успела побывать в городе, узнать новости и принести нам «газеты».

Оригинальная женщина, думалось мне. Пропаганда ее нисколько не коснулась. Шустрая, некрасивая полька, лет сорока, она побывала в Северной Америке, но грамоте не выучилась. На мой вопрос, что она ду мает о революции, она, не задумываясь, ответила. «Никакого толка не будет! Солдаты и народ распускаются!»

Вызываю к телефону директора Департамента полиции Васильева, но никто не отозвался. Является предположение: или расстрелян, или арестован. Также нет ответа от градоначальника Балка и от генерала Глобачева. Те же предположения.

Прошел еще день. Всюду праздная толпа наполняет улицы; солдаты, оборванцы, бабы и рабочие, студенты и студентки, масса пьяных; офицеров не видно. Трамваев и извозчиков нет. Лишь на военных и конфискованных автомобилях проезжают по направлению района, где находится Государственная дума, рабочие какие-то типы, не то учащиеся, не то хулиганы, офицеры и интеллигенты, завернувшиеся с носом в воротники пальто. Это новая власть вступает в свои права.

Я в штатском платье с женою иду навестить товарища министра внутренних дел, ныне покойного, Ивана Васильевича Сосновского. По Литейному проезжает под конвоем тюремная карета, а впереди нее на лошади едет немолодой унтер-офицер и во все горло кричит «В карете арестованный градоначальник генерал Балк!» и непрерывно повторяет эту фразу. Вдруг раздается издали пулеметный огонь, и пули дробью посыпались на мостовую. Миг — и улица совершенно опустела.

Сосновского дома нет. Жена его, Любовь Семеновна, принимая нас, держит себя с полным самообладанием. Вблизи подожжен особняк министра Двора графа Фредерикса; безмолвная толпа, в которой и мы наблюдаем за распространяющимся огнем, проникающим всюду, и через несколько часов от особняка, со всеми его сокровищами, остались только руины из четырех стен. Пожарная команда явилась поздно и могла лишь локализовать пламя настолько, чтобы пожар не распространился на соседние дома.

Возвращаемся домой. Опять идем больше пяти километров. Встречаются студенты и рабочие с винтовками за плечами, очевидно добытыми из разграбленных арсеналов. Вблизи, на тротуарах, видны в некоторых местах спящие пьяные оборванцы, тоже с винтовками У одного из казенных учреждений разложен костер. Горят дела, среди которых торчат пишущие машины и

спинки кресел. Несколько человек греют на костре руки. Проходит молодцеватый солдат и тащит под мышками пакеты прокламаций, которые раздает нам. Спрашивают его: «Много сегодня трудились?» — «Да, с ног сбился, серьезное дело, — отвечает он, — надо, чтобы нам и детям нашим было бы хорошо...» Идем дальше. Где-то на окраине одиночные выстрелы. Улицы пусты Проходим квартал, где не было ни одного человека. Беспартийная интеллигенция и бюрократы безвыходно сидят по домам, а плебс спит крепким сном после утомительного дня — насилий, буйства и возбуждения...

Приходим домой. Квартира освещена. За столом хозяйничает Юзефа и угощает нашего друга студента, почти мальчика с длинными белокурыми волосами, и неизвестного нам молодого человека, которые сидят и обмениваются впечатлениями Молодые люди назначены в полицейский участок, ныне комиссариат, для обхода улиц. Предлагают свои услуги, взять мои сабли и револьверы, чтобы сохранить их у себя на квартире. Юзефа осведомлена больше всех: она ходила на митинг и посетила жандармский дивизион. Хотела влезть в Государственную думу, но ее туда не пустили, а на улице встретила соседа «барина», который обстоятельно все ей объяснил: «Начальство теперь из членов Государственной думы, вместо которой назначен Совет рабочих депутатов Министров уже арестовали и “волокут” в Государственную думу. Завтра будет объявление, что старое начальство арестовано, а новое будет командовать от имени народа».

Скоро мы разошлись Чувствовалось моральное утомление, доходящее вновь до полной апатии, и физическая усталость

Заснул, как убитый, и проснулся от звуков «Марсельезы» военного оркестра, предшествовавшего роте одного из полков. Офицеры на местах, сосредоточенные и задумчивые. Это идут части гарнизона к зданию Государственной думы, члены которой выходят и произносят речи, приветствуя с революцией и свободой солдат от имени народа, как его трибуны.

Многие не могли пережить этих дней и лишили себя жизни: застрелились, отравились или повесились.

В Финляндии жандармский ротмистр Корнилов и его жена найдены были мертвыми в их квартире. Они отравились, и тела их находились на диване в позе сидящих людей, держащих друг друга за руку, с выражением застывшей скорби на лице.

Припоминается также, как начальник жандармского управления генерал Волков ввиду революции приводил дела в порядок для сдачи управления новому начальнику. Ему докладывают, что толпа движется к зданию управления. Он

отпускает всех служащих, а сам остается на своем посту. Через несколько минут пьяная, жаждущая крови и приключений толпа, во главе с одноногим хулиганом, вытащила семидесятилетнего старика на улицу, избила его, и по приказанию главаря три пьяных солдата повели его в полицейский комиссариат. Два солдата были настроены закономерно, третий же, водворив Волкова в комнату с выбитыми окнами, начал издеваться над ним, наводя на него ружье и прицеливался. Проделав это несколько раз, он выругался и застрелил генерала Волкова, сказав, что теперь ему не до генералов, так как пора отдыхать, а не шляться по городу с арестантами.

Едва такой же участи не подвергся бывший начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко. Уголовный преступник, выпущенный из тюрьмы, взял несколько солдат и повел их для ареста «Кошкина», как называли преступники Москвы и Петербурга Кошко. Звонок. Еще в халате, Кошко лично открывает дверь, через которую появляется голова преступника, радостно восклицающего: «А вот и он сам, его превосходительство господин Кошкин!» Кошко арестовывают, обкрадывают, по дороге афишируют его личность и избитым, с пробитой головой в изорванной штыками шубе, приводят как арестованного в помещение Государственной думы.

Много в эти дни погибло людей, которые могли бы быть полезными родине. Гибли в особенности массами флотские офицеры, из которых каждый представлял собою часть сложного аппарата морских сил, столь необходимых тогда в Балтийском и Черном морях. Их избивали пьяные матросы, деморализованные и представлявшие собою разнузданную сволочь.

С фронта тотчас же стали поступать сведения о развале армии. Братание, нежелание воевать, оскорбление и аресты офицеров стали массовыми заурядными явлениями. А Петроград слал приказы за приказами, санкционированные военным министром: о неотдании чести офицерам, о немедленном сформировании войсковых комитетов, о снятии с офицеров флота погон, об упразднении дисциплинарных взысканий для нижних чинов, сохраняя таковые для офицеров и т.д., и т.д. Тюрьмы стали наполняться офицерами и специалистами, руководящими работами на заводах. Вот во что обратилась русская армия в руках Временного правительства и Верховного главнокомандующего социалиста-революционера Керенского! Всякому стало ясно, что русской боеспособной армии не стало, а провозглашаемый с пафосом лозунг «Война до победного конца» был блефом, бросаемым ораторами на митингах.

Можно полагать, что это делалось для союзников, чтобы они

прониклись доверием к русской революции и ее вождям Аппарат государственного управления тотчас же был разрушен до основания, сдерживающих начал в массе русского народа не оказалось. Временное правительство в состоянии было только ослаблять удары разрушения и убийств. Члены его метались из стороны в сторону, обезумев от происходящего, и сдали свои позиции, постепенно уходя из состава кабинета.

Образовалось социалистическое правительство во главе с тем же Керенским, причем в состав его вошел хотя и социалист-революционер, но разделявший взгляды Ленина и других его сообщников о прекращении войны, на пораженческих началах, изложенных в резолюции съезда в Циммервальде, которую он, Чернов, и подписал.

Департамент полиции и охранные отделения сделались как бы центром внимания и Временного правительства, и Совета рабочих депутатов Наловлю жандармских офицеров, секретных сотрудников и лиц, соприкасавшихся с ними, затрачивались колоссальные средства, силы и энергия. Пресса целые столбцы и даже издания посвящала отдельным лицам и эпизодам, по существу совершенно бледным и ничтожным для данного момента. Ораторы в подавляющем большинстве только и делали, что громили «охранников» и полицию, так что составлялось впечатление, что революция была необходима только для того, чтобы свести счеты с ненавистным политическим розыском. И действительно, счеты были сведены и попутно разрушен аппарат военной разведки арестом очень серьезных разведчиков, которые работали в пораженческом лагере и освещали революционно-шпионскую организацию Ленина.

Не было тюрем в империи, где не находилось бы в заточении жандармов, полиции, администрации и разного рода агентов власти. Той же участи подверглись правые политические враги социалистов.

Арестован был и я{20}.

А.В. Герасимов
На лезвии с террористами

Глава 1. ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

После тридцатишестичасовой поездки скорым поездом — утром 2 февраля 1905 года я сижу в С.-Петербурге лицом к лицу с директором Департамента полиции А.А. Лопухиным. Он вызвал меня по телеграфу из Харькова.

— Вы должны взять на себя руководство Петербургским охранным отделением.

Я был знаком раньше с А.А. Лопухиным по Харькову, в бытность его прокурором Харьковской судебной палаты Я знал его спокойным и сдержанным человеком. Но сейчас этот чопорный аристократ говорил с непривычной, повышенной нервозностью. Мною овладело чувство сопротивления, какое-то отталкивание Колоссальный город, совершенно незнакомый; ведомственные лабиринты с возбужденной атмосферой работы и масса непредвидимых осложнений Я думал в этот момент о солнечных садах в окрестностях Харькова, о размеренной службе в Харьковском охранном отделении, о своем спокойном сне. Правда, и Харьков уже не такая теперь провинция. В последние месяцы там не прекращалось забастовочное движение среди рабочих. Там имеется университете вечно беспокойной студенческой молодежью, питающей революционные кружки социалистических организаций и ведущей пропаганду среди рабочих. Но, конечно, в сравнении с туманным, мятущимся, революционным Петербургом Харьков — это глухая провинция. Безумные, всю Европу взволновавшие события 9/22 января («красное воскресенье») дошли до меня в форме скупого телеграфного известия, которое я прочел с тревогой обеспокоенного патриота, — в сознании, что новая эпоха открылась в истории России. Но в служебном порядке мне нечего было делать с этими событиями, я был ограничен ролью наблюдателя издалека. И вот сейчас я должен очутиться в самом сердце этого опасного безумия, должен соучаствовать, распоряжаться, принять на себя ответственность.

Лопухин, по-видимому, заметил, что то чувство, которое вызвало во мне его предложение, никак нельзя назвать восторгом, и счел нужным добавить некоторые разъяснения

— Вы знаете, что генерал Трепов назначен Его Величеством санкт-петербургским генерал-губернатором с неограниченными почти полномочиями. Чрезвычайные происшествия последних дней требуют и чрезвычайных мероприятий. Трепов нашел Петербургское охранное отделение в состоянии, которое ему абсолютно не понравилось. Он хочет совершенно преобразовать

это ведомство. Для выполнения этой задачи ему требуются особенно способные люди. Я предложил ему вас. Из всех знакомых мне жандармских офицеров вы кажетесь мне единственно подходящим.

Я излагаю свои сомнения.

— Конечно, эта задача требует всего человека. Но я не верю, что я — именно тот, кто здесь нужен. Руководитель петербургской охраны должен знать Петербург, как содержимое своего кармана. Я знаю хорошо только Харьков. Там моя работа может быть полезна. Я предпочел бы остаться в Харькове.

— В данном случае, — возразил Лопухин, — я бы на вашем месте не решился сказать «нет». Мне это безразлично, ибо я дольше не остаюсь здесь. Но ведь вы знаете генерала Трепова. Он решил вас назначить и ежедневно по телефону справляется, когда вы здесь будете. Завтра утром в десять часов ваш прием у него. Если вы отклоните его предложение, можете считать свою карьеру законченной.

Я покинул Департамент полиции. За отсутствием каких-либо дел в этот день, я бродил по Невскому проспекту. Какое зрелище открылось моим глазам! Опрокинутые плакатные столбы, разбитые витрины в магазинах, бесчисленные воронки в стенах от винтовочных пуль — все следы «красного воскресенья». Нежелание переселяться в Петербург значительно во мне усиливается.

Когда на следующий день я появляюсь в Зимнем дворце на аудиенции у Трепова, я ощущаю в себе решимость отклонить назначение на пост руководителя Петербургского охранного отделения даже под угрозой, что мне вообще придется покинуть Корпус жандармов. Хотя мне 44 года, но я не озабочен своим будущим. Небольшие средства, которыми я располагаю, предохраняют меня от нужды.

Трепов принял меня точно — секунда в секунду в назначенное время, в великолепном зале царского дворца, где в знак особой милости ему были отведены покои под квартиру, как и под ведомственное учреждение. Он говорил лаконично, языком приказа высшей военной власти — подчиненному.

— Мне нужен для руководства политической полицией способный офицер. Мне вас рекомендовали. Можете ли вы уже сегодня вступить в должность?

Теперь очередь была за мною. В результате долгого процесса углубления и размышления я ясно видел, что именно мне нужно сказать. Но до этого не дошло. Создавшейся ситуации, признаться, я не дорос: жандармский полковник из провинции, я стоял лицом к лицу в царском дворце с могущественным

генералом Треповым, любимцем Царя. Он приказывал, — как можно было тут думать об отказе? Тщательно подготовленные мои соображения я не смел высказать. Все, что сконцентрировалось во мне в области возражений, свелось единственно только к вопросу Трепова, готов ли я уже «сегодня» вступить в должность.

— Сегодня, — сказал я, — совершенно невозможно. Я ведь должен сдать должность в Харькове, ликвидировать свое имущество, перевезти сюда семью.

— Сколько же времени вам для этого понадобится? Достаточно ли одной недели?

— По меньшей мере две.

Трепов секунду обдумывал.

— Итак, хорошо. Если только сможете, поспешите. Крайний срок — в этот же день через две недели.

Было уже поздно, но, придя несколько в себя, я счел нужным хоть некоторые мои сомнения изложить: Петербург мне совсем чуждая область, и, может быть, руководство охраной будет мне не по силам...

Трепов еле выслушивал меня.

— Я вам дам хорошего советника, — прервал он, — вы знаете Банковского? Он будет с вами сотрудничать.

Удрученный, недовольный своим умением держаться, я вечером возвращался в Харьков. Будущее представлялось мне далеко не в розовом свете. Но сейчас уже все было решено. Нужно думать о том, как справиться с новыми задачами.

Две недели спустя, 17 февраля, я заявился на прием к Трепову. Он вновь меня принял немедленно. Как только я затворил за собой дверь, он в чрезвычайном возбуждении сказал мне:

— Мне только что телефонировали из Москвы, что убит Великий князь Сергей Александрович. Неизвестный бросил в него бомбу. Великий князь был разорван на части... Ужасная смерть...

Трепова нельзя было узнать. Глядя пред собой неподвижным взором, он непрестанно повторял: «Ужасно... ужасно...» Он был лично очень предан Великому князю, долгие годы под его началом служил в качестве офицера, а затем, когда Сергей был назначен генерал-губернатором Москвы, в качестве московского обер-полицмейстера. Жестокая смерть Великого князя была для него катастрофой, постигшей одного из близких людей.

И меня эта страшная весть также глубоко взволновала. Ко всему, что потрясало Россию уже в течение месяцев, ко всем массовым восстаниям, забастовкам, террористическим актам — ко всем этим безумным судорогам возбужденного народного

организма — покушение на дядю Царя явилось как бы зловещим заключительным эффектом. Еще более тяжким и безумным, чем до сих пор, представлялось мне будущее. Как бы отвечая на мои мысли, Трепов сказал:

— Я узнал, что в Петербурге работает новая террористическая группа. Она недавно прибыла из-за границы. Ею подготовляются покушения на Великого князя Владимира, на меня и — кто знает — на кого еще. Слушайте, ваша первая задача — ликвидация этой группы. Не горюйте о том, что это нам дорого обойдется. Любой ценой схватите этих людей. Поняли? Любой ценой!

В Департаменте полиции, куда я пришел после приема у Трепова, я застал всеобщее смятение. За время моего следования в Департамент Трепов нанес туда короткий визит. Высшие чины Департамента передавали друг другу, что генерал-губернатор без доклада бурно ворвался в кабинет директора Лопухина, бросил ему в лицо одно слово «Убийца!» — и хлопнул за собою дверью. Трепов открыто бросил обвинение начальнику Департамента полиции в неудовлетворительной постановке охраны Великого князя. Ничего подобного не было еще в истории Департамента.

Вечером того же дня я вступил в должность. Петербургское охранное отделение занимало большой дом на Мойке. Я подымаюсь по лестнице и останавливаюсь в полном изумлении. В проходах снует масса народа. Кое-где дверь не закрыта. Я вхожу в комнату: за своим письменным столом сидит жандармский офицер, перед ним стоит какой-то человек в штатском. Жандармский офицер, уже осведомленный, кто я такой, приподымается с места и здоровается. Я спрашиваю, указывая на штатского:

— Кто этот человек? Арестованный?

— Нет, господин полковник, это тайный агент (секретный сотрудник).

— Что? — говорю я. — Тайный агент? Вы допускаете, чтобы секретный сотрудник ходил в охранное отделение? Но ведь это же совершенное безумие. Если его увидит кто-нибудь из террористов, он погиб.

— Простите, господин полковник, — отвечает офицер, — это незначительный агент, и он к тому же постоянно врет.

Я был ошеломлен. Было некстати сейчас разъяснять офицеру методы политической секретной агентуры. Я иду дальше и дальше изумляюсь. Все, что я в этот первый день и в последующий увидел в большом доме охранного отделения, уяснило мне, как был Трепов прав, считая, что здесь необходима радикальная чистка, и в срочном порядке. Эти дефекты

организации, эта перепутаница были карикатурой на политическую тайную полицию. Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов, превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, выпытать планы и свести их на нет, этот аппарат ведет призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и лишенное всякой цели и смысла.

Уже в первый вечер я снесся с Рачковским, который к этому времени состоял при Трепове в качестве эксперта по секретным полицейским делам, влияя преимущественно изнутри и держась в тени. Рачковский явился ко мне и рассказал, что знал о новой петербургской группе террористов. Это было немного. Без сомнения, группа, о которой говорил мне Трепов, существовала и подготавливала покушения. Но кто были эти люди, где они проживали? Рачковский не имел ни малейшей точки опоры, не знал ни одного, хотя бы самого незначительного, имени, которое можно было бы поставить в связь с ними В темноте, ощупью, он прилагал величайшие усилия для того, чтобы найти хотя бы одного (верного) человека, который мог бы завязать сношения с группой и доставить заслуживающие доверия известия.

Эту первую ночь в охранном отделении провел я за пустым письменным столом — в то время, как вокруг меня офицеры и чиновники занимались своей непонятной деятельностью, — отчаиваясь и кляня свою судьбу, поставившую передо мною такую задачу. Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся под угрозой террора высоким особам: «Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем вам только одно рекомендовать — если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ».

Так прошли, не продвигаясь вперед ни на шаг, три недели Великий князь Владимир, брат которого Сергей только что погиб в Москве такой страшной смертью, генерал Трепов и ряд других высоких особ не могли передвигаться свободно. Не наложи они на себя домашнего ареста, они могли бы осмелиться показаться на улицу только под самой сильной охраной. Положение было совершенно невыносимое.

Глава 2. ТЕРРОРИСТЫ

На двадцать первый день моей деятельности в качестве руководителя Петербургского охранного отделения случилось нечто необыкновенное. Как всегда, я сижу ночью за письменным столом, как всегда занимаюсь разбором и расчленением сообщений агентов, ищу в них следов террористов, комбинирую одну возможность за другой.. Звонит телефон. У аппарата — полицейский чиновник Он не говорит, он прямо кричит:

— Взрыв в гостинице «Бристоль», четыре комнаты разрушены, один убитый!..

Не ожидая, не хочет ли он еще дальше сообщить что-нибудь, я выбегаю в переднюю, беру с собой одного чиновника, нанимаю первого извозчика на улице и еду в гостиницу «Бристоль».

Что случилось? Опять кто-нибудь из террористов пал жертвой? Извозчик подъезжает, я выхожу и оказываюсь перед горой разрушений. Четырехэтажная гостиница имеет 36 окон, все 36 лежат в осколках на улице среди кирпича и обломков мебели, выброшенных взрывом сквозь окна гостиницы. Динамит бушевал с ужасающей силой.

Было 4 часа утра, когда я вошел в гостиницу. Полуодетый, бледный как смерть, вышел мне навстречу владелец гостиницы. Он что-то бормотал невнятное. Я оттолкнул его в сторону и взбежал по ступеням вверх. Здесь посреди разрушенных комнат находилось самое место взрыва. Все комнаты этажа стояли открыты — взрыв сорвал все двери с петель.

Вступаю в место наибольших разрушений — в комнату № 27. Я был готов к самому худшему, но то, что мне привелось здесь увидеть, превосходило все представления. Обстановка комнаты и обломки стен лежали подобно куче мусора, и все эти обломки и клочья были там и тут усеяны мельчайшими частицами человеческого трупа. Поблизости разбитой оконной рамы лежала оторванная рука, плотно сжав какой-то металлический предмет. — картина, которую я не могу забыть.

Служащие гостиницы доложили мне, что жилец этой комнаты, исключительно красивый и жизнерадостный молодой человек, был заявлен в качестве богатого англичанина под именем Мак-Келлог. Образ молодого человека, жившего еще несколько часов тому назад, и его разорванный в клочья труп сплелись в моем представлении в одно странное, призрачное видение. Внезапно снова овладело мною острое оцепенение, которое, казалось, я уже преодолел. «Подобная же судьба, — думал я, — может постигнуть и меня . Отчего я не остался в

Харькове?»

По всем обстоятельствам дела не было сомнений в том, что это был несчастный случай с террористом, заряжавшим бомбу{21}. Бомбы террористов представляли опасность не только для Великих князей и губернаторов, но также и для изготовителей этих бомб. Они содержали в себе горючие и взрывчатые вещества, серную кислоту, хлористый калий, гремучую ртуть и динамит, плотно прилегающие друг к другу в ломких сосудах. Принцип изготовления бомб заключался в том, что при ударе бомбой по твердому предмету стеклянная трубочка разбивается, и находящаяся в ней серная кислота выливается на смесь хлористого калия с толченым сахаром, при соприкосновении с серной кислотой эта смесь воспламеняется и приводит к взры ву гремучую ртуть, которая в конечном счете вызывает взрыв уже собственно взрывчатого вещества — динамита. У человека, именовавшего себя Мак-Келлогом, во время заряжения бомбы разбилась в руке стеклянная трубочка. Быть может, он был неосторожен или устал.

Прошло еще некоторое время, пока мы узнали, что взрыв в гостинице «Бристоль» свел на нет один из самых значительных заговоров последнего времени и что павший жертвой несчастного случая «англичанин Мак-Келлог» был в действительности Макс Швейцер, руководитель тщетно разыскиваемой петербургской террористической группы. Покушения, для которых Макс Швейцер в своем гостиничном номере изготовлял бомбы, должны были быть произведены через три дня, 14 марта. Наступала двадцать четвертая годовщина со дня убийства Императора Александра II На торжественную панихиду в церкви при Петропавловской крепости должны были, как каждый год, явиться властители официальной России, и адский план Швейцера состоял в том, чтобы использовать момент разъезда из церкви для покушения в массовом масштабе. Одновременно в память казни террористов 1881 года должны быть убиты бомбами четверо высших государственных людей России: главнокомандующий Петербургским военным округом князь Владимир, генерал-губернатор Трепов, министр внутренних дел Булыгин и его товарищ Дурново. Осуществление швейцеровского плана одним ударом обезглавило бы все русское правительство.

То, что таков был план террористов, я узнал позже, но уже тогда, после взрыва в гостинице «Бристоль», я не сомневался, что этот случай должен помочь мне попасть на след широко задуманного заговора. И все мои усилия были направлены сейчас на то, чтобы выследить членов группы.

Как раз в это время мы наконец нашли человека, который

был в состоянии завязать сношения с террористами. Это был Николай Татаров, ссыльный революционер. Сын протоиерея варшавского кафедрального собора, лет около 28 от роду, Татаров был выслан в Сибирь за организацию революционной, нелегальной типографии. Через посредство генерал-губернатора Западной Сибири графа Кутаисова Банковский предложил Татарову довольно высокую сумму, и последний, в жажде денег и тяготясь ссылкой, выразил готовность поступить на службу в полицию.

Татаров приехал в Петербург и был без дальних слов принят в круг со-циалистов-революционеров, не имевших, естественно, никакого представления о его эволюции Хотя его не посвятили в деятельность боевой группы, но он весьма скоро выяснил, что определенные лица поддерживают сношения с террористами, и назвал нам этих лиц. Этого было достаточно. Для политической полиции имя — не звук пустой. Имя, по которому можно найти человека, — это почти все...

Нужно отметить, что Татаров имелся в распоряжении Петербургского охранного отделения еще до моего приезда. Сношения с ним вел Банковский, который мне намекнул, что у него имеется секретный агент, но в подробности не входил. Я не счел нужным расспрашивать, предполагая, что ничего существенного, что наводило бы на след террористической группы, у Бачковского нет. *Я* сосредоточил в своих руках все внешнее наблюдение, так сказать всю исполнительную власть, удовлетворившись заявлением Бачковского, что секретная агентура сконцентрирована в руках такого опытного человека, как Медников, которого вывез с собой по приезде из Москвы Зубатов{22}. Но после взрыва в «Бристоле» мне пришлось переменить свое отношение к этому делу. На собраниях агентов, происходивших по вечерам в охранном отделении, выяснилась картина обшей расхлябанности, которую далее переносить было невозможно. Я решил, оставляя Татарова за Банковским, постепенно перенять всю секретную агентуру в свои руки...

Татаров назвал некоторые имена. В поисках названных лиц мы наткнулись на след одной женщины, старой революционерки Ивановской. Четверть века тому назад она приняла участие в организации покушения на Александра II, была тогда арестована и приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь.

После больше чем двадцатилетие го пребывания на каторге ей удалось бежать, и вот сейчас она вернулась в Петербург для участия в новых актах. Разумеется, она проживала здесь без всякой прописки, нелегально. У нас не было никакого сомнения втом, что она принадлежала к петербургской террористической

группе.

Мы вели наблюдение за квартирой этой женщины в течение круглых суток, наши люди следили на улице за каждым ее шагом. Таким образом нам удалось установить личности всех ее знакомых без исключения, тем самым и членов петербургской террористической группы.

Рачковский высказывался против немедленных арестов. И по сведениям, полученным от Татарова, мы располагали еще временем, которое можно было затратить на дальнейшую слежку и наблюдение. Я оценивал, однако, ситуацию не так. Взрыв в гостинице «Бристоль» свидетельствовал, что революционеры лихорадочно готовят свое выступление. В воздухе чувствовалась близость покушения. Когда у квартиры министра внутренних дел был замечен человек в фуражке посыльного, систематически дежуривший на улице, и когда этот посыльный при попытке ареста оказал вооруженное сопротивление, я решительно оборвал выжидательную тактику Рачковс.кого. Необходимо было немедленно приступить к арестам.

С этого момента я взял в свои руки помимо внешнего наблюдения, так же и всю секретную агентуру.

Спустя три недели после взрыва в гостинице «Бристоль», 29 и 30 марта, вся террористическая группа числом в 20 человек была арестована и посажена в ту самую Петропавловскую крепость, которую она избрала ареной для своего массового убийства. За одним-единственным исключением все эти аресты происходили без особых осложнений.

Наблюдения наши, предпринятые на основании сообщений Татарова, навели нас на дальнейшие, изумительные следы: одно из подозрительных лиц принесло таинственный чемодан на квартиру некоего высокопоставленного лица, вращавшегося в знатном обществе при Дворе, и оставило там этот чемодан для передачи племяннице этого лица, молодой девушке Татьяне Леонтьевой. Я не знал содержимого чемодана, — в нем могли быть и невинные вещи, — но я должен был сам в этом убедиться.

Полицейский офицер, которого я туда отправил с поручением исследовать содержимое чемодана, вернулся с пустыми руками. Высокопоставленный хозяин квартиры возмущенно возражал против полицейского обыска в его квартире; мой офицер был обескуражен и вынужден уйти.

Мною овладело подлинное возмущение. Мы преследуем опасную террористическую группу, а тут сановная особа становится на пути нашего расследования. Я посылаю вторично офицера, даю в его распоряжение несколько полицейских чиновников и уведомляю, что настаиваю на непременной выдаче

чемодана. Если он не будет выдан добровольно, я возьму его силой. На этот раз офицер проявил решительность; он получил чемодан, открыл и нашел его до краев наполненным динамитом и составными частями бомб.

Этот случай — особенно после взрыва в «Бристоле» и ареста петербургской группы террористов — можно считать поворотным пунктом в деятельности охранного отделения, он означал собой начало политики твердой руки. И для меня лично он имел решающее значение. Я начал ощущать под собой прочную почву, сознавая всю важность занимаемой мною должности.

Содержимое чемодана повлекло за собой неизбежно арест адресата — Татьяны Леонтьевой. Это был совершенно исключительный случай. Охранное отделение видело в своих стенах арестованных различного рода и происхождения, но среди них не было еще такой юной женщины. Дочь якутского вице-губернатора, воспитанная в институте для благородных девиц, не старше двадцати лет от роду, богатая и красивая девушка имела доступ к царскому двору; в самое ближайшее время предстояло назначение ее в фрейлины Царицы{23} Одному Богу известно, в какое общество она попала и как стала революционеркой. Спустя долгое время я узнал о намеченном ею плане совершить покушение на Царя на одном из придворных балов, где она должна была выступать в качестве продавщицы цветов. В план входило преподнести Царю букет и в это время застрелить его из револьвера, спрятанного в цветах Этим выстрелом Леонтьева хотела перед лицом всего мира дать ответ на убийства «красного воскресенья». Вероятно, ей удалось бы осуществить свой замысел, если бы, как раз под впечатлением от «красного воскресенья», не были прекращены всякие балы при Дворе.

Жизнь Леонтьевой закончилась трагически. После нескольких месяцев одиночного заключения в Петропавловской крепости она душевно заболела. Семье удалось добиться освобождения ее из тюрьмы для помещения в одну из лечебниц. Она была отправлена в Швейцарию. Там она тотчас вступила в сношения со своими товарищами. Она обратилась в Боевую организацию Партии социалистов-революционеров с просьбой дать ей вновь возможность принять участие в терроре. Руководитель Боевой организации Савинков советовал ей прежде всего несколько отдохнуть и полечиться. Этот совет она восприняла крайне болезненно, считая его отклонением ее просьбы о работе в терроре. В жажде «террористического героического акта» она примкнула к другой революционной группе. Тут разыгрался последний акт ее трагедии.

Татьяна Леонтьева поселилась в Интерлакене в отеле

«Юнгфрау», где проживал в качестве курортного гостя некий семидесятилетний Мюллер. Она одевалась очень элегантно, свободно прогуливалась по салонам отеля и ежедневно ела за табльдотом{24} в одном зале с Мюллером Наблюдая в течение нескольких дней Мюллера вблизи, 1 сентября 1906 года она попросила накрыть для себя отдельный столик поблизости от старого Мюллера, во время обеда встала из-за своего стола, подошла вплотную к Мюллеру и сделала несколько выстрелов из браунинга в этого одинокого и ничего не предполагавшего старца. Уже от первого выстрела он упал, остальные она выпустила уже в хрипевшего, лежащего на полу человека. Через несколько минут он был мертв.

Шарль Мюллер, рантье из Парижа, крупный миллионер, в течение долгих лет приезжал каждое лето в Интерлакен для лечения. Татьяна Леонтьева застрелила его, ложно принимая за бывшего русского министра внутренних дел Дурново. Мюллер имел несчастье не только походить лицом на Дурново, но к тому же носить то самое имя, которым обычно пользовался Дурново в своих заграничных поездках.

В марте 1907 года Татьяна Леонтьева были приговорена Тунским судом к многолетнему тюремному заключению... В первый, но не в последний раз мне пришлось увидеть рожденную для счастья молодую жизнь, обреченную на вечную муку из-за причастности к революции.

Захват петербургских террористов потребовал также человеческой жертвы. При чрезвычайно драматических обстоятельствах — почти ровно через год — закончилась жизнь человека, помогшего нам набрести на след террористической группы. Анонимным письмом, вышедшим несомненно из полицейских кругов, Николай Татаров был разоблачен как шпион. Комиссия, назначенная Партией социалистов-революционеров, подвергла его перекрестному допросу. Татаров запутался в противоречиях, был пойман на лжи, однако не сознался. Он знал уже, что наступит неизбежный, немедленный конец. В страхе неминуемой смерти он бежал в Варшаву и скрылся в квартире своего отца.

4 апреля 1906 года позвонили в дверь дома протоиерея Татарова. Старик открывает двери. Снаружи стоит какой-то человек и хочет говорить с Николаем Татаровым.

— Моего сына здесь нет, — отвечает старик, — и с ним вообще говорить невозможно.

Тут выходит мать, а за нею и рослый, высокий сын.

Без слов вынимает незнакомец{25} револьвер и стреляет. Руку его отталкивают в сторону, все трое обрушиваются на него — а он

беспрерывно стреляет. Отец виснет на его правой руке, мать — на левой. Николай Татаров падает. Незнакомец подходит к умирающему, вкладывает ему в карман записку с надписью «Б.О.П.С.Р.» (Боевая организация Партии социалистов-революционеров) и удаляется. Никто его не задерживает.

Так происходит убийство Татарова в передней родительского дома на глазах его родителей. Беспорядочной стрельбой убийцы была ранена и мать двумя пулями.

Об арестах 29 и 30 марта русская печать писала как о «Мукдене русской революции». Под Мукденом русская армия в сражении с японцами была разбита. Задача, которую Трепов определил как первоочередную и важнейшую, была решена. Я должен был посвятить себя следующей важнейшей задаче по коренной реорганизации охранного отделения.

Глава 3. РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Обстановка, которую я застал в Петербурге в феврале 1905 года, может быть понята лишь в связи со всеми чрезвычайными событиями, окрасившими собою русскую жизнь за последнее время, и особенно в связи с убийством министра внутренних дел В.К. Плеве, которое явилось подлинно переломным моментом. Террористический акт 15 июля 1904 года лишил империю крупного вождя, человека слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити внутренней политики. С ужасным концом Плеве начался процесс быстрого распада центральной власти в империи, который чем дальше, тем больше усиливался. Все свидетельствовало об охватившей центральную власть растерянности.

После Плеве, как известно, министром внутренних дел был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский. С его назначением впервые, с неслыханным до тех пор задором, говорили повсюду о необходимости, как тогда выражались, «уничтожить средостение» между Царем и народом и создать для этой цели народное представительство. Началась так называемая политическая «весна» с собраниями, банкетами, резолюциями и пр., которую революционные партии и либеральная интеллигенция широко использовали для противоправительственной пропаганды.

Эту «весну» я наблюдал еще в Харькове — и здесь видел, как вырастали такие собрания. Помню, в ноябре было устроено местным юридическим обществом публичное собрание. Члены общества, юристы, имели в виду обсудить текст телеграммы вновь назначенному министру внутренних дел. Но собралось множество посторонних людей Из толпы послышались прокламации, раздались требования слова — и полились антиправительственные речи представителей революционных партий.

Точно такие же сцены происходили по всей России Собрания устраивали и выносили резолюции с политическими требованиями все, кому только было не лень, — студенты, адвокаты, врачи, писатели и т.д. Устраивались полулегальные съезды — например, съезд земцев, который принял резолюцию с требованием конституции{26}. К движению примкнули даже предводители дворянства. Состоявшееся в декабре совещание 23 губернских предводителей дворянства обратилось к министру внутренних дел с заявлением, в котором повторялись и пожелание созыва народных представителей, и требование отмены «административного произвола». И все эти призывы и

демонстративные требования печатались даже в тогдашней легальной печати, возбуждая и без того возбужденные умы.

Где же было правительство? Каковы были его планы? Об этом было решительно неизвестно. Мы, его агенты на местах, не получали никаких указаний и обречены были оставаться почти молчаливыми свидетелями картины всеобщего развала. Особенно тяжелым положение становилось потому, что и в самом аппарате политической полиции далеко не все обстояло благополучно.

Начиная с 90-х годов в ней все более и более крупную роль играл Сергей Васильевич Зубатов. По внешности он напоминал собою русского интеллигента, да, собственно, такой белой вороной навсегда и остался в жандармской среде, хотя внутренне он, как редко кто, сроднился с ее деятельностью и наложил на нее глубокий отпечаток. Еще в молодости Зубатов оказывал услуги охранному отделению в качестве агента, а затем довольно скоро открыто поступил на службу, и в середине 90-х годов мы уже видим его во главе одного из самых крупных отделений — Московского. Благодаря своим незаурядным дарованиям и любви к делу политического розыска Зубатов скоро выдвинулся в ряд первых и наиболее влиятельных охранных деятелей.

Как известно, идеи Зубатова далеко не исчерпывались основательным техническим реформированием дела политического розыска, весьма несовершенно поставленного при его предшественниках, ни постановкой наружного наблюдения и «внутреннего освещения» (т.е. посредством тайной агентуры) на более современной основе. Зубатов преследовал свои собственные политические цели, выработал свой политический план, которому он одно время завоевал сочувствие среди руководителей тогдашней внутренней политики в России. Эта цель и этот план имели в виду оторвать широкую рабочую массу от революционной интеллигенции. Он стремился на почве защиты экономических нужд рабочей массы создать легальное движение, которое имело бы на своей стороне в качестве отца и друга существующее правительство, тем самым лишая это движение всякой политической окраски, придавая ему лояльный характер. Он не останавливался даже перед возможностью отдельных конфликтов рабочих с предпринимателями, при которых правительство становилось на сторону рабочих. Его умственному взору рисовалась перспектива «социальной монархии», единения Царя с рабочим народом — при котором революционная пропаганда теряла под собой всякую почву. Для этой цели Зубатов выдвинул идею создания лояльных союзов рабочих, возникших впоследствии по его плану в Петербурге (где впоследствии они послужили источником возникновения

движения 9/22 января 1905 года), Москве, Одессе и других городах. Что касается его планов в отношении революционеров, то тут Зубатов, наряду с задачей перетягивания на сторону своих идей отдельных улавливаемых душ из революционной среды и вербовки их на роль тайных агентов, стремился наиболее непримиримых революционеров, не поддававшихся его увещеваниям, толкать влево, в радикализм, в террор, рассчитывая таким образом их скорее и легче обезвредить и ликвидировать.

Поскольку мне, по моей работе в Харьковском охранном отделении, приходилось сталкиваться с целями и планами Зубатова, должен сказать, что почти всегда я оказывал им противодействие или в крайнем случае ограничивался выражением своего несогласия с ними. Между нами произошло даже несколько конфликтов, наложивших, естественно, печать на наши взаимоотношения, которые в конце концов стали весьма недружелюбными.

Я помню, например, что еще в середине 90-х годов (кажется, это было в 1894 году) я получил из Москвы, из охранного отделения, сообщение, что в Харьков приезжает на днях человек, который привезет с собой литературу недавно только возникшей организации «Народного права»{27}. Ни этого человека, ни привезенной им нелегальной литературы Москва предлагала не трогать, надо было только установить наблюдение за той квартирой, где будет оставлена литература, и выяснить всех лиц, которые будут туда ходить. Я заведовал в это время розыском Харьковского губернского жандармского управления, и потому вести дело, о котором сообщила Москва, пришлось мне. Действительно, скоро приехал человек с литературой, — это оказался секретный агент полиции Михаил Гуревич, впоследствии открыто перешедший на полицейскую службу и игравший большую роль в Департаменте полиции. В двух корзинах оказались у него программа «Народного права», брошюра «Насущный вопрос»{28} и много заграничных изданий на украинском языке. Гуревича я, конечно, арестовать не мог. Но как только корзины с литературой были доставлены на квартиру, мы произвели в ней обыск, — и литературу, во избежание ее распространения (ибо распространять эту антиправительственную литературу я считал преступным и недопустимым), мы конфисковали. Этот мой шаг вызвал большое недовольство у Зубатова в Москве. Там пользовались признанием иные методы охранной работы.

Следующий мои конфликт уже непосредственно с Зубатовым относился к 1901—1902 году — и на нем стоит несколько остановиться. Зимою этого года при Департаменте полиции, по

настоянию Зубатова, было созвано совещание начальников крупнейших губернских жандармских управлений. Целью совещания было обсуждение зубатовского плана реорганизации политического розыска в империи, а также плана о создании рабочих обществ. Присутствовали все начальники крупнейших жандармских управлений. Из Харькова был вызван и начальник жандармского управления, и я — его помощник. Мое приглашение, по-видимому, объясняется тем, что я незадолго до того решительно возражал против осуществления в Харькове плана Зубатова о создании рабочих союзов. Работами совещания руководил тогдашний директор Департамента полиции С.Э. Зволянский.

Об идее Зубатова в отношении создания рабочих обществ я упоминал уже выше. Что касается другого вопроса — о реорганизации органов политического розыска, то в этом отношении Зубатов настаивал на образовании в крупнейших пунктах особых охранных отделений, совершенно не подчиненных жандармским управлениям. Раньше эти последние концентрировали в себе все функции: наблюдение, арест, дознание, расследование после ареста и пр По плану Зубатова, наиболее ответственная часть этой работы — все дело политического розыска до момента ареста революционеров включительно — изымалась из ведения жандармского управления под тем предлогом, что и люди его, и методы работы консервативные, отсталые, не идущие в ногу с требованиями времени. Весь этот розыск передавался в ведение охранных отделений, руководить которыми должны были молодые жандармские офицеры из числа учеников Зубатова, согласно его теориям и директивам.

На совещании оказалось, что большинство являются сторонниками Зубатова. Только двое были против плана о рабочих обществах — Зволянский и я Я говорил, что этот способ привлечения рабочих в легальные союзы представляет собой иіру с огнем. Такие союзы будут неизбежно возбуждать массы и играть на руку революционерам. Я также выступил против мысли о создании охранных отделений, выдвигая среди прочих и такой довод: ведь может получиться, что при создающемся двуначалии во главе охранного отделения будет стоять молодой ротмистр, который будет иметь пра во самостоятельного доклада губернатору Доклад этот может разойтись с докладом начальника губернского жандармского управления — генерала. В результате такого порядка может только пострадать воинская дисциплина. Я не возражал против того, чтобы непосредственно розыскное дело находилось в руках у молодежи, но она должна быть строго

подчинена и действовать под контролем старых и опытных начальников жандармских управлений.

Однако в этих вопросах я оказался почти одиночкой: кроме меня в том же смысле высказался еще только Зволянский. Большинство было за план Зубатова. Даже киевский жандармский генерал Новицкий, который впоследствии в своих воспоминаниях ругательски ругал Зубатова{29}, холопствовал перед ним на этом совещании, говоря по моему адресу:

— Какой-то, мол, жандармский ротмистр позволяет себе учить нас, стариков, дисциплине...

Сопротивление Зволянского повело к тому, что на этот раз планы Зубатова не получили полного осуществления. Но победа его — правда, кратковременная — была совсем близка. В апреле 1902 года после убийства министра внутренних дел Сипягина на этот пост был назначен В.К. Плеве, который провел коренные реформы в Департаменте полиции, на время отдав его фактически в полную власть Зубатова.

С В.К. Плеве мне пришлось познакомиться вскоре после его назначения на пост министра.

В том году на Юге произошли массовые крестьянские волнения, особенно встревожившие правительство потому, что они были первыми волнениями такого рода. Только что назначенный министром Плеве лично отправился в затронутые крестьянскими беспорядками Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую губернии, чтобы на месте ознакомиться с характером и причинами этих волнений. По дороге Плеве виделся в Москве с Зубатовым, который сделал ему подробный доклад о революционном движении и своем плане борьбы с ним. Плеве был одушевлен тогда одной идеей: никакой революции в стране нет. Все это выдумки интеллигентов. Широкие массы рабочих и крестьян глубоко монархичны. Надо выловить агитаторов и без колебания расправиться с революционерами. Естественно поэтому, что идеи Зубатова ему пришлись по сердцу.

Очевидно, Зубатов говорил с Плеве и обо мне, — только этим я могу объяснить тот прием, который я встретил у Плеве, когда явился к нему в Харькове с докладом.

— Вы слишком много власти себе берете, — резко начал он. — Вы не выполняете предписаний Департамента полиции.

— Мне, ваше превосходительство, — ответил я, — не известны такие случаи. Мне случалось не выполнять предписания Московского охранного отделения, но ведь я не подчинен Москве.

— А история с транспортом?

Я подробно объяснил, как именно было дело, и прибавил:

— Подолгу присяги, ваше превосходительство, я считал себя

не вправе допустить распространение революционной литературы.

Наш разговор затянулся, перешел на общие вопросы зубатовской политики в охранном отделении. Я не скрывал своего отношения к ней.

На обратном пути из поездки в Полтаву и Чернигов Плеве снова вызвал меня для продолжения разговора. На этот раз Плеве подробно расспрашивал меня о том, как я мыслю себе борьбу с революционным движением, и, я помню, в заключение он сказал мне в свойственном ему решительном и властном тоне:

— Вы — человек способный. Я вас здесь не оставлю. Но помните, — прибавил он, — я умею награждать, но умею и карать. Мне нужно, чтобы люди, которых я ставлю на ответственные посты, беспрекословно подчинялись распоряжениям начальства.

После этой беседы я ждал нового назначения, — из слов Плеве я понял, что он имел меня в виду для должности начальника охранного отделения в Петербурге. Но месяц проходил за месяцем — а я не получал никаких известий. Вскоре причина выяснилась: Зубатов переведен из Москвы в Департамент полиции начальником Особого отдела и таким образом стал фактически руководителем всего розыскного дела в империи. При нем ни на какое повышение я рассчитывать, конечно, не мог.

В начале 1903 года мне пришлось побывать в Петербурге. Директором Департамента полиции в это время был А.А. Лопухин. С 1900 по 1902 [год] он исполнял должность прокурора Харьковской судебной палаты, и мне приходилось с ним тогда часто встречаться. Во время того приезда Плеве в Харьков, о котором я рассказал выше, Лопухин обратил на себя внимание Плеве своими планами реорганизации полиции и всего дела борьбы с революционным движением. Именно этому своему плану Лопухин был обязан назначением на пост директора Департамента полиции. К сожалению, в Петербурге он целиком подпал под влияние Зубатова.

В этот приезд в Департаменте полиции я познакомился с характерной фигурой того времени, правой рукой Зубатова — Евстратием Павловичем Медниковым. Он пользовался большим влиянием на Зубатова, и последний при переводе в Петербург захватил его с собой. Колоритная это была фигура. Бывший унтер из торговцев, малограмотный, но с природной ярославской смекалкой, пронырливый, хитрый{30}.

В этот мой приезд в очередной беседе, в которой участвовали Зубатов и Медников, последний мне сказал:

— Вы ничего не делаете там. Ни одной тайной типографии не

открыли. Возьмите пример с соседней, Екатеринославской губернии: там ротмистр Кременецкий каждый год 3—4 типографии арестовывает.

Меня это заявление прямо взорвало. Для нас не было секретом, что Кременецкий сам через своих агентов устраивал эти нелегальные типографии, давая для них шрифт, деньги и прочее.

И я ответил.

— Я не арестовываю типографии потому, что у нас в Харькове их нет. А самому их ставить, как делает Кременецкий, и получать награды потом — я не намерен...

Взволнованный этим разговором, я пошел объясняться с Лопухиным

— Совершенно недопустим, — говорил я, пользуясь правом старого знакомства, — такой метод наград. Ведь выходит, что Департамент награждает тех деятелей политического розыска, которые не могут воспрепятствовать росту революционного движения в их районе. Надо, наоборот, награждать тех, кто не дает развиваться этому движению.

Я был очень разгорячен, а Лопухин явно смущен.

Возможно, что не без влияния этого разговора я получил через некоторое время чин подполковника. Я понял, что меня успокаивают.

К характеристике Лопухина я хочу здесь отметить, что, в отличие от обычного типа прокуроров, он всегда отличался особой предупредительностью по отношению к охранному отделению. Мне не приходилось встречать ни одного прокурора, который с такой готовностью шел навстречу интересам политического розыска, как он. Обычно прокуроры ловили нас на мелочных, формальных нарушениях закона и мешали нашей работе, порой открыто защищая интересы арестованного.

Карьера Зубатова, который пользовался большим влиянием при Плеве, как известно, закончилась еще при жизни Плеве, и довольно-таки неожиданно. По официальной версии, причина его падения заключалась в захва-ценных его письмах к агенту Шаевичу, который в Одессе так руководил зу-батовской рабочей организацией, что летом 1903 года довел дело до всеобщей стачки. Неофициально, однако настойчиво утверждали, что Зубатов сломал себе шею на другом — он якобы пытался вести большую политику и вмешивался в борьбу между Витте и Плеве. Кто-то раскрыл эту игру перед Плеве; последний его уволил и немедленно удалил из Петербурга с воспрещением жить в столицах.

После удаления Зубатова разруха в Департаменте полиции

достигла своей высшей точки. Я не соглашался с политикой Плеве, но у него все же была какая-то политика. Он был крупный человек и знал, куда шел и чего хотел. Его преемники никакой своей политики не имели — и плыли по воле волн, принимая решения от случая к случаю. За короткое время своего пребывания в Департаменте полиции Зубатов все ответственные посты заполнил своими людьми, воспитанными на его идеях, усвоившими его методы работы. Многие из них были с авантюристической жилкой в характере. Зубатов умел держать их в руках — и хотя их авантюризм и тогда давал себя знать, но все же они не выходили из известных границ. Когда Зубатова удалили, «зу-батовский» аппарат остался, но без своего создателя и руководителя. Политика игры с рабочими обществами, несмотря на тот крах, который она испытала в дни южной стачки 1903 года, не была в корне ликвидирована. «Зубатовские общества» продолжали еще существовать — хотя было ясно, что если эта политика и при Зубатове приводила к печальным результатам, то без Зубатова она должна привести к прямой катастрофе.

Эта катастрофа и не замедлила прийти — в виде событий 9/22 января 1905 года.

Глава 4. ГЕРОЙ «КРАСНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ»

Впервые месяцы моей работы в Петербурге весь официальный мир только и говорил, что о событиях «красного воскресенья» и о герое этого дня, священнике Гапоне, чей образ постепенно принимал буквально мифические размеры. Даже страшная смерть Сергея Александровича не ослабила этого интереса. Особенно много разговоров было в Департаменте полиции. У меня все время было впечатление, что его руководители чувствовали себя ответственными за эти события. И они действительно были ответственны, ибо рабочее общество, которое руководило январской стачкой, стояло под покровительством Департамента полиции, а Гапон был в связи с Зубатовым и действовал по его указаниям.

Я не историк, да и текущих дел у меня всегда было слишком много, чтобы иметь время на подробные расспросы о прошлом. Но Гапон был не только прошлым. Он в это время жил за границей и печатал там свои воззвания, производившие огромное впечатление на рабочих. Поэтому, еще не предполагая, что судьба скоро сведет меня с ним лично, я стремился точнее и подробнее узнать о Гапоне, об его личности и об его роли в движении. К сожалению, многое теперь забылось: узнанное из рассказов других вообще всегда легче забывается, чем то, в чем сам принимал участие. И все же фигура Галона и его роль для меня вполне ясны и теперь.

Сын священника, Гапон был родом с юга, кажется из Полтавы{31}. Он окончил духовную семинарию, а затем — и духовную академию в Петербурге. Во время пребывания в этой последней он выделился своим даром слова и не только легко получил место священника в одной из петербургских церквей, но и завязал широкие знакомства в петербургском обществе. Кто его свел с Зубатовым, я не знаю, но хорошо помню, что в Департаменте все его называли учеником и ставленником Зубатова. Последний в это время только что перебрался в Петербург, был в периоде расцвета своего влияния на Плеве и горел желанием поскорее проделать в Петербурге свой опыт создания покровительствуемого полицией рабочего общества. Молодой священник с талантом проповедника и широкими связями в петербургском обществе как нельзя лучше подходил для роли исполнителя планов Зубатова. По указаниям последнего он повел свою агитацию, по его же указаниям и при его материальной поддержке он основал рабочее общество. Несомненно, результаты этого опыта были бы печальны и в том

случае, если бы Зубатов имел возможность все время руководить Галоном. Но положение во многом ухудшилось, когда вскоре после открытия общества Зубатов был удален от дел политической полиции. С Талоном теперь поддерживал сношения Медников, который, конечно, никакого влияния на Талона иметь не мог Помнится, мне говорили, что несколько раз с Талоном виделся и сам директор Департамента полиции А.А. Лопухин — но эти свидания были отрывочны и большого значения иметь не могли В итоге оказалось, что поставленный руководителем политической полиции на такое ответственное место Талон почти с самого начала был предоставлен самому себе, без опытного руководителя и контролера.

Результаты не замедлили сказаться.

Созданное Зубатовым и Талоном рабочее общество нашло в Петербурге хорошую почву. Число его членов быстро росло и к концу 1904 года доходило, помнится, до 6—8 тысяч человек. Но о контроле полиции за деятельностью общества давно уже не было и речи. Это было обычное общество с настоящими рабочими во главе. В их среде и Талон совсем забыл о тех мыслях, которыми руководствовался вначале. Достаточно было небольшого толчка, чтобы это изменившееся положение выявилось. За таким толчком дело не стало.

Из-за какого-то маленького столкновения в декабре 1904 года директор Путиловского завода — наиболее крупного тогда завода в Петербурге — уволил четырех рабочих. Все они были членами руководимого Талоном рабочего общества. Это общество отправило к директору делегацию, требуя обратного приема уволенных. Директор отказался. После долгих переговоров собрание рабочих Путиловского завода — членов гапоновского общества решило с 3/16 января 1905 года начать забастовку. Был выставлен целый ряд требований: вспомнили все свои обиды День ото дня забастовка расширялась — скоро стоял весь Петербург. Забастовали типографии — и не выходила ни одна из газет. Газовый завод и электрическая станция присоединились к стачке — и Петербург погрузился в темноту. Полуторамиллионное население Петербурга шло навстречу событиям — без газет, без воды, без освещения.

Во главе стачки стоял Гапон. Каждый день он выступал на рабочих собраниях, устраиваемых в разных концах города. Он был талантливым демагогом и умел влиять на серые массы слушателей Его слушали и с напряженным вниманием, и с любовью. Сотни тысяч верили ему и готовы были пойти за ним, куда бы он их ни повел. И он звал их идти к Царю. «Вас несправедливо притесняют, — говорил он, — и власть бессильна

вас защитить. Только один Царь может вам помочь: он не имеет других интересов, кроме блага народа. Он стоит выше всех — и только он своим высоким словом может удовлетворить наши требования». В этих его речах слышались отзвуки старых теорий Зубатова — но какое содержание стали теперь в них вкладывать? Движением с самого начала воспользовались революционеры для своей агитации. Им легко удавалось проводить на собраниях свои требования. В результате в петицию, которую собирались подать Царю, были включены революционные политические требования — и рабочая организация, созданная Зубатовым для того, чтобы отвлечь рабочих от политики, вела такую широкую чисто политическую агитацию, какой до того вести никто не мог и подумать.

Это движение застало полицию врасплох. И в Департаменте, и в градоначальстве все были растеряны. Гапона считали своим, а потому вначале не придавали забастовке большого значения. Когда потом спохватились, было уже поздно. Я очень хотел узнать, пытался ли кто-либо из ответственных руководителей Департамента повидаться с Гапоном, — но ничего точного узнать не смог. Знаю только, что уже после начала забастовки с Гапоном виделся петербургский градоначальник Фулон. Это бьш, говорят, очень честный человек и хороший солдат, но в делах политической полиции ничего не понимал. С Гапоном он был давно знаком и доверял ему. То, что Гапон теперь делал, его сильно смущало. Гапон долго и подробно рассказывал, убеждая, что ни он, ни рабочие никаких революционных целей не ставят После этих рассказов Фулон стал понимать еще меньше.

— Я человек военный, — заявил он Талону под конец разговора, — и ничего не понимаю в политике. Мне про вас сказали, что вы готовите революцию. Вы говорите совсем иное. Кто прав, я не знаю. Поклянитесь мне на священном евангелии, что вы не идете против Царя, — и я вам поверю.

Гапон поклялся... Фулон поверил ему — и потом, конечно, жестоко пострадал. Но винить его, по правде, трудно: он был сравнительно мелкой пешкой, — виноваты были те, кто начинали зубатовскую игру с огнем.

Агитация Галона имела огромный успех. Сотни тысяч были охвачены одной мыслью: «К Царю».

На воскресенье 9/22 января назначено было шествие всех рабочих к Зимнему дворцу — для того, чтобы вручить Царю петицию, покрытую десятками тысяч подписей. Полиция знала обо всех этих приготовлениях. Для власти было два прямых пути: или пытаться раздавить движение, арестовав его вождей и ясно объявив всем, что шествие будет разогнано силой; или убедить

Царя выйти к рабочей депутации для того, чтобы попытаться помирному успокоить движение. Власть не пошла этими путями. До позднего вечера в окружении Государя не знали, как поступить. Мне передавали, что Государь хотел выйти к рабочим — но этому решительно воспротивились его родственники во главе с Великим князем Владимиром Александровичем. По их настоянию Царь не поехал в Петербург из Царского Села, предоставив распоряжаться Великому князю Владимиру Александровичу, который тогда был командующим войсками Петербургского военного округа. Именно Владимир Александрович руководил действиями войск в день «красного воскресенья». Полиция о планах военных властей не была осведомлена. Поэтому-то и могли иметь место такие факты, как убийство войсками нескольких полицейских чиновников, которые сопровождали толпы рабочих.

Поздно в ночь на воскресенье войска заняли назначенные им позиции на улицах.

Стоял жестокий, морозный, петербургский январский день. Нева и ее притоки были покрыты толстым слоем льда. Повсюду сновали патрули. Солдаты, как на бивуаках, грелись у разложенных на улицах костров. Офицеры в походном обмундировании. Наиболее плотно войска были сосредоточены у Зимнего дворца, в пунктах, ведуших из рабочих кварталов в центр города, и в рабочих районах. Фабрики и предприятия охранялись особыми караулами. Артиллерия была выведена в полной боевой готовности.

И тем не менее никто не верил, что войска могут стрелять. С раннего утра 22 января потянулись рабочие на сборные пункты. И густыми толпами, в каждой из которых числилось по нескольку тысяч человек, двинулись они в 10 часов утра из рабочих кварталов в город.

С портретом Царя перед собой шли рабочие массы Петербурга к Царю. Во главе одного из многочисленных потоков шел священник Гапон. Он поднял крест перед собой — словно вел этих людей в землю обетованную. За ним следовала верующая паства.

В этой толпе, которая шла вслед за Талоном, было около 3000 человек, старых и молодых, мужчин, женщин и детей. Впереди шествия, чтобы очистить ему путь, верховые-полицейские; под командой одного из полицейских офицеров шел также наряд пешей полиции. Талон шел впереди. Слева от него шел священник Васильев с большим деревянным распятием в руках; справа — социалист-революционер Петр Рутенберг. За ним следовала группа рабочих с портретами Царя, хоругвями, распятием и образами.

Около 11 часов гапоновский отряд достиг речки Таракановки. Мост, находившийся в нескольких километрах от Зимнего дворца, из пригородов в центр города, был занят солдатами. Лишь только голове отряда удалось вступить на мост, показался кавалерийский разъезд. Толпа разомкнулась и пропустила его, для того чтобы затем сомкнуться вновь и идти дальше. Тотчас же рота, занимавшая мост, направила свои ружья на толпу. Прозвучал рожок горниста, затем воздух прорезал сухой, неравномерный залп. Очевидно, предупреждающего рожка не поняли, и вот уже лежали убитые и раненые, а многие еще не понимали, что именно случилось.

Считая, что произошло недоразумение, полицейский офицер в отчаянии обратился к военным:

— Что вы делаете? Почему вы стреляете в религиозную процессию?

В это время раздался второй залп, и полицейский офицер упал ничком. За ним — вся толпа, стоявшая у моста. Было неизвестно, кто убит, кто ранен, кто бросился на землю, спасаясь от пуль. Стояли только несколько человек, несущих образа.

Уже при сигнальном рожке горниста, перед первым ружейным залпом Рутенберг схватил за плечи Гапона и бросил его наземь: опытный революционер, он понимал значение сигнала. Благодаря этому Гапон избежал смертельной опасности. Священник Васильев, стоявший подле него, был убит.

После третьего залпа Рутенберг спросил:

— Ты жив?

Гапон прошептал:

— Жив.

Оба поднялись и побежали. Во дворе какого-то дома Гапон снял свою длинную священническую рясу. Рутенберг взял у кого-то из бегущих пальто, набросил его на плечи Гапона, вынул предусмотрительно захваченные с собой ножницы и срезал Гапону его длинные волосы и бороду. Затем окольными путями он повел Гапона на квартиру Максима Горького.

Сходные сцены, как у Таракановки, разыгрались и в других районах города. Все процессии были рассеяны. Рабочие частью бежали назад в свои районы, частью, обходя мосты, занятые войсками, небольшими группами пробирались к Зимнему дворцу

Перед дворцом, в Александровском парке, все же собралась большая толпа — к назначенному заранее времени, к двум часам дня. Здесь разыгрался последний акт трагедии. Толпе удалось установить контакт с солдатами; в других — солдаты молча слушали озлобленные или насмешливые речи. Командующий отрядом наблюдал эту картину в течение некоторого времени,

затем он повторно потребовал от демонстрантов разойтись и очистить площадь. Когда его не послушали, он отдал приказание стрелять, шесть залпов рассеяли основную массу собравшихся. Остальных разогнали казаки Убитые и раненые были и здесь.

Еще поздним вечером 22 января и затем в течение трех последующих дней разъезжала кавалерия по улицам Петербурга. Официальное сообщение устанавливало число жертв в 130 убитых и около 300 раненых Но в обществе утверждали, что убитых было около 1000 человек, раненых несколько тысяч, и в течение долгих дней в больничных погребах валялись трупы. Полиция отдала распоряжение не отдавать трупов родственникам. Публичные похороны не были разрешены. В полной тайне, ночью, убитые были преданы погребению. О священнике Гапоне ничего не было известно в течение довольно продолжительного времени. Затем он вынырнул за границей. О своих переживаниях в день «красного воскресенья» он впоследствии охотно рассказывал, не упуская прибавить к своему рассказу:

— Какой хитрец этот Рутенберг — ножницы захватил с собой! {32}

Хитрец Рутенберг был потом тем человеком, кто выдал Гапона его убийцам{33}.

Глава 5. РЕВОЛЮЦИЯ НАРАСТАЕТ

Среди лиц, в руки которых было отдано направление всей внутренней политики империи, потрясенной до основания событиями 9/22 января, на первом месте надо назвать Д.Ф. Трепова. Действительно, по своему положению генерал-губернатора Петербурга, к тому же пользовавшийся особым расположением Государя, имевший личный доклад и пр., Трепов был в это время центральной фигурой, к которой стягивались все нити и в руках которой была вся власть. Красивой, внушительной наружности, с уверенным взглядом, решительными жестами, твердой походкой, Трепов производил впечатление очень самостоятельного и смелого человека. На самом деле это впечатление было совершенно ложным смелости и самостоятельности у него не было никакой. А что касается убеждений, то за ним их просто не водилось Внутренне крайне нерешительный, неустойчивый, он легко попадал под чужое влияние. Что действительно у него было — это личная преданность Государю. Не поколебавшись, он мог отдать свою жизнь за Царя и монархию. Но он не понимал, что нужно делать для защиты их.

После январских дней Трепов находился под исключительным влиянием П.И. Рачковского, который был его политическим советником по всем делам. Близость их была так велика, что позднее, когда Трепов к лету 1905 года выбрался из Зимнего дворца и поселился на Морской, Рачковский жил с ним на одной квартире. Кто их свел, как они познакомились — для меня осталось неизвестным. Мне в моей работе пришлось считаться только с фактом их близости.

Рачковский еще в конце царствования Александра 11, а именно в 1879 году, официально служил по политической полиции — в качестве секретного агента Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии. С 1884 года в течение долгих лет он занимал пост руководителя русской политической полиции за границей. Имея хорошие связи с политическими деятелями, как и с биржевыми дельцами во Франции, Рачковский не забывал своих личных дел и сумел составить игрой на бирже недурное состояние. В то же время он играл роль и в общей политике — в частности, он немало поработал для подготовки франко-русского союза. Вмешиваясь в разные дворцовые интриги, Рачковский потерпел большую неудачу во время пребывания у власти Плеве и в 1902 году был даже уволен от должности{34} Но с приходом к власти Трепова Рачковский был вновь привлечен

для руководства полицией. После убийства Великого князя Сергея Александровича Рачковский был назначен чиновником Министерства внутренних дел с возложением на него специальной задачи по руководству деятельностью политической полиции в районе Петербурга{35}.

В сущности, Рачковский должен был исполнять функции политического советника при мне в охранном отделении. Так вначале и намечалась наша совместная работа. Но после взрыва в гостинице «Бристоль» и ареста всей террористической группы Швейцера Рачковский стал понемногу отдаляться отдел охранного отделения и все меньше ими интересовался Отчасти это происходило и вследствие моего отношения к нему, так как я довольно скоро убедился, что у Рачковского нет ни розыскных способностей, ни политического чутья. Если верно, что он составил себе состояние в Париже игрой на бирже, то эти же приемы он пытался вносить и в деятельность политической полиции. Все сводилось у него к одному — к деньгам: нужно купить того-то или того-то, нужно дать тому-то или тому-то. Иногда пустить деньгами пыль в глаза через агента. Он, по-видимому, был убежден, что за деньги можно купить всех и каждого... Я сначала приглядывался к нему с недоумением. Впервые я увидел его в декабре 1901 [года] на том совещании начальников жандармских управлений, о котором я рассказывал выше Там его показывали участникам совещания как знаменитость. Все говорили о нем: «Светило». Он сам отмалчивался, говорил мало. Но теперь, присмотревшись к нему, я вижу, что в нем ничего нет. Дутая знаменитость. И я не жалел об отходе его отдел охранного отделения Впрочем, у Рачковского были и свои мотивы для этого отхода: благодаря близости к Трепову и доступу к другим влиятельным политическим фигурам того времени, он уходил в большую политику. Но об этом речь будет впереди.

Почти каждый день, во всяком случае обязательно 4—5 раз в неделю, я являлся с докладом к Трепову. На этих моих докладах присутствовал Рачковский. На них же принимались решения о производстве больших арестов — и здесь в приемной у Трепова обычно сказывалось влияние Рачковского. У меня в охранном отделении, куда Рачковский не ходил, влияние его абсолютно не чувствовалось, — но здесь он был свой. Эти совещания отражали черты этих двух людей: Трепова и Рачковского Их указания отличались неопределенностью, сбивчивостью и противоречивостью В атмосфере, существовавшей у нас в 1905 году, эти указания приводили почти к параличу власти.

1905 год, как известно, характеризовался обилием

организаций и объединений, возникавших и плодившихся буквально как грибы после дождя. Образовывались не только различные рабочие союзы — но все лица интеллигентных профессий спешили создать свои объединения. Мы имели союзы адвокатов, врачей, инженеров, профессоров, учителей и даже чиновников. И все эти отдельные союзы объединялись в одном центральном органе, в Союзе союзов, который начинал играть все большую политическую роль и возглавлять антиправительственное движение среди интеллигенции.

Однажды мне сообщили, что на квартире настоятеля Казанского собора протоиерея Орнатского состоится собрание для основания союза священников, который, предполагалось, войдет и в Союз союзов. Ввиду особого положения Казанского собора в Петербурге и принимая во внимание, что настоятель его являлся одним из наиболее влиятельных священников немонашеского звания в столице, я не знал, как надобно тут поступить, и решил снестись с Победоносцевым, обер-прокурором св. Синода. К.П. Победоносцев был в течение всего царствования Александра III наиболее влиятельным политическим деятелем определенно ультраконсервативного направления Его влияние теперь было уже далеко не то, но предстоящее собрание священников прежде всего относилось к его ведомству, которое руководило делами православной церкви. И вот я ему позвонил по телефону. Лично я мало встречал Победоносцева. Будучи проездом в Харькове, он произвел на меня нехорошее впечатление своей сухостью и черствостью.

Победоносцев сам подошел к телефону и своим сухим, скрипучим голосом коротко заявил мне:

— Пошлите полицию и казаков. Пусть от моего имени нагайками разгонят этих попов...

Я возразил, указывая, что такого рода действие вызвало бы настоящую бурю в прессе. Нам и без того сейчас достается. И я рекомендовал послать синодского чиновника, который мирно распустит собрание. Победоносцев настаивал. Но ему пришлось все же послать своего чиновника на квартиру Орнатского.

Приблизительно к этому же времени я имел случай еще раз говорить с Победоносцевым.

Он обратился к Трепову с просьбой, чтобы мерами полиции было закрыто Религиозно-философское общество, собрания которого, по его ело-вам, разлагают церковь. Трепов поручил мне выяснить это дело и дать по нем заключение. Должен сознаться, что у меня тогда были разные другие тревоги и заботы, и Религиозно-философское общество с его собраниями меня мало интересовало. Я слышал, что там собираются профессора,

писатели, священники, обсуждают разные религиозные вопросы и церковные дела. Насколько их деятельность опасна с точки зрения православной церкви, я судить не мог, а потому решил обратиться к митрополиту Антонию Условились с секретарем митрополита по телефону о времени моего прихода. И вот в покоях Александро-Невской лавры я сообщил митрополиту Антонию, что обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев просит, чтобы закрыли Религиозно-философское общество.

Митрополит Антоний заявил мне:

— Я осведомлен об обществе и его деятельности- Я знаю, что там ведутся диспуты между учеными, профессорами, либеральными священниками, интересующимися церковной жизнью. Там обсуждаются также и некоторые канонические вопросы, по которым еще нет окончательных решений. Участников собраний интересует главным образом вопрос о восстановлении патриаршества в России. Читаются доклады об отделении церкви от государства. Во всяком случае, ничего преступного в этой деятельности я не вижу Не понимаю, почему Константин Петрович требует закрытия общества...

Мнение митрополита Антония было для меня решающим. Я согласился с ним, что закрывать Религиозно-философское общество незачем. Об этом я сообщил Трепову, который поручил мне передать Победоносцеву, чтобы последний, если настаивает на своем, пусть проведет закрытие общества собственными мероприятиями, по его ведомству. Но с точки зрения охранного отделения, в интересах порядка и спокойствия в столице, такое закрытие не вызывается ни необходимостью, ни целесообразностью. Наоборот, только вред может быть нанесен. Победоносцев был очень недоволен{36}.

Но если союз священников нас мало беспокоил, то другие возникающие во множестве союзы вызывали самые худшие опасения. Я упоминал уже, что союзное движение перебросилось от свободных профессий к чиновникам. Даже чиновники Сената и те образовали союз. И повсюду шло обсуждение политических вопросов, выработка программ, провозглашение лозунгов. Хорошо, если союзы ограничивались требованием конституции. Но многие выдвигали неприкрытые республиканские лозунги. А центральный Союз союзов во главе со своим советом как бы превратился в своеобразное правительство. Власть, построенная на основе объединения людей всех профессий.

Неоднократно я ставил перед Треповым вопрос: не нужно ли, не пора ли предпринять решительные меры? Конечно, союзы — не настоящие революционные партии, но они открыто выступают против правительства. И в известных условиях эти объединения

могут оказаться еще более опасны, чем настоящие революционеры. Я настаивал на ликвидации союзов.

Рачковский высказал свои всегдашние сомнения: слишком много шума вызовут эти мероприятия. Но в конце концов и он, и Трепов согласились с тем, что центральный Союз союзов надо арестовать. Трепов ставил только условием, чтобы не было ошибки в двух отношениях: 1) чтобы были арестованы только руководители Союза союзов, а не лица сторонние, не имеющие к делу отношения, и 2) чтобы были собраны доказательства преступной деятельности этих руководителей. Через несколько дней я явился к нему с повесткой предстоящего заседания Союза союзов, которая не оставляла места для сомнений о том, что это будет заседание именно центрального совета Союза союзов и что на нем будут приняты решения революционного характера. Тогда Трепов дал свое согласие на производство арестов.

Во время этого заседания (это было летом 1905 года) центральный совет Союза союзов был арестован. Там было 10—12 человек и документы, вполне устанавливающие их революционную деятельность. Их доставили в охранное отделение. Все арестованные были люди с известными именами, некоторые с крупным чиновничьим положением. Был, помнится, даже тайный советник (кажется, от союза горных инженеров). Это привело в смущение тех чиновников охранного отделения, которые должны были охранять арестованных Документы, захваченные при аресте, были рассмотрены прокурорским надзором, после чего прокурор судебной палаты доложил Трепову, что имеется вполне достаточно данных для привлечения арестованных к судебной ответственности. Тем не менее, ввиду поднявшегося в печати шума, Трепов изменил свое решение и приказал всех арестованных освободить.

— Предание их суду, — говорил он, — до крайности обострит наши отношения с обществом.

Пришлось делать приказ об освобождении...

После инцидента с Союзом союзов нам нельзя было уже заняться преследованием деятельности отдельных мелких союзов. Пришлось на многое и многое закрывать глаза. Но все же летом 1905 года мы еще могли останавливать массовые собрания и не допускать устройства таких собраний в общественных помещениях. Однако к осени картина получилась иная, и мудрая политика Трепова и Рачковского привела к легализации и массовых собраний. Мне не совсем понятно, по каким соображениям, но Рачковский явно повел кампанию за уступки. На словах он стоял за монархию, за самодержавие, а на практике поддерживал предложения в пользу реформ. Одной из этих

реформ явился проект об университетской автономии. Ход мыслей его примерно был такой. Университетская автономия — одно из главных требований интеллигенции. Если дать автономию — то удастся успокоить, удовлетворить эту интеллигенцию. Конечно, отрицательная сторона заключается в том, что при автономии в университете начнутся сходки и митинги. Но в сущности это даже хорошо. Ибо многие студенты тотчас отойдут от революции, и полиции будет легко повести борьбу с революционным течением. Так думал Рачковский, не раз развивая свой план.

Я возражал против плана:

— Наоборот. Сходки в университетах создадут открытые аудитории для революционеров, помогут им завоевать всю студенческую массу. Если сегодня придет на сходку пятьдесят человек, то на следующий день уже их будет пятьсот, и это будет сплошным митингом.

Рачковский на это отвечал:

— Ну, вы — известный пессимист. Вы видите все в мрачном свете.

Когда в августе 1905 года университетская автономия была объявлена,

Трепов отдал мне распоряжение внимательно следить за университетом и докладывать ему, как происходят сходки, каково настроение и прочее. Я знал, что в революционных кругах идут споры о том, как принять автономию. Дело в том, что в это время революционными партиями проводилась университетская забастовка. Если эта забастовка не будет прекращена, то студенчество не должно будет посещать университет. И я очень надеялся на то, что революционные партии забастовку не прекратят. К сожалению, вышло совершенно иначе. После больших внутренних споров было решено прекратить забастовку, и была принята резолюция, призывающая студентов открыть двери университета для революционного пролетариата.

Тут началась совершенно невероятная кутерьма. Мои агенты докладывали мне, что в университете, в Технологическом, Лесном и прочих институтах, как и в других высших учебных заведениях, беспрерывно следуют митинг за митингом. Все аудитории, все залы переполнены народом, слушающим революционных ораторов. В актовых залах шли общие, политические, массовые митинги. В отдельных аудиториях происходили собрания по профессиям. Отведены отдельные аудитории для чиновников, солдат, офицеров, полиции и даже для агентов охраны. И повсюду плакаты: «здесь собрание кухарок», «здесь собрание сапожников», «здесь собрание портных»

и прочие и прочие. С полудня до поздней ночи не прекращалось ми-тингованье. Одна толпа сменяла другую. Рабочие, служащие, женщины, подростки, студенты, курсистки — все это не выходило из зданий высших учебных заведений, все это волновалось, шумело, слушало и приветствовало революционные речи, аплодировало самым радикальным антиправительственным резолюциям. Представители революционных партий еще недавно решались выступать только в гриме, в очках, скрывались после произнесения речи. Сейчас они осмелели, открыто говорили и действовали. И повсюду раздавались и расклеивались революционные листки. В отдельных аудиториях складывались объединения по профессиям. В общих залах шли, все разрастаясь, политические митинги, формулируя перед сменяющимися толпами революционные программы и лозунги. У аудитории, отведенной под собрание городовых, висел плакат: «Товарищи городовые, собирайтесь поговорить о своих нуждах». И мои агенты видели, как некоторые городовые в форме шли в эту аудиторию...

Согласно инструкции Рачковского я приказал своим агентам выяснять на митингах личность ораторов. Но это далеко не всегда удавалось, так как некоторые ораторы выступали замаскированными, и их постоянно охраняли. Поэтому я вскоре отдал моим агентам распоряжение перестать ходить на митинги.

Трепову я продолжал рассказывать, что происходит в университете, как растут митинги. Он выслушивал меня с видимым неудовольствием, а потом просто стал отмахиваться от меня:

— Будет, будет. Довольно. И так знаю...

Власть в этих условиях начала явно расползаться. Из многих участков стали сообщать, что городовые боятся ходить на службу. На них народ нападает. В начале октября один агент, выслеживавший собрание за одной из застав, не вернулся, а вскоре нашли его труп. После выяснилось, что революционеры его арестовали, нашли при обыске документы, подвергли допросу и убили. Это чуть не привело к забастовке даже у меня в охранном отделении. Агенты стали говорить, что они более не могут ходить за черту города. Я быстро подавил эти разговоры, имел с ними объяснение, строго отчитал и заявил, что не допущу таких вещей. Но было ясно, что так дальше продолжаться не может. Власти нет. Нужно решиться пойти в ту или другую сторону — иначе все окончательно погибнет.

Глава 6. РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Содержание большой политики Рачковского, о которой я мельком упоминал в предыдущей главе, стало для меня ясным далеко не сразу. С разных сторон я получал сообщения, что он развивает большую деятельность, посещая всевозможных высокопоставленных лиц и ведя с ними различные политические беседы. Особенно часто он посещал С.Ю. Витте Сначала я не придавал этому большого значения, зная, что у Витте были давнишние, старые связи с Рачковским Но затем, еще перед отъездом Витте в Америку на предмет переговоров о заключении мира с Японией, агенты охранного отделения стали мне сообщать, что в тот дом, куда часто ездил Трепов по своим личным делам, зачастил в последнее время и Витте. Нити между Морской и Аптекарским островом стали протягиваться весьма прочно. Трепов и не скрывал в эту пору своих симпатий к Витте. Он неоднократно мне говорил, что, по его мнению, Витте крупнейший наш государственный человек. Если он сейчас не удел, то скоро обязательно выплывет. Вскоре Трепов сообщил мне, что при докладе Государю он высказал мнение о Витте как о единственном человеке, который может улучшить отношения между властью и обществом. Точно такие же оценки все чаще и чаще высказывались в разговорах и Рачковским. Он нередко упоминал о мнениях Витте по тому или иному поводу Сущность мыслей Витте сводилась к тому, что необходимо договориться с интеллигенцией и торгово промышленными кругами и привлечь лучших представителей этих слоев на сторону правительства для совместной борьбы против подымающейся анархии.

После возвращения Витте из Портсмута колоссально возросло его влияние. Мир, им заключенный, был действием большого государственного человека Вести войну дальше мы, конечно, не могли. Военные специалисты, правда, доказывали, что с точки зрения военной мы могли бы не только продержаться, но даже победить. В то время как наши силы увеличивались, японские — уменьшались Может быть, это правда, но это была правда только с точки зрения узких специалистов. Внутри страны положение власти, во всяком случае, становилось все менее и менее прочным, и долгое время выдерживать военное напряжение с точки зрения внутренних отношений было абсолютно невозможно. Только ликвидация войны открыла возможность успешной борьбы с нараставшей анархией. За этот Портсмутский

мир впоследствии на Витте много нападали, но в то время для нас не было сомнений в том, что это мудрый государственный ход...

Вскоре после возвращения Витте из Портсмута вспыхнула октябрьская забастовка. Положение было особенно тяжелым потому, что власть находилась в состоянии полной нерешительности. Незадолго перед тем Трепов отдал общий приказ по Департаменту полиции никаких арестов не производить, кроме бомбистов и террористов.

И вот вспыхнула всеобщая забастовка. Вся жизнь остановилась. Не было электричества, не подавали газа, не шли конки. Бастовали все: городские и земские управы, банки, магазины, даже чиновники в правительственных учреждениях. Забастовка, распространившаяся по всей стране, отрезала Петербург от всего мира. Бастовали и почтово-телеграфные служащие. В петербургской полиции также началось движение в пользу забастовки. В одном участке городовые и надзиратели отказались от несения полицейских обязанностей.

В эти дни я от Трепова узнал, что Вильгельм прислал Государю письмо с предложением в случае опасности переехать к нему в Германию. Об этом письме вообще тогда было очень много разговоров. Передавали, что, с одной стороны, Вильгельм советовал ввести конституцию — но в то же время предлагал свою помощь для подавления революционного движения. Говорили даже, что на границе уже стояли готовые двинуться в Россию немецкие корпуса.

Насколько верны были все эти слухи, я судить не могу. Во всяком случае, в Финском заливе, вблизи Петергофа, около этого времени действительно появилось несколько немецких военных крейсеров.

Трепов передавал мне, что в связи с получением предложения кайзера при Дворе шли большие споры. Придворная партия, противница реформ, высказывалась в пользу отъезда Царя. У Трепова было колеблющееся настроение. Он не знал, какой совет подать Государю. Он передавал, что Витте высказывается против отъезда, и спрашивал моего мнения. Я высказался решительно против отъезда Царя, заявивши, что если Царь уедет, то с династией в России навсегда покончено. Не будет центра, вокруг которого могли бы объединиться силы порядка, и революционные волны захлестнут столицу, а вместе с ней и всю Россию. Как ни тревожно положение, надо оставаться. Если Царь уедет, он уже не сможет вернуться.

Трепов сказал:

— Да, да То же самое говорит Сергей Юльевич.

В дни забастовки я ежедневно приезжал к Трепову, сообщая о ходе ее и спрашивая указаний, что делать И всегда я получал один ответ:

— Подождите, подождите. Еще несколько дней — и все должно выясниться.

Что должно выясниться, мне было неизвестно. Я понимал, что речь идет о большой реформе. Помимо частных свиданий Трепова с Витте мои агенты, охранявшие Трепова, зарегистрировали выезды Трепова во дворец Великого князя Николая Николаевича, к этому времени занимавшего пост главнокомандующего войсками.

Эти ответы Трепова вплотную довели меня до 17 октября. В этот день я приехал с обычным докладом. Вопреки обыкновению, пришлось несколько подождать. Трепов был занят. Потом он вышел ко мне и сказал:

— Простите, что заставил вас ждать. Только что звонил Сергей Юльевич. Слава Богу, манифест подписан. Даны свободы. Вводится народное представительство. Начинается новая жизнь.

Рачковский был тут же рядом со мной и встретил это известие восторженно, вторя Трепову:

— Слава Богу, слава Богу . Завтра на улицах Петербурга будут христосоваться, — говорил Рачковский. И, полушутя, полусерьезно обращаясь ко мне, продолжал: — Вот ваше дело плохо. Вам теперь никакой работы не будет.

Я ответил ему:

— Никто этому не будет так рад, как я. Охотно уйду в отставку.

Отсюда я поехал к градоначальнику Дедюлину. Там меня встретили с текстом манифеста в руках и говорили теми же словами, что и Трепов:

— Ну, слава Богу. Теперь начнется новая жизнь.

Когда Дедюлин узнал, что я не читал еще манифеста, он мне его дал, сам прочел вслух и в заключение поцеловал бумагу.

Были созваны на совещание все полицмейстеры столицы. Совещались о том, как объявить манифест народу. Кто-то предлагал сообщить его через герольдов Другой предложил напечатать его золотыми буквами — золотую грамоту — и прочесть во всех церквах. Никто ни словом не заикался о том, что могут быть осложнения, беспорядки. По-видимому, я сидел несколько нахмуренный, потому что Дедюлин обратился ко мне с вопросом:

— А вы, Александр Васильевич, кажется, что-то не в духе?

Тут я в первый раз высказал одолевавшие меня сомнения, которые были у меня во время разговора с Треповым и которые я

там не высказал.

— Боюсь, — сказал я, — что завтра начнется революция. Мы вот здесь говорим о золотых буквах и о царских герольдах. Я думаю, что в университете уже шьют красные флаги.

Со мной никто не согласился: все смотрели на меня как на какого-то чудака, который выдумывает разные страхи.

Отовсюду в градоначальство поступали телефонные запросы. Звонят иностранные корреспонденты, редакции газет. Справляются отдельные лица:

— Правда ли, что издан манифест?

И как сейчас, помню радостный голос дежурного чиновника, который всем отвечал:

— Да, да. Правда, правда.

На другой день, во вторник 18 октября, я с утра отправился по Невскому к Казанскому собору. Уже ночью в университете происходили первые демонстрации, подтверждавшие мои опасения. Но все же как-то не хотелось верить, что эти опасения оправдаются в полной мере. На пути к Казанскому собору меня обогнала на тротуаре группа студентов и курсисток с повязками красного креста на руках. Я был в штатском, ничем не выделялся из толпы и поэтому обратился к ним с вопросом:

— В чем дело? Зачем вам красный крест? К чему готовитесь?

Они объяснили мне, что идут на место молебствия к Казанскому собору, так как там предвидится столкновение с полицией.

В революционных кругах с самого начала настроение было, по-видимо-му, не такое оптимистическое, как у Трепова или в градоначальстве.

После прогулки я вошел в охранное отделение. Я не был там ни сегодня, ни вчера, — с того момента, как мне стал известен манифест. Меня окружили все чиновники и офицеры:

— В чем дело? Что это значит? Как понимать манифест?

Большинство сходилось на том, что охранное отделение теперь будет устранено. И многие просили меня оказать им протекцию, кто — для поступления в железнодорожное жандармское управление, кто — в пограничную стражу. Я отшучивался. Я обещал всякое содействие и помощь, но — отшучивался:

— Успокойтесь, господа. Без нас не обойдутся. Полиция имеется даже во Французской республике. Кто хочет, может уйти, — а нам работа найдется.

Я сидел у себя в охранном отделении и раздумывал над тем, кто же, в конце концов, прав? Может быть, я чересчур пессимист и прав Трепов, положившийся на мирное развитие событий?

Регулярно поступали сведения из участков о настроении столицы. Из одного участка приходили донесения, что на улицах демонстрации, выброшены красные знамена, выступали ораторы. На улицах не было прохода, и местами полиция и казаки вынуждены были вмешаться, чтобы очистить улицы.

Но все-таки ничего значительного не было, и под этим впечатлением я отправился к себе домой. Состояние раздвоенности продолжалось. Что-то будет?

В утренних газетах я прочел приказ Трепова: «патронов не жалеть»; разгонять демонстрации, не допускать, и в случае отказа разойтись — действовать оружием. Этот приказ был для меня совершенной неожиданностью.

Утром, когда я шел на службу наткнулся на маленький летучий митинг Какой-то оратор, уцепившись за фонарь, говорил о том, что не благодарить Царя, не служить молебны нужно — а прогнать Царя прочь. Он должен заплатить своей головой за все, что причинили Романовы стране.

Это мне показало, что не только я был прав в своем пессимизме, но, наоборот, я был недостаточно пессимистичен. Положение было еще хуже, чем я думал.

Глава 7. КАК ВЛАСТЬ ВЕРНУЛАСЬ

После впечатлений последних двух дней для меня сразу стало ясно, что надо готовиться к большим и тревожным событиям. Но далеко не сразу эта перспектива уяснилась тем другим людям из правительственного и административного аппарата, согласие которых мне было необходимо для приступа к решительным действиям. Помню, 19 или 20 октября я явился к Трепову для очередного доклада. Это была наша первая встреча после того дня, когда он сообщил мне о манифесте и со слезами на глазах говорил о начинающейся новой жизни. Не без любопытства стал я расспрашивать его, остается ли он по-прежнему на своей тогдашней точке зрения, и не кажется ли ему, что его приказ о патронах не соответствует его прежним представлениям о новой жизни. Трепов был несколько смущен, но старался не показать этого и говорил, что осложнения при таком крутом повороте на новые рельсы неизбежны. Не нужно только выпускать вожжей из рук, надо добиться прекращения демонстраций — а там все войдет в колею... Такого же мнения продолжали держаться и другие представители власти.

Помню, когда через несколько дней был объявлен указ об амнистии, во время моего отсутствия заявились какие-то два господина в охранное отделение, предъявили мандат от Совета рабочих депутатов и потребовали, чтобы им показали арестные помещения при охране.

— Мы желаем удостовериться, — говорили они, — что указ об амнистии выполнен в точности.

Мой помощник, подполковник Модель, настолько растерялся, что уступил их требованию и провел их по всему помещению охранного отделения. Когда я пришел, их уже не было. Легко представить мое возмущение, когда я узнал, что они заглядывали даже в мой кабинет. Я жестоко отчитал Моде-ля. Положение было такое, что, можно думать, если бы представители Совета хотели посмотреть бумаги на моем столе, то им разрешили бы сделать и это. Модель не оставался более на службе в отделении. Я считал больше невозможным с ним служить. Именно после этого эпизода я стал подбирать в охранное отделение только тех людей, на которых я мог полностью положиться.

Назначение Витте председателем Совета министров повлекло за собой большие перемены на верхах администрации. Как мне тогда рассказывали, у них заранее были распределены роли. Витте, председатель Совета министров, должен был иметь своего человека при дворе — в лице Трепова, дворцового коменданта.

Функции этого последнего в России совершенно не соответствовали этому титулу. Постоянно соприкасаясь с Царем, будучи посредником между ним и министрами, дворцовый комендант пользовался огромным влиянием и играл крупную политическую роль. То, что Витте имел в Трепове своего союзника, являлось для Витте серьезной поддержкой. В течение нескольких дней шли переговоры о привлечении в состав правительства представителей либеральной интеллигенции и общественности. Витте возлагал на эти элементы большие надежды. Именно с их помощью он рассчитывал расколоть общественное движение, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих либералов, оставив в лагере революции одни только анархические и безгосударственные элементы. Подробностей этих переговоров я не знал. Позднее во время одного из моих докладов Витте громко жаловался мне на либеральную интеллигенцию, особенно на профессуру и земцев. По его мнению, она оказалась недостаточно государственно подготовленной. Он думал, что, если бы она не оттолкнула его предложение, все пошло бы совсем по-иному.

Должен сказать, что у меня и тогда не было этого благодушного отношения к планам Витте, и я скорее обрадовался, нежели огорчился, когда из газет узнал, что министром внутренних дел назначен не какой-нибудь либеральный профессор, а прежний директор Департамента полиции П.Н. Дурново. О нем сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур, но отнюдь не человек, отрицавший необходимость для России больших преобразований. В старой России подобного типа человеком был Победоносцев. Дурново же был человеком совсем иным. Тогда мне приходилось не раз выслушивать от него определенно либеральные заявления. Во всяком случае, в октябре 1905 года он пришел к власти с настроениями, ни в чем существенно не отличавшимися от настроений Трепова, Витте и других творцов Манифеста 17 октября.

Помню мое первое свидание с Дурново. Он только что вступил во власть и вызвал меня для разговоров в здание Департамента полиции. Свидание состоялось в большом кабинете директора Департамента. Дурново сидел за большим директорским столом. Перед ним лежала груда дел и бумаг. Я знал: это те особо секретные дела, которые не поступают в общее делопроизводство и остаются в ведении самого верховного

руководителя Департамента полиции, переходя доверительно из рук в руки, от одного — к другому. Дурново потребовал, чтобы я сделал доклад о положении. Конечно, я высказал свое мнение с полной откровенностью и, по всей вероятности, не скупился на черные краски, чтобы обрисовать тот нарастающий развал власти, который шел у нас на глазах. Я чувствовал, что мой доклад был Дурново несколько не по вкусу. Он морщился и наконец перебил меня:

— Так скажите, что же, по-вашему, надо сделать?

— Если бы мне разрешили закрыть типографии, печатающие революционные издания, и арестовать 700—800 человек, я ручаюсь, что я успокоил бы Петербург.

— Ну, конечно. Если пол-Петербурга арестовать, то еще лучше будет, — ответил Дурново. — Но запомните: ни Витте, ни я на это нашего согласия не дадим. Мы — конституционное правительство. Манифест о свободах дан и назад взят не будет. И вы должны действовать, считаясь с этими намерениями правительства как с фактом.

Наша беседа длилась около часа. Больших надежд она в меня не вселила. Но я знал Дурново как опытного администратора с сильной рукой и надеялся, что факты скоро убедят его в правильности тех выводов, к которым я уже пришел.

А недостатка в этих фактах не было. Повсюду шли собрания и митинги. Можно сказать, что Петербург находился в состоянии сплошного митинга. Из-за границы приехали эмигранты и присоединились к выпущенным из тюрем революционерам. Из-за границы же привезли русские нелегальные издания и начали открыто продавать их на улицах. Помню, на Невском у католической церкви Св. Екатерины был поставлен столик, на котором лежали целые вороха женевских, парижских, лондонских изданий — «Искра», «Революционная Россия»[37], даже какие-то анархистские листки. Каждый мог подойти и купить. Я сам порылся и прикупил кое-что для своей коллекции революционной литературы. Но эта продажа не имела уже большого значения. Как грибы росли революционные издания. Конфискации нелегальных типографий побудили революционные партии начать печатать свои издания в легальных частных типографиях, которые при содействии профессиональных союзов согласились печатать их, одни — бесплатно, другие — за минимальную плату. И скоро появились легальные газеты с аншлагами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «В борьбе обретешь ты право свое»[38] — и статьи, печатавшиеся в них, звучали ничуть не слабее, чем прежде, когда они печатались на берегу Леманского озера[39]. Потом пошла настоящая волна сатирических журнальчиков.

Особенно специализировались некоторые из этих журнальчиков на высмеивании Царя. Он сидит на троне, а мыши подгрызают ножки трона. Он в испуге забился в занавеску, а с улицы несутся революционные крики. Вот примерно их обычный сюжет. И при этом соблюдался некоторый декорум, в том смысле, что лица Царя никогда не рисовали. Но карикатуристы так изловчились, что по пробору или даже по одному повороту головы легко было понять, в кого метило бойкое перо. О том, что министрам очень жестоко доставалось в сатирических журналах, говорить, конечно, не приходится.

Я регулярно собирал все эти издания и, каюсь, не без некоторого злорадства показывал их на докладах Дурново. Порой он не понимал смысла карикатур, и мне приходилось разъяснять ему:

— Это — граф Витте, а вот это — в виде свиньи или жабы, — это вы, ваше высокопревосходительство.

Особенно доставалось Дурново по случаю одной, приключившейся сним некогда, истории. Еще в начале 90-х годов, когда он был директором Департамента полиции, его темперамент сыграл с ним плохую шутку. Он ухаживал за одной дамой общества. Эта дама какое-то время относилась к нему весьма благосклонно, но затем завела роман с бразильским посланником. Дурново, как директору Департамента полиции, был подведомствен черный кабинет, и он ничтоже сумняшеся приказал по службе доставлять ему письма этой дамы к бразильскому посланнику. Передают, эти письма были настолько красноречивы, что не оставляли никаких сомнений в характере отношений дамы с послом. Взбешенный Дурново поехал объясняться с дамой своего сердца. Та категорически все отрицала. Тогда Дурново бросил ей в лицо пакет подлинных ее писем и, уезжая, имел неосторожность оставить эти письма у нее. Дама не преминула пожаловаться бразильскому посланнику. И началась история... Бразильский посланник воспользовался встречей с Государем на одном из придворных балов и рассказал ему всю эту историю. Покойный Царь был возмущен, тут же на балу подозвал к себе министра внутренних дел (им тогда был однофамилец П.Н. — Иван Н. Дурново) и с присущей ему резкостью заявил: «Немедленно убрать прочь этого дурака». Карьера П.Н. Дурново было оборвана: на другой же день он сдал свои дела по Департаменту полиции и уехал за границу{40}. Конечно, эта история не была тайной, и теперь редакторы сатирических журналов любили напоминать министру о Высочайшей резолюции.

Надо сказать, что Дурново к этим нападкам на него лично и

на других министров относился вообще довольно благодушно. Но он не мог с таким же благодушием относиться к нападкам на Царя. Именно из-за карикатур на последнего и начались конфискации, которые, правда, не давали больших результатов. Когда являлась полиция, она находила в типографии только несколько десятков номеров журнала из напечатанных десятков тысяч экземпляров. И только наживались газетчики, продавая «конфискованный» номер вместо 5 копеек за 1, 2, 3, а порой и 5 рублей.

Еще хуже распространения революционных изданий было другое: существование и рост влияния Совета рабочих депутатов. Он возник в дни октябрьской забастовки для руководства стачечным движением. По окончании забастовки Совет расширился, реорганизовался и стал вести себя как второе правительство. Во все учреждения он слал запросы, требовал справок и объяснений — и всего хуже было то, что учреждения, даже правительственные, даже полиция, эти справки и объяснения Совету давали. Выше я упоминал, как Совет провел ревизию арестных помещений даже при охранном отделении. Открыто он проводил сборы на вооружение, а вскоре приступил к созданию исполнительного органа своей власти — милиции. Представители этой милиции с особыми повязками на рукавах вмешивались в действия чинов полиции, давали им указания, предъявляли требования — и растерянная полиция нередко их слушалась.

Помню, я сам был свидетелем такой сценки в ноябре. Я шел по Литейному проспекту и увидел, что какой-то господин с повязкой на руке подошел к постовому городовому и что-то такое ему сказал. Городовой последовал за ним. Когда они проходили мимо меня, я остановил их и спросил, в чем дело. Господин с повязкой весьма охотно разъяснил:

— Вот в этом дворе невероятно антисанитарные условия. Помойная яма давно не чищена и страшно воняет. Я предложил городовому немедленно принять соответствующие меры.

— Но, позвольте, — возразил я, — кто вы такой?

— Я — представитель милиции, — ответил господин.

— Какой милиции?

— Милиции, организованной Советом рабочих депутатов, — авторитетно разъяснил господин с повязкой.

Забыв, что я в штатском, я потребовал от городового арестовать этого господина. Городовой иронически на меня посмотрел и отказался. Мне пришлось уйти, а городовой отправился вслед за представителем милиции составлять протокол об антисанитарном состоянии двора.

И об этом эпизоде я тоже доложил Дурново.

Самым опасным явлением, которое нам пришлось наблюдать в это время, были признаки проникновения разложения в армию. До октября, поскольку речь идет о Петербурге, в армии все обстояло сравнительно благополучно. Наверное, отдельные попытки пропаганды были, но у меня в памяти, во всяком случае, не осталось ничего серьезного. Только совсем накануне Манифеста 17 октября начались большие осложнения с одним из стоявших в Петербурге флотских экипажей, где матросы отказывались подчиняться офицерам. Передавали, что среди них идут разговоры о необходимости поступить так, как поступали матросы на Черном море, где незадолго перед тем было восстание на броненосце «Потемкин». По этому поводу при штабе командующего войсками округа было созвано специальное совещание, на котором было решено экипаж немедленно разоружить и вывезти в Кронштадт. Во время этого разоружения впервые выдвинулся полковник Мин, впоследствии усмиривший восстание в Москве. Он командовал тогда Семеновским полком, который и был, как наиболее надежный, назначен для проведения разоружения экипажа.

Эта операция настолько интересовала меня, что я отправился на нее лично. Мин действовал очень точно и быстро. Ночью назначенные отряды се-меновцев окружили казармы, которые занимал неспокойный экипаж. Сам Мин в сопровождении командира экипажа и отборного отряда солдат вошел внутрь казарм. По намеченному плану отряды солдат прежде всего прошли в помещение, где находились винтовки, после чего Мин пошел в спальные и решительно скомандовал:

— Одеваться.

Вышла небольшая заминка, матросы как будто заколебались, исполнять ли приказание, тогда он сказал решительно:

— Военную службу забыли? Смотри, я вам напомню!

Все остальное прошло спокойно. Без всяких осложнений экипаж был выведен во двор и затем погружен на суда.

К сожалению, не все спокойно прошло позднее. Именно этот экипаж сыграл руководящую роль в восстании, которое вспыхнуло в Кронштадте дней через десять после октябрьского манифеста. Это восстание сразу всполошило командиров всех военных частей, расположенных в Петербурге, и они стали обращаться ко мне с просьбами выяснить, не ведется ли пропаганда в том или ином полку. Помню, особенно часто приезжали ко мне помощник командира кавалергардского полка Воейков (командиром полка был старик князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон) и командир Преображенского полка генерал

Гатон. В кавалергардском полку дело обошлось сравнительно хорошо. Мне скоро удалось выяснить, что там в писарской команде было несколько писарей-революционеров. Они были в ноябре или декабре арестованы и преданы суду Хуже обстояло с преображенцами. Поставленное мною наблюдение установило, что среди преображенцев велась систематическая пропаганда, особенно в первом батальоне, который считался наиболее близким к Царю и был расположен около Зимнего дворца. Мои агенты проследили, что туда постоянно ходила одна революционерка-пропагандистка. Агенты сделали попытку проникнуть вслед за нею в казармы, но это им не удалось, постовые их туда не пропустили. Об этих результатах наблюдения я сообщил при ближайшем свидании Гатону и просил, чтобы командование полка само приняло надлежащие меры. Вести надзор внутри казарм я не мог, так как агентов из среды солдат у меня не было. К сожалению, меры, очевидно, были приняты недостаточные, ибо несколько месяцев спустя во время 1-й Государственной думы как раз в этом батальоне Преображенского полка произошли серьезные беспорядки.

Такого рода частные сношения с командирами отдельных полков были далеко не достаточны, так как в целом ряде других полков велась систематическая пропаганда. К тому же я чувствовал себя совсем неудобно, когда мне, полковнику, приходилось давать указания полковым командирам, обычно генералам, часто даже свитским. Поэтому по моей инициативе в ноябре при градоначальстве были устроены периодические совещания представителей полиции с командирами всех воинских частей, расположенных в Петербурге. На этих совещаниях разрабатывались общие вопросы борьбы с пропагандой в армии, а также устанавливалась диспозиция на случай восстания в столице. Надо признать, что настроение на этих совещаниях было далеко не блестящим. Только командования кавалерийских частей и Семеновского полка ручались за свои войска. Все остальные давали неуверенные ответы. Особенно плохо было среди саперов.

На этих же совещаниях я познакомился с комендантом Кронштадтской крепости Николаем Иудовичем Ивановым, также и с полковником Михаилом Васильевичем Алексеевым. Первый очень выдавался своей решительностью и смелостью. Именно он подавил Кронштадтское восстание. Второй упорно уклонялся от всех политических заявлений, говоря, что он только военный специалист, в политике ничего не понимает и ею не интересуется. На этом совещании была разработана на случай восстания точная диспозиция, какие части занимают какие пункты, как будут

разведены мосты, как будут отрезаны рабочие районы от центра и т.д.

Параллельно с этими совещаниями при градоначальстве с ноября шли почти ежедневно совещания у Дурново. Они выросли из моих ежедневных докладов. На этих докладах с самого начала присутствовал Рачковский. С первого своего свидания с Дурново я настаивал на необходимости больших арестов, и в первую очередь ареста Совета рабочих депутатов. Дурново ездил к Витте и возвращался с ответом, что предлагаемые мною меры совершенно немыслимы. Единственное, на что они давали согласие, — это на конфискации отдельных, наиболее возмутительных изданий или на арест отдельных лиц. Для решения этих вопросов, кого именно арестовать, и привлекались на совещания помимо Рачковского также градоначальник Дедюлин, 2-й директор Департамента полиции Вуич, представитель прокуратуры Камышан-ский. Решение каждого конкретного вопроса, каждый арест или конфискация давались тогда с трудом. Мне приходилось каждый раз доказывать, что данное лицо совершило совершенно недопустимое, даже с точки зрения широко толкуемых свобод, преступление.

Так шло до того момента, пока мы не уперлись в вопрос об аресте Совета рабочих депутатов. Вопрос об этом аресте я ставил с самого начала. Но его все время отодвигали, отодвигали. Наконец мне удалось доказать, что председатель Совета Хрусталев имеет — я уже не помню, какое точно, — отношение к прямой подготовке вооруженного восстания. Не без колебаний совещание высказалось за его арест — но именно только его одного. Остальные члены Совета не должны быть арестованы, и сам Совет не должен быть закрыт. Как известно, на арест Хрусталева Совет ответил составленной в пышных выражениях резолюцией, заканчивавшейся заявлением, что Совет продолжает готовиться к вооруженному восстанию. После этого я решительно заявил, что ни за что больше не отвечаю, если организация, открыто провозглашающая, что она готовится к вооруженному восстанию, не будет запрещена и арестована. Я чувствовал, что мои доводы не могли не казаться правильными Дурново. Но он опасался, что за арестом Совета последует революционный взрыв. Такого же мнения держался и Рачковский, который все время говорил, что нам нужно оттягивать развязку и содействовать организации благомыслящих слоев общества. Под этим он имел в виду создание патриотических организаций, инициатором которых он вместе с Дубровиным тогда был. Первое собрание создателей этих организаций я посетил и был далеко не в восторге от них. Никакой реальной силы они не представляли, и

не только не могли поддержать правительство, но и сами-то существовали только благодаря поддержке правительства.

Ввиду моих настояний Дурново решил устроить официальное совещание для решения вопроса об аресте Совета рабочих депутатов. Это совещание было конструировано при Министерстве юстиции под председательством Ивана Григорьевича Щегловитова, будущего министра юстиции и вождя крайней реакционной партии в 1907—1917 годах. В состав совещания вошли: Рачковский с Вуичем от Департамента полиции, Камышанский и Трегубов — от прокуратуры.

На этом заседании я развил свои доводы. Меня поддержал только Камышанский. Все остальные были против. Щегловитов тоже высказался против, приняв точку зрения Рачковского, относительно которого было известно, что он отражает мнение также и Витте. В соответствующем духе был составлен протокол. Ареста решено было не производить. Меня это решение, конечно, не удовлетворило. Я чувствовал, что продолжение прежней политики грозит большой катастрофой, и отправился еще раз к Дурново, захватив с собой официальный протокол совещания. Он взял протокол и молча его читал.

Во время моего доклада Дурново сообщили, что к нему пришел тогдашний министр юстиции, Михаил Григорьевич Акимов. Дурново попросил его войти и продолжал беседу со мной. Как сейчас помню фигуру Акимова — небольшого, сухого, седоватого человека. Он молча, не проронив ни слова, слушал мои соображения и сомнения, высказывавшиеся Дурново. Я обратил также внимание Дурново на только что опубликованный в газетах «манифест» Совета рабочих депутатов, призывающий население вынимать вклады из Государственного банка и ссудосберегательных касс. Но и эта наша беседа не приводила к положительным результатам. Дурново заявил в заключение, что он хотя и понимает мое настроение, но не считает возможным пойти по указываемому мною пути.

— Я, — сказал он, — в конце концов склоняюсь к мнению большинства совещания и формально утверждаю протокол этого совещания.

В этот момент в разговор вмешался Акимов.

— А я, — заявил он, — целиком согласен с полковником. И если вы как министр внутренних дел не считаете возможным принять предлагаемые им меры, то это сделаю я.

Тут же Акимов взял лежавший на столе блокнот и написал на нем несколько слов, которыми, как генерал-прокурор империи, уполномочивал меня произвести арест Совета рабочих депутатов.

Дурново не возражал. И у меня было впечатление, что он

даже рад тому, что мера, которая и ему представляется необходимой, решена не им. Я не стал медлить, взял весь блокнот с запискою Акимова в карман и ушел.

Вечером этого же дня — это было 3 декабря — Совет рабочих депутатов был арестован. Я получил для этого в свое распоряжение войска, оцепил помещение Вольно-экономического общества, где заседал Совет. Мы ждали сопротивления, но все обошлось мирно. Знаю только, что арест произошел во время заседания под председательством Троцкого. Все арестованные были отправлены в тюрьмы, часть — в Петропавловскую крепость, и переданы немедленно в распоряжение судебных властей.

Как это ни странно, но и этот арест еще не решил окончательно вопроса о перемене курса правительственной политики. Совет рабочих депутатов был арестован, но аресты вообще не проводились. Это изменение политики началось через несколько дней.

От своих агентов я получил сведения, что революционные партии решили на арест Совета рабочих депутатов ответить всеобщей забастовкой и вооруженным восстанием и что провозгласить эту забастовку должен всероссийский железнодорожный съезд, назначенный в Москве на 6 декабря — под предлогом пересмотра устава касс взаимопомощи железнодорожных служащих. В этом съезде должны были участвовать представители революционных партий и организаций. На совещании у Дурново я предложил отдать приказ об аресте всего железнодорожного съезда. Как всегда, и на этот раз Рачковский высказался против. Он считал лучшим подождать и посмотреть, какое впечатление произвел арест Совета. Я полагал, что именно теперь ждать нет никакого смысла, но и на этот раз Дурново согласился с Рачковским. Было решено послать Рачковского в Москву, где он должен был следить за ходом работы съезда и в зависимости от того, какое течение на нем возьмет верх, действовать и принять те или иные меры. Под предлогом нездоровья Рачковский затянул свой отъезд и выехал из Петербурга только поздно вечером 6 декабря, когда в Москве все решения уже были железнодорожным съездом приняты.

Об этих решениях я узнал от Дурново. В ночь с 6-го на 7-е, часов около 4 утра, он разбудил меня по телефону:

— Приезжайте немедленно. Есть важная новость.

Конечно, я не заставил себя ждать. Дурново сообщил мне, что ему только что доставили с телеграфа копию телеграммы, разосланной московским железнодорожным съездом по всем линиям железных дорог, — предлагающей объявить всеобщую забастовку с переходом на вооруженное восстание.

— Вы были правы, — сказал мне Дурново, — мы сделали ошибку, что так долго тянули. Надо действовать самым решительным образом. Я уже говорил с Царским Селом. Царя разбудили, и он примет меня в семь часов утра для экстренного доклада. К девяти я буду обратно. Ждите меня. Все ли готово для арестов?

Дурново был совсем иной. Никакого колебания у него не было. Видно было, что человек уже решился. И меня этот поворот политики не застал врасплох.

Я действительно через несколько дней после октябрьского манифеста начал систематически готовиться к тем арестам, которые, по моему мнению, были необходимы, чтобы предотвратить в Петербурге революционный взрыв. Для этой цели я мобилизовал всю мою филерскую команду, насчитывавшую тогда до 150 человек. К ним же я присоединил всю охранную команду охранного отделения, в которой было около 100 человек. Они все получили от меня самые точные инструкции. Их задачей было выследить квартиры всех активных деятелей революционных партий, особенно связанных с боевым делом. Подобного рода инструкции получили от меня и все секретные агенты, которых у меня тогда было очень много, особенно в рабочих кварталах. Всею работой руководил я сам. Все наиболее интересные доклады сам выслушивал или прочитывал. В революционных кругах к этому времени конспирация совсем упала Люди перестали обращать внимание, следят за ними или нет. Это облегчало нашу работу. А потому к началу декабря намеченные мною списки были уже в полном порядке.

От Дурново я проехал в охранное отделение, в срочном порядке вытребовал ответственных чиновников канцелярии и немедленно же засадил их за составление плана операции по очистке Петербурга. В 9 часов я был у Дурново. Он рассказал мне о своей беседе с Царем. Последний выслушал доклад и полностью согласился с Дурново:

— Да, вы правы. Надо теперь же принять решительные меры. Ясно, что или мы, или они. Дальше так продолжаться не может. Я даю вам полную свободу предпринять все те меры, которые вы находите нужными.

Здесь же в моем присутствии Дурново написал телеграмму во все жандармские управления империи о необходимости немедленного ареста всех главарей революционных партий и организаций и подавления всех революционных выступлений и митингов, не останавливаясь перед применением военной силы. Мне он дал карт-бланш действовать в Петербурге, как я считаю необходимым.

Весь день прошел в подготовительной работе. Так как чинов охранного отделения и жандармского управления было, конечно, недостаточно, то в помощь были мобилизованы все наличные силы полиции. Было намечено, кто именно будет руководить какими именно обысками и арестами. Под вечер, около пяти часов, руководители всех отрядов были собраны в охранное отделение. Мои указания были совершенно точны. Намеченные обыски должны были быть произведены, чего бы это ни стоило. Если отказываются открывать двери, следовало немедленно их выламывать. При сопротивлении — немедленно стрелять.

Всю ночь я оставался в охранном отделении. Каждую минуту поступали донесения. Всего было произведено около 350 обысков и арестов. Взяты 3 динамитных лаборатории, около 500 готовых бомб, много оружия, маузеров, несколько нелегальных типографий. В четырех или пяти местах было оказано вооруженное сопротивление. Сопротивлявшиеся убиты на месте.

На следующий день было произведено еще 400 обысков и арестов.

Отмечу, что среди арестованных тогда был Александр Федорович Керенский. Он был начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александро-Невского района. Позднее, через 12 лет, он стал министром юстиции Временного правительства и в качестве такового издал приказ о моем аресте...

Именно этими мерами было предотвращено революционное восстание в Петербурге. Конечно, забастовки были. Были и разные попытки демонстраций и митингов. Но ничего похожего на тот взрыв, которого все опасались и который казался всем неизбежным, в Петербурге не случилось.

Иначе обстояло дело в Москве. Оттуда скоро начали приходить тревожные телеграммы. Плохо было не столько то, что восстали рабочие, сколько то, что разложение проникло в войска, и начальство боялось выводить их на улицу для усмирения. Новый московский генерал-губернатор Дубасов по нескольку раз в день звонил, требуя присылки из Петербурга «совершенно надежных» войск; иначе он не ручался за исход борьбы.

По совещании с командующим войсками Петербургского округа был послан в Москву Семеновский полк во главе с полковником Мином Дурново очень беспокоился, благополучно ли пройдет отправка полка из Петербурга в Москву. Были приняты экстренные меры охраны. Все опасные места были заняты железнодорожными батальонами и жандармскими командами — как это полагается при проезде Царя. Все обошлось благополучно. Но первые донесения Мина из Москвы были далеко не утешительными. Он сообщил по телеграфу, что

местный гарнизон, особенно гренадерская дивизия, совершенно ненадежен. Мин просил подкрепления, присылки из Петербурга еще одного полка Семеновцы чувствуют себя как во враждебной стране и начинают заметно колебаться.

Я присутствовал при этом разговоре Дурново с Мином. Дурново спросил моего мнения:

— Что нужно делать?

Я сказал — и Дурново тут же почти под мою диктовку передал Мину инструкции:

— Никаких подкреплений вам не нужно. Нужна только решительность. Не допускайте, чтобы на улице собирались группы даже в 3—5 человек. Если отказываются разойтись — немедленно стреляйте. Не останавливайтесь перед применением артиллерии. Артиллерийским огнем уничтожайте баррикады, дома, фабрики, занятые революционерами.

Эти инструкции произвели должное впечатление, ободрили Мина. Он начал действовать решительно, и скоро мы узнали о начавшемся переломе в настроениях и московского гарнизона...

До этого времени Витте и Дурново были, казалось, во всем между собой солидарны. Дурново все время ссылался на авторитет Витте, советовался с ним, ничего не делал самостоятельно. Поездка к Царю ночью 7 декабря была едва ли не первым решительным шагом, предпринятым Дурново без ведома Витте, и она явилась переломным пунктом в их отношениях. Дурново после этого перестал считаться с Витте, стал его игнорировать. Это сказалось и на отношении к Рачковскому. Последний вернулся из своей неудачной поездки в Москву, когда все уже было кончено, все аресты произведены. Несмотря на всю свою самоуверенность, он чувствовал себя очень неловко. Дурново не скрыл от меня, что он жестоко Рачковского отчитал за ту «болезнь», под предлогом которой он оттянул свою поездку в Москву, и за нерешительность и вялость вообще Если раньше Дурново очень считался с мнением Рачковского, то теперь с этим было покончено.

Трения между Дурново и Витте косвенно отразились и на мне. Вскоре после арестов, еще до Рождества, из канцелярии Витте мне передали, что Витте желает меня видеть. Я сообщил об этом Дурново, не считая себя вправе ехать на такое свидание, не осведомив о нем своего непосредственного начальника. Дурново решительно запротестовал:

— Ни в коем случае не ездите. Не о чем ему с вами говорить. Если ему нужны какие-нибудь сведения, пусть спрашивает через меня.

Я ответил, что я вовсе не стремлюсь пойти на это свидание,

но что я оказываюсь в невозможном положении: председатель Совета министров требует, чтобы я к нему явился.

Дурново обещал сам поговорить с Витте.

Повидаться с Витте мне все же пришлось. Дурново сам передал мне его приглашение и разрешение пойти на это свидание. Наша первая встреча состоялась в запасной части Зимнего дворца, где тогда жил Витте, — поздно ночью, около 11 — 12 часов. Витте, которому, очевидно, стало известно о моей роли в декабрьских арестах, пожелал выслушать от меня не только доклад о том, что произошло, но и мою оценку положения. Я ему сказал, что острый период, по моему мнению, уже прошел. Движение входит в свои берега. При известной планомерности и систематичности борьбы его можно свести скоро на нет.

После этого я виделся с Витте еще раз 5—6. Он много рассказывал о той обстановке, в которой он принял власть, и о тех планах, которые у него в свое время были, и горько жаловался на либеральную интеллигенцию, которая, по его словам, во время предварительных разговоров обещала ему всяческую поддержку, а затем бросила его на произвол судьбы в самую трудную минуту. Раздражение против этой интеллигенции в нем было очень сильно, и я не сомневаюсь, что он, если бы остался у власти, вдни 1-й Государственной думы действовал бы много решительнее, чем действовали те, кто в эти дни были у власти. В монархических кругах позднее про Витте любили говорить, что он хотел быть президентом российской республики. Это, конечно, вздор Он был очень властолюбив и честолюбив — это правда. Но он был настоящим монархистом и государственным человеком. Перед Государственной думой, как он высказывался в разговоре, он поставил бы вопрос ребром: или работать с ним на основе Манифеста 17 октября, или она будет распущена.

О Государственной думе, после того как было опубликовано положение о выборах, я пытался говорить и с Дурново. Вопрос о том, как сложатся отношения при существовании представительного учреждения, меня очень интересовал. Я постарался достать книги, в которых описывается жизнь в конституционных странах, — но мне было не совсем ясно, как применена будет конституция к русским отношениям. Именно с этим вопросом я и обратился к Дурново, прося его мне разъяснить, с какими партиями правительство согласно будет работать и с какими партиями для правительства сотрудничество невозможно. Отчетливо помню, как поразил меня ответ Дурново:

— О каких партиях вы говорите? Мы вообще никаких партий в Думе не допустим. Каждый избранный должен будет голосовать по своей совести. К чему тут партии?

Мне стало ясно, что для новых условий Дурново еще меньше подготовлен, чем я.

Глава 8. НАШ ВРАГ

Арестом Совета рабочих депутатов, подавлением московского восстания, ликвидацией частичных восстаний и бунтов, вспыхивавших то тут, то в армии или в деревне, удачно закончилось контрнаступление правительства, когда оно вернуло себе власть и осознало свою государственную задачу. В новую эпоху, наступившую примерно к моменту роспуска 1-й Государственной думы, мы могли уже подвести итоги, свидетельствовавшие, что борьба с массовым движением увенчалась успехом, что революция на данной стадии подавлена, что в стране наступило относительное затишье. Правда, аппарат репрессий продолжал довольно энергично действовать С мест приходили сведения, указывавшие на необходимость не прекращать репрессии против наиболее активных революционных элементов. В Сибири или Прибалтийском крае приходилось еще действовать карательными экспедициями. Но новая полоса, в которую мы вступали с лета 1906 года, уже не таила в себе непосредственной и грозной опасности развала, а может быть, и гибели государства, перед которой мы еще вот недавно стояли, порой в растерянном и даже беспомощном состоянии.

Оглядываясь назад, я вспоминаю, какое грозное и бурное время переживала Россия в течение 1905—1906 годов. Начиная с злосчастного «красного воскресенья» вся страна находилась непрерывно в состоянии революционного волнения. В течение этого времени вряд ли выпадал на мою долю такой день, когда бы мне при очередных докладах не приходилось узнать про то или иное революционное выступление — про стачки и демонстрации рабочих, про митинги студентов, про антиправительственные резолюции представителен свободных профессий. Во главе всего этого движения стояли революционные партии — социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты, буржуазные либералы, которые создали свою собственную тайную организацию под названием «Союз Освобождения», позднее преобразовавшуюся в Конституционно-демократическую партию. И что было самым опасным в это время — эти революционные партии находили активную поддержку среди всего населения, даже в таких слоях его, которые, казалось бы, ни в коем случае не могут сочувствовать целям этих партий. Мы, на ком лежала задача охранения основ государственного порядка, были совершенно изолированы и одиноки. Тяжело признаваться, мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод (таких

людей было немало!) оказывать нам активную поддержку в деле борьбы против революции. А революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство Царя, но решительно боролись против самых основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие. Достаточно сказать, что известный московский миллионер Савва Морозов, владелец крупнейших текстильных фабрик, на которых он жестоко притеснял и обирал рабочих, жертвовал многие тысячи рублей на пропагандистскую деятельность социал-демократических большевиков. О том, что вся интеллигенция была на стороне революционеров, едва ли нужно особо говорить. Дело доходило до того, что знаменитый Шаляпин со сцены императорского театра и под бурные овации переполненной аудитории исполнял революционные антимонархические гимны, а не менее знаменитый писатель Леонид Андреев предоставлял свою квартиру для тайных собраний Центрального комитета социал-демократической партии{41}.

Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность Убийства Плеве и Великого князя Сергея подняли популярность социалистов-революционеров на небывалую высоту. Деньги в кассу их Центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах. По сведениям, которые я тогда получал от моих агентов, в конце 1905 года в этой кассе имелось что-то около 400 тысяч рублей, что давало этой партии возможность развивать широкую деятельность и заваливать своими прокламациями и газетами буквально всю Россию.

В начале 1906 года самый острый период болезни, поразившей страну, уже был позади. Решительные, энергичные действия правительства в декабре 1905 года в известной мере переломили настроение. Общество, постепенно преодолевая гипноз революционных идей и лозунгов, отходило от революционных партий, и если далеко еще не перешло на сторону правительства, то в то же время надолго отрекалось от какой бы то ни было поддержки революционеров. Конечно, среди рабочих, студенчества, даже в армии еще были сильны элементы революционного брожения, но все это не шло ни в какое сравнение с 1905 годом. Это изменение условий и всей обстановки почувствовали и не могли не почувствовать революционные партии. Они вынуждены были на опыте ощутить реальные границы своих собственных сил. Они не могли не видеть краха и гибели вызванного ими к жизни массового

движения. Но, не мирясь с этим фактом, они стали искать способов вновь оживить движение и для этой цели особенные усилия стали прилагать к развитию единоличного террора и других так называемых боевых выступлений. Эту задачу, в соответствии с своим прежним опытом, поставила перед собой прежде всего Партия социалистов-революционеров.

В соответствии с этим изменившимся характером деятельности революционных партий изменялись и задачи политической полиции. Особенно необходимым стало добиться такого положения, при котором я был бы осведомлен о тайных планах всех руководящих революционных организаций и потому имел бы возможность расстраивать те из этих планов, которые были наиболее опасны для государства. Эта задача и определила характер реформ, которые я стал проводить в возглавляемой мною петербургской политической полиции.

Аппарат охранного отделения был очень велик. Под моим начальством находилось не менее 600—700 человек. Здесь были и уличные агенты (филеры, свыше 200 человек), и охранная команда (около 200 человек), и чины канцелярии (около 50 человек) и т.д. Верхушку составляли жандармские офицеры, прикомандированные к охранному отделению (их было человек 12—15), и кроме этого чиновники для особых поручений (5—6 человек). Такое количество служащих мне казалось вполне достаточным для осуществления задач, стоявших перед политической полицией в Петербурге, но личный состав был далеко не удовлетворителен. Очень многих пришлось удалить, прежде чем удалось подобрать такой состав, который стал послушным и точным орудием в моих руках. Много пришлось поработать и для того, чтобы подтянуть дисциплину среди служащих. Эта дисциплина стояла вначале далеко не на нужном уровне. Я уже упоминал, что и у нас едва ли не дошло до стачки филеров: когда летом 1905 года один из них был убит на окраине города революционерами, то остальные пытались устроить совещание и выработать требования, чтобы их не заставляли ходить в рабочие предместья, особенно по ночам... Конечно, я со всей решительностью добился тогда полного подчинения, и больше разговоров о таких требованиях не возникало.

Но самой главной моей задачей было хорошо наладить аппарат так называемой секретной агентуры в рядах революционных организаций. Без такой агентуры руководитель политической полиции все равно как без глаз. Внутренняя жизнь революционных организаций, действующих в подполье, это совсем особый мир, абсолютно недоступный для тех, кто не входит в состав этих организаций. Они там в глубокой тайне

вырабатывали планы своих нападений на нас. Мне ничего не оставалось, как на их заговорщицкую конспирацию отвечать своей контрконспирацией, — завести в их рядах своих доверенных агентов, которые, прикидываясь революционерами, разузнавали об их планах и передавали бы о них мне.

Такие агенты были у петербургской охраны и до меня — но их было очень мало, никакой руководящей роли они не играли, и работа с ними была вообще поставлена крайне скверно.

Выше я уже рассказал, как при моем первом посещении охранного отделения я натолкнулся на сценку, как один офицер беседовал в общей комнате с секретным агентом. Это нарушало все правила осторожности, которые были установлены для сношений руководителей политической полиции с их секретными агентами, и показало мне, на каком уровне стояло это дело в петербургской охране. Поэтому при первой же возможности я лично принялся за радикальную ревизию всей секретной агентуры. Все офицеры, имевшие сношения с агентами, должны были представить мне таковых. Это был, так сказать, генеральный им смотр. Увы, результаты смотра показали, что дело обстояло еще хуже, чем я думал. Если не считать некоторых агентов из числа рабочих разных заводов, которые могли быть использованы для получения внутренней информации о настроениях на фабриках и заводах, вся остальная агентура состояла из людей, ничего не знавших и ни на что не пригодных. Все они только даром казенные деньги получали — и мне не оставалось ничего иного, как всех их попросту прогнать. Исключение я сделал только для одного молодого студента, который был завербован в число агентов и у которого были некоторые знакомства с революционно настроенными студентами. Его я взял под свое руководство — и после из него выработался весьма полезный для меня работник.

Всех остальных агентов приходилось искать наново. Кое-кого я перетащил в Петербург из Харькова, где у меня было несколько хороших старых агентов. Но главные были завербованы наново. Для этого я отдал надлежащие указания тем офицерам, которые вели допросы арестованных. Сам я обычно таких допросов не производил. Но если офицеры докладывали мне, что тот или иной из арестованных при допросах обнаруживает склонность к откровенным разговорам и оказывается неустойчивым в своих революционных симпатиях, то я, если только этот арестованный по своим знакомствам в революционном мире представлял для меня интерес, непременно шел на личную беседу с ним. Если эта беседа подтверждала первоначальное впечатление, то я не жалел времени для «обработки» этого арестованного. Конкретные

аргументы, которые я выдвигал во время этих бесед, бывали различны. Некоторых пугала тяжесть наказания, других соблазняли деньги, третьих на этот путь толкали личные антипатии против тех или иных революционеров... Но особенно ценными, как показывал мой опыт, бывали люди, которые в силу тех или иных причин искренне разочаровались в революционном движении. На беседы с такими я не жалел времени, стараясь всеми силами склонить их на свою сторону, — и должен сказать, что в целом ряде случаев мне удавалось приобретать исключительно полезных и ценных агентов К концу моей работы в охранном отделении я имел в обшей сложности не меньше 120—150 таких агентов во всех революционных и оппозиционных партиях, — среди с[оциал]-д[емократов], с[оциалистов]-р[еволюционеров], максималистов, анархистов, даже среди умеренных либералов, так называемых кадетов, и через них бывал осведомлен о всем важнейшем, что творилось в тайниках революционного подполья. Все эти агенты были разбиты на группы — по партиям, в рядах которых они числились, — и находились в заведовании соответствующих офицеров, которые поддерживали с ними регулярные сношения. Конечно, в охранное отделение никто из них не ходил. Для встреч были заведены особые конспиративные квартиры в разных частях города, — каждая из таких квартир была известна не больше чем 3—5 секретным агентам, причем им строжайше было запрещено являться на эти квартиры иначе, как в точно им для того назначенные часы: таким путем устранялась возможность их встреч друг с другом: один агент ни в коем случае не должен был знать в лицо кого-либо из других агентов. С особо важными агентами, которые имели то или иное отношение к центральным организациям, сношения поддерживал я сам непосредственно. Таких агентов было 5—7, причем для свиданий с каждым из них у меня была особая квартира.

Считаю уместным здесь отметить, что не все секретные сотрудники центрального значения, которые работали под моим руководством в 1906— 1909 годах, были позднее (после революции 1917 года) раскрыты. Дело в том, что в дни революции архив Петербургского охранного отделения почти целиком погиб, а в Департаменте полиции, по сведениям которого были опубликованы имена большинства петербургских агентов, о них ничего не было известно. Сношения с этими агентами поддерживал я лично, никто другой их не знал. Когда же я уходил с поста начальника охранного отделения, я предложил наиболее ответственным из своих агентов решить, хотят ли они быть переданными моему преемнику или предпочитают службу

оставить совсем. Целый ряд этих агентов прекратили свою полицейскую работу одновременно с моим уходом, и их имена до сих пор не раскрыты{42}.

Условия моей работы по руководству охранным отделением за весь период, когда мне приходилось действовать при П.А. Столыпине, самым благоприятным образом отразились на разрешении задачи, которую я выше формулировал. В этих целях большое значение имел тот факт, что я в своей работе не был подчинен никакому контролю со стороны Департамента полиции. Скорее наоборот — Департамент полиции находился под моим контролем в тех областях его работы, которые меня особенно интересовали{43}. Это положение в известной мере учитывалось и руководителями охранных отделений на местах, которые все больше начинали рассматривать Петербургское охранное отделение как наиболее влиятельный и фактический центр всего политического розыска в империи. Столыпин понимал чрезвычайную важность концентрации именно в столичном охранном отделении всех вопросов, связанных с революционным движением, и оказывал этой тенденции самую активную поддержку.

Вопрос о правильной постановке центральной внутренней агентуры в революционных партиях, вследствие официальной позиции, занятой по отношению к нему Департаментом полиции, находился в самом неудовлетворительном положении. Департамент полиции чрезмерно ограничивал роль и характер отношений своего секретного агента в отношении революционной организации. Такой агент не мог входить в революционную организацию и не мог непосредственно участвовать в ее деятельности. Он должен был только использовать в частном порядке свои личные знакомства, отношения и связи с революционными деятелями. Если еще допускалось вхождение во второстепенные организации и выполнение второстепенных функций, то абсолютно исключалось участие агентов в центральных, руководящих органах или предприятиях революционных партий, что фактически означало неосведомленность о деятельности их. Конечно, этот общий подход терпел на практике значительные изменения. Фактически секретные агенты часто и входили в состав революционных партий, и вели там работу, — и Департамент полиции, смотря на это по существу сквозь пальцы и терпя нарушение установленных норм, лишь формально прикрывался незнанием действительных отношений.

Я считал эту официальную позицию и неправильной, и грозящей серьезными последствиями. Я полагал, что задача

политической полиции не попустительствовать таким нарушениям установленных норм, но ясно и определенно видеть свою задачу в том, чтобы ввести своих секретных агентов в самые центры революционных организаций, держать их там под контролем (в частности, путем постановки тщательно налаженного взаимного контроля нескольких агентов, не знающих о существовании друг друга) и таким образом быть осведомленным самым точным образом о деятельности и планах революционных центров и иметь возможность в нужный момент помешать этим планам и приостановить эту деятельность.

В связи с этим я пришел к выводу о необходимости изменить и отношение политической полиции к тем революционным центрам, где находились мои секретные агенты. По системе Зубатова, например, задача полиции сводилась к тому, чтобы установить личный состав революционной организации и затем ликвидировать ее. Моя задача заключалась в том, чтобы в известных случаях оберечь от арестов и сохранить те центры революционных партий, в которых имелись верные и надежные агенты. Эту новую тактику диктовал мне учет существующей обстановки. В период революционного движения было бы неосуществимой, утопической задачей переловить всех революционеров, ликвидировать все организации. Но каждый арест революционного центра в этих условиях означал собой срыв работы сидящего в нем секретного агента и явный ущерб для всей работы политической полиции. Поэтому не целесообразнее ли держать под тщательным и систематическим контролем существующий революционный центр, не выпускать его из виду, держать его под стеклянным колпаком — ограничиваясь преимущественно индивидуальными арестами. Вот в общих чертах та схема постановки политического розыска и организации центральной агентуры, которую я проводил и которая, при всей сложности и опасности ее, имела положительное значение в борьбе с возобновившимся единоличным террором.

Как я уже говорил, особенно опасными из всех революционных групп, с моей точки зрения, были тогда социалисты-революционеры, которые вновь вернулись к подготовке и организации покушений против жизни руководителей правительства. Как известно, эта партия официально, со своего возникновения в начале 1902 года, признала террор одной из главных своих задач. Для этой цели ею была создана особая Боевая организация, находившаяся в партии на особом привилегированном положении: даже Центральный комитет партии, руководивший ее деятельностью вообще, не был

по-священ в подробности внутренней жизни и планов Боевой организации и не был осведомлен об ее личном составе. Члены ЦК знали только 2—3 человек из этой Боевой организации — тех, которые входили в состав ЦК, представляя в нем интересы БО. Конечно, и эти лица были известны не по их настоящим фамилиям, а по партийным псевдонимам: в революционных партиях тогда все члены бывали известны только по псевдонимам. Имена этих официальных представителей БО были довольно широко известны в партии — и мои агенты мне их весьма скоро сообщили: это были «Павел Иванович» (под этим псевдонимом скрывался Б.В. Савинков, которого я тогда считал главным руководителем БО) и «Иван Николаевич» (о том, что это был псевдоним Азефа, я узнал только много лет спустя). Подвести моих агентов как можно ближе к этой организации и через них получать хотя бы самые общие сведения относительно планов последней было в это время моей главнейшей заботой. Но при конспиративности, которой была окружена БО, это было делом очень трудным. В течение ряда месяцев я постепенно старался достигнуть этой цели, подводя одного из моих агентов к некоторым из членов Центрального комитета. Для этого я предоставил ему возможность оказывать этим лицам ценные услуги, не арестовывая их самих. И он был уже очень близок к цели: ему даже предложили войти в состав БО, но в это время нужды в таком вступлении у меня уже не было: представителем БО, который предложил моему агенту войти в БО, был не кто иной, как Азеф, к этому времени уже работавший под моим руководством. Поэтому я заставил своего агента отклонить предложение. При наличии в БО Азефа второй агент мог быть только вреден...

Глава 9. ГАПОН - АГЕНТ ПОЛИЦИИ

Не помню, с какого времени я стал получать регулярные сведения об образе жизни и деятельности Гапона после бегства за границу. Он объехал всю Европу, посетил русские эмигрантские колонии в Женеве, Цюрихе, Париже, Лондоне, Брюсселе и буквально грелся в лучах своей мировой славы. Этому тщеславному человеку было лестно вновь и вновь слышать подтверждения своих героических подвигов; однако и более реальные радости имели для него свою привлекательность. В Париже и Монте-Карло в женском обществе он швырял по сторонам крупные суммы, которые притекали в его кассу частью от доходов от воспоминаний, вышедших на всех европейских языках, частью от взносов свободолюбивых иностранцев, а частью из секретного фонда японского правительства. Эти сведения говорили мне, что судьба революционера Гапона не должна меня особенно озабочивать. Он не грозит никакой опасностью государственному порядку.

Случилось, однако, так, что в декабре 1905 года Гапон вновь очутился в Петербурге, но уже не в качестве призванного вождя революции, а в качестве секретного сотрудника Департамента полиции{44}. С.Ю. Витте, тогдашний председатель Совета министров, лелеял старую мысль, в свое время столь несчастливо испробованную на опыте Зубатовым, попытаться в противовес революционным партиям создать рабочее движение, идущее в лояльном, правительственном русле. Для руководства таким преданным правительству рабочим движением он счел подходящим Георгия Гапона, заграничный образ жизни которого ему был известен. Витте командировал в Монте-Карло к Гапону своего секретаря Мануйлова, снабженного деньгами и заманчивыми предложениями. И вот Гапон прибыл в Петербург и приступил к воссозданию своей рабочей организации. На это дело он получил от Витте из сумм секретного фонда Совета министров 30 000 рублей.

Известие о неожиданном превращении героя «красного воскресенья» чрезвычайно изумило меня. Когда я узнал, что Гапон вернулся на родину с согласия председателя Совета министров, я тотчас обратился к П.Н. Дурново, тогдашнему министру внутренних дел и моему непосредственному начальству, с изложением тех возражений, которые у меня имелись против пребывания Гапона в Петербурге. Я настаивал на аресте и предании суду Гапона в связи с его ролью в событиях 9/22 января. Дурново был с этим согласен, однако считал

нужным предварительно запросить мнения Витте.

После беседы с Витте Дурново сообщил мне, что о Гапоне решено, что он под контролем властей будет руководить своей рабочей организацией и в то же время работать для политической полиции. При этих условиях я могу дать согласие на пребывание Гапона в Петербурге.

«Хорошо, — думал я, — подождем и посмотрим, что этот человек будет тут делать».

Гапон был подчинен вице-директору Департамента полиции Рачковско-му, которому он выразил готовность выдать все известные ему секретные дела Партии социалистов-революционеров. Для честолюбивого Рачковско-го, действовавшего в интересах своего нового начальника Дурною, не было, конечно, более важной задачи, чем открытие и обезвреженье Боевой организации социалистов-революционеров. Мы знали, что петербургская Боевая организация вернулась к своему старому плану — к подготовке террористического покушения на Дурново — и работает над его осуществлением. Дурново непрестанно настаивал на скорейшем аресте петербургских террористов. Но как арестовывать людей, которые абсолютно неизвестны?

Рачковский все свои надежды возлагал на Гапона. Не зная, что Гапон пользуется у революционеров чрезвычайно малым весом, он принимал этого говоруна всерьез. В сущности, он принимал в свои секретные сотрудники человека, о котором почти ничего не знал, кроме того, что тот однажды сыграл роль революционного вождя, а теперь полюбил вольготную жизнь, вино и женщин. Можно ли было что-нибудь строить на такой основе?

Как же, однако, обстояло с Гапоном в роли вождя рабочего движения? В созданной им на деньги, отпущенные Витте, рабочей организации начались глубокие внутренние конфликты. Кассир Матюшенский бежал, похитив 23 000 рублей. Многие члены правления, привлеченные Гапоном из числа его прежних друзей, своим поведением возмущали других. Сам Гапон имел несколько громких историй по женской части, и те несколько человек, которые серьезно относились к работе в организации, со все возрастающим разочарованием наблюдали его деятельность. Один из них, рабочий Черему-хин, который относился к Талону еще до 9/22 января с исключительным обожанием, впал в отчаянье и покончил с собой.

Конечно, все это не осталось тайной для Партии социалистов-революционеров. Как раз в этой партии, с которой Гапону удавалось до сих пор поддерживать самые лучшие отношения, он

потерял всякую почву под собой. Он не мог выдать ее секретов, потому что не был в них посвящен. Соблазненный и подгоняемый Рачковским, Гапон пришел тогда к мысли привлечь в качестве компаньона для службы в тайной полиции своего старого друга Петра Рутенберга — того самого, который спас ему жизнь в «красное воскресенье». И это было началом его конца.

Рачковский вел переговоры с Гапоном относительно выдачи Боевой организации. Он знал, что Гапон заставит подороже себе заплатить. Но за это дело стоило заплатить! Предложение Гапона было столь же недвусмысленно определенно, как и его требование: он хочет выдать Боевую организацию и требует уплатить за это ему 50 000 рублей и столько же, 50 000 рублей, для Рутенберга. Дурново, которому Рачковский сообщил о требовании Гапона, сделал контрпредложение: 25 000 рублей и ни копейки больше. Начался торг. Дурново посоветовался с председателем Совета министров. Витте рекомендовал соблюдать большую осторожность в отношении Гапона, но за платой ему не стоять.

Переговоры с Гапоном находились именно в такой стадии, когда Дурново запросил моего мнения. Я должен был ему сказать, считаю ли я реальным план Рачковского—Гапона—Рутенберга. Я ответил отрицательно. «Поскольку я Гапона знаю, — ответил я, — я могу допустить, что он способен на любое предательство. Рутенберга же я знаю лично; во время одного допроса я обстоятельно наблюдал его и вынес впечатление, что это непреклонный человек и убежденный революционер. Смешно поверить, чтобы его удалось склонить на предательство и полицейскую работу».

У Дурново тоже зародились сомнения, и он выразил пожелание, чтобы я сам поюворил с Гапоном, дабы получить непосредственные впечатления от него. Я знал, что Рачковский в качестве моего начальника будет недоволен, если я в известной мере буду его контролировать. Но Дурново настаивал. Вопрос был слишком серьезный.

Так произошла моя встреча с Гапоном в присутствии Рачковского. Последний, будучи явно в страхе, что Гапон будет слишком мало говорить, вместо того чтобы бояться, что он может чересчур много наболтать, стремился развязать ему язык и устроил обед в отдельном кабинете «Кафе де Пари», элегантнейшем ресторане Петербурга, приказав при этом сервировать стол всем, что есть лучшего и дорогого в ресторане.

Гапон разочаровал меня с первого взгляда. Я слышал о проникновенном воздействии его личности на души. Я видел также часто его портрет, где он снят священником:

импонирующее и красивое лицо. Я рассчитывал увидеть значительного или, по меньшей мере, интересного человека Как далеко отстояла действительность от этого образа!

Когда я вошел в «Кафе де Пари», Рачковский и Гапон уже сидели у небольшого, накрытого на три персоны и уставленного яствами и питиями стола. Рачковский представил мне Гапона. В то время как мы обменивались малозначащими общими словами, я разглядывал его. «Это человек, — сказал я себе, — который хочет быть хорошо одетым, но не умеет это надлежащим образом сделать». На Гапоне был элегантный костюм из лучшего материала. Но этот костюм казался неглаженым, а воротничок был не совсем свеж. Свою бороду, прославленную всюду на фотографиях, он заменил светской и короткой эспаньолкой; на помятом и одутловатом лице сверкали только глаза. В общем же он был скорее похож на коммивояжера, нежели на народного трибуна, воспламеняющего сердца.

Я спрашивал Гапона о его жизни в качестве революционера. Гапон разговорился. Он рассказывал заметно охотно, хвастливо преувеличивая и стремясь вызвать у меня убеждение, что он все знает, все может, что все двери перед ним открыты. Мне скоро стало ясно, что он если даже и видел немало, то плохо ориентировался и неправильно понял многое. В сущности, люди, о которых он говорил, были ему чужды. Он не понимал их поступков и мотивов, которые ими руководят... Особенно он распространялся на тему о том, имеют ли они много или мало денег, хорошо или плохо они живут, и глаза его блестели, когда он рассказывал о людях с деньгами и комфортом.

Внезапно я его спросил, верно ли, что 9/22 января был план застрелить Государя при выходе его к народу. Гапон ответил:

— Да, это верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нем гораздо позже. Это был не мой план, но Рутенберга... Господь его спас...

Больше всего Гапон говорил о Рутенберге. В его изображении Рутенберг играл главную роль в революционном движении. Он был руководителем Боевой организации. Но в глубине своего сердца он потерял веру в победу революции. За крупную сумму он, наверное, будет готов предать революционеров. Так говорил Гапон.

Все это уяснило мне, что Гапон просто болтает вздор. Нет сомнений, что он готов все и всех предать, но — он ничего не знает. Мое впечатление укрепилось: это неопасный враг, бесполезный друг.

Мы беседовали около двух часов. На 11 часов вечера было назначено мое свидание с Дурново, которому я должен был

доложить об этой беседе. Я поднялся к выходу. Рачковский хотел меня удержать, сообщив, что он только что заказал шампанское. Я отказался и ушел.

На прощанье я в первый раз поймал взгляд Гапона. Он хотел узнать, какое впечатление он произвел на меня. Он знал, что от меня зависит, состоится ли его сделка с полицией.

Я прямо отправился к Дурново и заявил ему в категорической форме:

— Укажите Рачковскому, что необходимо прекратить все его усилия. Талон не стоит ни одной копейки.

Узнав от меня, как протекала наша беседа, Дурново согласился с моей оценкой. Он хотел, чтобы я в присутствии Рачковского высказал свои окончательные впечатления. Мы встретились вместе. Рачковский был чрезвычайно недоволен.

— Я старше вас и имею большой опыт, — сказал он. — Как можете вы утверждать, что этот план никуда не годится, в то время как я считаю его серьезным?

На этот раз Рачковский одержал верх. Дурново почувствовал себя связанным. Он знал, что Боевая организация преследует его по пятам. Поэтому он решил опыте Гапоном продолжать и сказал Рачковскому:

— Итак, действуйте, как считаете правильным, но только скорее, возможно скорее!

Действительно, подготовка покушения на Дурново шла полным ходом. Будучи постоянно информированным о грозящей министру опасности, я выполнял чрезвычайно неприятную задачу запрещать ему выезды из дому и напоминать о необходимости соблюдать осторожность. Однажды вечером я позвонил ему и советовал отказаться от намеченного им визита к приятельнице, так как я имел все основания считать, что террористы его в этот вечер подкарауливают. Дурною пришел в неописуемый гнев. По телефону он кричал:

— Черт возьми, ведь я уже ужин заказал!

Но так как я, в случае выполнения им намеченной вечерней программы, снимал с себя всякую ответственность, Дурново в конце концов остался дома

В то самое время, когда Боевая организация готовила покушение на Дурново, Гапон вступил в переговоры с Рутенбергом, суля ему золотые горы, если он перейдет на сторону полиции. Как я и предполагал, это предприятие не увенчалось успехом, но я не предвидел, что для Гапона оно так катастрофически закончится. Рутенберг сделал вид, что он готов принять предложение Гапона. Тотчас же после первого разговора с Гапоном он уведомил центральный комитет Партии

социалистов-революционеров, что Гапон стал агентом полиции. Центральный комитет вынес Гапону смертный приговор и возложил выполнение его на самого Рутенберга. Он должен был заявить о своей готовности встретиться с Рачковским в присутствии Гапона и при этой оказии убить обоих.

Один из моих агентов доложил мне в наиболее существенных чертах об этом плане двойного покушения — на Рачковского и Гапона. Я позвонил Рачковскому и осведомился, насколько двинулся вперед Гапон со своей работой. Рачковский ответил:

— Дело идет хорошо, все в порядке Как раз на сегодня условлена моя встреча с Гапоном и Рутенбергом в ресторане Контана. Хотите и вы прийти?

— Нет, я не приду, — сказал я, — и советую также вам не ходить. Мои агенты сообщили мне, что на вас организуется покушение.

Рачковский:

— Но... как можете вы этому верить? Прямо смешно!

— Как вам угодно будет, — сказал я.

Я повесил трубку, но какое-то внутреннее беспокойство побуждало меня еще раз позвонить Рачковскому. Его не было дома. У телефона была его жена, француженка{45}. Со всей настойчивостью я предложил ей удержать мужа от посещения Контана. Там грозит ему несчастье. Она обещала мне. Вечером я отправил в ресторан сильный наряд полиции и чинов охраны. Они видели, что Гапон и Рутенберг вошли в отдельный кабинет ресторана, специально заказанный Рачковским. Соседний кабинет был занят каким-то подозрительным обществом. Рачковский не явился.

Когда Рутенбергу стало ясно, что Рачковский и в дальнейшем не придет на свидание с ним, он решил покончить с Гапоном. Он приступил к делу с величайшей оглядкой и расчетливостью. Позже он рассказал своим друзьям о последнем акте гапоновской трагедии.

10 апреля 1906 года Рутенберг привез Гапона в Озерки на пустую дачу у финской границы, якобы для оформления переговоров о поступлении на службу в полицию и о размерах той суммы, которую надо получить за выдачу Боевой организации. В соседней комнате Рутенберг припрятал группу рабочих, которая через дверь слушала весь разговор его с Гапоном и пришла в ужас оттого, что услышала. Гапон уговаривал Рутенберга согласиться на предложение Рачковского и взять 25 000 рублей. Затем, в ответ на наводящие вопросы, перед лицом подслушивающих свидетелей из слов Гапона развернулась не вызывающая никаких сомнений сцена полного

разоблачения Гапона в качестве агента Департамента полиции, готового все и вся продать в руки последнего. Когда Рутенберг поставил Гапону в упор последний вопрос: «Ну а если я приду к товарищам и сообщу им, что ты меня обратил в агента полиции и что ты хочешь выдать полиции Боевую организацию?» — и Гапон в прежнем тоне ответил: «Никто тебе не поверит. Все сочтут тебя идиотом, а я буду все отрицать», — тогда Рутенберг больше не мог выдержать. Он отворил дверь в соседнюю комнату и позвал сидящих там рабочих, не проронивших ни слова из признаний Гапона.

Не слушая объяснений и причитываний, рабочие связали его, накинули петлю на шею, и в 7 часов вечера все было кончено. Труп прославленного недавно еще вождя «красного воскресенья», а затем агента Рачковско-го лицом к стене висел в заброшенной даче в Финляндии свыше целого месяца, и прошло изрядное время, прежде чем мы узнали о печальном конце Гапона.

Рачковский, правда, всячески опасался, что с ним что-то случилось, так как в течение долгих дней о нем не было никаких известий, — но особенно он этим делом уже не интересовался. Его интерес к грандиозному проекту Гапона при помощи Рутенберга заполучить секретную центральную агентуру, которая осведомляла бы его о каждом шаге Боевой организации, значительно охладел с того дня, когда он понял, что такого рода предприятия могут грозить опасностью и ему. Мне лично, еще прежде, чем я узнал о событиях на даче в Озерках, было ясно, что в данном случае, благодаря неверному учету средств и возможностей и поспешному и глупому подбору исполнителей, здравая идея превратилась в свою полную противоположность. Когда затем я неожиданным и странным образом узнал страшную истину, я сделал из нее только вывод, что такое чрезвычайно важное орудие в наших руках, само по себе имеющее все шансы на успех, как секретная агентура во вражеском стане, требует при своем применении большой осторожности, и в неумелых руках оно легко превращается в орудие только для нанесения ущерба нам самим. Ведь только по счастливой случайности Рачковский, вогнавший Гапона в ужасную смерть, сам не разделил его участь. Мы больше не говорили с Рачковским об этом деле. Случай с Гапоном никак не является славной страницей в истории Департамента полиции.

Глава 10. ЗНАКОМСТВО С ЛУЧШИМ ИЗ МОИХ СОТРУДНИКОВ

Уже более года я нахожусь на посту начальника Петербургского охранного отделения. Целый ряд вполне подготовленных и опытных секретных сотрудников доносят мне о том, что происходит в революционных кругах. Часто мне приходится слышать от них имя Ивана Николаевича, принадлежащее человеку, руководящему Боевой организацией. Более точных сведений не удавалось о нем получить, хотя бы установить, по меньшей мере, его настоящее имя. Ведь даже в самых тесных кружках партии руководители выступали под псевдонимами, и часто — одновременно под несколькими. В этом хаосе имен было нелегко ориентироваться Случай, который мне хотелось бы назвать приятным, дал мне возможность проникнуть в эту тайну.

Это было в середине апреля 1906 года, когда мы настойчиво искали следы людей, готовивших покушение на Дурново. Мы знали, что наблюдение за домом Дурново ведут террористы, переодетые извозчиками. Давно уже поняв, что Боевая организация посылает своих людей на дело под видом извозчиков, политическая полиция вела наблюдение за постоялыми дворами, где жили извозчики, и содержатели этих дворов должны были постоянно информировать полицию обо всех извозчиках, которые по образу жизни, по внешнему виду, поведению бросаются в глаза и кажутся подозрительными. В результате тщательного наблюдения один из филеров заметил такого «странного» извозчика, который останавливался неподалеку от дома, где проживал Дурново, и весьма упорно оставался на этом дежурном пункте Прошло еще некоторое время, и моим агентам удалось напасть на след еще двух террористов, наблюдавших в качестве «извозчиков» за Дурново и сносившихся между собою. Над этими тремя наблюдателями мы установили свое контрнаблюдение, которое обнаружило, что все три «извозчика» поддерживают связь с четвертым лицом, которое явно играет роль руководителя всей группы. Другого не оставалось сделать, как арестовать всех четырех, и я собирался отдать об этом распоряжение. Но в самое это время возникло одно непредвиденное обстоятельство.

Дело в том, что один из старших филеров, руководивший наблюдением за этой группой террористов, в своих ежедневных рапортах называл четвертого террориста, который поддерживал

сношения с «извозчиками», — «наш Филипповский», — что мне, конечно, не могло не броситься в глаза. Я вызвал его для объяснений, и тот мне доложил, что четвертого из наблюдаемых он знает уже давно, что лет 5—6 тому назад ему показал его в Москве Е. Медников в кондитерской Филиппова (отсюда и имя: «Филипповский»). По словам Медникова, этот Филипповский — один из самых важных и ценных секретных сотрудников Поразительное известие! Мне не приходилось никогда слышать об агенте с таким именем.

Было, однако, ясно, что при этих условиях не приходилось и думать об аресте террористической группы Не мог же я арестовывать своих собственных людей. Не зная, как поступить, я прежде всего отправился в Департамент полиции, чтобы выяснить, кто такой этот загадочный «Филипповский» и каковы его отношения с Департаментом Я сделал этот шаг еще и потому, что вообще считал неправильным ведение Департаментом своей секретной агентуры в Петербурге и все время настаивал на передаче ее целиком мне. На мой вопрос Рачковский ответил самым категорическим образом отрицательно, не допуская и мысли, чтобы кто-нибудь из его агентов мог оказаться в конспиративной связи с террористами, готовившими покушение на Дурново. Несмотря на решительные заверения, я настойчиво просил проверить, чтобы не было недоразумения: может быть, это какой-то агент Департамента, известный под другим именем? Или случайно затесавшийся сотрудник из заграничной агентуры? Но Рачковский уверял, что никакого его агента около Боевой организации нет и не может быть.

Необъяснимый случай! Департамент полиции ничего не знает о нем. Но в то же время показания опытного и преданного филера игнорировать абсолютно невозможно. И я решил взять быка за рога и выяснить вопрос в личном объяснении с самим «Филипповским». Я отдал приказ филерам немедленно арестовать его, но так, чтобы этот факт остался незамеченным для других террористов и вообще не получил огласки, и доставить его ко мне. Так и было сделано. Примерно 15 апреля мои филеры подстерегли «Филиппов-ского» на одной из безлюдных улиц, схватили его под руки и честью попро сили следовать за ними. «Филипповский» протестовал, но тем не менее был деликатно посажен в заранее приготовленную закрытую пролетку и доставлен ко мне. Я ждал его со все возрастающим нетерпением. Этот таинственный случай интересовал меня в чрезвычайной степени.

В охранном отделении разыгралась короткая, но оживленная сцена. Арестованный предъявил паспорт и документы.

— Я — инженер Черкас. Меня знают в петербургском обществе. За что я арестован?

Он кричал, грозил прессой, ссылался на именитых друзей Я дал ему выговориться, а затем коротко сказал:

— Все это пустяки. Я знаю, вы раньше работали в качестве нашего секретного сотрудника. Не хотите ли поговорить откровенно?

«Филипповский-Черкас» был чрезвычайно поражен:

— О чем вы говорите? Как это пришло вам в голову?

— Это безразлично, — ответил я. — Скажите: да или нет?

Он сказал: «нет», но это «нет» звучало весьма неуверенно.

У меня не было никаких сомнений в том, что мой наблюдатель меня правильно информировал. Я был в решимости раскрыть до конца тайну этого таинственного человека.

— Хорошо, — сказал я спокойно. — Если не хотите сейчас говорить, вы можете еще подумать на досуге. Мы можем не спешить. Вы получите отдельную комнату и можете там подумать. А когда надумаете, скажите об этом надзирателю.

«Филипповский» был уведен и посажен в одну из одиночек охранного отделения. Прошло два дня. Я ждал с нетерпением известий из его камеры. Наконец он сообщил, что хочет говорить со мной. Я вызвал его тотчас, и первые слова его были:

— Я сдаюсь. Да, я был агентом полиции и все готов рассказать откровенно. Но хочу, чтобы при этом разговоре присутствовал мой прежний начальник, Петр Иванович Рачковский.

Из тона последней фразы я вынес впечатление, что эта беседа для Рач-ковского не будет слишком приятной. С тем большим удовольствием я позвонил Рачковскому:

— Петр Иванович, мы задержали того самого «Филипповского», о котором я вас спрашивал. Представьте, он говорит, что хорошо вас знает и служил под вашим начальством. Он сейчас сидит у меня и хочет говорить в вашем присутствии. Не придете ли вы сейчас ко мне?

Рачковский, как обычно, притворился ничего не ведающим и завертелся: что да как и в чем именно дело? Какой это может быть «Филипповский»? Я не могу такого припомнить... Разве что Азеф?

Тут я впервые в своей жизни услышал эту фамилию.

Прошло 15 минут, и Рачковский явился в охранное отделение. С обычной своей сладенькой улыбочкой он разлетелся к «Филипповскому», протягивая ему, как при встрече со старым другом, обе руки.

— А, мой дорогой Евгений Филиппович, давненько мы с вами

не видались. Как вы поживаете?

Но «Филипповский» после двух дней скудного арестантского питания обнаруживал мало склонности к дружеским излияниям. Он был чрезвычайно озлоблен и не скрывал этого. Только в самой смягченной форме можно было бы передать ту площадную ругань, с которой он обрушился на Рачковского. В своей жизни я редко слышал такую отборную брань. Даже на Калашниковской набережной не часто так ругались. «Филипповский» обвинял Рачковского в неблагодарности, в бесчеловечности и вообще во всяких преступлениях, совершать которые способен был только самый бессовестный человек.

— Вы покинули меня на произвол судьбы, без инструкций, без денег, не отвечали на мои письма Чтобы заработать деньги, я вынужден был связаться с террористами, — кричал на него «Филипповский».

Смущенный и сознающий свою вину Рачковский чуть защищался, сквозь рой обрушившихся на него ругательств и обвинений, бросая только слова:

— Но, мой дорогой Евгений Филиппович, не волнуйтесь так, успокойтесь!

Я слушал этот разговор, не вмешиваясь. Все мои симпатии были на стороне «Филипповского». Бессовестность Рачковского вызывала и мое возмущение. Как выяснилось, он подвергал крайней опасности одного из важнейших своих людей, оставляя его в течение долгих месяцев без средств и без всяких известий. Я сам почувствовал угрызения совести за действия Рачковского, удивляясь, что во главе руководителей политического розыска стоят такие бездарности «Филипповский» прочитал Рачковскому надлежащую и вполне заслуженную отповедь.

Постепенно буря объяснений между «Филипповским» и Рачковским улеглась, и я счел момент подходящим, чтобы принять участие в разговоре.

— Не будем говорить о прошлом, — примирительно предложил я. — Лучше посвятим себя текущим делам Что же мы теперь будем делать?

Когда Рачковский в течение дальнейшей беседы предложил Азефу возобновить службу в Департаменте полиции, тот не мог подавить в себе последней вспышки злобы.

— Что же, — воскликнул он, — удалось вам купить Рутенберга?.. Хорошую агентуру вы в лице Гапона обрели?.. Выдал он вам Боевую организацию?..

И дальше он продолжал, глядя в упор на изумленного Рачковского:

— Знаете, где теперь Гапон находится? Он висит в

заброшенной даче на финской границе... вас легко постигла бы такая же участь, если бы вы еще продолжали с ним иметь дело...

Это было первое известие, которое мы получили о судьбе уже пропавшего без вести Гапона Мы не узнали адреса дачи, на которой был убит Гапон, — в точности это знали только Рутенберг с его судьями. Мы были вынуждены поэтому обыскать все дачи под Петербургом в районе финской границы, и лишь спустя месяц было найдено тело Гапона.

По существу Азеф объяснил, что, оставленный без всякого руководства Рачковским, он счел себя свободным от службы в Департаменте полиции и нашел возможным приняться за профессиональную работу в Партии социалистов-революционеров. Таковы были обстоятельства, приведшие его к связи с «извозчиками»-террористами, а затем и к приводу ко мне в охранное отделение.

Нельзя сказать, чтобы я, присутствуя при этой сцене и при бурных объяснениях, был удовлетворен всем слышанным Но для меня было ясно одно: что для постановки моей центральной агентуры открываются весьма благоприятные перспективы. Поэтому, когда Азеф одним из условий своего возвращения на службу в политическую полицию выдвинул получение им 5000 рублей — жалованье за последние месяцы, в течение которых он не имел связи с Рачковским, и дополнительная сумма на покрытие лишних расходов, — против этого мы не возражали, и мирные отношения были восстановлены.

Когда мы перешли к текущим делам, Азеф мне показался человеком, чрезвычайно информированным о положении в революционном лагере. Он подтвердил правильность имевшихся у нас сведений об «извозчиках», готовивших покушение на Дурново, и сообщил некоторые новые и неизвестные до тех пор факты. Кроме того, он раскрыл нам подготовлявшееся тогда Боевой организацией покушение на Мина и полковника Римана, подавивших в декабре 1905 года восстание в Москве, и благодаря этой информации нам удалось принять целый ряд необходимых предупредительных мер Мы отказались от мысли немедленно арестовать террористов-«извозчиков», опасаясь таким путем скомпрометировать Азефа Через имевшиеся у нас связи мы распространили в обществе слух о том, что полиция напала на след террористов, — и этого было достаточно, чтобы подорвать всю их работу. Я дал инструкцию агентам, ведшим наблюдение, держать себя так, чтоб обратить на себя внимание террористов. В результате террористическая группа самоликвидировалась. Мы не упускали из виду, конечно, отдельных террористов, и через несколько месяцев «извозчики» были поодиночке арестованы и

осуждены.

Обо всех этих переговорах с Азефом я сделал доклад П.Н. Дурново. В этом докладе я счел необходимым изложить и свои сомнения относительно возможности успешной деятельности Азефа в качестве секретного агента, раз против него уже были подозрения в революционных кругах и раз его знали как агента не только ответственные чиновники полиции, но даже и рядовые филеры. В случае предательства Азефа может постигнуть страшная судьба: насильственная смерть.

Дурново, однако, мало интересовался этой стороной вопроса. Напуганный постоянной угрозой покушения на его жизнь, стесненный в передвижениях из дому настолько, что часто он бывал вынужден отказываться от выезда даже на самые интимные свидания, он не был склонен впадать в сентиментальные соображения

Он поэтому ясно и недвусмысленно мне сказал

— Ведь не мы, а он рискует. Это его дело. Пусть он и думает об этом. Раз он согласен, то что же мы будем тревожиться? Время теперь беспокойное. Каждый сотрудник нужен до зарезу Пусть работает, а там видно будет.

Таковы приблизительно были слова Дурново. Он подписал без всяких возражении приказ о выдаче 5000 рублей Азефу.

Так началась работа Азефа со мною Руководить его работой должен был официально Рачковский, но с тем, чтобы при свиданиях я постоянно присутствовал. Азеф оказался моим лучшим сотрудником в течение ряда лет. С его помощью мне удалось в значительной степени парализовать деятельность террористов.

Глава 11. В ДНИ 1-Й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Открытие Государственной думы было назначено на 26 апреля 1906 года старого стиля. Правительство Витте готовилось выступить перед ней. Помню, приблизительно за неделю до того я был у Дурново, и он говорил мне о том, как он думает наладить свои отношения с Думой. Но дни правительства Витте были уже сочтены. Я вспоминал потом, что некоторые намеки Рачковского должны были меня предупредить о готовящейся перемене, но в свое время я не обратил внимания на эти намеки Потом я узнал, что Рачковский был одним из инициаторов отставки Витте. В этом отношении он был рупором Трепова, влияние которого к началу 1906 года очень сильно возросло. По поручению Трепова Рачковский вел разговоры с Горемыкиным, который и был предложен Государю в качестве кандидата на пост председателя Совета министров.

Отставка правительства Витте явилась для всех неожиданностью. По-видимому, Государь был не прочь, чтобы Дурново, к которому он очень хорошо относился после того, как он справился с декабрьским кризисом в Москве, остался в Совете министров, но сам Дурново был рад уйти на отдых. Он говорил мне, что он указал на Столыпина как на лучшего из всех возможных ему преемников. После выхода в отставку Дурново получил из государственных средств большую сумму денег и тотчас же уехал за границу. Иван Логгинович Горемыкин, назначенный председателем Совета министров, был человек бездеятельный, совершенно не интересовавшийся политикой. Он хотел только одного — чтобы его как можно меньше тревожили. Он меньше всего подходил для поста руководителя правительства в столь новой и сложной обстановке.

26 апреля состоялся в Зимнем дворце высочайший прием членов Государственной думы. Был теплый, солнечный день. На набережной Невы вдоль Зимнего дворца стояли толпы разношерстной публики. Депутатов везли из Таврического дворца к Зимнему на особых пароходиках. На некоторых из них депутаты подняли красные знамена. Из толпы неслись приветствия. Местами запевали революционные песни. В Зимнем дворце был отслужен молебен. Царь вышел к депутатам, желая приветствовать в них первых избранников русского народа. Но многие из этих избранников не скрывали своего резко враждебного отношения к Монарху. На обратном пути

повторились те же сцены, а около Выборгской тюрьмы, которая выходит на Неву, имели место настоящие революционные демонстрации. Я ходил наблюдать настроение. Помню затем разговоры среди знакомых. Все сходились на том, что при таком составе депутатов Россия едва ли встанет на путь желательных реформ. Первые же заседания Государственной думы полностью оправдали эти опасения. Чем дальше, тем определеннее речи депутатов начали носить революционный характер. Министров встречали враждебно, кричали им разные оскорбительные слова, вроде «палач!», «кровопийца!». Государственная дума становилась каким-то всероссийским революционным митингом.

К этим дням относится начало моего знакомства с Петром Аркадьевичем Столыпиным. Работа под руководством последнего принадлежит к самым светлым, самым лучшим моментам моей жизни, и мне о нем еще придется очень много говорить. Уже во время первого свидания Столыпин произвел на меня самое чарующее впечатление как ясностью своих взглядов, так и смелостью и решительностью выводов. Он знал обо мне от Дурново и потребовал, чтобы я представился ему немедленно после вступления его в должность. Прием длился, наверное, около часа. Я сделал обстоятельный доклад о положении дел в революционных партиях. Столыпин просил меня сноситься с ним по всем делам, касающимся политической полиции, непосредственно, минуя Департамент полиции. Он хотел, чтобы я делал ему доклады по возможности каждый день. И действительно, почти ежедневно после 12 часов ночи я приезжал к нему с докладом, и если меня не было, он обычно звонил и справлялся о причинах моего отсутствия. «Для вас, — заявил он мне в первую встречу, — если будет что-то экстренное, я дома во всякое время дня и ночи». Подчеркнутое Столыпиным нежелание сноситься со мной через Департамент полиции объяснялось его отношением к Рачковскому, который в это время еще продолжал стоять во главе Департамента полиции{46}. Осведомленный о Рачковском от Дурново, а возможно, от кого-либо еще, он относился к нему очень отрицательно и не скрывал этого своего мнения в разговорах.

Вскоре по желанию Горемыкина я должен был явиться с докладом к нему. Впечатление, вынесенное мною от этой встречи, было прямо противоположным впечатлению, полученному от беседы со Столыпиным. К этому времени в Государственной думе уже определилось ярко революционное настроение, и я стал определенным сторонником уничтожения этой революционной говорильни. Именно в этом духе я и строил свой доклад о деятельности революционных партий. Но уже очень скоро я

почувствовал, что мой рассказ мало интересует Горемыкина. Он прервал меня ласковыми словами:

— Ну, ну, полковник, не надо так горячиться. Вы слишком молоды и потому принимаете все всерьез. Поживете с мое, будете спокойнее. Все устроится. Надо предоставить события естественному ходу вещей.

Когда я в ответ указал ему, что Дума уже сейчас оказывает вредное влияние, а устраиваемые в ней демонстрации, когда министров встречают и провожают словами «палач!», дискредитируют власть в глазах населения, Горемыкин тем же тоном ответил мне:

— Ну, если министров так оскорбляют, то им не нужно и ходить в Думу. Пусть они там варятся в собственном соку. Таким путем Дума сама себя дискредитирует в населении.

В этом отношении Горемыкин целиком находился под влиянием Рач-ковского, который именно так расценивал обстановку и очень сблизился в это время с Горемыкиным. По-видимому, они были и раньше знакомы, а теперь они проводили вместе почти целые дни. Я как-то спросил Рачковского, о чем он постоянно беседует с Горемыкиным. Он ответил неопределенно: так, о житейском... Немедленно по вступлении в должность председателя Совета министров Горемыкин переехал в казенную квартиру, на Фонтанку, 16. Там же поселился и Рачковский. Дела Департамента полиции он совсем забросил и стал политическим советником при Горемыкине, получив от него особое поручение организовать правые партии и наблюдать за ходом общественного движения в стране, в особенности за деятельностью Государственной думы. Вся деятельность Союза русского народа{47} и других монархических групп, созданных в это время, протекала под непосредственным влиянием и руководством Рачковского. Об этих партиях и группах мне еще придется говорить дальше. Что касается наблюдения за Государственной думой, то для этой цели был создан особый орган надзора. Один из моих жандармских офицеров Бергольд получил специальное поручение и был назначен начальником думской охраны. Он находился в непосредственном ведении Департамента полиции. Для организации надзора за депутатами ему были отпущены средства на обзаведение секретны-ми агентами. Но особого труда тут не понадобилось, ибо никто из депутатов и не скрывал своей деятельности.

Задача Рачковского не ограничивалась этим наблюдением. Он стремился создать внутри самой Государственной думы сильную партию. Вначале казалось, что некоторые возможности для этого действительно имеются Многие депутаты-крестьяне

были недовольны вызывающими революционными речами и нападками на министров. Поэтому предложенный Рачковским план создания отдельного общежития для монархически настроенных депутатов-крестьян вначале имел известный успех. Целый ряд депутатов поселился в этом общежитии. Но это продолжалось очень недолго. Всем крестьянам, как бы правы они ни были, было присуще стремление получить землю А потому, как только выяснилось, что левые партии за отчуждения, то из общежития (которое в левой прессе получило кличку «ерогинская живопырня») один за другим все депутаты разбежались{48}. «Большой» план Рачковского — привлечение на сторону правительства правых крестьян — потерпел полное крушение. Это были похороны надежд, о которых вначале мечтал и Горемыкин, на возможность создать в Думе послушное большинство

Крах этих надежд ребром поставил вопрос: как быть дальше? Если невозможно создать в Государственной думе послушное правительству большинство, то оставалось два пути: или разогнать Думу, или уступить ей и создать новое правительство, которое опиралось бы на поддержку этой существующей Думы. Горячим сторонником последнего плана, т е политики уступок, стал Трепов. После того как выяснилось, что в Государственной думе господствуют левые настроения, Трепов снова полевел. Самая мысль о роспуске Государственной думы привела его в ужас. Ему казалось, что тогда начнется всеобщее восстание. Вся Россия запылает в огне подпаливаемых барских усадеб. Было известно, что Трепов вступил в личные сношения с лидерами Конституционно-демократической партии и обсуждал с ними вопрос о том, какой состав правительства их удовлетворяет. Начались его секретные доклады Государю в том смысле, что для блага России и сохранения династии необходимо пойти на уступки и создать думское министерство. Соответствующий список такого министерства был передан Тре-повым Государю

Позиция Горемыкина, с которым мне приходилось несколько раз беседовать вначале была совсем безразличная. Казалось, ему совершенно все равно, будет думское министерство или не будет. Только роспуска Думы и он и Рачковский определенно боялись. Страх перед восстанием владел ими.

Именно в этот момент впервые большую роль начал играть Столыпин. Я с ним тогда еще не был так близок, как позднее, поэтому я знал о его планах и действиях только отрывочно. В разговорах со мною он неоднократно высказывался в том смысле, что дальнейшее сохранение существующего положения совершенно невозможно и что наиболее правильным был бы немедленный роспуск Думы. Но поскольку на это не согласен ни

Государь, ни Горемыкин, постольку необходимо вести переговоры с представителями думского большинства.

— Во всяком случае, — говорил Столыпин, — это выяснит положение. Или мы действительно на чем-нибудь сговоримся, или для всех станет ясно, что сговориться невозможно.

Это настроение, а также советы Трепова и прямые указания Государя заставили Столыпина пойти на переговоры с представителями кадетской партии. Он имел с ними ряд свиданий, в том числе с профессором Павлом Николаевичем Милюковым. В моей памяти сохранился рассказ Столыпина об одном его объяснении с Милюковым.

Столыпин говорил, что готов был поддержать план создания думского министерства, но с большими оговорками, а именно, что назначение министров Двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел должно остаться прерогативой Царя. Милюков соглашался на это в отношении первых четырех указанных министров, но категорически настаивал на назначении Думой министра внутренних дел. Столыпин долго доказывал Милюкову, что должность министра внутренних дел не может перейти в руки общественных представителей, потому что они, будучи не подготовлены к административной деятельности, не справятся с революционным движением и разложат аппарат власти. Милюков в ответ на эти соображения, по рассказу Столыпина, ответил следующими словами:

— Этого мы не боимся. Правительство определенно заявит революционным партиям, что они имеют такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых правительство им не позволит. Досюда — и ни шагу дальше! А если бы революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьезных и решительных мер. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства.

Помню, резюмируя итог этой беседы, Столыпин сказал:

— Толку из всех этих переговоров не выйдет. Однако в последних словах Милюкова имеется мысль. Гильотины не гильотины, а о чрезвычайных мерах подумать можно.

Я с самого начала относился очень скептически к переговорам. Не скажу, чтобы я не видел необходимости больших реформ и не считал полезным привлечение в правительство известных групп общественных деятелей. Но в той обстановке, которая существовала летом 1906 года, для меня была ясна невозможность достичь соглашения на сколько-нибудь приемлемых основаниях. Именно в этом духе я все время делал

доклады Столыпину и не скрою, что был очень рад, когда Столыпин наконец определенно стал на ту же точку зрения. К концу июня все правительство стояло на позиции невозможности соглашения и необходимости роспуска Думы. Только Трепов держался иной точки зрения и усиленно давил в этом направлении на Государя. Это вывело из себя даже Горемыкина, который как-то с несвойственной ему резкостью однажды заявил Трепову:

— Вы, молодой человек, ничего не понимаете в политике. Лучше не вмешивайтесь в нее. Не морочьте голову нашему Государю.

Весьма возможно, что в этой борьбе Трепов и одержал бы победу, если бы не одно счастливое обстоятельство. Министром Двора к тому времени был барон Фредерикс, к которому Государь относился очень хорошо и с большим доверием. Своих взглядов барон Фредерикс не имел и вначале даже помогал Трепову. Столыпин был хорошо знаком с Фредериксом. Последний командовал эскадроном втом гвардейском кавалерийском полку (кажется, в конногвардейском), командиром которого был когда-то отец Столыпина. Фредерикс тогда часто бывал в доме у Столыпиных, хорошо знал всю семью и чуть ли не нянчил на руках Петра Аркадьевича. Теплые чувства у него к Столыпину сохранились, и он был рад возможности возобновить давнишние, дружественные отношения с ним. Петр Аркадьевич воспользовался этим благоприятным обстоятельством для того, чтобы привлечь Фредерикса на свою сторону. После того как земельный вопрос встал в Государственной думе очень остро, это удалось в полной мере, и Фредерикс поддержал Столыпина перед Государем.

Обстановка тем временем становилась все более и более непереносимой. Не довольствуясь речами в самой Думе, депутаты превратились в своего рода разъездных революционных агитаторов, к тому же оплачиваемых из государственной казны. Особенные усилия они направили на армию. Для революционизирования армии издавались специальные газеты, легальные и нелегальные, печатались сотни тысяч прокламаций. Солдат всячески заманивали на революционные митинги. Специально созданные солдатские организации готовили восстания. То там, то здесь дело доходило до прямых беспорядков в армии. Даже первый батальон Преображенского полка, наиболее близкий к Царю, оказал неповиновение начальству. Это был тот самый батальон, в котором революционная пропаганда была обнаружена еше в октябрьские дни 1905 года. Секретная агентура принесла сведения о подготовляемых военных

восстаниях в Кронштадте, Свеаборге и других городах. Противники роспуска Думы на основании этих сведений приходили к заключению, что в ответ на роспуск в стране вспыхнут восстания. Я, наоборот, считал, что восстания могут быть и будут только в том случае, если Дума будет развивать невозбранно революционную деятельность. В этом смысле я и докладывал Столыпину, все настойчивее и настойчивее подчеркивая, что так дальше продолжаться не может, что если мы будем пассивно относиться, то в один прекрасный день мы, сами того не заметив, войдем в революцию. Столыпин в это время полностью соглашался со мною и говорил, что передаст мои доклады и выводы на заседание Совета министров. Наконец, за два дня до роспуска Государственной думы Столыпин во время моего обычного ночного визита сообщил мне, что только что закончилось заседание Совета министров, на котором принято официальное решение обратиться к Царю с просьбой распустить Государственную думу. Так как Горемыкин не чувствовал себя достаточно сильным для проведения нужных мер, то одновременно Совет министров постановил также подать в отставку. Роспуск обеспечен. Согласие Царя уже имеется Завтра с утра Горемыкин едет к Царю с докладом и повезет готовый указ о роспуске на подпись. Столыпин был очень доволен, но его беспокоило, как отзовется на это событие Россия, особенно Петербург.

— Теперь ваше дело! Вы обещали, что восстания не будет. Примите все меры к тому, чтобы это обещание оправдалось.

Я успокоил его. Я и на самом деле считал, что никакого восстания не будет. Революционные партии много говорили о восстании, но ничего конкретного у них подготовлено не было. Роспуска Думы они в этот момент совсем не ждали. Во всяком случае, я обещал все нужные предупредительные меры принять. Столыпин просил меня на следующий день в 10 часов вечера прийти на квартиру Горемыкина и сделать ему и Горемыкину доклад. Само собой разумеется, весь следующий день ушел на принятие необходимых мер. Так сказать стратегическая диспозиция была намечена и раньше. Нужно было только отдать распоряжения, какие именно войсковые части должны занять определенные участки, кто и когда разведет мосты и т.д.

Только к 10 часам я был у Горемыкина. Меня ждали и провели в служебный кабинет. Это была большая комната с окном на Фонтанку в первом этаже министерского дома. Горемыкин сидел в своем обычном покойном кресле за письменным столом. Столыпин больше расхаживал из угла в угол. Были еще один или два министра; не помню уже их имен.

Помню только, что Рачковского не было. Это был первый раз, когда я видел Горемыкина без Рач-ковского. Это означало конец карьеры последнего. Мне сообщили, что Государь очень милостиво принял Горемыкина, дал свое согласие на представленный доклад, но текста указа о роспуске Думы со своей подписью не передал Горемыкину, а оставил его у себя, обещав прислать ночью. Но право принять все надлежащие меры он дал, и эти меры уже были приняты. Здание Таврического дворца уже занято войсковыми частями. Газетам дано знать, что Дума распущена.

Мне предложили доложить о том, что сделал я. Так шло время. Подходило уже к двенадцати, а из Петергофа никаких известий не было. Столыпин нервничал. Беспокойство передавалось даже Горемыкину. Около полуночи Горемыкин решился позвонить Трепову. С квартиры последнего ответили, что он — у Царя. Телефон перевели в канцелярию Царя. Позвали Трепова. Горемыкин попросил его сообщить, подписан ли указ. Сухо, с явным неудовольствием в голосе, Трепов ответил:

— Относительно указа мне ничего не известно.

Этот ответ только усилил тревогу. Горемыкин говорил:

— Не может быть, чтобы Государь изменил свое решение. Он мне совершенно твердо и определенно обещал и дал полномочие предпринять все нужные шаги.

Но это не успокаивало. Попросили секретаря позвонить в походную канцелярию Царя и узнать, не выехал ли фельдъегерь (если бы указ был подписан, то он должен быть выслан специальным нарочным, фельдъегерем). Из походной канцелярии ответили, что фельдъегерь не выезжал. Тревога усилилась. Горемыкин уже поднял вопрос о том, как быть, как отменить принятые меры. Увести военный караул из Таврического дворца было еще можно, хотя это, конечно, стало бы известно и поставило бы правительство в очень неприятное положение. Но как убедить газеты не печатать официального сообщения о роспуске Государственной думы? Сидели как на похоронах. Наконец, уже на рассвете вошел дежурный секретарь и радостно сообщил: «Прибыл только что фельдъегерь», — и передал Горемыкину пакет. Иван Логгинович торопливо вскрыл его, развернул бумагу и радостно заявил:

— Слава Богу, подписаны.

Все облегченно вздохнули. Это были указы о роспуске Думы и о назначении Столыпина. Горемыкин передал последний указ Петру Аркадьевичу со словами:

— Поздравляю! Теперь ваше дело.

Столыпин поблагодарил. Еще несколько минут посидели,

поговорили, в совсем иных уже тонах, и разъехались домой.

Это была одна из самых трагикомических ночей, какие я переживал в своей жизни.

Я поехал на службу принимать очередные доклады. Как я и ожидал, никаких восстаний не произошло, и в Петербурге все прошло спокойно. Депутаты поехали в Выборг и подписали там известное воззвание: не платить податей, не давать новобранцев правительству{49}. Столыпин смеялся:

— Детская игра!

Очень понравилась ему шутка, ходившая по городу, что депутаты поехали в Выборг крендели печь.

Дня через два Столыпин поехал к Царю представляться как председатель Совета министров. Я поехал с ним для охраны. Пока он был у Царя, я зашел к Трепову. Прежде он ко мне относился очень хорошо, теперь был больше чем раздражен против меня.

— Посмотрим, — сказал он резким тоном, — как вы с вашим Столыпиным справитесь, когда вся Россия загорится из-за вашей опрометчивости.

Я не такой человек, чтобы молча спускать. В словах Трепова было явное желание оскорбить меня. Я отвечал ему в том же тоне. Мы расстались холодно. Это была моя последняя встреча с ним.

На обратном пути Столыпин был оживлен и весел. Было ясно, что Царь принял его очень ласково, но подробностей мне тогда Столыпин не рассказал.

Несколько позже вспыхнули восстания в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле. Но серьезного значения они не имели. Аппарат власти функционировал точно, и сомнения в том, что восстания будут раздавлены, ни на один момент не было.

К этим дням относятся переговоры Столыпина с представителями умеренных общественных кругов — А.И. Гучковым, Д.Н. Шиповым и другими. Столыпину очень хотелось получить их в состав министерства. Он не раз высказывался в этом духе. Но эта попытка не удалась.

Зато с Треповым было покончено. Его влияние сразу резко упало. Столыпин с самого начала добился крупного нововведения. Раньше все резолюции Царя на докладах министров контрассигновывались{50} Треповым, что придавало Трепову большое политическое значение. Столыпин добился того, что право контрассигнации царских резолюций стало принадлежать министрам. Вначале он хотел, чтобы это право принадлежало только председателю Совета министров, но это не прошло. Впоследствии Столыпин мне говорил, что он сам отказался от этой своей первоначальной мысли, так как в случае ее осуществления были бы обижены все остальные министры,

лишавшиеся таким образом очень важного права. Вскоре затем был нанесен Трепову новый удар. Царь уехал в шхеры на свою обычную летнюю прогулку и, вопреки всем традициям, не взял с собой дворцового коменданта. Для всех, кто понимал отношения при Дворе, было ясно, что это означает прямую немилость. Так ее воспринял и Трепов. Но отставки не последовало. Вскоре Трепов заболел и умер от разрыва сердца.

Переговоры о новом коменданте барон Фредерикс по поручению Царя вел со Столыпиным. Было решено, что в качестве нового коменданта возьмут человека, который не может претендовать на политическую роль. Таким кандидатом был выдвинут генерал Дедюлин, бывший петербургский градоначальник. Столыпин знал его и считал человеком, чуждым политики и неспособным вести дворцовые интриги. Фредерикс согласился, и после смерти Трепова Дедюлин был назначен на этот пост. Он далеко не оправдал тех надежд, которые возлагал на него Столыпин Использовать свою близость к Царю в политических целях пытался и он.

Глава 12. НОВЫЕ ВСПЫШКИ ТЕРРОРА

Выше я рассказал о Государственной думе, о планах правительства по отношению к ней и о царивших в ней политических настроениях. Но у меня в качестве руководителя охранного отделения естественно была и специальная забота: борьба с террористами, расстройство их планов, предупреждение покушений. Как известно, Партия социалистов-революционеров постановила прекратить террор на время Государственной думы. Но я не мог быть спокойным и не мог доверять этому постановлению, так как знал, что в один прекрасный день оно может быть партией отменено, что — самое существенное — об этой отмене не будет объявлено и мы будем застигнуты врасплох. Кроме того, имело значение и то обстоятельство, что центральный террор не являлся монополией Партии социалистов-революционеров. Как раз незадолго до того выделилась из рядов социалистов-революционеров группа оппозиционеров, получившая известность под именем максималистов. Дабы не случилось каких-нибудь неожиданных и весьма неприятных сюрпризов, нам надо было заблаговременно концентрировать все свое внимание и организовать тщательное наблюдение за деятельностью обоих этих центров.

Относительно террористической работы Партии социалистов-революционеров я мог быть более или менее спокоен. Сотрудничество Азефа было тут серьезным обеспечением от каких-либо неожиданностей. Правда, я должен признаться, что первые мои встречи с Азефом не располагали к особенному доверию. В то время, когда Азеф находился не в моем ведении, а в ведении Рачковского, а я только время от времени присутствовал на их свиданиях, в Москве произошло покушение на Дубасова. Как раз в эти дни Азеф был в Москве по своим личным делам (как он говорил Рачковскому) Но совпавшее с пребыванием Азефа в Москве покушение было устроено центральной Боевой организацией, о чем Азеф, следовательно, должен был быть осведомлен. Между тем он не предупредил об этом покушении. И Рачковский, по получении первых известий из Москвы о покушении, тут же сказал мне о своих подозрениях: не подготавливал ли его агент Азеф это покушение на Дубасова. Эта догадка нашла свое подтверждение и в Московском охранном отделении, в докладе которого в Департамент полиции прямо и было указано, что покушение организовано Азефом. Естественно поэтому, что мы — и Рачковский, и я — встретили Азефа по возвращении из Москвы с большим недоверием. Но Азеф

категорически отрицал какую бы то ни было свою причастность к этому делу и сообщил нам, что, по его сведеньям, покушение на Дубасова было организовано Жученко. Следует заметить, что Азеф и Жученко были друг с другом знакомы по партийной работе, но в то время, как Жученко (работавшая в Московском охранном отделении) знала о том, что Азеф является агентом Департамента полиции, Азеф не был осведомлен о подлинной роли Жученко.

Разобраться в том, кто прав из этих двух осведомителей, было трудно. Положение складывалось чрезвычайно запутанное и неясное. Существовала возможность, что Жученко принимала участие в организации покушения на Дубасова, но этим не исключалось и предположение, что Азеф, будучи в те немногие месяцы свободен от своей службы в Департаменте полиции, мог по поручению партии принять на себя организацию покушения, а сорганизовав, он расстроить его не сумел. Кажется, только одно не подлежит сомнению: как Азеф, так и Жученко знали о готовящемся покушении, но по соображениям шкурного характера они не доносили о нем, так как оба были на подозрении в партии.

Мы не нашли никакого нормального выхода из создавшегося запутанного положения и предоставили дело его собственной судьбе. Но, разумеется, Азеф после этой истории был взят под очень строгий контроль, что он и сам заметил. Но затем все сведения, поступавшие от Азефа, стали абсолютно достоверными, точными и интересными. Его сообщения были для нас исключительно ценны, а произведенные им выдачи — в частности, выдача Савинкова — окончательно разбили возникшую между нами стену недоверия. Вскоре Рачковский отошел от дела политического розыска, передав Азефа целиком мне. *Я* проверял все сообщения Азефа при помощи других источников, и они постоянно подтверждались. Прошло не более двух месяцев, и мое доверие было постепенно полностью завоевано Азефом. Поэтому я мог всецело положиться на него в таком большом деле, которое мне пришлось вскорости проводить. И я не ошибся в нем.

Сущность этого большого дела заключалась в следующем. Уже в июне месяце 1906 года Центральный комитет Партии социалистов-революционе-ров, убедившись в том, что правительство не идет на уступки Государственной думе, принял секретное решение о возобновлении террора и сразу поставил на очередь организацию убийства П.А. Столыпина. Азеф держал меня в курсе всех разговоров, происходивших по этому вопросу в ЦУентральном комитете Между прочим, он справлялся о моем

мнении, — как должен он, Азеф, поступить в случае, если ему предложат взять на себя руководство подготовкой этого покушения. Мои указания сводились к тому, что он должен всячески возражать против возобновления террора, но, если его старания в этом отношении не увенчаются успехом, он не должен отказываться от сделанного ему предложения — конечно, для того, чтобы расстроить это покушение. Так все и произошло. Когда решение о возобновлении террора было принято, руководителем Боевой организации был назначен именно Азеф. Помню, мы много говорили с ним на гему о том, что теперь делать. Положение представлялось весьма сложным Азеф много рассказывал мне о том, как руководители политической полиции ставили его в опасное положение, произведя на основании полученных от него сведений такие аресты, которые выдавали его с головой революционерам Он заявил, что готов сделать все для того, чтобы расстроить замыслы террористов, но рисковать собой он не хочет и не может. Поэтому, если Боевую организацию, руководимую им, будут арестовывать, то он лучше просто уйдет. Но и в мои планы не входил арест Боевой организации. Я сознавал, что после ареста существующего состава Боевой организации при создавшихся политических настроениях нашлось бы в революционных кругах в десять раз больше кандидатов на место арестованных. Такой шаг был бы ошибкой, так как в результате ареста боевиков я проиграл бы, потеряв своего агента, до того находившегося в исключительно выгодном положении. Мы в конце концов сошлись на плане, по которому арестов производиться не должно, но в то же время совместными действиями, моими и Азефа, все попытки революционеров должны неизбежно заканчиваться неудачей.

Основная идея нашего плана заключалась в том, чтобы целым рядом систематически проводимых мероприятий фактически парализовать работу Боевой организации и побудить ее и партию прийти к выводу о полной невозможности центрального террора Для этого наблюдение было так организовано, чтобы боевики, не выходя из поля зрения охранного отделения, все время наводились на ложный след, направлялись на ложные пути и, наконец, изнуренные безрезультатностью своей напряженной и опасной работы, впадали в отчаяние и теряли веру в реальный смысл своей деятельности, в целесообразность привычных методов и средств. Благодаря такой системе ни один шаг боевиков не мог ускользнуть от нашего внимания. Гарантия этому — что никто из боевиков не решился бы проявить свою собственную инициативу без ведома руководителя Боевой организации. В последней царила строжайшая дисциплина,

введенная Азефом, — таким образом, мы имели максимальную уверенность, что нам удастся расстроить все планы боевиков, без того чтобы они могли причинить какую-нибудь реальную опасность **П.** А. Столыпину, против которого удар направлялся. Столыпин после моего доклада, несколько поколебавшись, ибо он естественно опасался каких-нибудь промахов со стороны наблюдения, все же одобрил весь этот план: не подвергая арестам революционеров, держать их под постоянным контролем и систематически расстраивать все их начинания.

Не последнее место в нашей работе занимала и ставка на истощение сил и нервов революционеров, и при этом я не могу не вспомнить применявшийся охранным отделением такой метод наблюдения, который не мог бы не заметить наблюдаемый нашим филером революционер. Для этой цели у нас имелись особые специалисты, настоящие михрютки{51}, ходит за кем-нибудь, прямо, можно сказать, носом в зад ему упирается. Разве только совсем слепой не заметит. Уважающий себя филер на такую работу никогда не пойдет, да. И нельзя его послать: и испортит, и себя кому не надо покажет. Но на боевиков такая откровенная слежка не могла не производить большого впечатления: она означала, что полиция следует по пятам, и «спугнутые» люди бросались бежать, оставляя на произвол судьбы квартиры, лошадей, экипажи и пр. Правда, они склонны были считать такие факты случайностями, но когда эти случайности стали повторяться и происходили каждый раз, когда Боевой организации удавалось как будто подходить ближе к цели, тогда разложение все больше должно было охватывать революционеров, воочию видевших безрезультатность своих усилий.

Я рекомендовал для этой же цели Азефу вносить расстройство и в финансы Боевой организации. В тот период кассы партии и специально Боевой организации были полны, доходы исчислялись в сотнях тысяч рублей. Для того чтобы ослабить эти кассы и тем самым — силу террористов, я советовал Азефу по возможности чаще делать из них заимствования на свои личные нужды и увеличивать сбережения на черный день. Впрочем, я очень скоро убедился, что Азеф в этих советах не нуждался Этим он занимался и до знакомства со мной.

Со слов Азефа я был осведомлен о тех настроениях, разочарованиях, которые под влиянием неудачи покушения, готовившегося Боевой организацией против Столыпина, складывались в руководящих кругах Партии социалистов-революционеров. Наиболее испытанные боевики, вроде Савинкова (недавно бежавшего из Севастополя из-под приговора к смертной казни{52} и примкнувшего к боевому делу), стали

склоняться к той мысли, которую всемерно в партийных кругах отстаивал Азеф, — что дело против Столыпина не удастся, что все попытки хотя бы приблизиться к министру обречены на неудачу, что, следовательно, нужно пересмотреть коренным образом методы и пути боевой работы и что — в результате — нужно признать необходимым приостановку центрального террора и роспуск Боевой организации. После больших внутренних споров наш общий с Азефом план удалось осуществить. Хотя и не без большой борьбы, но Азеф провел в партии решение о роспуске Боевой организации.

Значительно хуже обстояло дело тогда с другой террористической организацией — с максималистами.

Это была совсем молодая организация. Начало ей было положено в Москве, где возникла оппозиция против тактики Центрального комитета партии эсеров. Особенное недовольство вызвало прекращение Центральным комитетом в октябре 1905 года террористической борьбы. Оппозиционерам удалось привлечь к себе энергичные элементы молодежи, рабочих, отдельных интеллигентов. После первого съезда партии в начале 1906 года произошел формальный раскол. Первым ее шагом, заставившим заговорить о новой организации, было ограбление 7/20 марта 1906 года Московского Общества взаимного кредита, при котором были экспроприированы огромные суммы, свыше 800 000 рублей, давшие возможность развить в дальнейшем энергичную деятельность и поставить широко террористическую борьбу. Получив в свое распоряжение крупные средства, обзаведясь складами оружия и выпуская массу литературы, максималисты завели связи в целом ряде пунктов — в Петербурге и в провинции. В своей среде они имели буйную молодежь, одушевленную революционными стремлениями и готовую пойти на смерть, а во главе ее в качестве руководителей стояли талантливые организаторы, из которых наиболее известен был Медведь-Соколов, из крестьян Саратовской губернии, окончивший сельскохозяйственное училище, человек с большой инициативой, исключительной смелостью и серьезным влиянием в своей среде. Естественно, что среди террористических групп максималисты стали представлять собой одну из первых по серьезности и опасности.

Незадолго перед роспуском Государственной думы они начали перекочевывать в Петербург, однако в течение довольно долгого времени нам не удавалось попасть на их след. В кругах социалистов-революционеров ходили слухи, что появились максималисты и готовятся к выступлениям, но никаких конкретных данных о них у нас не было. Впервые взять их под

наблюдение мне удалось в начале июля 1906 года. В это время начальник Московского охранного отделения сообщил мне о выезде одного из видных максималистов в Петербург для того, чтобы я мог его принять и поставить под наблюдение. Нам удалось в течение 10 дней поставить это наблюдение и довольно широко выяснить связи этого приезжего из Москвы. Был установлен даже сам руководитель группы максималистов Медведь. Но, к сожалению, наше наблюдение было замечено, и Медведь вместе с его ближайшими друзьями поспешно скрылся из Петербурга, сбив с толку моих филеров. Опасаясь какого-нибудь неожиданного выступления, мы произвели частную ликвидацию тех, кто оставался в сфере нашего наблюдения. Нами взята была лаборатория на Мытнинской набережной, в которой находилось пять разрывных снарядов и много принадлежностей для изготовления бомб. Один из арестованных максималистов по пути в тюрьму пытался бежать, но был окружен полицией и застрелился. Эта операция была произведена 19 июля / 1 августа 1906 года и в известной степени внесла расстройство в деятельность максималистской группы. Но положение неожиданно обернулось в благоприятную для террористов сторону благодаря той роли, которую сыграл Соломон Рысс. На этой истории следует особо остановиться.

В один прекрасный день директор Департамента полиции М.И. Трусе-вич сообщил мне, что у него в Департаменте большое событие, а именно: один видный максималист, арестованный в провинции, согласился поступить на службу в политическую полицию. Подробностей я тогда не знал, и стали они мне известны несколько позднее. Этот максималист был Соломон Рысс. В июне 1906 года он был арестован в Киеве при попытке ограбления артельщика, и ему грозила смертная казнь. Тогда он по доброй воле вызвал начальника Киевского охранного отделения полковника Еремина и заявил о своей готовности стать секретным агентом. Он рассказал ему очень подробно о составе максималистских групп, дал характеристику руководителей и т.д., но не дал ни одного адреса под тем предлогом, что их не знает и что для их установления ему необходимо очутиться на воле. Полковник Еремин снесся с Департаментом полиции, настаивая на том, чтобы Рыссу был разрешен «побег» из заключения. Трусевич дал свое согласие, и «побег» вскоре был организован. Рысс бежал из участка в такой обстановке, при которой охранявшие его и ответственные за него жандарм и полицейский были преданы суду и приговорены к каторге, хотя, конечно, были абсолютно неповинны и ничего об этом деле не знали. Рысс при поступлении в агенты поставил условием, что не

будет иметь сношений ни с кем, кроме полковника Еремина и директора Департамента полиции Трусевича. В этих целях Еремин получил повышение по службе и был переведен в Петербург помощником начальника секретного отдела Департамента полиции, заведовавшего всей секретной агентурой{53}. Вскоре после этого «побега» поделился со мной Трусевич радостным известием, что теперь максималисты у него «в кармане». «Мы имеем такого замечательного агента, — говорил он, — который будет нас предупреждать о каждом шаге максималистов, расстраивать их планы и пр.». Тут же Трусевич сообщил мне, что все это дело Департамент полиции взял в свои руки, что никаких арестов среди максималистов производить не следует, дабы не спугнуть их, что в нужный момент все революционеры будут изъяты и пр.

Но как раз должно было случиться, что буквально через несколько дней после появления Рысса и после того, как мне с восторгом было поведано Трусевичем, что максималисты у него в кармане, произошел страшный взрыв в загородной даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове. Произошло это событие 12/25 августа 1906 года. Три лица, двое переодетые в форму офицеров Корпуса жандармов и одно в штатском, 12 августа в 4-м часу дня подъехали к даче П.А. Столыпина, имея каждый в руках по большому портфелю со вложенными в них бомбами Один из них вызвал подозрение у охраны, которая пыталась вырвать у него портфель. Тогда все трое с революционными возгласами бросили с силой наземь свои портфели, и произошел страшный взрыв, от которого, наряду с другими, погибли сами максималисты. Мне тотчас дали знать об этом по телефону, и я помчался на место взрыва. Незабываемое ужасное зрелище развернулось перед моими глазами Вся дача еще была окутана густыми клубами дыма. Весь передний фасад здания разрушен. Кругом лежат обломки балкона и крыши. Под обломками — разбитый экипаж и бьются раненые лошади. Вокруг несутся стоны. Повсюду клочья человеческого мяса и кровь. Всего пострадало от взрыва около 100 человек, из которых, по официальным данным, 27 убитых, остальные ранены и большей частью тяжело Офицеры и солдаты вытаскивают лошадей, людей. Трусевича я уже тут застал на месте. Вскоре появились чины прокурорского надзора. Мне бросилась в глаза фигура министра Столыпина, бледного, с царапиной на лице, но старавшегося сохранять спокойствие. У него тяжело ранена дочь. Но он передал ее на попечение другим и сам руководил спасением пострадавших от взрыва.

Я вспоминаю первый разговор о виновниках этого покушения,

который произошел у нас тут же в саду. Я был совершенно спокоен за свою осведомленность о Партии социалистов-революционеров и заверил, что Боевая организация партии никакого отношения к этому террористическому акту не имеет. Трусевич в свою очередь уверял, что максималисты не причастны к этому делу, считая, что покушение совершено польскими социалистами (ППС). Я высказал свои сомнения По моим данным, никаких групп Польской социалистической партии в Петербурге не было, и я выразил предположение, что это дело рук максималистов, вожди которых от нас ускользнули при последних арестах.

Едва ли не в тот же день мои предположения полностью подтвердились сведениями агентуры. Да и максималисты не скрывали, выпустив немедленно листовку — официальное извещение о том, что покушение устроено ими. По этому поводу состоялось у меня с Трусевичем объяснение, при котором я высказал ему ряд сомнений, накопившихся у меня относительно надежности его секретного агента. Трусевич успокаивал меня. Отсутствие предупреждения об акте со стороны агента он объяснял тем, что агент его лишь недавно прибыл в Петербург, не успел завязать надлежащих связей и не был осведомлен о готовящемся акте. Абсолютно отрицать такую возможность я не мог, но у меня вообще было недоверие к постановке Трусевичем работы секретных сотрудников Бывший товарищ прокурора по политическим делам, Трусевич считал себя знатоком розыскного дела. В высшей степени самонадеянный, самолюбивый человек, он не допускал чьего-либо вмешательства в свои дела, но, на мой взгляд, Трусевич никак не принадлежал к числу полицейских деятелей, умеющих разбираться в людях и влиять на них. Позднее в нем обнаружилась и еще одна черта, чрезвычайно отрицательного свойства. Он был страшно болтлив и любил за карточным столом или в дамском обществе щегольнуть осведомленностью Департамента полиции относительно революционных секретов. Мне часто становилось известно о таких его рассказах, которые, в случае если бы о них узнали революционеры, нанесли бы серьезный ущерб делу розыска. Скоро я вообще перестал что-нибудь сообщать Трусевичу о секретных делах Петербургского охранного отделения, о чем я прямо заявил Столыпину...

В тот период, о котором сейчас идет речь, я еще не был так хорошо осведомлен о Трусевиче и поэтому должен был быть более или менее сдержан в своих оценках его мнений и действий. Тем не менее в докладах Столыпину я не скрыл своих сомнений относительно надежности агента Трусевича по максималистам.

Столыпин имел объяснение с Трусевичем, во время которого Трусевич назвал ему фамилию Рысса. От Столыпина эта фамилия стала известна и мне. Столыпин спросил меня: как вы считаете, может этот агент Рысс быть осведомленным о делах максималистского центра? Я к этому времени имел уже некоторую информацию о внутренних делах максималистов и ответил, что Рысс может осветить их организацию. Но, прибавил я, я не уверен, что он захочет это сделать... Лично его я не знаю и никаких непосредственных впечатлений у меня нет. Но суждению Максимилиана Ивановича я не особенно доверяю. В отличие от социалистов-революционеров максималисты быстры, подвижны, действуют короткими ударами без длительной подготовки. Поэтому чрезвычайно важно их арестовывать, как только мы нападем на их след. Мнение Трусевича, однако, иное, и он воздерживается от арестов, что может возыметь роковое значение.

Столыпин хотел, чтобы я встретился с Рыссом. Но Трусевич категорически отклонил это предложение, заявив, что Рысс поставил условием своей работы ни с кем, кроме него и Еремина, не встречаться. Трусевич настаивал на безусловной надежности Рысса, говорил, что тот делал настоящие убедительные доказательства своей преданности и что в нем никаких сомнений быть не может. Что касается арестов, то они могут проводиться лишь с согласия Рысса. Столыпин присоединился к мнению Трусевича и подтвердил приказ о непроизводстве арестов максималистов. Я все же настоял на том, чтобы мне дали возможность знакомиться с докладами Рысса, и я начал их проверять. Они с самого начала поразили меня своим полным несоответствием действительности. Было совершенно ясно, что человек ведет по ложному следу. Когда Рысс все же сообщает о каких-нибудь людях, действительно причастных к организации, то он это делает лишь для того, чтобы таким путем отвлечь внимание от людей, наиболее важных. При этих условиях я решил приложить усилия к тому, чтобы, независимо от Департамента полиции, организовать самостоятельное освещение максималистов. В этом направлении мне удалось достичь довольно многого, хотя завести среди самих максималистов сколько-нибудь серьезного агента мне не удалось. Но случайно один мой агент, близко стоявший к Петербургскому комитету Партии социалистов-революционеров, оказался большим личным другом руководителя максималистов Медведя, и с моего согласия он стал оказывать Медведю различные личные услуги, настолько существенные, что уже вскоре Медведь стал его считать почти вполне своим человеком. Мой агент регулярно держал меня в курсе своих встреч с Медведем, и благодаря этому нам удалось

взять его под наблюдение и проследить многие из его связей. Специально просил я своего агента разузнать о Рыссе. Медведь рассказал ему всю историю Рысса, трактуя последнего как вполне своего, надежного человека, который вступил в сношение с политической полицией с его, Медведя, ведома и в интересах максималистской организации. По его характеристике выходило, что Рысс едва ли не самый ценный человек в организации, которого они рассчитывают использовать для какого-нибудь большого дела.

От этого же своего агента я узнал, что Медведь полон различных планов, что организация приобрела два мотора{54} и двух породистых рысаков, которые должны были быть использованы для нападения на царский дворец и повторить покушение на Аптекарском острове, только в еще более крупном масштабе. (Одного из этих рысаков, имевшего свою «родословную» и приобретенного за 1700 руб., узнали, когда на нем прокатывались по Невскому.) Остановка была за деньгами. Организация жила так широко и хищения денег со стороны отдельных примыкающих к ней элементов были настолько значительны, что даже московские 800 000 рублей уже приходили к концу. Поэтому по плану Медведя в первую очередь должна была быть произведена новая большая экспроприация. Мой агент сообщил мне время и место ее: это должно было быть нападение на артельщика, перевозившего крупную сумму из таможни в Казначейство. День был намечен — 14 октября. Я тотчас же справился на таможне, чтобы проверить, будут ли в этот день переправлять транспорт денег и пойдет ли он по такому маршруту. Действительно, все оказалось верно.

Собрав весь этот материал, я обратился к Трусевичу, рассказал ему все относительно Рысса и предупредил, что последний готовит на него покушение. Вначале Трусевич отказывался верить и заявил, что на днях он должен с Рыссом встретиться, и тогда он представит мне доказательства ошибочности моих утверждений. Но в конце концов, убежденный моими доводами, он от свидания с Рыссом отказался. В результате я получил право на арест максималистов. Моим первым делом было отдать распоряжение об аресте Рысса на границе. Но арестовывать те квартиры, которые были установлены наблюдением в Петербурге, я не хотел, ибо никого из крупных руководителей организации мы не захватили бы, так как все они жили не в Петербурге, а в Финляндии. Можно было взять автомобили, лошадей, кучеров. Но этого, конечно, было недостаточно. Поэтому было решено взять максималистов в деле, во время экспроприации, когда все силы будут мобилизованы и в

сборе.

Итак, 14 октября с Петербургской портовой таможни повезли транспорт, окруженный конвоем конных жандармов. Весь наличный состав филеров был нами мобилизован и выведен под командой моего помощника полковника Кулакова, которому я дал указание арестовывать всех подозрительных, кто только попадется на пути. То, что случилось дальше, является лучшим доказательством, насколько недостаточно одно внешнее наблюдение. В толпе, в разгар уличного движения, революционеров узнать нельзя, — они мундира не носят. Необходимо знать конкретных, определенных людей, а их знать может только секретный агент, работающий внутри организации, знающий всех в лицо. Так и случилось в это дождливое утро в 12-м часу дня в районе Фонарного переулка и Екатерининского канала, где, как мы знали, должно было произойти нападение на помощника казначея таможни, перевозившего в Казначейство и в Государственный банк 600 с лишним тысяч рублей. Кругом было много филеров. Но было большое движение, и в толпе были, конечно, налетчики. Но кого нужно брать, кого арестовывать? Неизвестно. Филеры были растеряны. Потом один из них докладывал мне про одного революционера: «Стоял я с ним под воротами, спрятавшись от дождя, и вел разговор. А он был из первых, кто бросил бомбу». То же самое было в ресторане. Сам полковник Кулаков сидел рядом с лицом, которое — оказалось потом — командовало отрядом. Нападение было так стремительно. Бросили бомбы, стреляли из браунингов, убили лошадей, перебили повозку, перебросили мешок с деньгами на рысака, в котором сидела прекрасно одетая дама — «дама под вуалью», — и умчались. Несколько человек осталось убитыми на месте. Несколько человек мы арестовали. Но в общем надо признать, что экспроприация удалась максималистам. Тотчас же были налажены обыски по всем известным адресам. Были обнаружены конспиративные квартиры, лаборатории, конюшни с двумя выездами, были захвачены два автомобиля, оба рысака, кучера и шоферы. Автомобили и рысаки поступили в распоряжение охранного отделения. Ряд людей нам удалось взять на границе. Часть денег также удалось найти, правда незначительную. Из экспроприированных 600 с лишним тысяч крупная сумма осталась у экспроприаторов По делу о Фонарном переулке 7 человек были приговорены военно-полевым судом к смертной казни. Мы проследили также Медведя-Соколова и арестовали его. К концу 1906 года, несмотря на обилие денег, террористическая группа перестала быть сколько-нибудь значительным противником.

Что касается Соломона Рысса — после того как Трусевич не вызвал его на свидание, он скрылся. Так как действительная его роль была известна далеко не всем, то циркулировали слухи о его службе в полиции. Некоторые в революционной среде говорили о нем очень плохо. Я через моих агентов эти слухи усиливал. Это сделало Рыссу невозможной работу в столице, и он уехал в провинцию, где вскоре в Донецком бассейне был арестован во время подготовки к экспроприации, был раскрыт, привезен в Киев и предан военно-полевому суду. На военном суде он держал себя вызывающе, заявляя, что не хочет ни пощады, ни жизни, — вашей жизни я не щадил и себе пощады не хочу, — и был повешен. Разумеется, после этого своего опыта с максималистами Трусевич больше секретной агентурой не занимался.

Глава 13. УБИЙСТВО ФОН ДЕР ЛАУНИЦА

План, выработанный мною совместно с Азефом, который сводился к тому, чтобы систематически расстраивать все намеченные террористами акты и таким образом парализовать их деятельность, удался не в полной мере. Центральная Боевая организация Партии социалистов-революционеров усилиями Азефа была фактически выведена из строя, но террористическая деятельность, приняв менее организованный характер, отдельными вспышками продолжала проявляться. Азеф был очень раздражен создавшимся положением, опасался за себя и, наконец, уехал на время за границу, отдохнуть и привести в порядок свои семейные дела. Незадолго до отъезда он сообщил мне некоторые адреса, благодаря которым часть террористической группы, следившей за Столыпиным и готовившей на него покушение, была взята нами под наблюдение (Валентина Попова и др.). Однако члены этой группы заметили за собой слежку и скрылись в Финляндии. К этому времени я получил сведения и о других возникших группах — в том числе о группе террористов при Петербургском комитете Партии социалистов-революционеров во главе с латышом Карлом Траубергом, совершившей еще в августе 1906 года одно выступление — убийство командира Семеновского полка, генерала Мина, подавившего восстание в Москве. Следов этой группы нам не удалось нащупать, хотя сведения о ней имелись, и состава ее мы не могли установить, так как осведомителя у нас там не было. Обе эти террористические группы в самом конце 1906 и в начале 1907 года, вырвавшись из-под наблюдения, стали короткими наездами из Финляндии в Петербург организовывать ряд покушений. Из них упомяну убийство начальника Де-рябинской тюрьмы (17 января 1907 года), второе покушение на Дубасова, убийство главного военного прокурора Павлова и, самый тяжкий удар, нанесенный террористами, — убийство петербургского градоначальника фон дер Лауница.

Террористическая группа, организованная Зильбербергом, скрывалась в Финляндии, где устроила свои конспиративные квартиры и динамитные лаборатории, и оттуда посылала своих людей в столицу для подготовки покушений, среди которых на первом плане было покушение на Столыпина. Мне приходилось постоянно, чуть ли не ежедневно, входить в соприкосновение со Столыпиным по делам службы. Но неоднократно я бывал у него и на дому, среди членов его семьи. Насколько Столыпин был строг, суров, энергичен в государственной своей работе, целиком

отданный владевшей им политической идее, настолько любезен и дружелюбен он был в личных отношениях. В кругу своей семьи он даже производил впечатление мягкого, податливого человека, и первую скрипку тут играла его жена{55}. Ко мне они оба относились очень сердечно: он видел во мне преданного слугу государства, она же — надежную охрану своего мужа. В тяжелые времена мне приходилось бывать у Столыпина ежевечерне, докладывая ему о событиях в революционном лагере. По просьбе его жены, часто присутствовавшей при наших беседах, я должен был сопровождать его в поездках вне Петербурга, в Царское Село, и на обратном пути Столыпин мне о многом рассказывал, между прочим и о том. как Царь относится к сообщениям, почерпнутым из моих докладов.

На 3 января 1907 года было назначено в Петербурге торжество освящения нового медицинского института, во главе которого стоял принц Петр Ольденбургский, член царствующего Дома. На открытии должны были присутствовать Столыпин и фон дер Лауниц, которые обещали быть на нем. Накануне, 2 января поздно вечером, ко мне явился один из моих секретных сотрудников и взволнованно сообщил, что подготовка группой Зильберберга террористического акта против Столыпина уже зашла весьма далеко. Агент мой не знал, когда и где произойдет это покушение, но он знал, что оно вот-вот должно произойти. Я немедленно отправился к Столыпину и рассказал ему об этом, советуя ему не покидать в течение нескольких дней Зимнего дворца, где он, по приглашению Царя, проживал тогда со своей семьей. Столыпин решительно запротестовал, ссылаясь на свое твердое обещание принцу Ольденбургскому присутствовать на открытии. Но жена Петра Аркадьевича, естественно, стала на мою сторону и уговорила Столыпина не выезжать из дома. Фон дер Лауниц, к которому я тотчас же поехал, к сожалению, категорически отклонил мои предостережения и советы и отказался остаться дома. Между тем было известно, что социалисты-революционеры давно наметили его в качестве жертвы — не только в качестве петербургского градоначальника, покушение на которых вообще являлось как бы данью революционной традиции, но и в качестве бывшего тамбовского губернатора, известного жестоким подавлением крестьянских восстаний в губернии.

Дело относится еще к ноябрю 1905 года. Владимир фон дер Л ауниц, окончивший Пажеский корпус, потомок старинного прибалтийского дворянского рода, назначенный тамбовским губернатором, организовал карательную экспедицию с целью «образумить» мятежные деревни. В ответ на жестокую расправу с

крестьянами Тамбовский комитет Партии социалистов-революционеров вынес смертный приговор губернатору фон дер Л ауницу и его двум ближайшим помощникам. Оба помощника были застрелены. Фон дер Лау-ница должен был убить террорист Кудрявцев, известный под кличкой «Адмирал», бывший семинарист. Он явился к тамбовскому губернатору одетый сельским священником, с тем чтобы выразить благодарность за подавление мятежа в его деревне. Ему была предоставлена аудиенция. Но принят он был не губернатором, а другим лицом: фон дер Лауниц при неосведомленности о том тамбовского населения получил назначение петербургским градоначальником и утром того же дня уехал в Петербург. Кудрявцев поехал следом за ним в Петербург и вступил там в Боевую организацию Партии социали-стов-революционеров.

Фон дер Лауниц, не послушавшийся моих предупреждений, явился 3 января на открытие института принца Ольденбургского. В капелле института, на третьем этаже, совершалось торжественное богослужение. Когда гости спускались по лестнице вниз, какой-то молодой человек во фраке ринулся к градоначальнику и выстрелил ему в затылок три раза из миниатюрного браунинга. Лауниц упал на ступени и через несколько минут был уже мертв. Звуки выстрелов из маленького револьвера были настолько слабы, что гости сначала не понимали, по какому случаю шум. Лишь вопль смертельно раненного Лауница уяснил всем, что совершилось несчастье. Полицейский офицер из свиты градоначальника бросился с обнаженной шашкой на террориста. Но прежде, чем он успел размахнуться, раздался четвертый выстрел: террорист выстрелил себе в висок, и офицерская сабля попала в умирающего.

Тотчас же произведенное мною расследование установило, что в капелле находился еще один посторонний человек, удалившийся до покушения, но после краткого разговора с исполнителем акта. Он довольно медленно спустился по лестнице, принял от швейцара свое элегантное пальто, дал ему щедрый «на-чай» и уехал в экипаже. Он бесследно исчез. О личности самоубийцы мы не имели ни малейших сведений. По распоряжению судебных властей была отделена от тела голова, на которой рядом с револьверной раной на виске виднелся кровавый след от сабельного удара. Эта голова неизвестного была заспиртована в стеклянном сосуде и в течение долгих недель выставлена для публичного опознания. Но все усилия установить личность самоубийцы были безрезультатны. Только спустя несколько месяцев Азеф, вернувшись из заграничной поездки, сообщил мне, что это был Евгений Кудрявцев, по кличке

«Адмирал», бывший член Тамбовского комитета Партии социалистов-революционеров, затем член террористической группы Зильберберга.

Второй террорист, который ушел из института до покушения, был уполномочен группой Зильберберга убить Столыпина. Увидев, что Столыпин не явился на торжество, он ушел и скрылся в одном из финских убежищ.

АУДИЕНЦИЯ У ГОСУДАРЯ

Убийство петербургского градоначальника фон дер Лауница привело в чрезвычайное волнение официальные круги России, особенно людей, посвященных в то, что и Столыпин был на волоске от смерти. Столыпин должен был сделать исчерпывающий доклад Царю о покушении и сопровождавших его обстоятельствах. При этом он рассказал Царю вообще о моей борьбе с террористами. Уже ранее неоднократно заявлявший, что его весьма интересовало бы познакомиться со мной, сейчас, после доклада Столыпина о последнем террористическом акте, Царь сказал ему: «Теперь я хочу поговорить с Герасимовым». И он поручил Столыпину передать мне, чтобы я явился к нему на аудиенцию через день. На обратном пути из Царского Села Столыпин сказал:

— Государь хочет с вами познакомиться. Послезавтра в 9 часов утра вы должны быть у него на аудиенции и доложить ему исчерпывающим образом о революционном движении. Государь чрезвычайно интересуется вашей деятельностью.

В то время как я выражал по этому поводу свое радостное изумление, Столыпин добавил:

— Я и сам был поражен пожеланием Его Величества, и я счел нужным сообщить Государю, что вы в интересах своей работы обычно носите штатское платье и, быть может, даже не имеете мундира. Но Государь полагает, что это неважно и что вы спокойно можете в штатском явиться к нему на аудиенцию.

В действительности дело обстояло именно так, как изобразил его Столыпин в рассказе Государю. У меня имелся лишь один весьма поношенный офицерский мундир, в котором было абсолютно невозможно появиться к Государю. Но совершенно исключенным я считал для себя, как офицера, появиться перед Царем в штатском платье. Я сказал Столыпину, что все будет в полном порядке. По приезде в Петербург я тотчас же заказал у портного офицерский мундир и наказал приготовить его к следующему дню. Я был согласен заплатить дорого за спешность.

По совету моего старого знакомого, дворцового коменданта генерала Дедюлина, я прибыл в Царское Село еще вечером, накануне аудиенции, переночевал там в одном из дворцов и наутро заявился в рабочий кабинет Государя. Я был тотчас же принят.

Государю Императору Николаю было тогда 36 лет. Его красивый облик, умные, доброжелательно глядящие глаза, спокойный и серьезный вид произвели на меня глубокое впечатление. На нем была офицерская форма стрелкового полка: малиновая куртка, опоясанная шелковым шнурком того же цвета, короткие темно-зеленые шаровары и высокие сапоги. Я был тогда полковником и, согласно дворцовому церемониалу, не имел права сидеть в присутствии Царя, даже в том случае, если бы сам Царь пригласил меня сесть. Хотя Государь мне и не предлагал садиться, но в то же время не садился и сам. Так во все время нашей полуторачасовой беседы мы оба стояли у окна, выходившего в окутанный снегом царскосельский парк.

— Я давно уже хотел вас узнать, — сказал Государь после первых приветствий и сразу перешел к сути дела. — Как оцениваете вы положение? Велика ли опасность?

Я доложил ему, с мельчайшими подробностями, о революционных организациях, об их боевых группах и о террористических покушениях последнего периода. Государь хорошо знал лично фон дер Лауница; трагическая судьба градоначальника его явно весьма волновала. Он хотел знать, почему нельзя было помешать осуществлению этого покушения и вообще какие существуют помехи на пути действенной борьбы с террором,

— Главным препятствием для такой борьбы, — заявил я, — является предоставленная Финляндии год тому назад свободная конституция. Благодаря ей члены революционной организации могут скрываться в Финляндии и безопасно там передвигаться. Финская граница находится всего лишь на расстоянии двух часов езды от Петербурга, и революционерам весьма удобно приезжать из своих убежищ в Петербург и по окончании своих дел в столице вновь возвращаться в Финляндию. К тому же финская полиция по-прежнему враждебно относится к русской полиции и в большой мере настроена революционно. Неоднократно случалось, что приезжающий по официальному служебному делу в Финляндию русский полицейский чиновник арестовывался финскими полицейскими по указанию проживающих в Финляндии русских революционеров и высылался из пределов Финляндии...

С изумлением и со все возрастающим возмущением

выслушал Государь мои сообщения.

— Я готов, — сказал он, — все сделать для того, чтобы положить конец этому невыносимому положению. Я поговорю с Петром Аркадьевичем о необходимых мероприятиях.

Второй пункт, которым весьма интересовался Царь, был вопрос о масонской ложе. Он слыхал, что существует тесная связь между революционерами и масонами, и он хотел услышать от меня подтверждение этому. Я возразил, что не знаю, каково положение за границей, но в России, мне кажется, масонской ложи нет, или масоны вообще не играют никакой роли. Моя информация, однако, явно не убедила Государя, ибо он дал мне поручение передать Столыпину о необходимости представить исчерпывающий доклад о русских и заграничных масонах. Не знаю, был ли такой доклад представлен Государю, но при Департаменте полиции функционировала комиссия по масонам, которая своей деятельности так и не закончила к Февральской революции 1917 года.

Первая аудиенция моя у Николая II была д ля меня исполнена чрезвычайного значения Она укрепила меня в моих взглядах на то, как надо дальше действовать. На прощание Государь спросил меня: «Итак, что же вы думаете? Мы ли победим или революция?»

Я заявил, что глубоко убежден в победе государства. Впоследствии я должен был часто задумываться над печальным вопросом Царя и над своим ответом, к сожалению, опровергнутым всей дальнейшей историей.

Столыпин позднее рассказывал, что Царь ему сказал обо мне «Это настоящий человек на настоящем месте». Но в придворных кругах эта аудиенция у Царя вызвала озлобление против меня. По традиции только особы высших четырех классов (по рангу) имели право личного доклада Царю. Я же по чину полковника принадлежал лишь к пятому классу. Недружелюбное отношение придворных кругов мне приходилось и потом часто ощущать, но я равнодушно проходил мимо этого

«ОТЕЛЬ ДЛЯ ТУРИСТОВ» В ЛЕСУ

Царь обещал мне во время аудиенции сделать все необходимое, чтобы лишить революционеров их убежища в Финляндии. Уже в течение ближайших дней я обсудил со Столыпиным соответствующие мероприятия. Прежде всего русская полиция должна была получить право производить обыски и аресты в пределах Финляндии. Столыпин довел до

сведения Государя мои предложения и получил его согласие на осуществление. Но еще прежде, чем решение по этому вопросу было принято, я предпринял попытку на собственный риск поймать засевших в Финляндии товарищей «Адмирала»— террориста Кудрявцева, того тамбовского революционера, который принимал активное участие в группе Зильберберга и покончил с собой после убийства фон дер Лауница

Азеф выдал мне местонахождение финского убежища террористической группы Зильберберга: это был расположенный изолированно в лесу, неподалеку от водопада на Иматре, отель, незаметный и не привлекавший к себе никакого внимания дом. Этот дом, именовавшийся «Отель для туристов», был целиком заселен членами террористической группы. Это было деревянное двухэтажное строение с дюжиной комнат, содержавшееся в замечательной чистоте, с лестницами, устланными коврами, и с хорошим пансионом. Финн Спрениус, владелец гостиницы, симпатизировал борьбе, которую вели его гости с правительством России. К тому же он на этом деле недурно зарабатывал: отель был всегда полон жильцов. Персонал отеля был подобран в соответствии со вкусом и взглядами гостей Имелся швейцар, почитывавший газеты и любивший поговорить о политике, затем горничная, милое и радушно настроенное существо. Считалось, что оба копят деньгу, чтобы потом пожениться. В качестве гостей допускались только члены террористической группы или рекомендованные ими лица. Если случалось, что появлялся чужак, заблудившийся в лесу и требовавший себе комнату в отеле, ему обычно отвечали, что свободных комнат нет, все заняты.

Лишь однажды швейцар этого отеля допустил исключение Это было в ледяную стужу, в зимний вечер конца января 1907 года. Два туриста, юная пара, лыжники и влюбленные, попросили отвести им комнату. Они рассказали, что уже несколько часов в поисках верной дороги блуждают по лесу. Замученные до смерти и замерзшие, они умоляли только об одном: чтобы им разрешили переночевать в каком-нибудь теплом углу, — наутро они пойдут дальше. Так как каждую минуту грозила разразиться снежная буря, швейцар не решился выгнать в зимнюю ночь эту юную пару и с согласия Зильберберга предоставил им комнату.

Молодые люди тотчас удалились Лишь на следующее утро они показались во время завтрака который в финских отелях обычно бывает за табльдотом. И тогда выяснилось, что новые гости владели целым рядом талантов. Искусно пародируя, рассказывали они о профессорах Петербургского университета, изображали радости и горести студенческой жизни, завоевывая

симпатии своих слушателей. Ведь и другие жильцы гостиницы были сплошь молодые люди, бывшие студенты, пока не посвятили себя целиком террору; дыханием минувшей мирной жизни веяло на них от этих рассказов. Юная пара всем своим привлекательным обликом стяжала большой успех. Члены зильберберговской группы радовались от души этой милой молодежи, в их одинокую замкнутую жизнь вошло какое-то веселое оживление. После обеда была предпринята общая прогулка лесом к водопаду, вечером в отель принесли гитару, и обнаружилось, что оба они, стройный молодой блондин и изящная подвижная брюнетка, прекрасно поют и танцуют Оба, предполагавшие провести лишь одну ночь в «Отеле для туристов», оставались там трое суток Все с огорчением думали о том, что они должны покинуть отель. Доверие к ним было настолько велико, что их допустили к упражнениям в стрельбе. Их просили еще остаться, но на четвертый день они заявили, что им уже действительно пора уехать. Все общество провожало их довольно далеко, и прощальным словам и всяческим пожеланиям конца не было

Вернувшись в Петербург, оба туриста прямо заявились ко мне. Они принадлежали к штабу моих лучших агентов. Перед поездкой на лыжах в Финляндию я инструктировал их самым тщательным образом. И надо сказать, что свою задачу они блестяще выполнили Мужеством, граничащим с безумством, интеллигентностью, искусством общения с людьми они, буквально играючи, снесли все препятствия с пути. В обществе террористов они мастерски играли принятую на себя роль, танцевали и пели, завоевав доверие этих людей и наблюдая их в непосредственной близости. Они смогли мне назвать не только всех проживавших в «Отеле для туристов» и сообщить мне точное описание каждого отдельного человека, им удалось завербовать на службу в полицию двух служителей отеля: швейцара и горничную, готовых за умеренную плату систематически информировать нас обо всем, что представляло для нас интерес

Мы могли теперь каждый поезд, приходящий в Петербург из Финляндии, обследовать, чтобы выяснить, не приехал ли с ним кто-либо из жителей «Отеля для туристов». И очень скоро мне удалось пожать плоды удавшегося предприятия. Короткое время спустя оба моих дежуривших на Финляндском вокзале в Петербурге «студента» узнали среди прибывших пассажироводного из своих знакомых по «Отелю для туристов», а затем и другого, которого они считали руководителем террористической группы.

Оба были арестованы и приведены в Петропавловскую

крепость. Остальные члены группы ускользнули на этот раз. К тому времени когда по распоряжению Царя мы получили возможность и в Финляндии производить аресты, это гнездо уже опустело. Террористы узнали от финских полицейских, что на финляндской почве началась акция петербургской полиции, — и бежали. В отеле мы нашли только наших агентов швейцара и горничную Они прибыли в Петербург и открыто поступили к нам на службу. Им показали заспиртованную голову убийцы градоначальника фон дер Л ауница — и в ней они также узнали знакомого под именем «Адмирал» жильца «Отеля для туристов». Это явилось доказательством для суда в том, что жильцы «Отеля для туристов» организовали покушение против фон дер Лауница.

Личность обоих арестованных я несколько времени спустя узнал от Азефа. Первый был Сулятицкий, террорист, организовавший покушение на Столыпина, тот самый, который 3 января вместе с Кудрявцевым находился в Институте принца Ольденбургского. Другой был руководитель террористической группы — Зильберберг.

Согласно желанию Азефа, я суду не сообщал их имен. Азеф опасался, что эти имена станут тогда также известны публике, и в революционной среде такая осведомленность властей о террористических секретах может возбудить против него подозрение После полугодичного подследственного заключения военный суд приговорил обоих к смерти. 20 июля 1907 года они были повешены в качестве «неизвестных», отказавшихся назвать свое имя.

Глава 14. ВРАГ В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ

Сначала 1905 года, особенно после печального опыта Кровавого воскресенья 9/22 января, мысль о цареубийстве упорно стучалась в сознание многих революционеров. Еще Гапон в одной из листовок, выпущенных под свежим впечатлением тогдашних событий, писал в обращении к петербургским рабочим: «Теперь мы больше не имеем царя». Революционные круги видели в личности Монарха главное препятствие на пути к свободе, а власти, и политическая полиция в особенности, в течение нескольких лет с 1905 года не имели ни одной минуты, которая была бы свободна от тревоги, что революционные организации устроят покушение на Царя. Идея цареубийства висела, можно сказать, в воздухе Революционеры не довольствовались покушениями на генералов, губернаторов и министров. Они метили в самое сердце системы — в Царя.

Так случилось, что в феврале 1907 года я получил довольно неопределенное известие, что террористы разработали план цареубийства. Ввиду того, что источники моей информации для этого случая были малоудовлетворительны, а выжидать долгое время и ставить длительное наблюдение казалось мне слишком опасным, я написал Азефу, находившемуся тогда в Италии, и просил его срочно вернуться в Петербург и помочь мне. В средних числах февраля Азеф вернулся в Петербург. Уже в первое наше свидание он мог сообщить мне чрезвычайно важные данные. По дороге в Петербург он сделал остановку в Финляндии и там беседовал с оставшимися еще на свободе членами обезглавленной зильберберговской террористической группы. Они сообщили ему, что хотя главные руководители группы Зильберберг и Сулятицкий, арестованы, но группа тем не менее не только не распалась, а, наоборот, окрепла и расширила свои связи. Ей удалось даже установить связь с кем-то из личной охраны Царя. Было ясно, что террористы готовят покушение. По словам Азефа, план этого покушения был разработан еще не во всех деталях, но, насколько можно было судить, предполагалось, что казак должен был помочь подложить адскую машину под царский дворец, под кабинет Его Величества. Свое сообщение Азеф закончил указанием имен и адресов новых руководителей террористической группы, занявших эти места после ареста Зильберберга.

Располагая этими данными, я организовал наблюдение. Довольно скоро удалось выяснить, с кем поддерживают связи члены террористической группы вне дворца. Но я не мог

нащупать след, ведущий внутрь дворца Я уже было собирался арестовать всех лиц, попавших в сферу моего наблюдения. Конечно, с точки зрения интересов розыска было бы целесообразнее выждать, пока наблюдение не даст более веских улик против заговорщиков и не выяснит все их связи. Однако этот нормальный путь в данном случае был слишком опасен. А вдруг террористам удастся ускользнуть от наблюдения и нанести удар? На карту было поставлено слишком многое. Дело ведь шло о жизни Государя. Рисковать я не имел права, и я уже решил было произвести аресты, когда совершенно неожиданно получил дополнительные сведения из другого источника: мне позвонил дворцовый комендант генерал Дедюлин и попросил меня приехать к нему в Царское Село для сообщения чрезвычайно важных известий. Я тотчас же выехал к нему и услышал из уст его следующую авантюрную историю.

— Несколько месяцев тому назад, — рассказал мне Дедюлин, — один из казаков царского конвоя, Ратимов, доложил своему непосредственному начальнику князю Трубецкому, что он познакомился с неким молодым человеком Владимиром Наумовым, сыном начальника дворцовой почтово-телеграфной конторы в Новом Петергофе. Молодой Наумов говорил с ним сначала сдержанно, а потом все решительней о предстоящей революции и дал ему прочитать революционные прокламации. Трубецкой довел это сообщение казака до сведения начальника дворцовой команды полковника Спи-ридовича. По указанию последнего, Ратимов продолжал поддерживать сношения с Наумовым, и все, что Ратимов узнавал от Наумова, он тотчас же передавал Спиридовичу Мы хотели выждать момент, когда Наумов обнаружит свои истинные намерения, — пояснил Дедюлин — Теперь это произошло. Наумов начал допытываться от Ратимова, каким образом можно добраться до Государя, чтобы совершить на него покушение. Согласно нашему поручению, Ратимов выдавал себя Наумову за «симпатизирующего» и выразил готовность содействовать. Наумов хочет его свести теперь в Петербурге с членами Боевой организации.

Так далеко зашло это дело, когда мне пришлось взять его в свои руки. Я имел встречу с казаком Ратимовым. В квартире одного из служащих дворца в Царском Селе он лично повторил мне все о своих сношениях с Наумовым. Я заставил его поклясться, что все, что он сообщает, сущая правда. Ратимов поклялся и несколько раз истово перекрестился перед иконой. После этого я предложил ему принять предложение Наумова и встретиться с террористами в Петербурге. Одновременно я организовал тщательное наблюдение за Ратимовым.

В один из последующих дней Ратимов получил от Наумова для явки петербургский адрес одного адвоката. В своем мундире казака, сопровождаемый незаметно для него агентами полковника Спиридовича, отправился Ратимов в Петербург. Я также поручил своим агентам вести личное наблюдение надо всеми членами зильберберговской группы террористов, указанными мне Азефом, будучи уверен, что именно с ними встретится Ратимов. И все произошло так, как я ранее предполагал.

У дверей петербургской квартиры, куда должен был явиться Ратимов, агенты полковника Спиридовича, следовавшие за ним по пятам, встретились с моими агентами, производившими слежку за Синявским, одним из руководящих членов террористической группы. Таким образом, цепь в этом пункте замыкалась, принося с собой доказательства в том, что, с одной стороны, Ратимов действительно говорил правду, и в том, с другой стороны, что Азеф меня правильно информировал, когда доложил о существующем плане цареубийства.

Вся эта компания очутилась в моих руках. Я допустил еще несколько встреч Ратимова с террористами. Об этих встречах он докладывал мне. Террористы воздействовали на него при помощи обычных в этих случаях способов убеждения: его имя, мол, покроется славой, он войдет как герой в историю и прочее, если только примет активное участие в деле... Добивались они от него точного плана дворца и парка в Царском Селе со всеми коридорами, внутренними помещениями, подвалами и погребами.

— Можно ли постороннему человеку, конечно соответственно переодетому, проникнуть в кабинет Царя? — спрашивали террористы.

— Да, если он носит форму казака царского конвоя, — ответил Ратимов.

— Разве не каждый казак лично знаком всем проживающим во дворце? — следовал вопрос.

— Нет, — отвечал Ратимов, — в конвое сто таких казаков. Разве можно знать в лицо их всех?

— Возможно ли подойти непосредственно к Царю во время его прогулки в царскосельском парке?

— Это вполне возможно. Например, если бы женщина-террористка, переодевшись финской молочницей, появилась в парке. Хотя Царь постоянно во время прогулок сопровождается несколькими казаками из его конвоя, но они, по инструкции, следуют в некотором отдалении за ним. Они не обратят внимания на такое повседневное событие, как появление в парке

молочницы. Она может таким образом незаметно очутиться в самой непосредственной близости от Царя.

— Возможно ли в помещении, находящемся под комнатами царя, заложить мину и затем эту часть дворца вместе с самим Царем пустить в воздух? — спрашивали далее террористы.

— Да, — отвечал Ратимов, — такая возможность тоже имеется. Кабинет Царя находится в бельэтаже, под которым расположено много комнат, куда доступ сравнительно легок.

В заключение террористы стали уговаривать Ратимова, чтобы он сам взялся совершить покушение. Ратимов уклонялся от ответа. Он, однако, обещал им кое-что (для террористов чрезвычайно важное), а именно телеграфно оповещать их о времени прибытия в Царское Село Великого князя Николая Николаевича и Столыпина или о времени их выезда оттуда. Покушения на этих двух лиц, наряду с покушением на Царя, стояли в центре внимания террористов.

Эти сообщения Ратимова дали мне более чем достаточно материала для процесса. Особенное значение я придавал телеграммам, которые Ратимов обещал присылать террористам. Теперь мне осталось бы только согласовать свои действия со следственными властями. За несколько часов до ареста заговорщиков прибыла в условленное место телеграмма Ратимова о предстоящей поездке Великого князя Николая Николаевича. Она была найдена во время ареста и послужила одной из главных улик для обвинения.

Наумов, узнавши, что Ратимов все время предавал его и что ему грозит смертная казнь, пал духом. За выдачу всех соучастников заговора следственные власти обещали ему в награду сохранить жизнь, и тогда он во всем сознался. Военному суду было передано 18 человек. Во время судебного разбирательства Наумов отрекся от большей части своих первоначальных показаний, пытаясь облегчить судьбу тех, кого он сам же выдал. Им это помогло чрезвычайно мало. Зато на своей шее петлю он этим поведением затянул. Изменение им показаний побудило суд аннулировать данное раньше обещание о помиловании. Вместе с Синявским и Никитенко он был приговорен к смерти и повешен 3 сентября 1907 года. Остальные 15 подсудимых получили приговоры на разные сроки в каторгу и ссылку.

Этот процесс в свое время вызвал много шума. Для защиты подсудимых были мобилизованы лучшие силы русской либеральной адвокатуры: Маклаков, Муравьев, Соколов, Зарудный и др. Они стремились доказать, что все это дело о цареубийстве если не создано, то, во всяком случае, раздуто

Петербургским охранным отделением — и именно мною, его руководителем. Центральный комитет Партии социалистов-революционеров выступил в печати с официальным заявлением о том, что он никакого отношения к этому заговору не имеет и что он вообще никому не давал поручений готовить покушение на Царя. На суд в качестве свидетеля-эк-сперта по ходатайству защиты был вызван известный историк и литератор Мякотин, который утверждал, что раз Центральный комитет Партии социалистов-революционеров официально заявил о своей непричастности к данному заговору, то это значит, что попытка приписать его указанной партии и вообще каким-нибудь серьезным революционерам является искусственной и надуманной, что в лучшем случае мы имеем тут дело с кружком энтузиастической молодежи, за спиной которой действовали провокаторы, руководимые политической полицией. Авторитетно и категорически Мякотин утверждал, что традиции революционного движения не допускают ложных заявлений со стороны революционных центров и что поэтому к заявлению Центрального комитета Партии социалистов-революционеров нужно относиться с полным доверием. Эти заявления производили впечатление на судей и наносили весьма чувствительный удар всему обвинению. Поэтому прокуратура потребовала вызова на суд меня, как человека, который хорошо знает историю революционного движения и может опровергнуть исторические справки Мякотина.

Суд удовлетворил это ходатайство прокурора, но у меня не было никакого желания появляться на заседании суда. Успешность моей работы во многом зависела от того, что меня никто из революционеров не знал в лицо. Именно поэтому я никогда и нигде не появлялся публично. Выступление в зале суда было бы грубым нарушением этого правила. Я стал бы тогда известен целому ряду адвокатов, родственникам обвиняемых и пр., а среди них несомненно было немало людей, близких к революционерам. Это было абсолютно нецелесообразно. Поэтому первым моим решением было отклонить приглашение суда: я сообщил, что по болезни лишен возможности появиться в здании суда. Этот мой ответ расстраивал все планы прокуратуры. Помощник военного прокурора Ильин, представлявший на этом процессе обвинение, лично приехал ко мне и просил изменить принятое мною решение. Он говорил мне, что экспертиза Мякотина произвела большое впечатление на членов суда — офицеров, которые не знакомы с историей революционного движения. А между тем поражение обвинения в этом деле, которое получило широкую огласку и возымело большое

политическое значение, будет тяжелым ударом для правительства. Все это было правильно и с моей точки зрения, но я изложил ему мои мотивы, заставляющие уклониться от выступления на суде. После всестороннего обсуждения Ильин предложил компромисс, при котором публичность моего выступления была бы сведена к минимуму, а именно предложил устроить нужное заседание суда в помещении охранного отделения, причем на это заседание будет допущено только минимальное количество лиц. На это предложение я дал свое согласие; принял его и председатель военного суда, которого Ильин ознакомил с причиной моих колебаний. Так случилось, что по процессу Никитенко и других одно из заседаний суда состоялось в большой зале старого здания охранного отделения (Мойка, 12), что возбудило, конечно, страсти в либеральных кругах, возмущавшихся тем, что «юстиция» пошла на поклон в полицию.

Даже и в этой обстановке, поскольку на заседании присутствовали адвокаты (родственники подсудимых на это заседание не были допущены), я счел нужным несколько изменить свою внешность, появился слегка загримированным и просил извинения за то, что буду давать свои показания сидя, положив больную ногу на сиденье другого стула. Сущность моих показаний была совершенно определенная. В противовес заявлениям Мякотина я категорически утверждал, что дело Никитенко—Синявского является делом рук террористической группы, входящей или примыкающей к Партии социалистов-революционеров, что об этом я располагал данными из совершенно авторитетных источников, которые назвать по понятным причинам не могу. Тот факт, что Центральный комитет партии официально опровергает свою причастность к этому делу, абсолютно ничего не значит, ибо, как свидетельствует история, и в прошлом, и в настоящем все революционные организации не останавливаются в интересах своего дела перед ложными заявлениями. Что касается цареубийства, то, насколько мне известно, Партия социалистов-революционеров не только не отказалась от этой преступной мысли, но как раз на ее последней конференции{56} при обсуждении вопроса о необходимости усилить террор эта мысль пользовалась всеобщим сочувствием. Вот приблизительно были в главном мои утверждения, ряд которых я укрепил ссылками на революционную литературу. Они вызвали протесты в рядах защиты, и один из защитников, кажется В.А. Маклаков, во время моих показаний с возмущением покинул зал заседания. Суд целиком разделил правильность моей экспертизы...

Глава 15. ЗАГОВОР СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

2-я Государственная дума по своему составу существенно отличалась от 1-й. Отличалась она также характером заседаний. В то время как в 1-й Государственной думе социал-демократов было очень немного, а социалистов-революционеров официально совсем не было, теперь во 2-й думе обе эти социалистические фракции были представлены десятками членов, среди которых имелись хорошие ораторы. Но и другое крайнее крыло, отсутствовавшее в 1-й думе, сейчас также выросло: во 2-й думе было немало депутатов-монархистов, выступавших с думской трибуны, не скрывая своих взглядов. Руководящая роль в Государственной думе принадлежала партии конституционалистов-демократов, которая решила изменить характер деятельности Думы и стремилась доказать, что она способна к так называемой органической работе, и с этой целью создала много комиссий, рассматривала правительственные законы, вырабатывала свои законопроекты. Для П.А. Столыпина уже очень скоро выяснилась невозможность работать с этой Государственной думой, так как, несмотря на изменение тактики кадетов, они по существу все же выставляли совершенно неприемлемую для Столыпина программу. Но положение делалось особенно невозможным ввиду той активной тактики, которую вели думские социалисты, особенно социал-демократы. Они были гораздо более активны во 2-й Государственной думе, чем в 1-й. Они действовали более организованно и много внимания уделяли работе в армии, возлагая серьезные надежды на военные восстания. В этой связи они с трибуны Государственной думы произносили агитационные речи по вопросу об армии, о положении солдат, возбуждая в них недовольство, и т.д. Такого рода выступления вызывали большое раздражение. Особенно острый инцидент был связан с речью депутата социал-демократа из Тифлиса Зурабова.

Во время обсуждения одного законопроекта Военного ведомства Зурабов произнес речь, оскорбительную для армии, что армия умеет только пятки показывать неприятелю. Министры во главе со Столыпиным заявили решительный протест против подобных выражении, добились лишения Зурабова слова и исключения его из заседания Государственной думы. Столыпин ждал, что офицерство будет со своей стороны активно

реагировать на это оскорбление, и был очень разочарован тем, что никаких выступлений с его стороны не последовало. «Из-за каких-то пустяков они готовы друг друга в гроб отправить, а вот когда все офицерство оскорблено, никто и не подумал о вызове на дуэль», — говорил он. Помню, мы затронули вопрос о мотивах такого поведения офицеров и сошлись на том, что главную роль в этом случае играет тот факт, что помощником главнокомандующего войсками Петербургского военного округа является генерал Газенкампф. Это был широкообразованный юрист, участник Русско-турецкой войны, сотрудник либерального журнала «Вестник Европы»{57}. Состоя помощником при Великом князе Николае Николаевиче, он имел большие полномочия, чем обычно, так как в функции командующего округом входило утверждение приговоров военных судов, а вовлекать Великого князя в политическую борьбу и тем самым ставить его под непосредственные удары террористов считалось неудобным. Своими правами генерал Газенкампф пользовался в целях смягчения судебных приговоров и в то же время оказывал на офицеров петербургского гарнизона влияние в либеральном духе.

Столыпин не раз возвращался к этой теме относительно военной агитации социал-демократов, указывая на необходимость принять самые решительные меры против развития такой агитации в дальнейшем. У социал-демократов, как и у социалистов-революционеров, существовали специальные военные организации, издававшие нелегальные газеты и прокламации для солдат и устраивавшие нелегальные собрания. Деятельность военной социал-демократической организации находилась под моим постоянным наблюдением. В числе моих секретных агентов была, между прочим, Екатерина Шорникова, известная под кличкой «Казанская». Она была из Казани и там была завербована в секретные сотрудницы жандармским офицером Кулаковым. Летом 1906 года Кулаков был переведен в Петербург на должность моего помощника и в разговоре сообщил мне, что сотрудница Шорникова переехала в Петербург вслед за ним и хочет здесь работать. Я повидался с нею. Она произвела на меня впечатление человека серьезного, достаточно хорошо знакомого с партийной литературой и партийными отношениями и потому вполне подходящего для работы в качестве агента в Петербурге. Я разрешил Кулакову принять ее на службу. Когда Кулаков в начале 1907 года заболел, Шорникова перешла в ведение полковника Елен-ского, который отзывался о ней в разговорах очень хорошо. Шорникова с самого начала работала в военной организации в качестве пропагандистки, иногда выполняла обязанности секретаря, что давало ей возможность

быть осведомленной о всех делах организации. Именно она первая сообщила о попытках социал-демократических депутатов непосредственно связаться с военными организациями.

29 апреля 1907 года в общежитии Политехнического института состоялось собрание распропагандированных солдат, на котором присутствовал член Государственной думы социал-демократ Герус. На этом собрании было решено послать от имени социал-демократической военной организации делегацию в социал-демократическую фракцию Государственной думы и представить ей особый наказ (петицию) с изложением пожеланий солдат. Составление наказа было поручено литератору Войтинскому. Охранное отделение сделало попытку арестовать собрание, но, предупрежденное о приходе полиции, оно успело разойтись. Шорникова присутствовала на этом собрании и подробно о нем доложила. Еленский, имевший от меня особую инструкцию относительно наблюдения за связями депутатов Государственной думы с военными организациями, немедленно доложил мне о результатах состоявшегося 29 апреля собрания. Так как я имел от Столыпина прямое указание никаких арестов членов Государственной думы и никаких обысков в связи с ними не предпринимать без его разрешения (он не хотел напрасно раздражать Государственную думу), то я при первом же очередном докладе сообщил Столыпину о предстоящем появлении в социал-демократической фракции Государственной думы делегации солдат петербургского гарнизона. Прежде чем принять решение, Столыпин пожелал ознакомиться с тем наказом, который будет вручен членам Государственной думы от лица солдат, и Шорникова, участвовавшая в подготовке солдатской делегации, смогла доставить копию этого наказа. Ознакомившись с текстом, Столыпин заявил, что такая солдатская делегация ни в коем случае допущена быть не может и что должны быть произведены аресты, хотя бы это и повлекло за собой конфликт с Государственной думой. Он потребовал, чтобы аресты были произведены в тот момент, когда солдатская делегация явится в социал-демократическую фракцию, чтобы, так сказать, депутаты были схвачены на месте преступления.

Согласно этим указаниям я подписал ордер на производство обыска в помещении социал-демократической фракции, поручив Еленскому организовывать все дальнейшее. Филеры должны были проследить момент прихода солдатской делегации, и по их сообщению отряд полиции должен был немедленно явиться в помещение фракции для ареста. 5 мая в 7 ч[асов] 30 мин[ут] вечера в помещение фракции, находившейся тогда на Невском проспекте, 92, явилась делегация солдат. Филеры немедленно

дали знать в охранное отделение. Меня в это время там не было. Не знаю почему, Елен-ский несколько задержался, и потому когда отряд явился в помещение фракции для ареста, то делегации солдат он там уже не застал. После я узнал, что для самой социал-демократической фракции появление этой делегации оказалось полной неожиданностью, что большинство депутатов было очень недовольно появлением переодетых солдат, а потому, приняв от них наказ, депутаты поспешно выпроводили их из помещения через черный ход. Отсутствие солдат несколько смутило чиновника охранного отделения, явившегося для производства обыска. Несмотря на бывшие у него прямые и точные инструкции, он замешкался с приступом к пересмотру имевшихся во фракции документов, дав тем самым возможность членам Государственной думы, ссылавшимся на свою депутатскую неприкосновенность, уничтожить целую массу компрометирующих бумаг, в том числе и только что полученный ими наказ. Только часа через два, после того как явились представители судебной власти, было приступлено к обыску. Несмотря на все эти обстоятельства, найденные документы оказались достаточными для того, чтобы установить полную связь социал-демократической фракции с нелегальными партийными организациями вообще и специально с военными организациями. Делегация солдат, успевшая скрыться из помещения фракции, была арестована в казармах, ее личный состав через Шорникову был нам в точности известен. На первом же допросе один из арестованных солдат (матрос морского экипажа Архипов) вполне откровенно сознался и рассказал все, как было. Так как наказа при обыске не было обнаружено, то по просьбе прокуратуры я сообщил ей ту копию наказа, которая у меня имелась. Арестованные солдаты подтвердили тождество этой копии, и она была присоединена к делу и фигурировала на судебном процессе [5].

У Столыпина состоялось совещание с прокурором судебной палаты и с министром юстиции Щегловитовым о дальнейшем направлении дела. Решено было предъявить Государственной думе требование о выдаче социал-демократических депутатов для суда, не останавливаясь, в случае ее несогласия, перед роспуском Думы. По существу, Столыпин рассчитывал именно на несогласие Государственной думы. К этому времени окончательно выяснилось, что с Государственной думой в этом составе работать немыслимо В течение всего мая месяца шла подготовка избирательного закона, так как Столыпин пришел к убеждению, что при старом виттевском законе состав Государственной думы неизбежно будет левым, не представляющим верно всю страну.

Случилось так, как ожидали. Несмотря на колебания в некоторой части конституционалистов-демократов, большинство Государственной думы отказалось немедленно выдать социал-демократических депутатов суду, и 3 июня 2-я Государственная дума была правительством распущена. Социал-демократические депутаты были арестованы и осуждены Особым присутствием Сената, большинство — на каторжные работы.

Глава 16. ЗАГОВОР ПОД МОИМ НАБЛЮДЕНИЕМ

Судебным приговором над группой Никитенко-Наумова были уничтожены последние остатки террористической организации Зильберберга Я надеялся, что сейчас наступит передышка. Во всяком случае, на время казались невозможными всякие планы покушения на Царя. Но мои надежды очень скоро разбились.

Вскоре после приговоров Военного суда я получил известие, что Центральный комитет Партии социалистов-революционеров поставил своей официальной боевой задачей убийство Царя и что в подготовке этого плана он пошел уже гораздо дальше, чем было до сих пор. Эта задача не должна была более вверяться небольшой, находившейся только в слабой связи с Центральным комитетом группе лиц, обнаруживающих порой незрелость и поверхностный дилетантизм. Нет, Центральный комитет решил создать такую боевую организацию, которая шла бы осознанно к осуществлению своей цели и предохранила бы заранее свои планы от всяких непредвиденных случайностей. Люди, устранившие Плеве, Великого князя Сергея и многих других, эти грозные фигуры недавних лет, должны были взять теперь в свои руки осуществление плана убийства Царя.

Итак, я очутился лицом к лицу с опасным врагом. На карту было поставлено все. И я со своей стороны должен был решиться ввести в бой все силы, все свое оружие и все имеющиеся у меня резервы. И прежде всего я решил обеспечить себе поддержку моего лучшего сотрудника, Азефа, которому часто удавалось вести целые группы революционеров, вопреки всем их планам, туда, куда он хочет. В данном чрезвычайном случае я решился на чрезвычайные шаги.

Еще раньше Партия социалистов-революционеров предложила Азефу взять на себя верховное руководство Боевой организацией; тогда он рассказывал мне об этом как о самом изумительном факте в своей богатой приключениями жизни, и я сам скрепя сердце предложил Азефу принять это предложение партии Он колебался Эта двойная игра могла ему слишком дорого обойтись. Но в конце концов он выразил готовность пойти на это в согласии с моим желанием{58}. Разумеется, я получил перед тем санкцию Столыпина на этот рискованный шаг

Учитывая все исключительные трудности и опасности, связанные с этим предприятием, Азеф со своей стороны выдвинул условие, что ни один из членов его террористической группы не

должен быть арестован. На этой основе я заключил с ним договор, который звучал коротко и ясно: Азеф принимает на себя руководство Боевой организацией и руководит всей подготовкой покушения на Царя, с тем чтобы это покушение не могло быть проведено в жизнь. Под этим условием я гарантирую ему, что ни один из членов Боевой организации не будет арестован. Этот договор был обеими сторонами лояльно выполнен.

Из среды наиболее активных революционеров Азеф подобрал себе группу террористов в составе до десяти человек. Ближайшим его адъютантом был бывший студент Петр Карпович. В 1901 году он убил министра народного просвещения проф. Боголепова, был приговорен к двадцатилетней каторге, бежал из Сибири и теперь предложил Азефу свои услуги. Благодаря Азефу я систематически бывал осведомлен обо всех планах и делах членов террористической группы. Они проживали в Финляндии, лишь время от времени наезжая в Петербург, чтобы выполнить ту или иную, имеющую отношение к покушению на Царя, необходимую задачу. О каждой из таких поездок я получал от Азефа точнейшее известие. Я мог ежедневно сказать, кто из состава террористической группы находится в Петербурге и что именно он здесь делает.

Эта полная и непрерывная осведомленность дала мне возможность заключить своего рода договор с дворцовым комендантом генералом Дедюлиным. До сих пор, когда Государь, который эти годы обычно жил в Царском Селе или Петергофе, должен был приехать в Петербург, об этом ставился в известность петербургский градоначальник, он мобилизовал для охраны весь полицейский аппарат. Усиленные наряды полиции устанавливались на всем пути следования Царя с вокзала во дворец, и тогда уже внешний, бросающийся всем в глаза вид улиц делал для всех понятным, что Царь находится в Петербурге. Мой метод охраны Царя был совсем иным. Когда Дедюлин сообщал, что Царь собирается ехать в Петербург, то мне нужно было только точнее выяснить, будет ли в этот день кто-нибудь из террористов в Петербурге. Переговорив с Азефом и выяснив это обстоятельство, я мог легко решить, может ли состояться в этот день поездка Царя или нет. Если в городе в этот день должен был быть какой-либо из террористов, то я обычно высказывался против поездки.

— Сегодня нет, — говорил я по телефону в Царское Село, — лучше завтра или послезавтра. — И моему решению Царь следовал без возражения.

Когда же в воздухе не таилось никакой угрозы, я давал согласие на приезд Царя — и никто из властей, кроме меня, об

этом не бывал осведомлен. Я оповещал о поездке только председателя Совета министров Столыпина. Наружная полиция, а также градоначальник ничего об этом не знали. Это давало повод к упрекам и жалобам.

Несколько раз случалось, что вечером градоначальник звонил мне по телефону.

— Скажите, верно ли это? Мои люди мне донесли, что сегодня они видели Государя на Невском проспекте.

— Да, это верно.

— Но так ведь нельзя, — возмущался градоначальник, — ведь в этих условиях я не могу принять на себя ответственность за охрану Государя.

— Об этом не беспокойтесь, — говорил я, — всю ответственность я беру на себя.

Градоначальник помчался апеллировать к Столыпину, но жалобы его остались без последствий. И неудивительно: ведь заранее имелось согласие Столыпина, чтобы все шло по моей системе.

В то время как я всемерно старался удержать в силе условия моего соглашения с Азефом как с руководителем Боевой организации, он без всякой моей вины стал жертвой непредвиденного случая. Совершенно случайно один мелкий сотрудник охранного отделения узнал, где проживает бежавший из Сибири знаменитый террорист Карпович, — и он, конечно, захотел показать своему начальству, какой он исправный полицейский служака. Недолго раздумывая, он арестовал Карповича, рассчитывая, понятно, что таким образом он сослужит замечательную, выдающуюся службу политической полиции.

Для меня этот непредвиденный арест адъютанта Азефа явился исключительно неприятным случаем. Кажется, на следующий же день ко мне явился Азеф, и тут во второй раз в жизни я увидел, каким сердитым он может быть. Я вспомнил нападение Азефа на Рачковского, свидетелем которого я был за полтора года перед тем и которое так развлекло меня тогда. Но на этот раз его раздражение было направлено против меня.

— Как вы могли это допустить? — волновался Азеф. — Мое положение теперь стало совершенно невыносимым! И без этого ареста подозрение против меня очень велико. Если человек, с которым я ежедневно общаюсь, теперь взят, в то время как я гуляю на свободе, то всякий должен заключить, что я предал Карповича в руки полиции. В таких условиях я абсолютно не могу сотрудничать. С меня довольно. Я устал жить среди вечных тревог. Я ухожу из охранного отделения и уезжаю за границу.

С большим трудом мне удалось успокоить Азефа. Пришлось

при этом обещать ему, что Карпович будет в самом скором времени освобожден. Но это было легче сказать, чем сделать. Официально освободить Карповича из-под ареста было, конечно, невозможно. Карпович не должен был знать, что своим освобождением он обязан полиции. Для этого не было иного пути, кроме устройства ему побега. Но он должен бежать, абсолютно не подозревая, что мы ему в том помогли.

После некоторого раздумья я выработал следующий план. Карповичу было объявлено, что он арестован по подозрению в проживании по фальшивому паспорту. Он должен быть теперь отправлен на родину, где власти установят его личность. Одному из своих наиболее толковых чиновников я поручил доставить Карповича из тюрьмы при охранном отделении в пересыльную тюрьму и дать возможность по дороге арестанту бежать.

— Сделайте это, как вы хотите, — сказал я ему на дорогу, — мне безразлично как. Существенно одно: Карпович должен бежать...

Оба они отправились из охранного отделения. Спустя несколько часов вернулся мой чиновник и, вытирая обильный пот со лба, доложил:

— Это было трудное дело... Не так просто заставить человека бежать, когда он бежать не хочет.

Мой чиновник, одетый в форму полицейского надзирателя, нанял извозчика по выходе из охранного отделения — разумеется, это была наша пролетка и кучер был нашим агентом — и немедленно повез Карповича по пути в пересыльную тюрьму.

— По дороге, — рассказывал дальше мой чиновник, — я сказал Карповичу: «Обождите тут немного. Я должен папирос купить». Я поплелся в табачную лавочку, болтал там добрых четверть часа с продавщицей и потом вернулся к пролетке. Я был убежден, что не найду уже в ней Карповича. Но, к моему ужасу, он все еще там. Ничего не поделаешь, пришлось ехать дальше. Немного позднее я заявил Карповичу, что мне хочется пить и я зайду в трактир выпить пива. Снова я провел там четверть часа и, возвращаясь, вижу — мой голубчик так и продолжает сидеть в пролетке и ждать меня. Можно было от всего этого прямо прийти в отчаяние... Мне ничего более не оставалось, как предложить Карповичу зайти со мной вместе в трактир поесть. Он принял мое приглашение. Мы уселись за стол, заказали еду и стали есть. При этом я начал жаловаться ему, как трудно нам, мелким служащим полиции, приходится: много работы, небольшой оклад, тревоги и опасности. Мы вынуждены хороших людей арестовывать, когда у самих душа так и болит. А потом я встал и вышел якобы в уборную — с твердым решением не возвращаться, пока Карпович

не уйдет.

Стоя за приоткрытой дверью уборной, я наблюдал в щелку Карповича. Дверь, выходящая на улицу, была открыта. Посетители приходили и уходили. Карпович сидел за столом, ел и пил. Лакею я сообщил, чтоб он не мешал господину уйти, и сам ему за все заплатил. Но Карпович продолжал еще довольно долгое время сидеть. Наконец, он поднялся и начал ходить от стола к двери, туда и сюда, туда и сюда. Я потерял уже всякую надежду на то, что он уйдет, но наконец он решился. Он подошел к двери и вышел на улицу. Я ждал еще некоторое время в страхе, что он может вернуться. Потом я осмелился выглянуть. Он действительно ушел... Непонятно, как такой человек мог бежать с сибирской каторги.

Так рассказал мне мой сотрудник о побеге Карповича. Азеф был доволен. С ликующим видом Карпович рассказывал ему о непроходимой глупости полиции.

Глава 17. СЕМЬ ПОВЕШЕННЫХ

Договор, заключенный мною с моим агентом Азефом, выдвинутым в качестве вождя террористической Боевой организации, оправдал себя в полной мере. Никакие планы террористов не нарушали более моего сна. Некоторые из этих планов становились мне известны буквально с первого момента их зарождения. В результате — на каждом шагу мероприятия террористов натыкались на стену моих контрмероприятий. Постепенно они должны были прийти к убеждению, что пустились в дело, превосходящее их силы. Организация полиции брала верх над организацией революции. Но это относилось только к центральной организации, во главе которой стоял Азеф. Опасность со стороны различных второстепенных групп была по-прежнему значительна.

Наиболее опасной среди них была группа Северного Летучего боевого отряда, которая возникла еще осенью 1906 года и уже совершила ряд террористических покушений. Я расспрашивал о ней Азефа, но он сообщил мне, что она не подчинена Центральному комитету Партии социалистов-революционеров, а действует, поддерживая связи с местными комитетами, на свой страх и риск и что ему, Азефу, собрать о ней сведения очень трудно, так как это может навлечь на него подозрения. Только осенью 1907 года, вскоре после убийства начальника тюремного управления Максимовского террористкой Рогозинниковой (28 октября 1907 года) и после моих усиленных просьб, Азеф согласился пойти на свидание с руководителями этой группы. Свидание состоялось где-то в Финляндии, а потому Азеф не мог нам «показать» интересовавших нас террористов. Но сведения, сообщенные им о составе и планах группы, были очень интересны. Я и раньше знал, что главным руководителем группы является террорист, носящий псевдоним «Карл». Но только от Азефа я получил подробное описание его примет и приблизительные указания на местность в Финляндии, где он живет. По словам Азефа, это был человек совершенно исключительной предприимчивости и смелости. «Пока он на свободе, — говорил мне Азеф, — вы не сможете быть спокойным». В настоящее время, сообщил Азеф, он носится с планами взрыва Государственного совета. Никаких конкретных данных относительно этого предприятия Азеф сообщить не смог, но указал, что, по его сведениям, террористы имеют в виду бросить бомбу в тот сектор зала, где сидят правые члены Государственного совета, в том числе все министры и, в

сущности, кандидаты в будущие министры, ибо из числа членов Государственного совета по назначению обычно рекрутировались руководящие деятели Русского правительства. Он также обратил мое внимание на то, что покушение может быть совершено кем-нибудь из террористов, проникших в помещение под видом корреспондентов. В результате этого рассказа Азефа и был усилен контроль над ложей журналистов Государственного совета, производились осмотры портфелей, личные обыски и прочее. Он же помог мне и проследить «Карла», который вскоре и был арестован на одной из дач в Финляндии. Это был латыш, участник вооруженного восстания 1905 года: его настоящая фамилия была Трауберг.

Этот арест нанес тяжкий удар группе террористов, но не оборвал ее деятельность. В самом конце 1907 года ко мне поступило известие, что покушения готовятся на Великого князя Николая Николаевича и на министра юстиции Щегловитова. Сообщили мне также, что русский Новый год 1908-й был назначен днем покушения: террористы хотели использовать случай, когда Великий князь и министр явятся на новогодний прием к Царю. Никаких более точных и подробных сведений — в частности, о лицах, участвующих в этом заговоре, — мой секретный сотрудник, однако, сообщить не мог. Только из вторых рук он слыхал, что об этом плане шла речь в Центральном комитете.

Запрошенный об этом мною Азеф сказал, что это сообщение верно, что в Центральном комитете действительно был разговор об этих планах, но что никакие подробности и ему неизвестны. Наводить справки он отказался, опасаясь, что может вызвать против себя новые подозрения. Я оказался в очень трудном положении — быть может, в одном из наиболее трудных за всю мою жизнь.

На Новый год я установил дежурство моих агентов у дворца Великого князя и у квартиры министра юстиции. Я сам отправился к Великому князю и к Щегловитову и предложил им этот день проводить дома. Оба решительно отказались последовать моему совету. Великий князь даже рассердился. Никто его не удержит, говорил он, от поездки к своему Царю. Не зная, как быть, я обратился за помощью к Столыпину, а последний передал дальше мою просьбу Царю. И Царь и Столыпин поддержали мою просьбу и просили Великого князя Николая Николаевича не рисковать своей жизнью и не приезжать к новогоднему приему. Но до самой последней минуты я так и не знал, послушался ли Великий князь этих просьб. Несколько раз он менял свои решения, то приказывая подать лошадей или

автомобиль, то отменяя эти распоряжения. В конце концов он остался дома. Так поступил и министр юстиции Щегловитов.

Моим агентам было приказано арестовывать любого прохожего, если только он вызвал малейшее подозрение. Но на празднично оживленных улицах, в толпе нарядно одетых людей распознать террористов было совершенно невозможно. Был произведен целый ряд арестов, но ведь террористы не носят мундира, и из числа арестованных никто не имел отношения к готовившемуся покушению.

Новогодний день прошел без всяких осложнений, но мои тревоги не окончились. Днем позже мой агент принес известие, что от покушения террористы не отказались, оно только отложено. Они приложат все усилия к тому, чтобы его совершить. Так прошло пять недель — мучительное для меня время. Находившиеся под угрозой покушения жили, как в осажденной крепости, почти не покидая своих домов, в сознании, что на каждом углу их подкарауливают люди с бомбой в руках. Великий князь Николай Николаевич кончил тем, что тайком уехал из города. Положение, напоминавшее собой начало моей деятельности в Петербурге, когда я разыскивал следы группы Швейцера.

Всеми розысками руководил, конечно, я сам, отдавая этому делу целые сутки, — и все же не делал ни шага вперед. При каждой встрече с Азефом я просил его узнать мне хоть какую-нибудь мелочь, которая помогла бы мне напасть на след заговорщиков. Но Азеф неуклонно отвечал отказами: он ничего не знал и не мог узнать. Наконец, в первые дни февраля он принес мне известие, которое, пожалуй, могло быть полезно. На одном из очередных заседаний Центрального комитета было высказано нетерпение медлительностью акции, направленной против Великого князя, и один из членов Центрального комитета при этом заметил: «Дальше так не может продолжаться. Мы должны предложить Распутиной быстрее действовать...»

Это было немного, но все же это было, наконец-то, какое-то имя: Распутина. Это был не псевдоним, а подлинное имя одной старой революционерки, как я узнал от Азефа. Распутина уже несколько раз сидела в тюрьмах, была в сибирской ссылке. И мне была знакома ее деятельность в партии, но я не предполагал, что она примкнула к террористам. Азеф считал, что, подобно другим террористам, она проживает под чужим именем, по фальшивым документам, и что нет смысла выяснять официально ее местожительство. Мало надежды разыскать Распутину этим путем было и у меня, и больше для очистки совести я поручил агенту навести справку в полицейском адресном столе. К моему

чрезвычайному изумлению, он через несколько часов сообщил мне, что эта самая Анна Распутина проживает под своим настоящим именем в Петербурге, на Невском проспекте.

Я потребовал из Департамента полиции фотографию Распутиной, имевшуюся там еще со времени ее прежних арестов, и послал своего агента с этой фотографией на квартиру Распутиной. Скоро он протелефонировал мне, что на квартире он видел ту самую женщину, которая показана на фотографии, и что в этой квартире имеется еще одна свободная комната, которую можно снять. Я решил эту комнату сам снять, чтобы вблизи наблюдать Распутину. Переодевшись в штатское, я явился на квартиру и просил показать мне сдающуюся в наем комнату. Это была небольшая, скверная, грязноватая комната, выходившая во двор. Недостатков в ней было много, но было и одно преимущество: тонкие стены, которые должны были обязательно пропускать всякий звук из соседней комнаты, где проживала Распутина. Я, однако, допустил бы ошибку, если б снял эту комнату: я был слишком хорошо для нее одет, в дорогой шубе, и это не могло не вызвать подозрений. Поэтому я заявил, что мне комната не подходит, и вместо себя прислал двух молодых агентов в студенческой форме, которые тотчас сняли комнату.

Наблюдение на квартире велось в течение трех дней. Агенты просверлили для этого маленькое отверстие в стене и подсматривали за всем, что делала Распутина. Но гораздо интереснее того, что они увидели в комнате Распутиной, были данные наблюдения за жизнью и деятельностью Распутиной вне ее комнаты. Ее поведение было на редкость своеобразно!

Каждое утро приходила она в собор Казанской Божьей Матери, покупала свечу, ставила там перед образом, опускалась на колени и погружалась в молитву. Нередко, подобно другим молящимся, она склонялась к земле, касаясь лбом церковного пола, оставалась в таком положении по 10—15 минут. Столь усердные молитвы со стороны террористки были совершенно непонятны, и мои агенты, тщательно наблюдавшие за ней, впадали в смущение и только покачивали головами по поводу поведения Распутиной, пока они не начали замечать рядом с Распутиной в таком же коленопреклоненном состоянии и религиозной сосредоточенности других молящихся мужчин и женщин, которые порой шептались с ней и принимали от нее разные предметы. Однажды таким образом был передан ею довольно объемистый предмет — возможно, что бомба.

Таким образом, под покровом собора Казанской Божьей Матери члены террористической группы организовали конспиративные сношения между собой. Мои агенты,

естественно, узнали в лицо всех, общавшихся «в молитве» с Распутиной, и вели наблюдение за ними на улицах, парках, кафе. Некоторых из них они встречали в районах дворца Николая Николаевича и дома Щегловитова. Не было никакого сомнения, что именно они готовили покушение.

Великий князь и Щегловитов слишком нервничали, поэтому я не мог позволить себе роскошь наблюдения для выяснения всех связей террористической группы. 20 февраля по моему приказу было арестовано 9 человек. Почти все были взяты на улице. Многие из них были хорошо вооружены. У троих были найдены бомбы. Когда к двум из них хотели приблизиться мои агенты, чтобы их арестовать, — к молодой девушке и юноше, сидящим на скамье в тихой и нежной беседе недалеко от дома Щегловитова, — другие агенты из охраны Щегловитова отговаривали их от этого шага: «Оставьте в покое эту любовную парочку! Они тут постоянно сидят и шепчутся между собой». Но мои агенты не дали себя уговорить, подошли поближе и хотели обоих взять. В этот момент молодая девушка молниеносно выхватила револьвер и выстрелила. Пуля попала в агента и не ранила его только потому, что не могла пробить его толстого пальто. Молодой человек при аресте не оказал сопротивления. Третий из террористов крикнул агентам, пытавшимся его взять: «Осторожно! Я весь обложен динамитом. Если я взорвусь, то вся улица будет разрушена». Четвертый террорист был взят около дворца Великого князя с цветочным горшком, в котором была спрятана бомба.

Молодая девушка из «влюбленной четы» была Лидия Стуре. Ей было 21—22 года — и она казалась еше моложе. Ее партнером был террорист Синегуб. Человек, забронированный в динамит, был Всеволод Лебединцев, одна из замечательных фигур в революции, ученый астроном, долго проживавший в Италии и выдававший себя в Петербурге за корреспондента итальянской газеты Марио Кальвино (по такому корреспондентскому билету он проходил в Государственный совет). С большими предосторожностями Лебединцева доставили в охранное отделение. Он по всему телу был опоясан динамитными шнурами. Террористы предполагали бросить бомбу в карету министра. Если бы это не удалось или бомба бы не взорвалась, Ле-бединцев предполагал сам в виде живой бомбы броситься под карету министра и погибнуть вместе с ним.

При обыске на квартирах террористов были обнаружены комплекты полицейских мундиров, а также план залы заседания Государственного совета, где было крестом отмечено место расположения скамей правых членов Совета.

Все 9 террористов были преданы военному суду. Суд состоялся через неделю. Семеро из них, в том числе Распутина, Стуре, Синегуб, Лебединцев, были приговорены к смертной казни и повешены. Остальные получили долголетнюю каторгу. Фамилия Лебединцева была установлена только на суде.

Потом мне говорил прокурор, официально по своей должности присутствовавший на казни террористов: «Как эти люди умирали... Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости... С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои».

Они в этом отношении не были исключением: все террористы умирали с большим мужеством и достоинством. Особенно женщины. В моей памяти до сих пор отчетливо сохранился рассказ о том, как умерла Зинаида Коноп-лянникова, повешенная за убийство командира Семеновского полка генерала Мина, который в декабре 1905 года подавил восстание в Москве. Она взошла на эшафот, декламируя строки Пушкина:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Героизм этой молодежи, надо признать, привлекал к ней симпатии в обществе. Леонид Андреев вдохновился этой темой и написал о террористах пресловутую повесть «Семь повешенных»[{59}].

Глава 18. СВИДАНИЕ МОНАРХОВ В РЕВЕЛЕ

Зима прошла без удач для террористов, готовивших покушение на жизнь Государя. Они вырабатывали все новые и новые планы, вели разведку в разных направлениях. Но каждый раз натыкались на препятствия, оказывавшиеся для них непреодолимыми С помощью Азефа, числившегося главным руководителем Боевой организации, я без труда расстраивал все ее предприятия. О действительной причине своих неудач террористы не догадывались — но раздражение их, естественно, возрастало, и вместе с тем возрастала их решимость пойти на все, только бы достигнуть намеченной цели. Особенного напряжения достигло их настроение к весне:

Как раз в это время стало известно о предстоящем вскоре приезде английского короля в Россию. Первоначально Эдуард VII собирался нанести Государю визит в Петербурге. Говорили, что ему очень хотелось посмотреть нашу столицу и самому понаблюдать ее жизнь. Этот план отпал, так как Государь самым решительным образом высказался против него. Я не знаю, какой официальный предлог был приведен в дипломатических сношениях для того, чтобы убедить Эдуарда VII согласиться на свидание в другом городе, но действительные мотивы, как мне рассказывал Столыпин, состояли в том, что пребывание английского короля в Петербурге было не по душе Государю.

— Он привык у себя в Англии свободно повсюду ходить, а потому и у нас захочет вести себя так же. Я его знаю, он будет посещать театры и балет, гулять по улицам, наверно захочет заглянуть и на заводы, и на верфи. Ходить с ним вместе я не могу, а если он будет без меня — вы понимаете, какие это вызовет разговоры Поэтому будет лучше, если он сюда не приедет, — так мотивировал Государь свое решение.

В результате дипломатических переговоров местом встречи монархов был избран Ревель, который представлял много удобств. Там была военная гавань, чрезвычайно удобная для встречи имеющей прибыть английской эскадры. Там легко было и все остальные торжества организовать так, чтобы пребывание монархов на суше было сведено к минимуму. Согласно разработанной программе, кажется, все без исключения торжественные приемы должны были происходить на судах русской и английской эскадр. Никто из террористов, которые захотели бы организовать покушение на жизнь высоких особ, не мог приблизиться к ним на сколько-нибудь близкое расстояние. С точки зрения охраны особы Государя условия в Ревеле не

оставляли желать лучшего, а это было в высшей степени важно, так как революционеры, как только узнали о предстоящем свидании в Ревеле, решили использовать поездку Государя для совершения на него покушения.

Когда революционеры принимали это решение, Азеф против него не возражал; это было бы бесполезно и только вызвало бы против него подозрения. Но, конечно, как только это решение было принято, он немедленно же поставил меня в известность о нем. Обсудив положение, мы и теперь решили продолжать нашу старую испытанную тактику игры с террористами Азеф, правда, на этот раз пошел на нее с меньшей, чем обычно, охотой. Он говорил, что очень устал от вечно напряженного состояния, боится растущих против него подозрений и хотел бы уйти на покой — покончить со службой на полицию и уехать за границу, чтобы жить там спокойной, мирной жизнью. Не без труда удалось мне уговорить его отложить на некоторое время приведение в исполнение его плана. Пришлось обещать, что это дело будет последним и что после благополучного его проведения я уже не стану возражать против его отъезда за границу. Отпустить же его до ревельского свидания я не мог ни в коем случае: оно должно было явиться решающим испытанием для всей моей системы работы.

К предстоящему свиданию в Ревеле было приковано внимание всей Европы. Покушение, даже неудачное, совершенное во время тамошних торжеств, неизбежно имело бы и большие политические последствия. В глазах иностранцев оно было бы доказательством продолжающейся непрочности положения внутри страны — и это могло бы оказать серьезное влияние на те дипломатические переговоры, которые должны были вестись во время ревельского свидания. Именно поэтому Столыпин с особенной настойчивостью просил меня так поставить дело, чтобы это свидание обошлось без всяких неприятных осложнений. Именно поэтому и я был готов обещать Азефу все, чего бы он ни попросил, лишь бы он помог мне «провести» и это дело.

В это время я относился к Азефу уже с полным доверием и потому дал ему большую свободу действий, поставив только обязательным условием держать меня в курсе всех без исключения передвижений членов его террористической группы. Он это свое обещание держал с обычной для него точностью. Во время каждой нашей встречи, которые в эти недели стали более частыми, чем обычно, он подробно информировал меня обо всем, что уже сделано террористами и что они в ближайшие дни сделать предполагают. Из его рассказов я очень скоро установил, что Боевая организация располагает каким-то очень хорошим

источником информации обо всем, что касается планов передвижения царской семьи. Кто-то из людей, наилучшим образом осведомленных, ставил их в известность обо всех изменениях в планах поездки Царя в Ревель. Особенно поразил меня один случай.

Вначале предполагалось, что Царь поедет в Ревель на своей яхте «Штандарт». Об этом мне было сообщено как об уже решенном факте, и я соответствующим образом подготовил охрану. Но в одну из наших очередных встреч Азеф меня поразил заявлением, что маршрут изменен и что Царь выедет в Ревель по железной дороге. Я отнесся к этому сообщению несколько иронически. Мне казалось совершенно невероятным, чтобы изменение маршрута царской поездки, который всегда держали в глубокой тайне, стало известно террористам раньше, чем мне, руководителю политической полиции. Но Азеф так настаивал на правильности его информации, так уверенно утверждал, что ее источник абсолютно надежен, что в конце концов у меня зародилась некоторая тревога. Помню, в ту же ночь, во время моего очередного доклада, я осведомился у Столыпина, не произошло ли каких-либо перемен в планах относительно поездки в Ревель. Столыпин тоже ничего о таких переменах не знал — и это успокоило меня. Тем более встревожен я был, когда на следующее утро мне в строго доверительном порядке было сообщено дворцовым комендантом, что изменение, о котором говорил Азеф, действительно произошло. После я узнал, что причиной этого изменения было желание Государыни, которая плохо себя чувствовала и не хотела подвергать себя риску переезда морем.

При ближайшей же встрече с Азефом я вернулся к этой теме и попросил его сообщить мне имя того лица, от которого шла его информация. От ответа на этот вопрос Азеф уклонился. Он сказал, что сведения постоянно дает какое-то весьма высокопоставленное лицо из Министерства путей сообщения, но назвать его имя он не может.

— Вы знаете, - говорил он, — против меня и так много подозрений. Человек, который дает эти сведения, известен всего только двум-трем людям. Он занимает видный пост и стоит вне всяких подозрений. Если его арестуют или если он заметит за собой наблюдение, все непременно заподозрят меня. Я не могу рисковать. Свое обещание я выполню — покушение я расстрою. Но не просите, чтобы я назвал вам этого человека.

Я не считал возможным настаивать: расстройство покушения на Царя было действительно самой важной задачей. Но про себя я решил — позднее, когда угроза покушения минует нас, вернуться

к этому вопросу.

Азеф сдержал свое слово поездка Государя в Ревель прошла весьма благополучно. Террористы имели два плана покушений: один — нападение на царский поезд в пути; другой — покушение во время поездки Царя в подго-роднее имение одного из придворных (кажется, графа Бенкендорфа). Нападение на поезд не могло состояться по той простой причине, что Азеф, получивший от своего информатора условную телеграмму о времени выхода царского поезда, нарочно задержал ее — и сообщил о телеграмме своим товарищам и Боевой организации только тогда, когда ехать для нападения было поздно. Что же касается до поездки Государя в имение, то оно было, по моему предложению, вообще отменено.

Ревельские торжества прошли в полном порядке. Государь и Государыня прибыли в Ревель 27 мая 1908 года. Торжественно встреченные на вокзале, они поехали в открытой коляске через весь город к гавани. Был ясный, солнечный день. Вдоль улиц шпалерами стояли солдаты, матросы, ученицы и ученики местных учебных заведений. Все в белом, и всюду масса цветов. Я, конечно, принял меры предосторожности и бросил в Ревель все имевшиеся в моем распоряжении силы, хотя и знал от Азефа, что в тот момент в городе нет ни одного из известных ему террористов. В порту, в местном яхт-клубе, Государь принял представителей местного самоуправления и депутации от сословий, после чего царская чета проследовала на «Штандарт» Несколькими часами позднее прибыла английская яхта «Виктория и Альберт» с королевской четой на борту. Ее эскортировала эскадра из 8 судов. Это была торжественная, импозантная картина. Стояла чудесная погода. Ни тучки на небе, ни ветра. Зеркальная гладь залива уходила в бесконечную даль, как бы сливаясь на горизонте с бездонно чистим голубым небом. Затем на горизонте показался наш дежурный миноносец, несший известие о приближении английской эскадры. Вслед за ним показалась и сама эскадра. И крепостная артиллерия, и суда нашей эскадры отдавали положенные салюты. Все мачты украсились русскими и английскими флагами.

Все шло по расписанию, только один анекдотический эпизод вклинился в события этого дня. Когда смолкли пушечные салюты и шедшая впереди английская королевская яхта обменялась приветственными сигналами с «Штандартом», с «Виктории и Альберта» вдруг заговорили флагами. Сигналы были не совсем обычны. Не все даже моряки их понимали. А между тем было ясно, что дело идет о чем-то важном, срочном. Неудивительно, что у нас все насторожились. Повсюду раздавались вопросы:

— В чем дело? Что они сигнализируют?

Напряжение не разрядилось и тогда, когда со «Штандарта» коротко ответили обещанием исполнить просьбу — и тотчас же начали спускать моторный бот, который полным ходом пошел к «Виктории и Альберту». Тем больше смеха и острот послышалось позднее, когда стало известно, о чем сигнализировала королевская чета: «Пришлите портного на борт».

Оказалось, что Эдуард VII, только подходя к Ревелю, установил, что имевшийся с ним мундир киевского драгунского полка стал ему нестерпимо тесен. А между тем по церемониалу король, шеф этого полка, должен был приехать на «Штандарт» именно в этом мундире. На счастье, на «Штандарте» был придворный портной, который сумел быстро распустить швы мундира, так что Эдуард VII смог его застегнуть. Правда, свою трудную задачу портной решил неидеально, — и когда несколько позднее английский король показался в русском мундире, даже неопытному глазу было заметно, что ему в этом мундире было совсем не по себе. В противоположность своей эскадре, которая так ловко и отчетливо проделывала все маневры, Эдуард VII в тесном мундире и драгунской шапочке выглядел не слишком-то великолепно.

Вечером первого дня меня запросили, не будет ли опасно разрешить местному немецкому певческому обществу исполнить серенаду на воде в честь коронованных гостей Ревеля. Я поглядел на собравшихся членов общества. Это были в большинстве своем солидные люди, многие уже седые. Было ясно, что ждать от них покушения не приходится, и их просьба была удовлетворена. На всякий случай, впрочем, я отрядил к ним в лодку своих агентов. Вечером на нескольких лодках немецкие певцы подъехали к «Штандарту», на котором в этот момент Государь принимал визит английского короля, и довольно стройно исполнили ряд немецких патриотических песен. Так случилось, что в момент рождения русско-английского соглашения речи дипломатов произносились под аккомпанемент немецкого пения...

После окончания торжеств я вернулся в Петербург и вплотную занялся мучившим меня вопросом о таинственном лице, которое знает обо всех передвижениях Царя и выдает их тайны террористам. Я согласен был оставить на свободе людей, готовых пойти на террористический акт, если бы имел возможность следить за каждым их шагом и немедленно обезвредить их в тот момент, когда они станут опасными. Лицо, выдававшее революционерам царские секреты, было даже более опасно, чем такие террористы, и я должен был его знать, должен был, во всяком случае, иметь возможность парализовать его

тайную предательскую деятельность.

Азеф мне не дал относительно него никаких указаний, но возможность расследования все же существовала. Секреты царских передвижений были известны очень немногим. В этом направлении я и вел свои поиски. Вначале у меня теплилась надежда, что слова Азефа о «высокопоставленном сановнике» были просто хвастливой фразой. Я был уверен, что предателем был кто-то из мелких чиновников. Но уже очень скоро мое расследование установило, что секрет изменения царского маршрута в тот момент, когда мне об этом изменении рассказал Азеф, никому из мелких чиновников известен не был, — его знало всего 5—7 человек. Все они действительно были «высокопоставленными сановниками» в полном смысле этого слова, и все же было ясно, что кто-то из них был предателем самого худшего типа — человеком, который, оставаясь в тени, помогал террористам готовить убийство того монарха, клятву на верность которому этот человек принес. Одного за другим я перебрал всех этих людей, выяснил их связи и сношения и в конце концов пришел к убеждению, что этим предателем был человек, занимавший в высшей степени высокий пост в Министерстве путей сообщения. Мне трудно было верить этому выводу — но доводы были слишком веские и само дело слишком ответственным, чтобы я мог о нем молчать. Я и так сделал для него отступление от своего обычного правила: еще с 1906 года все без исключения серьезные сведения, которые поступали в мое распоряжение, я немедленно сообщал П.А. Столыпину. Об этом деле я доклада своевременно не сделал: я понимал, что это мое сообщение обеспокоит Столыпина в то время, когда его сила особенно нужна для ответственных политических переговоров, а пользы для моего расследования никакой не принесет. Но теперь, когда данные мною были собраны, я счел себя обязанным со всей откровенностью доложить дело П.А. Столыпину. Как и следовало ожидать, мой доклад произвел на него тяжелое впечатление. Сначала он не хотел верить моим выводам.

— Нет, нет, — твердил он. — Вы ошибаетесь. Я его хорошо знаю. Ведь он принимает участие в заседании Совета министров, бывает у меня в гостях... Он не может быть предателем, помощником террористов в подготовке покушения на Царя.

И только после того, как я во всех деталях рассказал ему о том, в результате какого расследования я пришел к своему выводу, уверенность Столыпина несколько поколебалась. Но все же никаких шагов предпринимать он не хотел и попросил меня еще раз самым тщательным образом проверить мои выводы. Я сделал это — и только увеличил собранный мною обвинительный

материал. Правда, прямых доказательств у меня не было, но все косвенные улики сходились в указаниях на одно и то же лицо. При моем втором докладе Столыпин уже не оспаривал моих выводов, но принять какие-либо меры колебался.

— Он хуже любого террориста, — говорил он, — и его следовало бы предать суду. Но как это сделать? Вы понимаете, что будут об этом писать газеты всего мира? Лучше подождем — быть может, после видно будет — и ограничимся только тем, что отстраним это лицо от всех дел, связанных с передвижением Государя.

После вскоре пришло разоблачение Азефа, и о предании суду стало невозможно и думать. Пост этот сановник-предатель, конечно, потерял, но разоблачен не был. Не назову его фамилии я и теперь. Его, правда, уже нет в живых — но у него, кажется, есть дети, которые, конечно, нив какой мере за этот грех своего отца неответственны. Впрочем, так как официального следствия не было и сам подозреваемый не был допрошен, то и абсолютно верным мой вывод считать нельзя: хоть и очень небольшая, но все же существует доля вероятия, что мой вывод о лице неправилен. Несомненно одно: «высокопоставленный сановник», предававший террористам своего Государя, существовал.

Глава 19. РАЗОБЛАЧЕНИЕ АЗЕФА

Ревельское дело было последним, в проведении которого мне помогал Азеф. После моего возвращения в Петербург он заявил, что уезжает за границу и вообще кончает свою работу на полицию.

«Устал и хочу отдохнуть, — отвечал он на все мои уговоры. — Хочу спокойно пожить своей частной жизнью».

Верный своему обещанию, я не уговаривал его от отъезда за границу и только упросил не порывать полностью со мной связи, а хоть изредка информировать меня о наиболее важном из того, что он будет узнавать за границей. Азеф на это согласился. Жалованье ему должно было идти полностью и дальше — он получал по 1000 рублей в месяц. Но по существу это должно было быть не вознаграждение за новые услуги в будущем, а своего рода пенсией за сделанное в прошлом...

Из-за границы он писал мне очень редко, и эти редкие письма его не отличались ни содержательностью, ни интересом. Я от него ничего не требовал. И от него, и от других моих агентов я знал, что Азефу приходится очень трудно. Уже давно против него в революционном лагере высказывались подозрения; многие не скрывали, что они не доверяют ему. Азефу удавалось держаться только благодаря своему знанию людей и умению с ними обходиться. И члены Центрального комитета, и террористы к нему продолжали питать полное доверие. Поэтому я и теперь был уверен, что ему удастся защитить себя, а потому сравнительно мало за него беспокоился. Приходившие от него письма стали к осени 1908 года совсем тревожными; он сообщил, что идет суд между ним и его обвинителем историком В.Л. Бурцевым. Но он и сам до последнего момента не терял надежды, что ему удастся выйти победителем, так как все руководители партии стоят за него горой.

Тем более неожиданно было для меня его появление в ноябре 1908 года на моей секретной петербургской квартире. Он пришел, не предупредив, прямо с поезда. Таким я его еще никогда не видел. Осунувшийся, бледный, со следами бессонных ночей на лице, он был похож на затравленного зверя.

Таким он и был в действительности Революционные охотники, с которыми он так часто вел свою смелую игру, теперь шли по его собственным следам — и он просил у меня помощи.

Он подробно рассказал мне все, что случилось за полгода его заграничной жизни. Революционный суд, первоначально созванный для того, чтобы заклеймить Бурцева как человека,

оклеветавшего революционную честь Азефа, уже готов был вынести решение, полностью реабилитирующее Азефа, когда в самый последний момент Бурцев сослался на какого-то нового, в высшей степени важного свидетеля Это сразу изменило настроение судей, которые решили проверить ссылку Бурцева. Имя этого свидетеля держали в строжайшей тайне, но Азефу оно стало известным: это был А.А. Лопухин, бывший директор Департамента полиции, в свое время непосредственно сносившийся с Азефом. Летом 1908 года Лопухин встретился с Бурцевым и рассказал ему все, что он знал об Азефе. Все зависит теперь от того, как поведет себя Лопухин если он подтвердит свое сообщение, сделанное им Бурцеву, тогда и Азеф погиб. Смертный приговор ему обеспечен. Если же Лопухин откажется подтвердить ссылку на него Бурцева, то дело хотя и с трудом, но может удастся спасти.

Азеф был совсем подавлен и разбит. Он помнил судьбу Татарова и Талона и сейчас готов был на все, согласен был уехать на край света и вести жизнь Робинзона, лишь бы только спасти жизнь. Сидя в кресле, этот большой, толстый мужчина вдруг расплакался.

— Все кончено, — всхлипывая, причитал он. — Мне уже нельзя помочь. Всю жизнь я прожил в вечной опасности, под постоянной угрозой... И вот теперь, когда я сам решил покончить со всей этой проклятой игрой, теперь меня убьют

Рассказ Азефа звучал чудовищно невероятно. Я знал Лопухина уже семь лет, раньше в Харькове, потом в Петербурге, знал его как человека, понимающего ответственность своих поступков, и как чиновника, ставящего исполнение долга всегда на первом плане. В течение трех лет Лопухин стоял во главе всего полицейского дела в России, и ему я был обязан своим возвышением и назначением на пост начальника Петербургского охранного отделе ния. Я знал, что у него были конфликты с Треповым и Рачковским, а затем и со Столыпиным, и я находил, что по отношению к нему правительство поступило нелояльно. Он был единственный директор Департамента полиции, который после отставки не был назначен сенатором и за которым даже не сохранили оклада. Он был, естественно, огорчен и обижен, и все это делало понятным враждебное направление его мыслей.

Но я не мог себе представить, что эти обстоятельства могли побудить его преступить свой долг и пренебречь сохранением служебной тайны. Я сказал потом Азефу, что дело это не может обстоять так, как он его излагает, что тут имеет место какое-то недоразумение. Пусть он спокойно отправится к Лопухину и вместе с ним лично урегулирует дело

У Азефа не было никакой охоты идти к Лопухину. Он питал мало доверия к нему. Прошло немало времени, прежде чем мне удалось уговорить его пойти.

Я ждал с нетерпением результатов этой беседы. Азеф должен был от Лопухина прийти ко мне. Он пришел бледный, в еще большем отчаянии, чем прежде.

— Мы совершили очень серьезный промах, — сказал он, — я не должен был туда идти. Лопухин несомненно находится в связи с революционерами, и он передаст им о моем сегодняшнем посещении. Сейчас я окончательно пропал.

Он описал мне чрезвычайно короткое свидание с Лопухиным. Все ограничилось беглым разговором в передней. В комнаты к себе Лопухин его даже не пустил и говорил с ним куда чем суше. Азеф вынес впечатление, что Лопухин решил безжалостно выдать его революционерам.

Мне и теперь не хотелось поверить в предательство Лопухина. Поэтому я решил сам к нему пойти, и около 5 часов вечера я позвонил у двери его квартиры. В темной передней Лопухин встретил меня и сначала не узнал. Тем дружелюбней приветствовал меня потом:

— А, Александр Васильевич, добро пожаловать. С какими вестями? Не с поручением ли от Столыпина? (Он все еще надеялся, что Столыпин сделает попытку сближения с ним.)

— Нет, я совсем по частному делу. Я хотел бы с вами поговорить с глазу на глаз.

В кабинете я сказал, что пришел к нему по делу Азефа. Голос Лопухина сразу зазвучал иными нотами:

— Ах, вы хлопочете по поводу этого негодяя . Он был уже сам у меня Нет, я ничего не могу и не хочу для него сделать.

Как мне ни было трудно, я привел ему целый ряд аргументов, чтобы убедить его в недопустимости его поведения в этом деле. Я старался всячески воздействовать на него. Я напомнил ему, что Азеф ему лично однажды спас жизнь, убедив террористов отказаться от плана покушения на него.

— Это обычная ложь Азефа! — воскликнул Лопухин. — Он врет!

Я апеллировал тогда к его человеческим чувствам

— У Азефа, — говорил я, — жена и дети. Ему грозит страшная смерть, если вы сообщите разоблачительный материал его обвинителям.

Но Лопухин взволнованно прервал меня:

— Вся жизнь этого человека — сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас — революционерам. Пора уже положить конец этой преступной

двойной игре.

— Он и сам заканчивает эту полосу своей жизни, — возразил я. — Он решил вернуться в частную жизнь. А кроме того, — добавил я со всей внушительностью, — не вам ведь в данном случае приходится решать. Вы знаете о деятельности Азефа за время вашей работы в Департаменте; все, что вам известно, является служебной тайной. Вы не можете раскрыть эти тайны революционерам. Насколько я знаю, революционный суд хочет вызвать вас в качестве свидетеля. Если вы появитесь на таком суде, то тем самым примете на себя бремя вины за убийство Азефа и совершите тяжкое нарушение судебной тайны... Неужели вы хотите принять участие в революционной кровавой расправе?

Мои весьма решительные, хотя по форме не резкие, слова произвели заметное впечатление на Лопухина. Но они воздействовали главным образом на его настроение, он все больше волновался, но по существу не делал уступок. Мне казалось, он чувствовал, что зашел слишком далеко, но уже не мог вернуться назад. Результатом нашей получасовой беседы явилось его заявление:

— Перед революционным судом я не появлюсь. Это абсолютно исключено. Но я вам откровенно скажу: если меня спросят, я скажу правду. Я не привык лгать.

Мы распростились весьма корректно. Но я ушел внутренне возмущенный, с тяжелым сердцем и чувством злобы к Лопухину. Не было сомнений, Лопухин уже решил предать Азефа. Для меня это был двойной удар: это означало не только окончательную потерю для меня Азефа, но также крах моей веры в порядочность и государственную ценность человека, которого я в течение лет серьезно уважал.

После этой беседы с Лопухиным я вновь увидел Азефа.

— Вы правы, — сказал я ему, — дело скверно. Я ничего не мог достичь. Лопухин хочет выступить против вас. Вы должны быть готовы ко всему. И, к сожалению, я очень мало что могу для вас сделать.

Азеф уже не ждал ничего хорошего. Мне казалось, что он наполовину уже помирился с неизбежной судьбой. Я снабдил его несколькими хорошими фальшивыми паспортами, дабы он мог где-нибудь на белом свете скрыться от своих преследователей. В качестве последнего оклада я выплатил две или три тысячи рублей.

Он обещал осведомлять меня обо всем, что случится, и простился со мной. Это был наш последний разговор. Больше я Азефа не видел.

Через несколько недель мне доложили, что Лопухин

готовится к заграничной поездке. Он поехал в Лондон и там, как мне сообщили мои агенты, сопровождавшие его в пути, он имел встречу с членами Центрального комитета Партии социалистов-революционеров Черновым, Аргуновым и Савинковым. Бывший директор Департамента полиции и личный друг Плеве заседал вместе с террористом Савинковым, организатором убийства Плеве

Я не сомневаюсь, что на этом свидании он выдал без остатка Азефа революционным судьям. Перед отъездом за границу он отправил Столыпину письмо, представлявшее своего рода протест против моей попытки на него воздействовать. В этом письме он совершенно превратно изобразил мой визит к нему в таких красках, как будто я насильственно к нему вторгся в квартиру и под угрозой добивался от него того, что противоречило всем его понятиям о морали. И он просил в заключение оградить его семью от дальнейших насилий.

В действительности это письмо должно было явиться для общественного мнения решающим свидетельством против Азефа. Заверенную копию этого письма Лопухин передал в Лондоне социалистам-революционерам, уполномочив их огласить его в печати Он, таким образом, не только предал полицейскую деятельность Азефа, но также попытки мои и Азефа в последний момент удержать его от этого акта предательства.

Таким путем судьба Азефа была предрешена. Вскоре после того был опубликован приговор Центрального комитета о «предателе и провокаторе» Азефе, и вся мировая пресса с упоением живописала воображаемые «ужасы и преступления» русской полиции{60}.

Азефу, благодаря моим паспортам, удалось бежать от революционеров, хотевших его прикончить. После многомесячных странствий по всему свету он поселился в Берлине под именем Александра Неймайера и провел последние годы своей жизни под видом купца.

Лопухину его предательство дорого обошлось. Столыпин доложил Царю эту взволновавшую всю Европу историю, рассказал ему, какую помощь оказал Азеф политической полиции, как он расстроил целый ряд покушений, направленных против ближайших советников Царя, и раскрыл заговор на жизнь самого Царя, а также описал предательскую роль Лопухина. Чрезвычайно возмущенный, Царь приказал начать судебное преследование предателя.

Через несколько дней после возвращения Лопухина из-за границы он был арестован на своей квартире. В феврале 1909 года суд приговорил его за нарушение служебной тайны и за

участие в деятельности Партии социалистов-революционеров к четырем годам каторги. Вторая судебная инстанция смягчила наказание до пожизненной ссылки в Сибирь. В 1913 году, после четырехлетнего пребывания в Сибири, Лопухин по амнистии был возвращен в Петербург.

Глава 20. АЗЕФ - КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

После того как Центральный комитет Партии социалистов-революционеров опубликовал свой «приговор», разоблачавший Азефа, последний сразу стал одним из наиболее известных людей в мире. Газеты всех пяти частей света посвящали ему обширнейшие статьи, в которых быль была обильно подправлена всякими небылицами. Революционеры, которым деятельность Азефа причинила столько вреда, пытались теперь использовать это разоблачение в своих интересах. Всякое средство им казалось дозволенным, если только оно вело к цели: помогало дискредитировать русское правительство. Если верить им, то выходило, что Азеф был организатором и руководителем всех без исключения террористических покушений, имевших место в России за время с 1902 по 1908 год, и что все эти покушения делались не только при попустительстве, но часто и с прямого одобрения высших руководителей русской политической полиции Так, они утверждали, что убийство уфимского губернатора Богдановича Азеф организовал с одобрения тогдашнего министра Плеве, потому что жена Богдановича была любовницей Плеве и последний хотел избавиться от надоевшего мужа. Убийство самого Плеве было организовано Азефом якобы по поручению Рачковского, которого Плеве жестоко обидел. Очень много выдумок распространялось и про меня и о моем сотрудничестве с Азефом. Особенно много усилий в этой области потратил историк В.Л. Бурцев. В течение нескольких лет он издавал за границей специальную газету «Общее дело»[{61}], в которой почти из номера в номер печатал статью на тему «Столыпин, Герасимов и Азеф», доказывая, что мы втроем были главными организаторами покушений последних лет. К сожалению, русское правительство в свое время не нашло нужным всем этим утверждениям противопоставить точное расследование деятельности Азефа за все 15 лет его работы для политической полиции. В результате вокруг Азефа сложилось масса легенд, из которых многие в представлении доверчивых читателей держатся еще и до сих пор. Фигура Азефа постепенно выросла в фигуру мелодраматического злодея, равного которому не знал мир... В наши дни я являюсь, кажется, единственным оставшимся в живых деятелем русской политической полиции, который в течение долгого времени стоял в личном общении с Азефом и, быть может, лучше, чем кто-либо, знал, насколько мало соответствует действительности подобное изображение Азефа. Ввиду всего этого мне кажется полезным в дополнение к тем фактическим данным, которые я привел в

предыдущих главах, дать краткую общую характеристику Азефа каким он был в действительности. То, что я буду говорить, расходится с шаблонными о нем представлениями. Поэтому я знаю, что мне не удастся переубедить многих из моих читателей. Но я буду удовлетворен, если смогу хотя бы в некоторых из них пробудить скептическое отношение к той легенде, в которую теперь заковали Азефа, и желание самим критически разобраться в имеющемся достоверном материале.

Мои сношения с Азефом ограничиваются двумя последними годами его службы в политической полиции — с мая 1906 года, когда я его принял от Рачковского, и до июня 1908-го, когда он уехал за границу До апреля 1906 года я его не знал, и о его тогдашней деятельности мне судить очень трудно. Чтобы разобраться в ней, следовало бы по меньшей мере изучить дела о Центральном комитете Партии социалистов-революционеров и об ее Боевой организации, хранящиеся в архиве Департамента полиции. Только тогда можно было бы установить всю правду о том периоде деятельности Азефа. Но уже теперь я могу утверждать, что далеко не все обвинения, выдвинутые против Азефа в связи с его деятельностью в 1902—1905 годах, основательны. Как известно, наиболее тяжелым обвинением против него является утверждение, что он организовал и руководил убийством министра Плеве (15 июля 1904). Революционеры-мемуаристы во главе с Б.В. Савинковым рассказывают, что Азеф знал имена всех участников готовившегося покушения, знал все их квартиры — и не сообщил их полиции. В ответ на это я могу привести следующий совершенно достоверный факт. Когда в 1908 году против Азефа в революционных кругах особенно настойчиво стали выдвигать обвинения в предательстве, он однажды попросил меня извлечь из архива Департамента полиции и уничтожить все имеющиеся там документы относительно его службы. Он опасался, что кто-либо из служащих Департамента может выкрасть эти документы и продать их революционерам, после оказалось, что его опасения были вполне основательны, - предателей среди чиновников Департамента полиции оказалось немало. Удовлетворить его просьбу было нелегко, но мне удалось ее выполнить. Я просмотрел тогда в Департаменте полиции целый ряд дел и извлек из них целый ряд документов, компрометирующих Азефа в глазах революционеров. Все эти документы я сжег{62} — в их числе было письмо Азефа, посланное им в начале апреля 1904 года из-за границы лично на имя А.А Лопухина (тогда он был директором Департамента полиции) с сообщением, что Центральный комитет Партии социалистов-революционеров

поручил Егору Сазонову организовать боевую группу для убийства Плеве и ассигновал на это предприятие 7000 рублей. Были ли Департаментом полиции получены от Азефа более подробные сведения по этому делу, мне тогда установить не удалось. Но из этого факта несомненно, что нить для поисков Азеф с самого начала руководителям политической полиции дал; его указаний было вполне достаточно, чтобы предупредить убийство Плеве. И уже не вина Азефа, если этим указанием руководители политической полиции воспользоваться не сумели.

Вообще, было бы чрезвычайно ошибочно представлять задачу секретного сотрудника так, будто он должен сам собирать все сведения, узнавать все адреса и подносить полиции свои сообщения в готовом виде: идите и арестовывайте. Этим работа политической полиции, конечно, была бы облегчена, но себя самого сотрудник в два дня погубил бы. Он должен был бы ставить революционерам много вопросов, навлекая тем самым на себя подозрения, которые после первых же арестов превратились бы в уверенность, что они в его лице имеют дело с предателем. Умение беречь агента должно принадлежать к числу главных талантов руководителей политической полиции. Последние должны уметь довольствоваться получением от своих секретных агентов, помимо общей информации, только немногих опорных пунктов, которые позволили бы поставить внешнее наблюдение, — а уж это последнее должно было выяснить всех участников заговора. Именно этого умения не было, по-видимому, у лиц, руководивших деятельностью Азефа в 1903—1905 годах. Позднее Азеф мне на них не раз жаловался, рассказывая, как требовательны они были и как неосторожно обращались с полученными от него сведениями. В целом ряде случаев они своими необдуманными действиями ставили его на самую грань разоблачения, подводя его, как он говорил, под пули революционеров. Он не скрывал, что это заставляло его быть сдержанным и сообщать полиции не все имевшиеся у него сведения. И я не могу ставить ему это в вину: секретные сотрудники в положении Азефа постоянно рискуют своей жизнью, это неизбежно, но нельзя же от него требовать, чтобы он не принимал мер предосторожности Это нужно даже в интересах того дела, которому он служит: он должен быть героем — но не самоубийцей.

Но, повторяю, все это только мои предположения. О деятельности Азефа за время до апреля 1906 года я знаю только понаслышке и авторитетным свидетелем быть не могу. Иначе обстоит дело с двумя последними годами его службы в полиции. В течение этих лет он работал под моим руководством, и за всю

его деятельность этого периода я принимаю на себя полную ответственность Говорю это я в полном сознании всей серьезности такого заявления.

Против Азефа выдвигаются обвинения двух родов. С одной стороны, его обвиняют в том, что он организовывал и доводил до успешного исхода покушения против видных представителей правительственной власти; с другой — в том, что он занимался провокацией революционеров. Прежде всего остановлюсь на этом последнем обвинении. Словом «провокация» у нас очень злоупотребляют. Каждый секретный сотрудник, который сообщает политической полиции о планах революционеров, по терминологии последних — провокатор. Молоденький киевский студент Р., случайно узнавший о приезде в Киев тогдашней главы Боевой организации социалистов-революционеров Григория Гершуни и сообщивший об этом начальнику местного охранного отделения, немедленно был обвинен в провокации{63}. Подобное употребление слова «провокация», конечно, совершенно неправильно. И по смыслу самого этого слова, и по законодательству всех стран провокатором является тот, кто сначала подбивает людей на те или иные революционные действия, а затем предает их полиции. Ничего подобного Азеф не делал. Даже из воспоминаний самих социалистов-революционеров видно, что он никого не уговаривал идти в террористические организации. Желающих вступить в такие организации тогда оказывалось больше, чем эти организации могли бы вместить. Особенно много было желающих вступить в центральную Боевую организацию, руководителем которой был Азеф, — ему оставалось только делать выбор Его можно было бы обвинить в том, что он отвечал отказом не всем желающим, а только части Но хорош был бы руководитель террористической организации, который гонит с ее порога всех без исключения. Он, конечно, навлек бы на себя подозрения и должен был бы уступить свое место кому-нибудь другому. Далее из тех же воспоминаний революционеров мы знаем, что Азеф никогда сам не являлся инициатором покушений. Больше того, многие из них приводят примеры того, как Азеф в Центральном комитете Партии социалистов революционеров выступал против террора, доказывал его невозможность и т.д. Решения продолжать террористическую борьбу обычно принимались против желания Азефа. Правда, после того как решение было принято, Азеф обычно соглашался руководить подготовкой покушения. Но я лучше, чем кто бы то ни было, знаю, что он это делал только для того, чтобы расстроить покушение и по возможности не допустить гибели той революционной молодежи, которая входила в состав

террористических организаций. Некоторые из революционеров изображают его каким-то злодеем, который был рад посылать людей на виселицу. Я могу удостоверить, что всегда, когда он только мог, он просил меня или совсем не арестовывать членов руководимой им организации, или ограничиться в отношении их минимальными наказаниями. Это вполне сходилось и с моей точкой зрения, которая нашла одобрение со стороны П.А. Столыпина. Я не стану, конечно, изображать себя принципиальным противником смертной казни. Я знаю, что в известной обстановке она является необходимой. Если люди выходят на улицу с оружием в руках, то их уже нельзя убедить словами, а можно победить только оружием же. И нельзя в периоды открытой революционной борьбы ограничиваться заключением в тюрьму тех, кто совершал покушение, убивал верных защитников правительства. Государство не только имеет право, но и обязано защищать себя от надвигающихся на него волн анархии. Именно поэтому я признавал смертную казнь неизбежной. Но я никогда не считал ее желательной — и бывал рад, если мне удавалось повести дело так, чтобы можно было обойтись без применения ее. Таковы были взгляды мои и Азефа, и я смело утверждаю, что, работая под моим руководством, Азеф не только не послал на виселицу многих людей, которые сами себе не готовили этой участи, а, наоборот, спас многих от этой судьбы. Конечно, из террористов, выданных Азефом, целый ряд был казнен, — назову для примера Зильберберга, Никитенко, Лебедин-цева, Распутину. Но достаточно ознакомиться с их биографиями, чтобы понять, как нелепо, даже смешно звучит в отношении их утверждение, будто они были «спровоцированы» Азефом. Все они сами вполне сознательно выбирали свой жизненный путь, по своей доброй воле и совершенно осознанно, никем не подстрекаемые, готовили те преступные деяния, за которые были позднее осуждены. Азеф не «провоцировал» их — он только более или менее успешно мешал осуществлению их планов.

Так же несправедливо обвинение, будто Азеф, выдавая полиции одно из готовившихся покушений, позволял революционерам, с ведома правительства, доводить до успешного конца другие: все эти утверждения основаны на рассказах революционеров, которые прежде всего хотели скомпрометировать русское правительство, а потому валили на голову Азефа быль вместе с небылицами. Конечно, за годы работы Азефа под моим руководством даже в Петербурге было совершено немало успешных террористических покушений, но все они осуществлены группами, к которым Азеф не имел прямого

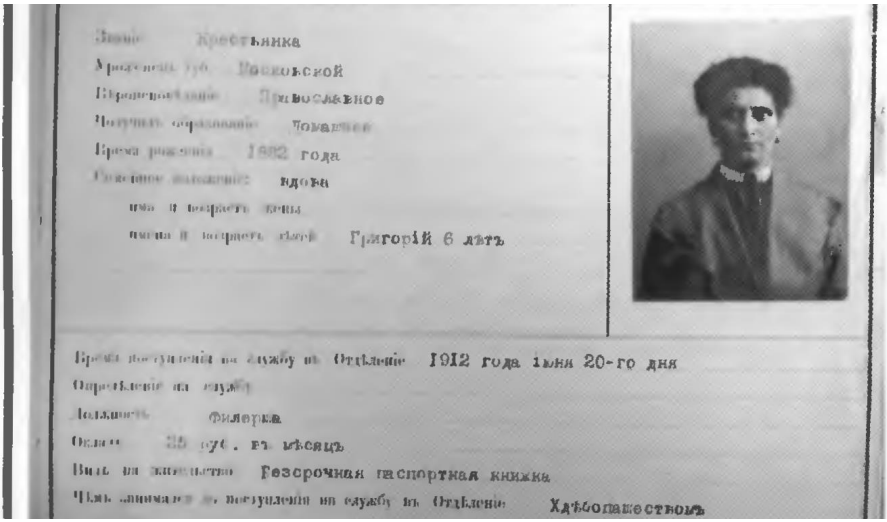
отношения. Надо знать внутренние порядки в террористической организации. Одна и та же организация не может готовить одновременно целый ряд покушений. Поэтому начиная с 1903 года в Петербурге было создано несколько боевых групп, действовавших совершенно самостоятельно и имевших особые задачи. Азеф добился того, что весь так называемый «центральный террор», т.е. террор против Царя, Великих князей и министров, был в исключительном ведении той Боевой организации, руководителем которой он был. (Только в самом конце, зимой 1907—1908 года, право покушений на министров было предоставлено и группе Лебединцева—Распутиной.) Право совершения покушений на всех других представителей правительства было предоставлено другим группам — в первую очередь группе «Карла» (Трауберга). Азеф тогда же мне сказал, что он может нести ответственность за деятельность только центральной Боевой организации, но не всех мелких террористических групп. Если бы он стал интересоваться работой последних, то он легко навлек бы на себя новые подозрения — и потерял бы возможность приносить ту пользу, которую он приносил, стоя во главе центральной Боевой организации. Это было вполне правильно, и я не мог с ним не согласиться, а потому заявил ему, что он может совсем не интересоваться этими мелкими группами, не наводить никаких справок и сообщать мне о них только те сведения, которые случайно становятся ему известными. Это свое решение (в свое время я, конечно, сообщил о нем Столыпину) я и сейчас считаю правильным. Правда, этим указанием я ограничил круг деятельности Азефа. При известных усилиях с его стороны он, быть может, мог бы собрать сведения, которые помогли бы мне предупредить такие террористические акты, как убийство генерала Мина, начальника дерябинской тюрьмы Гудимы и др., но зато — я уверен — Азеф тогда был бы разоблачен не в конце 1908 года, а годом или двумя раньше, и я, следовательно, остался бы без его помощи во время предприятий, организованных Никитенко, Лебединцевым, во время подготовки большого покушения на Царя и пр. А тот, кто прочел предыдущие главы моих воспоминаний, знает, насколько его помощь для меня в этих делах была важна.

Я решительно утверждаю: если бы я не имел в это время своим сотрудником такого человека, как Азеф, занимавшего в партии центральное положение, политической полиции, несмотря на все ее старания, почти наверно не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов. А трудно себе представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906—1907 годах совершить два-три

удачных «центральных» террористических акта. Надо знать, какое смятение вносили такие террористические акты в ряды правительства. Все министры — люди, и все они дорожат своей жизнью. Когда они начинали чувствовать себя в опасности, вся работа расстраивалась. Растерянность правительства в 1904—1905 годах во многом объяснялась паникой, созданной успешными покушениями на Плеве и Великого князя Сергея Александровича. Если бы в дни 1-й Государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше.

Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора огромны. И мы должны не ставить ему в вину то, что он не все покушения предупредил, а быть благодарны за то, как много террористических актов он все же расстроил. Таково мое глубокое убеждение и поныне.

За два года руководства Азефом я имел возможность близко с ним познакомиться и хорошо понять его. Я не принадлежу к числу людей, доверчивых по своей натуре. Род моей работы в особенности располагал меня к недоверчивому отношению к людям. Первые мои встречи с Азефом тоже далеко не были способны увеличить мое к нему доверие. Скорее наоборот. В особенности история с покушением на Дубасова заставляла меня быть в отношении него постоянно настороже. Но, по мере того как я его узнавал, мое недоверие постепенно исчезало. Мне приходилось встречать в печати утверждения, что я, принимая Азефа в свое ведение, знал об его прежней двойной игре и ребром поставил перед ним вопрос: или служи мне верой и правдой, или ты пойдешь на виселицу. Эти утверждения совершенно неправильны. Повторяю: я и теперь не знаю, были ли в прежней деятельности Азефа моменты, дающие право обвинять его в двойной игре. Во всяком случае, в то время я никаких подозрений против него не имел и никто таких подозрений в моем присутствии не высказывал, никто даже намеками не давал мне о них понять. Что же касается угрозы виселицей, которую я якобы употребил против Азефа, то я должен сказать, что я сознательно никогда не допускал угроз в моих общениях с секретными сотрудниками.



Звание Крестьянка
Уездная губ. Московской
Вероисповедание Православное
Получил образование Домашнее
Время рождения 1882 года
Семейное положение вдова
имя и возраст жены
имена и возраст детей Григорій 6 лѣтъ

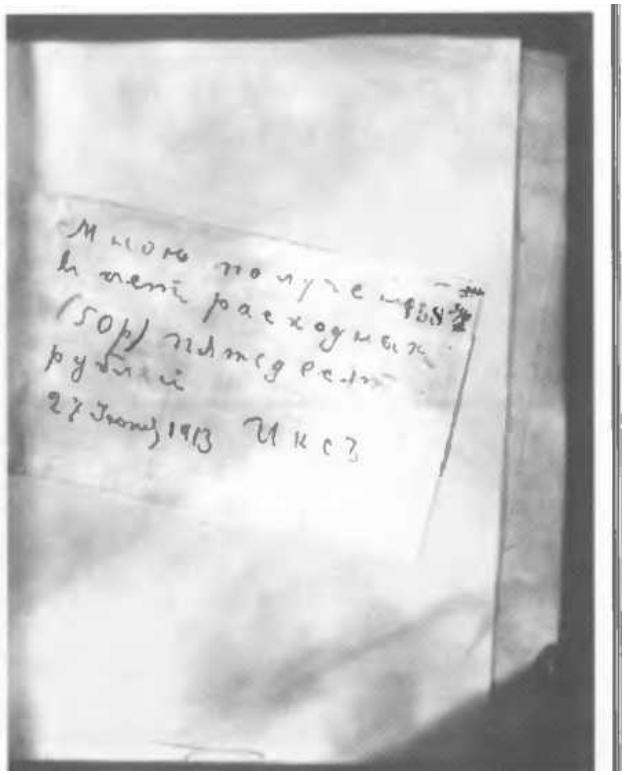
Время поступленія на службу въ Отдѣленіе 1912 года іюня 20-го дня
Опредѣленіе на службу
Должность Филерша
Окладъ 25 руб. въ мѣсяцъ
Видъ на жительство Безсрочная паспортная книжка
Чѣмъ занимался до поступленія на службу въ Отдѣленіе Хозяйствомъ

Послужной лист филера П. Федоровой

САВИНКОЗЪ, Борисъ Викторовъ,
лѣтъ 32, выше средняго рос-
та, тѣлосложенія тонкаго,
глаза раскосые, взглядъ ис-
подлобья, св. шатенъ, лицо ху-
дощавое продолговатое, лобъ
высокій, носъ съ небольшой
горбинкой, усы средней вели-
чины каштановаго цвѣта, бо-

Карманный альбом филера с фотографиями членов партии эсеров

Фотографии Н. Климовой из альбома филера



Расписка
Малиновского
в получении денег

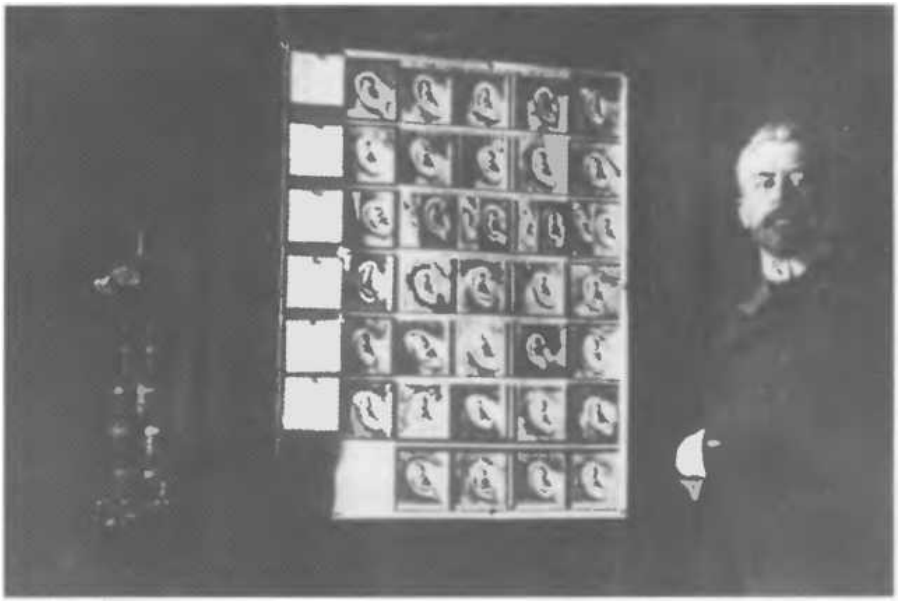
Обложка дела, заведенного В.М. Пуришкевич на Г.К. Распутина в 1910 г.

Императрица Александра Федоровна и великий князь Дмитрий Павлович

Г.Е. Распутин с членами царской семьи. Стоит: великая княжна Ольга. Сидят (слева направо): великая княжна Анастасия, цесаревич Алексей, императрица Александра Федоровна

Ф.Ф. Юсупов с женой 1914 г.

А Г. Васильев



В.И. Лебедев — руководитель восьмого делопроизводства Департамента полиции во время занятий с офицерами на курсах при штабе Корпуса жандармов

Здание Петербургского губернского жандармского управления

Фасад здания штаба Корпуса жандармов

Дача П.А. Столыпина после взрыва. 1906 г.

Карета казначейства после нападения на неё эсеров на набережной Екатерининского канала. Октябрь 1906 г.

Запугивание — самый плохой путь к вербовке секретных сотрудников. Человек, загнанный в сотрудники угрозами, никогда не будет хорошо работать. Он всегда будет ненавидеть своего полицейского руководителя — и будет готов изменить ему, предать его революционерам. История русской политической полиции знает целый ряд тому примеров. Меньше всего запугивание допустимо в отношении таких сотрудников, которые, подобно Азефу, работали в террористических предприятиях. В таких случаях применение угроз почти всегда приводило к острым конфликтам, очень часто к прямым покушениям.

По всем этим соображениям я никогда и мысли не допускал о возможности угроз против Азефа. Конечно, после Дубасовского дела я дал ему понять, что я тщательно за ним слежу и проверяю все его сообщения. Несомненно также, что Азеф, как умный человек, должен был легко догадаться, что я не принадлежу к числу людей, которые позволяют водить себя за нос. Но все же главной моей задачей было убедить его в совсем ином: в том, что он вполне может рассчитывать на мою осторожность и осмотрительность. Я старался показать ему, что он может относиться ко мне с полным доверием; что я никогда не сделаю ни одного шага, который может поставить его в рискованное положение; что я понимаю всю сложность и опасность его положения и прилагаю все усилия к тому, чтобы облегчить его работу. Мне кажется, что Азеф очень скоро это понял, и именно это определило наши отношения. Чем ближе я с ним знакомился, тем больше он завоевывал мое доверие и даже дружеское к нему расположение. Я убежден, что и мне он отвечал тем же.

Для удобства моей работы я давно уже не жил на казенной квартире в здании охранного отделения, а снимал частную квартиру в городе. В 1906— 1907 годах я жил на Итальянской улице, 15, где снимал две меблированные комнаты с отдельным входом у вдовы, владелицы прачечного заведения. Своей квартирной хозяйке я назвался коммивояжером, чтобы легче было объяснить свой нерегулярный образ жизни и частые отлучки на один-два дня. Конечно, жил я здесь не под своим именем. Все эти предосторожности были необходимы: нерегулярный образ жизни, обусловленный характером моей работы, привел к тому, что на предыдущей моей конспиративной квартире хозяйка заподозрила меня в чем-то неладном и донесла в уголовную полицию. Последняя установила за моей квартирой наблюдение, которое я, конечно, сейчас же заметил. Мне легко было бы рассеять это недоразумение, достаточно было моего телефонного звонка начальнику уголовной полиции. Но я предпочел не раскрывать своего инкогнито и попросту переменил и квартиру и паспорт. На Итальянской я прописался под именем Невского.

На мою квартиру на Итальянской ежедневно приходил служитель из охранного отделения, к которому я питал особое доверие. Он убирал комнату, затапливал печку, готовил завтрак и будил меня. Кроме него эту мою квартиру знал только один человек — Азеф. Только этот последний бывал моим гостем. Встречались мы с ним регулярно раза два в неделю в заранее условленные часы и дни, но он имел право, в особо важных случаях, приходить ко мне и вне очереди — только предупредив меня заранее по телефону. Эти визиты иногда длились часами. Обычно хозяйка ставила нам самовар, и мы, сидя в креслах, вели беседу. Мы говорили на самые разнообразные темы — не только о том, что непосредственно относилось к деятельности Азефа. Он был наблюдательный человек и хороший знаток людей. Меня каждый раз поражало и богатство его памяти, и умение понимать мотивы поведения самых разнокалиберных людей, и вообще способность быстро ориентироваться в самых сложных и запутанных обстановках. Достаточно было назвать имя какого-либо человека, имевшего отношение к революционному лагерю, чтобы Азеф дал о нем подробную справку. Часто оказывалось, что он знает об интересующем меня лице все: его прошлое и настоящее, его личную жизнь, его планы и намерения, честолюбив ли он, не чересчур ли хвастлив, его отношение к другим людям, друзьям и врагам. В своих рассказах и характеристиках он не был зложелателен по отношению к людям. Но видно было, что по-настоящему он мало кого уважает. И к тому же плохие и слабые черты людей он умел замечать легче и

лучше, чем их хорошие черты.

Эти разговоры мне всегда много давали. Именно Азеф дал мне настоящее знание революционного подполья, особенно крупных его представителей.

Во время наших бесед касались мы, конечно, и общеполитических вопросов. По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных революционных методах действия. Вначале я этим его заявлениям не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собствен ников.

Меня всегда удивляло, как он, с его взглядами, не только попал в ряды революционеров, но и выдвинулся в их среде на одно из самых руководящих мест. Азеф отделывался от ответа незначащими фразами, вроде того, что «так случилось» Я понял, что он не хочет говорить на эту тему, и не настаивал. Загадка так и осталась для меня неразгаданной.

Глава 21. УСПОКОЕНИЕСТРАНЫ

Ревельское свидание прошло благополучно. Группа Распутиной-Лебединцева была последней террористической группой, внушавшей мне большую тревогу. Боевая организация, готовившая покушения на Царя, существовала и позднее. Ее члены до самого разоблачения Азефа сидели в Финляндии и строили разные планы. Но все они были у меня под стеклянным колпаком и беспокойства мне не доставляли. Суд над Азефом и последовавшее затем его разоблачение их окончательно деморализовали Люди потеряли доверие друг к другу, каждый стал в каждом видеть предателя В этих условиях им было не до покушений. Террор перестал быть опасен для правительства.

Затихло и общее революционное движение в стране. Помнится, в течение всей зимы 1908—1909 года в Петербурге не существовало ни одной тайной типографии, не выходило ни одной нелегальной газеты, не работала ни одна революционная организация. Так же обстояло дело почти повсюду в России После бурных лет 1904—1907 наконец наступило то самое успокоение, о котором мечтал Столыпин, когда говорил в Думе: «Сначала успокоение, а потом реформы». Возможность мирной и успешной работы для хозяйственного и культурного подъема страны была создана.

Я решил воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами и поехать на отдых Я имел на него все права. В течение четырех лет — с момента моего переезда в Петербург — я не имел ни одного отпускного дня. Эти годы были годами непрерывного напряжения и трепки нервов. Все время приходилось жить как боевому офицеру во время похода. Редко-редко мне удавалось спать больше 4—5 часов в сутки Часто приходилось спать урывками, не раздеваясь, где-нибудь на диване. И есть приходилось как попало, на ходу. Голова постоянно была полна разных забот и тревог. И все это время надо было работать под постоянной угрозой покушений на мою жизнь. Я не рассказывал о них выше, так как ни тогда, ни теперь не уделял им много внимания. Моя жизнь, конечно, имела мало значения, когда на карте стояли жизни Государя, Столыпина, министров... Но таких покушении готовилось немало. Помню, у максималистов был разработан план, который состоял в том, что груженная динамитом повозка должна была въехать во двор охранного отделения (под видом повозки с арестованными) и здесь быть взорвана. Динамиту было заготовлено так много, что все огромное здание охранного отделения было бы разрушено и

под его развалинами были бы погребены все руководители этого отделения, со мной во главе. В другом случае террористы (отряд «Карла») перетянули на свою сторону одного из мелких служащих моего отделения, который сначала доставлял им сведения о внутренних порядках в нашем учреждении, а затем согласился убить меня в моем служебном кабинете. Обычно мне удавалось заблаговременно узнавать обо всех этих проектах и расстраивать их, не допуская до покушений. Но много опасностей грозило и при случайных встречах. Приходилось быть постоянно начеку — а это, конечно, не могло не действовать на нервы

В результате мой чрезвычайно крепкий организм стал заметно сдавать. Это замечал и Столыпин, а потому не стал возражать, когда я в начале весны 1909 года заговорил о предоставлении мне продолжительного отпуска. Он только хотел, чтобы я отложил этот отпуск на вторую половину лета, дабы было можно возложить на меня охрану Царя во время готовившихся тогда торжеств по случаю 200-летия битвы под Полтавой. Мне казалось это излишним: я считал, что страна успокоена и что никакой опасности Государю не грозит. В доказательство правильности этого моего вывода я представил Столыпину нечто вроде итогового обзора положения дел в революционном лагере. После продолжительной беседы Столыпин согласился с этим моим мнением.

Вскоре той же темы Столыпин коснулся во время одного из своих очередных докладов. Шла речь о поездке в Полтаву, и Столыпин сказал: «Ваше Величество, по мнению генерала Герасимова, Вам во время этой поездки никакой опасности не грозит. Он считает, что революция вообще подавлена и что Вы можете теперь свободно ездить, куда хотите».

Возвращаясь со мной после этого доклада, — это была едва ли не последняя моя поездка вместе со Столыпиным в Царское Село, — Петр Аркадьевич с удивлением и большой горечью рассказывал, как поразил его ответ Государя. Вместо удовлетворения и благодарности, которые Столыпин рассчитывал услышать, в словах Государя прорвалось раздражение- «Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция .. Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному».

Полковник Думбадзе был тогда комендантом Ялты, летней резиденции Государя. Он отличался беспощадным преследованием мирных евреев, которых он с нарушением всех законов выселял из Ялты, и разными резкими выходками, только

раздражавшими население. Об его методе действий лучше всего дает представление один случай. Как-то раз (кажется, в ту самую зиму 1908—1909) на Думбадзе было совершено покушение{64}. Неизвестный стрелял в него на улице и скрылся затем в саду прилегавшего дома, перепрыгнув через забор. Думбадзе вызвал войска, оцепил дом и арестовал всех его обитателей, а затем приказал снести сам дом с лица земли артиллерийским огнем. Приказ был исполнен...

Впечатление от этого распоряжения было огромное. Домовладелец принес жалобу в Сенат... Никаких доказательств его причастности к покушению, конечно, не имелось. Террорист успел скрыться и не был пойман. В уничтоженном доме он не жил и, очевидно, совсем случайно выбрал это место для своего покушения, как мог выбрать и любое другое место у церковной ограды, городского сада и т.д. Все русские газеты были полны подробных рассказов о подвигах ялтинской артиллерии. Много писала об этом происшествии и иностранная пресса, стараясь использовать действие бравого полковника для подрыва авторитета русского правительства. Только органы крайних правых партий были очень довольны поведением Думбадзе и повсюду его рекламировали как одного из тех «сильных» и «смелых» людей, которые не похожи на наше якобы расхлябанное правительство и которые должны теперь быть призваны к власти.

Слова Государя о Думбадзе показывали, что на него эта проповедь правой печати произвела впечатление Именно поэтому они так болезненно задели П.А. Столыпина. Он долго не мог успокоиться. Почти всю дорогу из Царского Села наш разговор вертелся вокруг этой темы

— Как скоро он забыл, — говорил Столыпин про Государя, — обо всех пережитых опасностях и о том, как много сделано, чтобы их устранить, чтобы вывести страну из того тяжелого состояния, в котором она находилась.

Не могу сказать, чтобы и на меня эти слова Государя не произвели того же впечатления... Решение уйти в отпуск надолго окрепло Я хотел иметь возможность хорошо отдохнуть и полечиться. Конечно, при отъезде на столь продолжительное время я не мог сохранить за собой пост начальника охранного отделения, который был передан другому лицу — полковнику Карпову. Я на этот пост возвращаться и не собирался. В разговорах, которые я имел в это время со Столыпиным, он совершенно определенно намекал, что хочет взять меня на должность своего товарища министра, с возложением руководства всей политической полицией в империи. Он вел этот счет без хозяина...

С революционным движением было покончено. «Успокоение», которого желал Столыпин, было достигнуто, но на пути мирного строительства выросла новая опасность. Она шла на этот раз с другой стороны, из лагеря крайне правых реакционных групп. Чтобы было понятно дальнейшее, я должен вернуться назад — к периоду, когда у нас правые партии только-только начали возникать.

Глава 22. ТЕРРОРИСТЫ СПРАВА

Мне пришлось присутствовать, можно сказать, при самом зарождении крайне правой, монархической организации. Вспоминаю, что еще в октябре 1905 года (до издания Манифеста 17 октября), в то время, когда повсюду шли демонстрации и стачки, я как-то в разговоре с Рачковским высказал удивление, почему не делаются попытки создать какую-нибудь открытую организацию, которая активно противодействовала бы вредному влиянию революционеров на народные массы. В ответ на это мое замечание Рач-ковский сообщил мне, что попытки в этом отношении у нас делаются, и обещал познакомить меня с доктором Дубровиным, который взял на себя инициативу создания монархической организации. Действительно, через несколько дней, вскоре после объявления Манифеста 17 октября, на квартире Рачковского я встретился с Дубровиным и еще с одним руководителем этой новой организации, инженером Тришатным. Доктор Дубровин произвел на меня впечатление очень увлекающегося, не вполне положительного человека, но искреннего монархиста, возмущенного революционной разрухой, желающего все свои силы отдать на борьбу с революционным движением. После мне рассказали, что он имел в качестве врача очень большую практику и хорошо зарабатывал, но забросил ее ради своей деятельности в монархической организации. Однако все его многоречивые рассуждения свидетельствовали о некоторой неосновательности его. Если поверить его словам, то стоило ему только клич кликнуть, и от революционеров следа не останется. Я по своей должности начальника политической полиции лучше кого бы то ни было знал, что дело обстоит далеко не так просто, и пытался перевести разговор на более конкретные вопросы, — что и как можно делать представителям монархического движения. Особенно рекомендовал я посылать своих ораторов на революционные митинги, где они открыто боролись бы против революционных идей. Дубровин говорил, что это легко сделать и что он, конечно, будет посылать на митинги своих людей. У меня далеко не было уверенности, что это действительно будет сделано. Но так как идею подобной организации я всемерно приветствовал, то, несмотря на свой некоторый скептицизм, я при расставании высказал основателям ее самые лучшие пожелания. В последующие месяцы я не раз слышал о деятельности этой организации, получившей название Союза русского народа, но по обилию работы не мог ни принимать участия в ее деятельности, ни подробно ею

интересоваться. Я только уполномочил Михаила Яковлева, одного из подчиненных мне полицейских чиновников, вступить в этот Союз и в случае нужды информировать меня обо всем важном, что там происходит.

Расцвет Союза русского народа начался в 1906 году после назначения петербургским градоначальником фон дер Лауница. Последний с самого начала своего появления в Петербурге вошел в ряды Союза русского народа и стал его неизменным покровителем и заступником. Едва ли не по его инициативе, во всяком случае при его активной поддержке, при СРН была создана особая боевая дружина, во главе которой стоял Юскевич-Красковский. Всем членам этой дружины было от Лауница выдано оружие. Так как Лауниц был в известной мере моим официальным начальством, то мне приходилось раз-два в неделю бывать у него с докладом. Обычно я приезжал к нему ночью, около 12 часов, и почти не бывало случая, чтобы я не заставал в его большой квартире на Гороховой полную переднюю боеви-ков-дружинников СРН. Моя информация об этих дружинниках была далеко не благоприятная. Среди них было немало людей с уголовным прошлым. Я, конечно, обо всем этом докладывал Лауницу, советуя ему не особенно доверять сведениям, идущим из этого источника. Но Лауниц за всех за них стоял горой.

— Это настоящие русские люди, — говорил он, — связанные с простым народом, хорошо знающие его настроения, думы, желания. Наша беда в том, что мы с ними мало считаемся. А они все знают лучше нас...

Именно этой дружиной СРН было организовано в июле 1906 года убийство члена 1-й Государственной думы кадета М.Я. Герценштейна. Он жил в Финляндии недалеко от Петербурга. Во время одной из прогулок его подкараулили дружинники, застрелили и скрылись. Непосредственные исполнители этого террористического акта справа были люди темные, пьяницы. Именно благодаря этому и выплыла наружу вся история. Как мне доложил мой Яковлев, за убийство профессора Герценштейна было получено от Лауница 2000 рублей, которых исполнители между собой не поделили. Начались между ними споры — и все дошло до газет. Охранному отделению, конечно, все это в подробностях было известно, но принять против дружинников какие-нибудь самостоятельные меры я не мог, ибо Лауниц, покрывавший их, был моим начальником. Единственное, что я мог сделать, это доложить обо всем Столыпину. Тот брезгливо поморщился:

— Я скажу, чтобы Лауниц бросил это дело...

Не знаю, сказал ли он это Лауницу. Во всяком случае,

несомненно, что Лауниц в своей деятельности имел очень сильную поддержку среди очень высокопоставленных придворных.

Более серьезно мне пришлось столкнуться с боевой дружиной СРН и его покровителем Лауницем, когда члены этой дружины стали вторгаться в мою область. Это было, кажется, осенью 1906 года, когда в охранное отделение ко мне поступило несколько жалоб относительно «пропаж» ценных вещей во время обысков. Я приказал произвести расследование. Мне дали справку о том, что таких обысков чины охранного отделения вообще не производили При дальнейшем расследовании выяснилось, что Лауниц выдавал членам боевой дружины СРН удостоверения на право производства обысков. Опираясь на это удостоверение, дружинники являлись в участки, брали с собой чинов наружной полиции и вместе с ними производили те обыски, какие находили нужными. Подобные действия, естественно, меня возмутили, так как они компрометировали полицию в глазах населения, тем более что при таких именно обысках и происходили «пропажи» ценных вещей. Я подробно доложил об этом Столыпину, который всецело разделил мое возмущение и вызвал для объяснения Лауница. Во время этого объяснения я повторил ту характеристику боевой дружины СРН, которую я раньше давал в беседах с Лауницем, и настаивал на категорическом запрещении ей вторгаться в компетенцию полиции. Лауниц энергично защищал дружину и особенно расхваливал Юскевича-Красковского. «Если Красковский сказал, — говорил он, — то, значит, это правда. Он хорошо знает...» Но заступничество Лауница не помогло. Столыпин решительно запретил СРН вмешиваться в действия полиции.

— Если у Красковского, — заявил он, — имеются какие-нибудь интересные сведения, пусть он сообщит их полковнику Герасимову... Самочинных же действий быть не должно.

Это объяснение сильно задело самолюбие Лауница, который в это время уже метил весьма высоко и, почти не скрываясь, критиковал действия Столыпина, находя его чересчур «либеральным». Вначале Лауниц пытался и меня завербовать в свой лагерь. Он знал меня по Харькову еще совсем молодым офицером и на основании этого старого знакомства несколько раз заводил со мной разговоры на тему о том, куда же Столыпин ведет Россию. Поняв из моих ответов, что во мне он не найдет союзника против Столыпина, Лауниц стал относиться ко мне с недоверием и раздражением. Как мне передавали, в СРН начали разговоры о том, что Лауниц хочет меня сместить и на мое место назначить Юскевича-Красковского.

Последний был весьма неумным человеком и к тому же очень падким на деньги. Лауниц тем не менее верил ему и постоянно давал себя обманывать. Помню, одно время Лауниц стал носиться с планом обезвредить революционеров... скупив все имеющееся у них оружие. Устроить это дело ему обещал Красковский — лишь бы деньги. С представлением об ассигновке некоторых сумм на эту цель Лауниц обратился к Столыпину. Запрошенный Столыпиным, я отозвался очень резко об этом... неумном плане. Тем не менее Лауниц откуда-то добыл денег и вскоре с большим апломбом заявил о своем огромном успехе: ему удалось купить у революционеров пулемет, заплатив за него 2000 рублей. Столыпин просил меня расследовать этот случай. Удалось выяснить, что пулемет был выкраден из ораниенбаумской стрелковой офицерской школы — очевидно, теми самыми людьми, которые продали его Лауницу. Я доложил об этом Столыпину, который много смеялся.

Постепенно эти столкновения выросли до настоящей борьбы между охранным отделением и Лауницем. Последний мне не доверял и даже распорядился не охранять его чинами охранного отделения. «Меня охраняют мои русские люди», — заявил он. Именно это его доверие к охране дружинников из СРН заставило его не послушаться моего предостережения в роковой для него день...

В феврале 1907 года мне пришлось столкнуться с новым террористическим актом правых, а именно — с покушением на Витте. Общеизвестно, что вся печать СРН с первых дней вела ожесточенную травлю графа Витте, видя в нем главного виновника всех несчастий, постигнувших Россию. Его называли «жидомасоном», говорили, что он мечтает стать президентом будущей республики, и чуть не требовали предания его суду. Не ограничиваясь угрозами, дружинники СРН делали попытки организовать покушения на жизнь Витте, к счастью неудачные.

Первая попытка была в феврале 1907 года. Мне дали знать по телефону о том, что в доме бывшего председателя Совета министров графа С.Ю. Витте найдена адская машина. Я немедленно поехал на место и застал уже там полицию, судебного следователя и прочих. Оказалось, что через дымовую трубу в крыше в камин, находящийся в столовой графа Витте, был спущен мешок, в котором было приблизительно два фунта охотничьего пороха, часовой механизм от старого будильника с плохо приделанными капсулями. Не бомба, а детская игрушка. К тому же механизм часов был испорчен, почему взрыв и вообще не мог произойти. Для меня достаточно было беглого взгляда на эту «адскую машину», чтобы понять, что это не дело рук

революционеров. Так грубо и неумело повести дело могли только дружинники СРН. По понятным причинам высказать это открыто я не мог. А потому, когда Витте, присутствовавший при осмотре, спросил меня, кто, по моему мнению, мог быть автором этого покушения, я ответил ему: «Не знаю. — Правда, прибавив: — Во всяком случае, это не революционеры...»

Вечером я сделал доклад Столыпину, не скрыв от него, что все это является грубой проделкой СРН. Столыпин был возмущен.

— Это настоящее безобразие, — говорил он — Эти люди совершенно не понимают, в какое трудное положение они ставят меня, все правительство. Пора принимать против них решительные меры.

Но уже очень скоро выяснилось, что о решительных мерах не может быть и речи. При Дворе к покушению отнеслись совсем по-иному, многие влиятельные люди там злорадствовали. Да и общее отношение к СРН там становилось все более положительным. Дворцовый комендант Дедюлин, назначенный на это место после смерти Трепова как человек не политический, питал большую симпатию к СРН. Именно через его посредничество устраивались аудиенции у Государя доктору Дубровину и другим деятелям СРН. Активную поддержку последнему оказывали и многие крайне правые сановники из числа находившихся в оппозиции к Столыпину. Все они с лучшей стороны аттестовали эту организацию перед Царем. В этих условиях расследование о покушениях правых на графа Витте, производимое судебными властями, велось с таким расчетом, чтобы никаких нитей найти нельзя было. А печать СРН после этого покушения писала, что Витте сам на себя устроил это покушение, чтобы таким путем обратить на себя внимание

Выяснению дела не помогло даже убийство Казанцева, агента Московского охранного отделения. Его труп был найден в июне 1907 года на одной из окраин Петербурга. Имевшиеся при нем документы устанавливали его личность, а также его несомненную причастность к подготовке нового покушения на Витте. Он привез из Москвы динамит, которым должна была быть заряжена бомба, предназначавшаяся для Витте. В записной книжке Казанцева имелись адреса конспиративных квартир Московского охранного отделения. Не было сомнений, что и динамит получен оттуда же и что все предприятие организовано с ведома начальника этого отделения, полковника Климовича. Все эти данные были мною собраны и препровождены в Департамент полиции, где они и были похоронены. После смерти Лауница Московское охранное отделение стало центром боевых предприятий СРН вообще. В Москве был убит член 2-й Государственной думы Иоллос. Но

агенты Москвы раскидывали свою деятельность не только на Петербург и Москву, но и на провинцию. Так, помню, мне пришлось установить, что ими было организовано и убийство депутата Караева в Екатеринославе.

Надо сказать, что в Москве вообще царили особые нравы. Характерен в этом отношении запомнившийся мне эпизод, связанный с покушением на Курлова. Однажды, зимой 1905—1906 года, агент Московского охранного отделения, известная впоследствии Жученко, сообщила своему начальству, что ей поручено революционной организацией доставить бомбу в Минск для покушения на минского губернатора Курлова, и просила дать указания, как ей быть. Начальник отделения полковник Климович и его помощник фон Коттен решили, что бомбу она должна отвезти по назначению, но в таком виде, чтобы она не могла взорваться. Фон Коттен, бывший артиллерист, сам вынул детонатор из бомбы, после чего Жученко отвезла ее в Минск. Неудивительно, что брошенная бомба не взорвалась, хотя попала Курлову, кажется, в голову. Бросивший бомбу революционер был схвачен и повешен. Все эти подробности я слышал впоследствии лично от фон Колена. Я указал ему на недопустимость таких действий со стороны охранного отделения, но он в ответ только засмеялся...

Смерть Лауница, может быть, замедлила конфликт между Столыпиным и крайними правыми, который постепенно нарастал, но, во всяком случае, она его не приостановила. Особенно обострились отношения в период 2-й Государственной думы. В то время как Столыпин, распуская антигосударственную 2-ю думу, стремился создать на ее месте такую Думу, которая поддержала бы его в работе по преобразованию страны, Союз русского народа под руководством Дубровина стремился вообще к полному уничтожению всяких представительных учреждений в России. Для того чтобы противодействовать Столыпину и добиться своей максимальной цели, Дубровиным, между прочим, была организована особая депутация к Царю во главе с известным впоследствии иеромонахом Илиодором. В эту депутацию входило 10—12 человек, жителей Царицына и прилегающих к нему местностей с Волги. Прибыв в Петербург, они заявились ко мне с рекомендацией от Дубровина. Имя Илиодора мне было знакомо. О нем очень хорошо отзывался Лауниц, считавший его талантливым, патриотическим агитатором. Поэтому я с большим интересом познакомился с ним лично. Он произвел на меня впечатление фанатика, почти нервнобольного человека: худой, кожа да кости, с небольшой реденькой черной бородкой, с блестящими глазами, горячей речью. В разговоре он все время

сбивался на тон оратора, пересыпая свою речь цитатами из Священного Писания. Он несомненно должен был импонировать нервным людям, но на спокойного и рассудительного человека он не мог произвести большого впечатления. Меня он старался убедить в том, что игра с Государственной думой опасна, что ее надо уничтожить и твердо держаться старого догмата о божественном происхождении царской власти, ни в чем не отступая от этого принципа. Даже сам Царь, говорил он, не имеет права изменить этот основной закон. Уходя, он должен сдать свое царство таким, каким его получил при вступлении на трон. Именно для этого и приехал Илиодор в Петербург, чтобы добиться аудиенции у Царя и убедить его отклонить все новшества и вернуться к положению, существовавшему до 1905 года. Государственную думу Илиодор ненавидел с бешеной злобой и совершенно серьезно говорил о том, что нужно бросить бомбу в левую часть Государственной думы.

Если в общем Илиодор произвел на меня отрицательное впечатление, то от спутников его я вынес впечатление прямо отталкивающее. Все они, земляки Илиодора, принадлежали буквально, я не преувеличиваю, к оборванцам. Некультурные, малограмотные люди. Так как в столице им негде было жить, а Дубровин просил меня их приютить, я отвел для них несколько свободных камер при охранном отделении и за счет отделения кормил их. Помню, мне было жалко отпустить им рацион в размере, обычно отпускаемом арестованным: для последних брали обед в ресторане по 1 рублю на человека; для членов этой делегации я ассигновал по 30 копеек на харчи.

Обо всем этом я, конечно, доложил Столыпину, сделав вывод, что эту депутацию ни в коем случае нельзя близко подпускать к царскому дворцу. Столыпин вполне согласился со мной и заявил, что этих людей надо просто услать из столицы. Я взялся устроить это мирным способом. Делегации дали прожить несколько дней в Петербурге. Я приставил к ним одного из моих политических надзирателей, который водил их в Петропавловскую крепость, показывал разные церкви и прочее. Потом дней через пять выдали им деньги на дорогу и препроводили на вокзал. Депутаты были даже благодарны и просили провожавшего их надзирателя особо благодарить меня за прием. Илиодора в их числе не было. Он ко мне больше не являлся. Я слышал, что он поселился у архимандрита Феофана, тогда ректора Петербургской духовной академии.

Эта депутация была началом большой кампании, которую пытался развернуть СРН в пользу изменения основных законов и уничтожения Государственной думы. В период между 2-й и 3-й

Государственными думами, когда измененный избирательный закон дал возможность государственно настроенным элементам бороться против засилья левых, мне пришлось много раз встречаться с Дубровиным и вести с ним разговоры на политические темы. Помню, однажды он заявил мне, что если бы СРН принял участие в выборах в 1-ю и 2-ю Государственные думы, то состав Думы был бы однороден, так как все члены Государственной думы принадлежали бы к СРН. Но СРН участвовать в выборах не может, так как считает Государственную думу противозаконным учреждением. Как верный монархист, говорил Дубровин, я не имею права своим участием санкционировать существование этого сборища, посягающего на неограниченные права Монарха. Между прочим, в заключение этой нашей беседы я высказал предположение, недалекое от истины, что СРН, по всей вероятности, не принимает участия в выборах потому, что у Союза нет лозунгов, могущих привлечь к себе население, и отсутствуют интеллигентные силы, необходимые для ведения предвыборной агитации.

В процессе этих разговоров мои отношения с Дубровиным несколько улучшились — правда, очень ненадолго. Причиной нашего окончательного разрыва был следующий эпизод. СРН существовал на деньги, получаемые от правительства и официальными, и неофициальными путями. В 1906— 1907 годах много денег отпустил Союзу Столыпин, кажется, через товарища министра внутренних дел Крыжановского. Летом 1907 года, когда отношения между Столыпиным и СРН начали портиться, в выдачах произошла заминка. Тогда Дубровин обратился ко мне с просьбой о посредничестве. Я ему прямо сказал, что я хотел бы ему помочь, но не знаю, как я могу это сделать, когда газета Дубровина «Русское знамя»{65}, не стесняясь, ведет резкую кампанию против Столыпина. Дубровин начал уверять меня, что все это одно недоразумение. Все объясняется отсутствием у него времени. Если бы он это знал, он читал бы все статьи и никогда бы их не пропустил. Я поставил прямым условием моего заступничества обещание Дубровина прекратить нападки на Столыпина. Дубровин такое обещание дал, поклявшись перед иконой. Мой разговор со Столыпиным на эту тему не принадлежал к числу особенно приятных. Он не хотел давать денег и говорил, что плохо верит в клятву Дубровина. В конце концов он уступил и распорядился о выдаче 25 тысяч рублей. Деньги были выданы, а буквально на следующий день я прочел в «Русском знамени» одну из наиболее резких статей, направленную против Столыпина, какие когда-либо в этой газете появлялись. Я немедленно вызвал Дубровина и осыпал его

упреками. «В какое положение вы меня ставите? Ведь вы же перед иконой клялись», — напал я на него. У Дубровина был очень сконфуженный вид. Глаза у него бегали, и на икону, на которую я все время указывал, он смотреть упорно избегал. А по существу он повторил опять старые оговорки о том, что он статьи не читал, что напечатана она без его ведома и прочее. Я сказал ему пару неприятных фраз, и с тех пор он уже у меня не был.

Столыпин после введения избирательного закона 3 июня{66} был в чрезвычайно активном и бодром настроении. Наконец-то, говорил он, будет созвана работоспособная Государственная дума и обеспечено в ней правительственное большинство. Такую Государственную думу следует всемерно укреплять. В сущности, Столыпин и в период первых двух Дум никогда не переставал подчеркивать, — и это простить ему не могли сторонники СРН, — что он не против представительных учреждений вообще, а только против данного несбалансированного состава Думы. Он являлся решительным противником всяких, обильно возникавших тогда планов о полном уничтожении представительных учреждений в России. Мне приходилось не раз в беседах с ним выслушивать его мнение, что для России институт Государственной думы очень нужен и что русские порядки во многом необходимо перестроить на новый лад. Когда начала функционировать 3-я Государственная дума, Столыпин искренне стремился работать вместе с нею и старался поддерживать хорошие личные отношения с лидерами думских фракций. Большинство в новой Государственной думе принадлежало к партии «Союз 17 октября». Левый фланг Государственной думы, куда входили социал-демократы и трудовики, был незначителен. Партия конституционалистов-де-мократов устами своего лидера П.Н. Милюкова пыталась в общем отмежеваться от всякой связи с революционными и социалистическими течениями. Одним словом, в Думе складывалось большинство консервативное, благожелательное планам Столыпина. Из руководящих представителей думского большинства Столыпин особенно высоко ценил председателя «Союза 17 октября» А.И. Гучкова, который бывал у него по два раза в неделю. СРН по вышеизложенным соображениям не .принял участия в выборах и продолжал по-прежнему свою кампанию против Столыпина и против Государственной думы, которую Столыпин защищал

В центре государственных задач того времени стояла аграрная проблема, которую Столыпин хотел решить путем наделения крестьян землею при посредстве Крестьянского земельного банка и превращения их таким образом в мелких собственников Аграрная программа Столыпина, получившая

выражение в законе 9 ноября 1906 года[67], вызвала весьма различное и часто враждебное отношение к себе в разных кругах общества. Прежде всего пришлось преодолевать сопротивление великокняжеских кругов, высказавшихся против отчуждения кабинетских и удельных земель. Государь поддерживал в этом вопросе Столыпина и лично говорил в его пользу со всеми Великими князьями Упорнее других сопротивлялся Великий князь Владимир Александрович, не сдававшийся на убеждения Царя. По указанию Царя, Столыпин лично повидал Великого князя и доказал ему, насколько проектируемая аграрная реформа необходима. Великий князь с доводами Столыпина в конце концов согласился.

До издания закона Столыпин стремился выяснить и отношение к нему думских и внедумских групп По собранным тогда сведениям революционные партии видели в столыпинской реформе явную угрозу развитию революционного движения среди крестьянства. Социалисты-революционеры, например, считали, что разрушение крестьянской общины и разрешение свободного выхода из нее означает потерю основного базиса для социалистической пропаганды в деревне Превращение крестьян в собственников укрепит существующий государственный строй и ослабит шансы революции. Кадетская партия имела свой собственный проект аграрной реформы, допускавший принудительное отчуждение, хотя и по справедливой оценке, частновладельческих и государственных земель в пользу крестьян, и также высказывалась против проекта Столыпина. Тогда принудительное отчуждение земель и в форме, предлагаемой партией конституционных демократов, казалось с государственной точки зрения абсолютно неприемлемым, как нарушение принципа собственности.

По иным соображениям высказался Союз русского народа против аграрного проекта Столыпина. Дубровин видел в крестьянской общине один из самых надежных устоев самодержавного строя Проведение столыпинских проектов выгодно, мол, только жидомасонам, стремящимся поколебать самодержавный строй.

В результате всей этой разноголосицы, царившей в русском обществе, аграрный закон Столыпина хотя и прошел в Государственной думе, но начавшаяся против него слева и справа агитация сделала свое дело, затормозила его проведение в жизнь и умалила его благотворное значение. Достаточно сказать, что к 1917 году не более 30% крестьян оказались собственниками, остальные же не пожелали выйти из общин, и тем создалась благоприятная почва для революции.

Я упоминал уже о той кампании, которую систематически вели против Столыпина как деятели СРН, так и близкие к этой организации отдельные сановники и придворные. Имея довольно свободный доступ к Государю, они пользовались аудиенциями, чтобы подвергать критике политику Столыпина и вызвать недоверие к его начинаниям. Они указывали Государю, что популярность Столыпина растет в ущерб популярности самого Государя. Охваченные завистью к крупной государственной роли, которую уже к концу 2-й Государственной думы начал, по общему признанию, играть Столыпин, они не останавливались перед тем, чтобы умалить его заслуги в прошлом и извратить события даже совсем недавнего времени. Так, с одной стороны, уверяли Государя, что никакого революционного движения в России и не было и что поэтому Столыпин никакой революции не подавлял и не мог подавлять. Напротив, небольшие революционные вспышки, бывшие в стране, объяснялись только недопустимой слабостью власти. Но, с другой стороны, Государю говорили, что Столыпин проявляет и до сих пор крайне опасный либерализм, что 3-я Государственная дума, которую он так отстаивает, представляет собой чисто революционное учреждение и что Россия стоит накануне новой революции, которая грозит все смести.

Чтобы убедить Царя в необходимости уничтожить Думу, Дубровин организовал целый поход СРН против Столыпина. В самом начале 3-й Государственной думы все провинциальные отделения СРН, по указанию Дубровина, начали посылать царю верноподданнические телеграммы с просьбой об уничтожении Государственной думы. Об этих телеграммах я узнал от Столыпина, возвращаясь с ним как-то из Царского Села. По-видимому, Столыпину пришлось выдержать нелегкую борьбу, потому что он был взволнован и не скрыл своего раздражения, говоря о СРН и его телеграммах. Я предложил ему произвести в провинции проверку этих телеграмм и их отправителей. Столыпину идея эта понравилась, и я немедленно отправил телеграфный запрос во все жандармские и охранные отделения с просьбой дать точную справку об организациях СРН вообще и специально о тех лицах, которые подписали указанные телеграммы. Ответы были получены больше чем из 100 пунктов В большинстве они были прямо убийственны для СРН. Состав отделов и подотделов СРН обычно не превышал 10—20 человек. Руководителями же были часто люди опороченные, проворовавшиеся чиновники или исправники, выгнанные за взятки со службы; некоторые до настоящего времени стояли под судом и следствием. На основании полученных телеграмм я

составил справку и передал ее Столыпину. Он был рад получить такой материал — и не замедлил представить его Царю. На Царя собранные сведения, по-видимому, произвели впечатление, во всяком случае на некоторое время.

3-я Государственная дума, между прочим, по предложению Столыпина, вынесла постановление, осуждающее политический террор. По этому поводу говорили, что такое постановление, вынесенное столыпинской Думой, не пользующейся доверием народа, не имеет никакого значения. Очевидно, что те, кто так говорил, не знали или не поняли, что тут речь идет также о террористах справа, находивших себе прибежище в монархической организации Союза русского народа.

Глава 23. ТЕМНЫЕ СИЛЫ

Особенно опасным для судеб России это крайне реакционное движение стало тогда, когда ему на помощь пришли так называемые «темные силы». Иными путями, нежели пути революционеров, новому врагу русской государственности удалось пробраться к самому подножью царского трона и из этого пункта взорвать все основы существовавшего в России порядка. Опасность, которую таили в себе эти силы, я видел с самого начала — но в борьбе против них я мог участие принять только в самом начале: я пал одной из первых жертв этого нового врага, не менее страшного, чем революционеры.

Как известно, Государь Николай II отличался сильной склонностью к мистицизму. Ее он унаследовал от своих предков. В начале его царствования многие питали надежды на то, что под влиянием своей жены — образованной женщины, одно время даже, кажется, слушавшей лекции в Оксфорде, — Царь излечится от излишнего мистицизма. Жизнь не оправдала этих надежд Не Царь под влиянием недавней оксфордской студентки повернул от мистицизма к трезвому реализму, а, наоборот, Царица под его влиянием вдарилась в такой мистицизм, равного которому мы не найдем в биографиях членов нашего царственного дома. Не оказали благотворного влияния на нее и события эпохи 1904—1906 годов. Наоборот, вместо того чтобы заставить ее серьезно заняться вопросами необходимого переустройства русской государственной жизни, тревоги, пережитые во время революции, только еще дальше толкнули ее в область мистических настроений. Надо сказать, события этих лет вообще вызвали сильный рост мистических увлечений в высших классах общества. В петербургских салонах, игравших в придворных кругах такую заметную роль и наложивших свою роковую печать на общие судьбы России, наперебой занимались спиритизмом, вертели столы, вызывали духов и т.д. Ко мне самому не раз поступали предложения обратиться к посредничеству различных медиумов, которые якобы способны были помочь мне в деле обнаружения революционеров. Конечно, все такие предложения я отклонял и не скрывал, что своим секретным сотрудникам я верю больше, чем всем медиумам мира, вместе взятым. Между прочим, мои насмешки над этими спиритическими забавами и были одной из причин отрицательного отношения ко мне лиц, игравших роль в подобных салонах. Я это знал, но относился к этому совершенно безразлично, считая, что они ничем повредить мне не могут. Это было верно, но только до поры до времени, пока во мне

нуждались.

Среди таких салонов особенно значительную роль играли салоны Великих княгинь Анастасии и Милицы — дочерей князя Николая Черногорского, вышедших в Петербурге замуж за Великих князей Николая и Петра Николаевичей. Их салоны всегда были полны разных странников, знахарей, монахов, юродивых и пр. Среди них немало попадалось людей темных и подозрительных, которых не пустил бы на порог своего дома всякий мало-мальски культурный человек. В салоне же «княгинь-черногорок» они были желанными гостями... А отсюда прямая дорога вела в царский дворец: и Милица, и особенно Анастасия в те годы были очень дружны с Государыней Александрой Федоровной.

Именно этим путем пробрался в царский дворец и Григорий Распутин, сыгравший такую роковую роль в жизни моей родины.

Это имя я впервые услыхал в конце 1908 года от дворцового коменданта генерала Дедюлина. Во время одной из наших встреч он задал мне вопрос, слышал ли я что-либо о некоем Григории Распутине. Это имя было мне совершенно незнакомо, и я поинтересовался узнать, почему им озабочен Дедюлин. Тогда Дедюлин рассказал мне, что человек, носящий это имя, за несколько дней перед тем был представлен Государыне Александре Федоровне. Встреча их состоялась на квартире фрейлины Вырубовой, доверенного друга Царицы. Распутин выдает себя за «старца», интересующегося религиозными вопросами, но по своим годам далеко еще не может быть отнесен к числу стариков. Дедюлину он показался подозрительным. Никаких сведений об его прошлом он узнать не мог и допускал, что в лице Распутина он имеет дело с революционером, быть может даже скрытым террористом, который таким путем пытается подойти поближе к царскому дворцу. Так как у Вырубовой бывал и Царь, который мог там встретиться с Распутиным, то Дедюлин просил меня с особой тщательностью навести о последнем все справки.

Я занялся этим делом. С одной стороны, я поручил своим агентам поставить наблюдение за Распутиным; с другой стороны, я навел справки в Сибири на его родине относительно его прошлого. С обеих сторон я получил самые неблагоприятные о нем сведения. Из Сибири прибыл доклад, из которого было видно, что Распутин за безнравственный образ жизни, за вовлечение в разврат девушек и женщин, за кражи и за всякие другие преступления не раз отбывал разные наказания и в конце концов вынужден был бежать из родной деревни. Мои агенты, следившие за Распутиным, подтвердили эти сведения о плохой

его нравственности; по их сообщениям, Распутин в Петербурге вел развратный образ жизни. Они не раз регистрировали, что он брал уличных женщин с Невского и проводил с ними ночи в подозрительных притонах. Опросили и некоторых из этих женщин. Они дали о своем «госте» весьма нелестные отзывы, рисуя его грязным и грубым развратником. Было ясно, что это человек, которого нельзя и на пушечный выстрел подпускать к царскому дворцу.

Когда я доложил Столыпину полученные мною сведения, я к глубочайшему изумлению узнал, что председатель Совета министров не имеет никакого представления даже о существовании Распутина. Чрезвычайно взволнованный, он сказал мне в эту нашу первую беседу о Распутине, что пребывание такого рода темных субъектов при дворе может привести к самым тяжелым последствиям. «Жизнь царской семьи, — говорил он, — должна быть чиста, как хрусталь. Если в народном сознании на царскую семью падет тяжелая тень, то весь моральный авторитет самодержца погибнет — и тогда может произойти самое плохое». Столыпин заявил, что он немедленно переговорит с Царем и положит решительный конец этой истории.

Это свое намерение П.А. Столыпин осуществил во время ближайшего доклада Царю. Об этом докладе у меня сохранились отчетливые воспоминания. Столыпин — это было необычно для него — волновался всю дорогу, когда мы ехали в Царское Село. С большим волнением и нескрываемой горечью он передал мне на обратном пути подробности из своей беседы с Царем. Он понимал, насколько щекотливой темы он касался, и чувствовал, что легко может навлечь на себя гнев Государя. Но не считал себя вправе не коснуться этого вопроса. После очередного доклада об общегосударственных делах, рассказывал Столыпин, он с большим колебанием поставил вопрос:

— Знакомо ли Вашему Величеству имя Григория Распутина?

Царь заметно насторожился, но затем спокойно ответил:

— Да. Государыня рассказала мне, что она несколько раз встречала его у Вырубовой. Это, по ее словам, очень интересный человек; странник, много ходивший по святым местам, хорошо знающий Священное Писание, и вообще человек святой жизни.

— А Ваше Величество его не видали? — спросил Столыпин

Царь сухо ответил:

— Нет.

— Простите, Ваше Величество, — возразил Столыпин, — но мне доложено иное.

— Кто же доложил это иное? — спросил Царь.

— Генерал Герасимов, — ответил Столыпин.

Столыпин здесь немного покривил душой. Я ничего не знал о встречах Государя с Распутиным и поэтому ничего об этом не говорил Столыпину. Но последний, как он мне объяснил, уловивши некоторые колебания и неуверенность в голосе Царя, понял, что Царь несомненно встречался с Распутиным и сам, а потому решил ссылкой на меня вырвать у Царя правдивый ответ.

Его уловка действительно подействовала. Царь после некоторых колебаний потупившись и с как бы извиняющейся усмешкой сказал:

— Ну, если генерал Герасимов так доложил, то я не буду оспаривать. Действительно, Государыня уговорила меня встретиться с Распутиным, и я видел его два раза... Но почему, собственно, это вас интересует? Ведь это мое личное дело, ничего общего с политикой не имеющее. Разве мы, я и моя жена, не можем иметь своих личных знакомых? Разве мы не можем встречаться со всеми, кто нас интересует?

Столыпин, тронутый беспомощностью Царя, представил ему свои соображения о том, что повелитель России не может даже и в личной жизни делать то, что ему вздумается. Он возвышается над всей страной, и весь народ смотрит на него. Ничто нечистое не должно соприкасаться с его особой. А встречи с Распутиным именно являются соприкосновением с таким нечистым, — и Столыпин со всей откровенностью сообщил Царю все те данные, которые я собрал о Распутине. Этот рассказ произвел на Царя большое впечатление. Он несколько раз переспрашивал Столыпина, точно ли проверены сообщаемые им подробности. Наконец, убедившись из этих данных, что Распутин действительно представляет собой неподходящее для него общество, Царь обещал, что он с этим «святым человеком» больше встречаться не будет.

На обратном пути из Царского Села Столыпин хотя и был взволнован, но казался облегченным, имея уже позади эту мучительную задачу. Он считал, что с Распутиным покончено. Я не был в этом так уверен. Прежде всего, мне в этом деле не нравилось, что Царь дал слово лишь за себя, а не за Царицу также. Но, кроме того, я знал, что Царь легко попадает под влияние своего окружения, к которому я относился без большого доверия. Характер моей деятельности неизбежно заставлял меня быть недоверчивым...

Поэтому я не только не прекратил наблюдение за Распутиным, а, наоборот, предписал даже усилить его. Ближайшие же дни подтвердили правильность моих опасений. Мои агенты сообщали, что Распутин не только не прекратил своих визитов к Вырубовой, но даже особенно зачастил с

поездками туда. Были установлены и случаи его встреч там с Государыней{68}.

Чтобы положить конец этому положению, становящемуся положительно нестерпимым, я предложил Столыпину выслать Распутина в административном порядке в Сибирь. По старым законам Столыпину как министру внутренних дел единолично принадлежало право бесконтрольной высылки в Сибирь лиц, отличающихся безнравственным образом жизни. Этим законом давно уже не пользовались, но формально отменен он не был, и возможность воспользоваться им существовала полная. После некоторых колебаний, вызванных опасением огласки, Столыпин дал свое согласие, но поставил обязательным условием: чтобы Распутин был арестован не в Царском Селе, дабы в случае, если это дело все же получит огласку, его никак нельзя было поставить в связь с царской семьей.

Я принял все возможные меры для того, чтобы сохранить в тайне принятое решение. Помню, я даже своей рукой написал текст постановления о высылке Распутина. Столыпин поставил свою подпись. И тем не менее привести наш план в исполнение не удалось. Не знаю, то ли о нем проведал кто-либо из высокопоставленных покровителей Распутина; то ли последний чутьем догадался, что над ним собирается гроза, но моим агентам все не удавалось увидеть его в такой обстановке, в которой можно было бы произвести арест, не привлекая к нему внимания. На своей квартире он вообще перестал появляться, ночуя у различных своих высокопоставленных покровителей. Один раз агентам удалось проследить его визит к Вырубовой. Они протелефонировали мне — и я отдал приказ арестовать его немедленно по возвращении в Петербург. Я был уверен, что на этот раз я обязательно буду иметь Распутина, но отряженные для ареста мои агенты явились без него. По их рассказу, Распутин, очевидно, догадался о предстоящем аресте, а потому по приезде в Петербург выскочил из вагона еще до полной остановки поезда и, подобрав полы своей длинной шубы, бегом пустился к выходу, где его ждал автомобиль. Агенты хотели задержать последний, но увидели, что это автомобиль Великого князя Петра Николаевича, мужа Великой княгини-«черногорки» Милицы Николаевны. Арест человека в великокняжеском автомобиле вызвал бы, конечно, много шума, и мои агенты на этот шаг не решились. Они только проследили этот автомобиль до ворот великокняжеского дворца.

Вся эта история меня раздражала. Столыпин каждый раз спрашивал, в каком положении дело, и мне приходилось сознаваться, что я ничего еще не успел. Поэтому я отдал приказ моим агентам день и ночь вести караулы у всех выходов из

дворца и, как только покажется Распутин, обязательно арестовать его, хотя бы с риском огласки. Несколько недель дежурили мои агенты, но Распутин не появлялся. Он сидел в великокняжеском дворце, войти куда я, конечно, не мог: если бы даже я решил не останавливаться перед огласка, то и тогда разрешить обыск в великокняжеском дворце мог только сам Царь.

Так продолжалось несколько недель, пока я не получил телеграммы с родины Распутина о том, что последний прибыл туда. Мои агенты не заметили, как он выбрался из дворца. Им это нельзя ставить в вину. Они совершенно откровенно говорили: из дворца нередко выезжали закрытые экипажи и автомобили. Нередко сквозь окно в них были видны фигуры Великого князя и княгини. Как было узнать, что в глубине сидит еще и Распутин? Останавливать и контролировать все выезжающие экипажи? Это дало бы делу такую огласку, за которую меня Столыпин совсем не поблагодарил бы.

Полученное сведение о прибытии Распутина на родину я сообщил Столыпину. Он был рад, что дело обошлось без ареста.

— Это самый мирный исход, — говорил он. — Дело обошлось без шума, а вновь сюда Распутин не покажется. Не посмеет. — И в заключение уничтожил свое постановление о высылке Распутина.

Я был иного мнения. Я был уверен, что после официальной высылки Распутина, когда он будет, так сказать, проштампован в качестве развратника, ему будет закрыта дорога и в царский дворец, и в Петербург вообще. Но я далеко не был уверен, что Распутин действительно «не посмеет» вернуться в Петербург теперь, когда отъезд его официально трактуется в качестве добровольного.

События оправдали мои опасения. У себя на родине Распутин прожил только несколько месяцев. Он грустил по жизни в Петербурге и жаждал власти, сладость которой он уже вкусил. Он только выждал, пока будут устранены препятствия для его возвращения. Среди таких препятствий Распутин и его сторонники на первом месте ставили меня: история относительно готовившейся высылки стала довольно широко известна, и против меня начался систематический поход.

Глава 24. ЗАГОВОР ПРОТИВ МЕНЯ

Подробности этого похода мне стали известны только много позднее, уже после революции. Многие детали его настолько невероятны, что в правильность их я поверил только после того, как сам, своими глазами, прочел тайные документы официальной переписки. Для этого похода было использовано сильно в свое время нашумевшее дело Петрова — социалиста-революционера, который стал сотрудником политической полиции, а затем взорвал на воздух своего полицейского руководителя, моего преемника на посту начальника Петербургского охранного отделения, полковника Карпова. Сущность этого дела сводится к следующему.

Александр Петров был молодым сельским учителем, кажется в Казанской губернии, когда началось революционное движение 1905 года. Он примкнул к социалистам-революционерам, вошел в террористическую группу и стал работать в динамитной лаборатории Во время случайного взрыва он получил тяжелое ранение и попал в руки полиции. Друзья организовали ему побег, на руках вынесли из тюремной больницы и увезли за границу. Там он долго лечился, вынужден был ампутировать ногу, но все эти мытарства не ослабили его революционного энтузиазма. Осенью 1908 года вместе с группой других социалистов-революционеров, во главе которой стоял Осип Минор, он отправился в Саратов. Эта группа носилась с планами создания сильных боевых дружин среди крестьян приволжских губерний. Предполагалось устроить фабрику бомб и развить так называемый аграрный террор, т.е. убийство помещиков, поджоги их усадеб и т.д. Конечной целью было устройство крестьянского восстания на Волге. Состав и планы этой группы были мне известны обо всем этом мне сообщил Азеф в одном из своих последних докладов, присланных уже из-за границы. Вскоре же после приезда в Саратов члены группы были взяты под наблюдение и затем, после выяснения ее состава, арестованы. В числе арестованных был и Петров, который занимался организацией динамитной лаборатории Он ясно сознавал, что ему грозит тяжелое наказание — самое меньшее многолетняя каторга, особенно тяжелая для больного, одноногого человека. Я не берусь судить, это или какое-либо другое обстоятельство явилось решающим Во всяком случае, в начале 1909 года Петров обратился к начальнику Саратовского жандармского управления с предложением стать секретным сотрудником. Саратовские власти не взяли на себя решение вопроса: Петров был привлечен

по серьезному делу, и освобождение его из тюрьмы было ответственным шагом; к тому же он занимал слишком крупное положение в партии, чтобы мог в будущем остаться на положении провинциального секретного сотрудника. Его все равно пришлось бы передать в центр. Поэтому начальник Саратовского губернского жандармского управления о предложении Петрова сообщил в Департамент полиции. Директор последнего вызвал меня для совещания. После разоблачения Азефа мы были сильно озабочены вопросом об усилении нашей разбитой этим разоблачением центральной агентуры по Партии социалистов-революционеров, и предложение Петрова приходило нам как нельзя более кстати. Его роль в партии и размеры его связей нам были известны. А потому не могло быть сомнений в том, что при умелой помощи с нашей стороны из него мог выработаться исключительно ценный секретный сотрудник. В этом смысле я и высказал свое мнение директору Департамента полиции, но, конечно, оговорил, что предварительно необходимо удостовериться в искренности намерений Петрова. Последнего решено было вытребовать в Петербург. Ведение с ним переговоров директор Департамента поручил мне.

Петров был доставлен в Петербург под конвоем и помещен при охранном отделении. Ему отвели хорошую комнату, хорошо кормили. Я прежде всего предложил ему написать подробную автобиографию с перечислением всех революционных дел, в которых он принимал участие. Петров это сделал. Я поручил проверить по делам охранного отделения и Департамента полиции все указания, приведенные им в этой автобиографии. Среди них было немало сообщений, до того времени нам не известных, хотя и не было ничего, что мы могли бы использовать для нужд текущего розыска. Во всех тех частях, которые поддавались проверке, рассказ Петрова подтвердился полностью. Было несомненно, что он говорит правду. Только после этого я начал вести с ним личные разговоры. В этих разговорах он произвел на меня впечатление человека, несколько надломленного всем пережитым, быть может вообще неуравновешенного, но безусловно искреннего. Особенно мне было интересно узнать, что именно заставило его внутренне порвать с революционным движением И на этот вопрос он ответил мне очень подробно и правдиво. Он говорил, что, будучи сельским учителем и работая затем в казанской боевой дружине, он сильно идеализировал революционеров и смотрел на них как на совсем особых людей, которым чужды все слабости и пороки. За границей он убедился, что это далеко не соответствует действительности. Здесь он узнал, что революционеры такие же

люди, как и все прочие, а многие из них и прямо нехорошие люди, авантюристы, развратники. Особенно тяжелое впечатление на него произвел Савинков, о котором он всегда отзывался с большой резкостью. С Савинковым у Петрова, оказывается, было и личное столкновение, так как Савинков не то отбил у Петрова невесту, не то грубо ее оскорбил. Разочаровавшись за границей в революционерах как людях, Петров по возвращении в Россию потерял веру и в революционное движение Здесь он, по его словам, убедился, что революционное движение не приносит пользу стране; что борьба революционеров против аграрной реформы Столыпина мешает росту крестьянского благосостояния и т.д. Еще до ареста мелькала у него мысль уйти из революционного лагеря. В тюрьме решение это созрело и оформилось, и он хочет не только уйти от революционеров, но и активно мешать их работе, расстраивать их планы, препятствовать им привлекать в свои ряды молодежь. Особенно привлекала его работа секретного сотрудника по Боевой организации, так как там он мог бы свести и свои личные счеты с Савинковым.

Все эти рассказы мне показались убедительными, и потому я высказался за прием Петрова на службу. Директор Департамента согласился с моим мнением и сделал соответствующее официальное представление Столыпину. Последний, после беседы со мной, дал свое официальное согласие.

Серьезным препятствием был вопрос об освобождении Петрова. Это освобождение надо было провести так, чтобы в революционных кругах не возникло против него никакого подозрения. Сам Петров сначала предлагал ограничиться в отношении большей части арестованных по одному с ним делу административной высылкой в Сибирь откуда он легко мог бы бежать. Этот проект я категорически отклонил: дело уже шло в порядке подготовки судебного процесса, да и не было смысла освобождать таких серьезных и опасных революционеров, как Осип Минор, который одно время входил даже в состав Центрального комитета Партии социалистов-революционеров и принимал участие в разработке террористических актов. Тогда Петров выдвинул план организации ему фиктивного побега из тюрьмы. Этот план состоял в следующем: после возвращения в саратовскую тюрьму Петров должен начать симулировать сумасшествие; при осторожной помощи политической полиции тюремные врачи, среди которых имелись люди, сочувствовавшие революционерам, легко дадут согласие на перевод Петрова на испытание в психиатрическую больницу; бежать оттуда было детским делом.

Этот план я одобрил, конечно испросив на проведение его в жизнь согласия Департамента полиции и Столыпина. Впоследствии устройство побега Петрова было одним из тех дел, которое мне особенно ставила в вину Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 1917 года. Несомненно формальное нарушение закона нами тогда было сделано. Но это небольшое нарушение закона давно уже стало своего рода традицией для политической полиции Впервые оно было совершено в 1882 году, когда Плеве, тогдашний директор Департамента полиции, организовал фиктивный побег из одесской тюрьмы Дегаева, с помошью которого затем была разгромлена партия «Народной воли». Неоднократно это нарушение закона политическая полиция совершала и позднее Такие фиктивные побеги иногда бывали необходимыми' если человек соглашался стать секретным сотрудни ком в период своего нахождения в тюрьме, то часто побеги являлись единственной возможностью вернуть его в революционные ряды, не вызвав против него подозрений.

На расходы по побегу Петров попросил 150 рублей, которые я ему и вручил. Помню, он при мне спрятал их в свою искусственную ногу, похвастaвшись, как ловко он устроил себе в ней маленький тайник. В этом была доля наивного хвастовства, очень характерного для Петрова, но меня эта черточка еще более укрепила в правильности моей оценки Петрова как несколько легкомысленного, но искреннего человека

Отказав Петрову в освобождении всех лиц, арестованных по одному с ним делу, я не смог отказать ему в просьбе об освобождении одного из членов этой группы, а именно Бартольда. Пребывание последнего на свободе было действительно чрезвычайно важно для успешности работы Петрова в качестве сотрудника. Бартольд, очень богатый человек, имел исключительно обширные связи в кругах социалистов-революционеров Он и давал деньги на партийные нужды, и щедро раздавал их взаймы видным партийным работникам лично. Многие смотрели на него как на несерьезного человека — таким, по-видимому, он и был в действительности. Но ему все доверяли, его дружбы все искали. Петров был очень близок с ним Именно Бартольд организовал в 1906 году побег Петрова из казанской тюрьмы С помощью Бартольда Петрову и в дальнейшем было легче всего закрепить свое положение на партийных верхах.

На осуществление этого плана ушло несколько месяцев. За это время я был назначен генералом для поручений при министре внутренних дел и по новой моей должности не имел никакого отношения к политическому розыску, а следовательно, и к делу

приобретения секретных агентов. Формально я вообще уже числился в отпуску. Но когда Петров, благополучно бежавший из саратовской психиатрической больницы, прибыл в Петербург, то Департамент полиции просил меня довести до конца начатые мною с Петровым переговоры. Я имел с ним несколько конспиративных свиданий. Он был значительно более нервен, чем в свой первый приезд. Очевидно, игра в сумасшедшего ему далась нелегко. Хотя ему было обеспечено содействие руководителей местной политической полиции, но тюремную администрацию в игру посвящать было невозможно, и с ее стороны Петрову пришлось во время своего «сумасшествия» немало претерпеть. Было ясно, что ему нужно дать время, чтобы отдохнуть и подлечиться, а это всего лучше было сделать, уехав за границу. Поездка туда рекомендовалась и интересами розыска. Петербург в это время, как я уже писал, был совершенно очищен от революционеров. Все партийные вожди перебрались за границу, главным образом в Париж. Поэтому именно там должен был быть и агент, задачей которого было освещение партийных центров. Я дал Петрову подробные инструкции насчет того, как он должен себя там вести. Я предупредил его, что в Париже он непременно попадет в поле зрения Бурцева, который будет допрашивать его о побеге и, возможно, установит за ним наблюдение своих агентов. Поэтому в своих сношениях с Департаментом он должен соблюдать крайнюю осторожность. Мы условились, что вслед за ним в Париж поедет особый жандармский офицер, подполковник Долгов, с которым Петров будет поддерживать связь и который будет оказывать ему нужную помощь. При расставании я передал Петрову 1500 рублей денег и браунинг, а также адрес, по которому он мог мне писать.

В разговорах с вице-директором Департамента полиции Виссарионовым я настойчиво советовал не медлить с посылкой Долгова. Из Петрова обещал выработаться ценнейший сотрудник, но его нужно было беречь. Особенно пугали меня его порывистость и нервность, которые могли повести к его провалу. Виссарионов дал мне самые торжественные заверения, что он последует моим указаниям, и я уехал на отдых, на Кавказские Воды, будучи убежден, что завербовал сотрудника, который скоро сможет хотя бы частично заменить Азефа. Тем больше было мое разочарование, когда, вернувшись в конце лета с Кавказа, я прочел ожидавшие меня два письма Петрова из Парижа. В первом из них он упрекал меня в обмане и предательстве его революционерам, на том основании, что подполковник Долгов не приехал вслед за ним в Париж, как было обещано. Содержание второго письма было таково, что у меня возникло подозрение, что

оно написано под диктовку революционеров: так неискренне и фальшиво оно звучало.

Я немедленно же отправился к директору Департамента полиции Нилу П. Зуеву, показал ему эти письма и откровенно высказал свои сомнения. Было отдано распоряжение о немедленном выезде в Париж Долгова, с которым я также имел продолжительную беседу. С Долговым же я послал Петрову письмо, в котором сообщал, что больше не имею отношения к делу розыска и поэтому прошу мне не писать, а сноситься с моим преемником на посту начальника Петербургского охранного отделения полковником Карповым.

Написать это последнее письмо меня побудили перемены, происшедшие в мое отсутствие из Петербурга. Высокопоставленные друзья Распутина, недовольные репрессиями против него со стороны политической полиции, приложили все усилия к тому, чтобы поставить во главе последней своего человека. Они правильно понимали, что только распоряжение аппаратом полиции даст ключ к действительной власти. Подходящим кандидатом на пост высшего руководителя политической полиции в этих сферах сочли Курлова — в прошлом того самого минского губернатора, покушение на которого с разряженной бомбой допустил Климович. Он в это время был видным деятелем крайних правых организаций и делал себе в высших кругах карьеру тем, что обличал «мягкость» и «либерализм» правительства Столыпина. Последний некоторое время противился назначению Курлова, но должен был уступить, после того как Государыня во время одной из аудиенций сказала ему:

— Только тогда, когда во главе политической полиции станет Курлов, я перестану бояться за жизнь Государя.

Уклониться от назначения Курлова после этого стало невозможно — и поэтому я, вернувшись из четырехмесячного отпуска, нашел его на том посту товарища министра внутренних дел, который был почти обещан мне. Конечно, после назначения Курлова стало невозможно и думать о высылке Распутина, а потому последний уже летом 1909 года снова появился в Петербурге. Теперь уже не делали секрета из его сношений с дворцом. Помню, в первые же дни моего возвращения в Петербург я сделал визит к дворцовому коменданту Дедюлину. Я его не застал, но виделся с его женой. Она только что вернулась домой с молебна, отслуженного в часовне, и рассказывала, что там молились Государыня и Распутин и что по окончании молебна Государыня, на глазах всех присутствовавших, поцеловала руку Распутина... Дедюлина, муж которой еще так недавно просил

меня установить за Распутиным полицейскую слежку, рассказывала об этом случае как о чем-то обычном. Для меня этот маленький эпизод лучше, чем что-либо другое, говорил о совершившихся за время моего отсутствия колоссальных переменах. Революционный террор больше не грозил Государю и его советникам, но надвигалась другая, еще горшая опасность, которой они не замечали. А я должен был только в бессилии наблюдать со стороны, как пройдоха-мужик в короткое время сделал то, что в течение десятков лет не удавалось сделать многим тысячам революционеров-интеллигентов: подорвать устои царской империи, готовить ее крушение...

Вполне естественно, что Курлов, встав во главе всего полицейского дела в империи, совершенно отстранил меня от всякого участия в деле розыска С этого времени не имел я сведений и о Петрове, хотя судьба последнего меня живо интересовала. Узнавать о нем стороной, от своих старых знакомых, я считал ниже своего достоинства. Попытка же получить сведения непосредственно от Курлова окончилась неудачей. На мой вопрос он ответил какой-то незначащей фразой, произнесенной к тому же с такой неохотой, что мне стало ясно его нежелание посвящать меня в дальнейшие детали этого дела.

В конце декабря 1909 года ко мне зашел один из чиновников охранного отделения Добровольский и передал письмо Петрова, который просил о свидании со мной. При создавшихся моих отношениях с Курдовым я не мог ответить иначе как отказом. Письмо Петрова я передал полковнику Карпову и просил его сообщить Петрову, что видеться с ним не могу, так как не имею отношения к политическому розыску. В этом же разговоре я, пользуясь случаем, спросил Карпова, надолго ли приехал Петров в Петербург и как он себя вообще чувствует. Карпов мне ответил, что Петров в Петербурге уже больше двух недель и что его поведение Карпову кажется несколько странным и непонятным. После некоторого колебания Карпов добавил, что он давно уже хотел поговорить об этом деле со мной, но получил от вице-директора Департамента полиции Виссарионова категорический приказ этой темы в разговоре со мной не затрагивать. Конечно, на этом наша беседа оборвалась.

Прошло не больше двух недель — и 18 декабря того же 1909 года я узнал о взрыве на Астраханской улице квартиры Петрова. Полковник Карпов был убит. Петров был задержан и предан суду. Газеты были переполнены сенсационными сообщениями о секретном сотруднике-террористе, который убил своего начальника. В Государственную думу было внесено несколько запросов. П.А. Столыпин в ответе торжественно обещал, что будет

произведено исчерпывающее расследование всего и что результаты его будут опубликованы. Но суд состоялся при закрытых дверях, отчеты о заседаниях не были опубликованы, и загадка Астраханской улицы так и осталась неразгаданной после того, как Петров взошел на эшафот. Я знаю только то, что проникло в печать: почти немедленно после взрыва я получил предписание экстренно отправиться в Иркутск для расследования какого-то столкновения между местными начальниками жандармского управления и охранного отделения. Если у меня и были сомнения о фиктивности этой командировки, то они исчезли после того, как я ознакомился с существом иркутского дела: оно не стоило и выеденного яйца.

Было ясно, что вся командировка только предлог для того, чтобы удалить меня из Петербурга во время следствия по делу Петрова. Меня очевидно ставили с ним в какую-то связь, но в какую — я не мог понять.

Вскоре после этого за границей были опубликованы записки А. Петрова{69}. Написанные в стиле дешевых уголовных романов, они были полны самых грубых выдумок. Стремясь защитить себя перед революционерами, Петров яркими красками расписывал свои вымышленные подвиги. Меня он рисовал каким-то злым искусителем. Из этих «записок» мне стала ясна трагедия, пережитая Петровым за границей. Взятый под наблюдение бурцев-скими детективами, запуганный позором разоблачения и не имеющий поддержки со стороны Департамента, он решил покаяться перед Бурцевым, причем изобразил дело так, будто все его сношения с полицией были игрой, затеянной для того, чтобы разоблачить секреты политической полиции и убить меня, как наиболее опасного (с его точки зрения) представителя последней. Для меня было ясно, что это объяснение не соответствовало действительности. Если Петров хотел меня убить, то он легко и без всякой для себя опасности имел возможность это сделать во время своего второго приезда в Петербург. Наши свидания происходили наедине, в конспиративной квартире, в которой никого, кроме нас двух, не было. Во время последнего свидания я сам дал ему браунинг и патроны. Ему ничего не стоило убить меня и скрыться затем через Финляндию с полученными от меня деньгами и паспортом. Если Петров этого не сделал, то, конечно, потому, что цели его переговоров со мной были совершенно иными. Но революционеры всего этого не знали, а потому поверили рассказам Петрова. Центральный комитет Партии социалистов-революционеров, до сведения которых Бурцев довел покаянную исповедь Петрова, признал поведение последнего преступлением по отношению к партии, но готов был

амнистировать его, если он осуществит свой замысел и убьет меня. Петрову не оставалось выбора, и он согласился. Для точного выполнения постановления Центрального комитета Петров был подчинен надзору двух своих друзей-террористов (после я узнал, что это был Бартольд, освобождения которого из саратовской тюрьмы Петров добился, и еще один, некто Луканов). Савинков снабдил их динамитом, и они втроем в ноябре 1909 года отправились в Петербург.

Весь этот рассказ Петрова был очень интересен, но и он не пояснял, что именно могли ставить мне в вину в связи со взрывом на Астраханской улице. Эту тайну мне раскрыли только в 1917 году документы расследования, произведенного Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Не знаю, сохранились ли они. Будет жаль, если погибли: они так необычны, что я сам едва бы поверил в возможность того, о чем они говорили, если бы не держал в руках оригиналов этих документов.

Оказалось, что Петров, прибыв в Петербург во второй половине ноября 1909 года, вошел в сношения с Департаментом полиции и сообщил о каких-то фантастических замыслах террористов, якобы готовящих грандиозное покушение. Для руководства Петровым был назначен полковник Карпов. Это не удовлетворяло Петрова и его друзей, которые имели задачей убить именно меня. Поэтому Петров стал добиваться свидания со мной. Департамент полиции ему в этом категорически отказал — не потому, конечно, что он оберегал мою жизнь, а из нежелания приблизить меня к делу розыска. Потеряв надежду получить свидание со мною, Петров, по соглашению со своими друзьями Бартольдом и Лукановым, решил устроить ловушку. С этой целью он рассказал Карпову, что официального свидания со мной он добивается только для вида, что в действительности тайные сношения со мной он все время поддерживает и что я во время тайных встреч уговариваю его убить генерала Курлова, занять пост которого я хотел бы. По словам Петрова, я обещал ему и безнаказанность, и крупную сумму де-нег, но он не хочет принять мое предложение и, опасаясь мести с моей стороны, просит у Департамента полиции защиты. Карпов, конечно, немедленно сообщил Курлову об этом разоблачении Петрова. Как это ни невероятно, но и Курлов, и Карпов, и привлеченный ими для совещания Виссарионов придали веру заявлению Петрова и согласились на его предложение устроить для меня ловушку. Предполагалось завлечь меня на свидание с Петровым, который должен был меня вызвать на откровенный разговор, в то время как в соседней комнате Курлов, Карпов и Виссарионов будут

подслушивать нашу беседу.

Для этой ловушки и была снята квартира на Астраханской улице. Полковник Карпов в эти дни почти не расставался с Петровым. Вместе они снимали квартиру, вместе покупали мебель, вместе проводили ночи в кутежах, Петров несколько раз ночевал на квартире у Карпова и почти каждый день у него обедал Это были отношения добрых друзей-приятелей, а не секретного агента с руководителем политического розыска. О какой бы то ни было конспирации не было и помину.

Бартольд и Луканов, конечно, были в курсе всех этих приготовлений. Когда квартира была снята и омеблирована, Петров со своими друзьями занялись в ней устройством некоторых приспособлений, в секрет которых Карпов, естественно, не был посвящен. В гостиной к круглому столу перед диваном был прикреплен мешок с динамитом. Электрические провода соединяли последний с передней. Петрову достаточно было, выйдя туда, соединить эти провода, чтобы последовал взрыв, который уничтожил бы и тех, кто сидел за столом, и тех, кто подслушивал в соседней комнате. Сам же Петров легко мог скрыться.

Все было готово, и уже был назначен день, когда Курлов, Виссарионов и Карпов должны были прийти на квартиру, чтобы подслушивать мою беседу с Петровым Все испортила не в меру большая дружба Карпова с Петровым. 19 декабря, едва ль не накануне условленной встречи, Карпов неожиданно заявился с визитом к Петрову Он привез с собой кулек закусок и вин и предложил отпраздновать «новоселье». Опешившему Петрову приходилось делать хорошую мину при плохой игре и садиться пировать за тот стол, под которым уже лежала вполне готовая для взрыва мина. Празднество должно было уже начаться, когда Карпов заметил, что скатерть, покрывавшая стол, не отличалась особой свежестью.

— Какая у вас тут грязная скатерть, — заявил он, — ее надо сменить. — И начал было снимать ее со стола.

Это был конец. Если бы скатерть была снята, то Карпов, как ни доверчив он был, не мог бы не заметить электрических проводов, висевших под столом. Поэтому Петров, со словами «не надо, не надо, я сейчас сам все сделаю», закостылял в переднюю и там соединил провода. Последовал взрыв, жертвой которого пал Карпов.

Для расследования этого дела Курловым была назначена особая секретная комиссия, в состав которой вошли вице-директор Департамента полиции Виссарионов, заведующий особым отделом Департамента полковник Климович и помощник

последнего полковник Еремин. Все они были ставленниками Курлова, все обязаны последнему своей карьерой. Эта комиссия допросила Петрова. Последний и в тюрьме продолжал настаивать, что все это было им сделано по моим уговорам. С его стороны эти показания были попыткой иными средствами довести до конца тот террористический акт против меня, который он задумал. Не удалось ему убить меня физически, он хотел своим обвинением убить меня морально. В этом не было ничего особенного. Невероятно было то, что комиссия Департамента полиции, состоявшая из, казалось бы, опытных в полицейском деле людей, придала веру этому оговору, несмотря на ряд имевшихся в нем противоречий и несообразностей. Были опрошены филеры, наблюдавшие в эти дни за мной и за Петровым; была опрошена прислуга ресторана, в которых, по оговору Петрова, происходили наши с ним свидания. Был допрошен и Добровольский, который по обязанностям службы сносился с Петровым и передал мне его записку. В 1917 году этот Добровольский показал, что его тогда допрашивали с угрозами, требуя признания факта моих встреч с Петровым. Никаких подтверждений оговора Петрова найдено не было, да и сам Петров в своем последнем слове на суде, когда увидел, что оговор его не имеет успеха, взял его обратно, признав, что приехал из-за границы с целью убить меня, а не кого-либо другого, и даже выразил соболезнование вдове убитого Карпова Несмотря на все это, комиссия составила доклад о предании меня военному суду.

Этот доклад был передан на рассмотрение особого совещания под председательством Курлова. В состав совещания вошли помимо членов комиссии еще директор Департамента полиции Зуев и прокурор судебной палаты Корсак. Протокол этого совещания я читал. Первым на этом совещании высказался Зуев, который заявил, что он не верит Петрову и не может допустить мысли, что жандармский генерал с 20-летним беспорочным стажем был способен на те действия, в которых меня обвиняет Петров. Полностью к мнению Зуева присоединился и Корсак. За предание меня суду горячо говорил Климович, доказывая, что не дело совещания разбирать вопрос по существу. Это суд должен выяснить, говорил он, верны или ложны обвинения Петрова Поскольку они имеются, Герасимов должен быть поставлен перед судом. Виссарионов, Еремин и Курлов поддержали эту точку зрения. Журнал совещания с изложенными в нем мнениями большинства и меньшинства был представлен на утверждение Столыпина. Последний распорядился не давать делу дальнейшего хода.

Но, само собой разумеется, мне это дело нанесло тяжелый

удар. Он был тем более тяжел, что я совершенно о нем не знал и не имел никакой возможности ни защититься, ни оправдаться. Я догадывался, что против меня выдвинуто какое-то обвинение, но и не подозревал, какое именно. Тем более верно Курлов и стоявшие за ним друзья-покровители Распутина достигли своей цели. Каждому новому министру внутренних дел, при вступлении его в должность, сообщалось секретное дело обо мне. Тем самым для меня был закрыт навсегда путь к возврату на активную службу. Курлов и его ставленники стали безраздельными хозяевами во всем деле политического розыска. Они несут и безраздельную ответственность за все то, что случилось в последние годы существования империи, и за ее гибель.

Глава 25. НА ПОКОЕ

В дни, когда шел суд над Петровым и работала комиссия, расследовавшая мою деятельность, меня не было в Петербурге. Департамент полиции срочно отправил меня в командировку в Иркутск, что было только предлогом. Поездка отняла у меня больше месяца. Когда я вернулся, Петров был уже повешен, и вся эта история казалась отошедшей в область прошлого. Но мне сразу же бросилось в глаза резко изменившееся отношение ко мне. Целый ряд лиц, ранее искавших моего знакомства и даже заискивавших передо мной, теперь явно сторонились меня. Другие, в сочувственном отношении которых я не мог сомневаться, как будто ждали от меня каких-то объяснений. Некоторые задавали даже вопросы: «Почему вы молчите? Почему не защищаетесь?» Но когда я начинал спрашивать, против чего я должен защищаться, никаких точных ответов я не получал. Напомню, что в то время я знал, что против меня в связи с делом Петрова плетется интрига, но о характере обвинения я не имел точного представления. Особенно для меня чувствительно было явное изменение отношения ко мне Петра Аркадьевича Столыпина, который уклонялся от встречи и бесед со мною.

Чтобы выяснить положение, я решил обратиться непосредственно к Кур-лову и поставил перед ним ребром вопрос:

— Мне передают, что против меня выдвинуты какие-то обвинения. Я хотел бы знать, в чем они заключаются, и иметь возможность на них ответить.

Курлов от ответа уклонился:

— А, так, разные пустяки, мало ли что болтают. Не стоит обращать внимания, не принимайте так близко к сердцу. Теперь все улажено.

И это говорил человек, который незадолго перед тем подал свой голос за предание меня военному суду.

Из этого ответа я убедился, что правды от Курлова я не узнаю, и решил не делать больше никаких попыток для выяснения моего положения и предоставить все естественному ходу вещей.

Не могу сказать, чтобы положение мое было приятное. Я числился генералом для поручений при Министерстве внутренних дел, но не только не получал никаких поручений, но и состоял под почти не скрываемым надзором полиции. Петербургское охранное отделение установило за мною слежку, правда, следили за мной не местные филеры, которых я всех превосходно знал в лицо, а специально выписанные для этого, как

я узнал позднее, филеры Киевского охранного отделения. Но, конечно, не заметить это наблюдение я не мог, да и велось оно слишком примитивно. Куда бы я ни шел, в гости ли, по делам ли, или просто на прогулку, за мной неизменно шли два провожатых. Сначала это меня раздражало, но потом я привык. Выходило немало курьезов. Помню, уже перед самой революцией, как-то раз во время своей обычной прогулки по Невскому я столкнулся с Бурцевым. Он шел в сопровождении филеров. Шли филеры и за мной. Бурцев раньше был моим злейшим врагом в качестве разоблачителя моих лучших сотрудников по борьбе с революционным движением. Теперь это было уже в прошлом, но я не мог не улыбнуться иронии судьбы, которая нас теперь поставила в равные условия. Я поклонился Бурцеву, познакомиться с которым мне незадолго до того привелось. Несомненно, филеры этот мой поклон зарегистрировали.

Как-то мне пришлось встретиться с полковником фон Коленом, который в это время был начальником Петербургского охранного отделения. Я не мог отказать себе в удовольствии поиронизировать над установленной за мной слежкой. Наблюдение за бывшими крупными сановниками и даже министрами после того, как они выходили в отставку, было, правда, делом обычным. Но наблюдение за начальниками охранных отделений в нашей практике встречалось не часто. Колен был несколько смущен и, оправдываясь, говорил:

— Мне и самому совестно. Но что же делать, если я имею прямое приказание?

Так и проходили за мной филеры до самых дней Февральской революции.

Осенью 1911 года произошла известная катастрофа. Столыпин был убит. Ее нужно было предвидеть. И в то время, и позднее против Курлова, который был в это время руководителем политической полиции в империи, и его ближайших помощников выдвигались прямые обвинения в том, что именно они прямо или косвенно организовали это убийство. Это было, конечно, неверно. Ни малейшего намека на правильность такого обвинения никогда никем найдено не было. Но тем не менее их вина была очень велика. Дилетанты в области политического сыска, во всей истории с Богровым они совершили такое количество ошибок, за которые их с полным основанием можно было предать суду. Выдумки Богрова, явно нелепые для мало-мальски опытного человека, ими были приняты на веру безо всякой проверки. Дать ему билет в театр и оставить его там без строгого наблюдения можно было, только не зная элементарных правил работы с секретными сотрудниками. Все это они сделали, рассчитывая на

награды, которые посыпятся на них после предотвращения цареубийства. В то время не было секретом, что они уже распределяли между собой награды.

Это их поведение в Киеве не представляло исключения. Вся их деятельность в тот период вообще была не чем иным, как работой по разложению аппарата политического розыска. Позднее мне передавали, что именно так ее расценивал Столыпин и очень хотел избавиться от Курлова, но не мог. Сохранения Курлова во главе политической полиции требовал сам Царь, видевший в Курлове необходимый корректив к казавшемуся ему в это время чересчур левым Столыпину.

После смерти Столыпина министром внутренних дел стал А.А. Макаров, впоследствии расстрелянный при большевиках. Он относился ко мне очень хорошо, и за немногие месяцы его пребывания на посту министра внутренних дел мое служебное положение заметно улучшилось: мне был дан ряд весьма ответственных и щекотливых поручений. Самым крупным из них было поручение, касавшееся Великого князя Михаила Александровича. Этот последний, как в то время было известно всем, уже несколько лет жил с дочерью московского адвоката Вульферта и уже давно хотел оформить эти отношения. Государь был решительно против и строжайше запретил Михаилу даже думать о морганатическом браке. Великий князь, не считаясь с этим запрещением, решил жениться. Еще в начале 1909 года, в самые последние дни моего пребывания на посту начальника охранного отделения, мне пришлось столкнуться с этим делом. Тогда меня вызвал дворцовый комендант Дедюлин, под большим секретом рассказал мне всю историю Великого князя Михаила Александровича и просил моего содействия в следующем деле: дворцовой комендатуре было достоверно известно, что Великий князь собирается обвенчаться и уже отыскал для этой цели одного священника, который согласился за очень крупную сумму обвенчать его в домовой церкви какого-то благотворительного учреждения. Дедюлин попросил меня расстроить этот брак. Я сказал, что это дело мне устроить будет легко. Немедленно отдал распоряжение найти и привести ко мне этого священника, и когда последний был ко мне доставлен, я ему коротко заявил:

— Вам обещали не то пять, не то пятнадцать тысяч, если вы обвенчаете Великого князя Михаила Александровича. Вы знаете, что Государь запретил этот брак. Вы идете против его личной воли. Так знайте же, вам это будет стоить очень дорого. Вот видите, — указал я ему в окно на видневшееся из моего кабинета здание Петропавловской крепости, — там уже многие кончили свою жизнь, так я вам обещаюсь, что я вас там сгною.

Священник очень перепугался, стал убеждать меня, что мои сведения не вполне точны, что к нему действительно обращались с предложением обвенчать Великого князя, но он ответа еще не дал и что теперь, конечно, он ответит отрицательно. Никогда, ни за какие деньги, клялся он, обливаясь слезами.

В тот же вечер я мог сообщить Дедюлину, что дело улажено. Эта моя роль стала известна министру двора барону Фредериксу, и, по-видимому, именно ей я обязан тем, что на меня же выпал выбор барона Фредерикса, когда Великий князь Михаил Александрович вновь решил привести в исполнение свои старые планы о женитьбе. Я был вызван к барону Фредериксу, который заявил мне:

— Государь Император решил возложить на вас весьма секретное и доверительное поручение. Его брат, Великий князь Михаил Александрович, несмотря на прямое запрещение жениться, решил, по-видимому, привести этот план в исполнение. Теперь он уезжает за границу, куда вслед за ним едет и госпожа Вульферт. Вы должны также поехать вслед за ними и сделать все, что вы находите нужным, для того чтобы помешать этому браку.

Должен признаться, что это предложение далеко не обрадовало меня. Я указал, что мое положение будет чрезвычайно трудным, ибо я не представляю себе, какими средствами могу я воздействовать на Великого князя, убедить которого оказался бессильным сам Государь Император.

По-видимому, это было не совсем ясно и для барона Фредерикса, который, вполне признавая трудность и щекотливость возлагаемого на меня поручения, подчеркивал главным образом тот факт, что Государь Император доверяет моей тактичности и ловкости. Конкретно барон Фредерикс указал, что в случае, если Великий князь будет венчаться в церкви, я имею право подойти к нему, от имени Государя объявить его арестованным и потребовать немедленного выезда в Россию.

Тщетно я указывал, что Великий князь, не послушавшийся Государя лично, конечно, не обратит внимания и на мои слова Тщетно я просил передать это дело кому-нибудь другому, барон Фредерикс категорически заявил, что я не имею права отказываться от поручения, данного мне Государем Императором. Пришлось подчиниться.

В Министерстве иностранных дел мне был выдан особый открытый лист, подписанный и товарищем министра Нератовым, в котором стояло, что Министерство иностранных дел просит все подведомственные ему учреждения и лица оказывать мне полное содействие в выполнении возложенного на меня Государем

весьма важного секретного поручения. С этим заданием тем же поездом, что и Великий князь, я выехал в Париж.

В Париже в мое распоряжение поступило 4 или 5 филеров нашего парижского отделения во главе со старым испытанным работником последнего, г. Бинтом. Я дал им соответствующие инструкции. За Великим князем удалось установить точное наблюдение — не то консьержка, не то кто другой из служащих их дома давали сведения о внутренней жизни. При всех поездках и выходах Великого князя сопровождали агенты. Особенно обязаны они были следить за посещением Великим князем церквей. Если бы в церковь отправились одновременно и Великий князь и госпожа Вульферт, агенты должны были немедленно сообщать об этом мне, и я должен был мчаться, для того чтобы выполнить Высочайшую волю относительно ареста Великого князя. Так прошло несколько недель. Затем пришло сведение, что Великий князь собирается на днях выехать на автомобиле в Ниццу, где в русской церкви он и должен повенчаться. Сопровождать его тоже на автомобиле через всю Францию было, конечно, невозможно Поэтому я, оставив филерам инструкции, сам решил выехать в Ниццу, чтобы там выяснить возможности воспрепятствовать браку. В Ницце я получил телеграмму, что Великий князь действительно выехал на автомобиле, но не в Ниццу, а в совсем другом направлении. Мне оставалось только ждать. Еще через несколько дней я получил телеграмму, что Великий князь был в Вене и там вместе с госпожой Вульферт посетил сербскую церковь А недели через полторы они приехали в Ниццу уже в качестве официальных мужа и жены и принимали поздравления от своих близких и знакомых. После этого я написал в Петербург дворцовому коменданту Дедюлину обо всем, что случилось, и прибавил, что, по моему мнению, мое дальнейшее пребывание за границей бесполезно Дедюлин ответил, что Государь уже получил письмо от Михаила о состоявшемся браке и что я действительно могу считать свою миссию оконченной, только должен постараться получить в Вене официальную копию брачного свидетельства. Я поехал в Вену, посетил сербскую церковку, нашел ее священника.

«Это вы обвенчали Великого князя?» — спросил я. Сербский священник, старичок, бедный и запуганный, весь дрожал, почти плакал Он уверял, что только позднее узнал о том, кого он обвенчал, и все просил меня не погубить его Я успокоил его, заявив, что ни желания, ни возможности губить его я не имею, и только просил его дать мне официальную копию брачного акта. Свадьба была очень скромная, свидетелями были старик церковный служка и его жена. За выданную мне официальную

копию я заплатил не то 500, не то 600 крон и ушел, провожаемый и священником и служкой, рассыпавшимися во всевозможных благодарностях. В Петербурге я представил официальный доклад о своей миссии. Она не принадлежала к числу моих удачных предприятий, но мне кажется, что она и не могла быть успешной.

Второе тоже очень щекотливое поручение было возложено на меня летом 1912 года в связи с конфликтом между епископом Гермогеном и Распутиным. Меня вызвал к себе министр внутренних дел Макаров и сообщил, что по Высочайшему повелению саратовский архиепископ Гермоген, проживавший в это время в Петербурге в качестве члена Синода, должен быть выслан в Жировицкий монастырь. Причина этой высылки состояла в том, что епископ Гермоген вместе с Илиодором завлекли Распутина, с которым они до этого состояли в дружеских отношениях, на квартиру Гермогена в Алексан-дро-Невской лавре и под угрозой насилия требовали от него поклясться на кресте и Евангелии в том, что он не будет больше посещать царский дворец и вообще поддерживать отношения с членами царской семьи. Но Распутин вырвался от них и изобразил дело Государю так, как будто бы это было покушение на его жизнь. Разгневанный Государь после этого отдал предписание о высылке епископа Гермогена, который до того времени пользовался большим благорасположением царской семьи.

Поручение, переданное Макаровым, было для меня очень неприятным. Незадолго перед тем я лично познакомился с епископом Гермогеном как раз на квартире у Макарова, несколько раз с ним встречался, и он произвел на меня в высшей степени хорошее впечатление. Высокий, худощавый, с острым, ясным умом, аскет по внешности, он производил впечатление настоящего христианского подвижника, способного умереть за свою веру. Последующая его жизнь доказала правильность этого впечатления Тем более неприятно мне было выступать в роли передатчика Высочайшего повеления об его высылке. Я представил мои возражения Макарову и просил его поручить приведение в исполнение Высочайшего постановления кому-нибудь другому. Макаров, признавая резонность моих соображений, сказал, что тем не менее он должен настаивать на выполнении поручения именно мною, так как он думает, что я выполню это щекотливое дело лучше кого бы то ни было другого. В заключение он дал мне письмо к Гермогену, в котором просил последнего смириться перед Высочайшей волей и без всяких осложнений выехать из Петрограда. С этим письмом я отправился к епископу Гермогену. Нельзя сказать, чтобы встреча была очень

приятная. Епископ был очень взволнован, он, по-видимому, не ждал, что результаты его столкновения с Распутиным будут носить такой характер. Вначале он категорически отказывался подчиниться, предлагая арестовать его и отправить этапным порядком. С большим трудом мне удалось его уговорить, причем я взял на себя обязательство устроить дело так, что всякая видимость ареста будет устранена, что он поедет без какой бы то ни было стражи. «Я даже сам не буду вас сопровождать», — обещал ему я.

Наконец, Гермоген согласился, и мы условились, что к определенному часу он прибудет на вокзал. На вокзале я снесся с начальником жандармского железнодорожного управления дороги полковником Соловьевым и условился с ним, что как раз в этот день он выедет якобы для служебных ревизий по дороге и возьмет в свой служебный вагон епископа Гермогена.

Не без тревоги ждал я на вокзале в условленный час епископа Гермогена. Если бы он не сдержал своего обещания и не приехал на вокзал, то мое поручение пришлось бы выполнять с применением насилия, что было бы для меня в высшей степени неприятно. К моему облегчению, епископ Гермоген свое обещание выполнил. Я его встретил на вокзале и провел к вагону полковника Соловьева. Когда Гермоген вошел в вагон и увидел там Соловьева и сопровождавших его жандармов, то он пришел в ярость и начал упрекать меня в том, что я не сдержал своего слова и отправляю его под конвоем жандармов. С большим трудом удалось его успокоить и объяснить, что это не конвой, а случайно совпавшая поездка и что ехать ему в вагоне полковника Соловьева будет во всех отношениях удобнее. Вся дальнейшая поездка прошла благополучно, и я с большим облегчением мог доложить Макарову о выполнении возложенной на меня миссии.

Так же как и я, Макаров относился очень отрицательно к деятельности Распутина и все время ставил вопрос о том, как можно было бы прекратить эту деятельность. Я ему рассказал о плане высылки Распутина, который был года за три-четыре перед тем предложен мною Столыпину, и Макаров думал о том, чтобы этим планом воспользоваться теперь. К сожалению, опять замыслы министра не остались секретом для Распутина. Но так как влияние Распутина теперь было значительно больше, чем в 1908—1909 годах, то и результаты для Макарова были значительно более плачевны. Распутин сообщил о «кознях» против него со стороны министра, и Государь немедленно подписал указ об увольнении Макарова в отставку.

Позднее мне пришлось с Макаровым не раз говорить на тему о Распутине и его роли, причем Макаров с глубокой скорбью

говорил, до какой степени падения доходили многие министры. Они часто в наиболее важных вопросах, по которым должны были докладывать Государю, осведомлялись предварительно о мнении Распутина и затем, представляя свой доклад Государю, прибавляли, что «Григорий Ефимович вполне согласен с высказываемыми мною предложениями». Такой прибавки было совершенно достаточно для того, чтобы быть уверенным в получении высочайшего соизволения.

Вскоре за отставкой Макарова формально окончилась и моя служебная карьера Новым министром был назначен Н. Маклаков, его товарищем — Джунковский. Тот самый, о котором мне в свое время сообщали, что в октябрьские дни 1905 года он, будучи московским вице-губернатором, вместе с революционерами-демонстрантами под красным флагом ходил от тюрьмы к тюрьме для того, чтобы освобождать политических заключенных Вскоре после вступления их в должность я получил за подписью Маклакова весьма сухую бумажку, смысл которой сводился к следующему: ознакомившись с вашей деятельностью, я пришел к выводу, что вы не можете в дальнейшем состоять на правительственной службе, и потому прошу вас подать в отставку Первое мое движение было отказаться последовать этому предложению и потребовать официального суда над собою. Но затем, немножко успокоившись, я понял, что все равно никаких положительных результатов я этим своим шагом не добьюсь. Материально я ни в какой мере в продолжении службы заинтересован не был. В конце концов я решил подать прошение об отставке. В начале 1914 года я получил официальное извещение о том, что моя отставка принята. С этого момента я больше никакого отношения к судебным делам не имел и созерцал события уже в качестве частного человека

Глава 26. В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Разговоров о войне в то время велось немало, и все же, когда война пришла, она была для всех неожиданной. Меньше всего ждал ее я. Помню, я собрался тогда поехать за границу подлечиться в Виши. По дороге заехал к моей дочери, которая вместе со своим мужем жила в Польше, и там узнал о начавшейся мобилизации. Полк, в котором офицером состоял мой зять, получил срочный приказ двинуться к границе. Конечно, о поездке дальше не могло быть и речи. Я вернулся в Петербург. Он переживал в то время дни военной лихорадки. По улицам ходили демонстрации с национальными флагами. Всюду произносились патриотические речи. Особенно восторженно были настроены офицеры, которые составляли главный круг моих знакомых. Мне эти настроения с самого начала были чужды. Я смотрел на будущее очень пессимистически. Может быть, лучше, чем кто бы то ни было другой, я знал, насколько непрочно то успокоение, которое царило внутри страны, насколько сильны в ней революционные настроения и насколько опасна в этих условиях война. Помню, я не раз высказывался в этом смысле и говорил о войне как о начале длинной серии страшных несчастий, которые надвигаются на нашу родину. Мои настроения стояли в таком резком противоречии с настроениями всех окружающих, мои речи звучали таким резким диссонансом в общих разговорах тогдашних петербургских гостиных, что за мной сложилась репутация чудака-пессимиста и даже германофила. А между тем я был уверен, что именно я прав, и я не раз говорил, что если бы Столыпин был жив, если бы он стоял по-прежнему у кормила правительственной власти, то он никогда бы войны не допустил. В этом я твердо убежден и теперь. Мне приходилось на эту тему не раз говорить со Столыпиным. Он всегда расценивал войну как величайшее несчастье изо всех, какие только могут постигнуть Россию. Он считал, что Россия только начинает внутренне укрепляться, что в ней только теперь, после проведения земельной реформы, складывается тот класс, который способен стать прочной опорой порядка. Еще лет 10—15, говорил он, и нам будут не страшны все революции. Только бы история дала нам этот срок. Верный этим взглядам, он, пока был жив, решительно боролся против всех попыток увлечь Россию на путь внешних авантюр. Хорошо помню его тревогу в дни аннексии Боснии и Герцеговины Австрией{70}. Как известно, после провозглашения этой аннексии в столицах началась сильная агитация в пользу войны против Австрии. Интеллигенция, и либеральная, и

консервативная, говорила о необходимости выступить «на защиту братьев-славян». Происходили демонстрации, устраивались собрания. После одной из очередных поездок в Царское Село для доклада Столыпин на обратном пути сказал мне: «Сегодня мне удалось спасти Россию от гибели», — и рассказал, что во время доклада Царь сообщил ему как об уже состоявшемся факте о своем решении дать согласие на мобилизацию трех военных округов против Австрии. «С большим трудом, — говорил Столыпин, — мне удалось убедить Его Величество, что этот шаг неизбежно повлечет за собой войну с Германией и что эта война грозит самому существованию и династии и империи. О какой войне может быть речь, — прибавлял Столыпин, — когда у нас внутри достигнуто еще только поверхностное успокоение, когда мы не создали еще новой армии, когда у нас даже нет новых ружей».

Тогда война была предотвращена. В 1914 году Столыпина не было...

Скоро, очень скоро сообщения с театра военных действий стали приносить подтверждения правильности моего пессимизма. Легла гвардия в боях под Кенигсбергом, разбили Самсонова под Сольдау, все яснее и яснее становилось, что хвастливые заявления руководителей Военного ведомства не соответствуют действительности. Вооружение нашей армии было явно недостаточно, командование явно стояло не на высоте, и поражение следовало за поражением. Вчерашние оптимисты, готовые кричать, что они шапками закидают врага, теперь ударились в другую крайность. Всюду шли разговоры о предательстве в тылу, о тайных пособниках Германии, которые расстраивают дело снабжения, о темных силах, которые работают на дело поражения России. Такие разговоры шли и в верхах, и в низах. Особенно много внимания уделяли роли Распутина, по-настоящему ставшего известным всей России только теперь. О нем говорили по-разному, мне приходилось слышать солдатские разговоры о том, что Царь теперь разуверился в дворянах и чиновниках и решил приблизить к себе «нашего брата, простого мужика» и что это только начало, что скоро вообще всех «дворян и чиновников» Царь прогонит прочь от себя и наступит «мужицкое царство». Но более распространенным было другое мнение: о темных силах, в руках которых Распутин был только орудием. О Распутине говорили все, и в форме, которая унижала наше национальное самолюбие. Помню, в конце 1915 года даже один из знакомых французских генералов, приехавший в Россию в составе какой-то французской военной миссии, встретив меня на Невском, спросил весьма иронически: «Ну, какие новые

распоряжения вышли от Распутина?»

Этот вопрос очень больно задел меня, и я ответил на него в достаточной мере резко. Но по существу я не мог не сознавать, что мой знакомый имел право ставить этот иронический вопрос.

Почти весь 1916 год я провел вне Петербурга, в Крыму. Вернулся в начале декабря и сразу же почувствовал, что за этот год атмосфера напряглась до невозможности. Чувствовалось приближение событий. Имя Распутина было у всех на устах. На святках пронеслась весть об его исчезновении. Вскоре стали известны подробности его убийства. Общие отзывы были единодушны. Все были рады: «Слава Богу, наконец с этим позором покончено».

Все надеялись, что теперь будет покончено с влиянием темных сил вообще. Я был настроен скептически. Меня грызла мысль: не поздно ли? Из встреч со старыми знакомыми офицерами я знал, что революционная пропаганда в армии ширится и растет. Кронштадтские офицеры-моряки рассказывали о том, что на кораблях и в казармах уже с осени идут митинги. Такие же вести приходили с фронта. Больше всего удивляла меня пассивность власти, которая не принимала энергичных мер в момент, когда важнее всего было быть решительным и энергичным. От одного моего хорошего знакомого, старого друга, занимавшего видный пост в армии, я узнал, что недовольство существующими порядками настолько широко распространено в этих верхах, что уже вылилось в форму военных заговоров. Было, как он говорил, два организованных центра этих заговоров. Один, который охватывал командные круги как Петроградского военного округа, так и штабов на фронте, второй был заговор дворцовый, руководящую роль в котором, по слухам, играл Великий князь Андрей Владимирович и к которому примыкали или которому сочувствовали почти все Великие князья и близкие к ним офицеры. Программа обеих этих групп была одна и та же: отречение Государя и провозглашение царем наследника при регенте Великом князе Михаиле Александровиче.

Мой знакомый рассказывал мне об этих заговорах с большими подробностями и с рядом имен, считая их, по-видимому, делом самым обычным. Во мне его рассказ возбудил самые сложные чувства. С одной стороны, я, игравший такую роль раньше в деле борьбы со всякого рода заговорами, сознавал, что моим долгом было бы явиться к теперешним руководителям политической полиции и, сообщив им известные мне факты, дать возможность предотвратить готовящийся переворот Но, с другой стороны, по существу я сам целиком сочувствовал людям, эти заговоры организовывавшим, и понимал, что если есть

возможность предотвратить надвигающуюся катастрофу, то только одним путем — возможно более быстрым проведением переворота сверху. Положение было действительно настолько трагично, что только быстрая смена главы государства могла предотвратить революцию и спасти государство и династию. Пусть только действуют скорее, чтобы революция их не перебила, думал я, и в этом же смысле говорил тому моему знакомому, который рассказывал мне о планах заговорщиков.

У меня было много опасений, что революция снизу может опередить заговорщиков, готовивших переворот сверху. Как раз в это время, через несколько дней после разговора с упомянутым заговорщиком, я случайно на улице столкнулся с одним из наиболее крупных моих секретных агентов в прошлом. Он зашел ко мне, и мы разговорились. Он имел отношение к революционерам, теперь уже не в качестве секретного агента. Я рассказал ему в общих чертах то, что слышал о военных заговорах. Он смеялся:

— Пока ваши там люди размышляют и нацеливаются, будет уже поздно. Революция их опередит. Вы себе и не представляете, как напряженно настроение в низах, как много революционного материала накопилось и среди рабочих, и в армии

К сожалению, он был прав. В середине февраля начались волнения в Петербурге. Причина забастовки была какая-то совсем пустяковая. Кажется, в течение двух-трех дней хлеба выдавали меньше, чем было обещано Но она быстро разрасталась. Начались демонстрации на улицах. Всю серьезность положения я почувствовал, когда увидел казачий разъезд, пробиравшийся среди толп демонстрантов, причем некоторые казаки держали в руках красные платки и приветливо улыбались демонстрантам Это было открытое выражение симпатий, и если так были настроены казаки, то легко можно было понять, что следовало ждать от петроградского гарнизона в случае, если понадобятся его решительные действия.

Эта встреча заставила меня попытаться войти в соприкосновение с теперешними руководителями политической полиции. После всего, что случилось, после тех клевет, которые они на меня возвели, мне это было нелегко Тем не менее я позвонил Белецкому, который в это время числился сенатором и формально не имел отношения к Департаменту полиции, но пользовался большим влиянием в Царском Селе, куда он почти ежедневно ездил с докладами к Царице. Я ему рассказал о моей случайной встрече и попытался заставить его понять всю серьезность положения.

— Вы ездите ежедневно в Царское Село, — говорил я ему. —

Скажите же Государыне, что ведь это настоящая революция. Надо принять самые решительные меры и как можно скорее, быть может завтра уже будет поздно.

Белецкий меня успокаивал:

— Да, да, вы правы, теперь я это сам вижу. Я уже докладывал Государыне, и она отдала распоряжения. Завтра же на улицу будут выведены войска и всяким демонстрациям будет положен конец.

Действительное развитие событий известно. С первых же дней революции для меня началась долгая эпопея тюремных скитаний. 7 марта я был арестован по требованию Совета рабочих депутатов и доставлен в Государственную думу. В течение 10 дней меня держали там в так называемым «министерском павильоне», который был превращен в тюрьму для сановников старого режима. Потом перевели в Кресты. Вскоре меня освободили по хлопотам В.Л. Бурцева. С последним я познакомился в 1916 году, после того как он был возвращен из своей ссылки в Сибирь. Он интересовался рядом вопросов из истории деятельности политической полиции и искал в этой связи встречи со мною Я не видел причин уклоняться от встречи, и мы несколько раз имели с ним очень интересные для меня разговоры, причем я не отказывался давать ему разные разъяснения, поскольку речь не шла о секретах, которые стали мне известны по моей служебной деятельности. Теперь Бурцев взял меня на свои поруки. К сожалению, пробыть на свободе мне пришлось всего 3—5 дней. По требованию вернувшихся из Парижа социа-листов-революционеров я был снова арестован, и надо мной наряжено было следствие за мою деятельность по борьбе с террористическими организациями. На этот раз сидеть пришлось в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, тюрьме, в которой раньше держали только смертников. Условия содержания были очень тяжелые, плохая была пища, часто отказывали в прогулках. Хуже всего было то, что солдаты крепостной команды, охранявшие нас, время от времени начинали в коридорах тюрьмы митинговать, громко обсуждая вопрос о том, не проще ли было бы нас не караулить, а просто расстрелять и спустить в Неву. Временами положение становилось очень напряженным, так что даже приходилось представителям Совета рабочих депутатов приезжать и успокаивать волновавшихся солдат. Помню, как раз перед дверями моей камеры шел один такой митинг, причем оратором от Совета выступал известный социалист-революционер Гоц. С большим трудом ему удалось убедить солдат отказаться от своих намерений. Подробно рассказывать об этих днях у меня нет

.охоты. С тех пор так многие перебывали в тюрьмах, и даже в гораздо более тяжелых условиях, и так много об этом написано, что у меня нет желания вспоминать о моих личных скитаниях и увеличивать обширную тюремную литературу. Не могу только не упомянуть о той роли, которую сыграл наш тюремный врач, добрейший доктор Иван Иванович Манухин. Социал-демократ по убеждению, в отношении нас, «сановников старого режима», он был настоящим благодетелем. Все, что только было в его силах, он сделал для нас, увеличил тюремные рационы, всех, кого только можно было, переводил в тюремную больницу, многие из нас обязаны ему здоровьем и даже жизнью.

Все мы находились в ведении Чрезвычайной следственной комиссии бывшего московского присяжного поверенного, после революции ставшего сенатором, Н.К. Муравьева. Моей деятельностью он очень интересовался. В их руки попали все те документы, которые в свое время комиссия Курдова, Виссарионова и Климовича собрала против меня в связи с делом Петрова. После я узнал, что в комиссии было уже решено, на основании этих документов, предать меня суду за злостную «провокацию», которая выражалась в том, что я якобы подготовлял террористическое покушение вместе с Петровым. После Бурцев мне рассказывал, что он был приглашен к Муравьеву, который сообщил ему о найденных им документах и о том, что скоро будет поставлен мой процесс. «Я, — рассказывал мне Бурцев, — схватился прямо за голову и начал уговаривать как можно скорее от этих планов отказаться, ибо процесс сулил только одну компрометацию комиссии». Со стороны революционной Бурцеву была превосходно известна закулисная сторона дела Петрова, и он не сомневался, что обвинения, выдвинутые против меня Петровым, ни в коей мере не отвечали действительности. Муравьев отказался от плана поставить процесс немедленно и передал дело для дополнительного расследования.

Были допрошены Натансон, Савинков, Бартольд и ряд других револю-ционеров-террористов, в той или иной мере связанных с Петровым. Все их показания я читал, они полностью подтвердили и доказали утверждение Бурцева и реабилитировали меня. Следователь, который вел это следствие, после того как дал мне ознакомиться с этими показаниями, говорил «Вас спасли ваши прежние враги. А вот ваши бывшие друзья... Ловко они вас в свое время съели».

Так дело было похоронено.

Недели через две после большевистского переворота к нам в тюрьму явился комиссар-большевик. В это время мы уже были

развезены из Петропавловской крепости по разным тюрьмам Меня содержали в бывшей долговой тюрьме в Казачьем переулке. Нас всех собрали в коридоре, и явившийся большевистский комиссар начал опрашивать, кто за что сидит. Большинство были растратчики. Когда очередь дошла до нас, начальник тюрьмы сказал: «А это политические». Комиссар удивился: какие теперь у нас политические? Начальник разъяснил, что это деятели старого режима, арестованные по приказанию следственной комиссии Муравьева Комиссар потребовал более точных разъяснений и в конце концов заявил, что он считает наше содержание под стражей неправильным и несправедливым: «Они по-своему служили своему правительству и выполняли его приказания. За что же их держать?»

Через несколько дней начались освобождения Из нашей группы освободили почти всех. Только бывший министр Хвостов, относительно которого было доказано, что он совершил хищение казенных денег, остался в тюрьме. Да еще Протопопов был не освобожден, а лишь переведен в больницу, в которой, правда, за ним наблюдали только врачи. Меня освободили, обязав подпиской явиться по требованию следственных властей.

Так дело шло до весны. Приблизительно в апреле у меня был очень интересный разговор с бывшим министром Протопоповым, который мне много объяснил из событий периода, предшествовавшего революции. Разговор состоялся по инициативе Протопопова. Он передал мне через общих знакомых, что хотел бы со мной повидаться и поговорить. Я пришел к нему в больницу. Протопопов вначале говорил, что он очень интересовался мною, что первые дни вступления в должность министра он хотел даже пригласить меня вновь на активную работу, но, прибавлял он, мне такое о вас наговорили, такие документы показали, что у меня даже волосы дыбом встали. Только теперь я узнал, что все это была клевета.

В дальнейшем разговоре Протопопов очень подробно рассказал мне историю своего назначения министром. В качестве товарища председателя Государственной думы он был выбран председателем той делегации членов Думы, которая совершила поездку к нашим союзникам, посетила Париж и Лондон «Эта поездка, — говорил Протопопов, — показала мне, что военное положение наших союзников очень невеселое. Положение на их фронтах было очень тяжелым, организация тыла расхлябана, катастрофы можно было ждать буквально со дня на день. Поэтому, когда в Стокгольме мне через разных посредников было предложено встретиться с представителем германского правительства Вартбургом и ознакомиться с германскими

условиями мира, я счел своим патриотическим долгом принять это предложение. Встреча состоялась. И после долгого разговора Вартбург мне сообщил, что он имеет вполне официальные полномочия передать Государю Императору условия сепаратного мира, которые сводились приблизительно к следующему: вся русская территория остается неприкосновенной, за исключением Либавы и небольшого куска прилегающей к ней территории, которые должны отойти к Германии. Россия проводит в жизнь уже обещанную ею автономию Польши, в пределах бывшей русской Польши, с присоединением к ней Галиции. Эта автономная Польша вместе с Галицией будет оставаться в составе Российской империи. На Кавказе к России присоединяется Армения. Какой-то особый пункт говорил, я не помню уже теперь, или о нейтрализации, или о присоединении к России Константинополя и проливов. Условий мира с союзными державами Вартбург не указывал, но подчеркивал, что никакой помощи от России против ее бывших союзников Германия не потребует».

Протопопов обещал передать эти предложения Царю. И с этой целью приехав в Петербург, испросил у него личной аудиенции. Царь внимательно выслушал рассказ Протопопова о свидании с Вартбургом, поблагодарил Протопопова за его сообщение и прибавил:

— Да, я вижу, враг силен. Я согласен, при нынешнем положении те условия, которые вы передали, для России были бы идеальными условиями. Но разве может Россия заключать сепаратный мир? А как отнеслась бы к этому армия? А Государственная дума?

В итоге разговора Протопопов, как уверял он меня, получил от Государя формальное поручение переговорить с представителями руководящих фракций Государственной думы и выяснить их отношение к германским предложениям. Протопопов прибавил, что он будто бы сделал попытку устроить совещание представителей думских фракций, но настроение, которое на этом совещании обнаружилось, было таково, что о подробном рассказе относительно германских условий не могло быть и речи, он не излагал их. Наши политики, говорил Протопопов, оказались невероятными идеалистами, совершенно не понимающими интересов страны. А ведь только заключив такой мир, мы могли спасти страну от революции.

Вскоре после этой нашей беседы отношение большевиков, до того очень снисходительное к нам, «сановникам старого режима», начало заметно меняться. В это время произошло восстание Краснова на Дону, переворот Ско-ропадского на Украине,

началось восстание чехословаков на Волге. Атмосфера становилась все более и более тревожной. Однажды, в начале мая 1918 года, ко мне зашел один мой знакомый, занимавший тогда место какого-то комиссара у большевиков. Он только что перед этим совершил поездку в Москву и пришел ко мне, чтобы рассказать: в Москве настроение очень тревожное, неизбежно начало террора, скоро будут произведены большие аресты. Он настоятельно советовал мне не медлить и двигаться куда-нибудь за пределы досягаемости большевистской власти. Я решил последовать его совету. Так как я был родом с Украины, то мне было очень легко оптироваться{71} в качестве украинского гражданина, и с ближайшим же этапом украинских граждан, которые тогда свободно пропускались большевиками, я отправился на юг. Этому я был обязан своим спасением. После я узнал, что буквально через несколько дней после моего отъезда в Петербурге начались аресты сановников старого режима. Приходили и за мною.

А.Т. Васильев
Охрана. Русская секретная полиция

ПРЕДИСЛОВИЕ

2 августа 1914 года — знаменательная дата в истории царской России. В канун этого дня граф Пурталес, немецкий посол, потрясенный до глубины души и со слезами на глазах, неохотно вручил нашему министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении войны. Затем в два часа дня состоялась торжественная служба в Зимнем дворце. Во время нее и было публично объявлено о начале войны.

Всех охватил патриотический порыв. Весь Петербург был на ногах, и с раннего утра огромные колонны людей шли по улицам. Представители различных патриотических организаций несли портреты Государя и российские флаги. Они входили в Казанский собор, собираясь в огромном зале. Эта благородная толпа стояла среди его колонн. Митрополит неторопливо начал торжественную церемонию, которая глубоко тронула восхищенных слушателей, и когда служба закончилась, толпа стала выходить как будто по команде, направляясь к Зимнему дворцу, чтобы приветствовать Государя.

Я находился в центре возбужденной толпы в тот памятный день и дал увлечь себя ее порыву. Когда я оглянулся, то не увидел ничего, кроме радостной решимости на лицах окружающих; казалось, все разделяют чувства, владевшие мной в эти часы.

Огромная толпа терпеливо ждала, когда закончится служба во дворце и Государь обратится к ним. Двери широко открылись, Царь вышел на балкон, и в то же мгновение десятки тысяч людей на улице упали на колени. Вместе с Николаем II появилась и Императрица. Она казалась глубоко взволнованной, прикрывала лицо руками, но вздрагивавшие плечи показывали, что она плачет.

Царскую чету приветствовали ликующими криками. Император низко кланялся в разные стороны, когда слышал шумные овации, выражавшие настроение всего Петербурга.

Каким далеким кажется все это от жалкого и унизительного настоящего! Память о том дне одновременно прекрасна и болезненна для нас, вынужденных бежать из родной страны, которой преданно служили, и жить за рубежом, не имея сил сделать что-либо, кроме как выживать и надеяться на то, что наша бедная Россия вновь увидит счастливые дни.

Глава I

Обязанности политической полиции. — Наружное наблюдение. — Требования к секретным агентам. — Техника наблюдения. — Школа Медникова. — Его специальное подразделение. — Ликвидация мастерской по изготовлению бомб

У русских людей Департамент полиции ассоциируется с чем-то таинственным, мрачным и загадочным. Для масс населения это учреждение было символом ужаса, о нем рассказывали самые невероятные истории. Многие всерьез верили, что в Департаменте полиции несчастных жертв сбрасывают в подвал через отверстие в полу и подвергают пыткам.

Конечно, для таких легенд не было ни малейших оснований. Департамент полиции никогда не совершал чудовищных жестокостей, которые ему приписывали. Напротив, его действия были абсолютно законны. Тем не менее эта организация действительно наводила ужас на определенную категорию людей; но, конечно, не на мирное население, а на тех немногочисленных врагов империи, которые пытались распространить в России отраву идей социализма.

Именно пропаганде этих негодяев тайная политическая полиция обязана своей ужасной репутацией, так как революционеры, естественно, делали все, чтобы дискредитировать своего злейшего врага и тем самым помешать его деятельности. Однажды они внедрили своего агента по фамилии Клеточников в III отделение и в результате частично дезорганизовали его деятельность. Были приняты меры, чтобы не допускать в дальнейшем подобных случаев, и революционеры в бессильной ярости с этого времени считали делом чести обвинять нас при каждом удобном случае в жестокости и незаконности наших действий.

Однако я и многие мои предшественники можем убежденно утверждать, что обвинения против нас абсолютно беспочвенны. Корректность, с которой политическая полиция (Охрана) исполняла свои обязанности, подтверждается также свидетельством замечательного прокурора и честнейшего человека Муравьева, который после революции возглавлял специальную комиссию, тщательно расследовавшую деятельность высших правительственных чиновников.

Если бы я излагал здесь историю политической полиции, это заняло бы слишком много места. Поэтому ограничусь замечанием, что начало ей было положено в царствование Петра

Великого, когда канцлер Бирон создал Тайную розыскных дел канцелярию{72}, чьи функции частично совпадали с теми, которые выполняла впоследствии Охрана. В XIX веке было учреждено III отделение{73}, получившее широкую известность, а из него возникли Отдельный корпус жандармов{74} и Департамент полиции.

В последние десятилетия XIX века главной задачей политической полиции было сдерживание революционного движения в среде низших классов, и особенно среди студентов, которые в значительной степени разделяли идеи об изменении государственного строя. Позже она боролась с активной пропагандой социалистов, которые выдвинулись на первый план и к которым присоединились последователи толстовского коммунистического учения. Рост революционных тенденций в империи заставлял власти усиливать действенность Охраны и для этой цели все более совершенствовать ее механизм{75}.

Обязанности секретной полиции были очень четко определены. Они состояли в расследовании деятельности всех движений, направленных против существующего строя, и в ликвидации этих движений. Позже Департамент полиции стал заниматься и другими преступлениями: убийствами и грабежами, а во время войны и шпионажем. Во всех этих операциях задачи полиции были предельно просты: охранные отделения должны были найти преступников. Наказание не входило в их обязанности, это было дело суда. Таким образом, все расследования раньше или позже оказывались в руках прокурора. А Департамент полиции отдавал распоряжение держать подозреваемых под арестом не более двух недель. По окончании этого срока заключенный или освобождался, или возвращался под стражу для продолжения следствия. К каждому охранному отделению было прикомандировано несколько прокуроров, которые продолжали следствие и отвечали за законность принимаемых мер.

Существовала только одна форма чрезвычайного внесудебного наказания: административная ссылка на срок до пяти лет. Эта мера, надо признаться, применялась часто, но мягко, и недавние изгнанники, если хотели, могли вместо ссылки в Сибирь выбрать отъезд за границу. Если они предпочли последнее, им не разрешалось возвращаться в Россию до окончания срока ссылки.

Совершенно смехотворно утверждать, что Охрана когда-либо по собственной воле наказала политического заключенного. Не было никаких исключений, только суд выносил смертные приговоры, обычно по делу об убийстве; Охрана же не имела

ничего общего с этими приговорами. Только на территориях, где действовали законы военного времени, могли исполняться наказания — как и везде в мире — без обычных судебных приговоров, по приказу командующего войсками. Так, варшавский генерал-губернатор однажды отдал приказ о смертной казни группы анархистов, совершивших серию кровавых преступлений{76}.

Высший контроль за всеми расследованиями политического или уголовного характера был сосредоточен в Департаменте полиции Министерства внутренних дел.

Он включал несколько подразделений, из которых особенно важным был Регистрационный отдел. Там содержались точные шифры дел всех, кто когда-либо попадал под наблюдение уголовной или политической полиции{77}. Таким образом, власть имела в своем распоряжении очень тщательно подобранные архивы, содержавшие не только фотографии, отпечатки пальцев, антропометрические данные, но и клички и псевдонимы. Директор Департамента полиции занимал исключительно ответственный пост, и, с учетом важности этого учреждения, назначение директора Департамента полиции было делом министра внутренних дел. Если сменялся министр, директор Департамента сразу же покидал свой пост, чтобы новый министр мог назначить человека, которому он доверяет{78}.

Механизм политической полиции включал расположенные по всей империи губернские жандармские управления и собственно охранные отделения в больших городах. Как правило, охранные отделения создавались в городах, где возникали комитеты революционных партий. Охранные отделения имели свои регистрационные отделы и библиотеки с революционной и иной запрещенной литературой. Надо отметить, что весь руководящий состав охранных отделений должен был быть хорошо знаком с революционной литературой и ясно представлять себе истоки всех разрушительных движений.

Кроме того, охранные отделения имели в своем штате квалифицированных специалистов: фотографов, экспертов по почерку, а во многих округах даже еврейских экспертов, знающих все об иудаизме, которые предоставляли ценные сведения.

Наблюдение за подозреваемыми осуществлялось двумя различными способами, которые должны были дополнять друг друга. С одной стороны, так называемая система наружного наблюдения, а с другой — внутренняя агентура.

Первое вели состоящие на службе в полиции филеры, которые официально считались агентами наружного наблюдения. Эти филеры составляли отряды под командой штатных

сотрудников, специально подготовленных к этой службе. Их обязанностью было следить за подозреваемыми в революционной деятельности на улицах, в театрах, гостиницах, железнодорожных станциях и других общественных местах и стараться узнать все об их окружении и возможные детали их образа жизни.

Служба филеров была очень трудной и рискованной. Только люди, наделенные большой выносливостью и наблюдательностью, могли исполнять ее, так как революционеры, конечно, знали о присутствии этих агентов и пытались помешать им и разнообразными способами сбить со следа. Часто филеры, опознанные террористами, погибали во время исполнения своих обязанностей.

Филер в течение ряда лет приобретал уникальные способности: если он однажды тщательно рассмотрел фотографию, черты оригинала так прочно отпечатывались в его памяти, что он никогда их не забывал, и человека, которого хотя бы раз видел, мог узнать среди сотен других людей.

Конечно, филеры чаще всего маскировались под швейцаров, дворников, продавцов газет, солдат, чиновников или железнодорожных служащих. Носить эти маски так, чтобы никто их не заметил, было большим искусством. И охранные отделения содержали для этих целей собственный склад самой разнообразной одежды и формы, имели конюшенный двор, лошадей и экипажи. В Московском охранном отделении был даже специальный двор для нескольких агентов, изображающих извозчиков.

Публика имела в общем весьма преувеличенные представления о количестве секретных агентов в царской России. Было широко распространено мнение, что каждый город, независимо от размера, наводнен сотнями филеров, а уж в Петербурге — их тысячи. На самом деле весь корпус секретных агентов Охраны по всей России не намного превышал тысячу человек, а в Петербурге их было только около сотни{79}.

Заграничная агентура, об эффективности которой так много говорили в кругах революционеров, должна была проводить свои операции с очень небольшим штатом сотрудников. Только когда речь шла о наблюдении за рубежом, например, за конгрессом социалистов или тайной организацией заговорщиков, несколько агентов посылали из Петербурга или Москвы для усиления службы в Западной Европе.

Обязанности наружного наблюдения и средства, которые должны использовать во всех случаях агенты, были детально указаны в циркулярах и инструкциях Департамента полиции. Эти циркуляры хранились в строжайшей тайне, но, несмотря на все

предосторожности, они стали в конце концов известны революционерам Только это обстоятельство позволяет мне на следующих страницах сослаться на эти инструкции, которые предусматривали наиболее подходящие средства для каждого случая, чтобы дать читателю достоверную информацию о действиях охранных отделений{80}.

Департамент полиции считал необходимым предварительным условием любой успешной работы, чтобы агенты, кроме всего прочего, были способны запомнить черты людей, находящихся под наблюдением Агенту настоятельно рекомендовалось пользоваться каждой возможностью для тренировки и усовершенствования зрительной памяти и приобретения способности, бросив на человека быстрый взгляд, вызывать в памяти, закрыв глаза, его образ. Кроме лица, они должны были хорошо запомнить рост, сложение тела, походку, цвет волос и осанку.

Все замеченные детали должны были быть отражены в дневнике наружного наблюдения, ежедневно представлявшемся руководителю охранного отделения, в котором служил агент. Специальные регистрационные тома с красными, зелеными и белыми страницами облегчали руководителям службы сыска знакомство с постоянно поступающими материалами

Каждый месяц руководители охранных отделений составляли списки лиц, за которыми велось наблюдение, фиксирующие все известные подробности о них, а также мотивы дальнейшего содержания их под наблюдением.

Письменная и телеграфная связь между агентами и их начальством никогда не осуществлялась на обыденном языке, чаще всего использовался язык деловой переписки. К примеру, если агент хотел сообщить, что человек, за которым он следил, отправился в Тулу, то его телеграмма гласила: «Заказанный товар прибыл в Тулу».

Что касается личных качеств агентов, то инструкции, о которых я выше упоминал, содержали требования к агентам сыскной службы быть политически и морально надежными, неподкупными, спокойными, смелыми, ловкими, умными, терпеливыми, осторожными, честными, исполнительными и здоровыми. Лица польского или еврейского происхождения в принципе не использовались для службы наружного наблюдения. Всем вновь поступившим агентам объяснялось, как важна их служба для безопасности державы, а затем они приносили присягу в присутствии священника.

Первым делом нового агента было подробное знакомство с городом, в котором ему предстояло служить, особенно с

кабаками, пивными, трактирами и домами, выходящими на две или более улицы. Затем он должен был узнать все о дрожках и автомобилях, их остановках и стоимости проезда; часах прибытия и отправления основных поездов дальнего следования; времени начала и конца работы различных фабрик и мастерских. Он должен был запомнить форму разных родов войск, школьную и студенческую. Во время обучения он должен был с самого начала в ежедневном рукописном докладе демонстрировать свои успехи в этой сфере. От этих докладов зависело, способен ли он служить в полиции.

И только после этого ему доверяли выполнять службу наружного наблюдения, для начала под присмотром более старшего и опытного сотрудника, в чьи обязанности входило указывать ему на ошибки. В то же время его политическая надежность проверялась другими агентами, которые вовлекали его в разговор и завоевывали его доверие.

Частная жизнь филера тоже не оставалась без внимания. Он, конечно, мог быть женат, но считалось нежелательным, чтобы он демонстрировал привязанность к семье. Для опасных и важных заданий такие люди были непригодны, так же как и те, кто был вовлечен в отношения с женщинами легкого поведения и с другими сомнительными знакомыми.

Конечно, каждому агенту, поступающему на службу, твердо внушали, что все ставшее ему известным во время исполнения своих обязанностей должно храниться в строжайшей тайне.

Лиц, за которыми велось наблюдение, надлежало называть не их настоящими именами, а прозвищами. Начиная наблюдение за подозреваемым, агент должен был сразу дать ему кличку, которая впоследствии всегда обозначала этого человека. Кличка должна была быть короткой и выразительной, отражая, если возможно, какую-нибудь отличительную черту внешности подозреваемого.

Если кто-то находился под наблюдением достаточно долго, агенты, следящие за ним, периодически менялись, чтобы человек, за которым велось наблюдение, не привыкал к виду определенного лица. В результате все агенты знали всех лиц, за которыми ведется наблюдение, что часто оказывалось очень полезным. Конечно же, каждый агент делал все возможное, чтобы наблюдаемый его не заметил или, по крайней мере, увидел только на мгновение и издалека. Это предполагало владение навыками, которые было нелегко усвоить.

Во время преследования человека на улице хорошее знание всех домов, имеющих более одного выхода, часто позволяло сообразительному агенту не быть замеченным, идя впереди и, таким образом, избавляя от неприятного ощущения,

испытываемого человеком, понимающим, что кто-то идет за ним. Следовало, насколько возможно, избегать прямой встречи с наблюдаемым, а если это было неизбежно, то агент должен был прятать глаза, потому что именно по ним его можно было легко узнать.

Если преследуемый неожиданно сворачивал за угол или ускорял шаг, показывая, что заметил слежку, это, как правило, служило сигналом к ее прекращению, так как почти всегда было крайне важно, чтобы объект слежки не догадывался о наблюдении. В обязанности агента входило тщательно запомнить путь наблюдаемого и занести подробности в записную книжку, указывая, когда он ушел из дома, названия улиц, которые он проходил, в какие здания входил и как долго оставался внутри. Требовалась большая изобретательность, чтобы установить не только квартал или многоквартирный дом, но и этаж, и именно ту дверь, в которую вошел наблюдаемый. Для этой цели следовало подняться на верхний этаж и продолжать скрываться там, скажем на ступеньках чердака, ожидая, пока наблюдаемый не выйдет. Тогда по звуку шагов можно было догадаться, из какой двери он вышел, и определить квартиру, в которую приходил. Для подобного наблюдения было удобно использовать агента в форме швейцара или почтальона, чтобы его появление в здании было как можно менее заметно. Иногда агенту лучше всего было быстро снять пальто и шляпу и подняться по ступеням, как будто филер — один из жильцов, на минуту вышедший на площадку.

Много раз одежда извозчика оказывала незаменимую услугу агенту, но, конечно, предусматривалось, что носящий ее человек умеет управлять лошадьми и прилично ездить, соблюдая все полицейские предписания. Он должен был в совершенстве владеть особенностями речи извозчиков и разговаривать с другими извозчиками, не вызывая подозрений. В разговоре со швейцаром агент, выдающий себя за извозчика, всегда должен был быть готов объяснить свою остановку около того или другого дома, и он на самом деле был специалистом по сочинению подобных историй. Особенно в Московском охранном отделении были непревзойденные мастера маскировки. Когда кто-то из них играл роль извозчика, он был абсолютно неотличим от своих собратий по профессии: лихо говорил на их жаргоне, был первоклассным ездоком, и никто ничего бы не заподозрил, когда он общался с севшим к нему революционером и несколько минут спорил с ним об оплате.

В основном агенты, маскирующиеся под извозчиков, не работали в одиночку. Обычно их сопровождали другие агенты, изображающие пассажиров. Если было известно, что человек, за

которым ведется наблюдение, находится в определенном доме, экипаж останавливался у дверей соседнего трактира. Другой агент должен был войти и сесть там, пока извозчик в своем экипаже ждал появления наблюдаемого. Еле заметный знак рукой должен был сообщить агентам внутри, что они должны, тихо и не привлекая внимания, заплатить по счету, занять свои места в экипаже и возобновить преследование.

Определенное умение требовалось, когда преследуемый садился в трамвай. В этом случае было особенно трудно остаться незамеченным, так как в трамвае можно внимательно наблюдать за филером, и с этого момента существовал большой риск, что агент станет известен революционерам.

В театрах и других подобных заведениях один агент наблюдения всегда дежурил у дверей, пока другой входил внутрь. Если они обнаруживали, что выслеживаемый человек разговаривает с кем-то, то за последним тоже следили, пока не узнавали его имя и адрес. Характер и продолжительность бесед между выслеживаемыми людьми и лицами, с которыми они общались, всегда точно отражались в дневниках наблюдения.

Иногда случалось, что во время наблюдения за определенным домом филер замечал, что за короткое время несколько подозрительных лиц, принимая меры предосторожности, вошли внутрь. Это подтверждало предположение, что проходит тайное собрание. В таких случаях надлежало немедленно сообщить руководству охранного отделения о собрании, чтобы арестовать всю группу подпольщиков. Такая информация чаще всего посылалась в записке с посыльным. Она могла содержать фразы вроде: «Не присоединитесь ли к нам? Мы будем очень рады Вашему обществу». Но могло быть и: «Пришлите побольше людей принести товары».

Иногда, когда нужно было наблюдать за домом, в котором предположительно находилась подпольная типография, мастерская по изготовлению бомб или склад оружия, следовало найти квартиры для агентов наружного наблюдения по соседству. Они снимали жилье, как обычные постояльцы, и поэтому имели возможность, беседуя с дворниками и другими людьми, а также опираясь на собственные наблюдения, собрать необходимую информацию.

На всех железнодорожных станциях всегда хранилась некоторая сумма денег для агентов охранного отделения, которым нужно было совершить срочную поездку. Могло случиться, что наблюдаемое лицо неожиданно отправлялось на станцию и садилось в поезд. В таких случаях агент мог получить деньги, лежащие в конторе начальника станции, и купить билет,

как любой пассажир, а затем попытаться не потерять наблюдаемого в поезде, самому оставаясь неузнанным. В случае подобной вынужденной поездки агенту следовало уведомить начальство телеграммой при первой же возможности

Каждый вечер филеры охранного отделения должны были встречаться и обмениваться информацией о людях, за которыми наблюдали в этот день. Таким образом они определяли, насколько данные наблюдения разных агентов дополняют друг друга. На этих встречах намечался также порядок будущих действий.

Сыскная деятельность была посвящена прежде всего наблюдению за террористами, социалистами-революционерами и другими организациями, опасными для существующего строя; одной из главных задач было обнаружение приготовлений к террористическому акту, секретных типографий и мастерских, в которых изготовлялись бомбы. Срок наблюдения мог быть разным: он мог равняться нескольким дням, но мог составлять и годы. За важными лицами наблюдали несколько агентов, а на какого-нибудь простого парня хватало и двоих.

Из-за напряженной и опасной службы агенты быстро старились и страдали от нервных болезней. Однако только в исключительных случаях они по собственной воле оставляли это занятие, так как, несмотря на все испытания и опасности, любили службу, возможно, не в последнюю очередь из-за элемента романтики.

Надо отметить еще одну особенность наружного наблюдения. Иногда возникали такие обстоятельства, что желательный результат не мог быть достигнут на основе обычного наблюдения, нужно было сделать так, чтобы наблюдаемый заметил, что за ним следят Этот прием использовался, когда нужно было устранить посредников между различными революционными лидерами и тем самым заставить этих лидеров раскрыть себя. Иногда оказывалось, что революционная организация использует посредника, который сам не играет важной роли и единственной его задачей является осуществление связи между лидерами. Тогда слежку за ним делали явной, посредник пугался и отказывался от задания. Когда такое случалось, единственной возможностью для лидеров установить контакт было личное общение, в подобном случае было весьма вероятно, что они попадут в руки охранного отделения.

Главная часть работы по организации и обучению агентов, занимающихся наружным наблюдением, осуществлял руководитель службы наружного наблюдения Московского охранного отделения Евстратий Медников{81}. Он был не

особенно образованным человеком, но обладал превосходными способностями к организации этой службы, помимо прочего его отличало необычайное умение обращаться с подчиненными. Он организовал постоянную школу для агентов, и люди, которые служили под его началом в Московском охранном отделении, превращались благодаря его замечательному руководству в настоящих экспертов.

Способ Медникова держать в руках всю службу наружного наблюдения был противоположен бюрократическому: он придавал важнейшее значение своему знанию каждого агента и детальной информации о его сильных и слабых сторонах. В качестве филеров он предпочитал использовать бывших солдат, которых армейский опыт приучил к дисциплине.

Медников ввел также в практику сбор всех филеров вечером в специальном помещении в здании охранного отделения. Он регулярно сам приходил туда, разговаривал с каждым агентом, просматривал рапорты, а затем давал соответствующие инструкции. Конечно, он хорошо знал всех революционных лидеров и был значительно лучше информирован об их подпольной работе и образе действий, чем любой другой руководитель полиции.

Из тех агентов Московского охранного отделения, которые лучше других проявили себя, Медников создал Летучий отряд, который находился в ведении Департамента полиции и мог быть использован, когда возникала необходимость, на специальных ответственных заданиях. Агенты этого отряда были известны своими блестящими способностями. Они почти все время находились в различных командировках и часто ездили за рубеж для усиления заграничной агентуры.

Благодаря превосходной организации Московское охранное отделение достигло блестящих успехов в борьбе с различными революционными организациями, стремившимися к свержению государственного строя. Оно предотвратило несколько покушений на жизнь членов Императорской семьи. Благодаря его усилиям было уничтожено революционное общество «Народная воля», которое довольно долго продолжало свою весьма опасную деятельность.

В целом результаты деятельности службы наружного наблюдения создавали прочную основу для работы политической полиции. Помощь агентов во многих случаях позволила конфисковать запрещенную литературу и библиотеки, а также закрыть подпольные типографии. Такие успехи часто были обусловлены самообладанием какого-нибудь агента, который в критический момент мгновенно принимал нужное решение Одна

террористическая организация была раскрыта благодаря сообразительности филера, который заметил, что человек, за которым он следит, выбросил клочки бумаги. Он позвал уличного мальчишку, сунул ему мелкую монету и поручил тщательно собрать все клочки, а сам продолжал преследовать этого человека. Когда после долгой и тщательной работы обрывки бумаги наконец правильно сложили, удалось прочесть письмо, давшее ключ к раскрытию разветвленной сети опасной организации.

В другой раз секретная мастерская по изготовлению бомб была раскрыта агентом, которого удивило, что подозреваемый часто посещает сады и парки. Смелый ход мысли позволил агенту предположить, что эти продолжительные прогулки объясняются тем, что этот человек большую часть времени работает с химикатами и поэтому очень нуждается в свежем воздухе. Проверяя эту гипотезу, охранное отделение раскрыло постоянно действующую мастерскую по производству бомб и склад взрывчатых веществ.

Среди наиболее важных достижений наружного наблюдения нужно упомянуть разгром тайного профсоюза моряков под руководством Троцкого, который приобрел большое влияние за несколько лет до начала Первой мировой войны. Отчеты сотрудников наружного наблюдения привели к полному раскрытию этой организации и к аресту всех ее лидеров, из которых более двухсот человек были впоследствии отданы под суд{82}.

Глава II

Секретные сотрудники. — Предатели по убеждениям. — Тайные встречи. — Зубатов: его работа и его смерть. — Революционная контрагентура. — Полицейские специалисты по всем революционным движениям

Серьезный упрек политической полиции, который повторяют снова и снова, состоит в том, что она использовала сомнительный метод провокации, т.е. подстрекательства: сначала побудить множество людей к совершению политических преступлений, а затем отправить их в Сибирь или даже на виселицу. Безответственные агитаторы, чьей работой, кроме всего прочего, была полная гибель Российской империи, никогда не уставали повторять этот упрек дома и за границей; и в результате их усилий Департамент полиции, под давлением предвзято ориентированного общественного мнения, демонстрировал слишком мало энергии и решимости в применении внутреннего наблюдения.

Вопрос применения провокации был тесно связан с деятельностью Охраны и в целом, и в частных ее обязанностях, которые весьма отличались от функций обычной уголовной полиции. Без ясного понимания задач политической полиции совершенно невозможно понять в этом горячо обсуждаемом деле, в чем же суть проблемы.

Когда происходит обычное преступление, например убийство или грабеж, власть вмешивается, как правило, только после его совершения. Задача полиции в этом случае — найти улики, опросить свидетелей, использовать все известные методы криминалистики, чтобы найти преступника, арестовать его и передать дело в суд.

Совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о политических преступлениях, которые задумывались и готовились конспиративной группой. В этом случае государство должно употребить свою власть не на то, чтобы наказать преступников после совершения преступления, напротив, оно должно стремиться своевременно разрушить преступные замыслы — до того, как их смогут осуществить.

Любое правительство, а не только царское, обязано защищать и поддерживать установленный порядок всеми возможными способами. Везде, следовательно, власти постоянно занимаются сбором информации о планах заговорщиков, с целью, по мере возможности, уничтожить любое революционное движение в

момент его возникновения Поэтому во всех нормально устроенных государствах существуют также ведомства, имеющие разные названия, но одну и ту же функцию, а именно — без лишнего шума вести эффективную борьбу с целью предотвращения революции и анархии.

Практически есть только один эффективный способ узнать о действиях врага. Политическая полиция должна тайно вступить в контакт с людьми из революционного лагеря. Закономерно, что большая часть ее деятельности была посвящена этой цели Когда возникла секретная служба (внутреннее наблюдение), сказать не могу, но знаю, что это произошло довольно давно.

Внутреннее наблюдение было значительно опаснее для врагов строя, чем наружное, потому что благодаря ему власти узнавали о самых тщательно скрываемых событиях в деятельности различных революционных организаций. Поэтому таких секретных сотрудников, взятых из вражеских рядов, использовали как Департамент полиции, так и местные охранные отделения и Заграничная агентура. Секретные сотрудники Заграничной агентуры занимались наблюдением за эмигрантами и составляли рапорты обо всем, что происходило на конференциях оппозиционных групп и особенно различных социалистических сект. Иногда секретные сотрудники возвращались в Россию и осуществляли регулярное инспектирование важнейших центров российского подполья, выдавая себя за полномочных представителей революционных штабов за границей.

Охранное отделение вербовало секретных сотрудников из всех слоев общества: рабочих, проституток, студентов, уважаемых руководителей партий и даже членов Думы.

Мотивы, которые побуждали революционеров сотрудничать с полицией, становясь, таким образом, предателями своих товарищей по партии, были весьма различны. За время службы в Департаменте полиции я встречался с людьми слабохарактерными, которые сдавались сразу после ареста, заявляли о готовности поделиться с властями важными подробностями о деятельности своей партии. Другим сотрудники охранных отделений в течение определенного времени приводили крайне убедительные доводы, чтобы побудить их к сотрудничеству. В таких переговорах, конечно, самым убедительным аргументом было ожидавшее их наказание, которое обещали отменить.

Иногда случалось также, что люди, приходившие в охранное отделение, добровольно заявляли, что действия группы бунтовщиков, к которой принадлежат сами, крайне

предосудительны, и поэтому они готовы с этого момента помогать властям в их борьбе с подрывными элементами. Но я достаточно часто встречал людей, которые, когда я спрашивал, почему они предлагают нам свои услуги, прямо отвечали, что делают это ради денег.

И все же материальная заинтересованность играла не такую большую роль, как может показаться, так как вознаграждение было очень небольшим. Только если Департамент полиции работал с особенно важными лицами в революционном движении, он предлагал этим людям награду, соответствующую размерам их предательства. Обычные осведомители секретной службы, однако, редко получали больше 20—50 рублей в месяц.

Я знал многих секретных сотрудников, которые за такую небольшую плату снабжали нас весьма ценными сведениями. Особенно евреи (известно, что в каждом революционном движении в России евреи были обильно представлены) удовлетворялись совершенно ничтожным вознаграждением за свою предательскую службу. После революции 1905 года суммы Департамента полиции на эти расходы были значительно увеличены, но, поскольку число осведомителей соответственно выросло, их доход был не больше, чем прежде.

Кроме постоянных осведомителей попадались также люди, случайно оказавшиеся в охранном отделении и сообщившие информацию о той или другой организации, к которой принадлежали они сами или их друзья. Такое случайное сотрудничество оплачивалось лишь несколькими рублями{83}.

В этом случае побудительным мотивом была месть. Случалось, что революционеру казалось, что его обидели, пренебрегли им и предали члены его собственной организации. В порыве ярости и злобы он спешил в охранное отделение и доносил на своих товарищей-подпольщиков. Агитаторы, которым обещали вознаграждение за их деятельность, но не дали его, также приходили в отделение, дрожа от гнева. Им хотелось дать выход чувствам и, к тому же, получив вознаграждение, компенсировать ущерб, нанесенный обманом революционеров.

Но были также люди, которые сотрудничали с нами из чистого интереса к этой работе, и это были часто самые способные и умелые помощники полиции. Одной из самых интересных фигур этого рода была курсистка по фамилии Жученко, которая в течение многих лет активно сотрудничала с Московским охранным отделением и, в частности, оказала исключительно важную помощь в раскрытии Боевой организации социалистов-революционеров. В результате акции, проведенной на основе ее сообщения, было предотвращено несколько

планировавшихся террористами убийств, а инициаторы их были арестованы. Долгое время социалисты-революционеры очень доверяли ей и однажды поручили осуществить покушение на жизнь генерала Курлова, в то время минского губернатора. По согласованию с охранным отделением Жученко взялась за это дело и на самом деле бросила бомбу в Курлова, в полном соответствии с планом революционеров. Конечно, специалисты охранного отделения должны были сделать так, чтобы бомба не причинила вреда, поэтому она не взорвалась. Прошло несколько лет, прежде чем революционеры узнали, что Жученко играла двойную роль, и с этого времени смелая девушка подвергалась опасности пасть жертвой их мести. Но ей удалось избежать расставленных ловушек и продолжать успешно посылать в охранное отделение важные сообщения о действиях социали-стов-революционеров.

Почти всегда охранное отделение принимало крайние предосторожности при работе с такими секретными сотрудниками, и если иногда эти правила нарушались, то последствия почти всегда бывали гибельны.

Основополагающим принципом было, что во всех документах и донесениях, а также в устных сообщениях осведомители никогда не должны подписываться настоящими именами, а только псевдонимами. В отличие от практики службы наружного наблюдения этот псевдоним не должен был быть производным от фамилии, профессии, места проживания, особенностей внешности человека; он выбирался совершенно произвольно.

Только руководители знали настоящие имена агентов, и даже офицеры, которые долго были в контакте со своими осведомителями, как правило, не знали, с кем в действительности имеют дело. Только в Департаменте полиции были списки настоящих имен, и только там, если возникала необходимость, было возможно установить личность агента.

Если кличка становилась слишком хорошо известна в полицейских кругах, она сразу же менялась, так что тот же агент впредь именовался по-другому, и никто, кроме руководителей, не знал, что новый сотрудник — это тот же, который был ранее известен под иной кличкой. Целью всех этих предосторожностей было как можно более затруднить революционерам раскрытие секретных сотрудников.

Встречи руководителей с наиболее важными агентами проходили на так называемых конспиративных квартирах, большая часть которых содержалась охранными отделениями и которые играли весьма важную роль в этой сфере розыскной службы.

Эти квартиры имелись во всех частях города и постоянно менялись, чтобы не назначать встреч с разными агентами в одном и том же доме, но всегда только в разных. Адреса этих квартир конечно же держались в строжайшем секрете, и каждое здание, в котором было расположено одно из таких мест встречи, находилось под наблюдением агентов наружного наблюдения. Один определенный сотрудник должен был присматривать за этими домами и хранить ключи от них. Когда бы ни назначалась встреча осведомителя с офицером полиции, этот служащий должен был впустить каждого отдельно в квартиру и таким же образом выпустить из дома.

Несмотря на все предосторожности, революционеры иногда обнаруживали какую-нибудь из этих квартир. Тогда они со своей стороны пытались следить за ней и таким образом узнавали, кто часто посещает ее. Так им удавалось время от времени раскрывать секретных сотрудников. Чтобы избежать этого, адреса менялись так часто, как позволяли отпускаемые на это средства.

Важным правилом работы секретной службы было то, что имена секретных сотрудников никогда не должны были быть известны агентам наружного наблюдения и наоборот. Целью таких мер было гарантировать, чтобы донесения, поступающие в службы наружного и внутреннего наблюдения, были совершенно независимы и, насколько возможно, дополняли друг друга.

Сообщения, полученные от секретной агентуры, посылались в Особый отдел Департамента полиции и были засекречены. Только сотрудникам, которые работали там, разрешался доступ к этим секретным документам.

Реорганизация Особого отдела и придание ему того вида, в котором он существовал в последнее десятилетие царской власти, были осуществлены Зубатовым, ранее возглавлявшим Московское охранное отделение. Он одним из первых осознал реальную опасность, которую представляет для государства рост революционных движений с конца XIX века. Он также понял, что только использование секретных сотрудников дает возможность властям осуществить действенную защиту строя. Под его непосредственным руководством был подготовлен ряд ценных сотрудников, он всегда делал все от него зависящее, чтобы превратить своих людей в убежденных монархистов и защитников существующего порядка. Когда арестовывалась группа революционеров, Зубатов пытался найти среди них людей, которые, на его взгляд, наиболее поддаются влиянию. Он приглашал их в свой кабинет и начинал дружескую беседу, объясняя, что все цели революционеров отвратительны и что действия правительства являются оправданным способом

самозащиты.

Таким образом он часто склонял на сторону Охраны людей, сбитых с истинного пути революционерами, а теперь осознавших свою ошибку. К таким людям Зубатов испытывал своего рода слабость и относился к ним в известной степени как к своим протеже. Когда их работа с ним заканчивалась, он следил за тем, чтобы эти агенты были прилично устроены в обычной жизни, и часто говорил, что обязанность полиции — помочь революционерам стать полезными членами общества.

По инициативе Зубатова были введены новые методы розыскной работы по западноевропейскому образцу. Он организовал отвечающую современным требованиям информационную картотеку, создал антропометрические архивы, что впоследствии сослужило огромную службу{84}. Его делом было также создание новых охранных отделений в ряде губернских городов.

Большие успехи, которых позволили достичь его методы, вызвали ненависть к нему всех революционных организаций. Когда впоследствии в 1917 году разразилась революция, Зубатов, понимая, к каким последствиям для него это может привести, застрелился, как только победа восставших стала несомненной.

Конечно, мы должны были страховаться против ложной информации, которую намеренно или случайно давали нам агенты. Довольно часто случалось, что революционные организации внедряли своего человека в охранное отделение, чтобы дезорганизовать его и, главное, узнать имена секретных сотрудников и отомстить им. Было совершенно необходимо, чтобы достоверность всех донесений, поступавших от секретных агентов, тщательно проверялась, что часто требовало от офицеров очень высоких профессиональных знаний и тонкого понимания человеческой натуры. Как правило, следовало осуществлять наблюдение за революционной организацией силами не одного, а двух или более секретных сотрудников, которые никак не были связаны друг с другом. Таким образом власти получали несколько сообщений об одной и той же организации, которые можно было сопоставлять, исправлять и дополнять.

Дальнейшая проверка обеспечивалась тем, что, как уже упоминалось, службы наружного и внутреннего наблюдения действовали независимо друг от друга. Так как постоянные осведомители и секретные сотрудники не знали друг друга, служащие службы наружного наблюдения откровенно и беспристрастно сообщали о поведении секретных агентов, и это позволяло проверить надежность донесений осведомителей и в целом давало ясную картину образа жизни и политических

убеждений этих людей. Надо также учесть, что высшие полицейские чиновники длительное время изучали различные революционные движения. Одни из них специализировались на Партии социалистов-революционеров, другие — по анархистам, третьи изучали толстовцев, социал-демократов и другие оппозиционные объединения. Эти чиновники располагали исчерпывающей информацией поданной теме, и их было нелегко обмануть. Обыденно мыслящие люди, не посвященные в действительное положение дел и технику работы полиции, часто были недовольны деятельностью по внутреннему наблюдению и делали различные, исполненные благих намерений пожелания, чтобы усовершенствовать ее. Например, граф В.П. Мещерский в своей газете «Гражданин» однажды опубликовал статью, призывающую, по сути дела, к уничтожению внутреннего наблюдения, т.е. к ликвидации всей системы вербовки секретных сотрудников. Он предложил, чтобы полиция маскировала собственных сотрудников и посылала их на собрания революционеров. Едва ли нужно говорить, что такому непрофессиональному совету не было придано серьезного значения.

Глава III

Провокаторы и провокация (прямое подстрекательство). — Предательская опечатка. — Полицейские агенты как заговорщики. — Организация и образ действий революционеров. — Тайные типографии. — Анархисты и террористы. — Раскрытая попытка покушения на Царя

Как мало на деле можно было сделать без методов, практикуемых политической полицией, наиболее отчетливо, пожалуй, демонстрируют некоторые случаи, произошедшие после Февральской революции 1917 года. Министр юстиции Керенский обратился к бывшим руководителям Охраны, находившимся тогда в тюрьме, за советом, как лучше противостоять происка большевиков. Одним из них был генерал Глобачев, бывший начальник Петербургского охранного отделения. Его арестовали сразу после революции и сразу же предложили сотрудничать с новым правительством в борьбе с экстремистами. Должен сказать, что похожий случай произошел и со мной{85}.

Но если политическая полиция и считала необходимым сотрудничать с секретными агентами из рядов бунтовщиков, это все же было очень далеко от провокации и прямого подстрекательства, в которых всегда ее обвиняли. Был, в сущности, только один способ оправдать это обвинение: враги старого режима просто произвольно изменили значение слова «провокация» и называли провокатором любого, кто тайно снабжал нас информацией.

Действительное значение этого термина, которым слишком часто злоупотребляют, однако, совсем другое. Провокатор — это тот, кто создает революционное движение, а затем предает властям людей, которых обманул. Если термин «провокатор» понимать таким образом, я могу подтвердить, что подобная подлинная провокация никогда не поощрялась царской властью, но всегда сурою наказывалась.

Больше того, к сожалению, и без Охраны подпольные организации возникали в большом количестве. Российское образованное мелкопоместное дворянство считало хорошим тоном предаваться (с полным отсутствием рассудительности и сдержанности) тому, что считало либеральными идеями; и, следовательно, движения, оппозиционные правительству, были слишком сильными сами по себе и не требовали искусственного поощрения или создания тайных организаций и заговоров со стороны Охраны, хотя ей это и приписывалось. Эти злополучные

смутьяны и агитаторы: Бурцев, Гершуни, Балмашев, Каляев, Савинков и другие, которые десятилетиями работали для того, чтобы разрушить нашу страну, до сегодняшнего дня не смогли представить доказательств того, что были *спровоцированы* на революционную деятельность.

Конечно, нельзя скрыть тот факт, что время от времени, благодаря недостатку опыта у местных властей, провокация имела место, но когда в Департаменте полиции узнавали о подобных случаях, виновных всегда ожидало строгое наказание. Люди, руководившие Департаментом, такие как Коваленский, Э.И. Вуич, М.И. Трусевич и я, всегда внимательно следили за тем, чтобы не допускать, а уж тем более не одобрять таких неприемлемых действий.

Если случаи провокации все же происходили, то они были преимущественно последствиями революции 1905 года. Беспорядки доказали, что численность политической полиции недостаточна для того, чтобы с полным успехом подавить волнения. Чтобы несколько исправить положение, директор Департамента полиции М.И. Трусевич организовал районные охранные отделения, призванные укрепить органы, занимающиеся политическими расследованиями. Поскольку, однако, ощущался недостаток людей для работы в этих отделениях, Трусевич был вынужден назначать туда на руководящие должности молодых армейских офицеров. Этим руководителям, естественно, часто не хватало опыта и необходимых знаний; и в дополнение к этим трудностям часто возникали трения между ними и местными властями.

Далее, одно время Департамент полиции использовал ошибочную практику оценки работы районных отделений на основе чисто количественного принципа, по числу сообщений о революционной деятельности. Легко могло случиться, что на данной территории подпольщики не очень активны, и руководитель районного охранного отделения опасался, и не без основания, что произведет плохое впечатление на начальство в Петербурге, если не будет отправлять соответствующие сообщения. Такое положение, естественно, поддерживало заманчивую мысль о создании *беспорядков* на основе провокации. Впоследствии, обнаруживая их, офицер мог заслужить у начальства Департамента полиции репутацию очень умелого сотрудника{86}.

Несколько раз мне тоже приходилось расследовать подобные случаи. Среди них я помню особенно одно дело, случившееся в 1906 году в Екатеринославе. В этот город я был отправлен министром внутренних дел П.Н. Дурново, и здесь я узнал от

местного прокурора, что незадолго до моего прибытия начальник охранного отделения{87} нашел подпольную типографию. Однако следователь, ведущий это дело, тщательно обыскав помещение типографии, обнаружил безошибочные признаки того, что все было сфабриковано самим охранным отделением. Вот как это было. В типографии были найдены несколько сотен экземпляров подрывной прокламации, а ее набор был тут же, в типографском станке. Следователь сделал оттиск с набора и обнаружил, что в одном абзаце отсутствует маленькое слово «этот». Но в напечатанных уже экземплярах оно было на месте. Мы все сразу поняли, что это значит. Охранное отделение где-то отпечатало прокламации, подложило их в типографию при помощи одного из своих агентов, который затем быстро сделал соответствующий набор. Если бы не небольшая оплошность этого человека, план мог бы сработать и совершенно невиновный типограф был бы сослан в Сибирь. Начальник отделения получил суровый выговор, расследование сразу же прекратили, и ни один волосок на голове типографа не пострадал. Я передал министру рапорт об этом деле, и он собственноручно наложил резолюцию: «Начальник отделения должен быть немедленно уволен; начальника Корпуса жандармов немедленно уведомить о его отставке».

Другой случай провокации произошел в то время, как я руководил Особым отделом Департамента полиции. Начальник жандармско-полицейского управления Дальневосточной железной дороги, человек, который никогда до этого не занимался политическими расследованиями, прислал сообщение, что какие-то русские революционеры встречаются в клубе в Токио{88}. Стремясь нейтрализовать этих людей, сообщал он, он послал туда своего агента, чтобы взорвать клуб. Как только я прочел это сообщение, то сразу поспешил к директору Департамента полиции и все ему рассказал. Тотчас же была отправлена телеграмма этому жандармскому начальнику, строго запрещающая осуществление его безумного плана К счастью, послание успело вовремя, и взрыв бомбы, задуманный одним из наших сотрудников, был предотвращен.

Приведенными случаями я исчерпал список реальных случаев провокации, которые мне известны. Дело в том, что Департамент полиции всегда был весьма подозрителен, вникал в каждое дело, чтобы быть уверенным, что подчиненные не переходят границ законности.

Работа секретных агентов состояла исключительно в информировании охранных отделений о деятельности подпольных организаций; им строго запрещалось принимать какое-либо активное участие в делах, которые наносят ущерб

интересам государства. Конечно, члены подпольных организаций, к которым принадлежал секретный агент, ожидали от него определенной работы, и он не всегда мог освободиться от нее, не вызывая подозрений. Соответственно, мы разрешали нашей агентуре участвовать в тайных собраниях и выполнять небольшие поручения, которые им давали. Но если дело касалось серьезных и опасных предприятий, то секретному сотруднику не разрешалось повиноваться руководителям бунтовщиков. Ему следовало найти убедительный предлог, чтобы отказаться от выполнения поручений. Таким образом, трудность для сотрудника состояла в том, чтобы, с одной стороны, создать впечатление активности и усердия в партийных делах, а с другой — отказываться от действий, серьезно нарушающих закон. Если в партийной работе секретный сотрудник демонстрировал слишком мало рвения, он рисковал вызвать подозрения своих товарищей и в итоге мог быть даже убит. Если же его участие в насильственных действиях бунтовщиков заходило слишком далеко, он легко мог оказаться в ситуации, которая исключала возможность законного освобождения его от ответственности.

Иногда случалось, что у нашей секретной агентуры возникала необходимость взять на сохранение у революционеров пропагандистскую литературу компрометирующего содержания и даже взрывчатку. В таких случаях агент, в соответствии с инструкциями, должен был принести такую литературу или взрывчатку в полицию своему начальнику, а затем сказать подпольщикам, что был вынужден уничтожить материалы, так как хозяйка стала что-то подозревать, или привести какое-нибудь другое убедительное объяснение. В обязанности начальника охранного отделения входило обеспечивать агентов такими объяснениями, предназначенными для революционеров, и иногда даже устраивать маленькие инсценировки. Таким образом власти получали ценные свидетельства, а агент не компрометировал себя в глазах подпольщиков.

Читатель может задать вопрос, почему полиция не могла сразу арестовать людей, о которых сообщил осведомитель; почему, с другой стороны, она долгое время оставалась пассивным свидетелем опасных действий заговорщиков? Причина заключается в сложной структуре революционных организаций. Начать с того, что секретный сотрудник мог обычно знать только нескольких незначительных членов своей подпольной организации, тогда как настоящие руководители держались в тени. Действия организаций, стремящихся к свержению государственного строя, были так тщательно и детально продуманы, что их нельзя было пресечь мерами простого

насилия. Если жандармы проводили арест сразу же после получения первых сведений от своих осведомителей, им в руки могли попасть только незначительные исполнители, которые даже не очень хорошо знали подробности подпольной работы, и нам никогда бы не удалось раскрыть всю сеть подпольной организации. Наши враги могли бы втихомолку радоваться, если бы мы старательно арестовывали таких людей, которые оказались заметны только потому, что заговорщики хотели, чтобы, арестовав этих людей, мы предупредили лидеров об опасности.

Все подпольные организации были устроены по такой же сложной системе, как и сама политическая полиция. Руководители, занимавшие наиболее ответственные посты в организации, очень редко показывались товарищам, не входившим в круг партийной элиты, и скрывались под вымышленными именами. Поэтому рядовой революционер часто не знал, кто на самом деле его руководитель. Вся корреспонденция приходила на совершенно безобидные фальшивые адреса, которые на жаргоне этих людей назывались «чистыми адресами». Почти все руководящие деятели революционеров имели подложные паспорта, и они так тщательно хранили в секрете свою подлинную личность, что властям часто было невероятно трудно установить, кем они являются на самом деле.

Все рукописные материалы, которые могли бы послужить основанием для обвинения, были либо зашифрованы и написаны невидимыми чернилами, либо спрятаны в очень умело выбранных тайных местах. Опытные революционеры проверяли, не следят ли за ними на улицах, и использовали меры предосторожности в случае неожиданного полицейского обыска. Если сотрудники охранного отделения внезапно появлялись в подозрительной квартире, революционеры, которые там оказывались, всегда стремились, задернув оконные занавески или иным схожим способом, дать знать своим товарищам, ожидавшим на улице, и мы могли быть совершенно уверены, что никто из подпольщиков никогда больше не появится на этой квартире.

Высшие руководители революционных партий, как правило, находились за границей и были, следовательно, вне сферы досягаемости властей. Особенно Швейцария в течение долгого времени была центром различных социалистических и других революционных организаций, которые использовали эту страну как убежище, из которого они из года в год направляли борьбу с самодержавной властью.

Если революционера арестовывали, он, как правило, отказывался давать какие-либо показания. Это был, если можно

так выразиться, их принцип, направленный на то, чтобы как можно более усложнить задачу властей.

Одним из наиболее важных средств, используемых всеми этими организациями, были подпольные типографии. Такие типографии чаще всего размещались в подвалах старых домов или в отдаленных районах и закоулках. В этих типографиях печатались воззвания и прокламации, направленные на то, чтобы поднять народ на борьбу с законным правительством. Найти и обезвредить эти рассадники революционных идей было главной задачей охранных отделений, которая могла быть решена главным образом при помощи секретных сотрудников. Если мы обнаруживали одну из таких типографий, все материалы, найденные в помещении, конфисковывались и уничтожались{89}; все причастные к печатанию революционных листовок высылались в Сибирь.

Самыми опасными врагами, противостоящими Охране, были анархисты, которыми владели слепая жажда разрушения и стремление к ниспровержению любой власти и порядка в государстве. Среди них было немало людей, одержимых фанатичной верой в правильность своих идей и мечтающих провести их в жизнь. Но в рядах анархистов были также люди, которые просто пользовались возможностью удовлетворять свои болезненные и преступные наклонности.

Так называемая Боевая группа социалистов-революционеров тоже доставляла немало беспокойства Охране, так как она совершала множество покушений на жизнь членов Императорской семьи, правительства и самой полиции. Число жертв от взрывов бомб или револьверных пуль террористов весьма велико. Даже жизнь Царя часто подвергалась серьезной опасности. Мы постоянно узнавали о замыслах убить Государя, и несколько раз только особая осторожность и изобретательность дали возможность предотвратить эти преступления.

Как много в этих случаях зависело от правильного поведения руководителей политической полиции, лучше всего видно из рассказа о попытке покушения, предпринятой эсером Слетовым. Он приехал в Петербург с несколькими товарищами, чтобы убить Царя. Он и его спутники маскировались под извозчиков и затратили немало усилий, чтобы выяснить точное время, когда Император обычно выезжает из дворца. Но, по счастливой случайности, среди товарищей Слетова был секретный сотрудник, который не терял времени и предупредил власти о замыслах этой опасной группы{90}. Донесение было передано генералу Курлову, тогда командиру Корпуса жандармов. Некоторое время он не знал, что предпринять. Проще всего было сразу же арестовать

Слетова и его товарищей, но мы не знали точно, какие ответвления существуют у этой организации. Если такие были, то мы не могли пойти на риск, что какой-нибудь другой член организации, неизвестный полиции, совершит в конце концов намеченное покушение. После долгих размышлений Курлов решил на этот раз тихо предупредить Слетова через агентуру и таким образом «засветить» всю группу.

Каким бы странным ни казался подобный ход, но в данной ситуации это было лучшее, что можно было сделать. Опасность для жизни Императора была предотвращена. Конечно, существовала возможность, что один из этих заговорщиков может быть вовлечен в дальнейшие преступные замыслы, но полиция уже установила их личности. Это увеличивало возможность успешных действий в будущем, если же члены организации были бы арестованы, полиция становилась бы беззащитной перед дальнейшими заговорами.

Глава IV

Агенты из числа революционных лидеров. — Дело Азефа. — Глава Департамента полиции под судом. — Психология предателя. — Убийство полковника Карпова. — Взрывчатка в ножке стола. — Убийство начальника тюремного управления. — Убийца с динамитом в корсаже. — Ужасная гибель Столыпина, председателя Совета министров

В течение всей моей службы в Департаменте полиции я всеми силами противостоял попыткам использовать в качестве сотрудников людей, которые входили в руководство революционных организаций. Полиции, должно быть, представлялось очень соблазнительным склонить на свою сторону руководителя революционного подполья и таким образом получать полную и исчерпывающую информацию о делах его организации. Опыт, однако, показал, что таким путем едва ли можно достигнуть нужных целей.

Человек, стоящий во главе революционной организации, никогда откровенно не сообщит полиции сведения, которыми располагает. Как руководитель своей группы, только он один может знать ее подлинные замыслы и цели. Если он выдает эти секретные сведения властям, то рискует, что его раскроют товарищи и он будет полностью скомпрометирован в их глазах, поэтому если такой человек окажется в полном подчинении у властей, то предоставляемая им информация, весьма вероятно, будет ложной или малозначительной.

Наверное, ничто так полно не подтверждает правильность моих взглядов, как шумное дело Азефа. О нем снова и снова напоминала либеральная пресса, осуществляя безответственную агитацию против правительства. Конечно, нельзя отрицать, что в этом деле имелись серьезные — более того, ужасные — упущения, но совершенно непозволительно делать вывод, что в основе всей государственной системы лежали методы Азефа.

Азеф примерно в 1900 году вернулся в Россию из-за границы, где он поддерживал отношения с Рачковским, заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции. Последний, однако, скоро перестал доверять ему и порвал с ним все отношения. В России Азеф сразу же установил контакты с Зубатовым, начальником Московского охранного отделения, и в то же время занял важный пост в Партии социалистов-революционеров, к которой долгие годы принадлежал. Он был избран членом Центрального комитета партии и использовал

свое положение, чтобы передавать властям информацию о террористических актах, совершить которые планировали его товарищи. Но он все время играл двойную роль и, получая регулярное содержание от Департамента, одновременно принимал участие в подготовке террористических актов, не сообщая об этом полиции. А полицейские власти были спокойны и ощущали себя в безопасности, веря, что получают от Азефа исчерпывающую информацию о планах Боевой организации Партии социалистов-революционеров, которая тогда действовала исключительно активно.

К сожалению, не были приняты меры предосторожности, чтобы убедиться, что человек, получающий жалованье от государства, не помогает организовывать террористические акты против министров и Великих князей. Надежда наконец-то раскрыть широко разветвленную террористическую сеть побуждала руководителей розыскной службы, работающих с Азефом, поступать совершенно неразумно. Что касается Азефа, то он принимал все меры предосторожности, чтобы не выдать себя товарищам и быть уверенным, что правительство получает от него далеко не всю информацию, которой он располагает. Полицейские власти чувствовали себя спокойно, полагая, что руководитель их врагов сотрудничает с ними{91}, и их чрезвычайно поражало, что политические преступления не просто не прекращаются, но начинают принимать еще более угрожающие масштабы.

В течение сравнительно короткого времени были убиты министр внутренних дел В.К. Плеве и Великий князь Сергей Александрович. В обоих случаях преступления были задуманы и осуществлены партией Азефа, а он не предупредил полицию. Либеральная пресса неоднократно утверждала, что Азеф действовал как провокатор и сам же организовал эти преступления. Даже бывший председатель Совета министров, граф Витте, по-видимому, придерживался этой точки зрения, поскольку в своих мемуарах он говорит о слухе, что убийца Великого князя Сергея Александровича был подстрекаем к этому преступлению *«полицейским агентом* Азефом». Но нужно отметить, что граф Витте, который, кроме всего прочего, был вто время председателем Совета министров и, по его выражению, «правил страной», не положил конец секретной агентуре, деятельность которой привела к тому, что членов Императорской семьи убили ее собственные агенты. Напротив, именно тогда граф назначил министром внутренних дел П.Н. Дурново, который всемерно поддерживал именно эту систему политического розыска. Одного этого факта достаточно, чтобы усомниться в

обоснованности проводимой Витте критики действий полиции.

Несмотря на все расследования, газетные статьи и речи, произнесенные в Думе, до сих пор нет полной ясности в темном деле Азефа. Мне тоже в течение всего периода службы не удалось увидеть ни одного документа, который проливал бы свет на это таинственное дело.

К сожалению, когда премьер-министр П.А. Столыпин произнес свою замечательную речь в Думе по поводу дела Азефа{92}, он не объяснил четко, что это дело — частная ошибка Охраны, за которую она должна отвечать. Увлеченный ораторским вдохновением, премьер-министр говорил о слишком общих вещах и поэтому дал возможность оппозиции продолжать болтовню по поводу системы Азефа.

С этим печально известным делом связано и судебное расследование, которое в свое время наделало много шума. Оно затрагивало бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина. Через некоторое время после ухода с этого поста он совершил серьезный просчет, сообщив Бурцеву, что Азеф был секретным агентом Охраны. Я не понимаю, как такой опытный полицейский руководитель, как Лопухин, мог совершить подобный опрометчивый поступок. Во время своей зарубежной поездки Лопухин случайно встретил Бурцева, начал беседовать с ним и в пылу спора проговорился, что Азеф, возможно, был на службе у полиции. Бурцев, не теряя времени, опубликовал свою беседу с Лопухиным в оппозиционной прессе. В результате не только Азеф был заклеймен в глазах революционеров как предатель, но и несколько других секретных агентов полиции начали вызывать подозрения у членов партии, к которой принадлежали.

Этот случай встревожил правительство, особенно потому, что Лопухин был другом юности Столыпина и, следовательно, был с ним в самых теплых отношениях. Министр внутренних дел Макаров{93} собрал специальное совещание, на котором присутствовали министр юстиции Щегловитов, прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский и товарищ министра внутренних дел Курлов. По вопросу, нужно ли отдавать Лопухина под суд, мнения разделились, но в конце концов, несмотря на веские возражения, большинство проголосовало за то, чтобы передать дело в суд.

На мой взгляд, это было чрезвычайно грубой ошибкой: для обвинения не было серьезных оснований; оно основывалось на статье 102 Уголовного кодекса об участии в тайных и преступных сообществах. Без сомнения, Лопухин понес бы наказание в результате административного расследования и даже мог быть

отправлен в ссылку, но, несомненно, не существовало ни малейших оснований для возбуждения против него настоящего судебного дела. *Я* все еще помню, как взволнован был обвинитель В.Е. Корсак во время суда, и когда за несколько минут до произнесения обвинительной речи я говорил с ним, он признался, как трудно ему подвести поступок Лопухина под упомянутую статью. Тем не менее Лопухин был осужден и сослан в Сибирь, что, безусловно, уронило престиж Департамента полиции.

Каждый секретный сотрудник являлся, конечно, предателем своих товарищей, и я всегда внушал подчиненным, что они не должны упускать из виду этот факт. Это было необходимо потому, что, к сожалению, у многих офицеров розыска возникало слепое доверие к своим агентам.

Можно легко понять, что руководителям охранных отделений было непросто выбрать правильную линию поведения со своими агентами: сначала предоставить им возможность собирать информацию, затем запретить им активное участие в противозаконных действиях и, наконец, защитить их от разоблачения. Нужно учесть еше один психологический феномен: секретные агенты продолжительное время общались как с полицией, так и с революционерами и поэтому находились в совершенно противоестественном положении, которое оказывало весьма пагубное влияние на их нервную систему. Предательство по отношению к своим товарищам по партии, которое легко могло привести их к заключению или ссылке, давило на психику этих людей; в то время как, с другой стороны, они всегда должны были пребывать в страхе, что революционеры раскроют и убьют их. Таким образом, в жизни каждого секретного сотрудника почти всегда наступал момент, когда он начинал раскаиваться, что принял участие в двойной игре. Эта критическая фаза много раз приводила к внезапной вспышке ярости против офицера, который контролировал деятельность агента. Именно на него бывший революционер возлагал вину за свой моральный грех. Это объясняет тот факт, что полицейских чинов нередко убивали их агенты, которым, казалось, можно абсолютно доверять.

Опытные руководители агентуры могли определить, когда приближается такой кризис у агента, и могли предотвратить катастрофу, удаляя его от активной работы и находя ему другое занятие, более соответствующее состоянию его духа.

Но не все чиновники розыскной службы осознавали эти трудности. Очень часто дела агентурной службы рассматривались с бесконечными бюрократическими проволочками, будто единственной задачей было увеличение числа бумаг. Бесценное время тратилось впустую, тогда как наиболее важные сведения,

полученные при секретном наблюдении, терялись или просто оставались неиспользованными Могло случиться, и на самом деле случалось в некоторых местах, что, хотя филеры осведомляли охранные отделения об опасной деятельности революционных организаций, руководители отделений спокойно продолжали накапливать бумаги, не пытаясь пресечь подрывную работу своими энергичными действиями. Такие бюрократические методы в полиции были еше более неприемлемы, чем в любой другой сфере государственной службы, и ситуации, к которым они приводили, были иногда совершенно абсурдными.

Однажды, отправившись с инспекцией в Пензу, я столкнулся с очень странным положением дел. В течение года офицер местного охранного отделения вел тщательное наблюдение за революционными группами, и меня поразили полнота и точность собранных им сведений. В его донесениях приводились не только детально разработанные планы революционеров, но и длинный список лиц, о которых полицейским властям было известно, что те призывали к подрывным действиям. Я попросил начальника охранного отделения объяснить, почему, имея подобные доказательства, он еще полгода назад не отдал распоряжение об аресте всей группы? На этот вопрос я получил наивный ответ, что еще не хватает одного-двух отчетов о нескольких агитаторах, чьи персональные характеристики в документах недостаточно полны. Естественно, я немедленно дал распоряжение арестовать зачинщиков, полагая, что если даже это вызовет среди населения некоторые толки, то не будет иметь таких серьезных последствий, как продолжающееся безразличие властей по отношению к этой опасной организации. Я дал понять начальнику отделения, что если он немедленно не предпримет мер, то скоро вообще уже ничего не сможет предпринять, так как в один прекрасный день гарнизон, среди которого должен был начаться мятеж, арестует и его, и всех офицеров полиции.

Неспособность многих чиновников Охраны вовремя распознать кризисное состояние духа своих сотрудников и слепое доверие, с которым эти чиновники, как правило, относились к своим агентам, вели к неизбежной катастрофе. Примером служит дело об убийстве полковника С.Г. Карпова, который, будучи начальником Петербургского охранного отделения, вступил в очень доверительные отношения с одним из своих секретных сотрудников и заплатил за это неблагоразумное доверие своей жизнью. Я дружил с Карповым, который часто бывал у меня и делился своими мыслями, в то время я был товарищем прокурора в Петербурге и, следовательно, не имел ничего общего с Охраной. Однажды вечером Карпов навестил меня и, уже прощаясь,

таинственно сообщил, что собирается раскрыть важную террористическую организацию и поэтому в этот самый вечер должен встретиться с секретным агентом в специально снятой маленькой квартире, где сотрудник даст ему все нити к заговору С гордостью и удовлетворением Карпов выразил надежду, что вскоре благодаря донесениям агента жизни министров окажутся вне опасности. На мой вопрос, как давно он знает этого человека, Карпов ответил, что не очень, но агента ему хорошо рекомендовали и у него нет оснований сомневаться в его преданности и искренности.

— Сергей Георгиевич, — предостерег я его, — можно быть храбрым, но это не должно граничить с глупостью! Очень рискованно находиться наедине в комнате с человеком, который известен как предатель!

Он искренне и бодро ответил, что не боится и готов сделать все необходимое, чтобы сдержать революционный терроризм. Он добавил, что если сделает то, что намечено, то предотвратит покушение на председателя Совета министров Столыпина, генерала Курлова и других высокопоставленных чиновников, жизнь которых подвергается серьезной опасности. С этими словами он удалился.

После полуночи один из руководителей охранного отделения позвонил мне и стал выяснять, здесь ли еще его начальник. У меня сразу же возникло жуткое чувство, что что-то случилось, но когда я задал соответствующий вопрос, то получил ответ, в котором не ощущалось никакого беспокойства. Однако уже менее чем через час я узнал об ужасном конце моего друга{94}.

Расскажу кратко о событиях, которые привели к этой трагедии, и о том, как все произошло. Весной 1909 года полиция получила несколько секретных донесений о возможных покушениях на жизнь Царя, и эти сообщения были особенно тревожны, поскольку в это время Император собирался совершить длительную поездку через всю страну{95}. Информация о заговоре с целью покушения на жизнь Монарха была, однако, весьма скудной, и самые высокопоставленные чиновники, вплоть до премьер-министра, не чувствовали себя в безопасности и опасались, как бы не произошло что-нибудь ужасное. В тот критический момент, когда Царь собирался уехать из Петербурга, начальник Саратовского жандармского управления прислал сообщение, что социалист-революционер Петров, отбывающий там заключение, предложил дать информацию о заговоре в обмен на освобождение.

Министр внутренних дел, ввиду исключительной важности дела, решил согласиться на предложение Петрова и организовать

его побег из тюрьмы. С этого момента эсер находился под наблюдением полиции и особенно полковника Карпова. Он поставлял различные сведения, которые, однако, оказывались незначительными либо неверными. А в это время поездка Царя проходила без неожиданностей.

За несколько дней до смерти полковник Карпов опять встретился с Петровым, который, как я уже говорил, обещал раскрыть ему детали нового заговора. Террорист завоевал доверие Карпова, и было решено, что они проживут несколько недель вместе на конспиративной квартире, специально нанятой для этой цели на Архангелогородской улице. На этом настоял Петров, утверждая, что только так он сможет общаться с Карповым, не вызывая подозрений у революционеров.

Но предела легкомыслия охранное отделение достигло, когда разрешило Петрову самому участвовать в меблировке этой квартиры. Первое, что он сделал, это провел электрические звонки. Квартира состояла из трех комнат и кухни, все они выходили в коридор. Средняя комната предназначалась для использования обоими жильцами, и Петров приготовил диван и старомодный круглый стол с толстыми массивными ножками.

Система звонков состояла из проводов, один из которых был протянут от входной двери, а другой — от двери квартиры, на последнем стоял особый выключатель, позволявший отключить его. Петров подготовил динамит, спрятал его в углублении ножки стола и присоединил провод к проводке звонка так, чтобы это осталось незаметным.

В тот вечер, когда Карпов сказал мне, что в первый раз отправляется для встречи с Петровым в новой квартире, последний соединил провода от двери на улицу и идущий к динамиту, а затем, при помощи переключателя, временно отсоединил этот провод. Когда прибыл полковник, звонок не звонил, и, только крикнув, Карпов смог дать знать о своем приходе. Петров открыл дверь, проводил его в квартиру, а затем под каким-то предлогом вышел. Он перевел переключатель на проводе, вышел на улицу и нажал кнопку звонка на входной двери. Последовал взрыв, и Карпов был в прямом смысле слова разорван на куски.

Только благодаря счастливой случайности предателя схватили, как раз когда он садился в обычные финские сани, которые стояли там, чтобы облегчить бегство. Он был приговорен к смерти и казнен, но не дал ни малейшего намека на подлинные мотивы своего ужасного поступка.

Генерал Курлов говорил мне потом, что он с самого начала выражал сильное сомнение по поводу надежности Петрова и

неоднократно советовал Карпову очень тщательно проверять все сообщаемые агентом сведения и никогда полностью не доверять ему. Как раз перед гибелью Петрова Курлов уехал в Крым, чтобы принять меры предосторожности в связи с путешествием Царя, а полковник Карпов посылал ему совершенно невероятные рапорты, представленные Петровым; Курлов вновь убедился, что этот агент очень ненадежен. Но полковник утверждал, что отвечает за Петрова головой.

— Позаботьтесь о том, чтобы не потерять свою голову, — отвечал генерал Курлов. Последующие события показали, что он, к сожалению, был очень недалек от истины.

Схожим образом начальник охранного отделения в Радоме в следующем году пал жертвой террориста, который ухитрился получить доступ к нему, притворившись, что стремится помочь работе полиции. Офицер с неуместной доверчивостью встретился с ним без свидетелей в собственном доме, после чего террорист внезапно выхватил револьвер и выстрелил несколько раз, убив его на месте.

Среди наиболее сильных впечатлений в моей жизни нужно упомянуть убийство начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского. Я расскажу о некоторых драматических обстоятельствах этого дела. Вечером в приемной Главного тюремного управления появилась женщина и попросила пропустить ее к Максимовскому{96}. Как только начальник управления вышел из кабинета в приемную, незнакомка достала пистолет и несколько раз выстрелила в него. Он сразу же упал, смертельно раненный, истекая кровью. Преступница попыталась через окно выбросить орудие убийства на улицу, но была остановлена появившимся офицером. Позже оказалось, что, выбросив револьвер, она тем самым дала бы знать другим подпольщикам (убийца действовала не одна), что преступление совершено успешно. Было установлено, что заговорщики планировали убить также министра юстиции и петербургского градоначальника. Получив условный сигнал, другие террористы поспешили бы в дома этих лиц и попытались бы повторить преступление. В общей суматохе злодеям не составило бы труда застрелить обоих.

Как только эта новость дошла до меня, я сразу же вместе с генералом Курловым поспешил в Главное тюремное управление, где уже находились министр юстиции Щегловитов, градоначальник и несколько других высокопоставленных чиновников. Убийца наотрез отказалась назвать свое имя и насмешливо заявила, что это дело властей устанавливать ее личность. Генерал Курлов отдал присутствующим женщинам

распоряжение обыскать ее. Однако реплика, брошенная в это время женщиной, заставила нас заподозрить, что на ней скрыта взрывчатка, и я должен признать, что в этот момент мы почувствовали себя очень неуютно. Несколько жандармов крепко держали женщину за руки и ноги, пока помощник начальника Петербургского охранного отделения подполковник Коммисаров, который прежде служил в артиллерии, обыскивал ее. И он действительно нашел за корсажем преступницы динамит, которого было достаточно, чтобы разнести на кусочки все здание. Это чудо, что Коммисаров смог так изъять смертельный заряд, что он никому не нанес никакого вреда и мы не были убиты на месте{97}.

Что касается отношений между полицейскими властями и революционерами, я хочу в заключение коснуться убийства Столыпина, председателя Совета министров, так как циркулирующие слухи об этом прискорбном событии абсолютно ложны. Какие-то безответственные люди имеют даже наглость утверждать, что к этому убийству причастны некоторые члены Императорского Дома.

Еще в августе 1906 года была предпринята зловещая попытка покушения на жизнь Столыпина. Тогда сам министр чудом уцелел, но члены его семьи и другие люди стали жертвами этого злодеяния. Преступление было совершено, когда Столыпин жил на своей вилле на Аптекарском острове с большим размахом. Четыре революционера подъехали в экипаже к дверям дома министра, делая вид, что они — в числе приглашенных гостей, и вошли внутрь. Один из них был в форме и каске, в которой и была спрятана взрывчатка. Когда он бросил на пол эту каску, последовал ужасный взрыв, который сразу же превратил дом в груду руин. Несколько гостей и слуг были убиты; дочь и сын Столыпина — серьезно ранены. Безумные убийцы были разорваны на части своей бомбой. Это ужасное событие в значительной степени способствовало изменению политики министра: он всегда был сторонником либеральных взглядов, но теперь встал в жесткую оппозицию ко всем радикальным движениям в стране. Чудом избежав смерти, он стал решительным противником революционного движения и никогда не изменял этой позиции.

Летом 1911 года он не смог избежать своей судьбы. Царь ехал в Киев, и среди сопровождавших его лиц был председатель Совета министров. Полицейские власти предприняли всесторонние меры для защиты Царя от покушения, и по распоряжению Столыпина общее руководство охраной Императора и высокопоставленных лиц было возложено на генерал-лейтенанта Курлова.

Через несколько дней после прибытия Двора в Киев бывший

тайный агент Богров появился в местном охранном отделении с сообщением, что знает детали покушения на жизнь Царя{98}, которое готовит подпольная организация. То, что сообщил Богров, выглядело очень убедительно, и полицейские власти еще более усилили меры предосторожности. Не должно было произойти ничего непредусмотренного.

Программа торжеств в Киеве включала посещение спектакля в театре, и само собой разумеется, что когда Император и все сановники из его свиты собрались вместе, особенно тщательно были проверены все гости. Генерал Курлов сделал все, чтобы ни одно вызывающее хоть малейшую тень сомнения лицо не было допущено в театр. Поэтому все считали, что в этот вечер можно не волноваться; никто не мог вообразить, что во время представления будет убит премьер-министр.

Это сделал не кто иной, как секретный агент Богров. Под каким-то предлогом он появился в театре во время представления и сообщил начальнику Киевского охранного отделения подполковнику Кулябко какие-то совершенно незначительные сведения. Таким образом, Кулябко виновен в грубейшем нарушении, повлекшем за собой серьезные последствия: после получения донесения от Богрова Кулябко отослал его домой, но не удосужился убедиться, что агент выполнил приказ. Не думая более о Богрове, Кулябко занялся другими делами, а Богров нашел способ пробраться незамеченным в зрительный зал. Неожиданно он сделал несколько выстрелов, и Столыпин упал, смертельно раненный. Он умер от ран в больнице два дня спустя{99}.

Это дело дало возможность врагам генерала Курлова утверждать, что он, как товарищ министра внутренних дел, должен полностью отвечать за происшедшее. Его Величество распорядился провести расследование, руководить которым было поручено сенатору Трусевичу и, хотя Трусевич не был особенно расположен к генералу Курлову, расследование ни к чему не привело и было в конце концов прекращено по указанию Царя{100}.

Что привело секретного агента Богрова к убийству Столыпина, так и не удалось выяснить. Может быть, он задумал совершить покушение и для этого втерся в доверие к полиции, давая ложную информацию. Более вероятно, однако, что подпольная организация, к которой он принадлежал, в самый последний момент выбрала его для убийства премьер-министра и он не отважился, из страха возмездия, отказаться выполнить приказ.

В период после первой русской революции польские

социалисты отличились своей кровопролитной террористической борьбой с правительством. Под руководством Пилсудского, впоследствии президента Польской республики, эта партия вела жестокую войну против Охраны. Ее представители безжалостно убивали каждого секретного агента, чье имя становилось им известно. Вследствие этого за краткий период времени более тысячи осведомителей и полицейских агентов пали от рук убийц; и преступникам, по большей части, удавалось так искусно маскироваться, что после совершения преступления они исчезали, не оставив и следа.

Другой стороной деятельности Польской социалистической партии была организация внезапных нападений на поезда, банки, почты, при помощи которых эти опасные бунтовщики могли получить средства для продолжения своей ужасной деятельности. При этих налетах часто безжалостно убивали официальных лиц, которые пытались оказать сопротивление. От Охраны требовали особых мер, чтобы положить конец этой позорной ситуации. Но с революционерами удалось справиться только благодаря мастерству сотрудников Московского охранного отделения.

Примеры, которые я привел, ясно показывают, как трудна, ответственна и опасна была служба в Охране и как сложны отношения между политической полицией и ее секретными агентами.

Глава V

Полицейский бюллетень для Царя. — Черные кабинеты. — Невидимое письмо. — Мастер расшифровки. — Шифр Охраны. — Бурцев разоблачает друзей. — Друзья и враги Охраны

Чтобы информировать высших должностных лиц Охраны о происходящем в революционном лагере, Охрана создала собственные периодические издания. Вначале это был ежегодник, описывающий ситуацию в различных революционных партиях с подробностями их программ и изданий и включающий список их членов. Позднее, между 1902 и 1905 годами, дважды в месяц выходили циркуляры, публикуемые литографским способом; они рассылались всем начальникам охранных отделений.

В них содержалось все, что было известно к этому времени Охране. Они включали самое существенное из донесений, присылаемых агентами службы наружного наблюдения и секретной службы, информировали о последних действиях революционных организаций. Особое внимание уделялось соблюдению упомянутого ранее правила: не упоминать секретных агентов под их настоящими именами, так, чтобы, если циркуляр случайно попадет в руки революционеров, это не привело бы к раскрытию агентов. Если один из осведомителей отличался, доставив особо важные сведения, то признание его достижений и похвалы выражались ему в газете под его вымышленным именем.

Заслуживают упоминания еще всеподданнейшие доклады Царю, подготавливаемые в единственном экземпляре. Их секретная полиция дважды в месяц представляла Императору, а тот читал с большим интересом и собственноручно делал пометки. Министр внутренних дел специально обращал внимание Департамента полиции на места, отмеченные Царем, и приказывал провести самое тщательное расследование этих дел. В результате Охрана всегда знала точно, какие расследования особенно привлекли внимание Императора.

Его Величество всегда стремился быть посвященным во все детали революционного движения и борьбы, которая ведется с ним. Он придавал большое значение подробным отчетам об обнаружении подпольных типографий, библиотек и революционных организаций. Если полиция конфисковывала прокламации, напечатанные агитаторами, они обязательно прикладывались к упомянутым докладам Это касалось также революционных брошюр и лотерейных билетов, которые устраивались в пользу революционеров, ибо иногда проводились

и такие лотереи.

Охрана отвечала также за тайное цензурирование писем, которое давным-давно практиковалось в России. Еще в XVIII веке канцлер Бестужев-Рюмин смог обнаружить коварные интриги французского посланника, приказав тщательно изучить его письма и депеши, и предоставить наконец императрице Елизавете свидетельство враждебной деятельности этого дипломата против нашей страны. Когда в царствование Николая I был учрежден Корпус жандармов, шеф его указал в своем первом меморандуме на необходимость цензурировать переписку и создать секретные отделения цензуры на всех важнейших почтах России. Царь Александр III тоже выразил свое положительное отношение к этой процедуре, подписав специальный указ, дающий право министру внутренних дел перлюстрировать частную корреспонденцию в качестве меры по защите государства. Этот указ был строго засекречен и вручен тогдашнему министру внутренних дел в скрепленном печатью конверте. Когда министр ознакомился с его содержанием, документ был снова опечатан в конверте и оставлен на хранение до вступления в должность нового министра.

Департамент полиции постоянно информировал руководителей почтового и телеграфного ведомств о лицах, чьи письма представляли интерес для правительства. Сверх того, просматривалась большая часть писем, приходящих из-за границы или отправленных туда. В течение последних предреволюционных лет на почтах Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Вильны, Томска и Тифлиса существовали так называемые «черные кабинеты», к тому же, когда требовали обстоятельства, временная цензура вводилась и в других городах.

Каждый «черный кабинет» имел в своем распоряжении квалифицированных лингвистов и техническое оборудование, необходимое, чтобы вскрывать и заклеивать письма. Чаще всего конверт держали над паром, пока клей не размягчался; затем содержимое копировали, снова клали в конверт и заклеивали. Служащие «черных кабинетов» были хорошими специалистами и по «нюху» определяли подозрительное письмо, автор которого не значился в списке Департамента полиции: небольшие пометы типа точек, черточек или крестиков на конверте сразу же возбуждали подозрения цензоров.

Вся эта процедура, возможно, покажется удивительной, так как она противоречит порядкам, сушествующим в демократических государствах. Но хотелось бы обратить внимание на то, что такая цензура корреспонденции много

раздавала возможность российской полиции предотвратить грабежи, убийства и террористические акты. Достоинства этой системы, таким образом, совершенно очевидны, и мне не кажется, что ее недостатки заслуживают серьезного рассмотрения. У законопослушных граждан не было никакого основания бояться почтовой цензуры, так как частными делами она в принципе не занималась.

Конечно же, несмотря на все предосторожности и строжайшую секретность, которая окружала всю систему, революционеры были хорошо осведомлены о ее существовании и старались всеми возможными способами избежать раскрытия своих замыслов. Именно поэтому они часто посылали друг другу совершенно безобидные письма, написанные обычными чернилами, но между строк этого явно невинного сообщения невидимыми чернилами писалось настоящее послание. В таких случаях Охрана оказывалась перед дилеммой: либо проявить невидимый текст или оставить все как есть и доставить адресату письмо непрочитанным. Естественно, сделать видимыми симпатические чернила — задача не очень сложная; все, что надо чаще всего сделать — это протереть бумагу лимонным соком, хлорированной водой или молоком или слабо нагреть. Если, однако, такое секретное послание проявить, то содержащее его письмо уже нельзя отправить. С другой стороны, очень сложно принять решение не читать сообщение, возможно, имеющее огромное политическое значение. Решение этой головоломки нашел капитан Г.Г. Мец, жандармский офицер, прикомандированный к Департаменту полиции. Будучи весьма сообразительным и интеллигентным человеком, к тому же страстным фотографом, он предложил метод дешифровки этих писем фотографическим способом, который не оставлял ни малейшего следа на письме. С этого момента стало возможным читать невидимые сообщения так, что адресаты не догадывались, что их письма прочитаны.

Задача сильно осложнялась, когда нам попадались письма, написанные шифром или тайнописью. Для расшифровки таких посланий существовал специалист, имевший особые способности в этом деле, чье настоящее имя по разным причинам я не хотел бы называть. В дальнейшем поэтому я буду именовать его Незлобиным{101}.

Он имел несомненный талант к угадыванию и восстановлению текста, мог найти ключ к самым сложным шифрам. В Севастополе после небольшого террористического акта во время обыска дома нашли листок бумаги с большим числом цифр и без единой буквы. Когда этот документ пришел в

Департамент полиции, я отдал его Незлобину с просьбой немедленно приступить к расшифровке. На следующий день Незлобии позвонил мне и предложил телеграфировать в Севастополь, чтобы оттуда прислали список книг, которые были найдены при обыске. У меня не было, конечно, ни малейшей догадки, зачем эго нужно, но я поступил по его желанию и сразу же получил подробный отчет со списком совершенно безобидных книг. Через короткое время Незлобии положил передо мной расшифрованный текст. На мой вопрос он ответил, что ключ к шифру содержала тридцать вторая страница повести Куприна «Поединок». Цифры означали строку и номер буквы на каждой строке этой страницы. Таким образом, каждая пара цифр указывала букву, и текст удалось прочесть. Я восхищался гениальностью или интуицией Незлобина, которая так ярко проявилась в этом деле, и добился для него ордена и денежного вознаграждения.

В другом случае, когда он также должен был расшифровать текст, состоящий из цифр, он поинтересовался у меня, сколько стоит фунт динамита. Я был крайне удивлен и спросил, почему его интересуют подобные вещи. Он скромно ответил, что полагает, что шифр указывает на взрывчатое вещество. На этот раз его снова посетило вдохновение, так как сведения о стоимости динамита действительно привели его к разгадке шифра.

Этот человек обладал удивительным чутьем на все, что должно было вводить в заблуждение, и не однажды, после быстрого просмотра зашифрованного документа, мог сказать, что та или другая строка не нужна и не должна учитываться при дешифровке, или мог сразу же указать на вкрапления не имеющих смысла групп цифр, которые должны были затруднить поиск ключа к шифру.

Кроме того, Департамент полиции для своих депеш пользовался шифром, который было очень трудно раскрыть. Он состоял из двух подвижных шкал, расположенных друг против друга таким образом, что буквы (в алфавитном порядке) соответствовали подвижной шкале цифр, расположенных по особой системе; эти шкалы должны были точно соответствовать друг другу в любой ситуации, чтобы дать возможность прочесть послание, написанное цифрами вместо букв. Так как ключ менялся не просто в каждом сообщении, но и часто несколько раз в одном и том же тексте, расшифровка такого послания была почти невозможна дня непосвященных.

Всеподданнейшие отчеты, подготавливаемые для Царя, содержали рекомендации, часто основывающиеся на материалах,

поступающих из «черных кабинетов». К примеру, в течение некоторого времени все письма Льва Толстого вскрывались и фотографировались цензором, а некоторые из его посланий, в которых Толстой выражал свои антивоенные взгляды, были представлены на рассмотрение Императору.

До того как я завершу описание розыскной службы, хочу сказать еще несколько слов о выражении «провокатор». Это определение, однажды возникнув, стало использоваться в революционной среде применительно ко всем помощникам секретной службы; его впервые использовал, если не ошибаюсь, Бурцев. Бурцев — подлый, но способный журналист, который в прессе в некотором смысле был блюстителем революционной морали, очень хотел выяснить, какие члены различных революционных организаций имеют тайные связи с Охраной. Он достиг этой цели очень простым способом, создав список лиц, которые казались ему подозрительными, и в серии статей охарактеризовав их как «провокаторов». Затем он стал ждать, что обвиненные им люди оправдаются перед своими товарищами по организации или будут признаны ими виновными.

Это, без сомнения, не доставляло удовольствия правительству, а я был в высшей степени рад разоблачительной кампании Бурцева, так как она увеличивала смятение в среде революционеров, которые начинали подозревать друг друга так, что в конце концов ни один из них не мог доверять другому. Вследствие этого подпольная деятельность некоторое время была серьезно затруднена.

Из сказанного мной читатель, вероятно, составил свое мнение о деятельности и методах так часто охаиваемой политической полиции. В то же время, если он способен непредвзято взглянуть на вещи, он убедился, что ее действия никогда не были направлены против простых подданных Царя, которые знали свой долг и исполняли его; у них не было никаких причин бояться полиции. Так же как политическая полиция других стран, она боролась только с пагубной агитацией, проводимой подрывными элементами среди населения, и делала все возможное, чтобы предотвратить нежелательные события, которые, несмотря на все усилия властей, все-таки происходили. Возможно, многое можно было бы изменить, возможно, удалось бы спасти тысячи жизней, если бы правительство не столь пунктуально соблюдало существовавшие законы и во многих случаях действовало более настойчиво и решительно.

Честный русский человек всегда уважал власть, и он склонялся перед ней, не задавая вопросов, не раздумывая о причинах того или иного распоряжения, даже несмотря на то, что

часто его было трудно исполнить или вынести. Объясняется это тем, что русский человек в глубине души знает и понимает, что власти назначены Царем, чтобы преданно служить ему и делать все возможное для процветания России. Поэтому мирные и патриотически настроенные подданные Российской империи в действительности гордились своей полицией и приходили в негодование, когда слышали об отдельных случаях коррупции и пренебрежения обязанностями. Только теперь, наученные горьким опытом революции и большевистского «режима», мы, эмигранты, лучше, чем все остальные, можем сравнить политическую ситуацию при царской власти, так часто порицаемую, и ту, которая установлена Советами. В свете этих фактов, без сомнения, множество россиян, которые когда-то обличали Охрану, стали более справедливо оценивать ее деятельность.

Глава VI

Правительство и еврейский вопрос. — Роль, которую сыграли евреи в подготовке революции. — Притесняли ли евреев в России ? — Черта оседлости. — Уклонение от военной службы. — Утратившие иллюзии эмигранты. — Еврейский совет в Нью-Йорке. — Интриги Америки{102}

Тесно связано с обвинениями в провокации и утверждение, снова и снова повторяемое в либеральных и социалистических кругах, что власти царской России не только снисходительно относились к преследованию евреев и «погромам», но на самом деле сами организовывали подобные выступления. Особенно бывший министр внутренних дел Плеве, столь безжалостно убитый, был широко ославлен как подстрекатель к антисемитским волнениям. Ответственность за погром, имевший место в Кишиневе в 1903 году, приписывали ему.

Теперь все знают, что Россия отнюдь не была единственным государством, в котором антипатия населения к евреям время от времени выражалась во взрыве насилия, который никто не стремился предотвратить. Однако подобные случаи за границей проходят почти незаметно, в России же истории такого рода бесконечно варьируются и повторно излагаются в левой прессе, поэтому они получили широчайшую известность во всем мире. Некоторые так усердно стремились к разрушению Российской империи, что не могли обойтись без клеветнического обвинения правительства в организации погромов. По этой же причине клевете не давали утихнуть, снова и снова повторяя ее, пока наша великая Россия не была разрушена на самом деле.

После революции Временное правительство перерыло архивы учреждений политического розыска в поисках документов, которые скомпрометировали бы старый режим в этом отношении. Но ничего подобного не было найдено, напротив, были обнаружены циркуляры, запрещающие под страхом очень суровых наказаний любое участие правительственных чиновников в антисемитских движениях.

Без сомнения, архивы Департамента полиции могли дать много интересных документов, доказывающих, что правительство нередко негативно относилось к евреям. В то же время эти документы указывают и на некоторые основания для подобного отношения.

С давних пор еврейская часть населения играла важную роль в подготовке почвы для революции. Еще в 1897 году был

организован Всеобщий еврейский рабочий союз, который вскоре превратился в одну из самых опасных революционных организаций{103}. В нем великолепная организация сочеталась с типично еврейским фанатизмом и ненавистью к правительству. Подпольно издающийся орган этой партии «Голос рабочего» вскоре стал одной из ведущих революционных газет в России. Именно это издание провозгласило всему миру, что в царской России евреев безжалостно притесняют, что они не пользуются теми же гражданскими правами и привилегиями, что и остальные члены общества, и что против них организуются «погромы».

Но действительно ли в России евреев притесняли настолько, как десятилетиями уверяли весь цивилизованный мир истеричные газетные публикации? Действительно, тут давно существует так называемая черта оседлости — лишь некоторые губернии предназначены для проживания евреев. Но мы знаем, что этот закон всегда нарушался и многие евреи с согласия властей жили в городах, где жить им формально было запрещено. Полиция смотрела на эти факты сквозь пальцы. Несколько примеров помогут показать читателю, чтб в действительности стоит за проблемой притеснения евреев. В русской части Польши, например, еврейское население в 1856 году едва насчитывало 90 тысяч, но уже в 1908 году оно превышало полмиллиона. В Варшаве в начале XIX века еврейская часть населения составляла 12%, а в 1913 году — уже 37%. Другими словами, пока все население города увеличилось в двенадцать раз, численность евреев в течение века выросла в сорок раз.

В других русских городах можно было сделать очень похожие наблюдения. В Одессе, например, еврейская часть населения увеличилась за последние двадцать лет царской власти на одну треть. В Петербурге, который, по указу властей, должен был быть закрыт для евреев, проживало более двадцати тысяч лиц, исповедующих иудаизм.

Никто не может отрицать, что в России врачебным делом, адвокатурой, торговлей, банковским делом, журналистикой и обменом денег занимались в основном евреи, не говоря о таких видах деятельности, как музыка, ремонт часов, портняжное ремесло и множество иных, если не всегда честных, то всегда прибыльных. С другой стороны, никто не наблюдал, чтобы евреи занимались крестьянским трудом или имели к нему призвание.

Император Александр I позволил евреям приобретать землю в собственность и обрабатывать ее. Его преемник Николай I тоже действовал в этом направлении, выделив государственные средства, чтобы убедить евреев обосновываться на земле. Тем, кто открыто признавал свое желание сделать это, он обещал особые

привилегии, например освобождение от военной службы. Но вскоре оказалось, что созданные таким образом колонии по обработке земли не могли содержать себя{104}. Еврейское население просто не приучено было зарабатывать себе на жизнь чем-то, кроме посредничества и торговли. Поэтому пришлось отказаться от всех благих начинаний и действовать иным образом

Неумение евреев заниматься производительным трудом — вот в чем корень зла. У правительства никогда не было бы ни малейших оснований принимать меры против евреев, если бы не жестокая необходимость защищать русское население, особенно крестьян. Защищать от еврейских торговцев, спекулянтов, ростовщиков, от тех людей, которые представляли серьезную экономическую опасность. Русский крестьянин был слишком простым и доверчивым, чтобы собственными силами бороться с умными и неразборчивыми в средствах евреями. Власти должны были помочь людям, приняв соответствующие законы, и в этом была единственная цель всех мер, имеющих отношение к еврейской проблеме.

Я помню, как примерно в 1900 году два губернатора из поволжских губерний жаловались на деятельность еврейских посредников и монополистов в одном из районов. Честные русские торговцы едва могли вернуть свое, так как низкие цены удерживала группа еврейских спекулянтов, которые смогли избавиться от всех конкурентов. Таким образом, у губернаторов не оставалось другой возможности (что они с сожалением отмечали), как только прекратить такую практику, так как на Руси правительство управляло на основе законов — властям не позволялось делать что-либо, не разрешенное законом, однако некоторые действия можно было запретить. В России притесняли евреев, но, к сожалению, не так эффективно, как следовало. Правительство искало способ защитить крестьян от безжалостной эксплуатации со стороны евреев, но его действия не приносили плодов, так как, несмотря на все запреты, евреи уезжали из маленьких городов в сельскую местность и там скупали урожай, используя самое жестокое ростовщичество. Они были готовы к подобным занятиям, но физическим трудом заниматься не желали. Равным образом я никогда не встречал еврея, находящегося в услужении.

Еще один вопрос, который неоднократно обсуждался, — военная служба. Евреи не хотели служить в армии{105}, и во время призыва полиция должна была проводить целую кампанию против тех еврейских врачей, которые за большое вознаграждение всегда готовы были найти у своих единоверцев какие-нибудь болезни, например воспаление уха или хроническое заболевание

колена. Популярным изобретением было ношение слишком сильных очков, что вело к временным проблемам со зрением. Военные врачи, надо признать, недолго давали себя дурачить и были особенно внимательны, когда дело касалось евреев, поэтому во многих случаях они с успехом обнаруживали симуляцию.

Ряд судебных дел, возбужденных в подобных случаях, побудил евреев к поиску других способов избежать военной службы. Чаще всего они стремились уехать за границу. Так как разрешение властей на это получить было не так-то просто, они тайком бежали в Австрию. Скоро возникла новая профессия, которой, конечно, занимались только евреи: возникли тайные эмиграционные конторы, которые тесно сотрудничали с контрабандистами, живущими рядом с границей. Последние прекрасно знали все тропинки, по которым можно было незаметно провести группу дезертиров в Австрию. Чтобы прекратить это, Министерство внутренних дел издало предписание, по которому евреи, уличенные в контрабандном вывозе из страны молодых людей призывного возраста, подлежали выселению из приграничных областей.

Через несколько лет, однако, возникло движение, поощряющее эмиграцию еврейских семей в Америку. Это делалось при помощи фальшивых документов и другими нелегальными способами. Именно Соединенные Штаты оказались наиболее привлекательными для российских евреев, надеявшихся обрести свободу и найти возможность быстро разбогатеть. Скоро, однако, стала видна и другая сторона медали. В Америке любой, кто хочет получать деньги, должен заработать их — в этом отношении янки не допускают никаких компромиссов. В этой стране уже долгое время существовал определенный тариф для оплаты труда маклеров, посредников и других агентов, поэтому люди данной профессии не могли быстро и без усилий заработать большие деньги, как они легко делали это в России, где имели дело с невежественными крестьянами.

Поэтому там скоро набралось множество евреев, пламенно желавших вернуться в Россию. Притеснения царской власти теперь казались им более желанными, чем «свобода», которая царила в Америке Эти настроения стали столь сильны, что Американский еврейский комитет (Council of Jewish People) в Нью-Йорке был вынужден начать деятельность по возврату желающих в Россию.

Во главе этого комитета стоял врач из России Яков Шиф, который одним из первых покинул родину. Он оказывал множество ценных услуг своим единоверцам и положил начало той активной еврейской политике, которая позже привела к

далеко идущим и гибельным последствиям.

Комитет начал тогда выяснять у российского правительства его отношение к возвращению российских евреев. Эти беглецы стали уже американскими гражданами и в России могли требовать соблюдения всех прав для американских граждан и, следовательно, не подпадали под специальные законы императорской России против евреев Наше Министерство внутренних дел, однако, сразу же уловило опасность, которой грозило принятие этого положения. Под защитой своего американского гражданства возвратившиеся евреи могли бы безнаказанно делать множество вещей, которые законодательство империи стремилось предотвратить. Руководствуясь этими соображениями, министерство ответило, что власти не станут принимать во внимание американское гражданство возвращающихся эмигрантов и будут обращаться с ними точно так же, как с российскими подданными

Исходя из этого, Американский еврейский комитет постановил оказать давление на российское правительство. Его члены решили использовать все возможные способы, чтобы расторгнуть договор о торговом сотрудничестве, существовавший более века между Соединенными Штатами и Россией и весьма выгодный обеим сторонам Они смогли убедить тогдашнего президента Соединенных Штатов Тафта принять делегацию, которая вручила ему жалобу на приписываемую царскому правительству несправедливость. Надо признать, что президент не стал тратить время, сразу ответив делегации, что угверждения еврейских лидеров весьма преувеличены Он также отказался пересматривать торговое соглашение, которое всегда пунктуально соблюдалось Россией. Глава делегации Шиф был так огорчен этим ответом, что, уходя, даже не пожал руку президенту

Тогда Американский еврейский комитет попытался использовать все свое влияние, чтобы оказать давление на финансовый мир. Меньше чем через год эта политическая проблема приняла такие масштабы, что заставила Тафта уступить; под сильным давлением евреев разных стран коммерческий договор США с Россией был расторгнут. Эту недружественную акцию американское правительство осуществило в 1911 году{106}, но она не принесла успеха, на который надеялись евреи. Российское правительство было слишком уверено в своих силах, чтобы поддаться такому давлению; оно разрешило либеральной прессе кричать что ей вздумается и больше не беспокоилось об этом.

Однако евреи хвалились, что отомстят России. А на сионистском конгрессе 1904 года{107} один из ораторов

провозгласил, что Царь должен заплатить своей кровью за погромы, которые он спровоцировал.

Все эти утверждения — не плод моего воображения. Нет, они от начала до конца подтверждены документами, которые оказались в моем распоряжении, когда я занимал пост директора Департамента полиции. Эти документы дают также статистические доказательства того, что в большинстве преступлений политического характера виновны были люди еврейской национальности.

После революции евреи приобрели множество возможностей отомстить, и они, конечно, не стали ими пренебрегать. Благодаря революции они достигли власти и богатства, поэтому, когда задают вопрос: «Кто, в конце концов, извлек пользу из падения царской власти?» — мы можем ответить старой латинской фразой: «Is fecit cui prodest», т.е. «Сделал тот, кому это выгодно». Сегодня в советском посольстве в Берлине лежат тридцать фунтов бриллиантов, украденных в России и призванных служить целям большевистско-еврейской международной пропаганды. Когда вы как следует обдумаете эти и многие другие факты, вы поймете значение процитированной латинской поговорки и ясно увидите, кто больше всех ответственен за падение величественной империи.

Достойным представителем нового режима был еврейский комиссар, который после большевистской революции стал печально известен в Петербурге своим скандальным поведением. Этот молодой человек был парикмахером у моряков в Одессе, а получив высокий пост, стал вести себя так бесстыдно, что вызвал возмущение даже у коммунистов. Он использовал свою должность, чтобы проводить обыски во всех клубах и не только забирать все имеющиеся там деньги, но даже весь запас вина. Впоследствии в его квартире обнаружили целый подвал, полный бутылок вина, которое было приобретено воровством. Когда же он предстал перед революционным трибуналом, тот, конечно, оправдал его — так там почти всегда поступали с грабителями и убийцами.

Глава VII

Русские сектанты. — Церковный спор о произношении имени Иисуса. — Царь как антихрист. — Коммунистические секты. — Евангелие греха. — Скандальное самобичевание калек. — Сектанты и Лев Толстой. — Секта бегунов

Служа в нескольких провинциальных городах, я часто сталкивался с русскими сектантами, о которых так мало знают в Западной Европе и о которых я поэтому кое-что расскажу ниже.

Наверное, нигде, кроме Америки, не существовало такого изобилия религиозных сект, как в России. И, конечно, ни в одной стране мира не найти такой странной смеси религиозного фанатизма и политического радикализма, которые характерны для многих русских сект. Принимая во внимание, что многие из этих братств причастны к политической пропаганде, полицейские службы империи были вынуждены проявить живой интерес к этим сектантам. Власти не могли оставить без внимания деятельность фанатиков, все учение которых основано на запрете повиноваться как светской, так и церковной власти и утверждении, что власть Царя — это власть антихриста.

Вероятно, самой широко распространенной сектой были староверы. История их возникновения очень типична для духовных движений в среде русского крестьянства. В XVI веке церковь, возглавляемая деятельным патриархом Никоном, начала движение за чистоту церковной службы и священных книг, в которые за сотни лет вкралось немало ошибок. Но реформа встретила жестокое сопротивление части населения. Особенно перемена произношения имени Иисуса вызвала наибольшее недовольство в умах людей: необразованные люди, глубоко приверженные традиции, действительно верили, что изменения одной буквы в этом слове достаточно, чтобы имя Спасителя превратилось в имя Сатаны.

Все попытки церковных властей объяснить людям их ошибку не увенчались успехом. В деревне каждое новшество в литургии или в молитве упрямо отвергалось; и когда церковь прибегла к решительным мерам, угрожая каждому, кто откажется принять новую литургию, отлучением от церкви, результатом было появление большого числа убежденных староверов, объединившихся и совместно выступивших против новшеств. Например, Соловецкий монастырь, бывший оплотом староверов, в течение семи лет сопротивлялся реформам, пока по приказу Царя не был взят штурмом.

Эта секта настойчиво сопротивлялась всем принудительным мерам правительства. Некоторые бежали через ближайшую границу; некоторые, объединившись в группы, нашли тайное убежище в непроходимых лесах, чтобы, изменив облик, вновь появляться среди людей, распространяя свое своеобразное учение. Иногда случалось, что община староверов, обнаруженная своими гонителями, предпочитала смерть в огне — мужчины и женщины закрывались в своих избах и затем поджигали их.

Все это движение в то время было направлено более против Царя, чем против церкви, так как невежественные люди реформы Петра считали исходящими от дьявола, а самого Императора — посланцем антихриста. Тем не менее Петр Великий преследовал старообрядцев, только поскольку они представляли опасность д ля государства, а позднее позволил им, при некоторых условиях, соблюдать свои ритуалы и обычаи без помех и препятствий.

Императрица Екатерина продолжала эту политику терпимости, предложив старообрядцам, уехавшим за границу, вернуться в Россию. С этого времени и впредь правительстве-в основном относилось к ним более или менее снисходительно и пыталось бороться только с наиболее вопиющими крайностями раскольников.

С течением времени образовалось несколько направлений среди староверов, некоторые из них были склонны к компромиссу с властями. Самые радикальные общины, называвшие себя беспоповцами, продолжали придерживаться непримиримых взглядов, твердо отвергая как церковь, так и государство в любой форме. Естественно, что власти часто бывали вынуждены энергично бороться с последствиями подобных бессмысленных идей.

Не менее странными были учения некоторых других сект, возникших в XIX веке. Штундисты, широко расселившиеся, особенно на юге империи, исповедовали своего рода пуританство, утверждая, что православная церковь с ее ритуалами — не что иное, как языческое идолопоклонство, тогда как истинные христиане должны верить только в Евангелие. Эта секта сама по себе была достаточно безобидна, но братство, возникшее на ее основе и называвшее себя новыми штундистами, скоро приняло зловещую анархистскую программу. Согласно ей на земле нет другой силы, способной управлять, кроме силы Бога, и людям не нужны ни правительство, ни другие власти; земля принадлежит общине; все имущество должно быть отдано на общее благо, любая частная собственность — греховна То есть взгляды новых штундистов представляли собой не что иное, как коммунизм, окрашенный религиозностью, и против них правительство

должно было бороться так же, как и против любых схожих явлений, имевших чисто политическую природу.

Другие секты, такие как немоляки, наотрез отказывались платить налоги и пошлины и так же под видом религиозных убеждений проповедовали коммунизм- На Кавказе возникла секта Божьих людей, которые стремились достичь небес здесь, на земле; они тоже настаивали на обобществлении собственности. Одна часть Божьих людей, называвших себя духоборами и отрицавших божественность Духа Святого, создала своего рода независимое государство в недоступной горной области. Так как духоборы в других отношениях были мирными, законопослушными людьми, царские власти почти всегда приходили с ними к взаимопониманию.

Значительно менее безобидны были некоторые другие секты, до сих пор широко распространенные в России: хлысты, скопцы, молокане и бегуны. Первые ведут свою историю от некоего Данилы Филипповича, жившего в XVII веке, который, озаренный свыше, узнал «единственно истинное учение», состоявшее просто в убеждении, что человек даже при жизни может соединиться с Богом, а Христос, заново родившись, продолжает ходить по земле в облике крестьянина. От этой веры хлысты пришли к весьма опасному убеждению, что человек должен грешить, чтобы достичь Бога, так как без греха не может быть раскаяния, а без раскаяния нет искупления Этот сомнительный с точки зрения морали взгляд вел их ко всем видам темных плотских излишеств, которые снова и снова порождали конфликты их с властями как светскими, так и церковными.

Скопцы — тоже широко распространенная сейчас секта. Название означает «евнухи». Они верили, что для некоторых слов Евангелия от Иоанна существует только одно истолкование: если человек хочет присоединиться к сонму избранных, он должен оскопить себя. Эта жестокая церемония происходила на тайных ночных собраниях и сопровождалась плясками и выпивкой до тех пор, пока участники не впадали в буйство. Удивителен тот факт, что это сообщество, чьи обычаи могут быть описаны только как религиозное помешательство, насчитывает множество последователей не только среди крестьян, но и среди городского населения, торговцев и даже чиновников.

Молокане не практикуют такие сексуальные извращения, но они проявляют сильную враждебность по отношению к государству во всех его проявлениях. Поэтому они упорно сопротивлялись властям, постоянно используя даже малейшую возможность избежать их контроля. Их взгляды были очень близки к учению Льва Толстого и оказали на него сильное

влияние.

И наконец, бегуны представляют собой совершенно анархический элемент российского крестьянства. Они скитаются по стране без цели и без отдыха, тщательно избегая контактов с представителями закона. У них нет удостоверения личности и никаких других документов, даже фальшивых, они упорно скрывают свои настоящие имена и таким образом избегают всех общественных обязательств. В начале XX века насчитывались тысячи таких сектантов, бродящих по просторам империи. В деревнях были люди, разделявшие эти взгляды; их задачей было скрыть бродяг от властей, помочь им едой и приютить в темных подвалах. Итак, бегуны представляли собой на самом деле организованное сообщество бродяг, борьба с которым в интересах общественной законности и порядка была совершенно необходимой, но, как правило, на практике необычайно сложной.

Царское правительство снова и снова, проявляя терпение и снисходительность, пыталось прийти к мирному соглашению с различными сектами; и частично это удавалось. Но те фанатичные секты, которые в принципе отрицали не только церковь, но и государство, стремясь к коммунистическому устройству мира и опровергая все устои, даже институт семьи, как греховные, нужно было удерживать в рамках дозволенного силой. Таким образом, борьба с этими сектантами должна была входить в обязанности российской полиции, и она была не самой легкой обязанностью

Глава VIII

Шпиономания. — Кампания против людей с немецкими фамилиями. — Подозреваемый привратник Витте. — Адъютанты кайзера Вильгельма в Петербурге. — Неумелое армейское командование. — Бессмысленная строгость, такая же бессмысленная снисходительность. — Охрана и военный шпионаж. — Взаимное недоверие и соперничество Военного министерства и полиции. — Беспорядки на транспорте. — Шпиономания и дело Сухомлинова

С началом войны пришла волна патриотического энтузиазма, но вместе с тем возникло и такое совершенно нежелательное явление, как истерическая боязнь шпионов. Эта «шпиономания» прокатилась как чума по всей России.

Невинные люди, которые годами жили в России: булочники, мясники, сапожники и моряки — вдруг оказались агентами кайзера Вильгельма, подозрения коснулись даже тех абсолютно лояльных россиян, которые имели несчастье носить немецкие фамилии. Эти болезненные настроения подогревались любящей сенсации прессой и привели к созданию в Думе специальной антигерманской группы под руководством Хвостова, которая вскоре стала очень влиятельной.

Множество людей в то время поменяли фамилии, включая тех, которые занимали очень важные посты, например В.К. Саблер, обер-прокурор Синода, получил разрешение Императора принять фамилию Десятовский. Тем, кто носил фамилию Кайзер, доставалось особенно сильно. Конечно, находились люди, которые были выше этих массовых предрассудков и не изменили имен, предпочитая доказывать свой патриотизм героическим поведением перед лицом врага. Одним из них был генерал Циммерман, который впоследствии храбро сражался в Белой армии против большевиков.

Даже люди низших классов везде искали немецких шпионов. В самые первые дни войны в мой кабинет позвонил человек в состоянии крайнего возбуждения и сообщил, что слышал доносящийся из соседней квартиры стук пишущей машинки и голоса членов «секретной организации»; он был уверен, что обнаружил «шпионское гнездо». Несмотря на то что я с самого начала с сомнением относился к таким рассказчикам, моей обязанностью было провести расследование этого дела. В результате оказалось, что «секретная организация» состояла из нескольких друзей обер-секретаря Сената, что же касается

пишущей машинки, то, видимо, чрезмерно подозрительный гражданин просто придумал ее, так как ни в одной квартире во всем доме ее обнаружить не удалось.

В другой раз я получил письмо с предупреждением о подозрительном человеке, носившем хорошо известную фамилию Витте. Этот человек работал привратником на Петербургской стороне. Когда я ознакомился с его документами и распорядился, из предосторожности, следить некоторое время за входящими и выходящими из дома людьми, то в итоге убедился, что этот Витте более порядочный и патриотически настроенный человек, чем его знаменитый однофамилец.

К сожалению, и на высоких государственных постах встречались лица, подверженные шпионской лихорадке, которые совершили немало несправедливых действий против законопослушных российских подданных. Среди них нужно назвать моего бывшего начальника генерала Джунковского, в других отношениях исключительно честного и добросовестного офицера. Некоторых людей с ярко выраженным патриотическим образом мыслей он преследовал как шпионов без всяких на то оснований, только за то, что задолго до войны они работали в журнале, издаваемом в Германии. По его распоряжению эти несчастные люди были выселены в самые отдаленные губернии империи, хотя не было ни малейших доказательств их вины.

Уже в начале 1917 года произошел случай, очень характерный в этом отношении. Однажды я был вызван к председателю Совета министров князю Н.Д. Голицыну, который таинственно сообщил мне, что, согласно полученной им информации, два адъютанта кайзера Вильгельма находятся с разведывательными целями в Петербурге: их видели несколькими днями ранее гуляющими по Невскому и одетыми как гражданские лица, конечно и с «поднятыми воротниками».

Я отвечал, что уже знаком с этой легендой, а также знаю того члена Думы, который рассказал премьер-министру эту ужасную историю Затем я назвал полковника Энгельгардта.

Князь Голицын, который до этого момента был очень сдержан и спокоен, с ужасом и изумлением взглянул на меня и спросил, откуда я мог узнать это. Я не сказал ему об источниках моей информации, но постарался убедить в бессмысленности слухов, которым даже он доверял.

Сам по себе этот инцидент не настолько значителен, чтобы специально упоминать его. История о немецких офицерах, гуляющих по улицам российской столицы, могла быть рассказана где угодно и через несколько дней забыта, а ее сменила бы новая, столь же бредовая история. Но на эту выдумку ссылались как на

доказательство слабости правительства и его неспособности защитить империю от внешнего врага. Что это за полиция, которая позволяет самым опасным шпионам преспокойно прогуливаться по Петербургу? Это был беспочвенный слух из тех, которые дают повод всем, как попугаям, повторять: «Подобных вещей нельзя допускать!»

Во время войны действия военных властей, которые присвоили себе право удалять из зоны военных действий без каких-либо формальностей любых, кажущихся им подозрительными, людей, порождали много проблем. Губернаторы, представлявшие гражданскую власть, были обязаны в подобных случаях подчиняться распоряжениям военного командования и выполнять его приказы. Командующие различными армейскими частями высылали целые группы людей из зоны своей юрисдикции. Изгнанники должны были искать иное место жительства, и возникала неприятная ситуация, поскольку сотни людей были вынуждены покидать дом и селиться в городах, где их присутствие было еще опаснее, чем в зоне военных действий.

Довольно долго, пока армейское начальство продолжало действовать самостоятельно, гражданские власти не имели никакого голоса в вопросе о высылке нежелательных лиц из военной зоны. Наконец было достигнуто взаимопонимание, и начиная с этого времени, что бы ни решило армейское командование по данному вопросу, все сведения немедленно пересылались в Департамент полиции, и Министерство внутренних дел определяло, в какой местности должны поселиться нежелательные лица. Вследствие этого соглашения изгнанников распределяли равномерно, исключая те губернии, где располагались наиболее важные фабрики по производству военного снаряжения или иные работающие по обеспечению военных заказов предприятия. Таким образом Министерство внутренних дел наконец смогло мирным путем получить назад от армейского командования свои, исконно принадлежавшие ему функции.

Сотни подобных дел об изгнании жителей из зоны военных действий находились под моим личным наблюдением; и много раз я мог только покачать головой по поводу примитивности методов военных властей при проведении необходимых расследований и в конечном счете их обращения с невинными людьми, которых они провозглашали шпионами.

Некоторые военачальники с большой охотой выслушивали самые безответственные обвинения. Один двуличный негодяй, весьма подозрительная личность, который задолго до этого был

уволен из секретной службы Охраны, сообщил командующему военным округом Динабурга, на которого произвел впечатление фантастической историей собственного изобретения, что напал на след широко разветвленной тайной сети, ответственной за взрывы мостов и складов снаряжения в округе. Командующий доверился ему, привел в движение весь аппарат, чтобы удостовериться, что все здания и пункты, которым могла угрожать опасность, защищены от нападения врага. И только когда обратились к генералу Курлову, тот сразу же понял, что подозрительный информатор ему знаком, и в итоге выяснилось, что во всей этой таинственной истории нет ни слова правды{108}.

Генерал Курлов много раз жаловался мне на проблемы, которые создают ему в его должности генерал-губернатора Прибалтийского края фальшивые донесения о шпионаже и саботаже. Немецкоязычное население региона постоянно обвиняли в сотрудничестве с врагом и снабжении его сведениями о передвижении наших войск. Все время приходили сообщения, что башня того или другого замка, которым владел какой-нибудь немецко-балтийский барон, используется для подачи сигналов немецкой армии или флоту. Всех подозревали, что у них есть тайные радиостанции. В конце концов генерал Курлов принял решение, чтобы специальные уполномоченные проверили все поместья в сельской местности с целью установить, не ведется ли там какая-либо незаконная деятельность.

Старый ученый, владеющий маленькой обсерваторией вблизи Риги, ужасно страдал от всеобщей шпионской лихорадки Полиция, военные, морские власти приходили к нему много раз, обыскивая все снизу доверху.

Курлов со смехом рассказывал мне, как старый латыш взывал к нему и клялся, что он и другие люди видели германский военный аэродром, размещенный в поместье немецкого барона. Владелец его принимает летчиков и предоставляет им убежище. Не удовлетворенный этим литовский крестьянин добавил, что немецкие летчики перед уходом поймали корову и взяли с собой{109}. Вот на такие сообщения высоким чиновникам приходилось тратить время в те дни!

Часто случалось, что офицеры военной разведки сами совершали грубейшие ошибки, поскольку они не слишком отличались от невежественных крестьян в своем паническом страхе перед шпионами. Так, нередко командование настаивало на изгнании определенных людей и обосновывало свои требования тем, что эти люди слишком хорошо информированы о позициях, занятых вражескими войсками. Специальное расследование установило, что это наши шпионы, которые

исправно снабжали нас всеми сведениями, касавшимися передвижений немецкой армии. Болезненный страх, что они могут начать работать на врага, побудил военное командование в конце концов прервать деятельность этих людей, какими бы ценными ни были сообщаемые ими сведения, и выслать их из зоны военных действий. И несомненно, совершая это, они не подумали о том, что опытных шпионов нельзя заменить с такой же легкостью, как горничных или приказчиков.

Я был знаком хорошо с французом (его звали И.Р. Кюрц), долгое время жившим в России. Он преподавал в Петербургском коммерческом училище и также был корреспондентом Ассошиэйтед Пресс. В качестве журналиста он общался со многими министрами и другими чиновниками высокого ранга, и когда началась война, для него не составило труда получить пост в разведке Южного фронта. Его знания были необычайно ценны для нас, так как, имея мать-венгерку, он свободно говорил по-венгерски. После года службы было признано, что результаты его работы поистине замечательны, и Кюрц был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

Я встретился с ним, когда он приехал в отпуск в Петербург, и он рассказал мне о некоторых подробностях своей деятельности. Он долго добирался до Венгрии, чтобы собрать там сведения о состоянии страны и ресурсах австрийской армии. Вскоре после этого я встретил графа Игнатьева, его начальника по разведке, который попросил меня откровенно сказать, что я думаю о Кюрце. Я сказал все хорошее, что только мог, так как догадывался о причинах такого усиленного интереса к нему. Я особенно подчеркнул, что нет ни малейших сомнений в его лояльности, указывая, что даже в самых конфиденциальных беседах, которые были у нас, я не заметил ничего особенного.

Как же велико было мое изумление, когда несколькими днями позже Кюрц был арестован по распоряжению военных властей по подозрению в шпионаже! По моему настоянию дело рассматривал персонально А.А. Чернявский, прокурор, прикомандированный к либавскому суду, который сообщил мне после тщательного изучения документов, что не нашел ни малейшего доказательства виновности Кюрца. Дело кончилось ничем, и Кюрц был освобожден после пятимесячного содержания под стражей. Таким образом, вместе с орденом за особые заслуги он получил вечное клеймо подозреваемого в шпионаже.

Странным контрастом к бессмысленной суровости, проявленной военными властями в этом деле, было их отношение к другим случаям, когда энергичные меры были просто необходимы. Когда русские войска прогнали австрийцев из

галицийской деревни, была сделана удивительная находка на чердаке дома, где располагался штаб врага. Среди многочисленных документов, принадлежащих австрийской военной разведке, находился список пяти евреев, завербованных в качестве постоянных агентов, получающих определенное месячное содержание от руководства австрийской разведки, которому они доставляли ценные сообщения о передвижениях наших войск. Все это было зафиксировано в австрийских документах, которые включали даже детальный отчет о суммах, выплаченных этим евреям. Они были арестованы, но, вместо того чтобы немедленно отдать их под трибунал, Ставка решила просто удалить их из зоны военных действий.

Когда сообщение о находке пришло ко мне, я отправил рапорт министру внутренних дел, выражающий мое убеждение, что это дело не должно закончиться только административными мерами, предателей следует судить и наказать смертью. Министерство отправило доклад об этом главнокомандующему Брусилову, но я не знаю, чем закончилось дело, так как документы ко мне не вернулись. Однако надеюсь, что эти пять шпионов не избежали заслуженной участи.

В другом деле о шпионаже и сотрудничестве с врагом военные власти продемонстрировали такую же неумелость. Недалеко от Рижского фронта жену офицера обвинили в том, что она пригласила на вечеринку дежурных офицеров и подпоила их, чтобы они рассказали о важных стратегических планах, а затем собиралась передать эту информацию врагу. Женщина по рождению была немкой, и обвинения против нее, которые стали известны разведке армейского командования, звучали очень убедительно. И на этот раз, к моему изумлению, военные власти не сделали ничего, лишь выслали ее из зоны военных действий.

Возникает вопрос, почему люди из военной разведки, как только было раскрыто шпионское гнездо, не извлекли из этой информации все возможное. Можно было достаточно легко распутать за короткое время все нити этого дела, выследить и поймать всех его участников. Если, с другой стороны, во время расследования выяснилось бы, что для обвинения офицерской жены нет никаких оснований, власти должны были привлечь к ответственности лиц, сообщивших клеветнические слухи. Вместо этого они приняли половинчатые меры и просто выслали подозреваемую.

Объяснение таких удивительных случаев может заключаться в спешке, с которой действуют военные разведывательные службы. В силу необходимости они составлены из неопытных людей, которые часто не в силах понять крайнюю важность

возложенных на них обязанностей. Множество офицеров, которые сейчас отвечают за безопасность войск, в мирное время были инженерами или преподавателями в Военной академии и никак не были подготовлены к своим новым обязанностям.

Но самый грубый промах совершил генерал Джунковский, товарищ министра внутренних дел, запретив создавать секретную агентуру в армейских частях. Как раз в это время, когда началась война и революционные агитаторы стали особое внимание уделять армии и использовать малейшую возможность воздействовать на солдатские умы своей разлагающей пропагандой, военные власти, испытывая недостаток опыта, были практически беспомощны перед лицом вражеской агитации и пропаганды.

Положение усугублялось еще и тем, что большая часть военачальников, может быть намеренно, закрывала глаза, если вопрос касался деятельности революционеров в их воинских частях. Эти офицеры просто отказывались признаться себе или кому-то другому в малейшей возможности чего-нибудь вроде нарушения дисциплины или политического брожения среди людей, находящихся в их подчинении. Таким образом, они с подозрением встречали любое вмешательство политической полиции в дела армии и так настойчиво добивались упразднения секретной агентуры в армии, что преуспели в этом. Генерал Джунковский сделал большую ошибку, положившись на заверения Ставки, что он может совершенно спокойно предоставить политическое наблюдение в войсках армейским офицерам. Он издал циркуляр, который категорически запрещал Охране проявлять любой интерес к внутренним делам армии.

Генерал Курлов собирался открыть палатки и буфеты рядом с казармами, под управлением агентов Охраны, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим и проверять настроения в солдатской среде. Но этот план так и не был осуществлен.

Из бумаг, которые ежедневно приходили ко мне, я не мог не заметить (со все возрастающим сожалением и беспокойством), к каким печальным последствиям привела эта неразумная позиция Министерства внутренних дел. Что же касается агентов Охраны, которые, исполняя свои обязанности, продолжали вступать в контакты с военными разных рангов, то они, конечно, не перестали сообщать о своих наблюдениях. Поэтому, хотя секретная агентура в армии прекратила свое существование, мы продолжали регулярно получать информацию о настроениях среди солдат, и эта информация становилась все более и более тревожной.

Не однажды в течение войны Охрана имела дело со случаями

шпионажа. Как-то раз деятельность «черного кабинета» привела к раскрытию гнезда немецких шпионов на юге России. Корреспонденция этих людей была зашифрована, но нам удалось найти ключ и таким образом пресечь деятельность всей группы.

Похожим образом была раскрыта группа германских шпионов в Измаиле. Все письменные улики в этом деле были зашифрованы. Но арестованные члены организации имели при себе одинаковые календари, и стало очевидно, что в них-то и находится ключ к разгадке. И действительно, это дало нам возможность расшифровать все документы данной группы, которые оказались очень важными

Нередко случалось, что в делах о шпионаже полиция и военные расследовали одни и те же улики, но, к сожалению, очень редко удавалось достичь взаимовыгодного сотрудничества. Как правило, военные власти с недоверием относились к полиции, что часто затрудняло расследование и уменьшало надежды на успех. Одним из способов, которым Военное министерство выражало это недоверие, было систематическое игнорирование сообщений, присылаемых Департаментом полиции. По поводу информации, полученной от самых надежных источников, военный министр отвечал, что проведенное расследование продемонстрировало ложность этих сведений. Конечно, мне бы не хотелось обвинять Генеральный штаб за различные ошибки, сделанные в то время, но справедливость требует констатировать, что, за несколькими исключениями, военные власти сделали далеко не все, что ожидалось от них в таких полицейских расследованиях. Делая это заяв ление, я хочу отвергнуть беспочвенные обвинения, так часто выдвигаемые против Министерства внутренних дел, в излишне мягких мерах, принимаемых для предотвращения революционной агитации и всеобщего развала.

Я помню о своих разговорах с генералом П.Н. Соловьевым, начальником Северо-Западной железнодорожной полиции Он жаловался, что Ставка часто настаивает на немедленной отправке составов с военными грузами, и утверждал, что выполнение этих требований блокирует нормальное железнодорожное сообщение. Неоднократно Соловьев должен был лично ехать на узловую станцию, чтобы ликвидировать затор; идущие малой скоростью поезда должны были ждать, чтобы поезда с амуницией или другим военным грузом могли ехать быстрее. Особой причиной для недовольства было то, что вагоны, отправленные в Варшаву, никогда не возвращались обратно, что вело ко все увеличивающейся нехватке подвижного состава на этих станциях и усложняло комплектование новых составов. Военные власти в

Варшаве следили только за разгрузкой поездов, переводя их на запасный путь, чтобы освободить главную ветку, и затем оставляли их стоять там.

«Весь порядок нарушен и вряд ли может быть когда-нибудь восстановлен, — заявлял генерал Соловьев. — И это происходит главным образом потому, что в командовании армии есть люди, совершенно незнакомые с правилами и техникой железнодорожной службы. Когда полицейские власти ставят передо мной задачу устранить возникающие препятствия, я должен постоянно действовать как посредник, пытаясь примирить требования военных с железнодорожным руководством. В случаях настоятельной необходимости для армии срочно отправить военный эшелон даже составы с продовольствием должны задерживаться на несколько дней».

И здесь, возможно, мы имеем первую причину быстро увеличивающейся нехватки предметов первой необходимости, следствием чего может стать всеобщий экономический крах. Конечно же, торговцы желали побыстрее использовать исключительную ситуацию в своих собственных интересах, и если цены однажды выросли, не хотели снижать их. Чиновники и рабочие, со своей стороны, непрерывно требовали повышения окладов и заработной платы, обосновывая свои права все возрастающей стоимостью жизни.

Когда я еще был директором Департамента полиции, мне как-то позвонил директор Московского торгово-промышленного товарищества Г.П. Гюйон, умный и деловой обрусевший француз, которого я никогда раньше не встречал. Во всех подробностях и очень ясно он изложил мнение, которое было широко распространено, что нерегулярность грузовых и пассажирских перевозок может привести к опасным волнениям среди населения и нужно предпринять своевременные меры, чтобы быть готовыми к такой опасности. Один из приведенных им примеров был таким: важное сырье, предназначенное для Москвы и прибывающее из северных городов, недели лежало в ожидании состава для перевозки, в то время как через эту же станцию проходили пустые составы, зарезервированные для Военного министерства, которые поэтому не могли быть использованы. Согласно Гюйону, срыв регулярных поставок сырья вызвал падение производства на фабриках и волнения среди рабочих, что создало благоприятную почву для агитации социалистов. Гюйон завершил свою речь утверждением, что как представитель и глава товарищества он руководствуется только интересами промышленников, а они сделают все возможное, чтобы предотвратить увольнения рабочих. Но он добавил, что боится, что в ближайшем будущем

все их усилия окажутся бесполезными, так как никакие попытки убедить Генеральный штаб в необходимости введения некоторой регулярности в железнодорожное сообщение и упорядочения распределения вагонов не имели успеха.

О самых важных моментах моего разговора с Гийоном я сообщил своему шефу Брюну де Сент-Ипполиту, с просьбой передать их товарищу министра В.Ф. Джунковскому. Но предпринятые шаги были совершенно недостаточны, чтобы гарантировать какой-нибудь результат, так как армия в лице всесильного генерала Янушкевича абсолютно не принимала во внимание бедственное положение населения. Упоенный властью, Янушкевич отдавал такие приказы руководителям Военного министерства, что складывалось впечатление, будто ситуация в стране его совершенно не касается.

Всеобщая шпиономания в двух случаях привела к результатам, которые, даже в аспекте их влияния на репутацию русской армии, были исключительно серьезны. Я имею в виду судебные процессы полковника Мясоедова и военного министра Сухомлинова. Член Думы Гучков, подробнее о котором я расскажу дальше, был организатором травли полковника Мясоедова, утверждая, что располагает исчерпывающими доказательствами совершения Мясоедовым государственной измены. Инспирированное Гучковым «Вечернее время»{110} начало публиковать свои «разоблачения» Мясоедова и настаивало на возбуждении официального дела против этого офицера. Характерно для духовного разложения так называемых «культурных кругов» России, что этот обвинительный акт со стороны не заслуживающей уважения газеты сразу же нашел сочувствие и полное доверие у публики. Если же кто-то скептически вопрошал, неужели все это действительно правда, то получал убежденный ответ: «Это должно быть правдой, так как напечатано в газетах».

Очень скоро по приказу главнокомандующего дело Мясоедова было передано в военный суд, но желтая пресса этим не удовлетворилась и требовала от суда обвинительного приговора «предателю». В Ставке придали слишком большое значение заявлениям петербургской прессы и вообще тому, что происходит в столице. В результате политические цели стали влиять на правосудие. Полковник Мясоедов был вначале оправдан военным судом. Затем, однако, по приказу Великого князя Николая Николаевича был начат второй судебный процесс, который завершился смертным приговором обвиняемому. Приговор был приведен в исполнение вскоре после его вынесения. Мне сообщили, что Мясоедов в отчаянии пытался

совершить самоубийство, вскрыв себе вены обломком металлической оправы для очков. Попытка, однако, была своевременно обнаружена, и с этого момента до самой казни несчастный находился под постоянным наблюдением тюремщика.

В официальных сообщениях приговор Мясоедову был основан на утверждении, что полковник признан виновным в шпионаже и мародерстве. Второе обвинение базировалось на факте его пребывания на Восточном прусском фронте, откуда он послал близким родственникам лампу и картину. Но обвинитель был совершенно неспособен доказать, что Мясоедов приобрел упомянутые предметы грабежом, а не путем законной покупки. Что же до обвинения в шпионаже, то офицер обвинялся в получении десяти тысяч рублей от врагов за свое предательство, но не было никаких свидетельств о том, где находятся эти деньги. На самом деле ни у Мясоедова, ни у его жены и родственников не было обнаружено никаких заслуживающих упоминания сумм денег.

После революции дело Мясоедова было пересмотрено и все, причастные к нему, оправданы. Однако несчастный полковник был казнен задолго до этого, поэтому не мог воспользоваться исправлением допущенной судебной ошибки{111}.

Почти в то же время, что и кампания против Мясоедова, поднялся шум по поводу военного министра Сухомлинова. Это также была работа Гучкова и его приспешников. На этот раз это несомненно был акт мести со стороны ближайшего друга Гучкова генерала Поливанова. Последний занимал должность товарища военного министра и некоторое время находился с ним в очень дружеских отношениях, пока не связал свою судьбу с Думой. Сухомлинову это не нравилось, и он все больше и больше отодвигал Поливанова на задний план. Поэтому Поливанов, человек честолюбивый, отомстил ему столь варварским способом.

Сухомлинов был обвинен в предательстве. О том, сколь достоверны были представленные доказательства, я мог судить со всей определенностью. В те дни я был директором Департамента полиции и находился в тесных отношениях с членами суда, которые должны были расследовать дело министра. Ведущий это дело судья Коцюбинский однажды с триумфом показал мне документ, который он охарактеризовал как «убедительное доказательство» вины. Это было письмо, посланное из Карлсбада и адресованное жене военного министра купцом по фамилии Альтшиллер, проживающим в Киеве. Письмо содержало информацию, что в Карлсбаде идет дождь, дороги ужасные и что поэтому о долгих прогулках не может идти речи. Когда я изумленно спросил судью, каким образом такое письмо может

служить доказательством вины Сухомлинова, он отвечал, что вполне уверен, что слова имеют скрытый смысл: упомянутые дождь и плохие дороги имеют в виду что-то совсем другое. В ответ на мой вопрос о скрытом значении письма он махнул рукой, как бы показывая, что мой вопрос глуп, поскольку смысл несомненно присутствует, но ответил: «Черт его знает, что этот человек имел в виду!»

Вот на каких доказательствах было построено ужасное обвинение против Сухомлинова, военного министра, в предательских действиях и помощи врагу! А между тем была забыта его исключительно важная работа по реорганизации армии. Ведь именно вследствие его усилий мобилизация была проведена в такие изумительно быстрые сроки, он существенно улучшил ремонт кавалерии, начал перевооружение артиллерии, организовал Управление военно-воздушного флота, создал Автомобильную службу, которая была так важна в войне; он основательно реформировал структуру Военного министерства.

Прокурор В.П. Носович, который вел дело против Сухомлинова, затруднялся представить хоть малеишие свидетельства того, где могли быть деньги, якобы полученные министром за свое предательство, хотя эти суммы должны были быть огромными. Несмотря на этот серьезный пробел в структуре доказательств вины Сухомлинова, и так достаточно шатких, он был обвинен, потому что, как я уже говорил ранее, стал жертвой интриг. Это позор, что престарелый генерал должен был ждать освобождения от сурового заключения вплоть до прихода большевиков к власти. После всеобщей амнистии, дарованной Советами и освободившей его из тюрьмы, Сухомлинов закончил свою жизнь в ужасающей нищете. Если бы он действительно был предателем и получал большие суммы денег от немцев, его жизнь сложилась бы иначе.

Вновь мысленно возвращаясь к этим делам после долгих лет, я и сегодня все так же уверен, что ни полковник Мясоедов, ни генерал Сухомлинов никогда не совершали преступных действий. Возможно, они были беспечны и неблагоразумны, но в то, что они виновны в умышленном предательстве, я не могу поверить, как и раньше. Даже в среде русских эмигрантов мне часто говорят, что я ошибался; что абсолютно невозможно вообразить себе суммы, которые немцы тратили на подкуп во время войны; что доказательства будут найдены в архивах германского командования.

Но даже этот аргумент не убеждает меня, так как из своего большого служебного опыта я знаю, что часто *большие суммы тратились якобы на определенных людей, но те эти деньги не*

получали. Так случилось, например, в деле о шпионаже, которое мой начальник, генерал Джунковский, поручил мне расследовать персонально. Оно было так характерно в той ситуации, о которой я говорил, что я остановлюсь на нем.

Однажды мы получили от нашей Заграничной агентуры длинную телеграмму, в которой Красильников, возглавлявший ее, передал очень интересное сообщение: немцы обратились к одному политэмигранту с предложением, чтобы он помог им выполнить некие планы, призванные нанести большой ущерб России. Немцам не повезло, они сделали неверный выбор, так как этот эмигрант был одним из наших секретных агентов, и он немедленно связался с Заграничной агентурой. Некоторое время я ничего не слышал об этом деле, пока однажды этот эмигрант сам не появился в моем кабинете. Он подробно описал планы врагов, а затем достал из кармана тринадцать тысяч рублей банкнотами. Он передал деньги мне со словами, что эти деньги немцы дали ему для покрытия дорожных расходов. Они обещали ему много больше, если он организует взрыв моста, железной дороги или фабрики. Агент, как вы видите, принял деньги, но, будучи добросовестным служащим, поступил с ними, как предписывала инструкция. Я убежден, что в бумагах германской разведки он упомянут как получивший взятку, поэтому в глазах людей, не знающих реального положения дел, он может быть очень серьезно скомпрометирован.

Глава IX

Распутин. — Его поведение в обществе. — Его кутежи. — «Лечение» Наследника престола. — Политическое влияние Распутина и его границы. — Прошения, поданные Распутину. — Его связи с Царем и Царицей

Из бессчетных небылиц, распространяемых о последних годах русского Императорского семейства, главная связана с именем Распутина. Поэтому я чувствую необходимость остановиться на нем более подробно и на основе информации и заметок, находящихся в моем распоряжении, дать правдивое изображение этого столь поносимого человека и рассказать о его связях с российскими политиками.

Дело Распутина имеет немало сходства со знаменитым делом об ожерелье, которое, в определенном смысле, стало причиной Французской революции. Люди во Франции, готовые совершить революцию, использовали это скандальное дело, чтобы уронить престиж королевского двора и тем самым подорвать устои трона{112}.

Деятели русской революции подобным же образом и с подобными же последствиями использовали дело известного «старца». Но самое печальное в этом, что даже члены Императорской фамилии приняли участие в клевете против Царя и Царицы; это отличает российскую катастрофу от падения Бурбонов.

Кем был Распутин? Простым, необразованным крестьянином, но наделенным большой природной смекалкой. Он пришел из маленького села Покровское на Туре, в Западной Сибири. Его отец был ямщиком, и сам он занимался извозом, пока, как и многие другие сибирские крестьяне, не был охвачен религиозным экстазом и покинул свои дом, чтобы скитаться по России в качестве паломника.

После посещения горы Афон судьба привела его наконец в Петербург, где он привлек внимание нескольких церковных иерархов своими разумными поучениями на религиозные темы. По их рекомендации он познакомил-ся с Великим князем Николаем Николаевичем, чья жена{113} представила его Царице.

С этого времени он стал вхож в разные кружки высших слоев столичного общества, где его высоко ценили. Но Распутин не заблуждался насчет собственных способностей: он был совершенно уверен, что не соответствует интеллектуально той роли, которую ему приходится играть. Полное отсутствие

образования не позволяло ему ухватить даже главные аспекты, не говоря уже о деталях тех проблем, в которых он должен был разбираться в совершенстве. Однако у него хватало природной сметки, чтобы здраво судить о многих вещах. Куда бы он ни шел, он внимательно прислушивался к тому, что говорилось и делалось; и из этого он своим врожденным крестьянским умом мог сделать весьма разумные выводы. Он почти никогда не задавал вопросы, которые могли бы выдать недостаток образования, поэтому многие сильно переоценивали его знания

Множество раз я имел возможность встречаться с Распутиным и беседовать с ним на разные темы. В подобных случаях я всегда поражался терпению и старательности, с которыми он вникал в суть темы; каждого он слушал с напряженным вниманием, стремясь не потерять нить разговора. Очень редко он вставлял замечание, и когда делал это, оно, как правило, оказывалось к месту. Не раз я слышал, как он прерывал напыщенный бред точным восклицанием, которое немедленно опускало болтуна с небес на грешную землю.

Его политические взгляды, насколько он их вообще имел, были достаточно простыми. Он был не более чем обычный российский патриот и искренний монархист, но не в том смысле, который придается этому слову сегодня: он не был ни левым, ни правым, ни конституционным монархистом, так как монархия была для него своего рода религией. Россия без Царя была чем-то, что он не мог себе представить. Тонкости так называемый высокой политики были далеки от круга его интересов, и он совершенно не мог понять, к чему в конечном счете стремятся различные партии, группировки в Думе, газеты. Его основные политические принципы состояли просто в *умиротворении,* насколько это возможно, врагов Царя. Так, однажды он разъяснял мне с большим пылом свою точку зрения, что министры должны направить всю свою энергию на восстановление мира со всеми внутренними врагами. Он сказал, что сожалеет о последних, так как они не ведают, что творят, а все, что нужно, это разъяснить им их ошибки, и все беспорядки сразу же прекратятся.

Хотя он не разбирался в политике, но проявлял огромный интерес ко всему, что представлялось ему практически важным и ценным для людей; даже в петербургских гостиных он оставался достаточно крестьянином, чтобы сочувствовать крестьянам и понимать их нужды. Поэтому в месяцы, предшествующие его смерти, он был чрезвычайно занят проблемами снабжения продовольствием, которые день ото дня становились все более актуальными. Как я уже указывал, различные обстоятельства создавали определенные трудности с запасом продовольствия в

стране, и Распутин считал одной из важнейших обязанностей правительства принятие необходимых мер. Свое мнение на этот счет он, в отличие от большинства политиков, не облекал в пышные фразы, но говорил просто: «Вы должны накормить людей, тогда они успокоятся». Он был прав, заявляя, что снабжение страны продовольствием должно быть доверено министру, который располагает лучшими возможностями для распределения запасов продовольствия. Имеется в виду министр внутренних дел.

До того, как я лично познакомился с Распутиным, мне часто говорили о его хвастовстве. Люди особенно негодовали из-за того, как он хвастался своими тесными связями с Императорской семьей. Я также слышал множество разговоров об известной гипнотической силе его взгляда; на этот счет ходили самые невероятные легенды. Поэтому, когда мы встретились, моей главной задачей было проверить правдивость этих утверждений. Я сел напротив него, насколько это было возможно, и попытался запечатлеть в мозгу малейшие его жесты, каждое крохотное изменение в его мимике, каждое произнесенное им слово. То, что я увидел, совершенно не соответствовало распространяемым слухам. Не было никакого самодовольства. У меня сложилось впечатление, что он прекрасно понимает, что хуже образован, чем окружающие. Если он случайно упоминал Царя или Царицу, его высказывания были необычайно уважительны как в словах, так и в тоне и были сделаны с ощущением неловкости, нерешительности. Никогда я не слышал от него бахвальства связями с Царской семьей, никогда не видел его пьяным. Когда он говорил о министрах, то всегда в основном упирал на то, что они должны всемерно помогать Царю в его сложной задаче управления страной.

Несмотря на все это, я, конечно, знаю очень хорошо — наверное, лучше, чем многие другие, — что у слухов о его самоуверенном поведении в высшем обществе есть основания. Кроме того, разве я не имел возможности в любое время просмотреть полицейские рапорты, имеющие отношение к этому делу? Однако надо заметить, что никто в подвыпившем состоянии не владеет вполне своим языком и что его враги часто старались напоить его, а затем задать провокационные вопросы, на которые он давал необдуманные ответы.

Конечно, Распутин имел слабость к вину и женщинам, но это не было следствием его крестьянского происхождения. До того как он получил возможность войти в петербургское высшее общество, у него не было подобных крайностей, как показывают расследования; скорее уж они появились в новом и развращенном

обществе городских жителей, которые намеренно старались развратить и испортить его, чтобы таким образом дискредитировать Царя и его супругу. Однажды преуспев в очернении имени Распутина, эти люди стали плести свои сети вокруг него, говоря о его влиянии при назначении на высшие посты, о его секретных сношениях с Германией и о его усилиях заключить соглашение о сепаратном мире; и все это было придумано, чтобы очернить Императорский Дом.

Распутин не лез в первые ряды политической арены; его вытолкнули туда другие люди, стремящиеся потрясти основание российского трона и империи. Сам он никогда не понимал вполне, что происходит. Хотя он и говорил, что с его смертью Россия тоже погибнет, он не осознал, что просто является марионеткой в руках гнусных интриганов.

Эти предвестники революции стремились сделать из Распутина пугало, чтобы осуществить свои сатанинские планы. Поэтому они распускали самые нелепые слухи, которые создавали впечатление, что только при посредничестве сибирского мужика можно достичь высокого положения и влияния. Чем сильнее чернили имя Распутина и чем больше преувеличивали его влияние, тем легче было скомпрометировать светлый образ Царицы и в итоге превратить русских людей в рабов Интернационала, а могучую и победоносную империю — в страну, где царствуют хаос и анархия.

Несомненно, время от времени Распутину приказывали явиться к Императрице, которая с сердечностью, так шедшей Ее Величеству, и, возможно, конечно, с определенной склонностью к мистицизму, принимала его с большой добротой. Она твердо верила, что он никогда не солжет, а то, что его визиты совпадали с улучшением состояния здоровья Наследника престола, еще более укрепляло ее расположение к нему. То, что «излечение» Цесаревича Распутиным было не более чем случайным совпадением, — мое твердое и непоколебимое убеждение. Я никогда ни на минуту не верил, что Распутин обладает гипнотическим взглядом или способностью чудесно исцелять. По случайному стечению обстоятельств один-два раза после визита Распутина в комнату больного Царевича пациенту становилось лучше, и возможно, успокаивающее воздействие, которое, несомненно, исходило от этого здорового мужика, могло играть некоторую роль в этом улучшении.

Не верил я и в то, что Царица считала Распутина чудотворцем. Он часто проявлял глубокий и искренний интерес к судьбе Цесаревича, и этого достаточно, чтобы объяснить благосклонность Императрицы к нему. Она была слишком

благородна, чтобы оскорбить чувства этого хорошего человека, который боготворил ее, вниманием к вульгарным и оскорбительным слухам.

Может быть, Император случайно обсуждал правительственные дела со своей супругой в присутствии Распутина, и правящая чета спросила, что он думает по этому поводу. Но совсем глупо и вместе с тем наивно утверждать, что Царь, принимая решение, позволил себе поддаться влиянию случайных замечаний простого мужика. В подобных обстоятельствах было вдвойне плохо, когда даже люди в правительственных кругах и высшие чиновники стали полагаться на «влияние» Раопутина, вместо того чтобы сделать что-то разумное и более соответствующее данной ситуации, например просто игнорировать его. Конечно, абсурдно верить, что продуманные рекомендации министра должны получить поддержку у мужика до того, как будут одобрены Царем!

Однако праздная болтовня оказалась сильнее разумных доводов. Поэтому через какое-то время люди по всей России стали верить во всемогущество Распутина и говорить об этом не только в гостиных и ресторанах, но и в избах, кухнях и жилье прислуги как об уже доказанном факте. Это, естественно, было использовано революционерами, чтобы поднять народ против такого положения дел, когда, как они уверяли, Россией правит порочный «старец».

На самом деле все это было очень далеко от правды. Если Распутин и играл какую-либо роль при Дворе, то очень небольшую и ни в малейшей степени не сравнимую с той, которую играли высшие чиновники. Ум и природная смекалка давали ему иногда возможность трезво и проницательно судить о человеке, только раз им встреченном. Это тоже было известно Царице, поэтому она иногда спрашивала его мнение о том или ином кандидате на высокий пост в правительстве. Но от таких безобидных вопросов до назначения министров Распутиным — очень большой шаг, и этот шаг ни Царь, ни Царица, несомненно, никогда не делали.

Может показаться, что эта моя уверенность идет вразрез с известным фактом, что один или два раза Распутин посылал телеграммы Императрице по поводу важных назначений в правительстве. Эти телеграммы в основном и используются в качестве неопровержимого доказательства несомненного влияния Распутина на Двор Я, однако, настаиваю, что содержание этих телеграмм доказывает только вызывающее сожаления отсутствие такта у Распути на. Сыграли ли свою роль эти рекомендации — это совсем другой вопрос. Только в этом случае можно было бы

говорить о «влиянии» Распутина. Но, с другой стороны, оказывается, что во многих случаях ходатайства Распутина не имели успеха. Один или два раза случалось, надо признать, что кандидаты, которых он предлагал, были назначены; но в этих случаях решения были приняты задолго до его вмешательства, на совсем других основаниях и были бы осуществлены, даже если бы Распутин и пальцем не шевельнул Эти назначения являются такими же случайными совпадениями, как и улучшение состояния здоровья Цесаревича после посещений «старца».

Только в одном отношении Распутин был способен оказать услугу просителям — в просьбах о помиловании заключенных. Но и здесь я хочу добавить одно важное наблюдение, которое мне часто случалось делать в течение службы Обычно Государь делал пометки на докладах синим карандашом, чтобы показать, что вопрос решен; но я никогда не видел смертного приговора, на котором стоял бы такой знак. Из этого можно сделать вывод, что Царь никогда не читал смертных приговоров, но отправлял их министру юстиции, чтобы тот принял решение. Если это так, то даже если бы речь шла о подобной амнистии, влияние Распутина на Царя не имело бы никакого значения.

Что же касается частной жизни Распутина, то меня постоянно информировали о ней, так как начальник Петербургского охранного отделения приходил ко мне каждое утро с рапортом, содержащим подробный перечень лиц, появлявшихся накануне на квартире у Распутина, и тех, кому он сам наносил визит. Часто забавно было читать имена тех, кто являлся просителем к чудотворцу. Он выходил к ним с уверенностью профессионального предсказателя судьбы или гадалки, чтобы угодить посетителям. Когда кто-то описывал ему подробности своего дела, он очень спокойно выслушивал его, а затем задавал только один вопрос: какой министр имеет отношение к этому делу? Затем, не говоря ни слова, он протягивал просителю записку с одной или двумя фразами, адресованными какому-нибудь высокопоставленному лицу в правительстве. Они, как правило, гласили.

«Милый, помоги, если можешь.

Григорий Распутин».

Снабженные такой рекомендацией, люди из провинции обычно добивались аудиенции у означенного министра, твердо уверенные, что их просьба будет немедленно удовлетворена. Как велико бывало их изумление, когда, несмотря на вмешательство всемогущего «старца», они получали отказ!

Прошения, которые сами по себе могли быть удовлетворены и которые после внимательного изучения находили

справедливыми, естественно, решались положительно для просителя, независимо оттого, имел ли он рекомендацию Распутина или нет. И, vice versa{114}, необоснованные просьбы или жалобы никем не рассматривались, несмотря на рекомендацию «старца». И тем не менее люди полагали, что все зависит от клочка бумаги с несколькими словами, написанными рукой Распутина. Действительно, люди часто утверждали, что он успешно помогает в решении сомнительных дел, но я никогда в это не верил, и хотя иногда расследовал эти слухи, но никогда не находил убедительных доказательств их правдивости. Таким образом, и по данному вопросу я все еще считаю, что это и многие другие утверждения о Распутине являются не более чем слухами.

Почти половина просителей Распутина были людьми бедными, надеявшимися получить у него какую-нибудь материальную помощь. И ожидания такого рода были небезосновательны, так как Распутин никогда не отказывался помочь деньгами. Если обеспеченный проситель оставлял Распутину деньги, то он распределял их среди приходивших потом бедных посетителей, не оставляя себе, таким образом, ни рубля.

Очень часто случалось, что простые крестьяне приходили к нему только затем, чтобы удовлетворить свое любопытство и поговорить с человеком, который, будучи простым мужиком, нашел доступ ко Двору. Распутин обычно принимал их с большим радушием, долго разговаривал об их делах, совершенно не думая о том, что заставляет ждать значительно более важных персон. И эти посетители из деревни всегда уходили домой с подарками.

Случаи, о которых я рассказываю, не являются, как может кто-то подумать, моими сентиментальными выдумками, о них свидетельствуют донесения агентов, годами работавших в качестве слуг в доме Распутина и, следовательно, знавших его повседневную жизнь в мельчайших деталях. Они постоянно сообщали также о том состоянии неуверенности и нежелания, в котором Распутин всегда собирался в Царское Село; он откровенно нервничал, когда его приглашала туда мадам Вырубова. Агенты удостоверяют, что когда он узнавал, что должен встретиться с Царицей, то становился очень нервным и возбужденным. Поэтому утверждения, что Распутин вел себя цинично и самоуверенно, общаясь с Царской семьей, совершенная ложь.

Средства, которые он имел в своем распоряжении, были тоже точно известны. Из личных денег Царицы он получал ежегодное содержание в десять тысяч рублей. И в то время, когда я

возглавлял Департамент полиции, министр внутренних дел Протопопов однажды распорядился выдать ему тысячу рублей. Сумму больше, чем эта, он никогда не получал от Министерства внутренних дел.

Я уже говорил о его слабости к вину и женщинам. Но нужно заметить, что он никогда не был пьяницей в обычном смысле этого слова. Как типичный мужик, он обычно выпивал по случаю больше, чем было нужно, особенно когда бывал приглашен на какую-нибудь пирушку, где его подбивали потворствовать своим слабостям. Но я точно знаю, что на следующее утро он почти всегда сурово упрекал себя, узнав, что позволил себе необдуманно болтать, когда находился в подпитии. Возможно, это одна из причин, по которой он впадал в такое странное состояние перед поездкой в Царское Село. Он боялся, что со времени его последнего визита сведения о его невоздержанности достигли императорских ушей и что он может получить суровый выговор. Несколько раз Царь увещевал его по поводу его поведения в самой убедительной форме, что заставляло Распутина испытывать глубокие угрызения совести. К сожалению, это раскаяние было непродолжительным и он не имел силы воли, позволяющей сопротивляться искусителям, втягивающим его в новые оргии.

Глава X

Тибетский доктор Бадмаев. — Монархист как протеже матросов-большевиков. — Моя первая встреча с Распутиным. — Распутин и Дума. — Интриги Белецкого. — Распутин и его связи с Царем. — Падение генерала Джунковского. — Бесполезное предупреждение Бадмаева

Другом Распутина был Петр Александрович Бадмаев, который, как и Распутин, часто являлся объектом самых грязных сплетен. В этой связи мне хотелось бы рассказать об этом замечательном человеке, в своем роде уникальном, которого я очень хорошо знал.

Бадмаев приехал из Монголии. Он постиг тайные знания Тибета в использовании лекарственных трав, а затем, во время Русско-турецкой войны, стал военным врачом. Это был человек сильной воли, наделенный огромным чувством справедливости.

Стремясь помочь многочисленному населению Восточной Сибири, он выступил в качестве главы одной или двух делегаций, причем обращался непосредственно к Императорскому Двору. Таким образом он привлек внимание Александра III, который, по его просьбе, дал ему специальное разрешение лечить, используя тибетское врачебное искусство. В дальнейшем Бадмаев не раз получал аудиенцию у Императора, выступая от имени своих земляков Но он никогда не вступал в тесный контакт с дворцовыми кругами и, как убежденный и верный монархист, никогда не стремился использовать незаконным образом свои связи с Царем и правящим классом.

Несмотря на это, бесстыдные журналисты приписывали ему участие в тайных интригах Двора Они даже утверждали, что, тайно сговорившись с Распутиным, он склонял Императора принимать тибетский отвар трав, который должен был резко понизить умственные способности правителя.

Я хорошо помню обед в моем доме, на котором присутствовали Курлов и Бадмаев. Мы узнали из газет, что Цесаревич опять страдает от приступа гемофилии{115}, и эта новость привела Бадмаева в ужасно угнетенное состояние; его словоохотливость и радостное настроение сразу исчезли. Позже, когда мы перешли в мой кабинет, Бадмаев обратился к Курлову и ко мне с просьбой получить для него разрешение лечить Цесаревича с помощью тибетских лекарств; он сказал, что способен своими средствами полностью излечить болезнь, в то время как европейские врачи совершенно беспомощны против

нее. После обсуждения мы решили послать телеграмму дворцовому коменданту генералу В.А. Дедюлину, и я лично составил послание Двумя днями позже мы получили ответное письмо Дедюлина, в котором он сообщал, что лечащий врач Федоров и врачи-консультанты возражают против приглашения Бадмаева и что царствующая чета в итоге решила отказаться от предложения. Этот случай явно доказывает абсолютную недостоверность свидетельства о лечебной деятельности Бадмаева при Дворе.

Я был убежден в исключительности медицинских способностей Бадмаева и уважал его монархистские убеждения и многосторонние знания. Мне рассказывали, что он изучал православную религию в течение двадцати лет, прежде чем решил перейти в нее. Желание мстить было совершенно чуждо его натуре. Его усилия постоянно были направлены на оказание всевозможной помощи тем, кто в ней нуждался. Многим людям, которые просили его содействия, он безотказно давал деньги, иногда очень значительные суммы.

Судьба Бадмаева после революции также очень интересна и характерна. Когда он попытался уехать в Финляндию, то был арестован революционными матросами и некоторое время содержался в тюрьме. Находясь там, он не скрывал от своих стражей твердого убеждения, что свержение Царя являлось безумным поступком. Моряки, обычно такие непреклонные, молча слушали то, что говорил Бадмаев, не находя слов в ответ. Довольно скоро он был освобожден из заключения и возвращен в Петербург, где возобновил свою медицинскую практику. Сотни пациентов снова толпились у него, и в своих разговорах с ними он открыто выражал свои монархистские убеждения, давая им понять, что Россия попала в руки недостойных людей, которые приведут ее к падению.

Позже, когда большевики уже пришли к власти, агент ЧК (Чрезвычайной комиссии, на самом деле — тайной полиции) явился к Бадмаеву в качестве пациента и стал вовлекать его в политический спор. Это было не очень трудно, так как Бадмаев не сдерживался и не стеснялся, когда стоял вопрос о сравнении старого и нового режимов, он сразу же начал с жесткого осуждения коммунистической системы. Агент после этого посетил доктора еще два или три раза, и наконец ЧК обыскала дом Бадмаева. Они распотрошили диван, вскрыли всю мягкую мебель, искали во всех щелях и углах тайную переписку Бадмаева и Императрицы. Так как подобная переписка никогда не существовала, все усилия большевистских агентов, естественно, не увенчались успехом. Тем не менее Бадмаев был арестован.

Спустя два дня три матроса позвонили в его входную дверь. Они были знакомы с Бадмаевым и хотели проконсультироваться по поводу своих болезней Слуга Бадмаева сообщил им, что хозяин арестован и находится в заключении в ЧК Матросы, не теряя времени, поспешили к себе на корабль, чтобы сообщить о случившемся команде; все они вооружились и направились прямо к зданию ЧК. По прибытии они крепко избили своих товарищей, служивших здесь, освободили Бадмаева и с триумфом отправили его домой.

Именно в доме Бадмаева я впервые встретился с Распутиным, хотя из документальных свидетельств, находившихся в моем распоряжении, знал о нем все. Однажды вечером, возвращаясь домой со службы, я решил зайти к Бадмаеву, чтобы посоветоваться по поводу беспокоившего меня недомогания. Горничная проводила меня в столовую, где я и нашел хозяина за ужином с Распутиным, приятельницей последнего Марией Головиной и другими гостями. Бадмаев пригласил меня сесть напротив Распутина, и таким образом я получил возможность наблюдать за ним, не выглядя слишком назойливым Я слышал, как Распутин поинтересовался у Бадмаева, кто я, и Бадмаев назвал ему мое имя и объяснил служебное положение. Информация, видимо, удовлетворила «старца», так как он дружески улыбнулся и вновь принял участие в общем разговоре, который затих при моем появлении. Позже появились Курлов и Протопопов, тоже убежденные сторонники и регулярные пациенты тибетского доктора. После недолгого разговора на общие темы разговор перешел к обсуждению главного вопроса текущего момента — перевозок продовольствия на транспорте и распределения беженцев из эвакуируемых районов. Несколько раз упоминалась Дума, и мы единодушно пришли к заключению, что ее действия абсолютно бесполезны и направлены главным образом на то, чтобы затруднить работу правительства политическими интригами и критикой, столь же несправедливой, сколь и злонамеренной.

Однако я хочу указать на тот факт, что все споры, которые мы вели в тот вечер и в других случаях по тому же поводу, были чисто академическими по характеру и ни в каком смысле не были направлены, как часто утверждалось в свое время, на то, чтобы заставить Распутина заинтересоваться министром Протопоповым. Как раз тогда — это был конец октября 1916 года — Дума начала свою роковую осеннюю сессию, когда каждое заседание сопровождалось гневными выступлениями против правительства и атаками на правящий дом, которые день ото дня становились все более открытыми. Поэтому неудивительно, что мы в нашем

кругу обсуждали вопросы, которые в тот момент занимали всю Россию.

В ту мою первую встречу с ним Распутин постепенно входил в состояние видимого возбуждения. Он вскочил из-за стола, стал ходить взад и вперед по комнате, воздевая руки к небесам в неподдельном отчаянии. «Почему члены Думы не любят Царя? — воскликнул он несколько раз — Разве он не живет только для процветания России?» Затем в своей неловкой манере он начал говорить о клеветнических слухах, распространяемых о Царице. Я ни на секунду не усомнился в его искренности, когда он горько жаловался, что Императрицу все более и более открыто осуждают в народе, армии и Думе за предательские действия в пользу Германии, более того, за тайную переписку с кайзером Вильгельмом. Он сказал, что совершенно не понимает, как появляются такие бессмысленные статьи, если каждый, кто знает Царицу, совершенно уверен, что она искренне и близко к сердцу принимает судьбу России и ее народа.

Этот первый вечер, который я провел в компании с Распутиным, убедил меня, что все рассказы о его гипнотических способностях — пустая болтовня. Несколько раз он обращался ко мне, глядя прямо на меня своими пронизывающими насквозь глазами. Но его взгляд совершенно не возымел на меня такого действия, чтобы думать о гипнотическом воздействии с его стороны, да и выражением лица он ничуть не напоминал гипнотизера. Его глаза выражали не более чем напряженное внимание. Вы могли отчетливо видеть, какие усилия он прилагал, чтобы понять то, о чем говорилось, а его мозг усиленно работал, чтобы обдумать услышанное и быть готовым ответить. И дальнейшее знакомство с ним только подтвердило первое впечатление.

Несмотря на все сказанное, я совершенно не хочу создать у читателя впечатление, что я был в восторге от Распутина; и тогда, и сейчас я далек от этого. Но я считаю своей обязанностью из-за бесчисленных клеветнических измышлений, связанных с именем этого человека, осветить и хорошие черты его характера. Стремясь к справедливой и беспристрастной оценке Распутина, мы не можем оставить в стороне его подлинно русскую натуру, его твердую веру и его страстную любовь к своей стране, которая не подлежит сомнению.

Насчет отношений Распутина и Протопопова (который вскоре стал последним министром внутренних дел при царском строе) делались бесчисленные лживые утверждения. К ним я еще вернусь. Пока же хотелось бы указать, что с самого начала между ними установилась тесная взаимная связь. Протопопов испытывал

живой и глубокий интерес к Распутину, так как тот казался ему подлинным воплощением души русского народа. Протопопов верил, что из высказываний Распутина он может многое узнать о чувствах и стремлениях крестьян. В этом Протопопов особо уверял меня несколько раз, и у меня не было оснований сомневаться в искренности этого в высшей степени порядочного человека.

За моей первой встречей с Распутиным вскоре последовали многие другие, и, таким образом, появилась хорошая возможность внимательно изучить его. К этому времени он уже был в значительной степени развращен своим окружением; и, кроме того, его вовлекал в интриги товарищ министра внутренних дел Белецкий, нередко толкавший на шаги, которые очень трудно оправдать. Тогда же, но, к сожалению, слишком поздно, его стали мучить дурные предчувствия, что он становится игрушкой в руках группы авантюристов. Смутное ощущение этого угнетало и смущало его. Ловкий Белецкий вместе с министром Хвостовым и темной личностью по фамилии Андронников весьма успешно втягивали Распутина в сети своих корыстных политических махинаций. В его честь систематически устраивались роскошные пиры, во время которых делались попытки подталкивать Распутина к нужным действиям. Не подозревая об этом, он позволял использовать себя в различных, иногда в весьма грязных, делах.

Через некоторое время эта запуганная интрига рухнула из-за недоверия и мелочной зависти между Белецким и Хвостовым; отношения между этими двумя людьми испортились; и только тогда Распутин понял, в какой опасной игре он участвует. С этого момента он постоянно опасался, что его вновь вовлекут в какую-нибудь сомнительную аферу, используя нехватку у него опыта и образования. К этому страху добавлялось недовольство, вызванное нападками на него Думы.

Находясь в подавленном состоянии, однажды он искренне сказал мне, что совершенно не понимает, почему его персоне придают такое большое значение «В конце концов, — говорил он, — я не министр, я просто говорю то, что подсказывает мой крестьянский ум. Если Царь спрашивает мое мнение, я откровенно говорю ему, что думаю, и все. Что я сделал этим людям в Думе, что они так меня ненавидят?»

Несмотря на это, он ни в коей мере не одобрял роспуск Думы. Напротив, он часто высказывал мысль, что если Царь создал Думу, то она должна продолжать существовать. Он не мог понять и не понимал, что это учреждение давно прекратило сотрудничать с Царем и его правительством, что, напротив, у него

одна цель: полностью разрушить царскую власть. Когда потом ему указали, что не только на открытых заседаниях, но и на партийных собраниях и в кулуарах депутаты упорно обсуждают его в весьма резкой и недружелюбной форме, он пришел в смятение и начал говорить короткими фразами, отчаянно жестикулируя: «Оставьте их. Они поговорят и вновь затихнут. Им нужно указать верный путь, чтобы они делали свое дело и не волновались из-за меня Кто я? Простой крестьянин. Царь и Царица по своей доброте очень расположены ко мне, и я говорю им правду, когда меня спрашивают. Я верю в Бога и говорю правду в присутствии Царя, как говорил бы перед Богом. Люди из Думы не должны бояться — у них слишком много дел, о которых надо думать, — они должны успокоиться Когда они наговорятся, они прекратят сами. Чего они хотят от меня? В конце концов, они русские люди и поймут, к чему призваны! Конечно, не Григорием Распутиным заниматься, а помогать Царю и его правительству. Думу ни в коем случае нельзя распускать!»

Он прямо говорил со мной о подобных вещах, так как знал, что я прекрасно его понимаю. Если я ругал его за недисциплинированное и часто неприличное поведение, он отвечал, делая неловкое и какое-то смущенное движение рукой: «Чего ты хочешь, дорогой мой? Кто чист перед Богом, тот чист и перед Царем».

Я был хорошо осведомлен, что одно из скандальных распутинских дел летом 1915 года привело к падению моего начальника генерала Джунковского. Во время одной из своих многочисленных поездок в Сибирь Распутин остановился в Москве и был приглашен в дом предпринимателя, с которым находился в дружеских отношениях Будучи там, он совершенно определенным образом проявил знаки внимания к хорошенькой горничной, хотя она несколько раз весьма энергично пресекала его поползновения. Начальник Московского охранного отделения послал секретный рапорт о случившемся, и я передал его через начальника Департамента полиции товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому. Джунковский решил, что необходимо проинформировать Императора о происшедшем, и, честно говоря, сделал это довольно нетактично. В результате вскоре после этого случая министр внутренних дел князь Щербатов получил указание от Царя подыскать другой, более подходящий пост для своего помощника. Генерал Джунковский, естественно, сделал правильный вывод из императорского выговора и ушел в отставку{116}.

В это время Распутин, сопровождаемый агентами, постоянно наблюдавшими за ним, направлялся на родину У него не было ни

малейшего представления обо всем случившемся и, соответственно, не могло быть и сожаления о судьбе Джунковского. Однако тогда уверенно утверждали, что Джунковский пал жертвой мести Распутина; последний, как рассказывали, использовал все свое влияние при Дворе, чтобы устранить генерала, отважившегося рассказать Царю о его дурном поведении. Конечно же, меня очень интересовало, что скажет сам Распутин обо всем этом деле, и поэтому при первой же представившейся возможности я постарался перевести беседу на дело Джунковского. Он охотно поддержал разговор и без лишних слов признал свой грех, совершенный в тот раз в Москве, но настойчиво отрицал любое участие в отставке Джунковского. Он уверял, что ему рассказали об отставке и ее причине только через некоторое время после того, как она произошла.

Насколько я понимаю его характер, я с уверенностью могу сказать, что Распутин не питал мстительных чувств к тем, кто относился к нему враждебно. Когда бы он ни говорил о ком-то из своих недругов, он всегда использовал для его характеристики простое выражение: «Он плохой человек!» С другой стороны, я никогда не слышал от него ругательств или проклятий.

Как я уже сказал, за несколько месяцев до смерти он позволил себе слишком глубоко окунуться в замыслы политических интриганов, чьи намерения не способен был понять. Ему просто льстило быть на равных с богатыми и влиятельными людьми и видеть, с каким вниманием они слушали все, что он говорил. Ощущение собственной важности, которую давало ему такое отношение, ударяло ему в голову, и он не замечал, что его постоянно подталкивают к хвастливым разглагольствованиям. В обществе людей, развращавших его ночными оргиями, он вскоре усвоил высокомерные манеры человека, наслаждающегося властью и могуществом, человека, с которым непозволительно общаться так, как если бы Распутин был простым мужиком.

Только один человек отчетливо предвидел неминуемое падение Распутина и старался предупредить «старца». Это был Бадмаев. Однажды он долго беседовал со мной о несчастье, которое грозит Распутину. По моей просьбе он пошел к Распутину и умолял прекратить участвовать в оргиях, и особенно в опасных и компрометирующих разговорах. В своей трогательной театральной манере он закончил это наставление тем, что упал на колени перед Распутиным и умолял его вести себя разумно. К сожалению, это исполненное лучших побуждений предостережение опоздало, так как через некоторое время страхи Бадмаева оправдались: Распутин был убит группой своих врагов.

Глава XI

Убийцы Распутина. — Заговор. — Городовой и подозрительные выстрелы. — Подозрительные объяснения Пуришкевича. — Полиция действует. — Обсуждение с министром внутренних дел. — Поиски компрометирующих документов

Совершенно невозможно понять злодеяние, которое повлекло за собой смерть Распутина, если не иметь в виду, что в определенных кругах давно велись систематические и длительные приготовления к нему. Я уже писал, что для этого делалось: метод состоял главным образом в том, чтобы втягивать ничего не подозревающего мужика в постоянное пьянство и провоцировать его на хвастливую и опасную болтовню и в то же время сильно преувеличивать его влияние. В результате широко распространилось мнение, что этот развратный и заносчивый мужик — ибо так представляли Распутина — истинный и всемогушии правитель России, что судьба империи зависит только от него.

Такая хорошо рассчитанная агитация неизбежно должна была в конце концов привести к катастрофе. Но люди, на деле совершившие убийство Распутина, значительно менее важны, чем те заговорщики и прожектеры, которые стремились вызвать всеобщее чувство ненависти к этому человеку. Правда состоит в том, что убийство было задумано не на совещании его исполнителей, а за месяцы до этого, в кулуарах Думы{117}.

Одним из убийц был В.М. Пуришкевич, человек не совсем нормальный, который с легкостью создавал вокруг себя атмосферу возбуждения и истерии. Вот единственное возможное объяснение того факта, что этот депутат, до того времени убежденнейший монархист, вдруг взошел на думскую трибуну, чтобы яростно напасть на Распутина и Царицу.

Раз уклонившись в сторону с прямого пути, он пошел еще дальше по кривой дороге и превратился в убийцу. Можно вообразить, как обрадовало истинных инициаторов этого преступления, депутатов самого левого толка, то, что поступок, которого они так желали, совершил лидер правого крыла Думы.

Конечно, можно долго рассуждать о мотивах, побудивших Пуришкеви-ча совершить это преступление, но совершенно непростительно и в высшей степени нечестно с его стороны было вовлечь в заговор Великого князя Дмитрия Павловича, особо любимого Царем. Его долгом преданного монархиста было препятствовать реализации этого замысла любыми известными

ему способами, лишь бы только предотвратить участие Великого князя в таком ужасном кровавом деле. Но что толку рассуждать о его действиях теперь, когда убийство уже свершилось?

Ведь у него даже хватило дерзости сочинить письмо от имени Великого князя, адресованное Царице, содержавшее бесстыдную ложь{118}. В течение долгих лет моей работы я встречался, надо признать, с многочисленными случаями предательства и бесчестности, но всегда среди людей совсем другого общественного положения. Возможно, Пуришкевич не вполне отдавал себе отчет в значении своего поступка.

В этом отношении его можно сравнить с князем Феликсом Юсуповым, вторым участником заговора против Распутина. Тот тоже пал жертвой всеобщего убеждения, поверив, что, устраняя «старца», даже столь ужасным способом, он совершает патриотический подвиг и способствует освобождению страны. Князь Юсупов был блестящим молодым человеком, выделявшимся своей любезностью и высоким общественным положением, популярной фигурой в петербургских гостиных. Со времени Петра Великого семейство Юсуповых, изначально занимавшее сравнительно невысокое положение, стало весьма знатным и богатым, чему способствовало заключение очень удачных браков. Наконец юный князь Феликс Феликсович вошел в царскую семью благодаря женитьбе на Великой княжне Ирине Александровне, дочери Великого князя Александра Михайловича.

В течение некоторого времени он был лично связан с Распутиным, встречаясь с ним в доме Головиной, вдовы статского советника. Дочь старой дамы Мария Головина была среди самых близких друзей и восторженных почитателей Распутина; поэтому она стремилась вызвать сближение между Юсуповым и «старцем», в основном, конечно, из-за того, что Распутин с первой же встречи с князем относился к нему с явной симпатией. Надменный и избалованный аристократ, со своей стороны, с самого начала испытывал сильнейшее отвращение к простому мужику, который так разительно отличался от круга его знакомых. Как я уже упоминал, Распутин к концу 1916 года поч-ти утратил всю свою изначальную скромность, а взамен приобрел вызывающие и властные манеры.

Это в сочетании с везде печатавшимися абсурдными статьями о влиянии Распутина натолкнуло Юсупова на мысль раз и навсегда положить жестокий конец всему этому позору. Его не остановило даже то, что, совершая этот акт, он причинит боль Царю — дяде своей жены — и сильно скомпрометирует его. Гнев заставил его забыть и о том, что задуманное им дело точно соответствует планам людей, методично старавшихся подорвать

власть Царя над народом. О чем еще могли мечтать ультрарадикальные агитаторы, если член Императорской семьи сам поднял руку на Распутина, столь уважаемого Царем и Царицей.

Пуришкевич разразился в Думе яростными нападками на «тайные силы», в результате чего состоялась встреча между истеричным депутатом и Юсуповым. Эти два человека сговорились о покушении и стали готовиться к его исполнению, очень тщательно продумывая все детали. Капитан кавалерии Сухотин и польский доктор Лазоверт также приняли участие в заговоре. Юсупов взялся заманить Распутина в западню, поэтому он стал снова встречаться с ним, хотя долгое время старательно избегал.

Дом Головиной был удачным местом для встреч, и вскоре Юсупов, казалось, стал по-дружески относиться к Распутину. Он навещал его, чтобы посоветоваться по поводу своей болезни, и легко нашел путь к сердцу простодушного мужика, исполняя для него часами цыганские песни, которые Распутин очень любил.

Заговорщики решили осуществить свои планы 16 декабря 1916 года ночью и выбрали местом действия дворец князя Юсупова на Мойке. Это огромное здание в то время пустовало, так как все семейство Юсуповых жило в Крыму. В отдаленном крыле здания был подвал, которым обычно не пользовались. Туда можно было спуститься со двора по отдельной маленькой лесенке. В это помещение внесли мебель и ковры и обставили его весьма уютно; заговорщики решили именно здесь покончить со своей жертвой. Под предлогом небольшого празднества Распутина решили заманить туда, а затем убить, отравив его еду и питье.

Юсупов прислал ему приглашение, которое Распутин охотно принял. Вечером 16 декабря Юсупов заехал за ним и повез во дворец, из которого тот уже живым не вышел.

Убийцы надеялись, что их участие в заговоре останется тайной, но благодаря стечению обстоятельств полиция узнала о совершенном преступлении уже на следующее утро, и, более того, у нее были основания подозревать Юсупова и Пуришкевича.

Прежде чем продолжу описывать ход раскрытия этого дела (я был ответственным за его расследование), кратко остановлюсь на том, что в свое время сильно возбуждало воображение публики. Речь идет о неудавшейся попытке отравить Распутина, продемонстрировавшей замечательную сопротивляемость его организма к препарату, который обычно смертельно опасен.

С полной безмятежностью Распутин одно за другим поглотал пирожные, отравленные цианистым калием; пил один за другим

бокалы с отравленным вином — и все это без ожидаемых последствий. Убийцы, наблюдавшие за ним, тщетно ожидавшие результата (а нервы у них были на пределе), истолковали происходящее как доказательство того, что Распутин принимал противоядие. Ни тогда, ни впоследствии Пуришкевич и его сообщники не предположили простую вещь. Возможно, доктор Лазоверт, которому доверили положить отраву в пирожные и бокалы с вином, был охвачен угрызениями совести и заменил яд безвредным средством, содой или магнезией. С моей точки зрения, это простое и прозаическое объяснение чуда, якобы произошедшего на глазах у заговорщиков.

Первое донесение, сразу же привлекшее внимание властей ко дворцу князя Юсупова, пришло от полицейского, дежурившего на улице. Я приведу его полностью, так, как оно было передано на судебное слушание жандармским подполковником Попелем.

«В ночь с 16 на 17 декабря, — сообщал городовой Власюк, — я стоял на посту на углу Прачечного и Максимилиановского переулков. Около 4 часов ночи я услыхал 3—4 быстро последовавших друг за другом выстрела. Я оглянулся кругом — все было тихо. Мне послышалось, что выстрелы раздались со стороны правее немецкой кирхи, что по Мойке, поэтому я подошел к Почтамтскому мостику и подозвал постового городового Ефимова, стоявшего на посту по Морской улице около дома № 61. На мой вопрос, где стреляли, Ефимов ответил, что стреляли на “Вашей стороне”. Тогда я подошел к дворнику дома № 92 по Мойке и спросил его, кто стрелял. Дворник, фамилии его не знаю, но лицо его мне известно, ответил, что никаких выстрелов не слыхал. В это время я увидел через забор, что по двору этого дома идут по направлению к калитке два человека в кителях и без фуражек. Когда они подошли, то я узнал в них князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я тоже спросил, кто стрелял; на это Бужинский заявил, что он никаких выстрелов не слыхал, но возможно, что кто-либо “из баловства мог выстрелить из пугача”. Кажется, что и князь сказал, что он не слыхал выстрелов. После этого они ушли, а я, оставшись здесь и осмотрев двор через забор и улицу и не найдя ничего подозрительного, отправился на свой пост. О происшедшем я никому пока не заявлял, так как и ранее неоднократно мне приходилось слышать подобные звуки от лопавшихся автомобильных шин. Минут через 15—20, как я возвратился на пост, ко мне подошел упомянутый выше Бужинский и заявил, что меня требует к себе князь Юсупов. Я пошел за ним, и он привел меня через парадный подъезд дома № 94 в кабинет князя.

Едва я переступил порог кабинета (находится влево от

парадной, вход с Мойки), как ко мне подошел навстречу князь Юсупов и неизвестный мне человек, одетый в китель защитного цвета, с погонами действительного статского советника, с небольшой русой бородой и усами. Имел ли он на голове волосы или же был лысым, а также был ли он в очках или нет, — я не приметил. Этот неизвестный обратился ко мне с вопросами: “Ты человек православный?” — “Так точно”, — ответил я. “Русский человек?” — “Так точно”. — “Любишь Государя и родину?” — “Так точно”. — “Ты меня знаешь?” — “Нет, не знаю”, — ответил я. “А про Пуришкевича слышал что-либо?” — “Слышал”. — “Вот я сам и есть. А про Распутина слышал и знаешь?” Я заявил, что его не знаю, но слышал о нем. Неизвестный тогда сказал: “Вот он (т.е. Распутин) погиб, и если ты любишь Царя и Родину, то должен об этом молчать и никому ничего не говорить”. — “Слушаю”. — “Теперь можешь идти”. Я повернул и пошел на свой пост.

В доме была полная тишина, и, кроме князя, неизвестного и Бужинского, я никого не видел. Пуришкевича я не знаю и раньше никогда не видел, но неизвестный несколько был похож на снимок Пуришкевича, который мне вчера (17 декабря) показывал начальник сыскной полиции в каком-то журнале. Я опять осмотрел улицу и двор, но по-прежнему все было тихо и никого не было видно. Минут через 20 ко мне на посту подошел обходной околоточный надзиратель Калядич, которому я рассказал о всем случившемся. После этого я с Калядичем отправились к парадной двери этого же дома № 94. У подъезда мы увидели мотор “наготове”. Мы спросили шофера, кому подан мотор. “Князю”, — ответил он.

После этого Калядич пошел в обход, а мне приказал остаться здесь и посмотреть, кто будет уезжать. Припоминаю, что, когда мы подошли к дому № 92, то Калядич вошел в комнату старшего дворника и о чем-то его расспрашивал Когда он вышел от дворника, то я с ним подошли к дому № 94.

Откуда был подан мотор, точно не знаю. Из парадной двери (№ 94) вышел один князь Юсупов и поехал по направлению к Поцелуеву мосту. Когда князь уехал, то я сказал Бужинскому, выпустившему князя, чтобы он подождал Калядича, но он (Бужинский) заявил, что не спал целую ночь, а с Каляди-чем переговорит завтра (т.е. 17 декабря). Я, подождав еще несколько времени около этого дома и не видя никого больше, опять возвратился на свой пост. Это было уже в начале шестого часа. Минут через 10—15 возвратился с обхода Калядич, которому я рассказал о виденном, и мы опять подошли к дому № 94. Кроме дежурного дворника мы там не видели никого. Затем он отправился в участок, а я остался на месте. Около 6 часов утра он

опять пришел ко мне и позвал меня к приставу полковнику Рогову, которому мы доложили о всем происшедшем. После этого я ушел домой. Мотор был собственный князя, на котором он всегда ездил. Этот мотор я хорошо знаю, он небольшой, коричневого цвета. Признаков какого-либо убийства я за все это время не заметил, а разговор в кабинете князя с неизвестным я объяснил себе как бы некоторым испытанием с их стороны знания моей службы, т.е. как я поступлю, получив такое заявление. Никакого волнения или смущения князя и неизвестного во время моего разговора в кабинете я не заметил, только неизвестный говорил “скороговоркой”. Был ли он в нетрезвом состоянии, не могу сказать ничего определенного».

Это показание, данное городовым Власюком под присягой, было в значительной степени подтверждено вторым городовым Ефимовым, который свидетельствовал:

«В 2 часа 30 минут ночи я услыхал выстрел, а через 3—5 секунд последовало еще три выстрела, быстро, один за другим. Звуки выстрелов раздались с Мойки, приблизительно со стороны дома № 92. После первого выстрела раздался негромкий, как бы женский крик; шума не было слышно никакого. В течение 20—30 минут после выстрела не проезжал по Мойке никакой автомобиль или извозчик. Только спустя полчаса проехал по Мойке от Синего моста к Поцелуеву какой-то автомобиль, который нигде не останавливался. О выстрелах я дал знать по телефону в третий Казанский участок, а сам пошел в сторону выстрелов.

На Почтамтском мостике я увидел постового городового Власюка, который тоже слыхал выстрелы и, думая, что они произведены на Морской улице, шел ко мне навстречу с целью узнать, где и кто стрелял. Я сказал, что выстрелы были произведены в районе дома № 92 по Мойке. После этого я возвратился на пост и больше ничего не видел и не слыхал. Помню, что со времени, как раздались выстрелы, до 5—6 часов утра я не видел других проезжавших по Мойке автомобилей, кроме вышеуказанного».

Эти рапорты были достаточно серьезными, чтобы привести в движение всю полицейскую машину столицы Каждый знал, что у Распутина много врагов, и, таким образом, с самого начала естественно было предположить, что странные слова, сказанные Пуришкевичем, особенно ошибочное допущение, что им удастся уговорить полицейского хранить молчание, имеют под собой действительное основание.

Казанская полицейская часть далее сообщила о происшествии градоначальнику Балку, который немедленно связался со мной. Я понял, что дело серьезное, и, не теряя

времени, позвонил министру внутренних дел Протопопову, выразив опасение, что в минувшую ночь Распутин стал жертвой предательского покушения, повлекшего за собой его гибель. Мы договорились немедленно начать тщательное расследование, а Протопопов особым приказом поручил генералу П.К. Попову лично наблюдать за ним. Я призвал его вести расследование как можно тщательнее, в частности провести обыск квартиры Распутина и сразу же изъять все компрометирующие документы, которые могут быть найдены. Я сделал это, хотя никогда не верил в правдивость слухов о переписке Распутина с членами Императорского Дома, поскольку полагал, что обязан принимать в расчет возможность этого и иметь гарантию, что бумаги, касающиеся очень высокопоставленных лиц, не попадут в руки посторонних

Результаты проведенного Поповым расследования подтвердили, однако, мое первоначальное предположение, что никакой компрометирующей Распутина корреспонденции, никаких писем к нему от Царицы нет. Я также провел расследование, чтобы узнать, хранил ли Распутин документы, деньги или драгоценности в одном из банков. Это расследование также не дало результатов — еще одно доказательство правоты моего убеждения в нелепости скандальных слухов по поводу Распутина.

Глава XII

Первые результаты расследования. — Рассказ дворника. — Таинственный «Маленький». — Пятна крови. — Допрос слуги. — Попытка Юсупова оправдать себя. — Таинственная вечеринка. — Выстрел во дворе. — Мертвая собака

Уже первый допрос членов семьи Распутина и его слуг ясно указал на какую-то связь происшествия во дворце Юсупова ночью 16 декабря и исчезновения Распутина.

Я был уже практически убежден, что он убит во дворце князя Юсупова, когда мне передали протокол допроса дочери Распутина, Матрены Григорьевны. Она показала следующее: «16 декабря 1916 года я в 7 часов вечера вышла из нашей квартиры и возвратилась около 11 часов вечера. Когда я уходила спать, отец мне сказал, что ночью он уедет в гости к “Маленькому”. Под именем “Маленького” отец подразумевал князя Юсупова, он всегда его так называл. Потом я легла спать и не видела — приезжал ли “Маленький” и уехал ли вместе с отцом».

То, что у Распутина была назначена встреча с князем в эту ночь, подтвердили также показания его младшей дочери и племянницы, которые сообщили, что Григорий Ефимович выражал намерение повидать «Маленького» этой ночью.

Как только жандармы появились в доме Распутина, члены его семьи в величайшей тревоге стали звонить его приятельнице, госпоже Головиной, которая, однако, сказала, что нет причин беспокоиться, если Распутин поехал к Юсупову. Затем Матрена Распутина попыталась позвонить князю по телефону, но ей сообщили, что его нет дома.

Что на самом деле случилось этой роковой ночью, несколько прояснилось, когда генерал Попов передал мне показания дворника дома, где жил Распутин. Фамилия его была Коршунов Он был допрошен в полиции, и протокол допроса гласит следующее: «Я состою дворником в доме № 64 по Гороховой улице В ночь на 17 декабря я был дежурным и находился на улице у ворот этого дома. Приблизительно в начале второго часу ночи к воротам подъехал большой автомобиль защитного цвета, с брезентовым верхом и окнами из “небьющегося стекла”, сзади была прикреплена запасная шина. Автомобиль приехал по направлению от Фонтанки и, сделав поворот в ту же сторону, остановился. Из автомобиля вышел неизвестный мне человек, который прямо направился в калитку. На мой вопрос, к кому он идет, ответил “К Распутину” Я открыл калитку и сказал: “Вот

парадная дверь", но неизвестный ответил, что пойдет по черному ходу. Затем он быстро и прямо направился к этому ходу. По всему было видно, что этот человек очень хорошо знал расположение этого дома Минут через тридцать неизвестный вышел с Г.Е. Распутиным и, сев в автомобиль, уехали по направлению к Фонтанке. Этого человека я раньше не видел. Приметы неизвестного: выше среднего роста, среднего телосложения, лет тридцати, с небольшими черненькими усиками, без бороды, кажется, без очков, был одет в большой длинной оленьей дохе (шерсть наружу), на голове черная шапка, которую я не разглядел хорошо. На ногах у него были одеты высокие сапоги. Шофер выглядел несколько старше неизвестного, лет ему было около тридцати пяти, с черными средней величины усами без бороды; одет был в черное пальто с барашковым воротником, в меховой шапке и красных длинных перчатках».

Описание, которое дворник дал ночному посетителю, если не считать пустяковых неточностей, полностью соответствовало князю Юсупову. То же касалось и автомобиля. Но окончательно было установлено, что незнакомец — это Юсупов, только после показаний горничной Екатерины Ивановны Потеркиной. После того как ее допросили, не осталось и тени сомнения в серьезном участии Юсупова в событиях этой ночи

Горничная показала: «16 декабря сего 1916 года у Григория Ефимовича Распутина был небольшой прием, народу посторонних не было, всего за день перебывало не более десяти человек; из посетивших в этот день Распутина я помню только одну Марию Евгеньевну Головину, которая пришла около 12 часов дня, а около 9 часов вечера ушла домой. В 9 часов вечера, кроме Григория Ефимовича и его семьи, никого в квартире не было. Около 11 часов вечера дети Распутина — дочери Мария и Варвара Распутины и племянница Анна Николаевна Распутина стали ложиться спать, а сам Распутин лежал на своей кровати одетый и в сапогах. Я спросила Григория Ефимовича: "Что Вы не раздеваетесь?", на что он ответил: "Я сегодня ночью еду в гости". Когда я спросила: "К кому?", Распутин ответил: "К Маленькому, он за мной заедет" — и приказал ложиться спать. По фамилии "Маленького" я ранее не знала, только слышала от Григория Ефимовича, что "Маленький" — муж Великой княгини Ирины Александровны, после же исчезновения Распутина в последние два дня я узнала, что фамилия "Маленького" князь Юсупов. Этот "Маленький" бывал в квартире Распутина два раза — около 20 ноября, вдень Введения в храм Пресвятой Богородицы, и в первых числах декабря сего 1916 года, приблизительно за неделю до исчезновения Распутина. Оба раза он приходил вместе с Марией

Евгениевной Головиной черным ходом и в штатском платье. Хотя Григорий Ефимович и приказал мне спать, но я ушла в кухню, но не уснула. Распутин надел шелковую голубую рубашку, вышитую васильками, но не мог застегнуть все пуговицы на вороту и пришел ко мне в кухню, я ему пуговицы застегнула. В это время с черного хода раздался звонок; Распутин сам открыл дверь. Входивший спросил: “Что, никого нет?”, на что Григорий Ефимович ответил: “Никого нет и дети спят, иди миленький”. Оба прошли по кухне мимо меня в комнаты, а я в это время находилась за перегородкой кухни для прислуги и, отодвинувши занавеску, видела, что пришел “Маленький”, т.е известный мне как муж Ирины Александровны. В каком пальто и шапке был “Маленький”, я не заметила, а только узнала его в лицо; не могу сказать, был ли приподнят у него воротник пальто. Вскоре Распутин стал выходить через кухню, я в это время лежала уже в постели. Григорий Ефимович тихо сказал, что парадную дверь он запер, выйдет через черный ход и этим же ходом и вернется, и приказал за собой дверь запереть.

Приметы “Маленького” следующие: довольно высокого роста, худенький, лицо тонкое, нос прямой, волосы темные, усов и бороды нет, под глазами синева».

Особенно подозрительно стали выглядеть действия Юсупова после того, как он начал категорически отрицать, что находился в обществе Распутина в эту ночь. Дело в том, что госпожа Головина смогла наконец поговорить по телефону с князем, который, к ее великому изумлению, уверял, что не звонил Распутину и не приезжал к нему предыдущим вечером. Так как мы уже располагали вескими доказательствами, что это утверждение ложно, единственным результатом его неуклюжего отрицания стала полная наша убежденность в виновности Юсупова.

В течение всего утра я несколько раз звонил Протопопову, который все время интересовался, как продвигается расследование. Министр сообщил мне, что беседовал с Императрицей, которая с беспокойством спрашивала у него, что же произошло. Я рассказал, в каком состоянии находится расследование; не скрыл я от него и того, что анализ всех свидетельских показаний приводит к выводу о виновности князя Юсупова. В это же время я попросил министра дать мне разрешение обыскать дворец Юсуповых, что мне казалось исключительно важным. Протопопов одобрил предложенные мной меры и умолял сделать все возможное, чтобы раскрыть дело как можно быстрее; было особенно важно узнать, что случилось с телом Распутина. В сложившейся ситуации министр, как и я, не сомневался, что мы имеем дело с убийством.

Полицейские, посланные для обыска дворца князя, обнаружили явные следы крови, которые вели по ступенькам из подвала дома через двор. Когда князя спросили о происхождении этих пятен, он стал уверять, что предыдущей ночью один из его гостей, видимо, совершенно пьяный, пристрелил собаку, что объясняет наличие следов крови. И полицейским действительно показали мертвую собаку, убитую из револьвера. Но пролитой крови было слишком много, чтобы считать это объяснение убедительным. Сторож дворца не смог сообщить ничего нового, кроме того, что уже содержалось в рапортах двух городовых: он слышал выстрелы ночью, и князь Юсупов о чем-то разговаривал с городовым

Показания денщика Юсупова, Нефедова, создавали впечатление неискренности и фальши. Они должны были подтвердить, насколько это возможно, показания самого князя. Слуга сообщил, что князь Феликс дал ему указание подготовить гостиную к приему двух или трех гостей. «В парадном подъезде дома № 94, выходящем на Мойку, находились попеременно я и смотритель дома Бужинский. При мне в этот вечер через парадный ход в столовую и кабинет князя никто не проходил. Около 11 или 12 часов вечера я ненадолго отлучился из парадного подъезда, а когда возвратился, Бужинский мне сказал, что приехал Великий князь Дмитрий Павлович и прошел в столовую вниз. Просидели мы с Бужинским в парадной до 4 часов утра, и в это время ни один из нас в столовую не входил, так как князь предупредил, что будут дамы, и не приказал туда входить. Г ости приезжали с бокового подъезда от дома № 92 и входили прямо в столовую и в кабинет князя, слышно было только хлопание двери и игру граммофона. Ключ от этого бокового подъезда князь Юсупов всегда имел при себе. Было ранее еще два-три случая таких вечеринок у князя, и прислуга тоже в столовую и кабинет не ходила. Никаких выстрелов ни в столовой, ни на улице в ночь на 17 декабря я не слышал.

Около 4 часов утра раздался звонок, по коему я вошел в кабинет князя, где гостей уже не было, а князь мне сказал: “Сходи во двор, посмотри, что там такое случилось”. Я вышел через боковой ход во двор дома № 92, но там никого уже не было и я ничего не заметил, о чем я доложил князю. Через несколько минут он опять мне позвонил и приказал еще посмотреть на дворе, так как гам лежит убитая собака. Я вышел через боковую дверь во двор дома № 92 и этот раз увидел лежащую у решетки собаку, которую я поднят и оггашил в сад дома Юсупова, где она лежит и в настоящее время.

Утром 17 декабря столовую убрал я, все в столовой было в

порядке; судя по количеству выпитого вина, бывшие ночью гости должны были уехать изрядно выпивши. Князь Юсупов также был в тот вечер навеселе. Убитая собака — дворняжка в доме Юсупова».

Мы все сидели как на иголках в ожидании того, как Юсупов объяснит события предыдущей ночи. Я сам был уже полностью убежден в его виновности и ожидал, что он сделает полное признание, так как при подобных обстоятельствах это был единственно разумный выход. Но Юсупов был далек от этой мысли, напротив, он рассказал допрашивающим его офицерам совершенно запутанную и неправдоподобную историю, которая совершен но не соответствовала тому, что уже было нам известно: «С Григорием Ефимовичем Распутиным я познакомился около пяти лет тому назад в доме Марии Евгеньевны Головиной. В последующие годы встречался с ним раза два в доме Головиных. В настоящем 1916 году встретил его в ноябре месяце тоже в доме Головиных, причем он произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем в предыдущие годы. Так как я чувствую боль в груди и медицинское лечение не приносит мне осязательной пользы, я говорил по данному поводу с Марией Евгеньевной Головиной, и она мне посоветовала съездить на квартиру к Распутину и с ним поговорить, так как он многих излечил и сможет быть мне полезным. В конце ноября я отправился к Распутину вместе с Головиной, Распутин делал надо мной пассы, после которых мне показалось, что будто бы наступило некоторое облегчение в моей болезни. Во время моих последних посещений Распутина последний между прочим сказал мне: “Мы тебя совсем поправим, только нужно еще съездить к цыганам, там ты увидишь хороших женщин, и болезнь совсем пройдет”. Эти фразы Распутина произвели на меня неприятное впечатление. Около 10 декабря Распутин позвонил ко мне по телефону и предлагал поехать к цыганам, но я отказался под предлогом, что у меня на другой день должны быть экзамены.

Во время свиданий Распутин заводил разговор о моей супруге, где и как мы живем, и высказывал желание познакомиться с моей супругой, на что я сказал уклончиво, что, когда возвратится жена из Крыма, можно будет увидеться, но сам не хотел Распутина вводить в свой дом.

Я отделывал спешно помещение в своем доме на Мойке № 94, и Великий князь Дмитрий Павлович мне предлагал устроить у себя вечеринку по случаю новоселия. Решено было пригласить на эту вечеринку Владимира Митрофановича Пуришкевича, несколько офицеров и дам из общества. По вполне понятным причинам я не хочу назвать фамилии дам, бывших на вечеринке. Не хочу называть и фамилий офицеров, присутствующих на

вечеринке, так как это может возбудить какие-либо толки и повредить этим офицерам, буквально ни в чем не виновным, по службе.

Вечеринка была назначена на 16 декабря. Чтобы не стеснять дам, я приказал прислуге все приготовить для чая и ужина, а потом не входить. Большинство гостей должны были приехать не с парадного подъезда дома № 94 по Мойке, а с бокового хода от дома № 92, ключ от какового входа я имел лично. Я приехал домой около 10 часов вечера и, кажется, твердо не помню, вошел в квартиру с бокового хода от дома № 92. В столовой и кабинете приготовлено было для гостей все в исправности. Около 11 1/2 часов вечера приехал Великий князь Дмитрий Павлович, с парадного подъезда, а потом съехались и остальные гости. Все дамы приезжали безусловно с бокового подъезда от дома N° 92, а как подъезжали мужчины, не помню. Собравшиеся пили чай, играли на рояли, танцовали и ужинали. Около 12 1/2—1 часа ночи приблизительно я поднялся в свой кабинет в этом же помещении, и туг раздался звонок. Оказалось, что по телефону говорил Распутин и приглашал меня приехать к цыганам, на что я ответил, что не могу, так как у меня гости. Распутин советовал бросить гостей и ехать, но я отказался. На вопрос мой Распутину, откуда он говорит, он не хотел мне сказать. Вопрос этот я задал Распутину потому, что при разговоре по телефону слышны были голоса, шум и даже визжание женских голосов, отчего и вывел заключение, что Распутин говорит не издому, а из какого-нибудь ресторана или от цыган.

После этого разговора я спустился в столовую к гостям и сказал им: “Господа, сейчас со мной говорил Распутин и приглашал ехать к цыганам”, на что последовали со стороны гостей шутки и остроты, предложение поехать, но все остались и продолжали ужинать. Около 2 1/2—3 часов ночи две дамы пожелали ехать домой и вышли боковым ходом, с ними уехал Великий князь Дмитрий Павлович.

Когда они вышли, я услышал выстрел во дворе, почему позвонил и приказал какому-то из служителей посмотреть. Возвратившийся служитель доложил, что все уехали и на дворе ничего нет. Тогда я сам вышел во двор и во дворе увидел лежащую у решетки убитую собаку. При моем выходе во двор от собаки скоро пошел на улицу какой-то субъект, одетый в серую рубаху, как бы в военной форме, худощавый, хорошо рассмотреть его я не мог вследствие темноты. Возвратившись в квартиру, я приказал служителю убрать собаку со двора. Тут же я соединился по телефону с Великим князем Дмитрием Павловичем и стал ему говорить об убитой собаке, на что Его Императорское Высочество

ответил, что собаку убил он. На мои возражения, что этого не следовало делать, так как произошел шум, является полиция и происходит огласка устроенной мною вечеринки с дамами, Дмитрий Павлович ответил, что это пустяки — не стоит обращать внимание. После этого я приказал позвать с улицы городового, которому сказал, что если будут спрашивать о выстрелах — скажи, что убил собаку мой приятель. Бывший в это время в кабинете Пуришкевич стал что-то говорить городовому; что он говорил, я полностью не слышал, слышал только, как он кричал: “Я член Государственной думы Пуришкевич” — и размахивал руками. Говоря об убитой собаке, Великий князь Дмитрий Павлович между прочим сказал, что, когда он стрелял, с одной из бывших с ним дам сделалось дурно. Не помню, каким ходом уехал от меня Пуришкевич. Я уехал из дома около 4 часов утра на автомобиле во дворец Великой княгини Ксении Александровны, где и живу.

Утром 17 декабря, намереваясь выехать в Крым к больной супруге, я хотел сообщить об этом Марии Евгеньевне Головиной. При разговоре по телефону она меня спросила: “Где Григорий Ефимович?”, на что я ответил, что не знаю, так как его не видел, а только говорил с ним по телефону, и он приглашал меня ехать к цыганам. Тогда Головина мне сообщила, что прислуга Распутина удостоверяет, что около 1 часу ночи я увез Распутина из его квартиры. Но это глубокая ошибка, так как 16 декабря ни днем, ни вечером я у Распутина не был и всю ночь на 17 декабря провел в своем доме на Мойке № 92, что могут удостоверить моя прислуга и бывшие у меня гости. Все вышеизложенное, во избежание роковых ошибок, я счел нужным сообщить 17 декабря местному полицеймейстеру и петроградскому градоначальнику и г. министру юстиции. От полицеймейстера я узнал, что, по показаниям городового, Пуришкевич, будучи у меня в кабинете, говорил будто бы какую-то фразу о гибели Распутина. Поэтому я переговорил по данному поводу с Пуришкевичем по телефону, и он мне объяснил, что с городовым он говорил что-то о Распутине, но, будучи сильно выпивши, теперь не помнит, что именно говорил. Я думаю, что лица, организовавшие убийство Распутина, если действительно таковое произведено, глубоко обдумали план убийства и намеренно связали мое имя и устраиваемый у меня вечер с этим преступлением».

Глава XIII

Всеобщий интерес к делу. — Ботик на Невском мосту. — Поиски тела. — Ужас Царицы. — Похороны Распутина. — Юсупов лжет Императрице. — Обвинение в преступлении. — Телеграммы. — Анонимное письмо. — Пуришкевич спасается бегством на фронт. — Царское решение по поводу убийц. — Оппозиция Великих князей. — Изгнание убийц

Утром 17 декабря новость о таинственном исчезновении Распутина со скоростью света облетела столицу и всеми заинтересованно обсуждалась. Конечно, еще не было неопровержимых доказательств, что он действительно мертв, так как властям пока не удалось найти тело Поэтому немало людей полагали, что «старец», возможно, не убит, а просто похищен своими политическими противниками.

В течение этого утра я был буквально осаждаем бесчисленными телефонными звонками и визитерами из всех слоев общества: депутатами Думы, чиновниками, светскими дамами, министрами и другими, желавшими знать, какие результаты дало полицейское расследование. Беседуя с ними, я был весьма сдержан и сообщал о действительном положении дел, насколько мы о них знали, только своему начальнику, Протопопову, который мне периодически звонил.

После полудня дело приняло новый и неожиданный оборот В час дня какой-то рабочий, проходя по Петровскому мосту, заметил пятна крови на панели и указал на них дежурящему там городовому. Вызванный городовой подтвердил наличие пятен крови на парапете и на устоях моста.

Полицейский офицер поспешил туда и в пространстве между устоями моста нашел коричневый ботик, который сразу же подняли и доставили в полицию. Он был отправлен в дом Распутина, где все члены семьи в присутствии агентов Охраны заявили, что ботик принадлежал ему. Так мы получили ценную информацию о способе, которым убийцы избавились от тела жертвы.

Когда генерал Попов проинформировал меня по телефону об этой находке, первая моя мысль была о том, что происходило в головах убийц, когда они перетаскивали труп из своего элегантного автомобиля на Петровский мост и затем бросили его в воду Что думали эти два человека, пока делали все, чтобы уничтожить следы своего кровавого преступления? Думали ли они, что принесли пользу родине своим поступком или только

искали способ избежать ответственности за совершенное преступление?

Далее нам необходимо было исследовать Неву, чтобы найти тело. Но река почти полностью замерзла. Я немедленно связался с властями порта и попросил найти водолазов. Когда те приступили к работе, то вскоре обнаружили тело Распутина. Оказалось, что его руки и ноги связаны веревками и, кроме того, убийцы из предосторожности прикрепили цепь, чтобы удержать тело под водой. Осмотр тела показал, что у убитого множество ранений от пуль и ударов ножом.

Я немедленно сообщил Протопопову о находке, и министр сразу же передал эту информацию Императрице в Царское Село; новость вызвала у нее величайший ужас и негодование. Ее Величество выразила пожелание, чтобы тело похоронили в парке императорского дворца, и дала указание монахине, преданной последовательнице Распутина{119}, читать полагающиеся в таких случаях молитвы у гроба мертвого «старца». 21 декабря состоялись похороны в присутствии Царя, Царицы и семейства Распутина.

Еще 17 декабря Императрица приказала Юсупову подробно рассказать ей, что произошло в его дворце предыдущей ночью. Юсупов, который, как мы уже знаем, отрицал свое участие во всем, кроме вечеринки, осмелился повторить свои лживые утверждения обо всем, что произошло, в письме Императрице, копию которого Протопопов сразу же послал мне. Письмо датировано 17 декабря; вот его содержание:

«Ваше императорское величество.

Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное событие, которое на меня возлагают.

По случаю новоселья ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей и несколько дам. Великий князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 ко мне протелефонировал Григорий Ефимович. приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер, и спросил, откуда он мне звонит Он ответил: “Слишком много хочешь знать” — и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов Это все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче.

Вернувшись от телефона к своим гостям, я им рассказал мой разговор по телефону, чем вызвал у них неосторожные замечания. Вы же знаете, Ваше величество, что имя Григория Ефимовича во многих кругах было весьма непопулярно

Около 3-х часов у меня начался разъезд и, попрощавшись с

Великим князем и двумя дамами, я с другими пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел; я позвонил человека и приказал ему узнать, в чем дело. Он вернулся и сказал: “Слышен был выстрел, но неизвестно откуда”. Тогда я сам пошел во двор и лично спросил дворников и городовых, кто стрелял. Дворники сказали, что пили чай в дворницкой, а городовой сказал, что слышал выстрел, но не знает, кто стрелял Тогда я пошел домой, велел позвать городового, а сам протелефонировал Дмитрию Павловичу, спрося, не стрелял ли он. Он мне ответил следующее, что, выходя из дома, он выстрелил несколько раз в дворовую собаку и что с одной дамой сделался обморок. Когда я ему сказал, что выстрелы произвели сенсацию, то он мне ответил, что этого быть не может, т.к. никого кругом не было.

Я позвал человека и пошел сам на двор и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора. Тогда я приказал человеку зарыть ее в саду.

В 4 часа все разъехались, и я вернулся во дворец Великого князя Александра Михайловича, где я живу.

На другой день, т.е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят в связи с моим вечером. Затем мне рассказали, что как будто видели меня у него ночью и что он со мной уехал. Это сущая ложь, так как весь вечер я и мои гости не покидали моего дома. Затем мне говорили, что он кому-то сказал, что поедет на днях познакомиться с Ириной. В этом есть доля правды, так как, когда я его видел в последний раз, он меня просил познакомить его с Ириной и спрашивал, тут ли она Я ему сказал, что жена в Крыму, но приезжает числа 15-го или 16-го декабря. 14-го вечером я получил от Ирины телеграмму, в которой она пишет, что заболела, и просит меня приехать вместе с ее братьями, которые выезжают сегодня вечером Я не нахожу слов, Ваше величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся

Остаюсь глубоко преданный Вашему величеству
Феликс»[120].

Эта неудачная попытка Юсупова лживыми утверждениями оправдать себя от ужасного подозрения, лежащего на нем, глубоко оскорбила Императрицу. На некоторое время она оставила его письмо без ответа и резко отказала ему в просьбе об аудиенции. Не ранее чем через несколько дней, когда обстоятельства этого дела уже были достоверно установлены, она написала князю карандашом на клочке бумаги несколько строк,

осуждающих его: «Никому не дано права заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне»{121}.

Так как мне было известно, как сильно переживала Императрица преступление, совершенное против хорошего по натуре человека, который так преданно ей служил, я особенно болезненно воспринимал реакцию на это убийство во многих слоях общества. Естественно, что представители леворадикальных партий ликовали, но значительно более прискорбна была симпатия к убийцам, которую испытывали и публично выражали высокопоставленные персоны.

Уже 18 декабря наша цензура прислала мне для сведения две телеграммы, посланные Великой княгиней Елизаветой, сестрой Царицы. Одна из них была адресована Великому князю Дмитрию Павловичу; она была написана по-английски и гласила:

«Только что вернулась, вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного.

Элла».

Вторая телеграмма, на французском, послана была княгине Юсуповой, матери князя Феликса, которая в то время жила в Крыму. В ней использовались такие выражения:

«Все мои глубокие и горячие молитвы за всех вас, за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней.

Елизавета»{122}.

Таким образом, Великая княгиня не сомневалась, что Юсупов возглавил убийство Распутина, и расценивала этот поступок как патриотический и героический.

Через несколько недель после преступления почтовая цензура перехватила анонимное письмо, адресованное князю Юсупову; оно пришло из Нижегородской губернии и в восторженных выражениях восхваляло убийство Распутина как акт освобождения и спасения страны. В этом документе мы читаем:

«Честные и благородные люди России долго боролись против темных сил: говорили в Государственной думе, умоляли, просили Царя сойти с ложного пути и идти по пути правды и света, помнить завет Отца Миротворца, а также и присягу, данную Николаем II родине. Но Николай не внял голосу правды, остался

верен со своими крамольниками преступным направлениям и без колебания продолжает вести отчизну к гибели. Спасители поняли, что просьбы и мольбы бессильны, Царь к ним глух, надо избрать иной путь, и он избран. Совершилось то, чего народ давно жаждал. Гнойник вскрыт, первая гадина раздавлена — Гришки нет, остался зловонный, безвредный труп. Но далеко не все еще сделано, много еще темных сил, причастных к Распутину, гнездятся в России в лице Николая, Царицы и других отбросов и выродков человеческого отрепья. Неправильно назвали великих людей убийцами. Это подлость. Они не убийцы, а святые люди, пожертвовавшие собою для спасения родины. Горе Николаю, если он посягнет на жизнь и свободу этих людей. Весь народ восстанет, как один, и поступит с Царем так, как Он поступил с Мясоедовым.

Голос народа»[{123}].

Глупость и безосновательность этого письма говорят сами за себя. Но они очень характерны, так как показывают, до какой степени дошла пагубная и возбуждающая пропаганда революционеров, если люди позволяли себе выражаться в таком тоне об августейших персонах Императора и Императрицы. Конечно же, я изъял это письмо, и оно никогда не дошло до адресата.

Расследование, начатое мной после исчезновения Распутина, теперь было приостановлено[{124}], и я передал дело министру юстиции, чтобы оно шло законным порядком. Утром 17 декабря Пуришкевич уехал на фронт с санитарным поездом, начальником которого он был, предоставив, таким образом, своим соучастникам самостоятельно расплачиваться за содеянное. Он хорошо понимал, что некоторое время не сможет появляться на трибуне Думы.

Юсупов пытался как можно дольше держаться за свою историю о застреленной собаке и повторил ее как градоначальнику Балку, так и министру юстиции Макарову. Когда он попытался убедить Макарова, что Пуришкевич сказал выдавшие его слова полицейскому просто потому, что был пьян, министр опровергнул это утверждение, заметив, что, насколько ему известно, Пуришкевич принципиально воздерживается от употребления крепких спиртных напитков.

Тогда Юсупов попросил разрешения покинуть Петербург и поехать к жене в Крым; и Макаров дал ему это разрешение. Но когда Царица узнала о намерениях князя, она запретила ему уезжать до возвращения Царя, который был в Ставке. Поэтому Юсупов отправился во дворец Великого князя Дмитрия, и два убийцы держались как если бы они были национальными

героями, принимая многочисленные визиты с поздравлениями от людей, которые настолько заблуждались, что видели в их поступке патриотический подвиг.

19 декабря Царь возвратился и сразу же распорядился посадить под арест Великого князя Дмитрия, что означало, что ему запрещено покидать свой дворец. По приказу Царя товарищ министра внутренних дел Трепов подверг князя Юсупова перекрестному допросу, но и на этот раз не удалось заставить его честно и откровенно рассказать о том, что произошло на самом деле. Вскоре после этого Царь повелел Юсупову удалиться в свое поместье в Курской губернии.

Великий князь Дмитрий Павлович был прикомандирован к армейским частям в Персии, и это решение Его Величества вызвало недовольство и громкие протесты в самой Императорской семье. Несколько Великих князей направили Царю письмо, умоляющее не наказывать так сурово молодого Дмитрия Павловича, так как он всего лишь принял участие в устранении наглого и отвратительного негодяя{125}.

Это письмо почти сразу же стало известно в обществе и дало пищу для обсуждения. По-моему, этот документ был одновременно дерзок и бессердечен; он ясно обнаруживал, что целью его авторов не является, как можно было бы ожидать, охрана интересов Царской семьи. Тут присутствовало, скорее, стремление представить особые интересы либеральной группы среди Великих князей. Император поступил с прошением с присущим ему чувством справедливости, просто написав на полях, что никому нельзя позволять совершить преступление и остаться безнаказанным.

Таким образом, повеление Императора было исполнено. Этой же ночью Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович, сопровождаемые полицейскими, были выпровожены из Петербурга. Во время поездки им запрещалось вести разговоры, а также посылать и получать телеграммы.

Глава XIV

От нигилизма к социализму. — Школа бомбометания Максима Горького. — «Патриоты»-революционеры. — Пораженческая деятельность Ленина. — Охрана обнаруживает совещание революционеров. — Разрушительная деятельность Гучкова. — Возвышение энергичного политика. — Ненависть Гучкова к Царю. — Дело сестер Иоффе. — Приказ № 1

Убийство Распутина стало прелюдией тех печальных событий, которые привели к крушению Российской империи. Прежде чем перейти к описанию революции, мне хотелось бы все-таки, с учетом опыта, полученного на службе в политической полиции, изложить некоторые наблюдения о развитии и целях тех партий и личностей, чья подрывная деятельность и привела в конце концов к этой революции.

Систематическая революционная агитация началась в России в 60-х годах XIX века, когда группа стремящихся к переменам интеллектуалов впервые предприняла попытку потрясти и насильственным образом разрушить существующий порядок в государстве. Это было в то время, когда сложилась подпольная организация Нечаева, организация, ужасное и вызывающее дрожь описание которой дал Достоевский в своих «Бесах»; именно тогда Петр Кропоткин стал сеять семена своего коварного учения в умах российской молодежи. Это был период такого помрачения рассудка, которое обычно описывается словом «нигилизм», и мне очень горька мысль о том, что с этого момента весь мир стал относиться к нигилизму как к специфически российскому явлению.

Кровавые последствия нигилистической пропаганды не заставили себя долго ждать. За короткое время было совершено несколько покушений на Царя и его министров. Революционеры начали безжалостную кампанию против всех представителей существующего порядка, которая вскоре повлекла за собой много невинных жертв. Фанатичная нигилистка Вера Засулич может претендовать на малопривлекательную славу первой женщины, обвиненной в политическом преступлении и освобожденной от наказания. Сентиментально настроенные присяжные позволили себе вынести этот гибельный и ошибочный вердикт; и можно сказать, что он санкционировал, поскольку выразил повсеместное одобрение подобных действий, насильственные расправы с теми слугами государства, которых не любили. Вскоре после этого были убиты полицмейстеры Киева и Петербурга, харьковский

губернатор и другие высокопоставленные чиновники. Более того, даже в университетских аудиториях несколько профессоров пали жертвой революционного безумия своих слушателей.

Жизнь Царя более ни одной минуты не была в безопасности. После двух неудачных покушений на жизнь Александра II{126} народоволец Степан Халтурин устроился на работу в Зимний дворец и заложил там заряд динамита. Столовая Императорской семьи была повреждена взрывом, и только чудом Царь и его родственники на этот раз избежали ужасной смерти. Народовольцы сразу же взяли на себя ответственность за это преступление и заявили, что повторят его. И в самом деле, годом позже Александр II, один из добрейших и величайших правителей России, освободивший свой народ от крепостного права, был разорван на части взрывом.

Вихрь возмущения, пронесшийся по всей России после этого ужасного преступления, ясно показал революционерам, что они должны изменить свои методы, если хотят получить поддержку народа. Единичные акты террора продолжались, но теперь им сопутствовала методично проводимая пропагандистская кампания на основе революционных лозунгов и призывов. Возникшая подпольная группа «Освобождение труда» имела еще более социалистический уклон{127}.

Затем, в 90-е годы, учение Карла Маркса быстро распространилось в России, разрушительно действуя на круги, которые принято было называть «интеллигенцией», культурные слои, более всего — на студентов университетов. В это же время социалисты-революционеры начали опаснейшую агитацию среди крестьян, побуждая невежественных сельских жителей отобрать землю у крупных землевладельцев.

В это время подлинным лидером российских социал-демократов был Л. Мартов. Он хотел стать вторым Марксом, разработал теорию революционного учения и хотел реализовать ее на практике. В 1898 году на тайном съезде в Минске была создана Российская социал-демократическая партия. В 1900 году Ленин начал свою разрушительную деятельность, издавая революционную газету «Искра»{128}.

Прогресс, достигнутый социализмом за короткое время, проявился самым поразительным образом во внезапной революции 1905 года. Уже тогда рабочие показали, что они в массе стремятся следовать требованию всеобщей забастовки, выдвинутому социалистами. И хотя, собрав всевозможные силы и средства, правительство достигло временного успеха, подавив мятеж, власти все равно понимали, что с этого момента социалисты будут усиливать свое влияние и станут их

смертельными врагами. В 1905 году стало ясно, что даже армия заражена социалистическими идеями, сильная социалистическая организация офицеров и солдат практически посвятила себя подрыву дисциплины. Варшавскому охранному отделению после большого напряженного труда удалось обнаружить нити этой тайной организации и арестовать ряд заговорщиков Некоторое время казалось, что брожение в армии прекратилось. И до Первой мировой войны военные власти не представляли себе, на каком хрупком основании покоится их оптимистическая уверенность.

В 1911 году я по долгу службы впервые столкнулся с группой экстремистов, сыгравших впоследствии важную роль в победе революции. Это были эмиссары большевистской школы на Капри, и мне было поручено держать их под наблюдением Максим Горький, настоящее имя которого — А.М. Пешков, основал на острове Капри школу по подготовке революционеров, где среди прочих преподавали Луначарский и Александра Коллонтай. Лидеры большевистской партии регулярно посылали туда молодых людей овладевать искусством политической агитации и в то же время мастерством владения револьверами и бомбами.

Тайные агенты информировали Департамент полиции о жизни и деятельности этой уникальной организации, но, конечно, мы ничего не могли сделать, так как связанные с ней люди находились за рубежом. Но когда выпускники этой школы попытались пробраться в Россию, их арестовали на границе, а моей задачей было допросить арестованных в Петербурге.

Одним из тех, кто посещал школу Горького, был рабочий по фамилии Гузаков, имевший вид идиота и преступника. Другим был добродушный парень с настоящей русской душой, который, живя в Италии, очень страдал от ностальгии. Он вполне убедился, как сказал мне, в бесполезности утопических идей, которые пытались привить ему, и в течение нескольких дней охотно снабжал меня детальной информацией о методах обучения, принятых на Капри{129}. Особенно меня заинтересовал его рассказ о сильном впечатлении, которое производила на юных революционеров необходимость в дальнейшем соблюдать суровый коммунистический образ жизни, полный самоотречения. Мой информатор{130} доверительно сообщал мне, что он особенно глубоко и болезненно ощущает контраст между этими наставлениями и комфортом, если не сказать роскошью, которой окружают себя «профессора» на Капри.

После нескольких обсуждений прокурора с полицией было решено, что против арестованных не будут приняты законные меры, если они не совершили правонарушений на российской территории. Мы, со своей стороны, прибегли к

административным мерам и подвергли схваченных большевистских лидеров ссылке в Сибирь на несколько лет.

Когда вспыхнула война, я занимал пост вице-директора Департамента полиции. Вначале возникло впечатление, что с начала мобилизации вся партийная борьба, втом числе и революционная деятельность, прекратилась. В течение первых дней войны патриотический порыв во всех слоях населения был так велик, что пропаганда социалистических групп не только не вызывала отклик в массах, но и давала противоположные последствия.

Принимая во внимание всеобщий патриотический энтузиазм в России, социалисты на некоторое время прекратили свою агитацию и стали придерживаться господствующих настроений. Они, как и все, шли на демонстрациях с национальными флагами, вроде бы горя желанием защищать Россию от врага, но на самом деле ставили перед собой иные цели Они надеялись, используя патриотический угар или под прикрытием той или иной военной службы, проникнуть на фронт и, уже будучи там, в самом центре солдатских масс, найти способ лучше, чем ранее, распространять свою пагубную и вероломную пропаганду. Действуя в воюющей армии, они стремились в то же время подстрекать к мятежу людей, работающих на транспорте, раненых в госпиталях и рабочих на фабриках.

Как показали дальнейшие события, этот расчет разрушителей России был, без сомнения, не лишен оснований. Через некоторое время революционные агитаторы вполне преуспели в подрыве морального духа армии своими лживыми лозунгами, особенно в среде молодых, недавно мобилизованных и еще не проникнутых военным духом людей. И, достигая этого, они создавали необходимые условия для обеспечения успеха революции.

Типичным примером подобных «патриотических действий» революционеров была речь, произнесенная лидером социалистов революционеров Черновым на первом и последнем заседании Учредительного собрания. К этому времени революция уже одержала победу, и, следовательно, далее не было причин для притворства, и Чернов решил, что его долг особенно подчеркнуть свои антипатриотичные настроения во время войны, и хвастался своими усилиями по предотвращению победы российской армии.

Конечно, очень важную роль в организации антивоенной пропаганды сыграл лидер большевиков Ленин (его настоящее имя — Владимир Ульянов), который уже несколько раз вступал в конфликт с властями. В 1912 году Ленин предпочел покинуть Россию и сбежал в австрийскую Галицию, где и осел в непосредственном соседстве с Краковом. Оттуда он руководил

действиями своих товарищей в России

После того как вспыхнула война, руководители австрийской жандармерии арестовали его, но премьер-министр, граф Штурх, сразу же понял, что Ленин будет скорее полезен, чем вреден для австро-германского дела, и поэтому приказал освободить его. После этого Ленин вступил в переговоры с немецким правительством при посредничестве еврея по фамилии Гельфанд. За щедрое денежное вознаграждение Ленин взялся подстрекать к беспорядкам и стачкам и, главное, любым способом предотвратить успех российской армии.

Общие указания Ленина были сразу же опубликованы подпольной прессой в России, и с этого времени социалисты объединились, сосредоточив свои усилия на том, чтобы сделать невозможной для России победу в войне. Теперь война трактовалась как империалистическая авантюра, и лозунгом дня стала борьба социалистов всех наций за как можно более скорое ее окончание и подготовку мировой революции, которая должна была последовать за ней. Эти принципы позднее были официально подтверждены в соответствующей форме на известной Циммервальдской конференции{131}.

Вскоре после начала войны состоялась тайная встреча лидеров всех российских социалистических организации, главной задачей которой было разработать согласованный план революционной кампании. Департаменту полиции стало известно о ее подготовке, и все лица, которые, как мы знали, должны принять в ней участие, были взяты под усиленное наблюдение. Несмотря на все усилия, нам не удалось узнать дату и место предполагаемого собрания.

Однажды рано утром генерал П. К. Попов, начальник Оборонного отдела, пришел ко мне совершенно подавленный и сокрушенно сообщил, что его агенты потеряли из виду людей, за которыми следили, так как последние ушли из своих квартир очень рано утром, до прибытия полиции. Из этого факта Попов сделал логичный вывод, что конференция должна состояться в этот день, но мы не знали где.

Через час я получил сообщение от начальника Московского охранного отделения, что один из его осведомителей получил накануне вечером приглашение на означенное собрание. Я немедленно позвонил генералу Попову, передав сообщение, которое только что получил из Москвы. Он сразу же нарядил патруль, поспешил к названному месту, арестовал всех находящихся там и изъял документы и протоколы.

Простой рабочий предоставил свой дом в распоряжение заговорщиков. Когда внезапно появился генерал Попов со своими

людьми, он очень спокойно объяснил, что присутствующие собрались, чтобы отметить день его рождения. Естественно, генерал Попов не дал себя одурачить. Дело было передано в судебные инстанции, и все арестованные были высланы в Сибирь, где и находились, пока с триумфом не вернулись после революции.

Последующая деятельность подрывных агитаторов неразрывно связана с личностью депутата Думы Гучкова. Интриги и происки этого человека сильнее, чем что-либо другое, способствовали успеху революции, и поэтому не только у меня, но и у всех патриотов, любящих Российскую империю, его имя всегда будет вызывать отвращение.

В годы войны мои агенты наблюдали за Гучковым, и на основании рапортов, которые они мне посылали, я все более убеждался, что он является авантюристом, карьеристом и предателем. Дополнительная информация, которую я впоследствии получил от эмигрантов за границей, только подтвердила и усилила мое первое впечатление. Целью, к которой он стремился всеми возможными способами, было не процветание России, как можно было бы предположить, а всегда только его собственная выгода. Когда в 1900 году он принял участие в Бурской войне{132} в Южной Африке, это было не чем иным, как попыткой разрекламировать себя в прессе; все, чего он хотел, день за днем, дома и за границей, это чтобы газеты писали о *нем.*

И он успешно привлекал к себе внимание публики. Он извлек пользу из того, что вскоре после этого начал принимать активное участие в общественной деятельности, которая в то время становилась модной в кругах наших интеллектуалов. Так как во всех массовых движениях ценятся не способности, а наглость и высокомерие, вскоре Гучков был избран своими поклонниками в Думу. Там он скоро привлек к себе внимание как глава октябристской партии и даже установил определенные отношения с премьер-министром Столыпиным, который некоторое время пользовался поддержкой октябристов. Как любой авантюрист, Гучков с головой уходил в разные формы общественной деятельности и, таким образом, обеспечил себе избрание на пост председателя Думы.

Но Столыпин был слишком умен, чтобы не видеть Гучкова насквозь. Поняв, каким нерешительным и подозрительным характером тот обладает, Столыпин скоро отдалился от него. Гучков не мог надолго удержаться в качестве председателя Думы; он был вынужден оставить этот важный пост — под тем предлогом, что необходимо совершить очень важную поездку на

Дальний Восток. Это привело его парламентскую карьеру к бесславному концу, по крайней мере на некоторое время. Но не заставило его, однако, прервать свое активное участие в различных интригах; и в это же самое время он установил дружеские отношения с Поливановым, впоследствии военным министром, с которым он потом совместно действовал, чтобы разрушить Россию.

Гучков, выскочка и авантюрист, имел дерзость публично отнести себя к личным врагам Царя. Дело в том, что на приеме, данном для членов Думы, Его Величество однажды спросил его, избран ли он от Москвы или Московской губернии, и то обстоятельство, что Император так плохо информирован о нем, глубоко обидело Гучкова, который, как уже говорилось, был очень тщеславным человеком. И с тех пор при упоминании Царя Гучков имел наглость употреблять низкие и оскорбительные выражения, а в 1915 году провозгласил: «Если я не умру раньше, я сам арестую Царя!»

И действительно, загадочная судьба предопределила так, чтобы оскорбленное тщеславие этого человека было полностью удовлетворено, поскольку Гучкову и еще одному члену Думы{133} была доверена позорная задача сообщить Царю, что он должен отречься от престола.

Еще в 1909 году мне по службе пришлось встретиться с Гучковым, и представился случай преподать ему урок. Охрана в это время арестовала двух сестер по фамилии Иоффе, одна из которых была библиотекарем в социалистической группе. В ходе обыска, проведенного полицией, в помещении библиотеки были обнаружены революционные брошюры и их рукописный каталог. В ходе тщательного расследования я удостоверился, что одна из двух девиц Иоффе собственноручно внесла заглавия всех этих брошюр в каталог. Когда ее стали допрашивать, женщина почти сразу же призналась, что получала пакеты с революционными книгами от человека, чье имя она не может назвать, и отказывалась давать дальнейшие показания. На основании вещественных доказательств и ее признания я передал дело прокурору и освободил другую девицу Иоффе.

После этого Гучков неожиданно явился ко мне и властным и повелительным тоном заявил, что выступает от лица семьи Иоффе и протестует против ареста двух дам, не имеющих никакого отношения к политике. По его мнению, это намеренная провокация со стороны Охраны, и он находит образ действий полиции, по меньшей мере, странным.

«Что же в этом странного? — холодно спросил я. — А вы знаете, что мадмуазель Иоффе здесь, в этом кабинете,

призналась, что запрещенные книги, найденные у нее, приняты ею и собственноручно внесены в каталог?» Гучков не мог не видеть, что на этот раз его попытка играть роль влиятельного покровителя и защитника не удалась, как он рассчитывал. С извинениями он удалился, как побитая собака. Месяцем позже суд вынес приговор Иоффе: она была приговорена к одному году тюремного заключения в крепости.

В течение последующих лет Гучков не был особенно заметен, пока начало войны не дало ему наконец долгожданную возможность завершить свою смертоносную работу и ввергнуть Россию в хаос революции. Теперь он получил полное удовлетворение, лично принимая отречение Царя от престола, а затем войдя в революционное правительство и сразу же обнародовав позорный Приказ № 1, благодаря которому российская армия была потрясена до основания и абсолютно деморализована{134}.

Этот беспрецедентный документ в том, что касалось офицеров, практически лишал их всех дисциплинарных мер воздействия. Солдаты не должны были более отдавать честь, и армия становилась во всех отношениях игрушкой нововведенных солдатских Советов. Разрушительный эффект этого приказа слишком хорошо известен; состояние, в котором сегодня находится наша бедная страна, убедительнейшим образом свидетельствует, к чему привела деятельность предателя Гучкова. Патриотически настроенные российские офицеры, еще оставшиеся в живых, преданные Императору, никогда не простят Гучкову его Приказа № 1. И по этой причине среди беженцев из России немало бывших военных считают своим долгом рассчитаться с этим человеком. Я очень хорошо понимаю чувства молодого ротмистра Шабельского-Борка, который вызвал Гучкова на дуэль в Берлине. К сожалению, поединок был предотвращен совершенно излишними усилиями разных лиц; старшие офицеры запретили ротмистру стреляться с Гучковым. После этого другой ротмистр по фамилии Таборицкий воскликнул так громко, что все могли его слышать, что в будущем он отказывается узнавать Гучкова. Последний молча принял это оскорбление от офицера, который, будучи еще молодым человеком, имел твердые убеждения Но это еще не конец дела. Через два года после этого Таборицкий случайно встретился с Гучковым в берлинской подземке и избил его. Пассажирам, наблюдавшим эту сцену, он объяснил, что человек, которого он наказал, разрушил Россию, и патриотически настроенные немцы аплодировали Таборицкому.

Глава XV

Мое назначение директором Департамента полиции. — Разговор с министром внутренних дел Протопоповым. — Впечатление, произведенное на меня членами правительства. — Зависть некоторых членов Думы. — Интриги против генерала Курлова. — Реформа полиции. — Аудиенция у Императрицы. — Интриги Милюкова и Родзянко. — Низость прессы

Осенью 1916 года существенно изменился состав правительства, и во многом в связи с этим состоялось мое назначение директором Департамента полиции. Повышением в должности я обязан прежде всего вмешательству генерала Курлова, этим вновь продемонстрировавшего мне свою искреннюю дружбу

13 сентября Курлов позвонил мне и сообщил, что Царь только что назначил товарища председателя Думы Протопопова министром внутренних дел. Как я уже говорил выше, в России вошло в обычай, что каждый новый министр внутренних дел при вступлении в должность менял главу Департамента полиции, назначая на этот ответственный пост человека, пользовавшегося полным его доверием. Поэтому Протопопов сразу же после аудиенции у Императора спросил генерала Курлова, кого бы тот рекомендовал на пост главы Департамента полиции, и генерал Курлов назвал мое имя.

Несколькими днями позже Протопопов пригласил меня к обеду и во время долгой беседы дал мне возможность высказать свои взгляды на различные вопросы, касающиеся внутренних дел, и на общую ситуацию. Позже этот разговор в извращенном и изуродованном виде был воспроизведен в антиправительственной брошюре, уверяю, что действительный смысл разговора совершенно отличался оттого, который придали ему агитаторы. Протопопов отпустил меня, не давая определенных обещаний, поэтому в течение какого-то времени я не знал, состоялось ли мое назначение.

1 октября министр, вернувшийся этим утром из Ставки, вновь пригласил меня и вручил приказ Его Величества о назначении меня главой Департамента полиции. Протопопов поинтересовался, с чего я предполагаю начать свою деятельность. В ответ я подробно рассказал о своих ближайших шагах, в основном связанных с реорганизацией административного аппарата полиции. У меня сложилось впечатление, что Протопопов полностью одобряет мои предложения. В заключение

я заметил, что до этого времени исполнял свои обязанности по совести, по мере моих сил и способностей и в соответствии с законом, и что я продолжу то же самое делать и в будущем. «Хочу сразу же уверить Вас, — заключил я, — что никогда ничего не сделаю у Вас за спиной, что всегда буду информировать Вас обо всем, что делаю, и всегда буду спрашивать Ваше мнение и следовать Вашим указаниям».

Это не было простым актом вежливости, как может подумать читатель, ведь иногда случалось, что человек, возглавляющий полицию, игнорировал министра и действовал независимо от него и даже вопреки ему. В своей беседе с Протопоповым я имел в виду прежде всего поведение моего предшественника Климовича, который на каждом шагу обращался с председателем Совета министров Штюрмером самым бесцеремонным образом. В приемной Штюрмера Климович громко критиковал, обращаясь ко всем, действия премьер-министра. Более того, он зашел так далеко, что арестовал, по своему собственному усмотрению и через голову министра, бывшего его личного секретаря Манасевича-Мануйлова. В свете этого мои уверения в полной преданности и лояльности были вполне уместны. И министр надлежащим образом отнесся к моим заверениям обнял меня, благословил и предложил приступить к своим обязанностям в тот же день. В соответствии со сложившейся традицией мне прежде всего нужно было нанести визиты членам правительства.

Самое приятное впечатление произвели на меня министры А.Ф. Трепов и Н.Н. Покровский, умные, с твердым характером люди. Мне очень понравился также адмирал И.К. Григорович, возглавлявший Морское министерство. Надо сказать, что в разговоре с ним я сразу почувствовал его полное нежелание слышать что-либо о революционной пропаганде во флоте. Я, однако, сказал ему, что мне придется откровенно сообщить ему сведения по данному вопросу, если они поступят ко мне.

По контрасту с этими тремя членами правительства военный министр Шуваев произвел на меня самое жалкое впечатление. В разговоре со мной он без всякой необходимости подчеркивал тот факт, что вышел из низов и знает, как обращаться с людьми, что и показал несколькими днями ранее на петербургской фабрике. В то время как сам он был полностью уверен в своем успехе, я по рапортам осведомителей знал, что появление министра не только не способствовало мирному решению конфликта на фабрике, но, напротив, создало новые трудности в установлении порядка.

Так же не принес мне удовлетворения и визит к министру народного образования графу Игнатьеву. Я получил впечатление, что его департамент работает в явно либеральном направлении, а

не патриотическом, как это должно быть.

Когда Протопопов был назначен министром внутренних дел, распространилась масса вздорных сплетен, и я должен сказать несколько слов, чтобы опровергнуть клеветнические слухи, получившие широкое распространение. Особенно часто повторялось утверждение, что Распутин оказал сильное влияние на это назначение и что только в результате его вмешательства и обращения к Царице Царь дал согласие. На самом деле все происходило совершенно иначе.

Протопопов в течение некоторого времени был товарищем председателя Думы и в этом качестве своими выдающимися способностями, и особенно исключительным дружелюбием, приобрел много друзей. Когда было принято решение послать двух членов Думы за границу для собирания коммерческой и экономической информации, то доверить эту миссию решили Протопопову и Милюкову. После возвращения этих депутатов Император пожелал лично встретиться с одним из них, чтобы услышать о результатах. Его выбор пал на Протопопова.

Как я позже узнал, приглашение на эту аудиенцию пришло совершенно неожиданно и глубоко взволновало Протопопова. Тем не менее он произвел очень хорошее впечатление на Царя, и поэтому, когда вскоре место министра внутренних дел оказалось вакантным, Его Величество решил назначить Протопопова на этот пост.

То, что за этим последовало, очень характерно для Думы. До этого момента Протопопов был всеми уважаем и почитаем, но назначения министром было достаточно, чтобы за час превратить его в ненавидимого всеми человека. Генерал Курлов рассказывал мне, как в его присутствии Протопопов, сразу по возвращении с решающей аудиенции, позвонил своему другу и коллеге Родзянко, председателю Думы, чтобы сообщить важную новость. Протопопов был ошеломлен, когда Родзянко холодно ответил, что занят и не может говорить с ним.

Явная враждебность, с которой Дума с этого момента относилась к Протопопову, очень угнетала его, а почему друзья столь изменили свое отношение к нему, он так и не смог понять. Однажды, когда он спросил у меня, почему внезапно стал объектом всеобщей ненависти в Думе, я ответил ему совершенно убежденно: «С тех пор как Царь пригласил Вас, а не тщеславного Милюкова рассказать о зарубежной поездке, Милюков стал Вашим врагом и сделает все, чтобы навредить Вам».

И правда, Дума никогда не упускала возможности унизить и оклеветать своего бывшего товарища председателя и создать трудности на его пути. Поэтому уже вскоре после того, как я

приступил к своим новым обязанностям, я явился свидетелем позорного протеста Думы против генерала Кур-лова, в основном из-за того, что Протопопов хотел сделать его товарищем министра внутренних дел. Императорское одобрение этого назначения было уже получено, но враги Курлова и Протопопова сумели при помощи тайных интриг предотвратить представление данного указа на рассмотрение Сената, который обязан был утвердить назначение.

Процедурная ошибка, совершенная намеренно, послужила Думе предлогом, чтобы сделать генерала Курлова посмешищем в глазах публики. Внезапно возник вопрос, имеет ли Курлов право выступать от имени министра внутренних дел в представляемых на рассмотрение Сенату докладах, так как Сенат не имеет официального уведомления о назначении Курлова товарищем министра. В точном соответствии с буквой закона эта претензия была удовлетворена, но трудно понять, почему никто не набрался смелости просто исправить ошибку в процедуре. Вместо этого сенаторы и сенатские чиновники уступили Думе и вернули в Департамент полиции все бумаги, подписанные генералом Курловым. Вследствие этого Протопопов попросил разрешения у Императора передать функции товарища министра мне{135}. Его Величество милостиво согласился на это предложение, поэтому я взял все документы с подписью Курлова, приказал переписать их и поставил свою подпись.

Одной из первых мер, принятых мной в новой должности, была попытка провести уже давно задуманную реформу. Как полагалось, это предложение было внесено в Думу в форме запроса, а после этого заседание за заседанием я ждал возможности лично защищать перед депутатами предлагаемые меры. Но рассмотрение этого вопроса каждый раз исключалось из повестки дня. Мне хотелось узнать причины этого, и вскоре я выяснил, что затягивание обсуждения этого вопроса вызвано деятельностью левого крыла Думы. Дело в том, что либералы были совершенно неспособны привести серьезные возражения против предлагаемых реформ полиции, но в то же время отнюдь не стремились санкционировать какой бы то ни было шаг правительства. Поэтому, чтобы избежать исполнения этой неприятной обязанности, они стремились вообще предотвратить скучное обсуждение полицейских тем. Как-то мне тайком передали, что Керенский заявил: «Министерство решило полицейский вопрос лучше, чем того желала Дума. Они выбили почву у нас из-под ног, и на этот раз мы не можем выдвинуть никаких возражений»{136}.

Одним из самых важных вопросов в то время было

назначение градоначальника Петербурга. Этот пост оставался вакантным после отставки князя Оболенского. Когда Протопопов в разговоре со мной поднял этот вопрос, я ответил ему совершенно искренно, что на эту ответственную должность годится только человек, который способен эффективно работать; тот, кто детально знаком с рутинной полицейской работой и кто энергичен, трудолюбив и абсолютно честен. В этой связи я упомянул генерал-майора А.П. Балка, помощника варшавского обер-полицмейстера, и рекомендовал назначить его. Протопопов принял мое предложение, навел необходимые справки, поговорил лично с генерал-майором Балком и, наконец, решил предложить его кандидатуру Императору.

Я очень хорошо помню, как долго Балк колебался; он не был уверен, что у него есть нравственные основания принять назначение на такой высокий пост, которого он ни в малейшей степени не ожидал. Он позвонил мне и изложил все свои сомнения. В заключение долгой беседы он прямо спросил, действительно ли я думаю, что он достаточно компетентен для столь ответственной должности, чтобы удовлетворить ожидания Императора, и не слишком ли безрассудно соглашаться на предложение министра, не проверив свою пригодность к этой работе.

Так относились к службе выдающиеся личности при прежнем режиме, когда им предлагали перспективу блестящей карьеры! Надо заметить, что впоследствии, после революции, вместе с новыми людьми пришли и новые порядки: людям, имеющим власть, стало совершенно безразлично, куда идти, в один департамент или другой, в Морское министерство или в Министерство сельского хозяйства; им стало все равно, лишь бы на этом посту платили деньги — и в большом количестве.

Генерал-майор Балк сразу же после назначения взял в ежовые рукавицы полицию в столице. Он за всем следил сам и не ждал слишком долго, если надо было вмешаться. Он также взял на себя полную ответственность за снабжение города продовольствием. Все дела, которые входили в его компетенцию, он решал с примерной быстротой и умением, хотя они и могли причинять ему массу беспокойства.

Его деятельность заслужила всеобщие похвалы. Я часто слышал мнение, что новый начальник строгий, прямой человек, знакомый со всеми деталями полицейской службы. Только подчиненные, ранее замеченные в получении взяток от населения, были недовольны его строгими распоряжениями и поэтому враждебно относились к своему начальнику.

Поведение Балка после революции тоже характерно.

Довольно долго Временное правительство держало его под арестом, затем решило освободить, но он заявил, что не покинет тюрьму, пока не удостоверится, что со всеми чиновниками, которые были его подчиненными, поступили строго в рамках закона.

Примерно через месяц после моего назначения директором Департамента полиции я имел честь получить аудиенцию у Императрицы. В назначенное время я приехал в Царское Село и был проведен в довольно большую комнату, где Ее Величество ожидала меня в форме медицинской сестры. После того как я почтительно поцеловал ей руку, она пригласила меня сесть и осведомилась, освоился ли я уже с новой сферой деятельности. Она заметила с улыбкой, что, с ее точки зрения, большинство чиновников слишком заняты бумагами и документами, а потому теряют связь с действительностью, живой интерес к происходящему. Она считала, что каждый должен быть в курсе событий, особенно в наше сложное время. «Помимо всего прочего, — сказала она, — надо учитывать, что может начаться революция, и каждый должен представлять, что следует делать в таком случае».

Я отвечал, что революция совершенно невозможна в России. Конечно, есть среди населения определенное нервное напряжение из-за продолжающейся войны и тяжелого бремени, которое она вызвала, но народ доверяет Царю и не думает о восстании.

«Я тоже так думаю, — очень тихо сказала Императрица, — и хочу надеяться, что так и будет».

Я продолжал утверждать, что правительство не должно упускать из виду тех внутренних врагов, которые изо всех сил работают для развала империи, и поэтому требуются активные действия полиции, так как перед ней стоит задача найти агитаторов и прекратить их предательскую деятельность. Я также намекнул, что, к моему сожалению, среди министров нет полного единодушия, которое так необходимо, и что правительство иногда принимает решения, которые представляются эхом решений, уже принятых оппозиционными партиями в Думе.

В заключение я уверил Императрицу, что Министерство внутренних дел предпримет все необходимые шаги, чтобы иметь уверенность, что возможные беспорядки будут быстро подавлены. Я сообщил ей, что уже составлены планы по демобилизации из армии после окончания войны: сначала нужно распустить пехоту, кавалерия, необходимая для поддержания внутреннего порядка, пока останется на службе.

Когда я кончил. Императрица помолчала несколько секунд, как если бы обдумывала то, что я рассказал, а затем самым

дружеским тоном пожелала мне полного успеха во всех начинаниях. В конце она сказала, что хотела бы обратиться с важной просьбой: не мог бы я устроить так, чтобы на службу в полицию принимали раненых на войне офицеров. Эту просьбу Ее Величество высказала самым скромным и деликатным образом. Конечно, заверил я ее, на следующий же день всем губернаторам будет разослан циркуляр, в котором я уведомлю о пожелании Императрицы и укажу, что, при наличии вакансий, предпочтение должно отдаваться офицерам, раненным на войне.

Моя аудиенция продолжалась семнадцать минут. Императрица милостиво отпустила меня, еще раз пожелав успеха в моей деятельности{137}.

1 ноября началась сессия Думы, и с этого момента яростные нападки на правительство следовали одна за другой. Менее чем через неделю Дума спровоцировала падение председателя Совета министров Штюрмера. Я все еще помню, как Милюков появился на ораторской трибуне, обратился к депутатам и заявил, что у него в кармане находится документ, содержащий неопровержимые доказательства вины председателя Совета министров в предательстве и помощи Германии, но что он готов предоставить этот документ только судебным властям. Позже развитие событий показало, сколько реальных оснований было у этого чудовищного обвинения. Штюрмер умер в мучениях, в то время как Милюков по сей день жив и здоров и не страдает от угрызений совести; но Милюков никогда не представил ни одного из упомянутых доказательств по той простой причине, что их не существовало. Позднее Временное правительство назначило следственную комиссию, и председатель этой комиссии специально сообщил жене Штюрмера{138}, что самое тщательное расследование обвинений против бывшего председателя Совета министров не дало результата в связи с отсутствием каких-либо доказательств.

После устранения Штюрмера Дума продолжила свои атаки, и каждый день какое-нибудь официальное лицо обвиняли в предательстве и шпионаже, даже Императрица не избежала бесстыдной клеветы. Таким образом Гучков, Милюков, Поливанов и компания старательно готовили путь к катастрофе.

Преемником Штюрмера стал А.Ф. Трепов, но он тоже был беспомощен, а Дума продолжала свою травлю и интриги. Милюков, которому особо покровительствовал английский посол Бьюкенен, часто проводил вечера в английском посольстве. Если английское Министерство иностранных дел когда-нибудь разрешит публикацию документов из своих архивов, это по-новому и не особенно благоприятно осветит «патриотизм»

Милюкова.

Те же агенты, которые сообщали мне о визитах Милюкова в английское посольство, информировали меня и о его выступлении на тайной встрече кадетов, лидером которых он был. В нем Милюков серьезно предупредил об опасностях революции, заявив, что, если сегодня крестьянам обещают землю, это обещание нужно будет выполнить завтра, что может привести революцию к такому финалу, которого сейчас никто не ожидает. По этому поводу он сказал, что давать крестьянам такие обещания — все равно что махать красной тряпкой под носом у бешеного быка. Тем не менее Милюков продолжал свою пагубную деятельность и вынудил председателя Думы Родзянко повторять все его высказывания подобно граммофону. Действуя как орудие в руках Милюкова, Родзянко в те дни делал все возможное, чтобы, вступив в контакт с Объединенными дворянскими обществами, втянуть их в тайный заговор против Царя. Переговоры, которые он в это время вел с предводителем дворянства Московской губернии Базилевским, с Сомовым, занимавшим такой же пост в Петербургской губернии, и с председателем Постоянного совета Объединенных дворянских обществ{139} Самариным, едва ли можно назвать иначе, чем государственной изменой.

Без всякого основания Милюков вдруг стал опасаться за свою жизнь, утверждая, что правое крыло радикальной партии планирует покушение на него; он просил меня защитить его, приставив секретных агентов. Однако проведенное расследование этого дела показало, что его страхи беспочвенны. Я тем не менее поручил нескольким сотрудникам полиции постоянно находиться рядом и не выпускать его из виду.

Сейчас, как и после его назначения, главным объектом всех нападок стал несчастный Протопопов. Хотя ни одной ошибки или провала поставить в вину министру внутренних дел не могли, шум и крик по его поводу раздавались постоянно; никто, заявлялось, не может работать с Протопоповым. Даже его непосредственные подчиненные позорно покинули его в беде: оба товарища министра — Волконский и Бальц — вполне открыто выступали против своего начальника, хотя, если они не разделяли его взглядов, их прямой обязанностью было просто подать в отставку. Они не сделали этого, поэтому я не был удивлен, когда Бальц, в 1906 году в качестве прокурора представлявший власть в деле против Совета рабочих депутатов, стал служить большевикам в 1918 году.

Нельзя отрицать, что Протопопов имел мало склонности к чисто бюрократическим способам ведения дел, которые приняты в любом правительственном ведомстве. Слишком богатое

воображение иногда приводило его к ошибочным решениям, от которых он затем отказывался, что временами сбивало с толку его подчиненных. Однако совершенно не было оснований говорить о «некомпетентности» Протопопова. Возможно, он недостаточно занимался повседневными делами, управлением Департаментом, но, с другой стороны, он обладал значительно большей проницательностью, чем его коллеги по службе, и был, сверх того, человеком абсолютной честности и порядочности.

В шумной агитации против него особенно активную роль играла крайне радикальная пресса; и, к сожалению, министр, будучи благородным человеком, не снисходил до того, чтобы положить конец этой отвратительной кампании, просто закрыв соответствующие газеты. Это казалось ему ниже его достоинства, и он настойчиво пресекал все подобные попытки. В это время в одной из газет, созданной при активном содействии Протопопова, появилась статья, содержащая абсолютно бессмысленный и бессвязный набор слов. Только при внимательном изучении становилось ясно, что первые буквы всех слов, прочитанные подряд, представляют собой грубый и оскорбительный выпад против Протопопова{140}.

С самого начала я часто удивлялся хладнокровию, с которым министр воспринимал эти оскорбительные и бессмысленные нападки. Скоро, однако, я понял, что это кажущееся спокойствие было только внешним, поскольку в частных разговорах он нередко обнаруживал, что в душе у него идет мучительная внутренняя борьба. Как убежденный монархист, он не хотел покидать свой пост без разрешения Царя, но в то же время он не знал, как ясно выразить Царю, в чем причина того, что именно он является объектом такой всеобщей жестокой ненависти.

Протопопов был, как я уже указывал, исключительно честным человеком с рыцарским характером, который не придавал значения личным амбициям и стремился служить своему Императору своими знаниями и умением. Возможно, ничто лучше не свидетельствовало о его бескорыстии, как то, что из собственных средств он выделил пятьдесят тысяч рублей, чтобы разделить их между служащими своего ведомства, испытывавшими нужду в эти тяжелые времена.

Но кампания, начатая против него, в конце концов приняла такие формы, что даже Трепов, новый председатель Совета министров, человек, в других отношениях благородный и вежливый, стал избегать Протопопова и все более и более открыто показывал, как был бы рад, если бы в его кабинете был другой министр внутренних дел. Трепов явно надеялся, жертвуя Протопоповым, успокоить враждебность Думы. Перед Рождеством

1916 года Протопопов решил наконец, объяснив Царю свое положение, просить об отставке. Император сочувственно выслушал его и в конце посоветовал взять небольшой отпуск. Он надеялся, и надеялся напрасно, что после небольшого перерыва всеобщее возбуждение уляжется.

Глава XVI

Распад армии на фронте. — Абсурдные слухи среди солдат. — Арест Рабочей группы Гучкова. — Поручение Министерства иностранных дел. — Обсуждение подавления возможного мятежа. — Вероломные поступки генерала Рузского. — Наблюдение за перепиской между Думой и Ставкой. — Почему Крыжановский не стал министром иностранных дел. — Угрожающие волнения в Петербурге. — Арест большевистских лидеров. — Последнее заседание кабинета министров перед революцией

Осенью 1916 года Министерство внутренних дел стало получать все более и более тревожные новости о моральном духе армии, особенно на Южном фронте. Офицерский состав был совершенно уничтожен во время длительных кровопролитных сражений, поэтому освобождающиеся места, на которых ранее были опытные и закаленные воины, заменяли все более и более молодые офицеры из резерва. Они, однако, не имели ни опыта, ни влияния, необходимых, чтобы поддерживать дисциплину среди подчиненных им солдат и противостоять революционной пропаганде.

Кроме того, самые молодые рекруты, которых начиная с лета 1916 года отправляли на фронт, оказались недостаточно подготовленными и морально неустойчивыми. В этих обстоятельствах пацифистская агитация, направленная на скорейшее окончание войны, находила себе благодатную почву. Встречались случаи массового отказа от подчинения приказам, особенно в батальонах, сражающихся на Румынском фронте. Эти инциденты ясно указывали на опасное состояние дисциплины во многих частях армии.

Я полагал, что следует тщательно изучить причины деморализации войск и выявить агитаторов, под влиянием которых солдаты потеряли веру в то, что война кончится победой. С этой целью я послал на Южный фронт жандармского подполковника А.П. Кублицкого-Пиоттуха, надежного и уравновешенного офицера. Информация, полученная от него после возвращения, совершенно обескуражила меня Согласно его сообщению, темой частых разговоров в армии являлось предательство Императрицы, которая якобы сотрудничала с немцами, чтобы добиться поражения России. Веря, что это так, солдаты не были удивлены, что русская армия терпит одно поражение за другим.

Я счел своим долгом подготовить доклад об этом печальном

сообщении для министра внутренних дел, который передал его Царю. Царь прочел документ, махнул безнадежно рукой и не сказал ни единого слова.

Как раз в это время Гучков организовал в Петербурге Рабочую группу в Центральном военно-промышленном комитете{141}, о цели создания которой никто не имел ни малейшего представления. Оказалось, что она разрабатывала чрезвычайно удивительные планы полного изменения всего характера трудового законодательства, и скоро исчезли всякие сомнения в том, что под видом патриотической организации, содействующей победе российской армии, Гучков организовал боевую революционную группу, призванную стать средством реализации его предательских замыслов.

Держа некоторое время эту группу под наблюдением, я добыл убедительные доказательства ее антипатриотической деятельности и, связавшись с градоначальником, отдал приказ арестовать всю эту Рабочую группу без особых церемоний.

Конечно, Гучков немедленно обратился к высокопоставленным лицам, пытаясь освободить своих сотрудников. Улики против Рабочей группы были, однако, столь многочисленными, что по моему настоянию дело было немедленно передано на рассмотрение суда. Сведениям, которые я собрал по этому делу, я обязан главным образом секретному агенту по фамилии Амбро-симов, которого Временное правительство впоследствии сослало в Сибирь, очевидно в качестве мести.

Вскоре после этого меня попросили оказать содействие министру иностранных дел Н. Покровскому, который от лица председателя Совета министров поручил мне организовать разведывательную службу с особой целью собрать точную информацию об экономической ситуации и настроениях людей в Германии. Деньги, необходимые для этого, объяснил министр, будут выплачиваться из специального фонда. Покровский был изумлен, когда я сказал, что деньги вообще не нужны, так как информационная служба, которая нужна правительству, учреждена уже довольно давно. Дело в том, что Красильников, заведующий Заграничным бюро Департамента полиции, нашел очень способного агента, который смог попасть в Германию и затем регулярно снабжал нас интересной и подробной информацией о господствующих настроениях и текущей ситуации в Германской империи. Эти сведения все это время собирались в Департаменте полиции, а теперь сразу же были переданы министру иностранных дел.

Тревожные новости, поступающие к нам со всех сторон,

заставили министра внутренних дел подумать о контрмерах на случай возможных беспорядков. С этой целью он обратился к градоначальнику и начальнику Петроградского военного округа. Начальник округа генерал Хабалов разработал вместе со специальной комиссией детальные планы совместных действий полиции, казаков и пулеметчиков. Были предусмотрены различные варианты операции, в зависимости от числа бунтовщиков.

К сожалению, генерал Хабалов не был достаточно дальновиден, чтобы рассчитывать только на те расположенные в Петербурге воинские части, которым можно было всецело доверять; он упрямо отказывался вывести из столицы недавно призванных резервистов, ссылаясь на то, что вблизи Петербурга нет свободных казарм. Это обстоятельство, а также странное поведение генерала Рузского способствовали последующему фатальному развитию событий.

Протопопов считал своей обязанностью привлечь внимание Царя к брожению в столице. После консультации с Хабаловым Император приказал передислоцировать в Петербург четыре гвардейских кавалерийских полка. Несколько дней прошло в беспокойном ожидании этих воинских частей. А произошло следующее: генерал Рузский, командующий Северным фронтом, просто проигнорировал приказ Царя: вместо того чтобы послать гвардейские полки, он направил в Петербург отряд моряков. Этот поступок Рузского граничил с изменой; и уже в то время я задумывался об удивительной близости, существовавшей между Рузским и Гучковым.

В подобной ситуации я должен был тщательно контролировать переписку между членами Думы и командующим армией и скоро получил сведения, чрезвычайно усилившие мое беспокойство. Оказалось, что Гучков, Милюков и Родзянко несомненно старались привлечь командование, прежде всего генералов Рузского и Алексеева, на сторону Думы. Незадолго до этого я заметил, что часть переписки не проходит через почту, а пересылается с помощью специальных почтальонов и поэтому мне недоступна. Но, хотя мне приходилось довольствоваться только тщательно скрытыми намеками в письмах, которые удавалось получить, но и их оказалось достаточно, чтобы дать представление о вероломной деятельности всей этой компании. Тон, принятый у этих людей, просто изумлял, для них было само собой разумеющимся говорить о необходимости «изменений в государственном строе».

Ни в одной другой из воюющих стран этого не могло случиться. Везде, даже в Германии, все партии объединяло

желание сначала победоносно завершить войну, а затем проводить внутренние реформы. Но в России, в то время когда положение было критическим, люди все меньше и меньше думали о войне и все больше и больше о политическом перевороте. А между тем блокада привела Германию на край гибели, и поэтому надежды на победу союзников представлялись весьма реальными.

Правда, убийство Распутина на короткое время отвлекло внимание Думы от Протопопова, но скоро нападки на министра внутренних дел возобновились. Я уже указывал, что Трепов сообщил о своем желании заменить Протопопова, но получилось так, что Трепов вышел в отставку раньше своего непопулярного коллеги, и князь Н.Д. Голицын занял его место Князь Голицын повторил попытку Трепова освободиться от Протопопова. Пытаясь, насколько возможно, примириться с Думой, новый председатель Совета министров решил предпринять необычный шаг: за спиной Протопопова он начал переговоры с С.Е. Крыжановским, намереваясь предложить ему Министерство внутренних дел. Он вряд ли мог сделать лучший выбор, так как Крыжановский был умным, энергичным и опытным чиновником, который хорошо знал всех руководителей министерства. Дела могли поити совершенно по-другому, если бы Крыжановский занял место главы Министерства внутренних дел несколькими месяцами ранее. Но князь Голицын не имел возможности осуществить свое намерение. Говорят, что Царю не очень нравился Крыжановский. Поэтому все шло как прежде, а потом уже было слишком поздно.

Генерал Курлов рассказывал мне, что Крыжановский поставил условием, чтобы Курдова назначили начальником Корпуса жандармов Но так как Курлова Дума ненавидела, если это было возможно, еще более Протопопова, князь Голицын не отважился исполнить желание Крыжановского, и в этом, возможно, еще одна причина того, что назначение Крыжановского так и не состоялось. Несмотря на опасное возбуждение в некоторых слоях общества, я остаюсь при мнении, что кризис никогда бы не принял ту форму, в которой он разразился, если бы генерал-адъютант Рузский и Алексеев исполнили свой долг Однако, вместо того чтобы железной рукой подавить революционные выступления в армии, что можно было сделать очень легко, эти два командующих под влиянием Думы не только не сделали ничего подобного, но, забыв свой долг, покинули Императора прямо перед концом в этой тяжелой ситуации. Показательно, что после победы революции рассказывали, что Царь заявил, что готов простить всех своих врагов, но в глубине сердца не испытывает чувства прощения по отношению к

генералу Рузскому.

Позже, когда революция, начавшаяся в значительной степени по его вине, приняла совершенно катастрофическую форму, генерал Алексеев попытался частично исправить то зло, которое причинил, и возглавил армию, воюющую против большевиков. В реальности это свелось к тому, что он привел под огонь красных войск армию, состоящую из юношей, плохо вооруженных и без транспортных средств, и вследствие этого напрасно принес в жертву массу сильных, здоровых мужчин.

Самую нелепую и достойную жалости роль играл в те судьбоносные дни Родзянко, председатель Думы. Он был загипнотизирован заманчивой перспективой стать президентом республики и вел себя как мальчик, который взялся за работу, не понимая смысла указаний и не имея необходимых сил, чтобы выполнить их.

В феврале 1917 года тревожные симптомы, указывающие на приближающиеся беспорядки в народной среде и особенно в армии, которые до того были довольно редкими, стали учащаться и принимать более опасный характер. Я теперь почти регулярно получал рапорты о мелких или серьезных преступлениях, совершенных недавно призванными резервистами, служащими в Петроградском гарнизоне. Каждый день полиция арестовывала военных, виновных в карманных кражах на трамвайных остановках. Арестованных затем передавали военным властям, но военные тюрьмы отличались отсутствием надежных надзирателей и охраны, люди часто бежали после недолгого заключения и, совершив новое преступление, вновь попадали в руки полиции.

Тогда же на столичных улицах стали появляться группы демонстрантов, шумно требующих хлеба. Конечно, когда эти манифестации принимали серьезные размеры, их быстро пресекала полиция, но подобные выступления повторялись вновь и вновь, почти непрерывно. Слухи об угрозе голода постоянно распространялись среди населения, им все верили; они порождали панические настроения. Чтобы прекратить их, я обратился к петербургскому градоначальнику Балку и попросил его, не теряя времени, узнать, как обстоят дела со снабжением столицы мукой и хлебом. После консультации с чиновниками, контролирующими снабжение продовольствием, генерал Балк заверил меня, что запасов, имеющихся в наличии, достаточно, чтобы кормить население Петербурга более трех недель, даже если не будет новых поставок. Следовательно, в ближайшее время голод не грозил.

По моему приказу информация об этом была распространена при помощи расклейки официальных объявлений, составленных

понятным для простых людей языком, и эта мера, по крайней мере на время, прекратила волнения в столице. Однако несколько сотен безработных и бродяг, подзуживаемых агитаторами, крича, ходили толпами по улицам.

18 февраля на Путиловском заводе началась забастовка, на которую администрация ответила локаутом. В результате тридцать тысяч человек были внезапно лишены средств к существованию, что существенно увеличило беспорядки в рабочих районах. Более того, рабочие Путиловского завода уговаривали рабочих других петроградских заводов из солидарности примкнуть к забастовке. На Выборгской стороне состоялась демонстрация рабочих, и толпа, выйдя из-под контроля, прибегла к насилию, что уже нельзя было игнорировать. Несколько трамваев были остановлены и опрокинуты, офицер полиции сбит с ног и повален на землю; демонстранты пытались перебраться через Неву и пройти в центр города, однако были остановлены силами полиции.

За четыре дня до начала революции генерал Хабалов без предварительной договоренности с министром внутренних дел объявил в Петрограде военное положение. Во всех правительственных зданиях были размещены воинские караулы; охрана Департамента полиции была поручена подразделению Павловского гвардейского полка.

24 февраля бастовало уже почти двести тысяч человек, и полиция больше не могла удерживать стремящуюся к центру толпу, к тому же министерство дало указание без крайней необходимости не применять оружие. А толпа безжалостно забрасывала полицейских камнями и кусками металлолома, в результате чего было серьезно ранено немало храбрых полицейских. Попытка помочь полиции, использовав казачьи подразделения, только усугубила ситуацию: казаки, когда-то внушавшие ужас толпе бунтовщиков, теперь фактически братались с ними и не проявляли ни малейших намерений применить против них действенные меры. Этот инцидент был не только запоздалым предупреждением властям, он чрезвычайно вдохновил революционеров и поэтому стал переломным моментом.

Мы не имели сведений о том, насколько революционные партии контролируют эти действия рабочих. Поэтому я поручил начальнику Петроградского охранного отделения генералу Глобачеву изучить этот вопрос. Оказалось, что социалистические организации стремятся использовать волнения в Петрограде в своих интересах и систематической пропагандой готовят почву для всеобщей стачки и демонстраций на улицах. Получив рапорт

об этом от генерала Глобачева, я решил действовать быстро и целенаправленно. Я отдал приказ немедленно арестовать революционных лидеров, и генерал Глобачев сумел захватить на частной квартире весь Петроградский комитет большевистской партии, так что она была в тот момент совершенно парализована.

К сожалению, Керенский, представитель партии эсеров, как член Думы обладал депутатской неприкосновенностью. Во время его поездки в Саратов я приставил к нему для наблюдения несколько опытных агентов, и они видели, как он в ресторане передавал какие-то бумаги неизвестному. Того сразу же арестовали и обнаружили спрятанные на нем прокламации с призывами к восстанию, полученные от Керенского. Я обратился к министру юстиции с просьбой лишить Керенского депутатской неприкосновенности и дать возможность полиции арестовать его. Судьба распорядилась так, что через несколько дней Керенский сам стал министром юстиции и в этом качестве должен был обратить внимание на мое предложение о лишении его свободы.

Вечером 26 февраля Протопопов пришел ко мне на обед. После того как мы покончили с текущими делами, мы долго по-дружески беседовали вместе с женой, моим братом и моим другом Гвоздевым, который впоследствии был безжалостно убит большевиками. Министр в этот вечер показал себя с лучшей стороны как прекрасный собеседник и воспитанный человек.

В десять вечера Протопопов покинул меня, чтобы принять участие в заседании кабинета министров. После полуночи меня по телефону тоже вызвали в дом Голицына. Там я нашел все правительство в сборе, и меня попросили детально описать политическую ситуацию в данный момент, в том числе как развивается революционное движение и какие контрмеры принял Департамент полиции. Я, насколько мог без документов, долго объяснял министрам зловещую связь, возникшую между Думой и главнокомандующим армией; потом сделал несколько замечаний о революционной пропаганде среди молодых резервистов и транспортников; и подытожил утверждением, что теперь, когда лидеры самых ярых бунтовщиков арестованы, единственная организация, представляющая опасность для существующего порядка, — это Дума.

Протопопов решительно выступил за роспуск Думы, во многом опираясь на мой отчет, и после довольно долгих споров председатель Совета министров решил одобрить предложение министра внутренних дел. Предвидя возможность такого решения, Царь заранее подписал указ, который должен был быть опубликован на следующее утро. Он гласил: «Основывая наше решение на параграфе 99 Основных законов государства, мы

приказываем сделать перерыв в работе Думы с 26 февраля, которая вновь будет собрана в назначенную дату, но не позднее 17 апреля 1917 года»

События наступившего дня привели к тому, что указ Царя, ставший последним его указом, касался Думы. Кто знает, не сложилось ли бы все иначе, если бы этот указ был издан несколькими месяцами ранее!

Глава XVII

Утро революции. — Мятеж и убийство в казармах. — Толпа штурмует тюрьмы. — Полицейские участки в опасности. — Преступники уничтожают судебные архивы. — Революция полностью побеждает. — Предатели среди генералов. — Месть Гучкова. — Отречение Царя. — Два верных командира

Было уже почти три часа утра, когда я возвратился домой с заседания кабинета министров в доме князя Голицына. Министры были раздражены и в то же время подавлены, явно страдая от сознания тяжести ответственности, лежащей на них, а их настроение подействовало и на меня. Хотя я необычайно устал, но еще долго не мог уснуть, так как был слишком возбужден. В шесть утра меня разбудил телефонный звонок. Это был градоначальник Балк, позвонивший сообщить, что в казармах лейб-гвардии Волынского полка фельдфебель Кирпичников застрелил своего старшего офицера, штабс-капитана Лашкевича, прикомандированного к учебной команде. Убийца затем исчез, не оставив следов, и состояние духа названного полка весьма опасно. Сообщение Балка встревожило меня, так как данный случай показывал, сколь далеко уже зашла анархия в армейских казармах.

Так как это убийство было в компетенции военных властей, я не мог самостоятельно предпринять никаких шагов, но попытался связаться с Хабаловым. Однако все мои попытки дозвониться до него оказались безуспешными, на все вопросы о его местонахождении я не мог получить никаких внятных и прямых ответов.

Упомянутый выше Кирпичников впоследствии опубликовал воспоминания за границей, где искренне признавал, что, совершив свой поступок, убежал из казармы, не имея ни малейшего представления, куда идти; через час его могли приветствовать как героя, а могли вздернуть на фонарном столбе. И, конечно, это наивное наблюдение вполне соответствовало данному моменту: никто в Петрограде не имел никакого понятия, как повернутся события через несколько часов.

Из своего окна я мог видеть, что улицы слишком многолюдны для этого часа. Скоро появились военные авто, мчавшиеся на головокружительной скорости во всех направлениях, а затем вдали послышались отдельные винтовочные выстрелы.

Телефон снова зазвонил: это опять был Балк с еще одной тревожной новостью: генерал-майор Добровольский,

командующий инженерным батальоном, только что убит своими людьми.

Дальше события развивались со страшной скоростью. После того как был застрелен капитан Дашкевич, Волынский полк поднял мятеж, солдаты выгнали других офицеров из казармы и двинулись к находившимся неподалеку казармам Преображенского и Литовского гвардейских полков, которые тоже присоединились к восстанию. В казармах Литовского полка мятежники захватили оружие, и теперь солдаты, вооруженные винтовками и пистолетами, мчались на грузовиках через весь город.

Толпа штурмом взяла дом предварительного заключения и освободила всех заключенных; то же вскоре произошло и в других тюрьмах столицы Полицейские участки в отдаленных районах города подверглись штурму толпы; полицейские, которым не удалось бежать в гражданской одежде, были безжалостно убиты самым зверским образом, а здания — подожжены. В районе Литейного мародерство в помещениях полиции приняло особенно серьезные размеры. Вскоре мне сообщили по телефону, что освобожденные преступники подожгли архив Петроградского окружного суда; в результате было уничтожено очень много ценных и незаменимых документов.

Стало очевидно, что ситуация чрезвычайно серьезная. Несколько последних дней, как было сказано выше, Петроград находился в руках военных властей. Но они показали свою неспособность предотвратить убийства офицеров восставшими солдатами и подавить их мятеж железной рукой. Было очевидно, что люди отказываются подчиняться своим командирам. Этот факт подтверждался каждым новым приходившим ко мне сообщением. Мятежники обезоружили всех офицеров, до которых могли добраться, все попытки сопротивления немедленно наказывались смертью. Подразделения саперов, которые остались верными и пытались противостоять восставшим, были подавлены, и подобным образом удалось взять штурмом Военное училище на Кирочной улице и разоружить курсантов. Число бунтовщиков все возрастало, так как толпы из разных частей Петрограда массами присоединялись к ним, и можно было не сомневаться (так как грабежи и мародерство продолжались), что восставшие овладели и оружием.

Мост, соединявший район Литейного с Выборгской стороной, находившейся к северу от Невы, некоторое время защищали несколько мужественных полицейских офицеров, вооруженных пистолетами, но в конце концов мятежники взяли его штурмом и напали на казармы Московского гвардейского полка на

Выборгской стороне. Этот полк еще держался, в особенности учебное его отделение, оказавшее мятежникам вооруженное сопротивление. Вскоре, однако, верные власти войска были разбиты, после чего и Московский полк тоже присоединился к восстанию.

Я хотел идти в Департамент полиции, чтобы повидаться с Протопоповым, кабинет которого находился в том же здании, но в то время, когда я выходил из дома, меня задержал курьер, сообщивший, что по Литейному проспекту идет стрельба из пулемета. Это полиция пыталась не дать мятежникам перейти Литейный мост. Так как по дороге в Департамент полиции нужно было пересечь Литейный проспект, курьер умолял не подвергать опасности свою жизнь, остаться дома и подождать, пока все не успокоится. Поэтому единственное, что я мог сделать, — связаться по телефону с Департаментом полиции. Мой секретарь сказал, что работа идет, как обычно, но, что понятно, все находятся в состоянии нервного возбуждения. Так как у меня были все основания ожидать нападения толпы на Департамент полиции, я распорядился распустить сотрудников по домам.

Через некоторое время стало очевидно, что эта мера была очень своевременной, так как мой секретарь, который все еще честно исполнял свои обязанности, позвонил вновь, чтобы сообщить, что ревущая толпа уже ворвалась во двор здания. Я распорядился, чтобы книги с адресами служащих Департамента и особенно секретных агентов были немед ленно сожжены, что, к счастью, успели сделать как раз вовремя{142}.

Как я узнал позже, «освобожденный народ» обыскивал каждую комнату в здании, а некоторые их лидеры, имевшие, очевидно, весьма основательные причины для этого, немало потрудились, чтобы найти регистрационные карточки преступников и уничтожить их{143}. Все архивы подразделения, занимавшегося уголовными делами, с отпечатками пальцев, фотографиями и другими сведениями о ворах, грабителях и убийцах были выброшены во двор и там торжественно сожжены. Далее мятежники взломали мой стол и взяли двадцать пять тысяч рублей казенных денег, которые были у меня на хранении.

Из Департамента полиции толпа отправилась к дому Протопопова и обыскала его снизу доверху По свидетельству очевидцев, среди громил были по виду образованные женщины, они были закутаны в персидские шали и несли огромные тюки награбленного из дома Протопопова.

Я не упомянул о бесчисленных вопросах по телефону, на которые я должен был отвечать в следующие несколько часов. Кроме всего прочего, меня осаждали московские власти с

вопросами о том, что происходит в столице. Я сообщил главе Московского охранного отделения полковнику Мартынову о восстании воинских частей Петрограда и пообещал, что, как только у меня будет возможность, я более подробно сообщу ему о развитии событий

Смятение охватило всех в то утро настолько, что некоторое время ни военные власти, ни восставшие не думали о захвате телефонных станций. Поэ_-тому телефонные станции продолжали действовать без помех, сохраняя, как обычно, полный нейтралитет, так что, с одной стороны, революционные лидеры, ас другой — члены правительства могли общаться по телефону. Постепенно, однако, стало все труднее и труднее наладить связь, очевидно, по той простой причине, что девушки в коммутаторских стремились оставить свой пост и спастись от возможной опасности, уйдя домой. Наконец прервалась даже прямая связь с императорским дворцом, и я не мог связаться даже с градоначальником и Петроградским охранным отделением.

Поэтому я был очень удивлен, когда мне вдруг позвонил Протопопов из Мариинского дворца. Я сообщил ему о происходящем то, что сам знал, и заметил, что Верховное командование, очевидно, совершенно беспомощно, так как войска, во всяком случае большая их часть, объединились с революционерами.

Затем вместе с женой и моим другом Гвоздевым я покинул свой дом. Честно говоря, я и сам не знал, куда идти, хотя у меня были заграничный паспорт и паспорт на чужое имя. По дороге я подумал о том, чтобы позвонить брату, который жил в гостинице «Астория», но после минутного размышления не стал делать этого, так как предвидел, что гостиница подвергнется нападению, что и произошло на самом деле. Тогда я пошел на квартиру к хорошему другу, инженеру А., который жил поблизости от упомянутой гостиницы. Там нас радушно приняли, но, конечно, о сне не было и речи. На улице стоял ужасный шум от винтовочных выстрелов и пулеметных очередей, машины с вооруженными бандитами проносились как сумасшедшие, и мы слышали дикие крики буйной черни. Так мы провели бессонную ночь.

Стало очевидно, что подавить восстание уже нельзя. В столице оставалось только несколько воинских частей, еще исполняющих свой долг, и они были слишком немногочисленны, чтобы принять действенные меры против мятежников. Генерал Хабалов вынужден был в это время заниматься охраной градоначальства.

Преследуемый этими мрачными размышлениями, я видел, как эти вандалы грабили дом министра Императорского Двора

графа Фредерикса. И все это в конечном счете благодаря генералу Рузскому, который не выполнил приказ Императора! С несколькими надежными полками можно было легко навести порядок в Петербурге; вместо того чтобы выполнять полученные распоряжения, ничтожный предатель привел в столицу толпу моряков, подлив этим масла в огонь. Всем сердцем и душой я проклинал этого генерала, которому Царь благоволил, осыпая его знаками своей милости.

В то же время я пытался вспомнить, не сделал ли и я что-либо, за что не мог бы ответить перед справедливым судом. Но не мог вспомнить ни одного незаконного поступка; и даже когда я мысленно обратился к так называемым двусмысленным делам, которыми приходилось заниматься во время моей службы, я решил, что способен достойно отчитаться за каждое из них перед собственной совестью и перед любым беспристрастным судом.

Что мне оставалось теперь делать? Конечно, разумнее всего было сразу же бежать за границу. Такой возможностью я располагал, но считал бесчестным уехать, когда министр, которому я подчинялся, и другие члены правительства остаются беспомощными в руках бунтовщиков.

Два дня я пробыл у инженера А., а потом перебрался на квартиру к другому знакомому, жившему неподалеку. Конечно, я должен был идти туда пешком, так как в те дни другой возможности передвижения не было. По дороге ко мне обратился незнакомец в серой офицерской шинели. Он возбужденно указывал на Петропавловскую крепость и кричал, что находился там в заключении пять месяцев и что только полиция несет ответственность за это. Я спросил его, какой проступок он совершил, и он откровенно признался, что растратил казенные деньги, так как ему нужны были средства, чтобы втайне от жены содержать вторую семью.

По его утверждению, подлость действий полиции заключалась в том, что его арестовали, когда он пытался бежать из страны, вблизи от границы между Финляндией и Швецией. Его огорчало, что он потратил много денег на длительную поездку и был арестован в конце ее. В заключение он разразился длинной речью, главной мыслью которой было то, что при Царе его кости могли бы сгнить в тюрьме, но сейчас победили свободные люди, и он ждет момента, когда сможет внести свой вклад в создание новой, свободной России.

После этого инцидента я благополучно достиг дома моего друга И.К., где и провел следующие два дня. За это время стало понятно, что революция фактически победила. В 1906 году, во время московских беспорядков, Семеновский полк очень

отличился в подавлении беспорядков; однако вечером 27 февраля этот полк тоже присоединился к революционерам, и в результате растаяла еще одна надежда генерала Хабалова.

Положение этого несчастного офицера час от часу становилось все более отчаянным. В середине этого дня он должен был с тяжелым сердцем сообщить Царю, что не в его силах справиться с восстанием и что он настоятельно просит послать надежные войска для усиления гарнизона После полудня Хабалов собрал несколько оставшихся преданными подразделений на площади перед Зимним дворцом, ожидая, что прибудет помощь. Выступление против революционеров исключалось, так как позиция людей Хабалова была весьма пассивной, и мы должны были радоваться, что они пока не перешли на сторону мятежников. Вечером Хабалов решил освободить площадь, так как существовала опасность, что мятежная толпа начнет обстреливать ее, а он стремился не подвергать дворец опасности. Поэтому оставшиеся верными Императору войска покинули дворец и расположились в огромном здании Адмиралтейства на набережной Невы.

На следующее утро туда прибыло многочисленное подразделение хорошо вооруженных войск, которое сначала приняли за помощь с фронта. К сожалению, внезапная вспышка надежды почти мгновенно уступила место глубокому разочарованию, когда стало ясно, что это солдаты Пулеметного полка из Ораниенбаума, тоже присоединившиеся к восставшим. Они перешли на сторону революционеров вечером 27 февраля и были немедленно посланы со своими пулеметами в Петроград, где их с триумфом встречали остальные мятежники.

Никаких признаков появления ожидаемых войск не было. Все попытки Ставки и генерала Иванова, который тем временем был назначен диктатором, начать контрнаступление на мятежников в Петрограде, потерпели неудачу В середине дня 28 февраля капитулировала Петропавловская крепость, поэтому теперь ее пушки смотрели на Адмиралтейство. При таких обстоятельствах и, учитывая настроения своих войск, генералу Хабалову не оставалось ничего другого, как тоже сдаться революционерам. Как я позже узнал, он был взят под стражу и перевезен в здание Думы.

Утром 28 февраля Царь покинул Ставку и поспешно уехал в Царское Село, но ночью его специальный поезд был остановлен и отправлен назад.

Новости об угрожающих событиях в Петрограде становились все более и более тревожными, поэтому командующий поездом дворцовый комендант генерал Воейков не рискнул подъехать

ближе к столице Вместо этого Воейков решил увезти Царя в Псков, ставку Северной армии, где среди войск он, по мнению Воейкова, был бы, по крайней мере, в безопасности.

В Пскове подлые интриги Алексеева и Рузского, двух симпатизировавших Думе генералов, теперь выявились со всей полнотой. Вместо того чтобы посоветовать Его Величеству принять активные меры против революции в Петрограде, которые, в случае умелой организации, могли даже тогда иметь большой шанс на успех, эти два генерала действовали противоположным образом, и их поведение существенно способствовало падению царской власти Алексеев телеграфировал Императору, что в столице с каждой минутой растет анархия, особенно в армии, и сдержать ее может только создание правительства из людей, пользующихся доверием Думы. Генерал Рузский, со своей стороны, представил послание Алексеева Царю и умолял его прекратить все военные действия по подавлению восстания и начать прямые переговоры с депутатами Думы. Император в этот судьбоносный момент был слишком великодушен и принял совет двух генералов. Он фактически отказался от попыток отстаивать свою власть вооруженным путем, и на принятие подобного решения сильнее всего повлияло желание избежать бессмысленного кровопролития. Он совершенно не подозревал, что именно отказ от сопротивления больше, чем что-либо иное, приведет Россию к величайшему террору и кровопролитию. Этого бы не произошло, если бы тогда были приняты энергичные меры для подавления революции и быстрого восстановления законности и порядка.

Затем генерал Алексеев выяснил мнения других командующих армиями по вопросу царского отречения от престола, и опять именно генерал Рузский представил Царю ловко составленную подборку полученных ответов. Под давлением Рузского Царь решил связаться по телеграфу с председателем Думы Родзянко и сообщить, что готов отречься от престола. Телеграмма, отправленная Его Величеством Родзянко, гласила:

«Нет такой жертвы, которую бы я не принес для спасения и процветания нашей любимой России. Поэтому я готов отречься от престола в пользу своего сына при регентстве моего брата Михаила Александровича. Единственное мое условие, чтобы до достижения им совершеннолетия он оставался на моем попечении».

2 марта в Псков прибыли два депутата, Гучков и Шульгин, которым была поручена позорная миссия принять акт об

отречении. Царь немедленно дал им аудиенцию, и Гучков, конечно, использовал эту возможность, чтобы разразиться длинной речью. Для этого человека характерно, что, как впоследствии говорил Шульгин, в течение всего разговора у Гучкова не хватило мужества смотреть в глаза Царю, которого он предал и которому теперь мстил за свое оскорбленное самолюбие. Свою речь он закончил наглыми словами: «Если вы хотите еще подумать, я пока удалюсь и подожду вашего решения, но в любом случае все должно быть завершено сегодня до вечера».

Царь сделал вид, что не заметил наглый тон, и твердо сообщил Гучкову, что он готов отречься в пользу своего брата, Великого князя Михаила. Затем он вошел в вагон и там продиктовал окончательный вариант исторического документа, который подписал твердой рукой.

О чем думал Император в этот вечер, свидетельствует запись в его дневнике. 2 марта Его Величество писал: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. В 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи я уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

И действительно, Император был безжалостно обманут и предан окружавшими его высокопоставленными лицами, потому что, как показал ход событий, отречение, которое Его Величество настойчиво уговаривали подписать, вовсе не способствовало восстановлению порядка; напротив, оно фактически оказалось первым шагом к окончательному крушению и гибели.

Только два военных командира: генерал граф Келлер и татарский хан из Нахичевани показали себя в этот ужасный момент настоящими верноподданными. Только они не советовали Царю отречься и предлагали предоставить в его распоряжение себя и подчиненные им подразделения, чтобы подавить восстание при помощи войск. Пусть их имена будут упомянуты здесь в знак благодарной памяти!

Глава XVIII

Затруднительное положение государственных чиновников. — Я иду в Думу. — Мой арест. — Друзья по несчастью. — Беспокойная ночь. — Керенский задает вопросы. — Перемещение в Петропавловскую крепость. — От управляющего тюрьмами к заключенному. — Мой бывший подчиненный обыскивает меня. — Керенский как комедийный актер. — Тюремный «режим» тогда и сейчас

Сокрушительное известие об отречении Его Величества от престола, за которым немедленно последовало сообщение, что Великий князь Михаил, названный Царем Николаем своим преемником, также отрекся от престола, поставило всех, кто служил императорскому строю, а следовательно, и меня, лицом к лицу с трудным вопросом о позиции, которую следует занять по отношению к обязанностям, которые дал присягу выполнять. Обдумав этот вопрос, я пришел к выводу, что отречение Царя означает, что все государственные служащие свободны от своей присяги и должны подчиняться новому правительству. Это, показалось мне, следует из формулировки акта об отречении от престола, где говорилось: «Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы».

Великий князь Михаил опять-таки в своем манифесте призвал все население империи подчиняться Временному правительству, пока Учредительное собрание не примет окончательного решения об образе правления в Российском государстве{144}.

В соответствии с этим я написал письмо Родзянко, сообщив о готовности предоставить свои услуги новому правительству, если оно в них нуждается. В то время я был твердо намерен честно сотрудничать с оказавшимися у власти людьми, хотя не разделял их политические взгляды. По моему мнению, каждый благонамеренный россиянин был обязан в этот критический для страны момент поддержать единственную существующую власть и, таким образом, предохранить революцию (которая уже является свершившимся фактом) от немедленного сползания в анархию.

Затем я пошел с письмом в кармане к Родзянко в Таврический дворец, где, как я знал, постоянно заседала Дума,

Исполнительному комитету которой было доверено создание Временного правительства Мне не приходило в голову, что эта прогулка надолго станет последней, которую я совершу по своей воле и как свободный человек.

Перед Таврическим дворцом тысячами толпились восставшие солдаты, ожидая приказов только что назначенной Военной комиссии Думы. Время от времени из здания выходил очень возбужденный прапорщик и кричал ожидавшей толпе, что желающие участвовать в занятии той или иной железнодорожной станции или правительственного здания должны заявить об этом. Затем несколько десятков человек собирались вокруг «лидера» группы и быстро уходили с ним в том или ином направлении. Все это представлялось полным хаосом, и я не смог удержаться от улыбки, видя столь примитивные методы революционного правительства, принимающего стратегические решения.

Понаблюдав за этой процедурой некоторое время, я неохотно вернулся к своему делу, продолжил путь сквозь толпу подозрительно глядящих на меня людей и достиг входа в огромное здание. У ворот дежурили несколько оборванных и явно подвыпивших солдат Преображенского полка, которые грубо спросили меня, чего я хочу. Я объяснил, что хочу поговорить с председателем Думы Родзянко, и мне разрешили пройти. Не успел я пройти и нескольких шагов, как меня остановил офицер запаса, который снял кокарду с фуражки и выглядел как представитель либеральной интеллигенции. Он спросил мое имя. Стоило мне назвать себя, как его лицо исказила злобная торжествующая улыбка, и «именем народа» он взял меня под арест. Несколько вызванных им солдат схватили меня, обыскали карманы, а затем повели в комнату отдыха премьер-министра, где я нашел еще немало товарищей по несчастью. По углам комнаты стояли четыре охранника с заряженными винтовками и следили за каждым движением пленников.

Мне стало ясно, что, придя сюда, я не только не обеспечил собственную безопасность (как полагал), но, напротив, попал в ловушку. Дело в том, что Керенский отдал распоряжение, чтобы все министры и чиновники высокого ранга павшего правительства были взяты под стражу и доставлены в здание Думы. Первым арестованным был Щегловитов, министр юстиции, а впоследствии председатель Государственного совета. Вскоре за ним последовали Штюрмер и Горемыкин, оба побывавшие на посту председателя Совета министров, затем бывший министр внутренних дел Маклаков, мой друг генерал Курлов, генерал Сухомлинов и патриарх Питирим. Эти и многие другие высокопоставленные государственные сановники попали в руки

революционеров.

Протопопов тоже добровольно явился в Думу вечером 28 февраля, использовав в этом случае следующие простые слова, столь характерные для его искреннего патриотизма: «Я Протопопов, министр внутренних дел. И меня заботит только процветание нашей страны. Я добровольно представляю себя в распоряжение Думы». Конечно, он был сразу же арестован своими торжествующими врагами.

Таким образом, все мы, многие годы работавшие вместе для поддержания общественного порядка и законности в России, теперь снова встретились как пленники в помещении Думы. Конечно, у нас не было возможности обмениваться грустными мыслями и мнениями, так как нам было запрещено общаться; поэтому мы молча ходили из угла в угол, как бессловесные звери в клетке. Время от времени к нам заходил поручик Знаменский, молодой человек, говоривший с еврейским акцентом, которому было поручено держать нас под наблюдением и который вел себя крайне нагло, при каждом появлении глумясь над нашим несчастным положением.

Так как никаких условий для сна предусмотрено не было, мы должны были провести ночь, сидя в креслах, все еще под наблюдением четырех солдат. которые не спускали с нас глаз и следили за малейшими движениями Происшедший вскоре инцидент показал, кроме всего прочего, как опасна ситуация, в которой мы находились. Из соседней комнаты мы внезапно услышали выстрел из винтовки и последовавший за ним крик от боли. Оказалось, что контр-адмирал Карцев, который находился здесь в заключении несколько дней, почти лишился чувств от полного нервного истощения и бессознательно схватился за штык одного из часовых. Солдат решил, что Карцев напал на него, и два или три раза выстрелил, ранив адмирала в плечо. Патруль под командованием пьяного прапорщика Преображенского полка поторопился восстановить порядок в комнате. Адмирала перевели в госпиталь, и таким образом инцидент был исчерпан. Но, должен признаться, после него наше настроение стало еще более мрачным и подавленным.

Когда утром подняли занавески на окне нашей комнаты, то оказалось, что оконное стекло вдребезги разбито выстрелом Выстрел в адмирала Карцева был направлен в сторону нашей комнаты, пуля прошла через дверь и пролетела по направлению к окну в нескольких сантиметрах от моей головы.

День прошел в смертельной скуке, нарушаемой только неприятным фиглярством поручика Знаменского. Время от времени дверь открывалась и вводили еще одного пленника.

Вечером появился Керенский, министр юстиции в революционном правительстве. Он снисходительно обратился к нам и «любезно» поинтересовался нашими пожеланиями и жалобами. Когда ему сообщили, что предыдущей ночью один из узников почти сошел с ума, он, по крайней мере, позволил нам разговаривать друг с другом, что значительно облегчило наше положение.

Я был неприятно удивлен, когда он, повернувшись ко мне, грубо предложил следовать за ним в соседнюю комнату. Там он резко спросил меня, какие политические деятели состояли на секретной службе в Департаменте полиции. Конечно же, я не собирался выдавать ему секретных агентов и поэтому уклончиво ответил, что у меня лично не было секретных агентов. Видимо, это сильно рассердило Керенского, так как он пришел в сильнейшее возбуждение, сердито крича: «Вы пытаетесь что-то скрыть от меня! Я хочу, чтобы вы поняли, что ответите за это!» После этого меня увели назад, к другим арестованным.

Однако едва я достиг своего кресла, когда мы получили приказ подготовиться к переводу в Петропавловскую крепость. Этот неожиданный и сильно взволновавший нас приказ касался, кроме меня, еще двух лиц, содержавшихся под стражей в нашей комнате: председателя Совета министров князя Голицына и товарища министра внутренних дел Куколь-Яснопольского. Под конвоем солдат мы вышли из Думы и увидели много других заключенных, как и мы, ожидавших перевода в крепость. К воротам подъехали четыре автомобиля. Мы все сели в них. В одном авто со мной были еще генерал-губернатор Финляндии Ф.А. Зейн и сенатор М И. Трусевич, также ранее возглавлявший Департамент полиции. Четвертым пассажиром был солдат с заряженной винтовкой в руках.

В другом авто, направлявшемся в крепость, был жандармский полковник Собещанский. Этот офицер никогда не имел отношения к политическим делам, но в его обязанности входило следить за исполнением смертных приговоров. Керенский, присутствовавший при нашем отъезде, продемонстрировал, на какую низость он способен, рассказав нашим конвоирам об этом факте и дав наказ держать под особым наблюдением этого жандармского полковника, так как он замешан в «грязных делах». Керенский забыл добавить, что партия эсеров, к которой он много лет принадлежал, долго практиковала такие же «грязные дела», вынося и исполняя «смертные приговоры» членам Императорской фамилии, министрам и другим высокопоставленным лицам.

Наступил момент отъезда. Но перед тем, как мы отъехали, поручик артиллерии открыл дверь нашего автомобиля, поднял руку в приветствии и сказал с иронической вежливостью:

«Господа, во время поездки любые разговоры между вами запрещены. Попытка к бегству немедленно приведет к применению оружия». Сделав это дружеское предупреждение, он захлопнул дверцу, и наша процессия тронулась.

Никогда раньше дорога по Шпалерной вдоль берега Невы к Суворовской площади не казалась такой долгой, как в этот день. Странное чувство появилось у меня, когда наш автомобиль повернул на Троицкий мост и я увидел перед собой огромный шпиль Петропавловской крепости, которая должна была стать на неопределенный период местом моего заключения. При царском режиме государственную тюрьму в этой крепости контролировал Департамент полиции, так что я был высшим начальником этого учреждения, в котором теперь должен быть заключен как пленник! Естественно, что в этот момент подобная ирония судьбы вызвала у меня чувство печали и отчаяния.

Сразу же после нашего прибытия мы подверглись процедуре столь же бессмысленной, сколь и унизительной. В середине ночи, при морозе в двадцать семь градусов, мы должны были выстроиться в огромном дворе крепости, повернувшись лицом к стене, и стоять так примерно полчаса. Какая преследовалась цель, мы так и не узнали, разве что комендант исполнял данное ему поручение мучить и унижать нас.

После этого несчастный жандармский полковник Собещанский был уведен со двора, а сопровождавшие его солдаты глумились над ним и говорили, что он будет заключен в подвальный каземат, где настолько высокая влажность, что пол покрыт водой. Я знал, что это правда: подвальные казематы до сих пор использовались только для содержания закоренелых преступников.

Остальных заключенных, включая меня, повели наверх, где были расположены частично пригодные для жилья одиночные камеры. Нам все еще не разрешали разговаривать, даже с охранниками. В остальном рутинная тюремная процедура совсем не изменилась: всем разрешили остаться в той же одежде, которая на нас была, и если имелись деньги, то можно было заказать все необходимое из города.

Камера, предназначенная мне, имела № 68, и там я должен был содержаться, пока решалась моя дальнейшая судьба. В два часа утра пришел полковник охраны Иванишин; обыскав меня, он изъял галстук и подтяжки, но оставил кошелек.

Этот Иванишин раньше командовал Трубецким бастионом и, следовательно, до того времени был моим подчиненным. Теперь он носил красную перевязь с большим бантом, чтобы продемонстрировать свою преданность революции. Это, однако,

не помешало ему обращаться ко мне со словами «Ваше превосходительство», сохраняя и в других отношениях что-то напоминающее вежливость и уважение{145}.

Солдат принес мне горячий чай, и я жадно выпил согревающую жидкость, так необходимую после долгого ожидания на жестоком морозе тюремного двора. Затем полковник Иванишин покинул меня, закрыв за собой дверь камеры и не оставив мне иллюзий по поводу моего положения: я уже был не главой Департамента полиции, а заключенным в этой тюрьме.

Скоро я заметил, что часть оконных стекол выбита, и в камере стоит ледяной холод. Но глубокая усталость взяла верх: я завернулся в пальто, натянул меховую шапку поглубже на уши и провалился в глубокий сон. На следующее утро меня разбудил солдат, принесший горячую воду для чая. Когда он спросил меня, почему я провел ночь, не снимая меховой одежды, я обратил его внимание на разбитые оконные стекла. Через несколько часов меня перевели в камеру № 44, выходившую на юг, где я провел все шесть месяцев своего заключения.

Через некоторое время мне сообщили, что в крепость приехал Керенский и желает поговорить со мной. Меня вывели в коридор, где уже находились бывшие министры Маклаков, Макаров, Штюрмер, Щегловитов и Протопопов. Керенский, театрально шагая перед нами взад и вперед, начал патетическую речь, в которой продолжал напыщенно ссылаться на «свободу», «новую победу прав трудящихся» и «искупление грехов царизма» В заключение он довел до нашего сведения, что новое правительство создало специальную комиссию, в чьи обязанности входит разоблачить все преступления и незаконные действия, которые мы совершили{146}. Он настойчиво советовал нам, когда эта комиссия подвергнет нас допросам, быть честными и искренними, поскольку продолжительность нашего заключения будет зависеть от степени нашей откровенности.

Дальнейшее развитие событий показало, что заявления Керенского были не чем иным, как очередной благовидной ложью. В действительности срок нашего заключения не имел ничего общего с «полной откровенностью». Правда состояла в том, что нас держали в заключении просто потому, что новый режим должен был установить «преступления царизма» любой ценой: он в них нуждался. Мы могли быть предельно откровенны, но это не сократило бы срока нашего заключения ни на один день.

Поражала частота, с которой Керенский во время своей речи подчеркивал, что он принял то или другое решение «в качестве генерал-прокурора». Легко было увидеть, как гордо этот бывший

мелкий адвокат произносит свой титул, который великий Петр создал когда-то для министра юстиции и который Керенский теперь присвоил своей собственной властью. В общем, новоиспеченный министр не упускал возможности покозырять своим недавно приобретенным титулом перед нами и дать нам почувствовать как свое могущество, так и полную нашу зависимость от него. В конце он с театральным жестом повернулся к сопровождавшему его полковнику Иванишину и осведомился насчет питания: не содержат ли нас хуже, чем заключенных при царском режиме? Полковник Иванишин раболепно отдал честь и не нашел ничего лучшего, чем сказать с благоговейным трепетом: «Ваша милость, заключенных кормят намного лучше, чем в царское время!»

Я уже говорил, что нам разрешалось носить собственную одежду и покупать любую еду, если мы могли заплатить за нее. По этой причине нам вначале было неплохо. Надо, однако, отметить, что и до революции это было в обычае для заключенных, находящихся под следствием; конечно же, им было лучше при старом режиме, так как тогда разрешали заказывать вино, что нам было запрещено. В целом нужно заметить, что несправедливо связывать названия «Петропавловская крепость» или даже «Трубецкой бастион» с идеей ужасной темницы. На самом деле Трубецкой бастион был одним из лучших, и то, как он управлялся в царские времена, делало его образцовой тюрьмой не только в Российской империи, но и в Европе. За исключением казематов с повышенной влажностью в подвале, которые при императорском правительстве использовались только в качестве специального наказания, камеры, предназначенные для обычных заключенных, были чистыми, светлыми и проветриваемыми; а управление тюрьмой можно было назвать образцовым. В течение первых дней, проведенных под арестом, мы еще наслаждались достоинствами прежней системы, но, к сожалению, такое положение продолжалось недолго; скоро произошли изменения к худшему.

Глава XIX

Революционный порядок в крепости. — Психологический эффект одиночного тюремного заключения. — Пасха в тюрьме. — Перекрестный допрос Протопопова. — Чрезвычайная комиссия. — Я пишу свое «признание». — Социалист-депутат Думы как агент Департамента полиции. — «Чепуха» Протопопова. — Бесполезное расследование

20 марта крепость заняло подразделение финских солдат, которые сразу же стали помыкать нами и ввели в крепости «революционный порядок». Они начали с того, что изъяли из камер все, что делало их хоть как-то пригодными для жилья, и оставили только кровати. До того времени нам разрешали носить собственную одежду; теперь ее у нас забрали, а взамен выдали нечто вроде больничного халата из грубой мешковины.

Право питаться собственной едой тоже отменили, и наши охранники теперь кормили нас ужасным, дурно пахнущим супом и таким же отталкивающим варевом из требухи. Наша постель состояла из соломенного матраса и подушек, набитых куриными перьями. И в довершение всего нам приказали в камерах носить халаты, а обычную одежду одевать, только когда вызывают на допрос. Пол камер мы теперь ежедневно мыли сами.

Один раз в день мы гуляли по двору. Прогулка продолжалась всего минут десять, во время которых строжайше запрещалось разговаривать. Раз в две недели нам позволяли помыться в бане, и только Бог знает, почему мы не получили смертельных заболеваний при этом из-за сильных сквозняков, поскольку двери в предбаннике не закрывались, и из-за этого воздух в бане всегда был холодным.

Полная изоляция одиночного заключения, в котором мы теперь находились, со временем становилась невыносимой, вызывая приступы крайнего нервного возбуждения, сменяющиеся состоянием полной апатии. Трудность нашего положения усугублялась приближением Пасхи, когда каждый русский человек испытывает настоятельную потребность в сердечном общении с близкими людьми. При старом режиме Пасха даже в тюрьме всегда отмечалась как праздник, и в это время тюремщики старались относиться к заключенным с братской добротой и любовью. По этому случаю в ночь накануне Пасхи Смирнов, прапорщик, командующий охраной, шумно вошел с двумя своими людьми в мою камеру, распространяя сильный запах алкоголя. Я заметил это, так как он поцеловал меня и

прокричал в ухо: «Христос воскресе!» И для всех нас, запертых тогда в Трубецком бастионе, это было началом и концом пасхальных торжеств.

Несколькими днями позже я был внезапно вызван к Керенскому в канцелярию тюрьмы. Когда конвоиры привели меня туда, он разговаривал с Протопоповым. Я вскоре заметил, что Керенский всячески стремится узнать убывшего министра, получал ли Н.Е. Марков, лидер правого крыла Думы, деньги от правительства для поддержки правых, более консервативной части радикального движения.

Протопопов долго пытался уклониться от прямого ответа на этот вопрос; из его высказываний возникала весьма двусмысленная и неопределенная картина. Я сидел между ними и мог видеть в руках у Керенского документы, о содержании которых я был очень хорошо осведомлен и которые ясно показывали, что Министерством внутренних дел *были* выплачены Маркову определенные суммы денег. При данных обстоятельствах мне казалось бессмысленным уклоняться от истины, и когда Керенский обратился ко мне и спросил, знал ли я, что Марков получал материальное поощрение, я ответил, что в документах, лежащих на столе, содержится исчерпывающий ответ на его вопрос.

Во время допроса Протопопов демонстрировал поразительную робость и неуверенность. Казалось, что он стыдится признаться, что оказывал финансовую поддержку Маркову; это меня тем более удивляло, что я в конце 1916 года честно сообщил о своем мнении, что правительство не может обходиться без помощи патриотических партий и должно, следовательно, ассигновать какие-то суммы, чтобы поддержать их. Насколько я мог судить, не было необходимости держать это в секрете, так как в этом деле не было ничего такого, чего стоило бы стыдиться.

Тем не менее Керенский по этому поводу отчитал Протопопова самым оскорбительным образом, как мальчишку. К сожалению, мы были целиком в его власти, и он мог безнаказанно делать что угодно. Он насмехался над

Протопоповым, спрашивал, как он, избранный народом член Думы, может оправдать свои действия по расходованию государственных средств на субсидирование пользующегося дурной славой Союза русского народа, чрезвычайно антидемократического и продемонстрировавшего злонамеренность в своих действиях. Манера, в которой Керенский бранил Протопопова, вызвала у меня такое отвращение, что я, наконец, встал и в весьма категоричном тоне спросил,

необходимо ли мое присутствие для дальнейшего расследования. Когда Керенский ответил, что нет, я попросил солдата, который привел меня сюда, увести обратно в камеру. Так окончился мой первый перекрестный допрос, за которым последовали многие другие.

Раз в неделю заключенным разрешали принимать посетителей, и не могу даже выразить, как сильно я ждал встречи с женой. До первого свидания я не понимал, при каких тягостных обстоятельствах будет происходить разговор, но довольно скоро понял, что наших тюремщиков будет озлоблять любое наше проявление радости. При первом визите жены я, ничего не подозревая, спросил, как поживает мой друг Гвоздев, и совершенно не понял ее замешательства. Она сделала едва заметный знак глазами, и, повернувшись, я увидел прапорщика, стоящего за моей спиной и открыто записывающего слово в слово в свой блокнот наш разговор И только тогда я понял, как опасно упоминать любые имена. Я ужаснулся своей неумышленной неосторожности и пришел в такое замешательство, что вскочил, покинул жену и поспешно вернулся в камеру.

Жизнь в тюрьме тянулась однообразно, так как мы не только были изолированы друг от друга и, конечно, не могли обмениваться мыслями, но у нас не было книг и газет и, следовательно, никакой возможности заниматься умственной деятельностью. Вместе с тем мы были постоянно голодны, так как еды, выдаваемой нам по распоряжению новых тюремных властей, было совершенно недостаточно. Единственным нашим развлечением, если его можно так назвать, были допросы, которым мы подвергались в Чрезвычайной комиссии, занятой расследованием «преступлений», совершенных различными чиновниками при старом порядке

Беспомощность, с которой комиссия выполняла свою работу, была бы довольно забавной, если бы обсуждаемые темы не были так важны и если бы, по крайней мере, комиссия не решала мою судьбу, которая полностью находилась в ее власти. Сначала нас подробно допросили обо всех мельчайших деталях нашей прежней службы; но, очевидно, это не дало ничего, что наши следователи могли бы использовать, потому нам приказали записать свои собственные показания, указав все действия, совершенные нами «против интересов народа». Мне, например, предложили дать отчет обо всех мерах, предпринятых мной для подавления революционного движения, о моем образе действий в еврейском вопросе и о разных других вопросах, с которыми я имел дело по должности. Складывалось впечатление, что новые власти, которые при каждом удобном случае так много говорили

народу о «преступлениях» царских чиновников, на самом деле не имели представления, в каких же преступлениях нас обвинить. И теперь они надеялись, что наши показания помогут найти улики, позволяющие призвать нас к ответу.

Я не знал, как отнестись к столь странному предписанию. Сначала я честно пытался проанализировать свои поступки и много дней и ночей провел в уединении камеры, предаваясь размышлениям и пытаясь вспомнить все распоряжения, которые отдавал по службе. Несмотря на все усилия, я так и не нашел в своей деятельности ничего, что могло бы быть названо «преступлением». Я мог вспомнить, должен признать, упущения и неверные действия, в которых был повинен и которые охотно готов был честно признать в любое время.

Комиссия дала мне на составление «признания» не более двух недель. Но, из-за охватившего меня душевного смятения, я целых пять дней был абсолютно неспособен заставить себя написать хоть что-нибудь. Когда я пытался начать, то меня охватили сомнения, что каждое написанное мной слово будет представлено в неверном свете и истолковано превратно и неправильно Я был совершенно уверен, что целью комиссии отнюдь не является дать справедливое и беспристрастное заключение, напротив, она будет тщательно изучать написанное мной, чтобы найти сведения для выдвижения обвинений против меня и других официальных лиц. А поэтому я совершенно не стремился дать моим обвинителям сведения, которые они требовали.

В конце концов я решил правдиво описать мою длительную службу в Департаменте полиции. Поэтому я начал с изложения моего понимания своих обязанностей, характера обращения с подчиненными и с прошениями, поступающими ко мне. Затем я предельно подробно описал меры, используемые мной против революционных организаций, которые, по моему мнению, вели разрушительную деятельность, стремясь не к процветанию России, а только к достижению собственной выгоды. Я дал также полный отчет о различных задачах и обязанностях полиции и о сферах деятельности каждой из служб, находящихся в подчинении главы Департамента полиции

За время, в течение которого я работал над этим документом, меня несколько раз вызывали на допрос. Мне задавали самые поразительные вопросы, и весь характер этого действа усиливал возникшее у меня в самом начале чувство, что комиссия не особо заинтересована в расследовании подлинных проступков бывших высокопоставленных чиновников, но, чтобы любой ценой создать «преступления», обращает внимание на самые бессмысленные и

глупейшие слухи Например, как-то меня спросили, правда ли, что когда я был вице-директором Департамента полиции, я говорил по телефону с тогдашним своим начальником Белецким. Естественно, я отвечал, что не знаю, о каком разговоре идет речь. Тогда глава комиссии после колебания и с явным нежеланием ответил мне, что комиссия расследует дело депутата Думы Малиновского. Теперь я понял, о каком телефонном разговоре шла речь.

Для того чтобы стало ясно, о чем идет речь, я должен пояснить, что Малиновский, член большевистского центрального комитета, в 1910 году попал в руки Московского охранного отделения. Так как его выдающийся ораторский дар и организаторские способности были хорошо известны, глава охранного отделения попытался завербовать Малиновского и достиг успеха: он согласился сотрудничать с Департаментом полиции в качестве секретного сотрудника. Чтобы избежать подозрений, его еще некоторое время держали под арестом, а затем освободили под предлогом отсутствия убедительных улик против него. С этого времени Малиновский регулярно давал информацию о деятельности социал-демократической партии, и доставляемые им сведения были, как правило, достоверными и полезными. Когда он был впоследствии избран в Государственную думу, ценность его сотрудничества, конечно, увеличилась. Затем директору Департамента полиции Белецкому пришла в голову остроумная мысль осуществить с помощью Малиновского смелую политическую акцию.

Малиновский спровоцировал яростный спор в социал-демократической фракции Думы и так искусно направлял его, что последовал раскол, который вызвал тогда смятение и ужас среди социалистических лидеров по всей Европе.

Однако, когда Белецкий впоследствии оставил пост директора Департамента полиции, его преемник не стал поддерживать отношения с Малиновским, и тот в результате лишился пятисот рублей в месяц, что, естественно, вызвало у него сильное недовольство Поэтому он обратился к Белецкому с просьбой походатайствовать за него перед новым директором

Департамента полиции и порекомендовать, чтобы его восстановили в прежнем положении{147}. Эту просьбу Белецкий переадресовал мне, и она послужила темой телефонного разговора, к которому Следственная комиссия проявила такой интерес.

Роль, которую я играл во всем этом деле, была очень простой: от имени Белецкого я поговорил с Трусевичем о Малиновском{148}. Мое вмешательство, однако, ни к чему не

привело, и прошение Малиновского было отклонено. Тогда он уехал за границу, где нашел новых покровителей в лице Ленина и Зиновьева. Когда Бурцев обвинил его в контактах с Департаментом полиции, суд, учрежденный большевистской партией для расследования дела, оправдал его. С того времени, как он покинул Россию, немцы использовали Малиновского для организации революционной пропаганды среди русских военнопленных, содержащихся в немецких лагерях. В дальнейшем после большевистской революции Ленин настоял на расстреле Малиновского, когда тот вернулся в Россию.

Я кратко изложил Чрезвычайной следственной комиссии все факты, известные мне об этом деле, и допрашивать меня по поводу Малиновского прекратили. В чем была истинная причина нового «расследования» этого давно забытого и, по сути, пустякового дела, я так никогда и не мог понять.

Через некоторое время после этого я опять был вызван на допрос. На этот раз председатель комиссии, мрачно глядя на меня, передал мне документ, о котором я должен был рассказать все, что мне известно. Это была старая записка, присланная предводителем дворянства Симбирской губернии и адресованная министру внутренних дел Протопопову. В ней выражалось недовольство нарушениями закона, допущенными начальством губернского жандармского управления. Вначале я не мог понять, какова цель комиссии, проявившей интерес к этому совершенно незначительному делу, но мне указали на написанное Протопоповым синими чернилами слово «чепуха». На этом факте «следователи» основывали обвинение в «пренебрежении обязанностями», выдвинутое против министра, который, по их мнению, проигнорировал сообщенную ему информацию о нарушениях в жандармском управлении.

Бегло просмотрев документ, я сразу же полностью отверг это обвинение. Я обратил внимание следователя на важное обстоятельство, а именно на две буквы «ДП», написанные рядом со словом «чепуха» на документе, которые в принятом министром внутренних дел сокращении значили: «Должно быть передано на рассмотрение в Департамент полиции». Поэтому, несмотря на то что Протопопов считал, что данная жалоба безосновательна, он тем не менее не пренебрег обязанностью направить ее в Департамент полиции, с тем чтобы ее официально проверили. На самом деле этот документ попал ко мне, и я, проведя необходимое расследование, написал на нем окончательную резолюцию, кстати, полностью подтверждающую мнение Протопопова: претензии на самом деле были ерундой.

Следователь пришел в замешательство, когда я представил

это поразительное доказательство того, что ни министр, ни его подчиненные не виновны в пренебрежении служебными обязанностями. Было совершенно очевидно, что это связано с тем, что еще одна надежда комиссии внезапно угасла.

Не менее характерен для бессмысленности всей деятельности Следственной комиссии был мой допрос 8 апреля, который я запомнил почти дословно и изложу здесь, чтобы читатель мог сам составить представление о предельно пустом и бесполезном судебном процессе над нами.

После того как я предстал перед комиссией, один из ее членов попросил меня описать, какая система использовалась для телеграфного сообщения с зарубежными странами и Ставкой. Я отвечал, что, насколько я знаю, между Министерством внутренних дел и армейским командованием была прямая связь, но что я не вполне уверен в этом. А что касается своих зарубежных подразделений, то министерство всегда использовало для сношения с ними шифрованные телеграммы.

— Это означает, — сказал председатель комиссии, преисполненный собственной важности, — что Департамент полиции не имел прямой связи с другими странами?

— Нет, — отвечал я, — наши телеграммы шифровались и отправлялись через почтовое отделение № 35, размещавшееся в нашем помещении. Что происходило с телеграммами потом, мне неизвестно, но я допускаю, что почта отправляла их, как и все прочие.

Затем председатель спросил меня, знал ли я что-нибудь о связях Протопопова и некоего Карла Перрена. Я отвечал в полном соответствии с истиной, что Перрен был знакомым Протопопова, которому тот однажды послал телеграмму.

— Я думаю, — добавил я, — что Перрен просил у Протопопова разрешения на въезд в страну, но Департаментом полиции была наведена справка по поводу Перрена, что дало нежелательный результат, так как оказалось, что военные власти подозревали его в шпионаже.

Тогда меня спросили, помню ли я, когда это было.

— Думаю, в ноябре, — ответил я, — но не могу сказать точно. В любом случае, справка *была дана,* и Протопопов получил всю информацию о Пер-рене. Через две недели или немного позже Перрен снова прислал телеграмму Протопопову, с еще одной просьбой о разрешении на въезд в страну. По просьбе Протопопова мы сочинили вежливый отказ, и Протопопов сам лично послал его телеграммой.

Это было все, что я знал о деле Перрена. Затем председатель комиссии пожелал узнать, существовал ли в Департаменте

полиции специальный отдел, занимающийся делами о шпионаже. Я ответил, что нет. Один из членов комиссии спросил меня, что я знаю об учреждении «Датского кабеля», на что я правдиво ответил, что не имею ни малейшего представления, о чем идет речь. На этом допрос, как и предшествовавшие, завершился — классический пример полной пустоты и бесполезности деятельности комиссии. Затем мне разрешили вернуться в свою камеру{149}.

Глава XX

Дни страха. — Ожидание катастрофы. — Июльское восстание большевиков. — Временное правительство ищет моей помощи в борьбе против Ленина. — Мое «преступление» раскрыто. — Бессмысленные обвинения. — Моя защита

Впервые дни июля 1917 года мы, заключенные, заметили, что в городе происходит что-то необычное. Офицеры и солдаты в крепости пребывали в состоянии нервного возбуждения, которое мы не могли понять; и очень скоро обычные еженедельные визиты наших родственников были отменены.

Однажды мы услышали с той стороны реки, из города выстрелы из винтовок и пулеметную стрельбу, и так как мы все еще не понимали, что происходит, то часами изводили себя, строя самые фантастические теории.

Конечно, вначале я полагал, что это восстание верных сторонников царской власти против республиканского правительства. Я очень желал этого в интересах России, но наше положение в подобном случае только усугубилось бы, так как мы находились в тюрьме в руках революционеров. И тем не менее я всем сердцем надеялся, что схватка за стенами тюрьмы закончится победой монархистской партии. Однако по некоторым намекам охранников я вскоре понял, что это не восстание монархистов, а мятеж в лагере самих революционеров. Никаких подробностей мы не смогли узнать, несмотря на все усилия.

Все разговоры с тюремной охраной вновь были строго запрещены, но, находясь в состоянии нервного возбуждения, я не мог долее выносить напряжения и спросил у солдата-охранника, когда он вошел в мою камеру, что происходит и чем объясняется продолжающаяся перестрелка, которую я вполне отчетливо слышал через открытое окно. Услышав мой вопрос, солдат усмехнулся, смерил меня взглядом и сказал, что в городе все спокойно. Дав мне столь лживый ответ и только заставив волноваться еще сильнее, он закрыл за собой дверь и несколько часов не появлялся.

Только поздно ночью мне удалось немного поспать, но вскоре я вновь проснулся, услышав в коридоре торопливые шаги явно очень возбужденных людей. В состоянии, близком к нервному срыву, я прислушивался к каждому звуку, и моя паника достигла предела, когда я услышал, как кто-то около двери моей камеры спросил: «Зарядили револьверы?» Часовой ответил утвердительно, тогда неизвестный прошептал: «Если они войдут в

крепость, никого из заключенных не оставлять в живых». Можете себе представить мое состояние, когда я услышал эти слова. Я понял, что жизнь наша висит на волоске, и хуже всего было то, что я до сих пор не знал, кто может штурмовать крепость. В состоянии безнадежного отчаяния и готовый к любому исходу, я торопливо написал прощальную записку жене, так как ожидал, что в любую минуту меня может настигнуть зловещий конец.

Эта нервозная ситуация продлилась три дня, и просто чудо, что никто из заключенных не потерял рассудок при таком напряжении. И только 7 июля все успокоилось и стрельба прекратилась. Опять тюремный врач стал совершать обход камер, и родственникам разрешили возобновить визиты.

Прошло немало времени, пока я не узнал все подробности происходивших в те ужасные для меня дни событий. Трус Керенский, несмотря на свои разглагольствования, не смог во все эти месяцы «правления» Россией набраться смелости, чтобы арестовать большевистских лидеров; напротив, он пассивно наблюдал, как они постоянно усиливали свое влияние на деморализованную армию. Прискорбный провал предпринятого Временным правительством наступления в Галиции еще больше подорвал его авторитет, который и так был невысок; и, как следствие этого, в начале июля большевики предприняли первую попытку вооруженного восстания. Некоторые части, которые должны были из Петрограда отправиться на фронт, категорически отказались делать это и устроили митинг, где Троцкий подстрекал их к восстанию против Временного правительства. Солдаты и вооруженный народ опять овладели улицами и предприняли шумную демонстрацию перед Таврическим дворцом, громко требуя отставки Временного правительства и объявления диктатуры Советов.

Матросы и солдаты Кронштадта, весьма радикально настроенные, сразу же походным порядком отправились в Петроград, где Ленин, расположившийся в бывшем дворце балерины Кшесинской, устроил им военный парад. То, что Временное правительство полностью утратило власть, наглядно продемонстрировал тот факт, что кронштадтские матросы хотели расправиться с Черновым, министром сельского хозяйства, лидером партии эсеров, который своей речью пытался успокоить их Чернов обязан своей жизнью исключительно вмешательству Троцкого, посчитавшего нужным помешать толпе, чьи страсти он сам же распалил, призывая не проливать кровь, что может вызвать слишком сильный ужас.

Это чудо, что Временному правительству удалось победить большевистское восстание, главным образом потому, что

некоторые подразделения казаков неожиданно остались верными правительству и выступили против плохо организованных отрядов мятежников.

Насколько опасным было наше положение в те дни, я узнал много позже, а именно что Петропавловская крепость была тоже захвачена матроса-ми-большевиками из Кронштадта. Но в те часы, когда напряжение достигло предела, никто не объяснил нам, что происходит, и мы ожидали худшего. Однако в ночь с 5 на 6 июля правительство одержало победу, и вскоре после этого матросы в крепости тоже вынуждены были капитулировать.

Мне все еще ничего не было известно об этих событиях, когда несколькими днями позже меня вызвали в канцелярию тюрьмы Там меня встретил следователь, который спросил неожиданно приветливым тоном: «Вы были последним главой Департамента полиции и можете поэтому помочь правительству понять некоторые важные вопросы. В связи с этим я предлагаю вам высказать свое мнение об инциденте, произошедшем с третьего по пятое июля».

Такое обращение несколько удивило меня. Я отвечал, что не имею ни малейшего представления, что *случилось* в эти дни. Тогда следователь вкратце объяснил мне, что большевики подняли мятеж в столице, но правительство полностью подавило его силами армии. Снабдив меня этой информацией, он дал ясно понять, что имел в виду, предложив сообщить ему со всеми возможными подробностями данные о большевистских лидерах и их предательской деятельности, которые стали мне известны во время службы директором Департамента полиции.

Таким образом, я временно из арестованного подозреваемого превратился в советника Временного правительства, что даже в нашем серьезном положении немало забавляло меня.

Керенского и его шайку я ненавидел всей душой, и у меня не было никакого желания поддерживать их имеющейся в моем распоряжении информацией, приобретенной на службе в полиции, но в данном случае я счел возможным выполнить просьбу. Я знал, что по сравнению с большевистской опасностью Временное правительство было куда меньшим злом, и поэтому решил поделиться со следователем всем, что знал о Ленине, Троцком, Зиновьеве и других лидерах большевистской партии. Я также обратил внимание правительства на обширную информацию об этих лицах, которую можно найти в секретных архивах Департамента полиции, — я предполагал, что хранящиеся там документы избежали уничтожения во время Февральской революции

С моей стороны было бы довольно наивно ждать от такого

поворота событий принципиального улучшения моего положения. Несмотря на уважительное отношение в течение нескольких дней, я оставался, как и раньше, подследственным, и дальнейшее развитие событий доказало, что я был совершенно прав. Потому что, как только Временное правительство почувствовало, что угроза большевистского восстания миновала, славной памяти Чрезвычайная следственная комиссия возобновила свою деятельность.

В дни июльских беспорядков правительство посчитало необходимым прибегнуть к моей помощи. Но уже к 1 августа комиссия наконец с большим трудом обнаружила то «преступление», в котором я был виновен во время службы и за которое теперь меня призвали к ответу. В этот день я был вызван для допроса следователем Иодловским, который торжествующе объявил, что теперь я являюсь уже обвиняемым: комиссия обвиняла меня, с одной стороны, в пренебрежении служебными обязанностями, а с другой — в злоупотреблении властными полномочиями.

Естественно, я сразу же постарался выяснить, на чем основывается это странное двойное обвинение; первая его часть явно вступала в противоречие со второй. Когда я прямо спросил об этом, вот что ответил Иодлов-ский. В конце 1916 года я рассылал губернаторам, градоначальникам и начальникам жандармских управлений циркуляры, в которых обязывал их найти, когда и где печатались прокламации к 9 января, годовщине первой русской революции. Эти циркуляры содержали также предписание, чтобы были своевременно приняты все необходимые меры для предотвращения возможных демонстраций, а если необходимо, то следовало подавить их с помощью армии.

Вы поймете мое изумление, когда мне поставили в вину этот циркуляр. По моему глубокому убеждению, я просто выполнял свои обязанности, предпринимая шаги для сохранения порядка, поэтому я напрямик спросил, считает ли комиссия, что я должен был безразлично реагировать на антиправительственные демонстрации. Полученный мной ответ, однако, очень быстро убедил меня, что понимание комиссией служебных обязанностей главы российской полиции при царском режиме было слишком странным, чтобы давать какое-либо рациональное объяснение таким обычным для нас вещам. Поэтому со всем возможным смирением и спокойствием я оставил попытки объяснить этим господам, насколько нелогична их позиция.

Во время следующих допросов становилось все более и более очевидным, что основным «преступлением», в котором

обвинялись руководители полиции и Корпуса жандармов, было наше сотрудничество с секретными агентами внутреннего наблюдения. Комиссия пыталась теперь истолковать этот метод расследования преступлений как злоупотребление служебными полномочиями.

Аргументы, при помощи которых комиссия пыталась обосновать эту точку зрения, были столь же просты, сколь ребячески несерьезны. Царское правительство использовало информацию, полученную от членов подпольных политических организаций, а в обмен за их услуги эти секретные агенты не только получали денежное вознаграждение, но и гарантированную защиту от ареста. Именно на этом факте наши враги основывали обвинение в злоупотреблении нами служебными полномочиями. Дело в том, что, по утверждению комиссии, полиция была обязана передать своих агентов в руки судебных властей, так как участие в запрещенных организациях делало их ответственными перед законом. Нежелание добиваться надлежащего наказания агентов было расценено комиссией как «пренебрежение служебным делом» с нашей стороны, тогда как те же самые следователи интерпретировали использование агентов для сбора информации как «злоупотребление служебными полномочиями».

Эта нелепая софистика, конечно, не выдерживала никакой критики из-за отсутствия элементарной логики. Но люди, которые нас судили, были твердо намерены обвинить нас любой ценой в каком-нибудь преступлении и, не имея чего-либо лучшего, использовали эту абсурдную интерпретацию закона как основу для выдвижения обвинений против нас.

Естественно, я отвечал, что служба внутреннего наблюдения создана отнюдь не мной, а много лет назад и что, кроме того, ни одна полиция в мире не способна выполнять свою работу, не используя осведомителей. Далее я указал, что гарантированная свобода от наказания является одним из первых условий, на которых революционеры соглашаются стать секретными сотрудниками, и следовательно, они никогда не согласятся на сотрудничество, если это условие не будет выполнено. Но когда стало очевидно, что комиссия ни в малейшей степени не склонна согласиться с моими утверждениями, более того, то, что я занимал пост директора Департамента полиции, само по себе считалось преступлением, я отказался от дальнейших попыток самозащиты и решил сделать это позже, за границей, в своих мемуарах.

Я был обвинен также в том, что арестовал знаменитый Военно-промышленный комитет Гучкова и разрешил почтовую

цензуру. В обоих случаях мне приписывали превышение служебных полномочий. Как я уже говорил, я обязан своей информацией о предательской деятельности Рабочей группы в Военно-промышленном комитете некоему Абросимову, и главный пункт обвинения состоял в использовании сведений, полученных таким способом, что было приравнено к «превышению служебных полномочий». Что касается цензурирования писем, то я сообщил судьям, что оно было учреждено по распоряжению Царя, и следовательно, Департамент полиции не может отвечать за это.

После бесчисленных допросов комиссия, по-видимому, пришла к выводу, что не может предъявить мне серьезных обвинений, так как было решено наконец выпустить меня из тюрьмы под залог большой суммы денег. Однако на самом деле я был переведен из крепости в другую тюрьму.

Глава XXI

Некоторые приятные воспоминания о моем заключении. — Добрые охранники. — Революционер против своего желания. — Другая сторона медали: во власти убийцы. — Освобождение из крепости. — Большевистская революция. — Бегство Следственной комиссии. — Наконец свободен. — Злоключения в Киеве. — Гонимый роком. — Предложение от ЧК. — Носильщик на вокзале в Париже. — Настроения среди русских эмигрантов

Мне не хотелось бы кончить свои воспоминания о времени, проведенном в качестве заключенного Петропавловской крепости, не сказав несколько слов и о приятных впечатлениях, полученных там.

Без сомнения, солдаты, из которых состояла наша охрана, были по большей части грубыми и жестокими людьми, отравленными своей новоприобретенной властью над заключенными и желающими только дать волю своей ненависти к старому режиму. Тем не менее среди них находились и добросердечные парни, которые своими небольшими дарами чая, сахара и сигарет или даже несколькими добрыми словами много раз вселяли мужество в наши исстрадавшиеся сердца.

Трудно допустить, что устроенная Следственной комиссией многомесячная пытка, с бессмысленными унижениями на допросах, не повлияла бы на состояние наших нервов. Я часто возвращался в свою камеру после такого сурового испытания совершенно опустошенным и падал на кровать в полном отчаянии, сжимая руками голову. Иногда в это время открывалась дверь, и простой солдат заходил, чтобы ободрить меня. Добрым, простым крестьянским языком он уговаривал сохранять мужество и не оставлять надежды, а терпеливо ждать, пока все эти беспорядки, которые называют «революцией», закончатся сами по себе.

С искренней благодарностью я вспоминаю о трогательном отношении к нам, пленникам, со стороны одного из наших охранников — эстонского солдата по фамилии Мейслинг. Он всегда был славным, веселым и внимательным, и это, в сочетании с его ограниченным запасом русских слов, часто трогало меня, и, смею сказать, многие мои товарищи по несчастью испытали его благотворное влияние, выводящее нас из глубокого уныния, которое, когда мы были предоставлены сами себе, нередко было сильнее того, что мы могли вынести.

И малоросс, который часто приходил в мою камеру, тоже был

очень трогательным. Он дружески рассказывал мне, что однажды, при царском строе, он сам провел долгие месяцы в провинциальной тюрьме и поэтому очень хорошо знает, как чувствует себя заключенный, особенно в одиночной камере. Он любезно предложил мне, если я почувствую себя слишком подавленным, постучать в дверь камеры и позвать его. И действительно, если я звал его, он сразу же приходил ко мне и часами вел со мной дружеские разговоры на общие темы, так как, конечно, правила запрещали все разговоры о текущих политических событиях.

Однажды — это было в воскресенье летом — он вежливо постучался в дверь моей камеры, вошел и сказал, что только что получил письмо из дома и не знает, что ответить. Не мог бы я вчерне написать ответ? Он прочел письмо вслух. Родственники горько жаловались, что местная и судебная власть сейчас захвачены евреями. Как ни хотелось мне исполнить просьбу солдата и продиктовать ответ, я подумал, что благоразумнее воздержаться от этого: в эти беспокойные дни нельзя быть уверенным, что повлечет за собой этот, на вид совершенно невинный, но все же неосмотрительный поступок. Я объяснил солдату, что слишком мало знаю о ситуации, чтобы сформулировать свое мнение по этому делу, а следовательно, не могу дать ему никакого дельного совета.

Самым приятным из наших надзирателей был моряк, в свое время прикомандированный к Корпусу жандармов, чье имя, к сожалению, стерлось из моей памяти. Он был симпатичным, умным и необычайно хорошо образованным молодым человеком, выделявшимся своим добрым, вежливым отношением к заключенным. С течением времени у него появилась привычка беседовать со мной о политических вопросах общего характера, что явно нарушало тюремные правила. Его рассуждения по этому вопросу были очень продуманными, и он никогда не защищал социалистическую точку зрения, давая таким образом понять, что является революционером против своей воли.

В основном стрелковая часть, охраняющая крепость, недружелюбно относилась к нам, но один солдат даже в этом подразделении выказывал доброе отношение. Если появлялась возможность, он снабжал нас сигаретами, а только тот, кто провел в тюрьме некоторое время, способен понять, как много значит сигарета для поднятия духа!

Нужно признать, что среди наших надзирателей было несколько весьма неприятных людей. Худшим был Куликов, грубый, дегенеративный парень с лысой головой и холодными глазами, почти как у зверя. Он явно принадлежал к

криминальному типу, и я не сомневался, что раньше он часто имел возможность близко познакомиться с жизнью в царских тюрьмах, конечно, не как надзиратель, а как заключенный. Он внушал мне сильнейшее отвращение, и я с ужасом ждал день, когда он должен был дежурить в нашем коридоре. Насколько обоснованы были эти чувства, стало очевидным несколько месяцев спустя, сразу после большевистской революции. Куликов был одним из тех четырех людей, которые в январе 1918 года захватили больницу на Литейном и зверски задушили Кокошкина и Шингарева — двух заключенных кадетов (т.е. умеренных республиканцев), министров в правительстве Керенского.

Другим человеком, который также оказался очень неприятным, был прапорщик Преображенского гвардейского полка, который исключительно грубо вел себя не только с нами, заключенными, но даже с собственными товарищами. Он очень любил шуметь, хлопая дверями и с топотом проходя по коридорам крепости, громогласно отдавая обычные распоряжения.

6 сентября 1917 года я был наконец переведен из Петропавловской крепости в одиночное заключение в другой тюрьме, где скоро попал в больницу. Там я провел следующие два месяца. По сравнению с суровыми условиями жизни в крепости тюремная больница оказалась значительно более комфортабельным местом, и, находясь там, я намного меньше страдал от приступов глубокой апатии, которая столь часто овладевала мной ранее.

Пока я лежал в тюремной больнице, 25 октября разразилась долго собиравшаяся большевистская революция. Славному правительству Керенского нужно было без шума справиться с большевиками еще в июле, а так оно пало теперь за несколько часов. На этот раз восстание было организовано лучше, и, кроме того, ни один полк петербургского гарнизона не выступил на стороне так называемого правительства. Троцкий сумел без посторонней помощи привлечь гарнизон Петропавловской крепости на свою сторону: он просто обратился к занимавшему крепость полку с речью, столь же беспринципной, сколь и эффективной, призывая к восстанию. Этот удар практически решил судьбу столицы, так как в крепости революционные солдаты и рабочие нашли запасы оружия и амуниции, в которых нуждались.

Как только ситуация стала опасной, Керенский бежал из города на машине, якобы для того, чтобы обратиться за помощью к Ставке, а на самом деле с целью найти убежище для своей драгоценной персоны. Победа большевиков была предрешена еще

до конца дня, и они, не теряя времени, провозгласили власть Советов.

Следственная комиссия, от которой зависела наша судьба, немедленно разбежалась, так как большинство ее членов имели большие или меньшие основания опасаться ареста от рук большевиков Мы, царские министры и чиновники, оставались, однако, по-прежнему пленниками, единственное отличие состояло в том, что теперь вместо Временного правительства большевики считали себя вправе судить и карать нас за «преступления». Так что у нас были все основания для беспокойства, когда мы думали о будущем.

Наше положение не улучшалось, пока левое крыло эсеровской партии не вступило в коалицию с большевиками и не делегировало своих представителей в советское правительство. Эсер Штейнберг возглавил Народный комиссариат юстиции, так что наша судьба была теперь в его руках. То ли Штейнберг не лишен был чувства справедливости, то ли у него были веские политические причины для защиты нас от того кровавого режима, который ввела ЧК, но он оказался способен внять рациональным доводам и распорядился освободить нескольких бывших царских чиновников за значительные суммы залога{150}. С другой стороны, министры свергнутого правительства Керенского теперь заменили нас в качестве козлов отпущения, и большевики обходились с ними так же, как ранее они обходились с нами.

Когда я находился в тюрьме, моя жена не бездействовала. Она засыпала большевистских чиновников просьбами и ходатайствами в мою защиту, пока, наконец, не убедила Комиссариат юстиции освободить меня под залог в десять тысяч рублей.

Затем последовало трудное и опасное время, в течение которого я не знал, в какой день меня внезапно посетят агенты ЧК, посланные своим начальником Дзержинским арестовать меня. Каким-то чудом участь, которая в то время постигла многих моих коллег, миновала меня, и я спокойно прожил в Петербурге до июля 1918 года, когда воспользовался представившейся возможностью и покинул столицу, где становилось слишком опасно. Украина, находившаяся под защитой Германии, объявила о независимости от России, и родившиеся на территории этой новой республики теперь считались в Советской России иностранцами. Благодаря тому, что я впервые увидел свет в Киеве, я смог претендовать на украинское гражданство и уехать с женой в этот город.

После прибытия моим первым делом было найти подходящую работу, которая давала бы средства к

существованию, и я был очень рад, когда гетман Скоропадский предложил мне пост в Киевском апелляционном суде Я думал, что обрел новую сферу полезной деятельности и новую, относительно устойчивую основу, на которой можно заново строить свою жизнь. На самом деле, однако, мои испытания только теперь и начинались.

Правление гетмана Скоропадского оказалось весьма краткосрочным, так как Антанта скоро нашла возможность противопоставить этому прогермански ориентированному диктатору собственного ставленника, Симона Петлюру, который, располагая огромными деньгами, скоро приобрел множество сторонников. Немецкие войска, вначале бывшие главной опорой гетмана, теперь, деморализованные Советами, заняли нейтральную позицию, так что Петлюра смог войти в Киев уже 14 ноября 1918 года.

Если для россиян я стал украинцем, то при Петлюре я немедленно превратился в «москаля», а это значило не только потерю службы, но почти полное лишение всех прав. В то же время я оставался в Киеве, так как в тот момент не видел никакой возможности уехать оттуда.

Но правление Петлюры тоже было краткосрочным. Уже в начале февраля он бежал от большевистской армии, которой командовал изменник генерал Клембовский. Это был конец его карьеры на Украине, после чего он жил в Париже, пока не был убит в 1926 году еврейским фанатиком по фамилии Шварцбарт.

Перед приходом большевиков в Киев я сумел при помощи преданных друзей бежать из города и направился к венгерской границе Я приехал в Венгрию, не имея ничего, кроме одежды на себе, так как все, чем я располагал, осталось в Киеве.

Но можно подумать, что меня преследовал неумолимый рок, так как не успел я обосноваться в Будапеште, как и тут началось большевистское восстание, и Бела Кун установил свое террористическое правление. Я был вынужден продолжить свое бегство и поехал в Прагу, где мой брат, который в то время работал в Пражском университете, смог дать мне временное пристанище.

Затем я переехал в Берлин. Прожив там недолгое время, я перебрался в Мюнхен, в тщетной надежде, что правительство Баварии, которое незадолго до этого свергло власть, близкую по характеру к власти в советской России, и все еще боролось против большевистских эмиссаров из России, будет нуждаться в моих услугах. Но все мои попытки встретиться с мюнхенскими чиновниками не дали результата.

С другой стороны, ко мне как-то обратился человек из

Берлина. Он был эмиссаром ЧК и оказал мне честь, предложив стать шпионом большевистского правительства. Размер предложенного мне аванса был весьма значительным, но я редко в своей жизни чувствовал такое удовлетворение, какое испытал, спустив этого господина с лестницы.

После этого мне и моей жене пришлось пережить очень тяжелые времена. Обесценение немецкой марки заставило нас уехать из Германии, и поскольку по случаю визита Пуанкаре в Петербург в 1913 году я получил знак отличия Почетного легиона, я теперь лелеял надежду найти убежище во Франции. Поэтому мы обратили свои взоры к Парижу, где некоторое время мне позволено было зарабатывать восемнадцать франков вдень, присматривая за багажом на вокзале Сен-Лазар.

Однако в один прекрасный день высокие власти обнаружили, что я иностранец, и мне пришлось покинуть эту исключительно прибыльную работу, уступив ее прирожденному французу. Моя жена в это время нашла работу мойщицы флаконов на парфюмерной фабрике. Это была удача. Что касается меня, то я в буквальном смысле слова мог умереть с голода на улице, если бы мне не удалось найти убежище в «Русском доме», содержимом филантропически настроенной юной английской леди в Сен-Женевьев-де-Буа{151}, где я и проживаю по сей день.

Но, как бы трудно и несчастливо ни было мое собственное положение, я был значительно более обеспокоен ситуацией, в которой очутились мои товарищи по несчастью, с которыми я встретился здесь, в Париже, и чьи воспоминания о событиях последних лет производили ужасающее впечатление. Поведение господина Милюкова не вызывало у меня удивления. В конце концов, его сожаления о падении Российской империи были, без сомнения, минимальными, и когда в 1921 году, после поражения Врангеля, Милюков и его сторонники официально объявили о своем решении отказаться от любых попыток противостоять большевикам с помощью армии, этого и следовало ожидать. Но меня значительно больше расстраивало то обстоятельство, что он нашел так много сторонников среди эмигрантов, когда совершил этот акт предательства по отношению к русской идее, и что не нашлось ни одного мужественного человека, чтобы указать Милюкову его место.

Этот случай еще раз доказал, как сильны и глубоки связи между русской интеллигенцией и революционным хаосом и как незначительно, в конце концов, интеллектуальное отличие нынешних правителей Кремля от их буржуазных предшественников. С самого начала интеллектуализм русских «либералов», абсолютно чуждый национальному духу и

порожденный иностранными влияниями, был губителен для Российской империи, и вполне логично, что интеллигенция, сейчас живущая за границей, вновь предает интересы своей страны.

Но я должен засвидетельствовать, что во время моих скитаний по Западной Европе и, наконец, во время моего пребывания в Париже мне встречалось множество честных, преданных сторонников старого режима, людей, которые поклялись вынести все тяготы и лишения и даже готовы были скорее умереть, чем скомпрометировать себя связью с большевиками и покорно принять установившиеся в России порядки.

Больше того, я даже встречал людей, в свое время выступавших против царской власти и, следовательно, действовавших против меня, которые поняли, как ошибочны были их революционные идеи, как мало от этой революции получили русские люди, какой страшной и гибельной она оказалась. Разве не показательно, что Петр Струве, отец русского марксизма и наставник Ленина, сейчас раскаялся, отрекся от своих взглядов и признал Великого князя Николая Николаевича законным правителем России? Как далеко этот человек, открыто признающий свои заблуждения, ушел от тех якобы патриотов, которые не имели смелости сделать из событий последних десяти лет единственно возможный вывод и откровенно примкнуть к монархистской идее!

Глава XXII

Царский носовой платок. — Ложные представления об Охране, распространенные за границей. — Настоящий смысл ссылки в Сибирь. — Гуманное обращение с политическими заключенными в старой России. — Охрана и ЧК. — Как большевики вводят в заблуждение зарубежных гостей. — Бурцев рекомендует восстановить Охрану. — Неудавшаяся вербовка

Однажды в царской России, когда был основан Отдельный Корпус жандармов, генерал Бенкендорф, только что назначенный командующим этим подразделением, обратился к Императору Николаю I и попросил дать ему инструкции. Вместо того чтобы дать формальный ответ, монарх достал белый носовой платок и передал его графу со словами: «Вытирайте слезы несчастных. Пусть Ваша совесть и совесть Ваших подчиненных всегда будет незапятнанной, как этот платок!»

Политическая полиция в царской России, начиная с этого времени, всегда действовала в соответствии с высокими словами правителя, и хотя Российская империя, как любое другое государство, должна была защищать себя от происков враждебных сил, методы борьбы Охраны с политическими противниками ничем не отличались от методов, принятых в других странах.

Надо признать, что с самого начала российская полиция столкнулась со значительно более сложной задачей, чем полиция любой западноевропейской страны. Я не имею в виду, что русскими людьми труднее управлять или что все учреждения империи могли действовать, только опираясь на силу. Но в то время как в Англии, Франции и Америке образованные классы населения в прежние времена всегда были истинными патриотами и защищали национальные институты, в России, к сожалению, дело обстояло иначе, по крайней мере с начала XIX века.

Идеи, заимствованные из-за рубежа и неправильно истолкованные, с давних пор распространились среди образованного класса в России, заполнив умы ложными представлениями. Вместо того чтобы учесть, что ситуация в нашей стране совершенно отличается от западной и что механическое перенесение в Россию европейского понимания свободы не может принести ничего, кроме вреда, так как все эти идеи возникли в совершенно других условиях и совершенно чужды духу российской нации, интеллигенция сразу же

приступила к переделке России по образцам западных теоретиков. И в соответствии с этими взглядами первоочередной задачей она считала полное уничтожение всего, что цари совместно с их советниками и слугами старательно создавали веками.

Перед лицом постоянных попыток подорвать порядок в государстве царские власти проявляли слишком большую терпимость; и если можно упрекнуть их за уклонение от своего долга, то только потому, что они считали ниже своего достоинства и пренебрегали обязанностью информировать людей за рубежом о реальной обстановке в России. Поэтому общественное мнение Запада целиком зависело от милости тех поставщиков ложной информации, которые стремились способствовать распространению собственных заблуждений посредством упорной и, увы, слишком успешной пропаганды. Иначе совершенно непостижимо, что до сегодняшнего дня в Европе и Америке все еще распространены совершенно ошибочные и искаженные представления о том, как в действительности обстояли дела под властью царей.

Какое непонимание вызвала только одна вещь — используемая в России практика высылки преступников в Сибирь! Множество раз я встречался с образованными людьми в Германии, которые со всей серьезностью утверждали, что «ужасы Сибири» морально оправдывают революцию.

Что же это за явление, ассоциирующееся с «ужасами»? Прежде всего нужно твердо заявить, что к тяжелому труду в рудниках приговаривали только тех преступников, которые в других странах подвергались смертной казни. Дело в том, что в нашей «отсталой» России высшая мера наказания была давно отменена для обычных преступников и заменена ссылкой в Сибирь. Единственным преступлением, карающимся смертью, было убийство или покушение на убийство члена Императорской семьи, и даже для таких преступников, которых, к сожалению, было слишком много, приговор достаточно часто заменяли ссылкой.

Когда за границей слышали о каторжниках на сибирских рудниках, то полагали, что речь идет о политических заключенных. Но они, как правило, подвергались простой «административной высылке», и подобное наказание, являвшееся не чем иным, как средством самозащиты государства от своих врагов, ни в каком смысле не носило того трагического смысла, который люди на Западе вкладывали в понятие «ссылка в Сибирь». Эта «административная высылка»{152} просто означала, что человек обязан в течение некоторого времени жить восточнее

Уральских гор; без разрешения властей он не мог покинуть этот регион, но внутри него он передвигался совершенно свободно. Кроме того, если учесть, что места, в которые ссылались политические заключенные, располагались по большей части в регионах с достаточно благоприятным климатом и что ссыльным разрешалось поддерживать отношения между собой, читать, писать и продолжать заниматься своим делом, то мы придем к выводу, что эта система, которой придерживалась царская Россия для временного удаления самых опасных противников, должна считаться весьма гуманной.

Достаточно указать на то, что почти все люди, пришедшие в России к власти после революции, в свое время были сосланы в Сибирь. Только один этот факт показывает, как мало это наказание в действительности подействовало на тех, кому было предназначено. Никто даже серьезно не заболел во время ссылки, никто не страдал от плохого обращения, и все вернулись из Сибири с энергией, достаточной, чтобы продолжать свою подрывную деятельность.

Такими «безжалостными методами» власти царской России старались защитить государство, пока революционеры не захватили власть и не заявили, что теперь варварство уступит место гуманизму, а угнетение сменится свободой. Показательно, что первым шагом, предпринятым новым режимом, было заключение в тюрьму многих преданных слуг Императора, чтобы судить их; в результате этого первого проявления «свободы» стало понятно, что ни одному из нас не может быть вменено в вину ни одно незаконное действие.

Когда в результате Октябрьской революции большевики пришли к власти, никто из них не дал себе труда соблюдать установленные законом формальности по отношению к представителям старого порядка: они просто были арестованы и зверски убиты, и все во имя свободы и гуманизма. Тот, кто служил в политической полиции, теперь считался тяжелейшим преступником, преследовать и убить его было долгом каждого честного и преданного коммуниста.

Но когда против тех несчастных, которые, руководствуясь лучшими побуждениями, когда-то старались служить государству и обществу, была развязана варварская война на истребление, новая Охрана отличалась от предшественницы только тем, что была в тысячи раз более неприятной и неразборчивой в средствах. Это — позорно известная ЧК, которая и сейчас, под новым именем ГПУ, продолжает распространять беспримерный ужас по всей России и в жертву которой каждый год приносятся тысячи невинных мужчин и женщин.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств я обладаю абсолютно достоверной и надежной информацией о работе и устройстве ЧК, и поэтому способен рассказать европейской публике, что на самом деле происходит в коммунистическом государстве со свободой и равенством. Дело в том, что когда руководители Охраны пали жертвой ярости красного террора, новые правители решили, что в некоторых случаях целесообразно под страхом смерти принудить чиновников царской полиции работать на ЧК. Один из тех, кто против своей воли согласился сотрудничать с большевиками в качестве полицейского, не только старался уменьшить зло, наносимое ЧК России, но также окольными путями доставлял за границу свидетельства о деятельности «новой Охраны».

Вот как я получил важные документальные свидетельства, которые мне недолго пришлось скрывать, поскольку мой информатор вскоре заплатил жизнью за свои смелость и отвагу. Он умер в застенках ЧК, до конца оставаясь истинным приверженцем идеи старой России, а его сообщения позволили продемонстрировать европейской публике, каков истинный характер советской власти.

Это было тем более необходимо, что «беспристрастные» газетные репортеры, публицисты, члены профсоюзов, специалисты и коммерсанты, которые несколько лет время от времени ездили в Россию, вернулись с весьма поверхностными впечатлениями. Очень немногие из них сознавали присутствие сети, окружавшей их с момента пересечения границы и не позволявшей даже мельком увидеть и услышать что-либо, чего не одобрили бы кремлевские властители. Если мир будет зависеть только от таких оценок Советской России, то остается очень мало надежды, что правда когда-нибудь выйдет на свет, так как Европа никогда не узнает ничего, кроме того, что ей захочет сообщить Советское правительство. Все впечатления, все высказывания, которые слышат зарубежные гости, тщательно срежиссированы, так что приезжий, наивно верящий, что он «беспристрастно изучил» факты, на самом деле просто видел то, что ему показала ЧК, и подвергался обману на каждом шагу. Какой иностранец мог заглянуть за кулисы разыгрывавшегося для него представления? То, что он видел, это были разного рода меры для его воспитания в нужном духе. То, что он слышал, было словами платных агентов или запуганных горожан, которые никогда не решились бы на критические замечания, чтобы не навлечь на себя неприятности, не подвергнуть опасности собственную жизнь и жизни своих близких. И, таким образом, эта темная сторона большевистского правления, с его средневековыми тюрьмами и пыточными

камерами, с его неслыханным террором во всех областях, была скрыта от глаз приезжего; и только тот, кто знает ЧК и его секреты изнутри, может рассказать о них правду.

Когда после Февральской революции 1917 года революционеры массами возвращались из ссылки и из-за границы, В. Бурцев был единственным, кто посоветовал новым правителям оставить Охрану как учреждение, укомплектовав ее людьми с «революционными убеждениями». Он считал, что «свободной» России для самозащиты скоро понадобится тайная полиция. Но Керенский с сентиментальным самодовольством провозгласил, что после революции «постыдная» Охрана должна исчезнуть навсегда и что свободная республика может существовать без такого орудия. Поэтому охранные отделения были упразднены{153}, их сотрудники брошены в тюрьмы или посланы на фронт, а имена секретных агентов, которые стали известны правительству, публиковались в российской и зарубежной прессе.

Однако очень скоро новые хозяева начали дрожать от страха, опасаясь покушений на свою жизнь. Затем, когда влияние большевиков стало усиливаться, а положение Временного правительства становилось все более и более шатким, Керенский первым начал переговоры с бывшими руководителями политической полиции, в том числе и со мной, чтобы узнать, хотим ли мы помочь правительству своим опытом в борьбе против левых экстремистов.

Комиссар Сватиков, посланный за границу для ликвидации Заграничной агентуры Департамента полиции, внезапно получил другие инструкции и теперь должен был привлечь членов бывшего Парижского отделения к работе на Временное правительство, но, должен добавить, это предложение не встретило теплого приема. Очевидно, Керенский и его сторонники теперь осознали, что даже они не могут действовать без поддержки тайной политической полиции. Они предприняли все усилия, чтобы вернуть к жизни организацию, которую за шесть месяцев до этого практически уничтожили. Если бы это правительство просуществовало дольше, Охрана в лице части ее прежних сотрудников, возможно, могла бы праздновать свое возрождение. Но пришла Октябрьская революция, положившая конец недолгой власти Керенского и установившая большевистскую систему правления. И через несколько недель вместо Департамента полиции и подведомственных ему учреждений возникла ЧК{154}.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [6]

Абросимов Владимир Моисеевич (1878 — ?) — крестьянин из Осташковского уезда Тверской губернии, затем токарь завода «Промет»; социал-демократ (меньшевик), член Центрального и Петроградского областного военно-промышленного комитетов, секретный сотрудник СПб охранного отделения с 1910 г. (кличка «Шаров») II 468

Аванесов — житель г. Нахичевань, член боевой организации партии Дашнакцутюн II 62-65, 503

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — публицист, с 1905 г. член партии эсеров. Арестован 3.12.1905 г. в Петербурге. В 1906 г. осужден по процессу Петербургского Совета рабочих депутатов и сослан в Тобольскую губернию, в 1907 г. бежал за границу, кооптирован в состав ЦК партии эсеров. После Февральской революции член Петроградского Совета рабочих депутатов и ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов; в июле—сентябре 1917 г. — министр внутренних дел Временного правительства; в сентябре—ноябре 1918 г. — председатель Временного Всероссийского правительства (Директории) I 67, 437

Адамович Михаил Прохорович (Порфирьевич) — руководитель профессионального союза моряков Черноморского торгового флота. В октябре 1914 г. за принадлежность к профсоюзу моряков и организацию профсоюза судовых команд России Одесской судебной палатой был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение I 468

Адрианов Александр Александрович (1862—1917) — генерал-майор Свиты; с 1908 г. — московский градоначальник, 30 мая 1915 г. уволен от должности и предан суду «за бездействие власти» в связи с немецкими погромами в Москве I 289, 293, 295-296, 304-305, 322-323, 331-332, 337, 345, 349-352, 355-358, 361-363, 369, 381

Азеф (Азев, Азиев) Евно Фишелевич (Иона, Евгений Филиппович) (1869—1918) — секретный сотрудник ДП (1893—1908). Руководитель Боевой организации партии эсеров. После разоблачения бежал за границу. Во время Первой мировой войны был арестован как русский шпион, до декабря 1917 г. находился в тюрьме. Умер в Берлине I 14, 26, 56, 75-85, 114, 118, 132-133, 147, 200, 231, 240-247, 251-253, 272, 275, 283, 348, 375, 384, 423, 496, 500, 506, II 202, 210-215, 226— 230, 238, 241, 244, 246-247, 249, 258-266, 269-272, 274-280, 282-292, 314— 315, 319, 371-373, 520, 524

Акилина, монахиня — см.: Лаптинская А.Н

Акимов Михаил Григорьевич (1847—1914) — сенатор Уголовного кассационного департамента Сената (1899—1905); министр юстиции (с 16 декабря 1905 г. по апрель 1906 г.) II 188—189

Аккерман Петр Александрович — прокурор Виленского окружного суда I 101

Александр I (1777—1825) — российский император с 1801 г. I 227, 502, II 390

Александр II (1818—1881) — российский император с 1855 г. I 7, 36, 45, 47—48, 298; II 11, 15,42, 148-149, 168, 449

Александр III (1845—1894) —российский императоре 1881 г. I 15, 47, 298, 300; II 10, 14-17, 19-21,90, 170,383,419

Александр Михайлович, великий князь (1866—1933) — сын великого князя Михаила Николаевича, друг детства Николая II и его двоюродный дядя, генерал-адъютант, адмирал, с 1900 г. председатель Совета по делам торгового мореплавания. В 1902—1905 гг. — главноуправляющий торговым мореплаванием и портами. Во время Первой мировой войны зав. авиационной частью действующей армии II 444

Александра Иосифовна, великая княжна (урожд. принцесса Августа Саксен-Аль-тенбургская, 1830—1911) — жена великого князя Константина Николаевича II 17-18

Александра Федоровна (урожд. Аписа-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская, 1872—1918) — российская императрица (1894—1917) I 15,21; II 16-17, 114, 124, 127-129, 151, 309-312, 319-320, 338, 414-416, 418, 421-422, 424, 427-429,433, 437, 442-443, 445-447, 457, 459, 462-464, 468, 518, 526, 528

Александров — секретный агент дворцовой полиции II 13

Александровский Сергей Васильевич (? — 1907) — екатеринославский губернатор I 183

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал. С марта по август 1915 г. — главнокомандующий Северо-Западным фронтом; с августа 1915 г. по март 1917 г. — начальник Штаба Верховного главнокомандующего, снят при Керенском, в начале сентября восстановлен в этой должности. С ноября 1917 г. — один из организаторов Добровольческой армии; с 31 августа 1918 г. — председатель Особого совещания (правительства при А.И. Деникине) I 385—386, II 187, 469-471

Алексей Николаевич, великий князь (1904—1918) — сын Николая II, наследник престала II 114, 125, 411, 414-416, 419-420 481, 526

Алексинский Григорий Алексеевич (1879—1967) — большевик, депутат II Гос. думы, с 1909 г. один из руководителей

группы «Вперед», с 1914 г. — социал-патриот, с 1919 г. в эмиграции I 437

Альтшиллер (Альтшуллер) — австрийский подданный, крупный коммерсант; долгое время жил в Киеве II 409

Анастасия Николаевна, великая княгиня (урожд. княжна Черногорская; 1868— 1935) — черногорская принцесса, дочь черногорского кн. Николая (впоследствии короля Черногории Николая I); первый муж — герцог Юрий Лейхтенбергский, второй муж — великий князь Николай Николаевич (младший) II 309, 312

Андраник — см.: Озанян А.Т.

Андреев — владелец гастронома в Москве I 301

Андреев — наборщик, в прошлом секретный сотрудник Московского охранного отделения I 388—389

Андреев Леонид Николаевич (1871 — 1919) — писатель II 196, 268

Андрей Владимирович, великий князь (1879—1956) — двоюродный брат Николая II, генерал-майор Свиты. В 1915 г. — командующий лейб-гвардии конной артиллерией II 336, 527

Андронников Михаил Михайлович (1875—1919), князь — в 1896 г. причислен к Министерству внутренних дел; в 1914 г. уволен со службы в связи с ее непосещением и назначен чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода, где числился до 1917 г. II 423

Антипин (Антипов) Иван Ефимович — писец Саратовского охранного отделения 1131, 133, 139, 144, 193

Антоний (в миру Вадковский; 1846—1912) — митрополит Петербургский и Ладожский, один из организаторов Религиозно-философского общества II 171

Аплечеев Николай Николаевич (1864—1940) — получил образование во 2-й харьковской гимназии и Елизаветградском кавалерийском юнкерском училище. С 1898 г. — адъютант Келецкого ГЖУ; с 1900 г. — пом. начальника Оренбургского ГЖУ и начальник ЖУ Калишского, Конинского и Слупецкого уездов; в 1903—1904 гг. служил в Донском областном охранном отделении; с 1905 г. в Харьковском охранном отделении, с 1911 г. — в Одесском охранном отделении II 56

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф — генерал (1807), военный министр (1808—1810), организатор и главный начальник военных поселений, советник Александра I I 413, 505

Арапов Борис Александрович — присяжный поверенный в Саратове, руководитель саратовского отделения кадетской партии I 115

Аргунов Андрей Александрович (наст, фамилия Воронович; 1867—1939) — в революционном движении с 1880-х гг. Один из

основателей партии эсеров, член ее ЦК. В 1918 г. член Комуна, член Уфимской директории I 78, 118; II 280

Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832—1915) — генерал-адъютант, адмирал, член Гос. совета, директор Николаевской морской академии II 25

Архипов — матрос морского экипажа II 256

Астафьев — унтер-офицер сверхсрочной службы Петербургского ГЖУ I 64

Афонин Иван — сторож и рассыльный Саратовского охранного отделения I 159—160, 210

Ашкинази З.Е. — распорядитель банкирской конторы в Одессе I 447

Бабыч Валентин Павлович (1884 — ?) — окончил пять классов Кубанского Александровского реального училища и Тифлисское юнкерское училище. В ОКЖ с 1910 г., прикомандирован к штабу Корпуса; в апреле 1910 г. прикомандирован к Терскому областному ЖУ; с сентября 1910 г. — адъютант Терского ЖУ; в 1912 г. прикомандирован к Саратовскому ГЖУ; в 1914 г. прикомандирован к ЖПУ жщ. Средне-Азиатской ж.д.; в 1914 г. прикомандирован к Иркутскому ГЖУ II 118— 119

Бадмаев Петр Александрович (1851—1920) — врач, специалист по тибетской медицине, крестник императора Александра III. До крещения носил имя Жамсаран. В 1871 г. поступил в Петербургский университет на восточный факультет, слушал лекции в Военно-медицинской академии. С 1875 г. на службе в Азиатском департаменте МИД. Занимался лечебной практикой (лечил травами, порошками собственного изготовления). I 24; II 419—421, 425—426

Базилевский Петр Александрович (1855—1920) — шталмейстер, в 1905—1914 гг. — предводитель дворянства Московского уезда, с 1915 г. — Московский губернский предводитель дворянства II 464

Бакай Михаил Ефремович — фельдшер по профессии, участник революционного движения, с 1900 г. секретный сотрудник Екатеринославского охранного отделения. После провала — чиновник Варшавского охранного отделения 184,474, 505

Балабанов Сергей Иванович (1867 — ?) — получил образование в Саратовском реальном училище и Чугуевском пехотном юнкерском училище, в ОКЖ с 1895 г. — адъютант Рязано-Уральского ЖПУ ж.д.; с 1897 г. — начальник Новоузенского отделения Тамбово-Уральского ЖПУ; с 1903 г. — начальник Саратовского отделения ЖПУ ж.д.; ротмистр с 1898 г.

В 1916 г. имел чин подполковника I 136, 248-251

Балк Александр Павлович (1866—1957) — генерал-майор; с 10 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. — петроградский градоначальник II 130—131,135,446,461— 462, 471-472, 475-476

Балмашев Степан Валерианович (1881—1902) — студент Киевского университета, за участие в студенческой забастовке в январе 1901 г. отдан в солдаты, но вскоре с военной службы уволен. Эсер-террорист, 2 апреля 1902 г. застрелил министра внутренних дел Д.С. Сипягина; казнен 3 мая 1902 г. I 72—75, 85, 106, 442; 1141, 365

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, с 1921 г. в эмиграции 1331— 333, 503-504

Бальц Владимир Александрович (1871 — ?) — с 1903 г. прокурор Екатеринодарского окружного суда; с 1906 г. товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 1909 г. прокурор Казанской судебной палаты, с 1915 г. директор 2-го департамента Министерства юстиции; с 1916 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий. С января 1917 г. — сенатор II 465

Бартольд Борис Владимирович (1879 — ?) — эсер-террорист брат В.В. Бартольда I 228-229, 244, 253; II 317-318, 322-323, 339 Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — востоковед, академик Петербургской Академии наук с 1913 г. I 228

Барышев Иван Ильич (псевд. Мясницкий; 1852—1911) — прозаик, драматург I 298

Басовский — социал-демократ в Кишиневе в конце 1890-х гг. II 23

Безсонов Владимир Александрович (1842 — ?) — получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе, в ОКЖ с 1875 г. — адъютант ГЖУ; с 1883 г. — старший адъютант штаба ОКЖ; с 1892 г. — начальник ГЖУ; с 20 июня 1904 г. по декабрь 1905 г. — начальник С.-Петербургского ГЖУ I 104

Бекман Владимир Александрович (1848 — после 1917) — генерал, начальник кавалерийской дивизии. Окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров, затем Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии уланском полку, командовал 12-м армейским корпусом. В 1905 г. — временный курляндский генерал-губернатор I 441

Белецкая Ольга Константиновна (урожд. Дуроп) — жена С.П. Белецкого I 305

Белецкий Степан Петрович (1873—1918) — служил в канцелярии Киевского (1894— 1899), Ковенского и Виленского (1899—1907) генерал-губернаторов; с 1907 г. самарский вице-губернатор; с 31 июля 1909 г. и.д. вице-директора ДП; с 21

февраля 1912 г. по 1915 г. — директор ДП, с 28 сентября 1915 г. по 13 февраля 1916 г. тов. министра внутренних дел. Расстрелян I 9, 24,161,289, 292—293, 305, 313— 316, 318, 330, 339, 351, 370, 373, 375, 377-378, 393, 395-404,426; II 85, 134, 337, 419, 423, 494-495

Бельская Серафима Александровна (1846? — 1933) — опереточная актриса I 301

Бельский Павел Михайлович — присяжный поверенный в Москве I 298

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф — генерал от кавалерии, главный начальник 111 отделения, шеф жандармов I 29—30, 32—34, 494—495, 505; II 511

Бенкендорф Павел Константинович (1853—1921), граф — генерал-майор Свиты (1896), генерал-адъютант (1905), обер-гофмаршал Императорского Двора (1893-1917)11 272

Берг Федор Федорович (1794—1874), граф с 1855 г. — в 1863—1866 гг. наместник Царства Польского, с 1865 г. генерал-фельдмаршал I 60

Бертгольдт Григорий Павлович (1877 — ?) — с 1908 **г.** — пом. заведующего охраной Таврического дворца; с 1914 г. и.д. заведующего тем же дворцом. В 1916 г. произведен в полковники; 21 июля 1916 г. назначен состоящим при министре внутренних дел с откомандированием заведовать охраной императорского Таврического дворца II 218

Бертье Луи-Александр (1753—1815) — маршал, начальник штаба армии Наполеона I 300

Бессонов — см.: Безсонов В.А.

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766), граф — дипломат; канцлер (1744— 1758) II 383

Бианка — участник революционного движения в Одессе в 1905 г. I 446—447

Бибер — поручик, впоследствии командир 16-го Стрелкового его императорского величества полка II 11—12

Бинт Генрих (1853—1929) — французский подданный, сотрудник Заграничной агентуры ДП (филер-наблюдательный агент), затем руководитель службы наружного наблюдения. При реорганизации Заграничной агентуры для ее прикрытия было организовано в Париже частное сыскное бюро «Бинт и Самбэн» на средства ДП. В советское время до 1925 г. находился на службе полномочного представительства СССР во Франции II 330

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), граф с 1730 г. — фаворит императрицы Анны Иоанновны, фактический правитель России в 1730-х гг. I 413; II 347, 521

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898), князь —

рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890 гг. I 356; II 15

Биценко Анастасия Алексеевна (урожд. Камеринская; 1875—1938) — с 1902 г. член партии эсеров, в 1905 г. сослана в Вологодскую губернию; за участие в убийстве генерал-адъютанта В.В. Сахарова, усмирявшего крестьян в Саратовской губернии, в 1906 г. приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобождена в марте 1917 г. С ноября 1917 г. член ЦК партии левых эсеров. С 1918 г. член РКП(б), окончила институт Красной профессуры, была на преподавательской, хозяйственной, советской и партийной работе. Арестована в 1938 г. по обвинению в принадлежности к эсеровской террористической организации, расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР I 147, 500

Бобров Михаил Павлович (1867—1907) — в ОКЖ с 1894 г. — адъютант ГЖУ; с 1895 г. — пом. начальника ГЖУ; с 1898 г. — пом. начальника Лифляндского ГЖУ; затем начальник Саратовского охранного отделения, начальник Саратовского ГЖУ, Самарского ГЖУ, Поволжского охранного отделения I 124, 213, 220, 256, 365

Боброва — жена М.П. Боброва I 220

Богданов Евгений Александрович — прокурор Саратовского окружного суда, затем Саратовской судебной палаты I 97

Богданович — жена Н.М. Богдановича II 282

Богданович Николай Модестович (? — 1903) — уфимский губернатор **I** 483; **II** 282

Боголепов Николай Павлович (1846—1901) — министр народного просвещения (1898—1901); 14 февраля 1901 **г.** был смертельно ранен студентом П.В. Карповичем **I** 71; **II** 259

Богров Дмитрий Григорьевич (1887—1911) — сын киевского присяжного поверенного, внук известного еврейского писателя Г.И. Богрова. В 1905 г. учился в Киевском университете на юридическом факультете, в связи с его закрытием продолжил образование в Мюнхене. В декабре 1906 г. вернулся в Киев, примкнул к группе анархистов-коммунистов. В середине 1907 г. стал агентом Киевского охранного отделения. После окончания университета уехал в Петербург, начал сотрудничать с Петербургским охранным отделением. В августе вернулся в Киев, встретился с начальником Киевского охранного отделения и сообщил о готовящемся покушении на министров Кассо и Столыпина. 1 сентября 1911 г. в г. Киеве выстрелил в Столыпина I 240, 269, 273, 275, 279—280, 282-286, 418, 503

Брасова Наталия Сергеевна (урожд. Шереметьевская, по первому браку Мамонтова, по второму Вульферт; 1880 — 1952) — морганатическая жена великого князя Михаила Александровича с

1912 **г.** Проживала с мужем за границей. 29 сентября 1915 **г.** брак был признан Николаем **II,** ей был дан титул графини Брасовой по названию одного из имений великого князя **II** 328—330

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — одна из организаторов и лидер партии эсеров. В революционном движении с 1870-х гг.; 1874— 1896 гг. провела в тюрьме, каторге, ссылке; участница революции 1905—1907 гг.; с 1919 г. — в эмиграции **I** 118,131 — 132, 499—500

Бржезицкий Рафаил Бенедиктович (1862 — ?) — пом. начальника Саратовского ГЖУ с июля 1902 **г.** по январь 1908 г., начальник Сердобского отделения Тамбово-Уральского ЖПУ ж.д. с февраля 1908 **г.,** подполковник **I** 137—138, 274

Бриллиантов — заведующий театральной кассой Большого театра в Москве **I** 90

Броецкий Митрофан Ефимович (1865 — ?) — в 1890 г. окончил Киевский университет, юрист; служил по судебному ведомству: с 1890 г. при Луцком окружном суде; с 1892 **г.** — в Житомирском окружном суде; с 1902 по октябрь 1905 **г.** товарищ прокурора; в августе 1906 г. назначен членом уездной землеустроительной комиссии Свирского уезда Киевской губернии; с марта 1907 **г.** в ДП; с 1909 г. — чиновник особых поручений при Департаменте полиции, работал в Особом отделе ДП; с июля 1913 г. — заведующий Особым отделом ДП; с февраля 1917 **г.** — вице-директор ДП **I** 222, 224, 502

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии (1912), с начала Первой мировой войны командовал 8-й армией. Генерал-адъютант (1915) Свиты. Главнокомандующий Юго-Западный фронтом (17 марта 1916 — май 1917), Верховный главнокомандующий (с 22 мая по 19 июля 1917 **г.),** затем военный советник Временного правительства. В 1920 г. поступил на службу в Красную армию, был председателем Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами республики, главным военным инспектором коннозаводства и коневодства, инспектором кавалерии, а с марта 1924 г. состоял для особых поручений при РВС СССР II 403

Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич (1871—1918) — товарищ прокурора Петербургского окружного суда в начале 1900-х гг., впоследствии (с 3 февраля 1914 г. по 4 сентября 1915 г.) директор ДП I 92—93, 95, 217, 405; II 407, 530

Бубликов Александр Александрович (1875—1941) — инженер путей сообщения, член IV Гос. думы, прогрессист, после Февральской революции — комиссар в Министерстве путей сообщения II 114, 133

Будаков — заведующий наружным наблюдением в Одесском

охранном отделении II 84-85, 89

Будберг Александр Романович (1832—1856), барон — генерал-майор, полицмейстер 1305

Бужинский Григорий Андреевич (1874— ?) — смотритель дворца Ф.Ф. Юсупова-младшего II 430—431

Булат Андрей Андреевич (1873—1941) — присяжный поверенный, член II и III Гос. дум. Выступал защитником на процессах над участниками революционного движения I 283

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — московский почт-директор I 227, 502

Булыгин Александр Григорьевич (1851 — 1919) — член Гос. совета (1905—1917), министр внутренних дел (1905 г.) II 148

Бураго жена Н.А. Бураго I 264

Бураго Николай Алексеевич (1856 — ?) — получил образование в Московской военной прогимназии и Варшавском пехотном юнкерском училище. В ОКЖ с сентября 1882 г. — младший офицер Варшавского жандармского дивизиона; с ноября 1882 г — адъютант дивизиона; с 1889 г. — адъютант Нижегородского ГЖУ, с 1892 г. — пом. начальника Уфимского ГЖУ; с 1894 по ноябрь 1905 г. — пом. начальника Таврического ГЖУ, Казанского ГЖУ, Кубанского областного ЖУ, Уфимского ГЖУ, Курского ГЖУ, Пермского ГЖУ; с ноября 1905 по июнь 1906 г. исполнял обязанности начальника ЖУ в г. Севастополе; с октября 1906 г. — начальник Астраханского ГЖУ I 262—264

Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — народник, историк, публицист; активно занимался разоблачением секретной агентуры учреждений политического сыска I 421, 423; II 276-277, 282, 321, 327, 338, 365, 373, 386, 495, 511

Бусло Дмитрий Петрович (1873 — ?) — в 1905—1911 гг. — тов прокурора Петербургского окружного суда; в 1911—1917 гг. в Одесской судебной палате; в 1918 г. на Украине — начальник Особого отдела Штаба гетмана I 92, 497

Бусло Евгения — жена Д.П. Бусло I 92

Бьюкенен Джордж Уильям (1854—1924) — британский посол в России в 1910— 1917 гг.; посол в Риме в 1919—1921 гг. [464

Вайнштейн — участник революционного движения в Одессе в 1905 г. I 446—447

Ваиновский Петр Семенович (1822—1904) — генерал-адъютант; в 1881—1898 гг. — военный министр; с 1901 г. — министр народного просвещения II 15

Варбург Фриц (1879—1964) — банкир, уполномоченный со званием торгового атташе при немецком посольстве в Стокгольме II 341

Васильев (? — 1905) — священник, участник манифестации 9

января 1905 г в Петербурге II 166

Васильев — брат А.Т. Васильева II 478, 508

Васильев Алексей Тихонович (1869—1930) — окончил Киевский университет, юрист. С 1891 г. служил по судебному ведомству. С 1904 г. товарищ прокурора Петербургского окружного суда; с 1906 г. чиновник особых поручений при ДП, зав. Особым отделом ДП, с 1909 г. — вновь товарищ прокурора Петербургского окружного суда; в 1913 г. вернулся в ДП в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел; вице-директор ДП; в сентябре 1916 — феврале 1917 г. - директор ДП I 12,21-25,91-92, 309, 330, 378, 385-386,494, 498; II 130, 135, 345-515, 524, 526, 528

Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фам. — Смидович; 1867—1945) — писатель I 484, 508

Веригин Митрофан Николаевич (1878—1920) — окончил Училище правоведения, с 1898 г. служил в ДП; с 1906 г. — секретарь ДП; с 1911 г. чиновник Особых поручений при министре внутренних дел, исполняющий обязанности вице-директора ДП; в августе 1911 г. сопровождал товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова в Киев. После убийства там П.А. Столыпина был привлечен к расследованию о непринятии надлежащих мер охраны министра и затем был уволен со службы I 281, 284, 524

Вечорины — семья филеров в Ростове-на-Дону I 451

Виккерт Карл Август — владелец судостроительной компании в Петербурге I 102

Вильгельм II (1859—1941) — король Пруссии, германский император с 1888 г. После отречения в 1918 г. жил в Голландии I 138, 356; II 176, 398, 422

Винавер Максим Моисеевич (1863—1926) — юрист, публицист, один из основателей и член ЦК партии кадетов, член I Гос. думы. Сенатор при Временном правительстве I 440; II 49

Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867—1918) — окончил Московский университет; с 1889 г. служил по судебному ведомству; с 1906 г. прокурор Ярославского окружного суда; с января 1908 г. — чиновник особых поручений при министре внутренних дел и исполняющий обязанности вице-директора ДП; с 1913 г. — член Совета Главного управления по делам печати; с 1915 г. — член Совета министра внутренних дел I 56, 99—101, 287—289, 292—294, 311, 313—314, 316, 329-330, 339, 372-378, 383, 393, 398, 401-402, 501, II 95, 320, 322-325, 339 Витте — привратник в Петербурге II 399

Витте Сергей Юльевич (1849—1915) граф — с 1889 г. директор Железнодорожного департамента Министерства

финансов и председатель Тарифного комитета; с 1892 г. — министр путей сообщения; в 1893—1903 гг. — министр финансов, в 1903—1906 гг. — председатель Комитета министров II 119, 161, 175—177, 181— 183, 187-188, 192-193, 203-204, 216, 299-300, 372-373

Владимир Александрович, великий князь (1847—1909) — третий сын Александра II, президент Академии художеств (1876—1909), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905) II 144, 148, 165

Власюк Степан Федосеевич (1868 — ?) — городовой 3-го участка Казанской части Петербурга II 430, 432

Воейков Владимир Николаевич (1868—1947) — пом. командира Кавалергардского полка; с 1907 г. — командир лейб-гвардии Гусарского полка, с 1913 г. — дворцовый комендант, с 1915 г. — главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи II 186, 481

Войтинский Владимир Савельевич (1885—1960) — журналист, большевик; был сослан в Сибирь по делу социал-демократической фракции II Гос. думы II 255

Волков Иван Дмитриевич (1854—1917) — генерал-лейтенант. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище. В ОКЖ с января 1880 г. Службу начал адъютантом Виленского ГЖУ; в 1882—1884 гг. — начальник ЖУ в уездах; в 1888— 1898 гг. — пом начальника Витебского, С.-Петербургского ГЖУ, с 1899 г. — начальник Тверского ГЖУ; с 1900 г. — Витебского ГЖУ, с 1902 г. — Екатеринославского ГЖУ, с 1903 г. — Лифляндского ГЖУ; с января 1915 г. — начальник Петроградского ГЖУ II 137

Волконский Владимир Михайлович (1868—1953), князь — егермейстер, с 27 июля 1915 г. товарищ министра внутренних дел; товарищ председателя III Гос. думы, депутат IV Гос. думы. 3 января 1917 г. вышел в отставку II 465

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант; начальник охраны Александра III с 1881 г.; министр императорского двора и уделов с 1882 г. Один из основателей «Священной дружины». Наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (1905-1915) II 13, 15,69

Врангель Петр Николаевич (1878—1928), барон — флигель-адъютант, генерал-майор Свиты великого князя Михаила Александровича. Окончил академию Генерального штаба (1907). Во время гражданской войны командовал конной дивизией, корпусом, армией, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, затем в 1920 г. — Русской армией. В эмиграции — организатор и председатель Русского общевоинского союза II 509

Второв — владелец универсальных магазинов в Западной Сибири II 116

Вуич Эммануил Иванович (1849 — ?) — окончил Петербургский университет; с 1871 г. служил по судебному ведомству, с 1894 г. — прокурор Московского окружного суда, с 1899 г. — председатель Тульского окружного суда; с 1901 г. — прокурор Одесской и с 1902 г. С.-Петербургской судебных палат; с 9 ноября 1905 г. по 13 июня 1906 г. — директор ДП; сенатор с 1906 г. II 187—188, 365

Вульферт Н.С. — см.: Брасова Н С.

Вульферт Сергей — московский адвокат II 328

Вырубова Анна Александровна (урожд Танеева, 1884—1964) — фрейлина, подруга императрицы Александры Федоровны, поклонница Г.Е. Распутина I 401; II 309, 312,417

Газенкампф Михаил Александрович (1843—1913) — генерал от инфантерии В период Русско-турецкой войны находился в распоряжении главнокомандующего действующей дунайской армией, в 1874—1891 гг. — профессор Николаевской академии Генерального штаба; с 1895 г. — астраханский губернатор II 254

Галочкин — вахмистр Петербургского ГЖУ I 65—66, 69

Гальперин — участник революционного движения в Одессе в 1905 г. I 447—448

Гангардт Егор Иванович (1869 — ?) — получил образование в Полтавском кадетском корпусе и I-ом военном Павловском училище; в ОКЖ с декабря 1893 г. — адъютант Виленского ЖПУ; с 1894 г — адъютант Уссурийского ЖПУ ж.д.; с 1896г. начальник Владивостокской крепостной жандармской команды; с 1897 г. начальник Ромны-Кременчугского отделения Кременчугского ЖПУ; с 1904 г. начальник Севастопольской крепостной жандармской команды; с июня 1907 г. и.д. севастопольского полицмейстера с июля 1907 г. прикомандирован к Севастопольскому ЖУ; с августа 1907 г. начальник Козловского отделения Московско-Камышинского ЖПУ ж.д.; с 1911 г. пом. начальника СПб. ГЖУ в Ямбургском и Гдовском уездах; с 1912 г. начальник Брест-Литовской крепостной жандармской команды; с 1916 г. начальник Екатерининского ЖПУ, имел тогда чин подполковника I 266—268

Ганько Григорий Порфирьевич (1879 — ?) — закончил Тверское кавалерийское юнкерское училище, служил в 48-м драгунском Украинском полку. В ОКЖ с 1905 г., младший офицер на Варшавской ж.д.; и.д. адъютанта в ЖУ Омска; и.д. пом. начальника Енисейского ГЖУ (с 1906 г.); и.д пом. начальника Омского ЖУ (с 1907 г.); пом. начальника Вятского ГЖУ (с 1909 г.); пом. начальника Орловского ГЖУ (с 1913 г.); с 1914 г.

ротмистр Московского охранного отделения, специализировался по социал-демократическому движению I 325

Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» в 1904 г., инициатор шествия 9 января 1905 г. к Зимнему дворцу для вручения Николаю II петиции от рабочих. Был лишен сана, эмигрировал, амнистирован в октябре 1905 г., вернулся в Россию, вступил в контакт с Петербургским охранным отделением. 28 марта 1906 г. в Озерках под Петербургом товарищеским судом эсеров приговорен к смертной казни и повешен I 79, 102, 498; II 162—167, 203—209, 214, 247, 277, 518-519

Гатон — генерал, командир Преображенского полка в 1905 г. II 186

Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891) — публицист, издатель; с 1866 г. издавал «Крестный календарь» I 298

Гвоздев — друг Васильева, убит большевиками. Возможно, речь идет о Дмитрии Ивановиче Гвоздеве (1865— ?), пом. начальника Московского ГЖУ в 1910— 1917 гг. II 473, 478, 492

Гвоздев Кузьма Антонович (1882 — не ранее 1956) — рабочий, в 1903—1907 гг. примыкал к партии эсеров, в 1905 г. руководил стачкой ж.д. рабочих и был выслан в Астраханскую губ.; после освобождения работал на заводе в Петербурге, был председателем Союза металлистов, в 1911 г выслан в Вологодскую губ. на три года; в годы Первой мировой войны — «оборонец»; в 1915—1917 гг. — председатель Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета; после Февральской революции — член бюро исполкома Петросовета, тов. министра, затем министр труда Временного правительства. В 1931 г. репрессирован, находился в заключении до 1956 г. II 110—111, 529

Гельфанд — см.: Парвус АЛ.

Герасимов Александр Васильевич (1861—1944) — генерал-лейтенант. В ОКЖс 1889 г.; начальник Петербургского охранного отделения (1905—1909) I 12—14, 79—83, 110-112, 124, 222, 231, 242-244, 251, 255, 287, 338-339, 393, 423, 494, 502; II 141-344

Герасимова — дочь А.В Герасимова II 334

Герман — фамилия лица, подозревавшегося в шпионаже в пользу Германии I 453— 458

Гермоген (в миру Г.Е. Долганов; 1858—1919) — епископ Саратовский и Царицынский с 1903 г. За слишком независимое поведение был исключен из Синода в 1912 г. Вскоре был уволен на покой в Жировицкий монастырь II 331—332

Герус Лонгии Федорович — член II Гос. думы, социал-

демократ II 255

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906) — экономист, профессор Московского университета (1903), кадет, автор программы кадетской партии по аграрному вопросу, член I Гос. думы II 297

Гершуни Григорий Андреевич (Герш Исаак Цукович, 1870—1908) — бактериолог, глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров до 1903 г. Был арестован и приговорен к смертной казни (1904), впоследствии замененной на вечную каторгу; содержался в Шлиссельбурге, затем переведен в Акатуй; в 1907 г бежал за границу I 56, 76, 84—86, 278, 483—484, II 45, 285, 365, 521

Гесберг Александр Дмитриевич фон (1861 — ?) — в 1898 г. пом. начальника Одесского ЖУ; с 1901 г. — ротмистр I 448

Гйттерман Анатолий Эрнестович — гимназист, эсер, убийца губернатора С.В. Александровского I 183

Гиттерман Эрнест — инженер в Саратове I 183

Глоба Николай Васильевич (1859—1941) — член Совета Министерства торговли и промышленности, камергер с 1914 г., директор Московского Строгановского художественного училища I 357, 360

Глобачев Константин Иванович (1870—1941) — закончил кадетский корпус и 1-е военное Павловское училище, два класса Николаевской академии Генерального штаба. В ОКЖ с 1903 г. — адъютант Петроковского ГЖУ, в резерве при Бакинском и Гродненском ГЖУ (1904) начальник ЖУ в Лодзинском и Ласском уездах (с 1905), начальник Варшавского охранного отделения (с 1909), начальник Нижегородского ГЖУ (с 1912), начальник Севастопольского ЖУ (с 1914), начальник Петроградского охранного отделения (с 1915), в 1915 г. — генерал-майор 1401, 421; II 130, 135, 364,473

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель I 30

Голицын **Николаи** Дмитриевич (1858—1925), князь — с 1885 г. архангельский; с 1893 г. калужский, с 1897 г тверской губернатор, в 1907—1908 гг главноуполномоченный Красного Креста вТургайской и Уральской областях и в Саратовской губернии для организации продовольственной помощи пострадавшим от неурожая; с 1915 г. — председатель комитета по оказанию помощи русским военнопленным, с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров II 399, 470, 475, 486

Головин Иван Онуфриевич — филер Петербургского охранного отделения; в 1903 г. — писец канцелярии Кишиневского охранного отделения II 44—46 Головин Николай

Степанович (1867 — ?) — в ОКЖ с 1891 г.; с 1895 г. — начальник пешей жандармской команды; с 1897 г. — начальник городской конной жандармской команды; с 1900 г прикомандирован к Одесскому ЖУ, полицмейстер Одессы I 448

Головина **Любовь** Валериановна (урожд. Карнович) — дочь камергера В.Г. Карновича, вдова камергера Е.С. Головина, мать М.Е. Головиной II 428—429

Головина Мария Евгеньевна (1891 — ?) — дочь камергера Е.С. Головина, секретарь Распутина II 421, 428—429, 435—436, 438, 440

Головина **Марья** Капитоновна — жена И.О. Головина II 46

Гондатти Николаи Иванович — приамурский генерал-губернатор с 1911 г. II 118

Горемыкин **Владимир Николаевич** — прокурор Кишиневского суда II 51,55

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899); член Гос. совета с 1899 г.; председатель Совета министров (апрель—июль 1906 г., январь 1914 — январь 1916 гг.) I 376, 378; II 216—224, 485

Горький Максим (наст, имя и фам — Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — писатель II 166, 450—451, 527

Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940) — член ЦК партии эсеров. С 1906 г. член Боевой организации; в 1907 г. приговорен к восьми годам каторги; после Февральской революции в 1917 г. — председатель ВЦИК, избран на I съезде Советов; после Октябрьской революции — член «Комитета спасения родины и революции»; в 1920 г. арестован за организацию террористических актов против руководящих деятелей Советского государства; в 1922 г. приговорен советским судом к расстрелу, затем амнистирован; работал в Симбирске II 339

Грей Эдуард (1861—1933), виконт — министр иностранных дел Великобритании (1905-1916) I 468

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель I 63 Григорович Иван Константинович (1853—1930) — генерал-адъютант, адмирал; в 1911—1917 гг. — морской министр II 458

Григорьев Евгений Константинович (1879 — ?) — сын капитана, слушатель Михайловской артиллерийской академии, поручик, член Боевой организации социа-листов-революционеров I 75, 85—86

Гринвальд Артур Александрович фон (1847 — ?) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-шталмейстер, заведующий придворной конюшенной частью I 334-335, 504

Гришин Андрей Алексеевич (1853 — ?) — в ОКЖ с 1887 г., ротмистр, офицер С.-Петербургского ГЖУ, прикомандированный

от С.-Петербургского жандармского дивизиона для сопровождения арестованных I 69, 73

Гродеков Николай Иванович (1843—1913) — генерал от инфантерии, приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского округа (1898— 1902), командующий войсками на Дальнем Востоке (февраль—сентябрь 1906 г.), туркестанский генерал-губернатор (1906—1908) II 119

Грузенберг Оскар Осипович (1866—1940) — присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты. Принимал участие в политических процессах. Сенатор при Временном правительстве I 440; II 49

Гудима — начальник Дерябинской тюрьмы II 238, 287

Гузаков — рабочий, слушатель школы на Капри II 450

Гуляк (1889 — ?) — член анархистской организации в Москве II 101, 106—108

Гурин — чиновник Варшавского охранного отделения I 479

Гурович Михаил Иванович (1862—1915) — участник революционного движения с 1880-х гг., с 1895 г, — секретный сотрудник ДП После разоблачения в 1902 г. — чиновник ДП. С 1906 г. в отставке II 32, 36—37, 41, 156

Гучков Александр Иванович (1862—1936) — один из создателей и лидер партии «Союз 17 октября»,с 1906 г. — председатель ее ЦК. Депутат III Гос. думы (1910—1911). В начале Первой мировой войны — особоуполномоченный Российского общества Красного Креста на фронте, занимался организацией госпиталей. Участник Прогрессивного блока. Со 2 марта по 2 мая 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства II 110, 114, 117—118, 225, 305, 407—408, 453-456, 464, 467-469, 475, 481-482, 503 528

Гюго Виктор Мари (1802—1885) — французский писатель II 47, 159

Гюйон Г.П. — директор Московского торгово-промышленного товарищества II 406-407

Давыдов — командир порта в Ростове-на-Дону II 70

Давыдов Александр Давыдович (наст. фам. Карапетян; 1850—1911) — опереточный и эстрадный актер, певец I 301

Давыдов Евгений Васильевич — сенатор I 440; II 50

Даниил Филиппович (XVII в.) — создатель секты хлыстов II 396

Данилов Николай Александрович (1867 — ?) — окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. С 1905 г. — пом. и с 1911 г. — начальник канцелярии военного министра. В войну 1914—1917 гг. — начальник снабжения Сев.-Западного

фронта II 131

Данин — врач в Москве II 96—98

Данина Анна — курсистка медицинского факультета Высших женских курсов II 96 Дегаев Сергей Петрович (1857—1921) — народоволец. В 1882 г. был арестован и завербован полковником Г.П. Судейкиным в секретные сотрудники I 433, 507; II 317

Дедюлин Владимир Александрович (1858—1913) — начальник штаба ОКЖ (1903— 1905), петербургский градоначальник (январь—декабрь 1905), генерал-адъютант, с 1906 г. дворцовый комендант II 177—178, 187,225,248,259,300,309,320,328— 330, 420

Дедюлина — жена В.А. Дедюлина II 320

Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф — министр народного просвещения (1882-1897) II 15

Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант (1916), командующий, затем главнокомандующий Добровольческой армией (1918), главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (с января 1919 г.) I 467

Депре — виноторговец I 361

Джакели Георгий Давидович (1869 — ?) — получил образование в Тифлисском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище, закончил два класса Николаевской академии Генерального штаба В ОКЖ с 1895 г.: адъютант Саратовского ГЖУ с 1895 г.; пом. начальника Самарского ГЖУ с 1907 г.. В 1916 г. находился в чине подполковника I 160, 208—210, 501

Джунковская Евдокия Федоровна — сестра В.Ф. Джунковского I 329

Джунковский Владимир Федорович (1865—1938) — московский вице-губернатор в августе—ноябре 1905 г.; московский губернатор с ноября 1905 г. по январь 1913 г.; товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир ОКЖ (1913—1915) в 1915—1917 гг — в действующей армии. После революции *остался* в *России, неоднократно арестовывался I 10, 11, 14, 20, 22, 160, 315*— 319, 327-335, 337-340, 342-348, 352, 363, 372-373, 393,398,401-408,414,420, 501; **II** 127-128, 333, 399, 404, 407, 410, 419, 424-425, 526, 530

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — участник польского и русского революционного движения, неоднократно арестовывался, сидел в тюрьме, находился в ссылках. После Октябрьской революции — член Петроградского ВРК; с 1917 г. председатель ВЧК; с 1922 г. — ГПУ; ОГПУ и нарком внутренних дел в 1919—1923 гг., одновременно с 1921 г. — нарком путей сообщения С 1924 г. — председатель ВСНХ СССР I

463; **II** 507

Дмитриев — чиновник Московского охранного отделения **II** 106—108

Дмитрий Павлович, великий князь (1891 1942) — сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, урожденной принцессы Греческой, флигель-адъютант **II** 123, 428, 437, 439—440, 443—447, 526—527

Дмовский Роман (1864—1939) — польский политический деятель, публицист, член II и III Гос. дум I 478—479

Добровольский — см.: Доброскок И.В.

Добровольский Николай Васильевич (? — 1917) — генерал-майор, командующий инженерным батальоном в Петербурге II 475

Доброскок (Доброскоков) Иван Васильевич (псевд. Добровольский) — агент Харьковского и Петербургского охранных отделений, с 1905 г. — чиновник Петроградского охранного отделения II 320

Долгов Вячеслав Михайлович (1874—1922) — получил образование в Михайловском Воронежском кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище. В ОКЖ с 1902 г. — адъютант Уфимского ГЖУ; прикомандирован к Томскому ГЖУ (1903); находился в распоряжении Петербургского охранного отделения с 1908 г. Пом. начальника Московского охранного отделения с 1910 г.; в 1912 г. прикомандирован к СПб. ГЖУ; пом. начальника Воронежского ГЖУ с 1914 г.; начальник Орловского ГЖУ с 1916 г. В это время имел чин полковника I 340, II 319

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь — московский генерал-губернатор (1865—1891) I 301

Дорошевич Влас Михайлович (1864— 1922) — журналист, театральный критик, редактор газеты «Русское слово» I 309—310

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — писатель 172,114,130,275, 302, 330, 369

Драчевский Даниил Васильевич (1858—1918) — окончил Киевскую военную гимназию, 2-е Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба; с 1905 г. — ростовский-на-дону градоначальник; с 9 января 1907 г — петербургский градоначальник; в 1914 г. отчислен от должности; в 1915 г уволен в отставку в связи с возбуждением уголовного преследования за растрату II 70

Дриллих Иван Яковлевич (1879 — ?) — журналист, секретный сотрудник Московского охранного отделения I 308—311, 503

Дро — см.: Канаян Д.

Дубасов Дмитрий Николаевич — вице-губернатор

Саратовской губернии в 1906 г. I 134, 500

Дубасов Федор Васильевич (1845—1912) — в 1897—1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой, адмирал (1906), московский генерал-губернатор (1905—1906) 1146, 192, 226-227, 238, 288-289

Дубровин Александр Иванович (1855—1918) — врач, основатель и руководитель Союза русского народа (1905), редактор газеты «Русское знамя» II 188, 300—306

Думбадзе Иван Антонович (1851—1916) — генерал, главноначальствующий Ялты с 1907 г., с 1914 г. ялтинский градоначальник II 294, 521

Дунский Порфирий Павлович — пристав 1-го участка Кишинева II 53

Дурново Иван Николаевич (1834—1903) — товарищ министра внутренних дел (1882— 1886), начальник IV отделения с.е.и.в.к. (1886—1889); министр внутренних дел (1889-1895) II 90, 183-184

Дурново Петр Николаевич (1845—1915) — в прокурорском надзоре с 1870 г. (Владимир, Москва, Рыбинск Киев); с 1881 г. — управляющий судебным отделом ДП; директор ДП (1884—1893); товарищ министра внутренних дел (1900—1903); начальник управления почт и телеграфов (1903—1905); министр внутренних дел (октябрь 1905 — апрель 1906); с апреля 1906 г. — статс-секретарь, глава Гос. совета I 106, 160; II 37, 41,46, 51, 61,148, 152,181-185, 187-194, 203-210,214— 217, 366, 376, 427

Дуроп Иван Константинович — с 1911 г. — управляющий канцелярией Московского градоначальства I 305, 398

Дуроп Константин Николаевич (1843—1911) — генерал от инфантерии, автор трудов по военному делу I 305

Дуроп О.К. — см.: Белецкая О.К.

Дырч — член Польской социалистической партии I 470—472

Дьяконов Николай Павлович — полицмейстер Саратова I 115

Евлогий (в миру — В.С. Георгиевский; 1868 — 1946?) — епископ Холмский с 1905 г., член II и III Гос. дум I 478, 480

Евреинов — генерал, управляющий Ливадией II 14

Егоров — полицейский надзиратель, агент для справок Саратовского охранного отделения I 129, 131, 166—169

Екатерина II (урожд. Софья-Фредерика-Августа, принцесса Анхальт Цербстская; 1729—1796) — российская императрица с 1762 г. II 395

Еленский Владимир Иезекиилевич (1866 — ?) — получил образование в Псковском кадетском корпусе и 1-м военном Павловском училище. В ОКЖ с 1905 г. — адъютант Уфимского ГЖУ; в резерве С.-Петербургского ГЖУ с 1908 г.; пом. начальника

Петербургского охранного отделения с 1910 г.; начальник Могилевского ГЖУ с 1914 г. В это время находился в чине полковника I 339; II 254—255

Елизавета Петровна (1709—1761) — российская императрица с 1741 г. II 383

Елизавета Тюдор (1533—1603) — английская королева с 1558 г. I 218 Елизавета Федоровна, великая княгиня (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская. 1864—1918) — жена великого князя Сергея Александровича I 355; II 445, 527

Еремин Александр Михайлович (1872 — ?) — закончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге Николаевское кавалерийское училище. В ОКЖ с января 1903 г. Занимал должности: начальника Киевского ГЖУ, Тифлисского ГЖУ; с 1910 г. — заведующего Особым отделом ДП; с 1913 г. — начальник Финляндского ЖУ. В 1919 г. служил в Оренбургской армии I 16. 224. 252, 369, 502; II 324—325, 520

Ефимов Флор Ефимович (1857 — ?) — городовой в Петербурге II 430

Житловская — участница революционного движения, жена Х.О Житловского I 78

Житловский Хаим Осипович (1865—1943) — один из организаторов Союза русских социалистов революционеров (Берн 1893), позднее был близок к партии эсеров, в 1905 г. участвовал в организации Социалистической еврейской рабочей партии. С 1907 г. жил в США I 78

Жуков — филер в Одессе I 481

Жученко Зинаида Федоровна (урожд. Гернгросс) — секретная сотрудница Московского охранного отделения с 1895 г., затем ДП, Заграничной агентуры (кличка «Михеев») I 367, 370, 383, 421-422, 506, II 227, 301, 360

Заварзин Павел Павлович (1868 — 10 октября 1932) — образование получил в Одесском реальном училище, пехотном юнкерском училище. Служил с 1888 г. в 16-м стрелковом его величества батальоне; в ОКЖ с мая 1898 г. — адъютантом в Бессарабском ГЖУ; с августа 1899 г. — в Таврическом ГЖУ; с мая 1900 г. — пом. начальника Волочского отделения ЖПУ ж.д.; с июня 1901 г. — начальник Дубенского отделения Московско-Киевского отделения ЖПУ ж.д.; с июня 1903 г. прикомандирован к Бессарабскому ГЖУ — был начальником Кишиневского охранного отделения; с июня 1904 г — пом. начальника Могилевского ГЖУ **в** Гомельском уезде; с июля 1904 г. служил в Одесском ЖУ; с июля 1905 г. — начальник охранного отделения в Ростове-на-Дону; начальник Варшавского охранного отделения (1906—1909); начальник Московского охранного отделения (1910

—1912); в 1912—1916 гг. начальник ЖУ Одессы; в 1916—1917 гг. начальник Варшавского ГЖУ Так как Варшавское ГЖУ в этот период было эвакуировано и не функционировало, в сентябре 1916 г был приглашен в Петербург и поступил в распоряжение ДП I 14—17, 20,290—292,294—297, 303, 313, 324, 336, 344— 345, 409-494, II 7-140, 520

Заварзина Екатерина Прокофьевна — жена П.П. Заварзина II 7

Загоровский Сергей Константинович — делопроизводитель Московского охранного отделения I 304, 325—326, 381,403

Заккит Карл Карлович (1867—1931) — товарищ прокурора окружного суда в Петрозаводске, Витебске и прокурор Петербургского окружного суда; делопроизводитель и управляющий канцелярией ДП (1906—1911); пом. московского градоначальника по гражданской части (1911—1915) I 304—305

Залкинд Иван Абрамович (1885—1928) — профессиональный революционер с 1903 г. В 1905 г. — член Одесского комитета РСДРП. Был арестован и сослан в Олонецкую губернию. С места ссылки бежал. Работал в Петербурге, где снова был арестован, вновь бежал. В 1908 г. уехал во Францию, окончил Сорбонну, получил степень доктора биологии (микробиолог) I 449—451

Зарудный Александр Сергеевич (1863—1934) — адвокат, присяжный поверенный, выступал на политических процессах. Министр юстиции Временного правительства (лето 1917) 1440; II 49

Засулич Вера Ивановна (1851—1919) — народница, затем член группы «Освобождение труда», социал-демократка, одна из редакторов газеты «Искра» (1900—1905) II 45, 448

Захар — см.: Макариянц З.

Захарьин Григорий Антонович (1829—1897) — терапевт, лейб-медик Александра III, основатель московской клинической школы II 14—15 **Зверев Сергей Семенович** (1885 — ?) — учащийся школы живописи, ваяния и зодчества; член Саратовского городского комитета РСДРП. Секретный сотрудник охранных отделений в Саратове и Москве (кличка «Иванов»). В Москве давал сведения по университету Шанявского I 147, 153, 184—186, 500

Зволянский Сергей Эрастович (1854—1912) — окончил Училище правоведения. С 1883 **г.** — секретарь при директоре ДП; в 1889—1895 гг. — делопроизводитель разных структур ДП; в 1895—1897 гг. — вице-директор ДП; в 1897—1902 гг. — директор ДП II 157—158

Зейн Франц-Альберт Александрович (1862—1918) —

генерал-лейтенант; окончил Полоцкую гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. С 1900 **г.** — директор канцелярии финляндского генерал-губернатора, с 1906 г. — гродненский губернатор; с 1907 г. пом., с 1909 **г.** — финляндский генерал-губернатор II 486

Зильберберг Лев Иванович (1880—1907) — организатор террористической группы партии эсеров. Возглавил летучий отряд, осуществивший убийство петербургского градоначальника генерал-майора В.Ф. Лауница II 238—239,241,244—248, 258, 286-287

Зильберштейн — фабрикант, владелец фабрики в Лодзи I 417, 476—477

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст, имя и фам. — Овсей-Герш Аронович Радомысльский; 1883—1936) — большевик; председатель Петроградского Совета (1917— 1926), председатель Исполкома Коминтерна (1919—1926) II 495

Златкин Я. — см.: Регекампф С.А.

Знаменский — поручик II 485—486

Знаменский Дмитрий Иванович (1878—1943) — с декабря 1908 г. пом. начальника Саратовского ГЖУ; с 1909 г. прикомандирован к Саратовскому ГЖУ и находился в распоряжении Поволжского районного охранного отделения; с 1911 г. прикомандирован к Томскому ГЖУ; с 1912 г. — к Московскому ГЖУ, служил в Московском охранном отделении I 265—266

Золотарев Владимир Михайлович — генерал, московский полицмейстер I 305, 360— 361

Золотарев Игнатий Михайлович (1868—1918) — с 1890 г. служил по судебному ведомству; с 1901 г. прокурор Нижегородского окружного суда; с 1903 г. прокурор Московской судебной палаты, с 1907 г. прокурор Новочеркасской судебной палаты; в 1911 — 1913 гг — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией; с 1913 г. — в Департаменте общих дел, с 1915 г. — сенатор I 96—97, 393, 399-400

Зорина Вера Васильевна (наст. фам. Попова; 1853—1903) — опереточная актриса 1301

Зубатов Сергей Васильевич (1864—1917) — начальник Московского охранного отделения (1896—1902); начальник Особого отдела ДП (1902—1903). Инициатор создания подконтрольных властям рабочих организаций I 8, 58, 72, 78, 82—83, 117, 276, 278, 364, 442-444, 448, 497; II 26-27, 30-37, 149, 155-164, 203, 357, 361-362, 372, 522

Зубовский Михаил Иванович (1864 — ?) — прокурор Уфимского окружного суда (1903); товарищ прокурора

Петербургского окружного суда; вице-директор ДП (1906); директор канцелярии министра внутренних дел (1912), олонецкий губернатор (1913) I 96

Зуев Нил Петрович (1857—1918) — окончил Училище правоведения, служил по судебному ведомству. В 1903—1909 гг. — вице-директор ДП; в 1909—1912 гг. — директор ДП; с 1912 г. — сенатор I 16, 242, 271; II 134, 319, 324—325

Зурабов Аршак Герасимович (1873—1919) — социал-демократ, депутат II Гос. думы от Тифлисской социал-демократической организации, арестовывался и высылался в Сибирь, откуда бежал за границу II 253—254

Зыбин Иван Александрович (1865 — ?) — окончил С.-Петербургскую классическую гимназию, в августе 1887 г поступил в ДП чиновником для письма, затем старшим пом делопроизводителя, с 1902 г. старший пом делопроизводителя ДП, заведовал отделением шифров II 91—92, 385, 524

Иванишин Георгий Алексеевич (1861—1937) — гвардии полковник с 1910 г., заведующий арестантскими помещениями Петропавловской крепости с 1906 г. 11488— 489, 529

Иванов — филер Ростовского охранного отделения II 60

Иванов Александр Ильич (1844 — ?) — начал службу в ОКЖ в марте 1877 г. в качестве адъютанта Тамбовского ГЖУ, с 1879 г. — пом. начальника ЖУ Одессы; прикомандирован к штабу Корпуса в 1881 г.; начальник Саратовского ГЖУ с 1894 г.; в резерве Петербургского ГЖУ с 1901 г.; начальник Пермского ГЖУ с 1904 г., прикомандирован к Петроградскому ГЖУ. В 1916 г. — генерал-майор I 72, 88, 104, ПО, 114

Иванов Василий Григорьевич (1879 — ?) — в ОКЖ с 1906 г. В 1909 г. прикомандирован к Московскому ГЖУ; служил в Московском охранном отделении, отвечал за работу секретной агентуры по социал-демократическому движению I 308, 313, 324-325, 335-340

Иванов Илья Васильевич (1848—1905) — в ОКЖ с 1882 г. — адъютант ГЖУ; с 1885 г. — начальник отд. ЖПУ ж.д.; с 1901 г. — начальник Ростовского отделения Владикавказского ЖПУ ж д II 56

Иванов Николай Иудович(1851—1919) — генерал-адъютант, кронштадтский генерал-губернатор (1906 — 1907), командующий войсками Киевского военного округа (1908), командующий Юго-Западным фронтом (1914) II 187, 480

Ивановская Прасковья Семеновна (1852—1935) — революционерка-народница. Была арестована в 1882 г., проходила по процессу 17-ти; в связи с событиями 1 марта 1881 г. приговорена к пожизненной каторге. В 1898 г. вышла на

поселение, в 1902 г бежала за границу. В 1905 г. примкнула к Боевой организации партии эсеров. В 1907—1917 гг. выполняла отдельные поручения революционных организаций II 149

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954), граф — полковник Генерального штаба, в 1908—1917 гг. — русский военный атташе в Париже, в скандинавских странах. С 1917 г. — генерал-майор II 402

Игнатьев Павел Николаевич (1870—1926), граф — шталмейстер. С 1904 **г.** — председатель Киевской губернской земской управы. Киевский губернатор (1907— 1908). Директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия (1909). Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1912—1915). Управляющий министерством и министр народного просвещения (1915—1916) II 459

Илиодор, иеромонах (в миру С. Труфанов) — нз донских казаков, в 1905 г. окончил С.-Петербургскую духовную академию и поступил в Почаевскую лавру. В 1908 г. переведен в Царицын, а в 1911 г в один из монастырей Тульской епархии. Не подчинился этому распоряжению. В своих проповедях, речах, статьях в черносотенных изданиях выступал против интеллигенции, евреев. В январе 1912 г. состоялось постановление Синода о заточении его во Флорищеву пустынь. По прошению расстрижен, уехал на Дон, женился, стал проповедником новой ре лигии «разуму и солнцу». В одной из проповедей непочтительно отозвался о царской семье, за что был привлечен к дознанию, бежал за границу; в 1917 г. вышла его книга о Распутине (с которым он дружил, а затем поссорился) «Святой черт» I 146, 274, 503; II 301-303, 331

Ильин — пом. военного прокурора II 251

Ильницкий — член Польской социалистической партии, авантюрист I 424—425

Иоанн Грозный (Иван IV Васильевич) (1530—1584) — русский царь с 1547 г. 1443; II 34

Иоанн Кронштадтский (в миру — И.И. Сергеев; 1829—1908) — протоиерей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте, проповедник и духовный писатель. Канонизирован православной церковью II 16—19

Иодловский Иннокентий Константинович — товарищ прокурора в Томске в 1912 г., судебный следователь Варшавского окружного суда в феврале 1917 г.; в июне 1917 г. командирован в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц II 501

Иоллос Григорий Борисович (1859—1907) — публицист, член I Гос. думы, кадет II 301 Иоффе — сестры-революционерки II 454—455

Ирина Александровна, великая княжна (1895—1970) — дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, внучка Александра III. С 1914 г. в морганатическом браке с князем Ф.Ф. Юсуповым II428,436, 442, 444

Кагоровский Карл-Август Романович (1870 — ?) — эсер, экономист, автор брошюр по земельному вопросу I 234

Казанцев (? — 1907) — агент Московского охранного отделения II 300—301 Калинин — эсер, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, пропагандист в войсках I 467

Калинин Борис Николаевич (1876 — ?) — поручик, адъютант Петербургского ГЖУ в 1903 г.; с 1904 г. и.д. пом. начальника Бессарабского ГЖУ I 86—88

Калинина — жена Б.Н. Калинина I 86 Кальвино М. — см.: Лебединцев В.В.

Кальманович Самуил Еремеевич — присяжный поверенный Саратовского окружного суда, затем Петербургской судебной палаты. Неоднократно выступал в качестве защитника на крупных политических процессах I 282

Калядич — околоточный надзиратель в Петербурге II 431—432

Каляев Иван Платонович (1877—1905) — эсер (1903), член Боевой организации. 4 февраля 1905 г. убил московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Осужден 5 апреля 1905 г. Особым присутствием Сената на смертную казнь. Казнен в Шлиссельбургской крепости II 365

Камышанский Петр Константинович (1862—1910) —службу начал в 1888 г.; с 1897 г. — товарищ прокурора Петербургского окружного суда; с 1901 г. — прокурор Витебского окружного суда; с 1902 г. — товарищ председателя Петербургского окружногосуда; с 1904 г. — товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 1905 г. — и.д. прокурора С.-Петербургской судебной палаты **II** 187—188, 373

Канади Д. (кличка — Дро) — член армянской партии Дашнакцутюн, террорист II 69

Канторович — участник революционного движения, террорист I 482

Капров — полковник (1900), пом. начальника штаба ОКЖ I 59—60, 64, 71

Карабчевский Николай Платонович (1851—1925) —

адвокат, общественный **деятель,** публицист **I** 440; **II** 49—50

Караваев Александр Львович (1855—1908) — член II Гос. думы, входил во фракцию трудовиков II 301

Караев — **см.:** Караваев **А.Л.**

Карапет — торговец фруктами в Ростове-на-Дону **II 68**

Карагиянц — ответственный за приемку грузов на вокзале в Ростове-**на-**Дону 1171-73

Карлейль Томас (1795—1881) — английский историк, мыслитель и писатель **I** 185

Карпов Сергей Георгиевич (1864—1909) — **в** ОКЖ с 1895 г.; начальник Донского областного ЖУ (1903); начальник Петербургского охранного отделения (1909) I 26, 228, 243, 251-252, 255-256,418,432-433, 502; **II** 295, 314, 319-324, 371, 376 — 377

Карпович Петр Владимирович (1874—1917) — революционер, в 1901 г. в знак протеста против отдачи студентов в солдаты застрелил министра просвещения Н.П. Боголепова. Был арестован, сослан в Сибирь. В 1909 г. бежал за границу, где примкнул к эсерам **I** 71; **II** 259

Карцев (Карпов Петр Алексеевич?) — контр-адмирал в Петербурге II 485—486

Катеринич Митрофан Кириллович — харьковский губернатор (1908—1915) **I** 273

Кафафов Константин Дмитриевич (1863—1931) — окончил Петербургский университет; с 1888 г. **в** канцелярии 5-го департамента Сената, с 1903 г. прокурор Елецкого, с 1904 г. — Орловского окружного суда, с 1906 г. член Московской судебной палаты, с 1908 г. товарищ прокурора Московской судебной палаты; с 1912 **по** 1917 г. — вице-директор ДП **I** 396—397

Кваренги Джакомо (1744—1817) — итальянский архитектор, с 1779 г. работал в России I 300

Квицинский Леонид Антонович — начальник Туркестанского охранного отделения, затем чиновник Московского охранного отделения I 387—389

Келлер Федор Артурович (Августович) (1857—1918), граф — генерал-лейтенант, командир 2-го Восточно-Сибирского армейского корпуса в Маньчжурии, во время Первой мировой войны командир 10-й кавалерийской дивизии и 3-го кавалерийского корпуса. Окончил Николаевское кавалерийское училище, с 1904 г. командир 15-го Драгунского Александрийского полка, 1905 г. ранен бомбой, брошенной террористом. С 1906 г. — командир лейб-гвардии Драгунского полка, с 1910 г. — 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии; с 1912 г. — 10-й Кавказской дивизии. С апреля 1915 по

март 1917 г. — командир 3-го кавалерийского корпуса, отказался признать отречение императора Николая II и присягнуть Временному правительству. В 1918 г. жил в Киеве, занимал пост командующего вооруженными силами на территории Украины Расстрелян петлюровцами II 482

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — депутат IV Гос думы по списку трудовиков, товарищ председателя Петросовета (1917). Во время Февральской революции — член Временного комитета Гос. думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С марта 1917 г. — в партии эсеров. Министр юстиции во Временном правительстве (2 марта — 5 мая 1917 г.), В 1-м и 2-м коалиционном правительствах (май—сентябрь 1917 г.) военный и морской министр. С 8 июля по 25 октября 1917 г. — министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий I 242, 421, 440, 467, 493; II 117-118, 133, 138, 191, 364, 461, 473, 483-484, 486, 488-489, 491-492, 499, 506-507

Кирпичников — фельдфебель Волынского гвардейского полка II 475

Кирюхин Иван Петрович (1883 — ?) — он же Станислав Позовский, из мешан г. Николаевска, Самарской губернии, матрос Черноморского флота. Секретный сотрудник Московского и Петербургского охранных отделений с 1907 г. по партии эсеров, кличка «Пермяк» II 524

Клембовский Владимир Николаевич (Владислав Наполеонович) (I860—1920) — генерал от инфантерии; службу начал в 1879 г. в лейб-гвардии Измайловском полку. Полковник (1894), участник Русско-японской войны, командир 122-го пехотного Тамбовского полка (1901—1904), генерал-майор (1904), в 1904 г. — начальник штаба 4-го армейского корпуса. С 1906 г. — начальник штаба 10-го армейского корпуса, генерал-лейтенант (1912), начальник 9-й пехотной дивизии (1912—1913). В начале Первой мировой войны — командир 16-го армейского корпуса, генерал от инфантерии (1915). В 1916 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий 5-й армией; пом. начальника штаба Верховного главнокомандующего. В марте 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Командующий Северным фронтом (июнь-август 1917). После корниловского выступления смещен с поста главнокомандующего Северным фронтом. В РККА с 1918 г. В 1920 г. — член Особого совещания при главкоме Вооруженных сил республики. Арестован, умер в заключении II 508

Клейгельс Николай Васильевич (1850—1911) — генерал-

адъютант, петербургский градоначальник (1899—1902); позднее киевский, волынский и подольский генерал-губернатор I 194

Клеточников Николай Васильевич (1847—1883) — народоволец. Служил в III Отделении с.е.и.в.к. с целью получения информации о его деятельности. Арестован 28 января 1881 г. по делу «Процесса 20-ти», приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой II 346

Климович Евгений Константинович (1871 —1932) — окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище. В 1898 г. — адъютант Волынского ГЖУ; с 1901 г. — пом. начальника Петроковского ГЖУ; в 1905 г. прикомандирован к штабу ОКЖ с назначением в распоряжение Виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора с июля 1905 г. по январь 1906 г. исполнял обязанности Виленского полицмейстера, с января 1906 г — и.д. нач. Московского охранного отделения; с апреля 1907 г. — пом. московского градоначальника; с ноября 1907 г. — московский градоначальник; с 1908 г. — зав. Особым отделом ДП; с 1909 г. — керчь-еникапьский градоначальник; с 1915 г. — ростовский градоначальник, с 1916 г. — директор ДП; с сентября 1916 г. — сенатор. В годы гражданской войны в Крыму при Врангеле — начальник контрразведки I 124, 134, 289, 344-346, 354, 363-372, 377-378, 381, 383, 393, 401-402,407, II 134, 300— 301,319, 324-325, 339, 458

Климович Екатерина Петровна (урожд. Тютчева) — жена Е.К. Климовича I 363

Клитчоглу Серафима Георгиевна (1876—1926) — дочь отставного статского советника, директора Амурского пароходного общества, слушательница Высших женских курсов в Петербурге. В январе 1904 г. была арестована и выслана под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 5 лет В августе 1905 г. бежала из ссылки Первый раз была арестована в 1898 г., находилась под гласным надзором полиции в Саратове. В 1902—1903 гг. работала в эсеровских организациях **в** Харькове, Киеве. С конца 1903 г. — в Петербурге, где возглавляла группу, готовившую покушение на Плеве. Выдана Азефом. В декабре 1905 г. была вновь арестована, выслана в Благовещенск. Вскоре после смерти мужа, оставшись с тремя малолетними детьми, отошла от политической работы, служила учительницей I 84

Кломинскнй Николай Александрович (1871 — ?) — в ОКЖ с 1899 г.; с 1901 г. в Московском охранном отделении; с 1907 г. — пом. начальника Волынского ГЖУ; в

1908 г. прикомандирован к ЖУ Одессы, в 1909 г. — к Екатеринославскому ГЖУ; с 1916 г. пом. начальника ЖУ в Лодзинском и Ласском уездах. В 1916 г. был в чине

подполковника I 58, 62

Клочков — см.: Клыков М Я.

Клыков Митрофан Яковлевич (1847—1918)— генерал-лейтенант. В 1896 г. — начальник Эриванского, в 1901 г. — Самаркандского, в 1902 г. — Виленского, с декабря 1905 г. Петербургского ГЖУ. В 1914 г. — пом. варшавского генерал-губернатора по полицейской части I 69—70, 106, 496

Кобозев — участник революционного движения, унтер-офицер инженерных войск, эсер II 11

Ковалев — эсер, член военно-революционной ячейки I 468—469

Коваленский Сергей Григорьевич (1862 — ?) — из потомственных дворян, окончил Училище правоведения. Поступил на государственную службу в 1879 г. по судебному ведомству при прокуроре Петербургского окружного суда, затем служил в Харьковской судебной палате, Тифлисской судебной палате, товарищем прокурора Бакинского окружного суда (1883), товарищем прокурора Новочеркасского окружного суда (1885), товарищем прокурора Петербургского окружного суда (1889), тобольским губернским прокурором (1892), сыр-дарьинским областным прокурором (1894); с 1896 г. — пом. начальника Главного тюремного управления; с 1897 г. — председатель Митавского окружного суда; с 1898 г. — прокурор Иркутской судебной палаты; с 1902 г. — прокурор Тифлисской судебной палаты; с 1904 г. — прокурор Варшавской судебной палаты. С 6 марта по 29 июня 1905 г. — директор ДП. С 29 июня 1905 г. — тайный советник, присутствовал в Сенате II 365, 520

Ковальский — колбасник, немецкий шпион I 487—490

Коган — студент, участник революционного движения в 1905 г. в Ростове-на-Дону II 59

Козлов Александр Александрович (1837—1906) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант; московский обер-полицмейстер (1878—1881), петербургский обер-полицмейстер (1881—1887) I 301

Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), граф — товарищ министра финансов (1896—1902); государственный секретарь (1902—1904); министр финансов (1904—1914); председатель Совета министров (сентябрь 1911 — январь 1914 г.); член Гос. совета I 277,480

Кокошкин Федор Федорович (1871—1918) — юрист, профессор кафедры государственного права Московского университета. Депутат I Гос. думы от Москвы С 1905 г. — один из основателей и руководителей партии кадетов, член ее ЦК. После Февральской революции возглавлял Юридическое совещание и

Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Государственный контролер в составе 2-го коалиционного Временного правительства с 24 июля по 26 августа 1917 г. Депутат Учредительного собрания. 28 ноября 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В связи с заболеванием (туберкулез) переведен в Мариинскую тюремную больницу вместе с А.И. Шингаревым, где они были зверски убиты в ночь с 6 на 7 января 1918 г ворвавшимися в больницу матросами и солдатами II 506

Колесников Иван — социал-демократ, подпольщик в Одессе I 449—452

Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952) — в революционном движении с конца 1890-х гг.; в 1908 г. эмигрировала. Жила в Германии, вступила в Германскую социал-демократическую партию, сотрудничала в печати и выступала с лекциями в ряде стран Европы. В Париже работала в «Бюро помоши политэмигрантам» — 1911 г. После начала Первой мировой войны арестована в августе 1914 г. в Берлине, вскоре освобождена. Уехала сначала в Копенгаген, затем в Стокгольм. В ноябре 1914 г. арестована в Швеции за антивоенную пропаганду и выслана из страны. В феврале 1915 г. переехала в Норвегию. Работала в Международном женском социалистическом секретариате, участвовала в подготовке Циммервальдской международной социалистической конференции —1915 г. В 1915—1916 гг. выступала с антивоенными лекциями в США. Член РСДПР(б) с 1915 г. После Февральской революции вернулась в Петроград в марте 1917 г В 1917—1918 гг. — народный комиссар государственного призрения. С 1920 г. — заведующая женотделом ЦК партии большевиков. В 1918 г. примыкала к «левым коммунистам», в 1920—1922 гг. — к «рабочей оппозиции». С 1923 г. — полномочный и торговый представитель СССР в Норвегии, в 1926 г. — в Мексике, с 1927 г. — полномочный представитель в Норвегии, в 1930—1945 гг. — посланник, затем посол СССР в Швеции II 450

Колоколов — брат В.А. Колоколова, служил в прокурорском надзоре I 334

Колоколов Валериан Александрович (1873 — ?) — В ОКЖ с 1900 г. Адъютант Архангельского, Волынского ГЖУ; с 1902 г. — пом. начальника Могилевского, Калужского ГЖУ; **в** 1906 г. прикомандирован к Московскому ГЖУ; с 1907 г. — пом. начальника Московского охранного отделения; с 1908 г. — в Виленском охранном отделении I 334

Колышко Иосиф (Иосиф-Адам-Ярослав) Иосифович (1861—1938) — прозаик, драматург, публицист, критик, журналист. В

сентябре 1882 г. причислен к Министерству внутренних дел. Начал печататься в газете «Гражданин». С октября 1889 г. — чиновник особых поручений 4-го кл., член Совета и заведующий хозяйственным отделом Министерства путей сообщения В 1894 г — оставил службу из-за подозрения в вымогательстве взяток. В начале 1900-х гг. поступил на службу чиновником особых поручений при Министерстве финансов I 311

Коммисаров Михаил Степанович (1870—1933) — с 1904 г. возглавлял образованное при ДП Секретное отделение по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами; в 1909—1915 гг. — начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского ГЖУ; с 1915 г. — начальник Варшавского ГЖУ. В 1916 г — градоначальник в Ростове-на-Дону, в том же году был уволен в отставку в чине генерал-майора I 164, 369, 393, 398, 501; II 379

Кондамин — гувернер А. П. Мартынова I 300

Коновалов Александр Иванович (1875—1948) — предприниматель, товарищ председателя Московского биржевого комитета, член совета съездов представителей торговли и промышленности, организатор Торгово-промышленной партии (1905), член IV Гос. думы, министр торговли и промышленности Временного правительства (март—май 1917 г.), тов. министра-председателя (сентябрь—октябрь 1917 г.) II 110, 506

Коноплянникова Зинаида Васильевна (1879—1906) — участница революционного движения, в 1902 г. — член партии эсеров, неоднократно арестовывалась. В 1904 г. за рубежом изучила технологию изготовления взрывчатых веществ и разрывных метательных снарядов. С лета 1906 г. — член летучего боевого отряда Северной области. 13 августа 1906 г. на перроне ст. Новый Петергоф выстрелами из револьвера убила генерал-майора Г.А. Мина. 26 августа 1906 г. Петербургским военно-окружным судом приговорена к смертной казни. Повешена в Шлиссельбургской крепости II 268

Копытев — социал-демократ в Ростове-на-Дону II 76—78, 81, 268

Корнилов Николай Николаевич (1874—1917) — окончил Петроковскую классическую гимназию и Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище. В ОКЖ с 1899 г. Служил младшим офицером в Варшавском жандармском дивизионе, адъютантом дивизиона, зав. учебной командой дивизиона; в резерве Тифлисского ГЖУ; с 1915 г. — пом. начальника Финляндского ЖУ II 136

Короткий Владимир Аполлонович — полковник, пом. градоначальника Рейнбота, был уволен со службы I 367

Корсак Владимир Евстафьевич (1861—1933) — с 1891 г. служил по судебному ведомству; товарищ прокурора Киевской, а с 1906 г. Петербургской судебной палат; с 1909 г. — прокурор Петербургской судебной палаты; 1915 г. — сенатор II 324— 325, 374

Корш Федор Адамович (1852—1923) — драматург, владелец драматического театра в Москве (1882-1917) I 298

Коршунов Федор Антонович (1886 — ?) — дворник в доме, где жил Распутин II 434

Коттен Михаил Фридрихович фон (1870—1917) — генерал-майор, начальник Московского охранного отделения (1907—1909), Петербургского охранного отделения (1910—1914). Во время Первой мировой войны работал в военной разведке I 283, 315, 350-352, 368, 396-397,485; II 95, 301, 327

Коцюбинский Александр Николаевич - судья по делу Сухомлинова II 409

Кочеткова Лидия Петровна — врач, член партии эсеров I 227—228, 240—242, 244, 254

Кошко Аркадий Францевич (1867—1928) — с 1894 г. служил по ведомству Министерства внутренних дел, пом. начальника Петербургской сыскной полиции; начальник Московской сыскной полиции, в 1915—1917 гг. руководитель 8-го делопроизводства ДП I 21; II 137

Крагельская Ванда Александровна — член группы боевиков ППС I 464

Краковецкий Аркадий Антонович — поручик Варшавской крепостной артиллерии I 467

Красильников Александр Александрович (1864—1931) — заведующий Заграничной агентурой ДП. Закончил Николаевское кавалерийское училище, корнет лейб-гвардии конного полка с 1884 г. В 1901 г. вышел в отставку; в 1909 г. по протекции П.П. Курлова начал службу по ведомству МВД, в ноябре был командирован в Париж. С 1911 г. считался чиновником особых поручений при министре внутренних дел, продолжая жить в Париже и исполнять обязанности зав. Заграничной агентурой II 410, 468

Красин Леонид Борисович (1870—1926) — участник социал-демократического движения с 1890 г., член ЦК РСДРП с 1903 г., в 1905 г. возглавлял Боевую техническую группу при ЦК РСДРП, занимался вопросами добывания средств для партии. В 1912 г. отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции вернулся в РКП(б), был на ответственных постах, в том числе полпредом в Лондоне в 1920—1923 и в 1925—1926 гг. I 203; II 80

Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал-лейтенант, один из организаторов контрреволюционного мятежа в Гражданскую войну; 1918 г. — атаман Войска Донского II 342

Кременеикий Леонид Николаевич (1862 — ?) — с 1903 по 1905 г. начальник Петербургского охранного отделения; с 1905 г. — начальник Иркутского, а с 1908 г. — Вологодского ГЖУ; в 1909 г. прикомандирован к Смоленскому ГЖУ, в 1909 г. — к Московскому ГЖУ; с 1910 г. — в резерве при Петербургском ГЖУ; с 1913 г. — начальник Пензенского ГЖУ; в 1916 г. (после расследования чиновником особых поручений при министре внутренних дел по обвинению Кременецкого в «постановке» в Пензе партийной эсеровской типографии при помощи секретного сотрудника) был уволен со службы I 84; II 160, 523

Кржижановская Зинаида Павловна (урожд. Невзорова; 1869—1948) — в 1895 г. член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры», участница революции 1905—1907 гг. С 1918 г. работала в Наркомпросе 1203

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — один из руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры», член ЦК РСДРП (1903—1905). В советское время — председатель комиссии ГОЭЛРО, председатель Госплана (1930—1932), председатель Главэнерго I 203; II 303, 467, 470

Кривошеин Александр Васильевич (1858—1923) — товарищ министра финансов (1906—1908); главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908— 1915), глава правительства Юга России при П.Н. Врангеле (1920) I 274

Кристи Екатерина — жительница Кишинева II 52

Критский Александр Павлович (1860 — ?) — в ОКЖ с 1886 г. В 1897 г. пом. начальника Нижегородского ГЖУ, затем Самарского ГЖУ. Полковник. С 1907 г. заведующий Поволжским районным охранным отделением. В 1912—1914 гг. — начальник Екатеринославского ГЖУ I 221, 230, 232—233, 240, 256

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921), князь — революционер, философ, идеолог анархизма II 448

Крохмаль Виктор Николаевич (1873—1933) — социал-демократ; в революционном движении с середины 1890-х гг. С 1902 г. — агент «Искры». После II съезда РСДРП — меньшевик. С 1904 г. в ЦК РСДРП от меньшевиков. Избирался в ЦК РСДРП на IV (Объединительном) съезде. После Февральской революции входил в ряд следственных комиссий от ЦИК Советов, редактировал «Рабочую газету». С 1918 г. работал юрисконсультом в Петрограде I 492

Крыжановский Сергей Ефимович (1861—1934) — с 1901 г. —

вице-директор Хозяйственного департамента; с 1904 г. — пом. начальника Главного управления по делам местного хозяйства; в 1906—1911 г. — товарищ министра внутренних дел, зав. Департаментом общих дел и особого делопроизводства по выборам в Гос. думу. С 1907 г. сенатор; с 1911 г. — Государственный секретарь; с 1 января 1917 г. — член Гос. совета II 303

Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — социал-демократ, большевик. С марта 1918 г. в ведомстве Наркомата юстиции; с мая 1918 г. возглавил Коллегию обвинителей революционного трибунала при ВЦИК I 18

Крылов Иван Ацдреевич (1796—1844) — баснописец I 227

Ксения Александровна, великая княгиня (1875—1960) — сестра Николая II, жена великого князя Александра Михайловича II 440

Кублицкий-Пиоттух Александр Павлович (1869 — ?) — получил образование в Сибирском кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище; с 1888 г. служил в 131-м пехотном Тираспольском полку. В ОКЖ с 1903 г. — адъютант Казанского ГЖУ; в 1904 г. прикомандирован к Тифлисскому ГЖУ; с 1906 г. — пом. начальника ЖУ Одессы; с 28 января 1908 г. в резерве при ЖУ Одессы; с 7 июля 1908 г. и.д. одесского полицмейстера; в 1910 г. прикомандирован к СПб. ГЖУ II 467

Кудрявцев Евгений (? — 1905) — член Боевой организации партии эсеров II240—241, 244-246

Кузубов Николай Матвеевич (1856 — ?) — в 1897 г. пом. начальника Петербургского ГЖУ, полковник с 1900 г.; начальник Одесского ГЖУ с 1905 г. I 61, 64, 66-70, 87

Куколь-Яснопольский Степан Александрович (1859 — ?) — товарищ министра внутренних дел, из дворян, получил образование в Московском университете. С 1884 г. служил в Земском отделе МВД. С 1891 г. — делопроизводитель; с 1896 г. — пом. управляющего Земским отделом; с 1900 г. — и.д. управляющего по делам о воинской повинности; с 1901 г. — управляющий по делам о воинской повинности; в 1916 г. товарищ министра внутренних дел; с 1917 г. — член Гос. совета II 486

Кулаков Владимир Николаевич (1874 — ?) — в ОКЖ с конца 1899 г.; с 1900 г. в распоряжении варшавского обер-полицмейстера; ротмистре 1901 г.; в 1902 г. прикомандирован к Казанскому ГЖУ; в 1905 г. — к Петербургскому охранному отделению II 236, 254

Куликов — рядовой из охраны Петропавловской крепости II 506

Куличенко — военный матрос II 105—108

Кулябко Николай Николаевич (1873—1920) — в 1897 г. пом. пристава в Москве. В 1907—1911 гг. — начальник Киевского охранного отделения, после убийства Столыпина отстранен от должности, привлечен к ответственности. Суда избежал. Позже был приговорен к тюремному заключению по обвинению в растрате казенных денег I 275—276, 280—282, 284—286; II 380

Кун Бела (1886—1939) —деятель венгерского и международного революционного движения, один из организаторов Коммунистической партии Венгрии. В 1916 г. находился в России как военнопленный. Участвовал в обороне Петрограда и подавлении левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 г. Нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской советской республики (1919). После падения Венгерской республики вернулся в Россию. В 1921 г. — член Исполнительного комитета Интернационала II 508

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — прозаик, публицист II 385

Курдюков — ротмистр Московского охранного отделения II 106—107

Курлов Павел Григорьевич (1860— 1923) — окончил Военно-юридическую академию, служил в прокурорском надзоре, с 1903 г. — курский вице-губернатор. С 1905 г. минский губернатор, с 1906 г. — член Совета министра внутренних дел, в апреле-августе 1907 г. — и.о. вице-директора ДП, с сентября 1907 г. — начальник Главного тюремного управления, с 1909 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир ОКЖ; после убийства Столыпина уволен с должности; с 1914 г. — особо уполномоченный по гражданскому управлению Прибалтикой. В 1916 г. в течение двух месяцев находился на должности товарища министра внутренних дел. После Февральской революции был арестован, освобожден, в 1918 г. уехал за рубеж I 22,24, 92, 258—259, 268—271, 273, 281-282, 284-286,422,494,498-499, II 95, 301,320, 322-328, 339, 360, 370, 373, 376, 378-380, 401,404, 420- 421, 457, 459-460, 470, 485, 523-525, 528

Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — в 1898—1904 гг, — военный министр; главнокомандующий русской армией во время Русско-японской войны; командующий Западным фронтом во время Первой мировой войны; с 1916 г. — туркестанский генерал-губернатор; после Октябрьской революции служил волостным писарем в Псковской губернии II 119

Кусицкая Серафима (1893 — ?) — молочница в Варшаве, позднее секретный сотрудник русской охранки II 83, 85

Кутаисов Павел Ипполитович (1837—1911) — генерал от

инфантерии; в 1878— 1880 гг. — нижегородский губернатор; с 1896 г — сенатор; в 1903—1905 гг. — иркутский генерал-губернатор II 149

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872—1971) — балерина, любовница Николая II II 499

Кюри Илья Романович — статский советник, преподаватель французского языка в Петроградском коммерческом училище, журналист, представитель «Echo de Paris» в Петрограде, секретный сотрудник ДП. Во время войны служил в контрразведке Военного министерства и был командирован в Румынию для воздействия на печать и общественные круги с целью присоединения Румынии к державам Антанты II 402

Лазаверт Сергей Сергеевич — старший врач отряда Красного Креста, которым командовал В.М. Пуришкевич II 429—430

Лазарев Егор Егорович (1855—1937) — участник революционного движения с 1870-х гг. В 1890 г. бежал из ссылки в Америку, где организовал Общество американских друзей свободы в России; член партии эсеров I 282—283

Ламеер — владелец универсальных магазинов в Западной Сибири II 116

Ламзин Виссарион Михеевич (1853 — ?) — окончил Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище. В ОКЖ с 1884 г. — адъютант Харьковского ГЖУ; с 1886 г. — пом. начальника Харьковского ГЖУ; с 1887 г. — пом. начальника Херсонского ГЖУ; с 1902 г. — начальник Витебского ГЖУ; с июля 1906 г. — начальник Севастопольского ЖУ; с ноября 1906 г. — начальник Вологодского ГЖУ; с 1908 г. прикомандирован к Московскому ГЖУ, работал в Московском охранном отделении I 303

Ланидзе — филер Ростовского охранного отделения II 67—68

Лаптинская Акилина (Акулина) Никитична (1886 — ?) — монахиня, одна из поклонниц Распутина. Была сестрой милосердия в госпитале Александры Федоровны II 443, 526

Лауниц Владимир Федорович фон дер (1855—1906) — харьковский уездный дворянский предводитель (1895), затем петербургский градоначальник, тамбовский губернатор II 238-242, 244-245, 298-299, 301-302

Лашкевич (? — 1917) — штабс-капитан лейб-гвардии Волынского полка, начальник учебной команды II 475

Лебедев Владимир Иванович (1883—1956) — публицист, эсер, управляющий Морским министерством Временного правительства, участник антибольшевистского движения в Поволжье. С 1919 г. в эмиграции II 29—30

Лебединцев (Либединцев) Всеволод Владимирович (1882—

1908) — астроном; эсер, руководитель Летучего боевого отряда Северной области II 267—268, 286—287, 292

Леве — виноторговец I 361

Левендаль Лаврентий Николаевич (1873 — ?), барон — в ОКЖ с 1898 г. С января 1900 г. и.д. делопроизводителя суда СПб. жандармского дивизиона, затем начальник Кишиневского охранного отделения I 441, II 39, 43—47

Левин — служащий галантерейного магазина в Кишиневе в 1903 г., эсер II 48

Левченко — бывший народоволец, руководитель группы эсеров в Саратове I 216, 225, 228, 234-235, 238, 241, 244-246, 254 Лейден Эрнст (1832—1910) — немецкий терапевт, профессор в Кенигсберге, Страсбурге и Берлине II 15—16

Ленин Владимир Ильич (наст. фам. — Ульянов; 1870—1924) — революционер, публицист, политический и государственный деятель I 94, 202—203, 307—308, 312, 319-320; II 75, 111, 138,449, 452, 495,498-499, 501,510

Лентовский Михаил Валентинович (1843—1906) — актер, антрепренер I 301

Леонтович Сергей Васильевич (1871 — ?) — получил образование в Кременчугском Александровском реальном училище и Киевском пехотном юнкерском училище В ОКЖ с 1903 г. — адъютант Люблинского ГЖУ; с 1904 г. — пом. начальника Томского ГЖУ; с 1906 г. — начальник ЖУ в уездах Царства Польского, с 1907 г. служил в Царском охранном отделении; с 1910 г. — начальник ЖУ в Лодзинском и Ласском уездах Лодзинской губернии I 344—346

Леонтьев — двоюродный брат А.П. Мартынова I 301

Леонтьева Татьяна Александровна — дочь якутского вице-губернатора. Оказывала содействие Боевой организации партии эсеров. Принимала участие в покушении на Д.Ф. Трепова. Арестована в 1905 г., выпущена после Манифеста 17 октября В 1907 г. решила убить министра внутренних дел П.Н Дурново. В отеле Интерлакена (Швейцария) убила француза Мюллера, приняв его по ошибке за Дурново. Швейцарским судом в 1907 г. осуждена к тюремному заключению на 4 года, в связи с душевной болезнью вскоре переведена в психиатрическую больницу II 150-152,518

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт, прозаик I 63, 267

Лесков Николай Семенович (1831—1895) — прозаик, публицист I 302

Лианозов — московский домовладелец I 300

Либман — владелец кондитерской в Одессе II 102

Лившиц — врач в Кишиневе II 51—52, 54—55

Литкенс Александр Александрович — старший врач Константиновского артиллерийского училища ! 203

Лозовский А. (наст, имя и фам. Соломон Абрамович Дридзо; 1878—1952) — большевик; в 1909—1917 гг в эмиграции во Франции; был членом Французской социалистической партии, принимал участие во французском профессиональном движении; генеральный секретарь Профинтерна (1921—1937) I 437—438

Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887—1970) — в 1915—1917 гг. генеральный консул Великобритании в России. С января 1918 г. глава британской миссии при Советском правительстве, в октябре 1918 г. выслан из России I 33, 35, 495

Лопухин Алексей Александрович (1864—1928) — товарищ прокурора окружного суда в Москве (1843), в Твери (1846), в Москве (1898), Петербурге (1900); прокурор Харьковской судебной палаты; директор ДП (1902—1905), эстляндский губернатор (1906); за разглашение служебной тайны приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой в Сибирь; помилован в 1912 г. I 13,71, 75, 78, 83, 270, 364-365, 423 442; II 142, 144, 159-160, 163, 277-281. 284, 373-374

Луканов — эсер, террорист II 322—323

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — литературный и театральный критик, публицист, член РСДРП с 1895 г. С 1917 г. нарком просвещения. С 1929 г. председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. С 1933 г. полпред в Испании II 450

Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925), князь — депутат I Гос. думы. Председатель Земского союза и один из руководителей Земгора. После Февральской революции — глава двух первых составов Временного правительства и министр внутренних дел (март—июль 1917 г.) I 421

Любич — жительница Кишинева, член РСДРП II 44 Любович — член Технической группы РСДРП II 78—80

Людендорф Эрих фон (1865—1937) — немецкий генерал. В Первую мировую войну начальник штаба Восточного фронта; с 1916 г. — первый генерал-квартирмейстер Верховного командования германской армии II 111

Маас Александр Иванович (1860 — ?) — окончил 1-е С.-Петербургское реальное училище, Николаевское инженерное училище, Николаевскую Академию Генерального штаба. В ОКЖ с мая 1893 г. — ст. адъютант штаба ОКЖ. Подполковник с 1898 г. I 57—58

Макариянц Захар (ок. 1881 — 1906) — житель Ростова-на-Дону, заявитель Ростовского охранного отделения II 71—74

Макаров — филер Ростовского охранного отделения I 72

Макаров Александр Александрович (1857—1919) — прокурор Саратовской судебной палаты (1901—1906), товарищ министра внутренних дел (1906—1908), министр внутренних дел (сентябрь 1911 — декабрь 1912 г.), министр юстиции (июль-декабрь 1916 г.), член Гос. совета, сенатор I 14, 292, 401, 480; II 328, 331—333, 373, 446, 488, 524, 528

Макеев — казачий подполковник в Ростове-на-Дону в 1905 г. II 59—60 Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — депутат II—IV Гос. дум от кадетской партии. С 1906 г. член ЦК партии кадетов. С 1914 г. активно работал во Всероссийском земском союзе. Член Прогрессивного блока. В феврале 1917 г комиссар Временного комитета Гос. думы в Министерстве юстиции II 250, 252

Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — с февраля 1913 по 5 июля 1915 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Расстрелян в 1918 г. 148011 333,485, 488

Макова — филер Варшавского охранного отделения I 454—455

Максимовский Александр Михайлович (1861—1907) — окончил Харьковский университет, с 1885 г. служил в

Государственной канцелярии; с 1894 г. — и.д. пом. статс-секретаря Гос. совета; с 1902 г. — пом. начальника Главного тюремного управления; с 1906 г. — начальник Главного тюремного управления II 378, 524

Малив И. — см.: Куличенко

Малиновский Роман Вацлавович (1876—1918) — социал-демократ, меньшевик, затем большевик; с 1910 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения, затем ДП, член ЦК РСДРП (1912—1914), депутат IV Гос. думы, в которой возглавлял социал-демократическую фракцию, разоблачен как провокатор **в** 1917 г.; по приговору трибунала расстрелян в 1918 г. I 289, 307, 312—320, 393, 400, 405-406, 425-426, 506; II 494-495, 530

Мальков М.К. — писец Саратовского охранного отделения 1118, 214—215

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869—1918) — журналист; с 1899 г. — представитель ДП в Риме, неоднократно посылался за рубеж **с** секретными заданиями. В 1905 г. находился в распоряжении председателя Совета министров гр. Витте. 1 сентября 1906 г. уволен в отставку II 203, 458 Мануйлов — см.: Манасевич-Мануйлов И.Ф.

Манухин Иван Иванович (1882—1958) — доктор медицины; при Временном правительстве привлечен Чрезвычайной следственной комиссией **в** качестве ее сотрудника для пользования арестованных высокопоставленных лиц II 339

Марахи Владимир Николаевич — саратовский полицмейстер, потом полицмейстер в Петербурге I 134—135, 167, 188, 190

Мараки Мария Николаевна — жена **В.Н.** Мараки I 135, 190

Мария Стюарт (1542—1587) — шотландская королева в 1561—1567 гг. I 218

Мария Федоровна (до перехода в православие София Доротея Августа Луиза; дочь герцога Фридриха Евгения Вюртембергского; 1759—1828) — русская императрица, супруга Павла 1 II 12, 14, 16, 20, 518

Марков — филер Ростовского охранного отделения 1905 г. II 60

Марков Николай Евгеньевич (1866—1947) — член III и IV Гос. дум; с 1907 г. член Союза русского народа. В 1908 г. член ЦК этого союза. В 1910 г. с отколовшейся частью союза организовал Союз Михаила Архангела II 491

Маркс Карл (1818—1883) — революционер, политэконом, философ I 63; II 499, 510

Мартов Юлий Осипович (наст. фам. — Цедербаум; 1873—1923) — участник социал-демократического движения с 1892 г.; с

1895 г. — член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1901 г. член редакции «Искры». С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. С 1920 г. в эмиграции I 202; II 449

Мартынов Александр Александрович (1900 — ?) — сын А.П. Мартынова I 21, 56, 353

Мартынов Александр Павлович (1875 — 1951?) — получил образование **в** 3-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по первому разряду. Служил во 2-м походном Софийском полку, затем в 7-м Гренадерском Самогитском полку, откуда и перешел в ОКЖ в мае 1899 **г.** в качестве младшего офицера Московского жандармского дивизиона. С 18 декабря 1901 **г.** — адъютант С.-Петербургского ГЖУ; с января 1903 г. — пом. начальника Петроковского ГЖУ для заведования паспортным просмотром м. Модржиево; с февраля 1903 г. прикомандирован к С.-Петербургскому ГЖУ; в 1906 **г.** — начальник Саратовского охранного отделения; с 1912 г. — начальник Московского охранного отделения. Полковник с 22 марта 1915 г. I 16—21,11 4

Мартынов Николай Павлович (1873—1936) — брат А.П. Мартынова, **в** 1906 г. — пом. начальника Московского ГЖУ по Дмитровскому и Богородицкому уездам, служил начальником Михайловской крепостной жандармской команды в чине подполковника I 37-38. 45, 48-49, 99-100, 117, 290, 299, 302, 328-329, 366

Мартынов Павел Мартынович — предприниматель, управляющий московской городской типографией, отец А.П. Мартынова I 298—301

Мартынов Петр Иванович (1867 — ?) — в ОКЖ с 1900 г., с 1901 г. адъютант Бакинского ГЖУ; затем адъютант ОКПУ ж.д. Закавказской ж.д.; с 1902 г. — пом. начальника Тифлисского ГЖУ в уездах; в 1906 г. — и.д. Тифлисского полицмейстера; позднее — и.д. киевского полицмейстера. С января 1909 г. — бакинский градоначальник I 135

Мартынов Петр Павлович (1878 — 1918?)— брат А.П. Мартынова. Получил образование в Смоленском реальном училище и Московском военном училище. В ОКЖ с 1902 г.: мл. офицер С.-Петербургского жандармского дивизиона; с 1904 г. служил в Московском охранном отделении; с 1906 г. — пом. начальника Московского ГЖУ в Коломенском и Бронницком управлении; с апреля 1908 г. — пом. начальника в Можайском, Рублевском и Верейском управлении; в июле 1908 г. прикомандирован к Бабинскому ГЖУ; в 1912 г. к Царепавловскому ГЖУ — служил **в** Варшавском охранном отделении. С 1915 г. — пом. начальника Киевского ГЖУ. С 1915 г.

в чине подполковника I 117, 290, 299, 327, 366 **Мартынова** — мать А.П. Мартынова **I** 297—298

Мартынова Евгения Николаевна — жена А.П. Мартынова I 21, 56,114—115, 187, 291, 353, 379

Маслов Семен Леонтьевич (1873—1938) — правый эсер, публицист, автор работ по аграрному вопросу. В 1917 г. — министр земледелия **во** Временном правительстве. Репрессирован в 1938 г. I 234

Маслова — социал-демократка в Ростове-на-Дону II 76—78, 80—81

Мата Хари (наст, имя и фам. Маргарита Гертруда Зеле; 1876—1917) — танцовщица, двойная шпионка Франции и Германии I 347

Матюшенский Александр Иванович — псаломщик II 204 Медведь-Соколов — см.: Соколов М.И.

Медников Евстратий Павлович (1853—1914) — с 1881 г. сверхштатный околоточный надзиратель полицейского резерва московской полиции, откомандирован в охранное отделение на должность филера, с 1890 г. — чиновник канцелярии московского полицмейстера, а фактически руководитель службы наружного наблюдения, один из создателей и руководитель (1894) Летучего отряда филеров Московского охранного отделения **и** ДП; с 1902 по 1906 г. возглавлял службу наружного наблюдения по всей России I 80, 82—83, 116—118, 132, 278, 499; II 32-33, 37, 149 160, 163, 346, 355, 517-518, 522

Мейслинг — солдат в охране Петропавловской крепости II 505

Мельников Михаил Михайлович (1877 — ?) — из мещан, счетовод-чертежник; с 1896 г. — студент Горного института в Петербурге; в 1898 г. арестован по делу петербургского народовольческого кружка, два года находился в тюрьме, потом был административно сослан под гласный надзор полиции на 3 года. Бежал с места ссылки, стал ближайшим помощником Гершуни в создании Боевой организации партии эсеров I 278

Меньшиков Леонид Петрович (1869—1932) — в 1885—1887 гг член народовольческого кружка, будучи арестован в 1887 г., дал откровенные показания, после освобождения поступил на службу в Московское охранное отделение; с 1902 г. — пом. начальника Московского охранного отделения; с 1903 г. и.д. старшего пом. делопроизводителя Особого отдела ДП. В 1905 г. тайно сообщил партии эсеров о деятельности секретных сотрудников Азефа и Татарова. В 1907 г. вышел в отставку, поселился в Финляндии, куда вывез свой архив. В 1909 г. эмигрировал во Францию, установив связь с Бурцевым I 84; II 26,

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — писатель, публицист II 134 Мец Георгий Георгиевич (1866 — ?) — окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1886 г. начал службу в 92-м пехотном Печерском полку, затем в Донском казачьем полку. В ОКЖс 1903 г. Был прикомандирован к СПб ГЖУ, находился в распоряжении командира ОКЖ, выполнял поручения ДП. В 1908 г. в ДП занимался сбором информации о масонстве. В 1909 г. был откомандирован в распоряжение дворцового коменданта. С 1914 г пом. начальника Финляндского ЖУ по Бьернеборгскому пограничному району II 384

Мещерский Владимир Петрович (1838—1914), князь — камергер, журналист, публицист, прозаик II 347, 363

Микеладзе — жена А. П. Микеладзе I 208

Микеладзе Александр Платонович (1867 — ?), князь — получил образование в Тифлисском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище. В ОКЖ с 1894 г. — адъютант Харьковско-Царицынского ЖПУ; с 1895 г. — и.д. начальника Новоузенского отделения Рязано-Уральского ЖПУ ж.д.; с 1897 г. — начальник Каспийского отделения Ростово-Владикавказского ЖПУ ж.д.; с 1904 г. — начальник Порт-Артурской крепостной жандармской команды; с 1905 г. — начальник жандармской команды в порте Александра III; с 1906 г. — прикомандирован к Курляндскому, Виленскому ГЖУ, с мая 1907 г. — начальник Саратовского ГЖУ; с сентября 1907 г. — начальник ЖПУ Средне-Азиатской ж.д.; с 1908 г. — прикомандирован к этому ЖПУ ж.д.; с 1909 г. — пом начальника Финляндского ЖУ; с 1910 г. — начальник Енисейского ГЖУ 1206— 212, 221, 258

Милица Николаевна, великая княжна (1866—1951) — дочь черногорского князя Николая Негоша, жена великого князя Петра Николаевича II 309, 312 Миллер — см.: Мюллер Ш.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, лидер партии кадетов, член III и IV Гос. дум, министр иностранных дел Временного правительства (март-апрель 1917 г.) I 421; II 117-118, 133, 220-221, 304, 457, 459-460, 463, 520 Мин Георгий Александрович (1855—1906) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Семеновского полка. Жестоко подавил Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. В августе 1906 г. был убит эсеркой З.В. Коноплянниковой II185, 192, 214, 238, 268, 287

Минор Осип (Иосиф) Соломонович (1861—1934) — народоволец, много лет провел на каторге и в ссылке, член партии эсеров с 1903 г., член ее ЦК с 1904 г. В 1919 г. эмигрировал I 228—233, 241, 253; II 314, 316

Мивдер Аристид Аристидович — прокурор Саратовской

судебной палаты I 97

Миткевич-Желток Николай Антонович — генерал-майор, московский полицмейстер 1307

Митрович Петр Михайлович — прокурор Московского окружного суда I 101 Михаил Александрович, великий князь (1878—1918) — младший брат Николая II. В Первую мировую войну командовал кавалерийской («Дикой») дивизией, кавалерийским корпусом. 3 марта 1917 г. отрекся от престола, расстрелян в июне 1918 г. II 114, 328-331, 336, 481-483, 529

Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909) — генерал-фельдмаршал, председатель Гос. совета в 1881—1905 гг. II 17

Модль Владимир Францевич (с 1915 г. — Владимир Александрович Марков; 1871 — ?) — в 1903—1906 гг. — пом. начальника ОКЖ; в 1908—1915 гг. — пом. московского градоначальника; с 1915 г. — и.д. градоначальника в Керчь-Еникале I 295-296, 304, 349; II 180

Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867—1925) — болгарин, принял русское подданство, окончил училище правоведения, с 1889 г. служил в ведомстве Министерства юстиции; с 1911 г. — прокурор Одесской судебной палаты; с 1915 г. — директор ДП; с 1916 г. — член Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия I 96; II 112

Молоховец Елена Ивановна (урожд. Бурман; 1831—1918) — автор многократно переиздававшейся книги «Подарок молодым хозяйкам» I 62, 496

Молоховец Леонид Францевич (1852 — ?) — в ОКЖ с 1881 г. Начальник Вятского ГЖУ с 1896 г. В 1901 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ. С 1903 г. его фамилия исчезает из списка общего состава чинов Штаба ОКЖ I 62, 496

Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905) — предприниматель, владелец Никольской мануфактуры II 196

Мошков П.В. — филер Саратовского охранного отделения, заведовал наружным наблюдением I 118, 129, 131, 171—172, 189, 192

Мрозовский Иосиф Иванович (1857—1917) — генерал от артиллерии, в 1915—1917 гг. командующий войсками Московского военного округа, главноначальствующий в Москве I 306, 370-372, 377, 380-381, 392

Муравьев Николай Константинович (1870—1936) — адвокат, присяжный поверенный. 9 марта 1917 г. возглавил Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц II 250, 339, 340, 347, 529

Мушин А. — анархист. (С.А. Степанов полагает, что под этим

псевдонимом скорее всего скрывался В.И. Федоров-Забрежнев; см.: Степанов С.А. Загадка убийства Столыпина. М., 1995. С. 78) I 282

Мюллер Шарль (1836—1906) — французский миллионер II 41, 152

Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, литератор. С 1906 г. один из лидеров Партии народных социалистов. С 1918 г. в эмиграции II 251—252

Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник. В ОКЖ с 1892 **г.** С 1901 **г.** — начальник Вержболовского отделения СПб Варшавской ЖПУ ж.д. В 1909 **г.** назначен в распоряжение военного министра. С 1912 **г.** в отставке. В 1914 г. предан военно-полевому суду по обвинению в шпионаже. 18 марта 1915 г. признан виновным в шпионаже и мародерстве во время войны и приговорен к повешению. Приговор был приведен в исполнение II 407—409, 525

Мятлев Владимир Петрович (1866 — ?) — старший советник в звании камергера; с 1885 г. — в лейб-гвардии Гусарском полку; в 1906—1917 гг. — Новооскольский (Курской губернии) уездный предводитель дворянства. Поэт, лирик, сатирик, внук поэта И.П. Мятлева I 362

Мячин Константин Алексеевич (1886—1938) — участник революционного движения. Принимал участие в экспроприациях. В 1918 г. жил под фамилией В.В. Яковлева. Как особо уполномоченный ВЦИК, перевозил царскую семью из Тобольска в Екатеринбург. Затем военный комиссар на Самарском фронте II 94—95, 99

Надаров Борис Иванович — слушатель Михайловской артиллерийской академии, поручик, член Боевой организации партии эсеров I 75, 85—86

Надаров Иван Павлович (1851 — ?) — генерал от инфантерии, военный губернатор Забайкальской области в 1901—1904 гг. I 85 **Назанскии В.И.** — артиллерийский полковник, пом. московского градоначальника в 1915-1916 гг. I 347-348, 370

Назаров Ф.А. — член Боевой организации эсеровской партии II 153, 518

Натансон Марк Андреевич (1850—1919) — революционер, участник кружка «чайков-цев», позднее — эсер II 339

Наумов Александр — начальник дворцовой почтово-телеграфной конторы в Новом Петергофе II 248

Наумов Владимир Александрович (1881—1907) — член Боевой организации партии эсеров II 248-250, 258

Нахичеванский хан Гусейн (1863 — ?) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в годы Первой мировой войны командовал

2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, Отдельным гвардейским кавалерийским корпусом II 482

Неделяев Петр Осипович (1882 — ?) — с 1907 г. филер Самарского охранного отделения, писец Саратовского охранного отделения околоточный надзиратель Московского охранного отделения I 336—338

Немирович-Данченко Константин Прокофьевич (1864 — ?) — в ОКЖ с 1892 г. — начальник Коренево-Курского отделения Московско-Киевского ЖПУ ж.д.; служил в Орловском ГЖУ, Пермском отделении Екатеринбургского ЖПУ, начальником Харьковского отделения Харьковского ЖПУ, начальником Белгородского отделения Харьковского ЖПУ, начальником Коренев-Курского отделения Московско-Киевского ЖПУ старшим адъютантом штаба ОКЖ (1905) начальником Таврического ГЖУ (1908), начальником Владимирского ГЖУ (1913) I 93-95

Немова (ок. 1876 — 1906) — фельдшер, социал-демократка в Ростове-на-Дону II 75— 76, 78, 81

Нератов Анатолий Анатольевич (1863 — ?) — гофмейстер; в 1906—1910 гг. — вицедиректор 1-го департамента МИД; в 1910—1916 гг. — товарищ министра иностранных дел; 11 ноября 1916 г. на него возложено временное управление МИД, член Гос. совета II 330

Нефедов Иван Григорьевич (1877 — ?) — из крестьян Рязанской губернии, Касимовского уезда, дер. Рудаково, рядовой 2-го Запасного батальона, деншик князя Юсупова II 437

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882) — революционер, организатор тайного общества «Народная расправа». В своей деятельности прибегал ко лжи и провокации. В 1869 г. был организатором убийства студента И И. Иванова, якобы заподозренного им в провокации; скрылся за границу. В 1872 г был выдан России швейцарскими властями, в 1873 г. приговорен к 20 годам каторги II 448

Никитенко Борис Николаевич (1895—1907) — отставной лейтенант флота; с 1906 г. член Боевой организации партии эсеров Арестован в марте 1907 г, Петербургским военно-полевым судом за попытку организации покушения на Николая II приговорен к смертной казни II 250, 252, 258, 286—287

Николаев Иван Сергеевич (1864 — ?) — получил образование в Орловском Бахтина кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище. В ОКЖ с 1893 г Служил в Кубанском областном ЖУ, пом. начальника Полтавского, Таврического, Томского, Владимирского ГЖУ, Финляндского ЖУ, пом. начальника С -Петербургского ГЖУ (с июля 1906 г.). Позднее — начальник Пензенского ГЖУ, с 1910 г в Петербургском охранном

отделении I 235—236, 238

Николай I (1796—1855) — российский император с 1825 г. I 29—34, 36, 299, 502; II 383, 390, 511

Николай II (1868—1918) — российский императоре 1894 г. I 17,22,138, 268, 271, 273, 277, 281-282, 286, 293, 296, 313, 324, 329, 347-348, 385, 403, 405, 407, 431, 443, 498; II 10-12, 16-18, 20-21, 30, 34,41, 93, 114-115, 121,124, 127-128, 131, 143, 151, 154,156, 164-165, 168, 175-179,181,183-184, 186, 190-192,196, 217, 221— 225, 239, 241-244, 246-251, 258-260, 264-265, 269-275, 281, 287, 292-294, 300-303, 305-311, 313, 328-331, 333, 335-336, 341, 345, 369-370, 376-377, 387, 380, 382-383, 386, 393-395, 398,412-416,418-420,422-425, 428-429,431,443, 446-447, 449, 454-455, 457, 460-461, 464-466, 468-471, 474-475, 479-480, 482, 503, 518, 524, 526-527

Николай Александрович — см.: Николай 11

Николай Негош (1841—1921) — князь (1860—1910) и король (1910—1918) Черногории II 309

Николай Николаевич (младший), великий князь (1859—1929) — двоюродный брат Александра III, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905—1914); Верховный главнокомандующий (1914—1915); наместник на Кавказе (1915-1917) I 385, 396-397, 498; II 114, 177, 254, 264, 267, 309, 312, 408, 412, 510

Николай Черногорский — см.: Николай Негош

Николенко Анатолий Тимофеевич (1853 — ?) — генерал-майор, начальник жандармского ЖПУ, в ОКЖ с 1880 г.; служил в Севастопольском отделении Харьковского ЖПУ ж.д., Елизаветградского отделения Киевского ЖПУ ж.д., начальником Киевского ЖПУ ж.д., прикомандировывался к С.-Петербургскому ЖПУ ж.д.; с 1901 г. — начальник Тамбово-Уральского ЖПУ ж.д. I 133,135—136, 167, 196, 249, 251

Никон (Минов Никита) (1605—1681) — патриарх всея Руси, с 1652 г. провел церковные реформы, вызвавшие раскол II 394

Нимаццдер Евгений Петрович — прокурор Иркутской судебной палаты II 113

Новицкий Василий Дементьевич (1839—1907) — в ОКЖ с 1874 г., в 1878—1903 гг. начальник Киевского ГЖУ, генерал-майор I 91, 120, 499; II 26—28, 158

Носович Владимир Павлович (1864 — ?) — с 1915 г. прокурор Московской судебной палаты; с 1916 г. обер-прокурор Уголовного кассационного департамента; с 1917 г. сенатор I 97—99; II 409

Нотнагель Герман (1841—1905) —профессор патологии и терапии Венского университета, с 1905 г. член Венской академии наук II 51

Оболенский Алексацдр Николаевич (1872—1922), князь — флигель-адъютант, градоначальник Петрограда с июля 1914 г. по ноябрь 1916 г II 461

Овчарек — член группы боевиков ППС I 464

Огарев Николай Ильич (1820—1890) — генерал-майор, московский полицмейстер (1856-1890) I 301

Озанян Андраник Торосовим (1865—1927) — деятель национально-освободительного движения Армении II 69, 526

Ольга Константиновна, великая княгиня (1851—1926) — жена греческого короля Георга 1II 17, 527

Ольденбургский Петр Александрович (1868—1924), принц — генерал-майор Свиты, муж великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая II II 239—240

Орлов — старший писарь штаба ОКЖ I 45—46

Орнатский Иоанн Николаевич (? — 1918) — протоиерей, настоятель Казанского собора, философ II 170

Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин; 1878—1942) — прозаик, публицист I 302

Островская — член группы боевиков польской партии ППС — революционная фракция I 461, 464

Очкин — владелец ресторана в Саратове 1211

Павлов Владимир Петрович — главный военный прокурор, убит в Петербурге 26 декабря 1906 г. II 238

Падеревский Игнацы Ян (1860—1941) — польский пианист и композитор, премьер-министр и министр иностранных дел Польши в 1919 г. I 313

Панасюк — пристав в Одессе I 448

Пападжанов Михаил Иванович (1868 — ?) — присяжный поверенный, левый кадет, член IV Гос. думы I 493

Парвус Александр Львович (наст фам. Гельфанд; 1869—1924) — участник российского и немецкого социал-демократического движения, публицист. С 1903 г. — меньшевик. Во время Первой мировой войны жил в Германии, занимался коммерческой деятельностью. После Февральской революции вел переговоры о возвращении через Германию в Россию русских социал-демократов во главе с В.И. Лениным II 111, 452

Пастрюлин Иван Иосифович (1867 — ?) — окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище. В ОКЖ с 1892 г. — адъютант в Ломжинском ГЖУ, затем мл. пом. начальника в Варшавском, Радиминском ЖУ, прикомандирован к Виленскому ГЖУ. С 1904 г. — пом. начальника Самарского ГЖУ; с 1907 г. служил в Самарском охранном отделении; с 1908 г. — пом. начальника Московского охранного отделения; с 1910 г. — начальник

Тифлисского ГЖУ I 137, 157, 167—168, 171—172

Пащенко-Развадовский Константин Владимирович, граф — товарищ прокурора Петербургского окружного суда I 96

Певцов Илларион Николаевич (1879—1934) — актер I 39

Переверзев Павел Николаевич (1871—1944) — юрист, трудовик, прокурор Петербургского кассационного суда при Временном правительстве; министр юстиции Временного правительства в апреле—июне 1917 г. I 440; II 49

Перерва — унтер-офицер сверхсрочной службы Петербургского ГЖУ I 64

Перрен Карл — американский подданный, спирит и магнетизер II 496—497

Перцов — филер Московского охранного отделения II 96

Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) — один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии. В 1917 г. был в числе организаторов Центральной рады (1917) и Директории (1918), ее глава с февраля 1919 г. В советско-польской войне выступил на стороне Польши. В 1920 г. эмигрировал, в 1926 г. был убит в Париже С. Шварцбартом из мести за еврейские погромы на Украине II 508

Петр I (1672—1725) — царь Московский с 1682 г.; император всероссийский с 1721 г. I 127,413; II 347, 395, 428,489, 521

Петр Николаевич, великий князь (1864—1931) — сын великого князя Николая Николаевича старшего, генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части (1904-1909) II 309, 312

Петров Александр Алексеевич (1882—1911) — из семьи фельдшера земской больницы. С 1901 г. работал народным учителем в деревне. В 1902 г. сблизился с эсерами и начал вести пропаганду в деревне. В 1903 г. был арестован, но вскоре выпущен под залог. В январе 1906 г. — новый арест и побег из Глазовской тюрьмы. Вскоре стал одним из активных членов Поволжской областной организации, принимал участие в террористических актах. Был вновь арестован и приговорен к 4 годам каторги. Вновь бежал, был переправлен за рубеж. В 1908 г. вернулся в Россию, работал в Саратове, 2 января 1909 г. был арестован, через полтора месяца дал согласие на сотрудничество с охранным отделением I 228— 229, 252-256, 418, 432-433, 502; II 314-326, 339, 377-378, 521

Петров Григорий — член Московского комитета РСДРП II 95—96, 98—99

Петрова Маня — социал-демократка, посещала медицинский факультет Высших женских курсов II 96—99

Петропавловский Николай Елгоадифорович (псевдоним — С.

Каронин; 1853—1892) — народник, писатель, был сослан в Тобольскую губернию за участие в революционной деятельности I 178, 501

Петропавловский Николай Николаевич — эсер, сын Н.Е. Петропавловского I 178— 183

Петухов — студент в Москве II 377—378

Пешков Николай Александрович (1868 — после 1920) — окончил Училище правоведения, с 1890 г. — в Петроградской судебной палате; в 1892 г. переведен на службу в МВД, чиновник ДП; с 1910 г. — чиновник особых поручений при ДП; с 1914 г. — в Главном управлении по делам печати; в 1916—1917 гг. — пом. торгового агента при русской миссии в Дании I 78

Пилар — генерал, градоначальник в Ростове-на-Дону в 1905 г. II 56, 58—59

Пилсудский Юзеф Клеменс (1867—1935) — член Польской социалистической партии с 1894 г., один из ее лидеров, с 1906 г — глава Боевой организации; начальник

Польского государства в 1919—1923 гг., премьер-министр в 1926—1928 гг., 1930 г. I 459-460, 473-474

Пинхус — см.: Секеринский П.В.

Питирим (Окнов П.В.; 1858—1921) — священник, с 1894 г. — епископ Новгородский, Северский; с 1896 г. — Тульский; с 1904 г. — Курский; с 1909 г. — архиепископ; с 1913 г. — архиепископ Самарский; с 1914 г. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Синода. С 1915 г. митрополит Петроградский и Ладожский; архиепископ Александро-Невской лавры II 485

Плевако Федор Никифорович (1843—1908) — адвокат I 298

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — директор ДП (1881—1884), член комиссии по составлению положения о Государственной охране, товарищ министра внутренних дел (1884—1893), министр внутренних дел (с апреля 1902 г.), шеф жандармов, в июле 1904 г. был убит террористом Е.С. Сазоновым I 7, 56. 84, 102, 441-442,480,498; II 32, 35, 39-41, 46, 154. 158-162,169, 196, 258, 280, 282, 284, 288,317, 372, 388

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель российского и международного социалистического движения, философ, историк, теоретик и пропагандист марксизма, один из основателей РСДРП I 63, 437; II 98

Плеханова Розалия Марковна (1856—1949) — жена В.Г. Плеханова II 98

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода (1880— 1905) II 15, 18-19, 170-171, 181, 516, 519

Познанский Михаил Игнатьевич (1871 — ?) — в ОКЖ с 1899 г., с 1905 г. — пом. начальника Московского ГЖУ, с 1907 г. — в резерве при С.-Петербургском ГЖУ; с 1908 г. — начальник Иркутского ГЖУ; с 1912 г. — начальник Самарского ГЖУ 1207

Покотилов Алексей Дмитриевич (1879—1904) — из дворян, сын генерал-майора, бывший студент Киевского университета. В 1901 г. за участие в демонстрации у Казанского собора в Петербурге выслан под гласный надзор полиции на 2 года. Жил в Полтаве, откуда скрылся. Член Боевой организации партии эсеров, участник покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве. Погиб в ночь на 1 апреля 1904 г. в «Северной гостинице» Петербурга в результате взрыва I 104,442; 1140-41,498

Покровский Николай Николаевич (1865—1930) — с 1906 г. товарищ министра финансов; с 1914 г. — член Гос. совета; с 30 ноября 1916 по 4 марта 1917 г. — министр иностранных дел II 468

Полевицкая Елена Александровна (1881 — 1973) — актриса I 39

Поливанов Алексей Андреевич (1856—1920) — генерал от инфантерии (1911). Член Гос совета (1912—1915). Пом. военного министра (1906—1912), военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (13 июня 1915 — 15 марта 1916). После Февральской революции — председатель Особой комиссии по построению армии на новых началах. После Октября 1917 г. на службе в РККА. В 1920 г. назначен членом Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами республики II 408, 454, 464

Померанцев Дмитрий Семенович (1853 — ?) — **в** ОКЖ с 1880 г. — адъютант ГЖУ; с 1887 г. — пом. начальника ГЖУ; с 1898 г. — пом. начальника Воронежского ГЖУ; с 1902 г. — начальник Саратовского ГЖУ; с 1907 г. — начальник ЖУ Одессы; с 1912 г. — начальник Московского ГЖУ I 114, 119—120,127—128,167, 173—177, 196, 206, 208, 290, 335

Попель Иван Юлианович (1879 — ?) — окончил Холмскую духовную семинарию (4 о.) и Киевское военное училище; с 1902 г. служил во 2-м Ковенском крепостном пехотном полку. Поступил в ОКЖ в 1906 г. — адъютант Ковенского ГЖУ; с 1908 г. — пом. начальника Вятского ГЖУ. С 1909 г. временно находился в резерве при Екатеринославском ГЖУ; с марта 1911 г. — в резерве Вологодского ГЖУ; 27 октября 1911 г. прикомандирован к СПб. ГЖУ II 430

Попов Аким Борисович — письмоводитель канцелярии Саратовского охранного отделения I 116, 118, 128-131, 135, 193

Попов Дмитрий Васильевич — заведующий наружным

наблюдением Московского охранного отделения I 326—327

Попов Петр Ксеиофонтович (1868 — ?) — генерал-майор ОКЖ. Получил образование **в** Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище; с 1886 г. — в конном полку Оренбургского казачьего корпуса; с 1894 г. — адъютант Симбирского ГЖУ; с 1895 г. — пом. начальника Екатеринославского ГЖУ; с 1902 г. — пом. начальника Донского областного ЖУ Таганрогского округа; с 1907 г. — в резерве при Харьковском ГЖУ, исполнял обязанности начальника Харьковского ГЖУ; с 1909 г. — и.д. начальника Полтавского ГЖУ; с 1909 г. — начальник Севастопольского ЖУ; с 1914 г. — начальник Петербургского охранного отделения. С 1915 г. штаб-офицер для поручений при министре внутренних дел; в 1916 г. произведен в генерал-майоры I 272, 406-407; II 127-128, 433-434, 452-453

Попова Валентина — эсерка, член террористической группы II 238

Пострилин — см.: Пастрюлин И.И.

Потеркина Екатерина Ивановна (1887 — ?) — горничная в семье Распутина II 435

Правоторов Виктор Викторович (1866 — ?) — получил образование в Московском реальном училище и в Военно-топографическом училище. С 1889 г. служил в Корпусе военной топографии. В ОКЖ с 1895 г. — младший офицер С.-Петербургского жандармского дивизиона; с 1897 г. — и.д. пом. начальника Шлиссель-бургского ЖУ; с 1901 г. — мл. пом. начальника Шлиссельбургского ЖУ; с 1902 г. — ст. пом. того же управления; с 1904 г. — пом. начальника С.-Петербургского ГЖУ в Шлиссельбургском уезде; с 1907 г. — пом. начальника Витебского ГЖУ;с 1910г. — начальник Туркестанского отделения ЖПУ ж.д.; с 1914г. — начальник Чикментского отделения ЖПУ ж.д. Ташкентской ж.д.; с 1915 г. — начальник Байкальского отделения ЖПУ Забайкальской ж д. I 63

Принцип Гаврила (1894—1918) — член организации «Молодая Босния» (1914), выступавшей за освобождение Боснии и Герцеговины от австро-венгерской оккупации. По заданию организации 28 июня 1914 г. убил австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда I 354

Провоторов — см.: Правоторов В.В.

Прокопович Антон Михайлович — полицмейстер в Ростове-на-Дону в 1905 г. II 57

Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1917) — октябрист, член III и IV Гос. дум, тов. председателя IV Гос. думы, один из лидеров Прогрессивного блока. С сентября 1916 г. —

министр внутренних дел. После Февральской революции арестовывался Временным правительством, расстрелян большевиками I 20, 23—24. 391,401,480; II 112, 115, 340-341,421-423,436-437,443,457-461,464-466. 469-470, 473-474, 477-478, 483, 490-492, 495-497

Пуанкаре Раймонд (1860—1934) — французский политический деятель, президент Франции (1913 — январь 1920 г.). В 1912 г., январе 1913, 1922—1924. 1926— 1929 гг. — премьер-министр Французской республики II 509

Пуришкевич Владимир Михайлович (1870—1920) — черносотенец, один из основателей Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, депутат II—IV Гос. дум I 346; II 427-432, 439-440, 443-444, 446

Пурталес Фридрих фон (1953—1928), граф — германский посол в России в 1907— 1914 гг. II 345

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт I 502; II 268

Раабе Викентий Самсонович фон — генерал-майор, бессарабский губернатор I 440; II 30

Рагозинникова Е. — эсерка, террористка II 432, 524

Райзман — социал-демократ в Ростове-на-Дону II 76

Ракитников Николай Иванович (1864—1938) — народоволец, с 1897 г. — эсер; с конца 1901 г. — член ЦК, вел работу в различных городах России и за границей. 7 июля 1906 г. арестован и осенью того же года выслан за границу; вскоре вернулся и жил в стране нелегально. Во Временном правительстве — товарищ министра земледелия I 132, 499

Ракицкая — жена М.М. Ракицкого I 195—196

Ракицкий Михаил Михайлович (1865 — ?) — окончил 3-ю петербургскую классическую гимназию и Одесское пехотное юнкерское училище. В ОКЖ с 1902 г., тогда же прикомандирован к Варшавскому ЖПУ ж.д., адъютант этого же управления; с 1903 г. — прикомандирован к С.-Петербургскому ГЖУ; с 1904 г. — пом. начальника Кронштадтского порта, пом. начальника Кронштадтского ЖУ, пом. начальника жандармской команды порта имп. Александра III; с марта 1907 г. — пом. начальника Саратовского ГЖУ в уездах; с ноября 1907 г. — пом начальника Владимирского ГЖУ в уездах I 193—196 Ракова — бывшая курсистка, член Технической группы РСДРП II 78—80

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864? — 1916) — из крестьян, уроженец с. ПокровскогоТобольской губернии, фаворит царской семьи I 26, 347—348, 377, 398,407, II 123-128, 309-313, 319-320, 325, 331-333, 335-336,411-419, 421 — 430, 433-444, 446, 448, 459, 470, 521, 526

Распутина Анна Михайловна (? — 1908) — эсерка, террористка, член Летучего боевого отряда Северной области, принимала участие в подготовке покушения на вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции И.Г. Щегловитова. Арестована 7 февраля 1908 г. с разрывным отрядом. Приговорена к смертной казни II 265-268, 286-287, 292

Распутина Анна Николаевна (1899 — ?) — крестьянка Тобольской губернии, Тюменского уезда, с. Покровского, племянница Г Е Распутина II 435

Распутина Варвара Григорьевна (1900 — ?) — младшая дочь Г.Е. Распутина II 435

Распутина Матреиа (Матрона, Мария) Григорьевна (1898—1960) — дочь Г.Е. Распутина II 434-435

Ратаев Леонад Александрович (1857—1917) — в 1882 г. перешел в МВД, в ДП, в 1898 г. возглавил его Особый отдел' с октября 1902 г. по июль 1905 г — заведующий Заграничной агентурой ДП в Париже; с 1 августа 1905 г. в отставке, жил в Париже под фамилией Рихтер I 75, 78—79, 82—84, 497

Ратимов Николай — казак лейб-гвардии собственного его императорского величества конвоя II 248—250

Рафалович Артур Германович (1853—1921) — экономист; директор Русского для иностранной торговли банка Агент Министерства финансов во Франции I 439

Рахманинов Иван Михайлович — детский доктор в Москве I 297

Рачковская Ксения Мартыновна (урожд. Шерле) — жена П.И. Рачковского II 208, 519

Рачковский Петр Иванович (1853—1910) — с 1884 по 1902 г. — зав. Заграничной агентурой ДП. В июле 1905 г. назначен зав. Политической частью ДП (июль 1905 — май 1906) I 77-81,83,423,497, 501; II 40, 143, 145,149-150, 168-169,172-175, 177, 188-190, 193, 204, 206-209, 211-214, 216-220, 223, 226-227, 260, 277, 282-283, 371, 518-519

Регекампф Сергеи Алексаадрович (он же Яков Златкин; ? — 1918) — литератор, деятель кооперативного движения, секретный сотрудник Московского охранного отделения (кличка «Штурман»), Расстрелян 30 июня 1918 г. по приговору Верховного революционного трибунала I 311—312, 503

Рейн Георгий Ермолаевич (1854— ?) — почетный лейб-хирург, академик, член Гос. совета, член II Гос. думы, председатель Медицинского совета МВД (1908— 1915), с 1915 г. — председатель комитета по учреждениям Главного управления здравоохранения, с 1916 г. — главноуправляющий государственного здравоохранения I 282—283

Рейнбот Анатолий Анатольевич (1868—1918) — с 1905 г. — и.д. казанского губернатора; в 1906—1907 московский градоначальник, генерал-майор. В декабре 1907 г. уволен со службы в результате ревизии, исключен из Свиты, предан суду, приговорен к заключению за превышение власти. После помилования принят на службу в 1914 г., переменил фамилию на Резвой I 367

Рейхард Павел Борисович — полицмейстер Кишинева с 1903 г. I 441; II 39, 55

Ривкина — жительница Кишинева, член РСДРП II 44

Риман Н.К. — полковник, один из участников подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве II 214

Рихтер Оттон Борисович — генерал-адъютант II 15

Рогов — полковник полиции в Петербурге II 432

Рогозинникова — см.: Рагозинникова Е.

Родзевич Игнатий Игнатьевич — журналист, владелец типографии I 298

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — председатель Екатеринославской губернской земской управы (1900); октябрист, депутат и председатель 111 и IV Гос. дум, член Гос. совета (1906); с 7 марта 1907 г. — почетный комиссар Главного управления Красного Креста I 25, 316, 319; II 457, 459, 464, 471,481, 483— 484

Родон Виктор Иванович (наст. фам. Табель; 1846—1892) — опереточный и эстрадный артист I 301

Розов — см.: Герман Рокицкий М.М. — см.: Ракицкий М.М.

Романов — секретный агент дворцовой полиции II 13

Романов Андрей Сергеевич (1882—1918) — из крестьян Переяславского уезда Владимирской губернии, член РСДРП, типографский рабочий-переплетчик. Учился в каприйской школе (1909). Разъездной агент ЦК РСДРП. С 1910 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения. Был членом московской «инициативной» группы социал-демократов, ликвидированной охранным отделением в 1910 г. на основе сообщенных им сведений. В 1911 г. был послан в Тулу, Тверь, откуда по приглашению заграничных партийных кругов ездил на конференцию большевиков (с ведома охранного отделения). Вернувшись, принял участие в работе Московской областной группы РСДРП, выдал много членов организации. В 1915 г. стал членом Всероссийского земского союза, заведующим починочно-сапожной мастерской на фронте. Расстрелян по приговору Верховного революционного трибунала I 94—95, 497, 503

Роте — член группы боевиков польской партии ППС— революционная фракция I 461; II 82, 85

Рузский Николай Владимирович (1854—1918) — окончил 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба; участник Русско-турецкой и Русско-японской войн; с 1912 г. — пом. командующего войсками Киевского военного округа; в 1914—1917 гг. — командующий 3-й армией; затем главнокомандующий армией Северного фронта; с 1915 г. — член Гос. совета и член военного совета, командующий 6-й армией; с 1916 г. — главнокомандующий армиями Северо-Западного и Северного фронтов II 95, 131, 467, 469-471,479, 481-482

Ругенберг Петр (Пинхус) Моисеевич (1878— 1942) — инженер-технолог Путиловского завода, член социал-демократической группы «Рабочее знамя», впоследствии примкнул к эсерам Участвовал в мирном шествии рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. вместе с Г А. Гапоном, скрывал Гапона после расстрела манифестации. Член боевой дружины в период подготовки вооруженного восстания в Петрограде. Узнав о связи Гапона с охранкой, организовал убийство Гапона В 1917 г. — гражданский губернатор Петрограда I 79, II 166—167, 205—209, 214

Рыбкин — филер Московского охранного отделения II 94 Рыковская — жена А Н. Рыковского I 271

Рыковский Александр Никодимович (1856 — ?) — в ОКЖ с 1881 г. — адъютант ГЖУ с 1887 г. — и.д. начальника уездного ЖУ; с 1888 г. — пом. начальника ГЖУ; с 1899 г. числился в резерве и в распоряжении С.-Петербургского ГЖУ; с 1903 г. — начальник Воронежского ГЖУ; с 1904 г — начальник Харьковского ГЖУ I 88, 270-271,274

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, член Северного общества, один из руководителей восстания 14 декабря 1825 г. I 434

Рысс Соломон Яковлевич (1876—1908) — эсер-максималист II 231—232, 234—237

Рябушииский Павел Павлович (1871—1924) — предприниматель, старшина Московского биржевого комитета с 1908 г., с 1912 г. председатель; октябрист, член ЦК, издатель газеты «Утро России» I 98, 309

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847—1929) — в 1892—1905 гг. товарищ обер-прокурора Синода, с 1905 г. член Гос. совета; в 1911—1915 гг. обер-прокурор Синода II 398

Саблин — полковник, командир 16-го Стрелкового его величества полка II 14 Саблин Михаил Алексеевич (1842—1898) — статистик, публицист, член редакции газеты «Русские ведомости» I 298

Саввич Сергеи Сергеевич (1863 — ?) — окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, в 1905—1907 гг. — начальник штаба ОКЖ; с 1913 г. — комендант Владивостокской крепости, командир 5-го Сибирского армейского корпуса; с 1915 г. — начальник штаба армии Северо-Западного фронта, с 1917 г. — начальник снабжения армий Северо-Западного и Северного фронтов II 131

Савельев — анархист в Москве в 1911 г II 101—105

Савинков Борис Викторович (1879—1925) — эсер, член Боевой организации партии, участник многих покушений. В 1906 г. приговорен к смертной казни, бежал из тюрьмы за границу. Выступал как литератор под псевдонимом В. Ропшин. При Временном правительстве — комиссар 7-й армии, затем комиссар Юго-Западного фронта, пом. военного министра. В августе исключен из партии эсеров I 229, 328, 425, 500; II 45-46, 152, 202, 228-230, 232-234, 316, 322, 339, 363, 520

Садовский Михаил Провович (1847—1910) — актер Малого театра с 1869 г. I 100

Садовский Николай Стахиевич (1869—1908) — в ОКЖ с июня 1900 г.; с декабря 1901 г. — пом. начальника СПб. ГЖУ в г. Кронштадте. В январе 1906 г. откомандирован в распоряжение коменданта Кронштадтской крепости для временного исполнения должности полицмейстера, вскоре произведен в чин подполковника I 61, 64, 134

Сазонов Егор Сергеевич (1870—1910) — за участие в студенческом движении исключен в 1901 г. из Московского университета. В 1902 г. примкнул к эсерам, вскоре был арестован и в июле 1903 г. сослан в Восточную Сибирь на 5 лет. В том же году бежал и вошел в Боевую организацию партии эсеров. Принимал участие в подготовке ряда покушений на высокопоставленных лиц. 15 июля 1904 г. бросил бомбу и убил министра внутренних дел Плеве. Петербургской судебной палатой был приговорен к бессрочной каторге, находился в Горном Зерентуе Забайкальской области. Протестуя против наказания каторжан розгами, принял яд 175, 441,498; 1141,284

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — дипломат; министр иностранных дел в 1910—1916 гг.; с января 1917 г. — посол в Лондоне; в 1918—1919 гг. — член белогвардейского правительства А.И. Деникина и А.В. Колчака, представитель в Париже II 345

Сазонов Яков Григорьевич (1865 — ?) — в ОКЖ с 1889 г., с 1893 г. служил в Московском охранном отделении, в 1901 г. — в распоряжении С.-Петербургского градоначальника, после

отставки С.В. Зубатова в 1903 г. недолго исполнял обязанности начальника Особого отдела ДП I 72, 84

Салецкая — член боевой группы польской партии ПСС — революционная фракция I 461

Самарин Александр Дмитриевич (1869— 1932) — егермейстер, член Гос. совета, обер-прокурор Синода с 1915 г.; в 1908—1915 гг. — московский губернский предводитель дворянства II 464

Самохвалов Петр Титович (1869 — ?) — в ОКЖ с 1904 г., находился в распоряжении пом. варшавского генерал-губернатора по полицейской части, секретарь канцелярии; с 1906 г. и.д. штаб-офицера для поручений; с марта 1907 г. — пом. начальника Варшавского ГЖУ; с сентября 1907 г. — в распоряжении Варшавского обер-полицмейстера; в 1908 г. прикомандирован к Иркутскому, в 1909 г. — к Киевскому ЖУ; с 1913 г. — пом. начальника Киевского ЖУ; с 1915 г. — и.д. начальника Варшавского охранного отделения I 346

Самсонов Александр Васильевич (1859—1914) — в 1909—1914 гг. туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска. С начала войны 1914 г. командующий армией II 335

Санковский — член Польской социалистической партии I 470—472

Сапожников Алексей Васильевич — генерал-лейтенант I 493

Сартори — жена В.М. Сартори I 139

Сартори Вл. М. — тюремный инспектор в Саратове I 138—139

Сахаров Виктор Викторович (1848—1905) — генерал-адъютант, в 1898—1904 гг — начальник Генерального штаба, в 1904—1905 гг. — военный министр I 147

Сватиков Сергей Григорьевич (1880—1942) — историк, меньшевик. В период Первой мировой войны оборонец После Февральской революции — пом. начальника Главного управления по делам милиции. В мае 1917 г. Временным правительством направлен в Париж для ликвидации дел Заграничной агентуры ДП I 421

Свидерский — польский революционер I 424

Святополк-Мирский, князь — польский помещик I 479

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857—1914), князь — с 1900 по 1902 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир ОКЖ; в 1902—1904 гг. — виленский, ковенский, гродненский генерал-губернатор; с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 г. — министр внутренних дел, шеф жандармов II 154

Секерипский Петр Васильевич (1837 — ?) — в ОКЖ с 1865 г., с 1897 г. — начальник Петербургского ГЖУ I 56, 60—61,64—67, 69—70, 86—87, 89, 363; II 381

Семенов — заведующий наружным наблюдением в Ростовском-на-Дону охранном отделении II 70—77

Семенов Иван Степанович (1855 — ?) — получил образование в Нижегородской военной гимназии и Виленском пехотном юнкерском училище. Службу начал в 1871 г в 106-м пехотном Уфимском полку. В ОКЖ с 1876 г. — адъютант ЖУ в г. Омске; с 1881 г. — старший адъютант управления Сибирского жандармского округа; с 1883 г. — начальник ЖУ Режицкого и Люцинского уездов; с 1887 г. — начальник ЖУ Динабургского и Дриссенского уездов; с 1888 г. — пом начальника Подольского ГЖУ; с 1889 г — пом. начальника Ковенского ГЖУ; с 1900 г. — пом. начальника Витебского ГЖУ; с 1903 г. — начальник Тамбовского ГЖУ; с 1908 г. — начальник Витебского ГЖУ I 266—268

Семенцов — социал-демократ, окончил партийную школу на Капри II 93—95

Семигановская — жена В.К. Семигановского I 221

Семигановская Туся — дочь В.К. Семигановского I 221

Семигановский Владимир Константинович (1864 — ?) — в ОКЖ с 1895 г , с 1897 г. — пом. начальника Самарского ГЖУ: с 1907 г. — в резерве С.-Петербургского ГЖУ; с 1912 г. — начальник Саратовского ГЖУ и Саратовского районного охранного отделения, с 1913 г. — начальник Костромского ГЖУ. В это время находился в чине полковника I 205—206, 221—222, 249, 251—255, 257—259, 274, 288-289, 400-401

Сергей Александрович, великий князь (1857—1905) — брат Александра HI. С 1891 по 1905 г. — московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа. Убит 4 февраля 1905 г. террористом И.П. Каляевым I 79, 315, 423; II 40, 143-144, 162, 169, 196, 258, 288, 372

Сикорский Шимель-Лейба Вульфович — член Боевой организации эсеров, рабочий-кожевник из Белостока II 41

Силин Алексей Николаевич — товарищ прокурора Петербургской судебной палаты 190

Симорин — купец, в доме которого помещалось Саратовское охранное отделение I 118-119

Синегуб Лев В. (? — 1908) — эсер, член Летучего боевого отряда Северной области II 267-268

Синявский Б.С. (? — 1907) — член Боевой организации партии эсеров, участвовал в подготовке покушения на Николая II. Петербургским военно-окружным судом приговорен к смертной

казни II 249—250, 252

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — министр внутренних дел (1900—1902), был убит эсером С.В. Балмашевым I 72—73, 106, 442, 480; II 39, 41, 158

Скалой Георгий Антонович (1848—1914) — генерал-губернатор Варшавы и командующий войсками Варшавского военного округа (1905—1914) I 463—465

Скандраков Александр Спиридонович (1849—1905) — в ОКЖ с 1879 г., с 1881 г. — адъютант в Киевском ГЖУ, в 1902 г. состоял в личной охране В.К. Плеве II 40

Скаржинский Петр Васильевич (1882 — ?) — с 1902 г. служил в МВД; с 1914 г. — заведующий (директор) канцелярии МВД; с 1915 г. — губернатор Волынской губернии I 101

Скопинский Александр Васильевич (? — ок. 1910) — товарищ прокурора Петербургского окружного суда I 96

Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант (1916); лидер украинских националистов в годы Гражданской войны, гетман «Украинской державы» (1918) I 497; II 508

Слетов Степан Николаевич (1876—1916) — эсер. В 1903 г. был кооптирован в ЦК партии; в 1904 г. арестован. Освобожден после Манифеста 17 октября 1905 г. Входил в Московскую группу ЦК, член крестьянской комиссии при ЦК. Арестован в 1906 и 1907 гг., ссылка в Сибирь была заменена высылкой за границу. После революции 1905—1907 гг. — один из лидеров «ликвидаторского» течения в партии. Во время Первой мировой войны — оборонец, доброволец во французской армии. Погиб на фронте II 370

Смидович Софья Николаевна (урожд. Черносвитова; в первом браке — Луначарская; 1872—1934) — член РСДРП с 1898 г., вела партийную работу в Туле, Москве, Калуге; после Октябрьской революции была на ответственных партийных и государственных постах I 484, 508

Смирнов — прапорщик в охране Петропавловской крепости II 491

Снесарев (? — 1905) — пом. пристава в Ростове-на-Дону II 59

Собещанский Матвей Николаевич (1855 — ?) — окончил Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище. С 1880 г. служил в 10-м Уланском, затем в 29-м Драгунском Одесском полку; с 1885 г — в ОКЖ, мл. офицер СПб жандармского дивизиона, с 1888 г. — начальник Одесской городской конной жандармской команды, с 1897 г. — начальник Шлиссельбургской пешей жандармской команды; с 1900 г. — младший пом. начальника Шлиссельбургского ЖУ; в 1906 г прикомандирован к С.-Петербургскому ГЖУ II 486—487

Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — певец (лирический тенор) I 41

Соболев Василий Николаевич — правитель дел канцелярии московского генерал-губернатора I 301

Созонов Е.С. — см.: Сазонов Е.С

Соколов Михаил Иванович (1881—1906) — эсер, член Боевой организации, в мае 1906 г. возглавил Боевую организацию максималистов; организовывал все ее акции в Петербурге. Был арестован, казнен II 230—231,235, 237 Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928) — присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты, социал-демократ. Неоднократно выступал защитником по политическим делам; в 1917 г. — член исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов и представитель Совета в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию действий министров и прочих должностных лиц II 49, 52, 54, 133, 250, 528

Соколова Александра Ивановна (урожд. Денисьева; 1836—1914) — журналистка, писательница, мать В М Дорошевича I 310

Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — предприниматель, издатель I 298 Соловьев Александр Николаевич (1865 — ?) — полковник, с 1905 г. — начальник Ростовского отделения Владикавказского ЖПУ; с 1906 г. — начальник Екатеринодарского отделения Владикавказского ЖПУ ж.д.; с 1910 г. — начальник Эриванского ГЖУ; с 1912 г. — начальник Черниговского ГЖУ II 332

Соловьев Петр Николаевич (1858 — ?) — получил образование в Нижегородской гимназии, Московском пехотном юнкерском училище. Службу начал в 1878 г. в Рижском полку, затем в 15-м Резервном пехотном кадровом батальоне. В ОКЖ с 1884 **г.** — адъютант Калужского ГЖУ, с 1885 г. — пом. начальника Либавского пограничного отделения Минского ЖПУ ж.д., с марта 1887 г. — и.д. начальника Московского отделения Минского ЖПУ ж.д.; с августа 1887 г. — начальник Московского отделения Московско-Брестского ЖПУ; с 1893 г.— начальник Слав, отделения Харьковского ЖПУ; с 1895 г. — начальник Курского отделения Орловского ЖПУ; с 1898 г. — начальник Московско-Веневского отделения Московско-Камышинского ЖПУ; с 1899 г. — начальник Московского отделения Смоленского ЖПУ; с 1902 г. — начальник Харьковоско-Царицынского ЖПУ; с 1903 г. — начальник ЖПУ Закавказской ж.д., с 1905 г. — начальник ЖПУ Северо-Западной ж.д., с 1914 **г.** — начальник Московско-Астраханского ЖПУ ж.д., полковнике 1902 с 1909 г — генерал-майор II 405—406

Солодовников — домовладелец в Москве II 101

Сомов — поручик 16-го Стрелкового его величества полка II 21

Сомов Сергей Михайлович (1854 — ?) — выпускник Училища правоведения. Службу начал в 1875 г по Министерству юстиции, затем служил в канцелярии Синода. В 1895—1898 гг. — воронежский губернский предводитель дворянства; в 1912 г. избран петербургским уездным предводителем дворянства. С 1914 по 1917 г — предводитель дворянства Петербургской губернии, II февраля 1917 г. назначен членом Гос. совета. С 1878 г. — камер-юнкер Двора; с 1896 г. — камергер, с января 1917 г. — гофмейстер Двора II 464

Сосновская Любовь Семеновна — жена И В Сосновского II 135

Сосновский Иван Васильевич (1868 — ?) — окончил университет. Служил по МВД. С 1891 г. — в Земском отделе; с 1897 г. — в канцелярии Комитета министров С 1904 г. — вице-губернатор в Астрахани, Перми, Ярославле; с 1905 г. — пом петербургского градоначальника; с 1907 г. — архангельский губернатор; с 1911 г. — одесский градоначальник. С 11 января 1917 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий II 135

Соттири Николай Георгиевич (1870 — ?) — в ОКЖ с 1902 **г.** — адъютант Плоцкого ГЖУ; в 1903—1904 **гг.** — и.д. пом. начальника уездных ЖУ; с 1906 **г** — пом. начальника Витебского ГЖУ; с 1907 **г.** — офицер Харьковского охранного отделения I 270—272

Сперанский — капитан 16-го Стрелкового его величества полка II 10

Спиридович Александр Иванович (1873 — 1952?) — в ОКЖ с 1899 г. прикомандирован к Московскому охранному отделению; с 1902 г. — начальник Киевского охранного отделения; в 1905 г. ранен террористкой; в 1906 г переведен в дворцовую охрану, где по 1916 г. заведовал дворцовой агентурой. После гибели Столыпина привлечен к расследованию по обвинению в непринятии мер охраны. По распоряжению Николая II дело было прекращено. С 1916 г. — ялтинский градоначальник I 86, 91, 124, 276-277, 279, 281-282, 284, 322, 364, 393, 496; II 30, 248-249, 521, 524

Спрениус Уно — финн, владелец гостиницы в Финляндии II 244

Степанов Александр Васильевич (1865 — ?) — с 1886 г. служил по судебному ведомству; прокурор Московской судебной палаты, с 1916 г. товарищ министра внутренних дел, сенатор I 96—97, 306

Степанов Иван Петрович — секретный сотрудник в Керчи,

затем Ростовского-на-Дону охранного отделения по кличке «Сальто» I 449, 508; II 62—66

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — саратовский губернаторе 1903 г.; министр внутренних дел, председатель Совета министров (июль 1906 г, —сентябрь 1911 г.). Убит Богровым в сентябре 1911 г. в Киеве I 8—9, 14, 22, 133—135, 144, 147, 184, 259, 274-275, 279, 281, 284-286, 294, 418, 478-480, 500; II 41, 46, 93, 200, 217-218, 220-224, 238-239, 241-244, 246, 250, 253, 255-257, 259-260, 264-265, 269-274, 277-278, 280-282, 286-287, 291-295, 298-307, 310-313, 316— 317, 325-328, 334-335, 371, 373, 376, 379-380, 453-454, 516, 524

Столыпина Наталья Петровна (1891—1949) — дочь П.А. Столыпина I 147

Столыпина Ольга Борисовна (урожд. Нейдгардт; 1895—1944) — жена П.А. Столыпина II 239, 520

Стрекаловский Владимир Алексеевич (1874 — ?) — получил образование в Сибирском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище; с 1893 г. — служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. В ОКЖ с 1900 г. — адъютант в Петроковском ГЖУ; с 1902 г. — пом. начальника Волынского ГЖУ; в мае 1908 г. прикомандирован к Калужскому ГЖУ; с октября 1908 г. находился в распоряжении петербургского градоначальника; с 1910 г. состоял в резерве СПб. ГЖУ. С 1900 г. — ротмистр I 375

Стремоухое Петр Петрович (1865—1935) — с 1904 г. губернатор в Сувалках; с 1911 г. в Саратове; с 1912 г. в Костроме; с 1915 г. в Варшаве; с 1916 г. директор Департамента общих дел МВД; с 1917 г. сенатор; участник белогвардейского движения; в эмиграции с 1920 г. I 274,400—401

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, публицист, философ, теоретик «легального марксизма», позднее один из лидеров кадетов. Академик Российской академии наук (1917—1928). Министр в правительстве П.Н. Врангеля, член Особого совещания при А.И. Деникине II 510, 516

Стуре Лидия (? — 1908) — член Летучего боевого отряда Северной области, приговорена к смертной казни II 267—268

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — публицист, писатель, издатель I 45, 495

Судейкин Георгий Порфирьевич (1850—1883) — подполковник, инспектор Петербургского охранного отделения с 1882 г. I 433

Сулятицкий Василий Митрофанович (1885—1907) — эсер, входил в группу Зильберберга, участвовал в покушении на П.А. Столыпина II 246—247

Суходольский Василий Петрович — театральный антрепренер I 39, 495

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от кавалерии, член Гос. совета, в 1908—1909 гг. начальник Генерального штаба; в 1909—1915 гг. военный министр; в 1916 г. за неподготовленность русской армии к войне приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости, эмигрировал I 259, 497; II 25, 398, 407-409, 485

Сухомлинова Екатерина Викторовна (урожд. Гошкевич, по первому браку Бутович) — жена В.А. Сухомлинова II 25

Сухотин Сергей Михайлович (1887 — ?) — поручик Преображенского полка, участник убийства Распутина II 429

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) — издатель I 309—311

Сытин Иулиан Федорович (1845 — ?) — генерал. Окончил Псковскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище. В ОКЖ с 1874 г. Адъютант, пом. начальника Кутаисского ГЖУ, начальник ГЖУ в Кельцах, Варшаве I 467

Таборицкий Сергей Васильевич (1895 — после 1944) — офицер, политический деятель II 455

Табурно Иероним Павлович (1862—1913) — инженер, публицист I 300

Таганцев Владимир Николаевич (1886—1921) — биолог, глава антисоветской организации I 435

Тамаркина Эсфирь — эсерка, содержавшаяся в доме предварительного заключения в Петербурге I 67

Тарантович — член Польской социалистической партии I 470—471, 473—475

Татаров Николай Юрьевич (? — 1906) — сын протоиерея Варшавского кафедрального собора. С 1892 г. в революционном движении, состоял в польской социалистической партии, один из основателей социал-демократической группы «Рабочее знамя». Выслан в Сибирь за организацию нелегальной типографии, после возвращения из ссылки кооптирован в состав Боевой организации партии эсеров, с 1905 **г.** — секретный сотрудник ДП, убит членом Боевой организации Ф.А. Назаровым I 79, 81, 500; II 149-150, 153, 277

Татищев Никита Сергеевич — сын С.С. Татищева I 145, 188

Татищев Сергей Сергеевич (1872—1915), граф — в 1906—1910 гг. саратовский губернатор. Вышел в отставку в связи с обострившимися отношениями с саратовским епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. В 1912—1915 гг. — председатель Главного управления по делам печати I 114, 121, 134—135, 139, 144-145, 167, 169, 173-174, 176-177, 180-183, 186,

188, 205, 274

Татищева, графиня — жена С.С. Татищева I 188

Таубе Федор Федорович фон (1857 — ?), барон — окончил 2-ю петербургскую военную гимназию, 1-е военное Павловское училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант с декабря 1907 г., командир ОКЖ, впоследствии наказной атаман Войска Донского I 176, 206—208, 212, 258—259, 269, 275

Таубе, баронесса — жена Ф.Ф. фон Таубе I 208

Тафт Уильям Хоуард (1857—1930) — президент **США** (1909—1913) II 392

Тверской Сергей Дмитриевич — прокурор Московской судебной палаты, затем — саратовский губернатор I 101

Теленев — старший филер Московского охранного отделения **II** 105—106

Терпелевский Игнатий Константинович (1857 — ?) — ротмистр. **В ОКЖ** с 1890 **г.** Командир 2-го эскадрона Московского жандармского дивизиона в 1890-х гг.; в 1917 **г.** — полковник, командир Московского жандармского дивизиона I 40

Тимофеев Александр Николаевич — пом. московского градоначальника по административной части I 370

Тихомиров Лев Александрович (1852—1922) — революционер-народник, член исполнительного комитета «Народной воли»; в 1882 г. эмигрировал, в 1889 г. вернулся в Россию, выступал в качестве публициста в консервативной прессе I 36, 495

Тихонович Павел Андреевич (1865 — ?) — в ОКЖ с 1895 г., с 1912 г. — начальник Эстляндского ГЖУ, подполковник I 333

Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф — писатель, мыслитель II 19, 386, 397

Топуридзе — адвокат, редактор саратовских газет, меньшевик I 204—206

Трауберг Альберт Давидович (1880—1908) — руководитель группы террористов при Петербургском комитете партии эсеров, руководитель Летучего боевого отряда Северной области II 238, 263—264, 287, 293

Трегубов Сергей Николаевич (1866 — ?) — в 1906 г прокурор Петербургского окружного суда; с 1910 г. — старший юрисконсульт Министерства юстиции; с 1915 г. — директор 1-го департамента Министерства юстиции; с 1916 г — сенатор II 188

Трепов Александр Федорович (1862—1928) — с 1906 г. — сенатор, с 1914 г. — член Гос совета, с 1915 г. — управляющий Министерством путей сообщения; с 19 ноября по 27 декабря 1916 г. — председатель Совета министров I 480

Трепов Дмитрии Федорович (1855—1906) — московский обер-полицмейстер (1896— 1905); генерал-губернатор Петербурга и начальник Петербургского гарнизона (январь—апрель 1905 г.); с апреля 1905 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий ОКЖ; с 26 октября 1905 г. — дворцовый комендант I 13-14, 105; II 142-145, 148,168-169,171-172, 174, 176-181, 219-221, 223, 225, 277, 300, 447, 458, 464, 466, 470

Тришатный Александр Иосифович — инженер, член Главного совета Союза русского народа II 296

Троцкий Лев Давидович (наст. фам. — Бронштейн; 1879—1940) — член РСДРП, меньшевик, член Петроградского совета в 1905 г.; в июле 1917 г. примкнул к большевикам; председатель Петроградского совета (1917), народный комиссар иностранных дел (1917—1918), народный комиссар по военным и морским делам (1918—1924). В 1927 г. исключен из партии за участие в «левой оппозиции», сослан в Алма-Ату, откуда в 1929 г. выехал за границу I 102, 202—203,468; II 111, 189,499-501 506,522

Трубецкой Георгий (Юрий) Иванович, князь (1866 — ?) — генерал-лейтенант; в 1906—1913 гг. — командир собственного его императорского величества конвоя; с 1914 г. — пом коменданта императорской Главной квартиры II 248 Трусевич Максимилиан Иванович (1863 — ?) — окончил Черниговское губернское училище правоведения, с 1889 г. — прокурор Рижского, затем Петербургского окружного суда; с 1901 г. — прокурор Новгородского окружного суда; с 1903 г. — товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 13 июня 1906 г. по 29 марта 1909 г. — директор ДП; с 1909 г. — сенатор; 9 сентября 1911 г на него по высочайшему повелению возложено расследование действий Киевского охранного отделения и должностных лиц, участвовавших в организации охраны Столыпина во время киевских торжеств I 8—9, 56, 71—75, 103—104, 106— 110, 177, 186, 206-207, 224,242-243, 269, 270-273, 281, 365, 369, 393-395, 399— 400, 414, 498-499, 502; II 134, 231-235, 237, 365, 380, 486, 495, 523-524

Туманов Николай Георгиевич (1848 — ?), князь — генерал-лейтенант. В 1896—1905 гг. в распоряжении дворцового коменданта, пом. начальника дворцовой полиции, с 1905 г. — чиновник для поручений при министре императорского двора II 13

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель I 63

Турчанинов Александр Николаевич (1869 — ?) — закончил Курскую гимназию и Чугуевское пехотное юнкерское училище. В ОКЖ с 1902; с 1910 г. — чиновник для поручений при

Московском охранном отделении; с 1913 г. — пом. начальника Пермского ГЖУ; с 1915 г. — пом. начальника Московского ГЖУ, подполковник I 296-297, 303, 324

Тютчева Софья Ивановна (1870—1957) — фрейлина с 1897 г. I 363

Уайльд Оскар (1854—1900) — английский писатель I 109

Унковский — тверской предводитель дворянства I 493

Урусов Сергей Дмитриевич (1862—1937) — губернатор в Твери (1904) и Бессарабии (1904), товарищ министра внутренних дел (1905—1906). Член I Гос. думы от кадетской партии, товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве I 441—442; II 39, 51—52, 55

Усов П. — см.: Любович Усова М. — см.: Ракова

Утгоф Владимир Львович (1887 — ?) — видный деятель партии эсеров, автор «декларации прав солдата», составленной в дни Февральской революции I 468

Утгоф Лев Карлович — пом. варшавского губернатора по полицейской части (1906— 1914) I 468

Федоров Николай Дмитриевич (1871 — 1907) — ротмистр, получил образование в Харьковской гимназии и Чугуевском пехотном юнкерском училище. В ОКЖ с 1902 г.; с 1904 г. — начальник Саратовского охранного отделения I 110, 114,116, 118-119, 128, 132-134, 139, 145-147, 154, 248

Федоров Сергей Петрович (1869—1936) — лейб-хирург, профессор Военно-медицинской академии; врач наследника престола Алексея, с осени 1915 г. состоял при Ставке II 420

Федотов — писарь военно-разведывательного отдела штаба в Варшаве I 453—454

Фелицын Александр Рафаилович (1848 — ?) — в ОКЖ с 1889 г., с 1843 г. — командир Московского жандармского дивизиона I 39, 43—44

Фельдман — агитатор, социал-демократ в Одессе в 1905 г. I 445

Феофан (Василий Быстров) (1873 — ?) — с 1901 г. архимандрит и и.д. инспектора Петербургской духовной академии; с 1905 г — магистр богословия, духовник императрицы Александры Федоровны; с 1909 г. — ректор Петербургской духовной академии и епископ Ямбургский, викарий Петербургской епархии; с 1910 г. — епископ Таврический и Симферопольский; с 1912 г. — епископ Астраханский, с 1913 г. — Полтавский и Переяславский II 303

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — член исполнительного комитета партии «Народной воли»; участвовала в подготовке покушения на Александра II; в 1884 г. приговорена к

пожизненному заключению. Амнистирована 21 октября 1905 г. I 384

Филевский Сергей Александрович (1872 — ?) — с 1903 г. в ОКЖ. Служил в ГЖУ в Харькове, Гродно, Баку, Самаре, Саратове, Одессе и Тифлисе В 1915 г. прикомандирован к Особому отделу ДП I 240, 257, 292

Филимонов — филер в Ростове-на-Дону I 450

Филиппов — матрос с броненосца «Потемкин» II 103—105, 108—109

Филиппов Дмитрий Иванович (1855 — ?) — владелец булочных в Москве I 298

Фишман — жительница Одессы, заподозренная в шпионаже I 487, 489

Фок Александр Викторович (1843—1926) — полковник, командир 16-го Стрелкового его величества полка, впоследствии генерал-лейтенант, начальник сухопутной обороны крепости Порт-Артур II 14, 18

Фрадкина — см. Фрумкина Ф.

Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), барон — генерал-лейтенант, товарищ министра (1893—1897), затем министр императорского двора (1897—1917); с 1905 г член Гос. совета, с 1921 г — в эмиграции в Финляндии II 135, 221, 329—330, 479

Фрумкина Фрума (1866—1907) — из мещан, повивальная бабка, арестована в мае 1903 г. при ликвидации в Киеве нелегальной типографии эсеров. В декабре 1903 г , вызванная на допрос, бросилась с ножом на начальника Киевского ГЖУ В.Д Новицкого. Была осуждена на 11 лет каторги. В 1906 г. бежала Член Летучего отряда партии эсеров Центральной области. 30 октября 1906 г. бросила бомбу в московского градоначальника А.А. Рейнбота. Приговорена к смертной казни I 209

Фуллон Павел (Петр)Александрович (1873—1936) — в ОКЖс 1900 г.; младший офицер Варшавского дивизиона; прикомандирован к Московскому ГЖУ; с 1905 г. — чиновник для поручений при Московском охранном отделении; с 1906 г. — прикомандирован к Гродненскому ГЖУ, позднее и.д. белостокского полицмейстера I 58 62, 134, 367-368

Фулон Иван Александрович (1844—1918) — генерал-адъютант, пом. варшавского генерал-губернатора по полицейской части (1900—1904), Петербургский градоначальник (1904—1905), командующий 11-м армейским корпусом (1905—1911) II 164

Хабалов Сергей Семенович (1858—1924) — в 1914—1916 гг. — военный губернатор Уральской области, командующий войсками и наказной атаман Уральского казачьего войска; в 1916

—1917 гг. — начальник Петроградского военного округа и командующий войсками округа II 131, 469, 472, 475, 479—480

Халтурин Степан Николаевич (1856—1882) — народоволец II 449

Ханженков Александр Константинович — кишиневский полицмейстер I 441; II 39

Хари Мата — см.: Мата Хари

Харламов Никита Петрович (1871 — ?) — с 1892 г служил по судебному ведомству; с 1906 г. — прокурор Псковского окружного суда, затем чиновник особых поручений при министре внутренних дел; исполняющий обязанности вице-директора ДП; с 1914 г. — член Совета министра внутренних дел; с 1915 г. — главный консультант при министре юстиции; с 1916 г. — директор Департамента духовных дел и иностранных исповеданий I 95—96, 186

Хатисов (Хатисян) Александр Иванович (1874—1945) — городской голова Тифлиса (1910—1917), политический деятель, в эмиграции с начала 1920-х гг. I 385

Хвостов Алексей Николаевич (1872—1918) — в 1906—1910 гг. — вологодский, в 1910— 1912 гг. — нижегородский губернатор, член IV Гос. думы; в 1915—1916 гг. министр внутренних дел и главноначальствующий ОКЖ. Арестован Временным правительством, расстрелян большевиками I 401, 480; II 340, 423

Хомутова — филер в Ростове-на-Дону II 78

Хрусталев-Носарь Георгий Степанович (1879—1918) — пом. присяжного поверенного, из крестьян, в 1905 г. был одним из инициаторов создания профессиональных союзов; в 1905 г. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов; в 1906 г. в ссылке. В этот период входит в социал-демократическую организацию (меньшевиков). В 1907 г. бежал за границу, участвовал в Лондонском съезде, жил во Франции; отошел от партийных дел, занимался финансовыми операциями, за что был арестован. В 1914 г. вернулся в Россию и был арестован как политический преступник, бежавший из ссылки. Находился в заключении до 1917 г. Уехал в Переяславль, где был председателем земской управы. Поддерживал Скоропадского и Петлюру, преследовал нелегальные коммунистические организации. Расстрелян I 102; II 187

Циммерман — возможно, речь идет о полковнике инженерных войск Эдуарде Эдуардовиче Циммермане II 398

Чебышев Николай Николаевич (1865—1937) — прокурор Московской судебной палаты с 1914 г. I 97—98, 402

Червинский Александр Михайлович — прокурор Московского

окружного суда I 101

Черевин Петр Александрович (1837—1896) — генерал-адъютант, петербургский градоначальник, начальник дворцовой охраны при Александре III II 13, 15, 20

Черемухин — рабочий, член рабочей организации Гапона II 204 Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — основатель, член ЦК партии эсеров; в мае—августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства; в октябре 1917 г. — один из организаторов «Комитета спасения Родины и революции»; с 5 января 1918 г. — председатель Учредительного собрания II 138, 280,499—500

Чернявский Андрей Александрович — прокурор, прикомандирован к Либавскому суду II 402

Чернявский Василий Дионисиевич (1861 — ?) — в ОКЖс 1886 г.; с 1898 г. — старший адъютант штаба ОКЖ, полковник I 46—48, 59—60, 64, 71

Честертон Гилберт Кит (1874—1936) — английский писатель II 498

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — писатель I 63

Чурин Иван Яковлевич — предприниматель; организовал свое дело в Приамурье в 1857 г., в 1867 г учредил товарищество «И Я Чурин и К“», владевшее сетью магазинов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке II 116

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — меньшевик, член III и IV Гос. дум II 133

Шабельский-Борк Петр Николаевич (1893—1952) — литератор и политический деятель, офицер II 455

Шаевич — один из руководителей зубатовской рабочей организации в Одессе в 1903 г. II 161

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — певец II 196, 519

Шашек Николай Петрович — эсер в Кишиневе II 48—49

Шварибарт Соломон (? — 1938) — убийца Петлюры II 508

Швейцер Максимилиан Ильич (1881—1905) — за участие в революционной пропаганде был арестован и сослан в Якутскую область, где примкнул к эсерам. В 1903 г. уехал за границу, вошел в состав боевой группы Принимал участие в покушениях на В К. Плеве, вел. князя Сергея Александровича, вел князя Владимира Александровича II 148

Шебеко Вадим Николаевич (1864 — ?) — с 1904 г. флигель-адъютант; с февраля 1913 г. саратовский вице-губернатор, с октября 1913 г. гродненский губернатор; с февраля 1916 г московский градоначальник I 18, 219, 368, 379—382, 391

Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург I 152

Шилов Алексей Алексеевич (1887—1942) — историк, археограф, архивист и библиограф I 36

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — один из основателей кадетской партии (с 1908 г член ЦК партии). Член II—IV Гос дум. Во Временном правительстве — министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Арестован в ноябре 1917 г., содержался в Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. переведен вместе с Ф.Ф. Кокошкиным в Мариинскую больницу, где они были на следующий день убиты матросами **и** красногвардейцами II 506

Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) — земский деятель, лидер умеренного крыла русских либералов; в 1893—1908 гг. — председатель Московской губернской земской управы; вместе с А.И. Гучковым основал партию «Союз 17 октября», с 1908 г. — в Партии мирного обновления; член Гос. совета в 1907—1909 гг. II 225

Ширинкин Евгений Никифорович (1843 — ?) — начальник дворцовой полиции с 1884 г.; с 1902 г. — генерал-майор II 13—14, 20

Шистова Елена — фабричная работница, принадлежавшая к организации анархистов II 102-103

Шиф Джейкоб Генри (1847—1920) — банкир, филантроп, один из руководителей Американского еврейского комитета II 392

Шишло Иван Александрович — секретный сотрудник Саратовского охранного отделения по партии эсеров (кличка «Николаев») I 150, 215—216,225—229, 234—242, 244-246, 254, 501

Шмаков Алексей Семенович (1852—1916) — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты, публицист I 440; II 49

Шорникова Екатерина Николаевна (урожд. Головина, во втором браке — Юдкевич; 1883 — ?) — секретная сотрудница Петербургского охранного отделения. На основании сведений, полученных от Шорниковой, были арестованы члены военной организации РСДРП в Петербурге I 338—339; II 254—256

Шрамм Константин Федорович — генерал-лейтенант; в **ОКЖ** с 1863 **г.,** с 1891 **г.** — начальник Московского ГЖУ I 37—38, 48—49, 54—55, 64

Штейнберг Исаак Захарович (1888—1957) — левый эсер, народный комиссар юстиции с декабря 1917 **г.** по март 1918 **г.** II 507

Штурх Карл (1859—1916), граф — австрийский политик, премьер-министр **в** 1911— 1916 гг. II 452

Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917) — председатель Совета министров **(с** 10 января по 10 ноября 1916 **г.);** министр внутренних дел, главноначальствующий ОКЖ (с 3 марта по 7 июля 1916 г.); министр иностранных дел (с 7 июля по 10 ноября 1916 г.) I 401; II 458, 463-464, 485, 488, 529

Штюрмер Елизавета Владимировна — жена **Б.В.** Штюрмера II 463, 529

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854—1937) — генерал от инфантерии. С 15 марта 1916 г. военный министр, одновременно по этой должности председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Принадлежал к либеральному крылу Совета министров. 3 января 1917 **г.** уволен от должности министра с назначением членом Гос. совета. С 1918 г. служил в Красной армии. Репрессирован II 458

Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — журналист, политический деятель. Член II—IV Гос. дум, где был одним из лидеров правых, а затем националистов II 481-482

Шульце — жена Н.А. Шульце I 138

Шульце Николай Августович — правитель дел канцелярии саратовского губернатора I 138

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената с 1903 г.; министр юстиции (1906—1915); член Гос. совета, с 1 января 1917 г. — председатель Гос. совета II 188, 256, 264—265, 267, 373, 379, 485, 488

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — участник революционного движения, историк. В 1917 г. — член Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц I 24, 393—394, 398

Щепкин — член антисоветской офицерской организации 1920—1922 гг. в Москве I 435

Щербаков — письмоводитель канцелярии Саратовского охранного отделения I 193

Щербатов Николай Борисович (1868—1943) — в 1913—1915 гг — начальник Главного управления Государственного коннозаводства; с 1915 г. — член Гос. совета, министр внутренних дел, шеф ОКЖ I 407; II 425

Эдуард **VII** (1841—1910) — английский король в 1901—1910 гг.; был женат на принцессе датской Александрине, сестре императрицы Марии Федоровны II 20, 269, 273

Энгельгардт Борис Александрович (1877—1962) — полковник, член IV Гос. думы, националист, затем октябрист, с 20 апреля 1916 г., состоял в распоряжении начальника Генерального

штаба. В дни Февральской революции избран председателем военной комиссии Временного правительства. Был близок к корниловским кругам. После Октябрьской революции вел активную деятельность против советской власти. С лета 1918 г. служил в Осведомительном агентстве при Особом совещании А.И. Деникина. После установления советской власти в Латвии оказался на территории СССР. Отбывал административную ссылку в Хорезмской области. С 1946 г. жил в Риге II 399

Эссен Оттон Антонович — генерал-губернатор Петроковской губернии I 417, 505

Юрьевич — врач, комиссар Временного правительства I 491

Юскевич-Красковский Николай Максимович — член Главного совета Союза русского народа, руководитель особой боевой дружины Союза русского народа II 298— 299

Юсупов Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон (младший) (1887—1967), князь — в 1915—1916 гг. учился на специальных курсах Пажеского корпуса, готовился к экзаменам на офицера; в 1914 г. женился на великой княжне Ирине Александровне, племяннице Николая II I 428—432,434—438,443, 445—447, 526

Юсупов Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон (старший) (1856—1928), князь — в 1904—1908 гг. — командир Кавалергардского полка; в 1908— 1911 гг. — командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии; с 17 мая 1915 г. — главный начальник Московского военного округа и главноначальствующий г. Москвы I 289, 306, 356-369; II 123-124, 186, 434-436

Юсупова Зинаида Николаевна, княгиня — жена Ф.Ф. Юсупова I 359—360; II 445, 526

Яков I (1566—1625) — английский король с 1603 г. I 218

Яковлев — служащий Кишиневского охранного отделения, заведующий наружным наблюдением II 44—47

Яковлев В.В. — см.: Мячин К.

Яковлев Михаил — полицейский чиновник II 297

Якубов Владимир Михайлович (1868 — ?) — окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище. В ОКЖ с 1895 г. — адъютант Рязанского ГЖУ; в 1897—1906 гг. — пом. начальника Донского областного ЖУ, Подельского ГЖУ, Полтавского ГЖУ; прикомандирован к Петербургскому ГЖУ, служил в ЖУ Одессы I 303

Янкулио Александр Константинович — действительный статский советник, чиновник ДП I 46—47

Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — генерал от

инфантерии; с 1914 г. — начальник Генерального штаба; в 1914—1915 гг. — начальник Штаба Верховного главнокомандующего; с августа 1915 г. — пом. наместника на Кавказе и пом. главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, генерал от инфантерии. После Октябрьской революции расстрелян I 407

Комментарии

П.П. Заварзин

ЖАНДАРМЫ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Печатается по: *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930.

А.В. Герасимов

НА ЛЕЗВИИ С ТЕРРОРИСТАМИ

Впервые воспоминания были опубликованы в 1985 г.: Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Pans: YMCA-Press, 1985; переизданы в Москве в 1991 г. Печатаются по последнему изданию.

А.Т. Васильев

ОХРАНА: РУССКАЯ СЕКРЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ

Перевод осуществлен по: Vassilyev A. T. The Ochrana: The Russian Secret Police. London; Bombay; Sydney, 1930

notes

Примечания

1

Некоторые крупные события, не вошедшие в настоящее издание, изложены в моей книге •Работа тайной полиции», 1924 год, Париж.

2

Тип уличного мальчика, выведенного В. Гюго в романе "Les miserables”

3

Эти важные сведения я тотчас же сообщил по телеграфу в Петербург. Они были и своевременны, и точны. К сожалению, нам не удалось захватить этих чудовищных дредноутов и они наделали нам на Черноморском побережье много бед

4

«Альпийский стрелок» и «толстяк» действительно оказались шпионами, но улик для предания суду добыто не было, и они [были) отправлены в Сибирь до окончания войны, где за ними наблюдали.

5

В связи с этим судебным процессом на меня посыпалось много нареканий. Даже в немецкой прессе появилось утверждение, что наказ был сфабрикован чуть ли не мною самим. В этой связи мне достаточно отметить, что автор наказа В.С. Войтинский в своих воспоминаниях, напечатанных в журнале «Летопись революции» (Кн. 1. Берлин, 1923), подробно рассказал историю составления этого солдатского наказа и признал, что он был его автором.

В указатель не внесены имена лиц, названных в тексте только по имени или по кличке, а также упомянутых лишь в предисловии и комментариях. В указателе использованы следующие сокращения: ДП - Департамент полиции; ГЖУ - губернское жандармское управление; гос. - государственный; ЖПУ ж.д. - жандармско-полицейское управление железных дорог; ЖУ - жандармское управление; и.д. - исполняющий должность; МВД - Министерство внутренних дел; МИД - Министерство иностранных дел; ОКЖ - Отдельный корпус жандармов; пом. - помощник; с.е.и.в.к. - Собственная его императорского величества канцелярия.

comments

Комментарии

1

Имеется в виду Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

2

К.П. Победоносцев в 1880—1905 гг. занимал должность обер-прокурора Синода, которая приравнивалась к должности министра.

3

См. примеч. 42 к воспоминаниям А.П. Мартынова.

4

С 1896 по 1907 г. в Персии (Иране) правил Мозаффер-эд-дин-шах.

5

Л.П. Меньшиков в 1903—1907 гг. занимал должность старшего помощника делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции. Эмигрировав во Францию, он опубликовал в Париже в 1911 г. брошюру «Открытое письмо П.А. Столыпину, русскому премьер-министру», а в 1914 г. — книгу «Русский политический сыск за границей», содержащую секретные донесения и доклады руководителей политического сыска за рубежом.

6

«Освобождение» (Штутгарт, 1902—1904; Париж, 1904—1905) — нелегальный двухнедельный журнал, выходивший под редакцией П.Б. Струве, орган земцев-либералов (с 1903 г. — либерального «Союза освобождения»).

7

См. примеч. 21 к книге Заварзина «Работа тайной полиции».

8

Лекок — сыщик-полицейский, главный герой цикла детективных романов французского писателя Э. Габорио. О популярности книг Габорио в России см.: Рейтблат А.И. Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX — начало XX в.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 1994. Вып. 7. С. 126, 129-132.

9

Опущена 7-я глава («Элементарные приемы розыска»), в сокращенном виде повторяющая 6-ю главу воспоминаний Заварзина «Работа тайной полиции».

10

Это была Клара Рейзман, сестра известного ростовского революционера Соломона Рейзмана (см.: Демешина Е.И. Воспоминания П.П. Заварзина — исторический источник о событиях революции 1905—1907 гг. на Дону // Исторические этюды. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 5. С. 179).

«Отверженные» (фр.).

12

В книге «Работа тайной полиции» (Париж, 1924) Заварзин писал, что «однажды в Керчи ему пришлось столкнуться с некоторыми лицами из местного коллектива РСДРП. Сначала их таинственная деятельность его как будто увлекла, но скоро он убедился, что это амплуа не по нем. Он решил заняться как раз обратной деятельностью и стал тайно разоблачать их. С тех пор он сделался секретным сотрудником и раскрыл несколько интересных дел» (с. 86).

13

В книге «Работа тайной полиции» Заварзин вспоминал, что «через два месяца после этой ликвидации Сальто разоблачил организацию социалистов-революционеров в городе Перми, после чего его заподозрили и убили, заманив, под благовидным предлогом, в лес» (с. 93).

14

Коносамент (от фр. connaissement) — документ, выдаваемый перевозчиком грузоотправителю в подтверждение факта принятия груза к перевозке и обязательства передать его грузополучателю в месте назначения.

15

«Буревестник» (Женева, 1906—1910) — газета, центральный орган одноименной группы анархистов-коммунистов.

16

Опущена 15-я глава («Сотрудники»), по тексту почти идентичная 2-й главе воспоминаний Заварзина «Работа тайной полиции».

17

Циммервальдская международная социалистическая конференция состоялась 5—8 сентября 1915 г. в Швейцарии. На ней присутствовало 38 делегатов из разных стран: России, Польши, Италии, Германии, Франции, Швейцарии и т.д.

18

См.: Ludendorff E. Kriegfuhrung und Politik. Berlin, 1922.

19

Земгор — объединенный комитет Всероссийского земского союза и Союза городов, созданный в 1915 г. и занимавшийся обеспечением снабжения армии.

20

Опущены несколько последних страниц главы, совпадающие по тексту с 23-й главой книги Заварзина «Работа тайной полиции».

21

Взрыв в гостинице «Бристоль» произошел в ночь на 26 февраля 1905 г. М. Швейцер, глава Петербургского отдела Боевой организации партии эсеров, готовил там бомбы для покушения на высокопоставленных лиц.

22

Медников не служил в Петербургском охранном отделении и не вел его секретную агентуру. С 1902 по 1906 г. он был сотрудником Особого отдела Департамента полиции и руководил отделением, отвечающим за службу наружного наблюдения.

При Департаменте полиции существовал Летучий филерский отряд, которым руководил Медников. Летучий отрад осуществлял наблюдение за революционными организациями по всей стране и использовался для охраны членов царской семьи.

23

Отцом Т.А. Леонтьевой был А.К. Леонтьев, вице-губернатор Якутской губернии, дядей — К.Н. Лебедев — статский советник, помощник делопроизводителя Особого делопроизводства Кабинета его императорского величества и заведующий домом Императорского Двора на Шпалерной улице.

24

Табльдот — общий обеденный стол с общим меню в гостиницах и пансионатах.

25

Это был член Боевой организации эсеровской партии Ф.А. Назаров.

26

Съезд земских деятелей проходил в Петербурге 6—9 ноября 1904 г. См. о нем: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 363—367.

27

Партия Народного права — подпольная народническая организация в России, возникшая в 1893 г. и раскрытая летом 1894 г.

28

Имеются в виду изданные в 1894 г. подпольно брошюры «Манифестсоциально-революционной партии Народного права» и «Насущный вопрос» (автор второй — А.И. Богданович).

29

См. главу «С.В. Зубатов» в кн.: Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929.

30

Медников был выходцем из простой крестьянской семьи. Он окончил церковно-приходскую школу и в 1878 г. был взят на военную службу, будучи уже семейным человеком. По семейным обстоятельствам в чине унтер-офицера через три года он был уволен в запас и тогда же, в 1881 г., зачислен сверхштатным околоточным надзирателем полицейского резерва московской городской полиции. Отсюда его откомандировали в только что созданное охранное отделение на должность филера. Методы и приемы наблюдения Медникова вошли в инструкции, связанные со службой наружного наблюдения. За многолетнюю работу и «усердие» Медников получил потомственное дворянство (см.: Перегудова З.И. Главный филер России // Из глубины времен. СПб., 1998. Вып. 10. С. 104—114).

31

Г.А. Гапон — уроженец Полтавской губернии, в Полтаве он учился в духовном училище и духовной семинарии.

32

См. также воспоминания самого Г. Гапона о событиях 9 января: Гапон Г.А. Записки. М., 1918.

См. об этом: Рутенберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925.

34

Одна из причин отставки Рачковского — сообщение им вдовствующей императрице Марии Федоровне скандальных сведений о Филиппе Низье-Вашо как гипнотизере-авантюристе. Филипп — француз из Лиона, пользовался во Франции репутацией человека, излечивавшего нервные болезни. В 1901 г. царская семья, находясь во Франции, в Компьене, познакомилась с ним, и Филипп произвел на нее благоприятное впечатление. В 1902 г. он был приглашен в Петербург к императрице Александре Федоровне и Николаю II. В России по высочайшему повелению он получил звание доктора медицины и чин действительного статского советника.

35

Герасимов неточен. В июле 1905 г. Рачковский, имевший большое влияние на Трепова, был назначен на созданную специально для него должность заведующего политической частью Департамента полиции на правах вице-директора. Это было связано с тем, что директора Департамента обычно были юристами и не очень глубоко разбирались в вопросах политического сыска.

36

В этом пассаже Герасимова речь идет о 1905 годе (Победоносцев был уволен с поста обер-прокурора Синода в октябре 1905 г.). Но Религиозно-философское общество было создано в Петербурге только в октябре 1907 г., а близкие ему по характеру Религиозно-философские собрания проходили в 1901—1903 гг. и были запрещены еще в апреле 1903 г.

37

«Революционная Россия» (1901—1905) — центральный орган Партии социалистов-революционеров.

38

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — девиз социал-демократов; «В борьбе обретешь ты право свое» — эсеров.

39

На берегах Леманского (Женевского) озера располагаются швейцарские города Женева и Лозанна.

Это произошло в 1893 г.

41

Ф. Шаляпин в воспоминаниях утверждал, что революционных песен не пел, если не считать таковой «Дубинушку». Но Департамент полиции в 1905 г. разослал циркуляр, в котором говорилось, что Шаляпин гастролирует по стране с целью революционной пропаганды (см.: Шаляпин Ф.И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 181—189, 320). Что же касается Л. Андреева, то за предоставление своей квартиры для заседания ЦК РСДРП он 9—29 апреля 1905 г. находился в заключении в одиночной камере Таганской тюрьмы.

В целях сохранности агентуры Департамент полиции рекомендовал сообщать сведения о секретной агентуре без указания фамилии, а клички давать шифром. В сохранившихся ежемесячных ведомостях уплаты денежного вознаграждения секретной агентуре в фонде Департамента полиции (ГАРФ, ф. 102) агенты также значатся под кличками. Поэтому, если начальник охранного отделения или ГЖУ не сообщал в Департамент фамилию лица, которое значится под той или иной кличкой, то раскрыть секретную агентуру, прибегая к другим косвенным данным, почти невозможно.

43

Герасимов был специалистом высокого класса. В Департаменте полиции с ним считались, к нему обращались за консультациями; но Департамент никогда, конечно, не находился под его контролем. В Департаменте полиции часто бывали недовольны его чрезмерной самостоятельностью, его докладами непосредственно товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией. Во многом такое нарушение субординации объяснялось критической обстановкой в столице, необходимостью принятия срочных мер. В целом же контроль со стороны Департамента сохранялся, о чем свидетельствуют сохранившиеся в ГАРФ материалы Особого отдела Департамента полиции и его переписки с Петербургским охранным отделением.

44

Г. Гапон не был секретным сотрудником Департамента полиции, хотя и вел переговоры с его представителями.

45

Имеется в виду Ксения Мартыновна Рачковская (урожд. Шерле).

46

Рачковский никогда не возглавлял Департамент полиции. На правах вице-директора он подписывал документы за директора Департамента после ухода 29 июня 1905 г. с этого поста С.Г. Коваленского. Новый директор, Н.П. Гарин, был назначен 19 июля 1905 г.

47

Союз русского народа — монархическая организация, существовавшая с ноября 1905 г по февраль 1917 г

48

П.Н. Милюков вспоминал, что «были в Думе <...> крестьяне, особенно боявшиеся начальства и не самоопределившиеся до конца. Правительство даже пыталось залучить их в особый пансион, которым за вело ваз некий [депутат от кадетов М.М.| Ерогин — и который получил насмешливую кличку “живопырни”» (Милюков П.Н Воспоминания. М., 1990. Т. 1 С. 364).

49

Имеется в виду обращение собравшейся 9 июля 1906 г. в Выборге группы депутатов 1-й Государственной думы к народу с протестом против роспуска Думы и с призывом сплотиться вокруг депутатов. См. примеч. 22 к воспоминаниям П.П. Заварзина «Работа тайной полиции».

Здесь: подтверждались.

51

Михрютка — неловкий, неуклюжий человек; на жандармском жаргоне так называли филеров, которые должны были не скрываться, а всячески демонстрировать преследуемому, что за ним наблюдают

52

В мае 1906 г. Б. Савинков был арестован в Севастополе при подготовке покушения на адмирала Чухнина, 16 июля, за два дня до суда, бежал из заключения.

53

Секретный отдел официально назывался Особым отделом Департамента полиции. Еремин был приглашен в этот отдел в 1906 г. в качестве руководителя одного из отделений этого отдела.

То есть два автомобиля

55

Имеется в виду Ольга Борисовна Столыпина (урожд. Нейдгардт).

56

По-видимому, имеется в виду II съезд эсеровской партии, проходивший в Финляндии в феврале 1907 г.

57

«Вестник Европы», основанный историком М М. Стасюлевичем, выходил в Петербурге с 1866 по 1918 г.

Ко времени этих переговоров Герасимова с Азефом тот уже фактически руководил Боевой организацией.

59

Имеется в виду «Рассказ о семи повешенных», впервые опубликованный в альманахе «Шиповник» (Кн. 5. СПб., 1908).

60

См воспоминания Бурцева о деле Азефа: Бурцев В В погоне за провокаторами. М„ 1991. С. 97-161.

61

Журнал «Общее дело» выходил в Париже в 1908—1909 гг.

Тем не менее огромное число писем Азефа, начиная с первого письма за апрель 1893 г с предложением услуг Департаменту и кончая письмом за июнь 1905 г Ратаеву, сохранилось в делах Департамента полиции (см.: Письма Азефа 1893— 1917 гг. М„ 1994).

63

А.И. Спиридович, возглавлявший тогда Киевское охранное отделение, вспоминал: «...явился ко мне на квартиру <...> один из моих сотрудников, по имени “Конек” и сообщил, что в местном комитете получена телеграмма, которая очень всех взволновала. Что, видимо, должен приехать кто-то очень важный. Чувствовалось, что “Конек” что-то недоговаривает <...> Гершуни — подумал я. Я перевел разговор на другую тему и попрощался с ним <...>. Участие “Конька” в аресте было скрыто для посторонних хорошо, но через несколько лет, благодаря Департаменту он был разоблачен и его обвинили в выдаче Гершуни. Это несправедливо. Гершуни он не выдавал и имени его не называл» (Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 123-129, 130).

64

Покушение на И.А. Думбадзе было совершено 26 февраля 1907 г.

65

Газета «Русское знамя», являвшаяся органом Союза русского народа, выходила с ноября 1905 г. по март 1917 г.

66

3 июня 1907 г., одновременно с роспуском 2-й Думы, был опубликован новый Избирательный закон, существенно уменьшивший долю выборщиков от крестьян и рабочих, а также от национальных окраин.

67

Указ 9 ноября 1906 г. имел название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». По этому Указу крестьяне получали право выхода из общины и укрепления земельного надела в частную собственность. При желании крестьянин, получивший надел, мог выйти из общины.

Дневники наружного наблюдения за Распутиным сохранились (ГАРФ. Ф. 63, 111).

69

См.: Записки А.А. Петрова: (К истории взрыва на Астраханской улице). Париж, 1910.

70

Бывшие турецкие провинции Босния и Герцеговина по решению Берлинского конгресса 1878 г. подлежали оккупации Австро-Венгрией; в октябре 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала их.

71

Оптация — выбор того или иного гражданства при переходе территории от одного государства к другому (когда национальность или место рождения позволяют сделать это).

Автор ошибается, Тайная розыскных дел канцелярия была создана при Петре 1 в 1718 г. При Бироне были расширены отделения тайной канцелярии, открыта Московская контора.

73

См. примеч. 2 к воспоминаниям А.П. Мартынова.

Автор ошибается. Отдельный корпус жандармов был создан практически одновременно с III отделением на основании «Положения о корпусе жандармов», утвержденного 28 апреля 1827 г.

75

В марте 1908 г. в составе Департамента полиции была создана новая структура — 8-е делопроизводство. Оно осуществляло наблюдение за деятельностью сыскных отделений, занималось составлением инструкций и правил, касающихся уголовносыскной деятельности, изданием розыскных циркуляров, сношениями с иностранными полицейскими учреждениями, организацией работы инструкторов и т.д.

В том случае, если губерния находилась на военном положении или положении чрезвычайной или усиленной охраны, дело передавалось в военно-окружной суд. Военный губернатор утверждал его решение.

77

В Регистрационном отделе хранилась картотека со всеми шифрами на лиц, проходивших по материалам Департамента полиции.

Практика не подтверждает этого. Как правило, директор Департамента полиции больше был связан с товарищем министра, заведующим полицией, и в меньшей степени с министром. Но в случае с назначением Васильева было именно так.

79

Судя по материалам Департамента полиции, после революции 1905—1907 гг. официально значилось около 700 агентов наружного наблюдения (их зачисляли на службу городовыми, переписчиками бумаг и т.д.). Некоторые начальники ГЖУ и охранных отделений зачисляли агентов на низшие вакантные должности. В провинциальных городах их было от 10 до 15 человек, в столицах — до 100. В Петербурге была еще охранная команда при Петербургском охранном отделении численностью около 200 человек, которых в случае крайней необходимости использовали в качестве агентов наблюдения.

80

См. примеч. 55 к воспоминаниям А.П. Мартынова.

81

Подробнее о Е.П. Медникове см.: Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928; Фомушкин А. Главный филер Российской империи. Е.П. Медников // Жандармы России. М., 2002. С. 420-426.

82

В конце 1911 г. в Константинополе из служащих судовых команд Черного моря был создан профессиональный Союз черноморских моряков. С января 1912 г. Союз издавал газету «Моряк». Несколько членов Союза принимали участие в Венской конференции (меньшевиков), организованной Л.Б. Троцким в августе 1912 г. Сведениями о руководстве Троцким Союзом черноморских моряков мы не располагаем.

83

См. примеч. 69 к воспоминаниям А.П. Мартынова.

С.В. Зубатов был инициатором введения антропометрических и дактилоскопических обследований по западному образцу. 31 января 1903 г. был издан циркуляр Департамента полиции, предусматривавший проведение подобной работы во всероссийском масштабе. В картотеке кроме фамилий арестованных и их фотографий имелись данные дактилоскопического обследования. Фотографирование же арестованных было введено еще циркуляром III отделения от 31 июля 1879 г.

В опубликованных материалах Чрезвычайной следственной комиссии имеются письменные показания Васильева, которые представляют большой интерес. Стоит привести заключительную часть этих показаний: «Теперь же я, повторяю, отрекся и оттого времени, и оттого режима. Вот почему я и обращаюсь с моим ходатайством. Я не могу больше тунеядствовать, бездельничать. Я хочу работать, трудиться. Усердно прошу Комиссию разрешить мне и оказать свое содействие вновь поступить на службу новому правительству по какому угодно ведомству и на какую угодно, самую незначительную должность, так как я хотел бы, чтобы и комиссия и новое правительство убедились бы воочию, что я — не ретроград, не реакционер, а убежденный ныне сторонник и нового правительства, и нового строя возродившейся родины, а также честный и трудолюбивый работник» (Падение царского режима. Л., 1925. Т. 1.С. 432).

86

П.Г. Курлов вспоминал, что «жандармские офицеры, обращавшие на себя внимание директора департамента, получали награды и повышались в чинах, обходя своих наиболее скромных товарищей, вне всяких установленных военными законами норм. Благодаря этому в корпусе жандармов начали выделяться так называемые розыскные офицеры, ставшие в неприязненные отношения к рядовым чинам корпуса. [Директор Департамента полиции] М.И. Трусевич измерял достоинство розыскных офицеров по количеству сообщенных ими сведений, забывая, что в известной местности революционное движение может совсем не существовать или проявляться в крайне слабой форме, чего, конечно, нельзя ставить в вину лицу, заведующему политическим розыском в такой местности. В этом направлении директора департамента полиции надо, по моему мнению, искать зачатки так называемой провокации. Я далек от мысли обвинять М.И. Трусевича, что он был ее творцом, но он, несомненно, был ее бессознательным попустителем, несмотря на грозные циркуляры о недопущении провокации» (Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 86—87).

87

По-видимому, имеется в виду генерал Леонид Николаевич Кременецкий. См.: Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 225—226.

88

Возможно, речь идет о полковнике Леониде Яковлевиче Горгопе, начальнике железнодорожного полицейского управления Китайской Восточной железной дороги.

89

После 1908 г. по договоренности Министерства юстиции и Министерства внутренних дел материалы, обнаруженные при обысках и представленные в суд в качестве вещественных доказательств, после окончания процесса пересылались в Департамент полиции. Печатный материал — листовки и брошюры — пополняли библиотеки охранных отделений и Департамента полиции. В ГАРФе на базе этих документов созданы два фонда: бывшая библиотека Департамента полиции (ф. 1741) и фонд вещественных доказательств (ф. 1167), насчитывающий более 23 000 единиц хранения.

90

В боевой группе, готовившей покушение на Николая II, был секретный сотрудник И.П. Кирюхин, служивший в охранном отделении с 1907 г. под кличкой Пермяк.

91

Полиция не подозревала о руководящей роли Азефа в Боевой организации. Кроме того, не было других агентов, которые могли бы сообщить сведения о нем полиции.

92

П.А. Столыпин произнес речь в Государственной думе по поводу дела Азефа 11 февраля 1909 г. См. ее текст в: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и в Государственном совете. 1906— 1911 гг. М., 1991.

Макаров в это время был товарищем министра внутренних дел.

Ср.: Курлов П.Г. Указ. соч. С. 125—127.

95

Император ехал в Полтаву, где шла подготовка к торжествам в связи с 200-ле-тием Полтавской битвы.

Убийцей А.М. Максимовского (15 ноября 1907 г.) была Е. Рогозинникова, член Летучего боевого отряда партии эсеров.

97

Ср. изложение этого эпизода у П.К. Курлова: Курлов П.К. Указ. соч. С. 89—91.

Судя по сохранившимся документам, Богров сообщил о готовящемся покушении на Л.А. Кассо и П.А. Столыпина. См.: ГАРФ. Ф. 271 («Делопроизводство сенаторов М.И. Трусевича и Н.В. Шульгина по рассмотрению действий должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Николая II в Киеве в 1911 г., по делу убийства министра внутренних дел П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. в Киеве»),

99

Столыпин был ранен вечером 1 сентября 1911 г. Умер он 5 сентября.

На основании выводов, сделанных Трусевичем, а также Следственной комиссией сенатора Шульгина, должны были быть привлечены к судебной ответственности, как совершившие должностное преступление, Н.Н. Кулябко, П.Г. Курлов, А.И. Спиридович, П.Т. Веригин.

101

Имеется в виду И.А. Зыбин, возглавлявший V отделение Особого отдела, занимавшееся перлюстрацией и расшифровкой писем.

VI и VII главы не носят мемуарного характера, поверхностны, тенденциозны и содержат немало неточностей. Они оставлены в книге, поскольку весьма выразительно характеризуют политические и идеологические взгляды Васильева.

103

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз) был создан на нелегальном съезде в Вильно в 1897 г. на основе социал-демократических еврейских кружков и организаций Вильно, Белостока, Варшавы, Витебска. Печатными органами Бунда были издания «Арбейтер штимме» («Голос рабочего»), «Идише арбейтер» («Еврейский рабочий»), «Вестник Бунда». Представители Бунда участвовали в подготовке и проведении I съезда РСДРП (1898), Бунд вошел в РСДРП как автономная организация в вопросах еврейского пролетариата. В 1921 г. Бунд самоликвидировался.

Это неверно. Правительство с 1807 г. создавало еврейские земледельческие поселения на Украине и в Новороссии, которые, несмотря на все трудности, действовали вполне успешно (см.: Никитин В.Н. Евреи-земледельцы. СПб., 1887).

105

Ср. основанное на богатом фактическом материале изложение иной точки зрения: Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827—1914. М., 2003.

106

См.: МиндлинА. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2. С. 81—103; Энгель В.В. Американский паспорт и русско-еврейский вопрос в конце XIX — начале XX века // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С 104-120.

107

В этот год сионистский конгресс не проводился, они проходили в 1903 г. (7-й) и в 1905 г. (8-й).

108

П.Г. Курлов вспоминал об этом случае: «Когда мне, в качестве помощника главного начальника Двинского военного округа по гражданской части, контрразведывательные отделения оказались подчиненными, я наткнулся на положительные курьезы <...>. Начальник контрразведывательного отделения доложил князю Туманову о целом заговоре, имевшем целью взрыв пороховых складов и важнейших мостов в округе. В это время я находился в служебной поездке, которую должен был прервать вследствие экстренного вызова в Вильно. Я застал главного начальника военного округа взволнованным, — он принял целый ряд чрезвычайных мер для охраны этих учреждений и просил меня разобраться в доложенных ему сведениях. На мой вопрос об источнике доклада начальник контрразведывательного отделения ответил, что получил сообщение от своего лучшего секретного сотрудника. Я потребовал назвать мне если не имя, то хотя кличку этого лица и, к моему ужасу, услышал псевдоним известного мне по прежней службе в Департаменте полиции, выгнанного за шантаж секретного агента, о котором было сделано циркулярное распоряжение не допускать ни в одно розыскное учреждение. Нечего говорить, что никакого заговора не оказалось и дело ограничилось удалением агента» (Курлов П.Г. Указ. соч. С. 181).

109

Ср.: Курлов П.Г. Указ. соч. С. 210.

«Вечернее время» (СПб., 1911—1917) — ежедневная газета.

111

Подробнее см.: Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. №4. С. 103-116.

112

Людовик XV заказал для своей фаворитки баснословно дорогое ожерелье, но умер, не успев его выкупить. Новый король отказался от приобретения ожерелья, но в 1785 г. обманным путем (со ссылкой на королеву, якобы пожелавшую втайне от супруга купить ожерелье) некая дама выманила ожерелье у ювелиров, и оно исчезло. Арестованная дама в качестве организатора аферы назвала графа Калиостро. Калиостро посадили в Бастилию и судили. Он не был осужден, но выслан из Парижа. Перед отъездом он проклял Бастилию и предсказал ей скорый конец. Эта история активно использовалась для агитации против королевской семьи.

113

Имеется в виду великая княгиня Анастасия Николаевна.

Наоборот (лат.).

115

В 1912 г. цесаревич был тяжело болен, и об этом было сообщение в газетах, но диагноз никогда не сообщался; о характере болезни стало известно только в 1917 г.

116

По версии самого Джунковского его увольнение было связано с кутежом Распутина в московском ресторане «Яр» в ночь с 26 на 27 марта 1915 г. Согласно полицейскому рапорту, «Распутин приехал уже выпивши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставляя плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашал к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя императрицы, говоря: “Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас”. Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила сама императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала <…>» (цит. по: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 553—554). Джунковский подготовил всеподданнейшую записку Николаю II о вреде, приносимом Распутиным стране и династии, и лично вручил ее царю 1 июня 1915 г. В результате 15 августа Н.Б. Щербатов вызвал к себе Джунковского и передал ему записку царя следующего содержания: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай» (цит. по: Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 633). Джунковский сразу же подал в отставку.

117

Судя по воспоминаниям Ф.Ф. Юсупова, именно он долго вынашивал план убийства Распутина. Он же привлек к этому великого князя Дмитрия Павловича, поручика Сухотина и Пуришкевича. См.: Юсупов Ф. Мемуары. М., 2001. С. 177— 178, 193-194.

118

Автор ошибается, великий князь Дмитрий Павлович не писал письмо императрице. Письмо, в котором отрицался факт убийства Распутина во дворце Юсупова, князь Юсупов написал и подписал сам

119

Имеется в виду А.Н. Лаптинская.

120

Подлинник письма хранится в фонде императрицы Александры Федоровны (ГАРФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 50. Л. 1-4).

121

Васильев приводит слова не Александры Федоровны, а Николая II, написанные им на письме великих князей и великих княгинь, обратившихся к императору с просьбой о смягчении участи великого князя Дмитрия Павловича.

122

Перехваченные телеграммы эти к великому князю Дмитрию Павловичу и княгине Юсуповой см.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 357. Л. 6—7.

123

Перлюстрационные кабинеты в это время работали очень активно, перехватывая все письма, направляемые в адрес Ф.Ф. Юсупова. В том числе и цитируемое письмо из Работки, Нижегородской губернии (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 357. Л. 87).

124

За быстрое расследование дела Распутина Васильеву была вынесена благодарность.

Приведем это письмо, датированное 29 декабря:

«Ваше императорское величество.

Мы, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича. Мы знаем, что он физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы, бывший его опекун и Верховный попечитель, знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, государь, и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше императорское величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском.

Вашему императорскому величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии; ввиду отсутствия жилищ, эпидемий и других бичей человечества пребывание там для великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего императорского величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были добры как отец.

Да внушит Господь Бог Вашему императорскому величеству переменить свое решение и положить гнев на милость.

Вашему императорскому величеству горячо преданные и сердечно любящие Ольга, Мария, Кирилл, Виктория, Борис, Андрей, Павел, Мария, Елизавета, Иоанн, Елена, Гавриил, Константин, Игорь, Николай Михайлович, Сергей Михайлович».

На этом письме резолюция Николая II: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

Николай».

126

Покушений было больше. Первое покушение было совершено 4 апреля 1866 г. Д.В. Каракозовым, затем 6 июня 1867 г. в Париже в Александра II стрелял Березовский; 2 апреля 1879 г. покушение совершил А. Соловьев; 19 ноября 1879 г. на подступах к Москве народовольцы взорвали свитский поезд, который обычно шел перед императорским, но в этот день шел сзади него.

127

Группа «Освобождение труда» — первая российская социал-демократическая организация, созданная в 1883 г. в Женеве, просуществовала 20 лет.

128

См. примеч. 86 к воспоминаниям Мартынова.

129

Школа для рабочих на итальянском острове Капри действовала в 1909 г., там преподавали А.А. Богданов, А.В. Луначарский, М. Горький, М.Н. Покровский и др.

130

По-видимому, речь идет об А.С. Романове, завербованном в качестве секретного сотрудника Московского охранного отделения.

131

См. примеч. 17 к воспоминаниям Заварзина «Жандармы и революция».

132

В ходе Англо-бурской войны 1899—1902 гг. бурские республики Южной Африки были превращены в английские колонии.

133

Имеется в виду В.В. Шульгин

134

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по Петроградскому гарнизону был принят 1 марта 1917 г с целью «демократизации» царской армии. Он был разработан специальной комиссией Совета под руководством ее председателя Н.Д. Соколова. Приказ узаконил самочинно возникшие солдатские комитеты в армии и установил, что воинские части во всех политических выступлениях подчиняются только Совету и выборным солдатским комитетам Приказ поставил солдат в равное положение с офицерами вне службы и строя, отменяя титулование Гучков в этот период был военным и морским министром 6 марта 1917 г. был издан приказ по военному ведомству № 115, подписанный А.И. Гучковым, в котором говорилось: «Установление нового государственного строя требует немедленного пересмотра всех законоположений, определявших доныне служебный и бытовой порядок жизни армии».

135

См. изложение этого эпизода в воспоминаниях самого Курлова Курлов П.Г. Указ. соч. С 235—236.

136

Реформа полиции была задумана еще в период революции 1905—1906 гг. В 1906 г. была создана особая междуведомственная комиссия под руководством товарища министра внутренних дел А.А. Макарова по реформе полиции. Предполагалось реформировать политическую полицию, Корпус жандармов, общую полицию. В 1912 г. проекты Комиссии сенатора Макарова, одобренные Советом министров и доработанные по полученным замечаниям, были отправлены в Государственную думу. Однако смена министров и товарищей министров, ответственных за полицию, тормозила дальнейшее обсуждение и продвижение проекта. Работа думской комиссии затянулась на многие годы. Только 26 сентября 1916 г. по инициативе Министерства внутренних дел в Совет министров был внесен законопроект об усилении полиции и увеличении присваиваемого ей содержания. 20 октября 1916 г. Николай II утвердил положение об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов (подробнее см.: Перегудова З.И. Несостоявшаяся реформа полиции // Политический сыск России. 1880-1917 гг. М., 2000. С. 351-366).

137

П.Г. Курлов вспоминал «разговор Государыни с вновь назначенным директором Департамента полиции А.Т. Васильевым, который он мне передал тотчас же после своего представления. И в этом разговоре с лицом, непосредственно руководящим делом полиции, а следовательно, и борьбы с антиправительственным движением, Императрица не останавливалась преимущественно на нем, но проявляла особую заботливость в отношении раненых офицеров, сказав А.Т. Васильеву следующие слова: “Моя просьба к вам относительно этих офицеров. Многие из них по роду своих ран и контузии не подходят к условиям военной службы, а между тем они, как пострадавшие за отечество и вполне дисциплинированные, могли бы быть полезными в полицейской службе. Вот почему желательно, в случае их просьбы, предоставлять им преимущественное право на эту службу”» (Курлов П. Г. Указ. соч. М., 1992. С. 29-30)

138

Речь идет о Е.В. Штюрмер.

139

Постоянный совет Объединенных дворянских обществ являлся исполнительным органом съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. Создан был в 1906 г. для организации съездов, исполнения их решений, для установления и развития связей с дворянскими обществами на местах, для поддержания контактов с государственными и правительственными учреждениями. Совет обладал некоторыми распорядительными функциями.

140

Имеется в виду фельетон А.В. Амфитеатрова («Этюды. VI») в газете «Русская воля» (22 января 1917 г.). Подробнее см. комментарий А.И. Рейтблата в: Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих М., 2004. Т. 2. С. 464-465

141

Центральный военно-промышленный комитет — общественная организация, созданная в мае 1915 г. по решению IX Всероссийского съезда представителей торговли и промышленности для содействия правительству в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия. Рабочая группа была создана в комитете в декабре 1915 г. для налаживания социального партнерства между рабочими и служащими предприятии комитета, правительством и предпринимателями; возглавлял ее К.А. Гвоздев

Подобная информация была и в других материалах Департамента, что впоследствии позволило комиссиям Временного правительства выявить секретную агентуру и служащих.

143

Речь идет о материалах 8-го делопроизводства, занимавшегося уголовным сыском Эти материалы практически целиком были уничтожены в дни Февральской революции. В Департаменте полиции существовали также две именные картотеки. Одна — общая на все структуры Департамента полиции, на всех лиц, проходивших по его делам. По этой картотеке проходили не только участники оппозиционного движения, криминальные элементы, но также и служащие в учреждениях политического сыска. Вторая картотека находилась в Особом отделе Департамента. Она была заведена на лиц, проходивших по «совершенно секретной» переписке. Основная часть именных карточек была заведена на секретных сотрудников. Обе картотеки сохранились и находятся в ГАРФ.

144

Подлинные экземпляры отречений Николая II и великого князя Михаила Александровича хранятся в ГАРФ (Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100).

145

См. дневниковые записи Г.А. Иванишина за 1917 г.: Записные книжки полковника Г А. Иванишина / Публ А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой. Н.С. Тихоновой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 536—552.

146

Речь идет о Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий бывших министров и прочих должностных лиц, созданной 4 марта 1917 г. при министре юстиции, который осуществлял функции генерал-прокурора. Во главе комиссии стоял председатель на правах товарища министра юстиции московский присяжный поверенный Н.К. Муравьев.

147

Прекращение связи Малиновского с Департаментом полиции было вызвано распоряжением не нового директора Департамента полиции В.А. Брюн де Сент-Ипполита, а нового товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, который считал деятельность Малиновского в Государственной думе провокационной.

148

Трусевич покинул пост директора Департамента в 1909 г. и в описываемое время был членом Государственного совета. Он не имел никакого отношения к Малиновскому, который был завербован в 1910 г.

149

См. протокол допроса Васильева 8 апреля: Падение царского режима. Л.; М., 1925. Т. 2. С. 24-26.

Большая часть заключенных, находившихся в распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии, была освобождена в августе—сентябре 1917 г., так как в это время комиссия практически закончила свою работу. Часть лиц была освобождена без предъявления каких-либо претензий, часть под подписку о невыезде, часть под залог. Под арестом оставались всего несколько человек.

151

«Русский дом» находился в парижском пригороде Льер. Он был основан в 1920-х гг. богатой англичанкой Дороти Пейжет (для престарелых русских эмигрантов) в своем имении. Пейжет была дружна с некоторыми известными русскими дворянскими семьями, любила русских и искренне стремилась помочь людям, оказавшимся в тяжелом положении. Недалеко от «Русского дома» находилось местное муниципальное кладбище Семетвер-де-Льер, которое более известно под другим названием — русское кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Административная высылка применялась к тем лицам, о которых были сведения об их революционной деятельности, но не было достаточных оснований для проведения дознания и передачи дела в судебные инстанции.

153

Охранные отделения были упразднены еще в 1913 г., оставались только Московское, Варшавское, Петербургское отделения, ликвидированные после Февральской революции.

Далее опущены три главы, не имеющие мемуарного характера и посвященные истории и характеру деятельности ЧК и ГПУ, а также положению в Советской России.